Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Зудов Юрий Валерьевич

Правовое регулирование отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научный консультант:
доктор юридических наук, доцент
Петюкова Оксана Николаевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……..... 4

Глава 1. Историографические, источниковедческие и теоретико-методологические основы исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

§ 1.1. Источниковая база исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. ……..... 37

§ 1.2. Отечественная и зарубежная историография правового регулирования государственно-религиозных отношений: основные направления и подходы ……..……..... 77

§ 1.3. Эвристический потенциал институциональных и неоинституциональных теорий в историко-правовом исследовании государственно-религиозных отношений ……..……..... 122

Глава 2. Нормативные и организационные основы правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

§ 2.1. Советское законодательство о культах и иные нормативные предписания в регулировании отношений Советского государства и Русской православной церкви ……..... 160

§ 2.2. Советские партийные и государственные органы в системе правового регулирования государственно-религиозных отношений: структура, функции и взаимодействие ……..……. 216

§ 2.3. Церковное (каноническое) право и формальные церковные установления как основа нормативной модели отношений Русской православной церкви с государством и обществом ……..... 257

§ 2.4. Организационное устройство и система управления Русской православной церкви как институциональные условия государственно-церковного взаимодействия ……..... 293

Глава 3. Правоприменительная практика в сфере государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

§ 3.1. Количественные и структурные параметры деятельности Русской православной церкви как индикаторы реализации правового режима государственно-религиозных отношений …..…..... 355

§ 3.2. Взаимоотношения государственных и церковных институтов в вопросах регистрации религиозных общин, распоряжения культовым имуществом и формирования кадрового состава Русской православной церкви ……..... 371

§ 3.3. Неформальные практики взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви в сфере государственно-религиозных отношений …….……. 446

§ 3.4. Институциональная модель правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. 485

Заключение ……..... 500

Библиография ……..... 504

Приложение 1. Фрагмент рапорта архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) патриарху Алексию I. 12 мая 1959 г. ……..... 605

Приложение 2. Таблицы и диаграммы 609

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

В фокусе исследования – формирование и функционирование механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений[1] в СССР в 1940-х –1980-х гг. и анализ особенностей правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности. Избранная тематика актуальна по ряду оснований академического и общественно-политического характера.

С *академической точки зрения* важность ее изучения продиктована следующими моментами.

Современное российское правовое регулирование общественных отношений в сфере осуществления свободы совести, деятельности религиозных объединений и взаимодействия государства с религиозными организациями во многом формировалось под влиянием исторического опыта, и прежде всего – советского политико-правового наследия. Несмотря на глубокую трансформацию государства после 1991 г., многие институциональные практики, концептуальные подходы и административные механизмы, возникшие в СССР, продолжают оказывать влияние на нормативное регулирование и правоприменение.

В отечественной историографии сформировалось устойчивое представление о наследовании организационной структуры, подходов к осуществлению кадровой политики советского и постсоветского периодов в области государственно-религиозных отношений. «Современный социально-политический облик Русской православной церкви (далее – РПЦ) сформирован советской и постсоветской эпохами», а церковь как социальный институт

[1] В отечественной науке также используются термины «отношения государства и религиозных объединений» и «государственно-конфессиональные отношения». В нашем исследовании эти термины синонимичны понятию «государственно-религиозные отношения» (раскрывается в разделе о терминологии). В более узком контексте, когда речь идет о Русской православной церкви, использован термин «государственно-церковные отношения».

является «осколком почти полностью разрушенной советской государственной машины», – замечает А. Солдатов[2]. Нынешняя «система управления религиозно-исторической традицией и культурным наследием церкви сложилась в советский период, претерпев существенные изменения, но оставшись в русле тысячелетней церковной традиции, выработанной РПЦ с опорой на канонические принципы церковного управления», – пишет О.В. Вольтер[3]. Избранная тематика позволяет продолжить научную дискуссию о «наследии прошлого» в современной политике и идеологии не только России, но и стран постсоветского пространства[4].

Таким образом, существует необходимость объективной оценки степени и значимости преемственности советских правовых (в том числе организационно-правовых) и квазиправовых[5] управленческих подходов к постсекулярным процессам в обществе в целом и религиозным организациям в частности.

Немаловажно и то, что ретроспективный анализ советской модели взаимодействия государства и религиозных объединений (прежде всего – Русской православной церкви как крупнейшей религиозной организации, существовавшей в советскую эпоху), позволяет выявить устойчивые, повторяющиеся правовые основания, механизмы системы государственного регулирования общественных отношений в сфере свободы совести. Поиск адекватных эпистемологических подходов к анализу государственно-религиозных отношений в советскую эпоху

---

[2] *Солдатов А.* Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 39–45.

[3] *Вольтер О.В.* Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 211–218.

[4] См., например, публикации сборника: Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М. : НЛО, 2023.

[5] Под «квазиправовыми» управленческими подходами в контексте данного исследования понимается властная практика подмены формальных источников права (законов и иных нормативных правовых актов) закрытыми ведомственными циркулярами, партийными директивами и административным усмотрением должностных лиц. Различаясь по юридической природе и не образуя единой системы формально опубликованных нормативных предписаний, они фактически выполняли функцию правового регулирования, устанавливая общеобязательные для религиозных объединений правила поведения.

создает основу для ответа на вопрос об исторической преемственности[6] или ее отсутствии, а также для определения места советских управленческих подходов в генезисе отечественной модели правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Избранная тема открывает широкие возможности и для пересмотра устоявшихся в историографии тезисов о механизме советского правового регулирования религиозной сферы.

В XX в. в западной советологии существовало представление о том, что советское право было несубъектным, так как целиком и полностью поглощалось политической системой и коммунистической идеологией. Сходными характеристиками часто описывается взаимодействие государственных и религиозных институтов: одни поглощали или просто уничтожали другие, РПЦ не являлась полноценным субъектом права и пр. Эта позиция перекликается с оценками советских правоведов и историков, которые не рассматривали церковь и ее внутренние установления как полноценную (и потенциально конкурентную) правовую систему. В итоге сохраняющееся у ряда современных исследователей представление об РПЦ советской эпохи только как об объекте внешнего влияния, не имевшем правовой агентности, является прямым продолжением советского атеистического и западного советологического дискурса. Однако наше исследование показывает, что подобные утверждения могут быть оспорены.

Изучаемая тема также проливает свет на природу легитимации различных политических режимов правовыми инструментами. В послевоенный период Советское государство, формально закрепляя конституционные гарантии свободы совести, параллельно создавало разветвленную систему административного регулирования и контроля, осуществляемого через Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров (Совете Министров) СССР (далее – Совет) и Совет по делам религиозных культов (в 1965 г. объединенные в Совет по делам религий при Совете Министров СССР).

[6] В неоинституциональной теории подобная зависимость от предшествующего исторического пути развития институтов именуется «эффектом колеи», «колеей зависимости» (path dependence).

Указанная дихотомия нормативного декларирования и реального административного регулирования имеет принципиальное значение для историко-правовой науки, а также политологических, антропологических исследований. Она наглядно демонстрирует механизм инструментализации права в политико-идеологических целях, при котором формируется специфический правовой режим, характеризующийся нивелированием публичного закона и размыванием границ между правовой нормой и ведомственным усмотрением.

Наконец, академический интерес также вызывает социокультурный аспект темы. Результаты исследования могут способствовать более взвешенному анализу специфики советской секулярной модели и динамики развития советского общества в целом. Как убедительно показали Джули Макбрайен и Виктория Смолкин, в советский период, в особенности после Великой Отечественной войны, религия в СССР была сконструирована в диалоге религиозных организаций и государства[7]. Исследование помогает изучить этот процесс с правовой точки зрения. Кроме того, в историографии и публичном поле нередко звучат утверждения, что современной десекуляризации в России мешают сильно укоренившиеся в общественном сознании светские нормы – во многом унаследованный из советского прошлого каркас правовой системы и сугубо светские нормы поведения, а также секулярные культурные образцы[8]. Диссертация, кроме прочего, показывает различные стороны процесса формирования специфической советской идентичности, советского правосознания той части граждан, которые считали себя верующими.

С *общественно-политической* точки зрения понимание текущих глобальных и локальных трендов развития религиозных организаций в системе социально-правовых взаимодействий «общество – государство –

---

[7] *Макбрайен Д*. От секуляризма к исламу. Религия в современном Кыргызстане / пер. с англ. М. Минеевой. СПб. : Библиороссика, 2023 ; *Смолкин В*. «Свято место пусто не бывает» : история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М. : НЛО, 2021.

[8] *Agadjanian* A. From Urban Landscape to National Culture : Russia’s Conspicuous Religious Simulacra and Enduring, if Fragile, Secularity // Social Compass. 2021. URL: https://doi.org/10.1177/0037768620985750 (дата обращения: 06.02.2026).

межгосударственные отношения» объективно невозможно без понимания предыстории государственно-религиозных отношений.

В российском обществе и научных кругах сегодня продолжается поиск разумного баланса между светскостью государства и обеспечением прав верующих на свободу совести и вероисповедания. В центре таких дискуссий – теоретическое обоснование наиболее адекватных и эффективных правовых форм взаимодействия государства, общества и религиозных объединений. Это – сугубо практическая проблема, связанная с обеспечением общественно-политической стабильности. В частности, споры вокруг земельно-имущественных отношений церкви, по вопросу преумножения символического капитала религиозных организаций и переопределения их места в современной системе внутри- и внешнеполитических координат заставляют думать о необходимости постоянного совершенствования организационно-правовых подходов в этой сфере.

Ретроспективный анализ советской модели позволяет выявить различные аналитические, практические подходы к определению допустимых границ вмешательства государства в религиозную сферу, дает важный материал для совершенствования современного законодательства о свободе совести и оптимизации правоприменения.

Научная проблема, на решение которой направлено исследование, – формирование особой модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. и анализ специфики правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности.

Русская православная церковь рассматривается в исследовании как сложный институциональный субъект, внутри которого и в деятельности которого складывался особый нормативный порядок, основанный на церковно-канонической традиции, официальных церковных установлениях и коллективных представлениях ее членов. Представляется, что РПЦ необходимо рассматривать как полноценный субъект системы правового регулирования, так как принимаемые государством различные нормативные правовые акты,

устанавливающие правовой статус церкви и особенности государственно-религиозных отношений, накладываясь на представления верующих о должном, далеко не всегда воспринимались последними как справедливые, а следовательно, могли напрямую или косвенно подвергаться сомнению (и даже опротестовываться).

Отношения Советского государства и Русской православной церкви, складывавшиеся в условиях асимметричного взаимодействия советского государственного правопорядка и внутрицерковного нормативного порядка и формировавшие особую нормативно-правовую среду, нуждаются в самостоятельном научном осмыслении.

Объектом исследования являются отношения Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг., урегулированные нормами советского законодательства и различными нормами неправового характера.

Предмет исследования – закрепленные в нормативных правовых актах и секретных приказах, инструкциях и указаниях формальные нормы и механизмы регулирования государственно-религиозных отношений, а также неформальные (неписаные) правила и практики, понимаемые как устойчиво повторяющиеся формы взаимодействия государства и Русской православной церкви, правила поведения, известные участникам этих общественных отношений и насаждающиеся вне официально санкционированных способов передачи информации (на примере нескольких сфер, наиболее значимых для выявления особенностей правового регулирования государственно-церковного взаимодействия в 1940-х – 1980-х гг.: регистрации религиозных общин, открытия (закрытия) храмов, особенностей кадровой политики РПЦ и профессиональной подготовки священнослужителей).

Выбор указанных сфер в качестве репрезентативной базы исследования обусловлен тем, что именно в них определялись пределы правоспособности и сама возможность легального существования церковных институтов, а также концентрировались наиболее конфликтогенные зоны государственно-религиозного взаимодействия. Вопросы регистрации общин и статуса храмов

определяли внешние институционально-имущественные рамки существования РПЦ, а вмешательство в кадровую политику и духовное образование выступало главным инструментом контроля государства над ее внутренней организацией и деятельностью. Именно в этих направлениях разрыв между формальными законодательными декларациями и массивом закрытых ведомственных актов и неписаных практик проявлялся наиболее отчетливо[9].

Цель исследования – определить содержание и характеристики институциональной модели правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в СССР в 1940-х – 1980-х гг. на основе анализа норм советского законодательства о культах и правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности и специфики институционального развития субъектов этих правоотношений.

Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

1) выявить характерные особенности источников правового регулирования государственно-религиозных отношений в период 1940-х – 1980-х гг., а также эвристический потенциал различных типов исторических источников неправового характера;

2) определить на основе изучения актуальных научных исследований правового регулирования отношений государства и религиозных объединений в России недостаточно исследованные аспекты указанных правоотношений, требующие дополнительного историко-правового анализа;

3) критически осмыслить имеющиеся методологические подходы к изучению правового регулирования государственно-религиозных отношений и

---

[9] Вопросы использования церкви как инструмента внешней политики государства (участие в экуменическом движении и борьбе за мир и т.д.), а также ее взаимодействия с русскими православными общинами за пределами СССР (РПЦЗ и др.) выходят за рамки нашего исследования, хотя в некоторых случаях могут быть использованы для характеристики тех или иных аспектов правоприменительной практики.
В диссертации также не рассматриваются вопросы материального положения церкви, советской экономической политики в отношении религиозных организаций ввиду ограниченности источниковой базы (закрытости документов Русской православной церкви по указанному вопросу).

определить, в какой степени они позволяют выявить историко-правовые особенности советской регуляторной системы;

4) обосновать необходимость применения нового методологического подхода (историко-правового неоинституционализма) и раскрыть его основные положения;

5) показать динамику развития советского законодательства, определившего нормативно-правовые основания взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви в период 1940-х – 1980-х гг.;

6) выявить особенности формирования организационно-правовой рамки государственной системы регулирования данной сферы в 1940-х – 1980-х гг.;

7) определить содержание внутренних формальных правил (ограничений), свойственных Русской православной церкви как субъекту государственно-религиозных правоотношений, отраженных в церковных канонах, вероучительных и церковно-административных документах, касающихся отношения к государству и обществу;

8) охарактеризовать специфику внутреннего устройства Русской православной церкви как сложного институционального субъекта, включающего различные иерархические и организационные уровни;

9) обобщить практику применения советского законодательства о культах в 1940-х – 1980-х гг. в отношении регистрации церковных общин, предоставления им молитвенных помещений, осуществления церковной кадровой политики и подготовки духовенства;

10) проанализировать ключевые характеристики институциональной модели правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви.

Научная гипотеза состоит в том, что для государственно-церковных отношений в СССР 1940-х – 1980-х гг. была характерна особая модель правового регулирования, возникшая в результате взаимодействия советской политико-правовой системы и внутрицерковного нормативного порядка. Данной модели были присущи, с одной стороны, универсальные для всей советской правовой

системы характеристики (разрыв между декларируемыми и реально действовавшими правовыми нормами, рамочность и прерогативность регулирования, значительная роль неформальных правил и практик и пр.), с другой – специфические черты (взаимодействие советского государственного правопорядка и внутрицерковного нормативного порядка РПЦ при безусловном приоритете государственного права). Подобная архитектура советской правовой модели определяла особенности правоприменительной деятельности государственных акторов и заметно влияла на специфику правосознания и правовых стратегий, использовавшихся верующими и РПЦ как институтом.

Отдельно необходимо оговорить используемый в работе **терминологический аппарат**. В нашем исследовании правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. мы в некоторых случаях будем выходить за пределы устоявшейся в историко-правовой науке терминологии (там, где это имеет эвристическое значение).

За методологическую основу исследования будет взят ряд положений правового институционализма и других институциональных теорий, которые также используют достижения смежных наук и нередко вводят в юридический контекст соответствующие термины. На основе синтеза этих теоретических наработок будет представлен авторский подход к изучению государственно-религиозных отношений, учитывающий их специфику. Для соблюдения логического закона тождества и во избежание различных трактовок базовых теоретических понятий в ходе дальнейшего изложения мы считаем необходимым зафиксировать их содержание применительно к специфике решаемой научной проблемы, объекту, предмету, цели и задачам настоящего исследования.

При анализе государственно-религиозных отношений в исследовании будут использоваться следующие понятия:

– *предмет правового регулирования* государственно-религиозных отношений – совокупность общественных отношений, складывавшихся в СССР в 1940-х – 1980-х гг., связанных с осуществлением свободы совести и вероисповедания;

правовым статусом религиозных объединений и их органов; распределением полномочий партийных и советских органов власти и религиозных организаций; владением, пользованием и распоряжением имуществом религиозного назначения и иными материальными благами, связанными с религиозной сферой;

– *объект правового регулирования* государственно-религиозных отношений – поведение участников указанных отношений, подлежащее упорядочению посредством юридических норм, а также обусловленные этим поведением юридически значимые последствия, выражающиеся в возникновении, изменении, прекращении правового статуса, субъективных прав и юридических обязанностей, в конкретные исторические периоды развития советской религиозной политики;

– *субъекты правового регулирования* государственно-религиозных отношений в рассматриваемый исторический период – Советское государство в лице союзных, республиканских и местных органов власти, партийных органов, специализированных органов по делам религий, а также Русская православная церковь как институт, обладающий правоспособностью в установленных законодательством пределах, а также внутренней структурой, определяемой нормами церковного права;

– *формальные правила* – советские конституции, законы и другие нормативные правовые акты, решения, указания и инструкции партийных и советских органов, которые являются основой регламентации государственно-религиозных отношений, а также церковные тексты и документы (Священное Писание, правила вселенских и поместных церковных соборов, церковных канонистов и др.), являющиеся авторитетными источниками внутрицерковных установлений, выраженные в письменной форме и доводимые до адресатов через официальные каналы взаимодействия;

– *формальные практики* – способы реализации участниками правоотношений установленных формальных правил через официальные каналы и санкции за их неисполнение: правоприменительная деятельность органов государственной власти (в том числе выраженная в соответствующих актах), а

также каноническая и церковно-административная деятельность органов церковного управления;

– *неформальные правила* – принятые в обществе или отдельной социальной группе, обычно неписаные, правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов, но хорошо известные субъектам социальных взаимодействий (в том числе, например, коллективные представления социальной группы о действующих «правилах игры»);

– *неформальные практики* – способы поведения заинтересованных субъектов государственно-религиозного взаимодействия, направленные на реализацию неформальных правил и (или) обход установленных ограничений в целях расширения пространства дозволенного;

– *институт* в настоящей работе понимается в двух взаимосвязанных значениях. Во-первых, как совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих общественные отношения в соответствующей сфере, которые возникают через некоторую легитимную с точки зрения социальной группы процедуру, управляют и сдерживают поведение индивидов (соответствует понятиям «институт-установление» Нила Маккормика, «правила игры» Дугласа Норта). Во-вторых, как организация, совокупность государственных и (или) общественных органов, объединенных: а) руководящей идеей и (или) общей целью; б) установлениями, процедурами и практиками, обеспечивающими реализацию этих норм и баланс интересов; в) наличием централизованной и суверенной власти, полномочия которой упорядочены статутом. В нашем случае речь идет о государстве как иерархически выстроенной «организации организаций» (совокупности различных партийных и советских органов) и институте Русской православной церкви, который также может быть понят как «организация организаций»;

– *государственно-религиозные отношения* – социально-правовой порядок взаимодействия государственных и религиозных институтов, опирающийся на набор используемых и (или) декларируемых формальных и неформальных

правил, а также на коллективные представления самих институтов и составляющих их индивидов о себе и окружающем мире;

– *правовое регулирование государственно-религиозных отношений* – это осуществляемое государством упорядоченное воздействие на взаимоотношения государственных и религиозных институтов с помощью специальных юридических средств (норм, актов, правоотношений), направленное на стабилизацию поведения индивидов, удовлетворение общих и частных интересов, а также обеспечение законности (формально-юридический уровень регулирования). Одновременно оно включает в себя фактический порядок регулирования – сложившуюся практику интерпретации и реализации формальных норм, а также неформальные правила и практики, коллективные представления участников взаимодействия о нормах поведения акторов (институтов и их представителей), которые определяют реальное функционирование правового режима.

Данное понятие рассматривается нами не в узкопозитивистском смысле: правовые акты разного уровня мы понимаем как нормативный компонент более широкой системы регулирования, включающей сложившиеся практики и ценностные установки участников отношений, которые влияют на реализацию юридических предписаний de jure и de facto. Уровень правосознания и ценностные ориентиры участников также задают границы допустимого вмешательства государства в религиозную сферу и имеют значение при выборе моделей поведения в условиях действия одних и тех же норм. Поэтому в рамках исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений принципиально важно анализировать всю регуляторную систему в целом, не сводя ее лишь к изучению нормативно-правовой и правоприменительной составляющих. Это позволяет выявить устойчивые практики, не всегда прямо выраженные в текстах правовых норм, но оказывающие непосредственное влияние на правоотношения;

– *механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений* – система взаимосвязанных юридических средств и процедур (норм,

юридических фактов, правоотношений, актов реализации и применения права), а также примыкающих к ним стимулирующих, ограничительных и информационных средств, с помощью которых государство осуществляет упорядоченное воздействие на государственно-религиозные отношения[10]. В рамках нашего подхода мы рассматриваем этот механизм как сложную институциональную систему, ядром которой выступает классическая совокупность формальных юридических средств, однако их фактическое действие, направленность и результативность обеспечиваются и корректируются через организационные структуры взаимодействующих сторон, неформальные правила и когнитивные установки акторов, образующие с формальным правом единый регуляторный комплекс.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период 1940-х – 1980-х гг. Нижняя граница обусловлена установившейся в историко-правовой и исторической науках периодизацией правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. В 1943 г. по решению И.В. Сталина была официально воссоздана структура Русской православной церкви, восстановлено патриаршество, определены идеологические рамки, основные принципы и новые механизмы взаимодействия государства и церкви, которые продолжали действовать вплоть до распада Советского Союза.

Будет справедливо указать, что предпосылки изменения вектора государственной политики в отношении религиозных объединений появились задолго до знаменитой встречи И.В. Сталина с церковным руководством 4 сентября 1943 г. В связи с этим, а также с учетом частичной преемственности советских законодательных норм (продолжал действовать ряд важных законов в этой области, принятых еще в конце 1920-х гг.) и наследовании церковно-канонических установлений, в отдельных частях исследования появляется необходимость обращения к более ранним этапам развития государственно-церковных отношений.

---

[10] *Алексеев С.С.* Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. С. 216.

Верхняя граница хронологических рамок связана с начавшимся в период перестройки разворотом государственной политики по отношению к религии. Знаковым событием этого времени стало всесоюзное празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г., а в 1990 г. были приняты Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»[11] и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»[12], провозгласившие и закрепившие на практике нормы о свободе совести и свободе вероисповедания, а также определившие правовой статус религиозных объединений и наделившие их правоспособностью юридического лица. В результате был упразднен Совет по делам религий при Совете Министров СССР, а советская система правового регулирования государственно-религиозных отношений прекратила свое существование. Отметим, что процесс «религиозного возрождения» в работе предметно не рассматривается.

При этом нельзя рассматривать политику в сфере регулирования государственно-религиозных отношений в СССР после 1943 г. как нечто единое. Отношения государства и церкви развивались и изменялись, включая как периоды особого интереса государства к идеологической и политической роли православия (начало анализируемого периода), так и обострения противоречий (например, политика Н.С. Хрущева) и относительного затишья в противостоянии государства и религии (эпоха Л.И. Брежнева).

Территориальные рамки исследования включают республики СССР, являвшиеся канонической территорией Русской православной церкви и местами наибольшей распространенности православия (преимущественно, территорию РСФСР; в отдельных необходимых случаях мы будем также обращаться к опыту Украинской, Белорусской СССР и некоторых других республик)[13]. При анализе республиканского уровня правового регулирования сферы государственно-

---

[11] О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

[12] О свободе вероисповеданий : Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

[13] В нашем исследовании мы не описываем, например, положение православия в Грузии как территории автокефальной (независимой) Грузинской православной церкви.

религиозных отношений, как правило, приводятся нормативные правовые акты РСФСР. Следует иметь в виду, что для республиканского регулирования вопросов религии и правоприменительной практики характерно наличие региональных особенностей, в частности, связанных с влиянием политических, культурных и этнорелигиозных факторов, – они также отдельно исследуются в тексте работы.

Степени изученности вопроса (краткая историография). Исследование правового регулирования государственно-религиозных отношений, характер режима светскости и роль религии в российской истории и современной России является одной из важных тем в научном дискурсе. Подробный анализ имеющихся научных работ представлен в параграфе 1.2 настоящего исследования.

В соответствии с логикой диссертационного исследования мы выделим несколько основных блоков в массиве имеющейся научной литературы.

Первое направление образуют историко-правовые исследования, посвященные эволюции государственно-религиозных отношений в России, развитию законодательства о свободе совести и статусу религиозных организаций. Фундаментальный вклад в эту область внесли, в частности, А.А. Дорская, И.А. Исаев, А.М. Осавелюк, Д.А. Пашенцев, О.Н. Петюкова, С.А. Салтыкова, А.А. Сафонов, И.А. Шершнева-Цитульская. В большинстве этих работ детально описана проблематика отношений государства и церкви в различные дореволюционные периоды, небольшое количество исследований освещает особенности правового регулирования непосредственно после революции 1917 г. Однако комплексные историко-правовые исследования советской модели регулирования периода после Великой Отечественной войны в отечественной юриспруденции практически отсутствуют.

Второе направление – работы, посвященные изучению особенностей советской правовой системы и специфики советской управленческой модели. Здесь необходимо отметить различие в подходах советских и зарубежных исследователей. Советские авторы, как правило, в строгом позитивистском ключе излагали особенности построения системы правового регулирования,

анализировали иерархию нормативных актов и отраслевое законодательство (напр., С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Ю.А. Тихомиров, Б.М. Лазарев, А.П. Лукьянов). В свою очередь, зарубежные авторы (Г. Гилл, Ю. Хаски, П. Соломон, Н. Петро, Д. Лебер, Дж. Патон, Д. Вовк, Д. Моял) обращали внимание на скрытые механизмы принятия политических решений, влияние партийных органов, секретность законотворчества и прерогативное право. Для целей настоящей работы принципиально важно учитывать наработки и тех и других авторов.

Третье направление составляют исследования, посвященные развитию православного церковного (канонического) права. В этой группе большое методологическое значение имеют дореволюционные работы российских ученых-правоведов, заложивших основы науки о церковном праве (Н.С. Суворов, А.С. Павлов, П.А. Лашкарев, Н.А. Заозерский, И.С. Бердников). В трудах современных специалистов (М.Ю. Варьяс, Е.В. Белякова, прот. В. Цыпин) продолжается осмысление православных канонов. При этом слабым местом данной подгруппы является практически полное отсутствие рефлексии в отношении принципов взаимодействия церкви со светским, нерелигиозным государством. Впрочем, это объясняется не столько невниманием авторов к данным вопросам, сколько отсутствием соответствующих прецедентов в истории Русской православной церкви.

Четвертое направление исследований носит междисциплинарный характер и состоит из двух взаимосвязанных пластов. Историко-фактологическая база государственно-религиозных отношений в России разработана в трудах ведущих российских и зарубежных историков, как светских, так и православных (Д.В. Поспеловский, М.И. Одинцов, М.В. Шкаровский, О.Ю. Васильева, А.Л. Беглов, Т.А. Чумаченко, Н.А. Белякова, специалисты Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета). Количество этих работ достаточно велико, однако большинство из них не используют методы институционального анализа, оставаясь в русле нарративного подхода. В свою очередь, исследования неформальной стороны правоотношений, взаимодействия правовых и неправовых

способов регулирования (Г. Хелмке и С. Левицки, А. Леденева, Дж. Бурбанк, Р. Беккин) в подавляющем большинстве относятся к области социологии и политологии. Упомянутые работы практически не касаются специфики государственно-религиозных отношений, однако их теоретические подходы могут быть успешно адаптированы для целей историко-правового исследования.

Таким образом, несмотря на значительный массив российской и зарубежной научной литературы, многие составляющие проблематики правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви остаются вне фокуса внимания исследователей. Комплексный историко-правовой подход, который позволил бы концептуально объединить изучение формальных юридических предписаний (нормативно-правовой базы), соответствующих норм церковного (канонического) права и неформальных правил и практик государственно-религиозных отношений в единый институциональный механизм, реализован не был. Настоящая работа призвана восполнить этот научный пробел.

Общая характеристика источников исследования (подробнее см. в § 1.1). Настоящее исследование построено на нескольких группах источников, выделенных нами в соответствии с поставленной целью и задачами. Учитывая историко-правовой предмет исследования, фундаментальную основу источниковой базы образуют собственно источники правового регулирования государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг., определявшие формальные рамки взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви. Вместе с тем для выявления механизма фактического действия этих норм (институциональной практики) в источниковую базу включены материалы правоприменительной практики, православного церковного (канонического) права и источники личного происхождения.

В соответствии с нашей методологической концепцией весь массив источников разделен на две большие группы: источники формальных правил и практик государственно-религиозных правоотношений и источники, отражающие практическую и неформальную стороны этого взаимодействия.

Первую группу составляют нормативные правовые акты, архивные материалы правоприменительной практики, а также отдельные положения церковного права и официальные документы Русской православной церкви. Это, в том числе:

а) источники государственного правового регулирования – положения Конституций СССР 1936 и 1977 гг., нормативные правовые акты, принятые высшими союзными партийными и советскими органами, а также республиканскими органами государственной власти;

б) ведомственные и партийные акты – делопроизводственные документы Совета по делам Русской православной церкви (религий) при Совете Министров СССР, в том числе инструкции и указания в адрес уполномоченных Совета на местах, докладные записки и отчеты в вышестоящие государственные и партийные инстанции;

в) материалы государственных архивов (источники правоприменительной практики) – не опубликованные в советское время нормативные, распорядительные и правоприменительные акты, инструкции и указания (как правило, засекреченные или имевшие ограничительную пометку), извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в первую очередь – материалы Совета по делам религий (фонд № Р-6991). Особую ценность для реконструкции правотворческого процесса и анализа коллизий союзного и республиканского законодательства о культах представляют материалы Юридической комиссии при Совете Министров СССР (ГАРФ, фонд № Р-9514), связанные с процедурой согласования Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. (Оп. 1. Д. 170), впервые вводимые нами в научный оборот. Следует отметить, что немалая часть архивных документов рассматриваемого периода до настоящего времени не рассекречена.

Используются и опубликованные исследователями материалы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и региональных архивов;

г) источники церковного (канонического) права и документы делопроизводства РПЦ. Сюда же относятся публикации общецерковного периодического издания – «Журнала Московской патриархии» (возобновлен в 1943 г.), дающие представление о направлениях официальной церковной мысли советского периода.

Ограничение исследования правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви лишь государственно-правовой рамкой представляется недостаточным в силу специфики религиозных организаций как институциональных акторов, которые в первую очередь исходят из «идеальных» представлений о месте церкви в государстве и обществе, почерпнутых из богословской и канонической традиции. Эти представления формируют особую когнитивную рамку церковного сознания (по М. Дуглас), через которую интерпретируются нормы государственного права. Поэтому положения канонического права и церковно-административные документы выступают важным источником историко-правового исследования государственно-религиозных отношений.

Вторая группа – источники, привлекаемые для выявления действовавших в рассматриваемый период конкретных правоприменительных практик, неформальных правил и практик государственно-религиозного взаимодействия, а также для исследования специфики правосознания субъектов этих отношений.

Для их изучения, прежде всего, сосредоточимся на конфликтных кейсах, в которых наиболее ярко проявлялся разрыв между нормативным и фактическим, становилось очевидным отклонение от нормативности, выявлялись трудности с реализацией законов. Конфликты по поводу регистрации, передачи имущества, кадровых назначений и пр. нашли свое отражение в делопроизводственной документации советов и уполномоченных на местах[14]. Подобные материалы дают нам возможность увидеть проблемные аспекты правоприменительной практики.

---

[14] «Русская православная церковь стала на правильный путь» : докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 139–148 ; № 4. С. 90–112 ; «Прошу Ваших указаний» : докладные записки председателя Совета по делам Русской

Особую ценность для исследования имеют различные обращения и жалобы духовенства и верующих, описывающие случаи применения законодательства о культах, в которых авторы видели нарушения или злоупотребления со стороны местных органов власти. Эти обращения могли направляться как в вышестоящие советские и партийные органы («письма во власть»), так и на имя патриарха. Обращения верующих представляют интерес для исследователя, поскольку являются показателем правосознания граждан, свидетельствуют о попытках использовать легальные механизмы защиты своих конституционных прав[15].

Кроме того, обозначенный нами в исследовании акцент на коллективных представлениях (как неотъемлемой части правосознания) требует привлечения источников личного характера – мемуаров, воспоминаний, биографической литературы, в которых описываются интересующие нас аспекты правоприменения и восприятие особенностей государственно-религиозных отношений непосредственными участниками событий. В контексте историко-правового исследования эти материалы используются для выявления скрытых механизмов взаимодействия государства и института РПЦ, складывавшейся практики бюрократического администрирования и институциональных стратегий (способов) обхода установленных ограничений.

православной церкви Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 2000. № 2. С. 153–186 ; Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого) : сб. док. [Симферополь] : Новая Орианда, 2010 ; Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953) : сборник материалов и документов / под ред. А.И. Савина, Д.Г. Симонова, прот. И. Затолокина. Новосибирск, 2023 ; *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…» Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарцева. 2 февраля 1977 г. // Россия и современный мир. 2019. № 3 (104). С. 130–156 и др.

[15] Множество обращений содержится в указанном фонде № Р-6991 ГАРФ. Большую эвристическую ценность имеет опубликованная переписка патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) с Советом по делам РПЦ: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970-е гг. В 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. М. : РОССПЭН, 2008–2009. Подробнее об источниках изучения советской неформальности в этой сфере см.: *Зудов Ю.В.* Воспоминания священнослужителей и мирян Русской православной церкви в контексте историко-правового исследования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг. // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 5. С. 14–21.

Взятые в совокупности, эти источники позволяют реконструировать институциональную архитектуру советской модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг., а также оценить степень влияния неправовых механизмов на правоприменительную практику.

Методология исследования.

Проведенный анализ имеющейся источниковой базы и научной литературы показал, что, в силу специфики самой темы религии (непосредственно связанной с личной самоидентификацией индивидов, а также с коллективными установками, присущими сообществам верующих и оказывающими существенное влияние на их правосознание), для всестороннего исследования проблематики правового регулирования государственно-религиозных отношений в исторической ретроспективе недостаточно рассматривать право лишь в русле подхода «юридического позитивизма», который сводит право к системе общеобязательных норм, выраженных в законах и иных нормативных правовых актах, а также других признаваемых государством источниках, и который в его предельном выражении В.Д. Зорькин называл «волюнтаристской трактовкой права»[16].

Для преодоления существующих эпистемологических ограничений нами был разработан, теоретически обоснован и апробирован новый методологический подход для изучения вопросов правового регулирования государственно-религиозных отношений – историко-правовой неоинституционализм.

Концепция остается в рамках историко-правового подхода, сохраняя фокус на анализе правового регулирования государственно-религиозных отношений, но расширяет методологический инструментарий для более глубокого понимания механизмов формирования, функционирования и эволюции правовых норм в их историческом и институциональном контексте. Она интегрирует классический

---

[16] *Зорькин В.Д.* Юридический позитивизм // История правовых и политических учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1983. С. 495. Д.А. Пашенцев подчеркивает необходимость обогащения методологического арсенала историко-правовой науки: многие современные научные проблемы имеют комплексный характер и не могут быть исследованы исключительно в рамках одного узкого научного направления (*Пашенцев Д.А*. Историко-правовая наука : поиск новой методологии : монография. М. : ИНФРА-М, 2026. С. 4, 40).

институционализм Мориса Ориу (Maurice Hauriou, 1856–1929) и Санти Романо (Santi Romano, 1875–1947), неоинституциональную теорию права Нила Маккормика (Neil MacCormick, 1941–2009) и Оты Вайнбергера (Ota Weinberger, 1919–2009), экономический неоинституционализм Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015) и антропологический институциональный анализ Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007).

Подход направлен на преодоление ограничений существующих историографических традиций для того, чтобы изучить не только нормативные, но и фактические параметры взаимодействия государственных и религиозных институтов.

В рамках предложенного подхода право рассматривается как многоаспектное явление, внутри которого общественные отношения регулируются не только нормативными правовыми актами государственных органов, но и нормами социального порядка, убеждениями, коллективными представлениями и т.д. Эта оговорка особенно важна для советской правовой системы, в которой первостепенную роль в формировании правовой политики играли указания и решения ЦК КПСС. Церковное право также необходимо воспринимать не только в контексте социальной реальности, рациональной мотивации верующих и религиозных институтов (профанное), но и в плоскости представлений об идеальном, почерпнутых из церковной традиции (сакральное). Неоспоримо, что религиозные институты являются обладателями символического ресурса, базирующегося на вере, убеждениях, традиции, специфическом церковном правосознании и восприятии себя и окружающего мира через призму веры, сакральных авторитетов.

Мы рассматриваем субъектов государственно-религиозных правоотношений как полноценных участников системы правового регулирования, способных влиять не только на правоприменительную практику, но и на создание новых норм и правил.

В основе предложенной методологии лежит анализ взаимодействия государства и религии на трех взаимосвязанных уровнях: формально-

юридическом, организационном и культурно-когнитивном. Государственно-религиозные отношения описываются как упорядоченная система социальных и институциональных взаимодействий, формируемая деятельностью институтов и организаций, которая основана на формальных и неформальных нормах и правилах и коллективном восприятии себя и мира этими институтами и верующими. Помимо тщательного изучения формальных правовых норм, методология подразумевает анализ практики правоприменения с учетом неформальных правил и практик, норм церковного канонического права, коллективных представлений верующих, советских граждан и бюрократии, а также социальных практик, определяющих фактические параметры государственно-религиозных отношений.

Подход представляет собой комплексную аналитическую модель, объясняющую, каким образом правовые нормы, организационные стратегии и когнитивные установки государственных и религиозных институтов, переплетаясь, конструируют динамичный механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Важной аналитической оптикой внутри историко-правового неоинституционализма является концепция правового плюрализма в изложении Брайана Таманахи (Brian Z. Tamanaha). Американский ученый выделяет шесть основных форм нормативного регулирования, которые могут одновременно присутствовать в обществе. Среди них – «официальные правовые системы», «обычные/культурные» и «религиозные/культурные» нормативные системы и ряд других[17]. Поскольку каждый из источников нормативного регулирования претендует на обладание обязывающей силой и определенный контроль над индивидами, между ними происходят столкновения[18].

---

[17] *Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма : от прошлого к настоящему, от локального к глобальному / пер. с англ. В.М. Куприянова // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов. М. : Статут, 2014. С. 145–184.

[18] Для минимизации конфликтности государство использует несколько стратегий: 1) агрессивное подавление конкурирующих институтов; 2) поглощение (существование конкурирующей системы признается, система включается в государственную иерархию и ей даже может оказываться административная, финансовая или иная поддержка в качестве стимула

Идеи Б. Таманахи, тесно перекликаясь с авторским методологическим подходом, дают аналитический инструментарий для объяснения, почему формальные юридические запреты не работали или работали не в полную силу, а также позволяют описать государственно-религиозные отношения в СССР как поле постоянной асимметричной борьбы двух равноправных с точки зрения социального действия нормативных систем, где каждая претендует на высшую обязательность.

Подробное описание предлагаемой методологической рамки представлено в § 1.3 нашего исследования.

Методы исследования. Среди использованных методов диссертационного исследования – общенаучные, общеюридические и частнонаучные методы. Исследование основывается на принципах историзма и научной объективности. Принцип историзма позволил изучить систему правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в ее развитии с учетом всех взаимосвязей и взаимодействий с другими объектами и структурами; например, выявить эволюцию правовых институтов от периода формирования системы в 1940-х – 1950-х гг. (через этап ужесточения антирелигиозной политики конца 1950-х – первой половины 1960-х гг.) к дальнейшей относительной стабилизации курса.

Следование принципу научной объективности явилось важным условием адекватного познания природы объекта и предмета исследования, подразумевающего стремление к непредвзятым выводам и оценкам событий прошлого, свободным от идеологических клише советского атеистического дискурса или апологетики со стороны церковных авторов.

Наряду с общенаучными методами индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации применялись специальные методы исторического и правового познания.

для подчинения); 3) установление контроля при фактическом попустительстве (такая реакция возникает, когда государство осознает недостаточность сил для реального подавления глубоко укорененной конкурирующей нормативной системы) (*Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма. С. 172–176).

Проблемно-хронологический метод использовался для периодизации правового регулирования государственно-религиозных отношений, позволив выделить его основные этапы и проследить трансформацию формальных и неформальных институтов на каждом из них.

Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления различных моделей государственно-религиозных отношений внутри СССР (региональные практики правоприменения), а также для анализа динамики отношений государства и РПЦ на разных исторических этапах.

Системно-структурный метод был задействован для исследования системы правового регулирования как многоуровневого комплекса формальных норм (законодательство, подзаконные акты, инструкции) и неформальных институциональных правил (практики уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, механизмы контроля, негласные директивы).

В ряду специальных юридических методов ключевую роль играл формально-юридический (догматический) метод, позволивший провести детальный анализ нормативных правовых актов – как опубликованных (Конституции СССР 1936 и 1977 гг., правительственные акты и т.д.), так и не публиковавшихся документов ограниченного пользования, выявленных в архивах (инструкции, директивы, служебные письма).

Историко-правовой метод использовался для изучения генезиса институтов государственно-религиозных отношений, анализа преемственности и разрывов в правовом регулировании от дореволюционного периода через раннесоветскую эпоху к периоду 1940-х – 1980-х гг.

Метод архивной эвристики составил основу источниковой базы работы: изучение фондов Государственного архива Российской Федерации (прежде всего фонд Р-6991 – Совет по делам РПЦ и др.) позволило реконструировать реальные механизмы правоприменения, выявить расхождения между de jure и de facto в правовом регулировании.

Институциональный анализ, базирующийся на авторской методологии историко-правового неоинституционализма, применялся для изучения взаимодействия формальных и неформальных институтов в формировании правовых практик, выявления когнитивных рамок акторов государственно-религиозных отношений.

В ряду частнонаучных методов изучения проблем истории государства и права значение для работы имел конкретно-социологический метод познания как метод, позволяющий подвергнуть историко-правовому анализу общественные явления, нередко остающиеся за пределами внимания ученых: реальные практики верующих, церковной иерархии и представителей государственных органов, механизмы неформального взаимодействия, адаптационные стратегии религиозных организаций в условиях правовых ограничений.

Документально-иллюстративный метод применялся для введения в научный оборот архивных документов, мемуаров, материалов периодической печати, позволяя реконструировать живую ткань правоотношений.

Комплексное применение указанных методов в рамках авторской методологической концепции историко-правового неоинституционализма обеспечило всесторонний анализ правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в период 1940-х – 1980-х гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе комплексного анализа нормативных правовых актов советского законодательства о культах, секретных актов и делопроизводственных материалов государственных органов, а также выявленных в ходе исследования неформальных правил и практик взаимодействия государства и Русской православной церкви впервые реконструируется механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. как единая регуляторная система.

Как правило, исторические работы, посвященные изучению государственно-религиозных отношений в СССР, рассматривают состояние религиозной среды в конкретный временной период, не подходя систематически к

анализу законодательства. В свою очередь, большинство имеющихся историко-правовых исследований основывается на позитивистской методологии, описывая нормативно-правовую базу исследуемого периода и сопоставляя ее с имеющимися архивными и другими данными. При этом ни те ни другие чаще всего не рассматривают церковь как полноценный субъект государственно-религиозных отношений. Эти устоявшиеся подходы не позволяют ответить на ряд вопросов, касающихся реальных механизмов законотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов, восприятия формальных (законодательных) рамок членами церкви, а также особенностей правосознания субъектов государственно-религиозных правоотношений.

Для преодоления этого разрыва в работе используется новый методологический подход, позволяющий охарактеризовать взаимодействие институтов Советского государства и Русской православной церкви, проанализировать соотношение формальных и неформальных норм и практик внутри складывавшегося в 1940-х – 1980-х гг. механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Данный подход впервые в историографии учитывает институциональную специфику Русской православной церкви: значение внутренних церковных регуляторов и устойчивых механизмов обхода законодательных ограничений. Это позволяет по-новому взглянуть на динамику изменений в правовом регулировании государственно-религиозных отношений в СССР и сделать вывод об общих закономерностях развития институциональной модели этих отношений в советский период.

Положения, выносимые на защиту:

1. Правовое регулирование государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. представляло собой институциональную систему, основанную на дуализме конституционных норм и фактического законодательства. Конституционные гарантии свободы совести существовали формально, тогда как реальное правовое регулирование носило ограничительный и антирелигиозный характер. Данный дуализм являлся структурным элементом

советского правопорядка, а не случайным противоречием и обеспечивал возможность гибкого применения ограничительных мер в отношении религиозных организаций. Его проявлениями выступали рамочность законодательства, определявшая беспрецедентно широкие пределы административного усмотрения; избыточная секретность нормотворчества, создававшая дефицит правовой информации для религиозных объединений; доминирование «прерогативного» права – абсолютный приоритет идеологических директив партийного аппарата над писаным законом.

2. В осуществлении правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР участвовали различные институты с несовпадавшими, а нередко и противоречивыми полномочиями и интересами: партийные органы (ЦК КПСС и партийные организации на местах), Совет по делам Русской православной церкви (религий), исполнительные комитеты местных Советов, органы государственной безопасности. Партийные органы определяли общую идеологическую линию и фактически корректировали применение законодательства, что создавало условия для произвольного толкования норм и обусловливало региональные и ведомственные расхождения в применении законодательства о религиозных культах.

3. Особым государственным субъектом регулирования выступал Совет по делам РПЦ (религий). В условиях советской политико-правовой системы он действовал не как обычный орган исполнительной власти, но как институциональный медиатор. Будучи формальным проводником антирелигиозной политики партии, Совет в своей практической деятельности в том числе руководствовался собственными бюрократическими интересами и необходимостью сохранения управляемости религиозной сферы. Это противоречие определяло двойственность деятельности Совета: следование партийным директивам сочеталось с фактическим смягчением отдельных репрессивных мер, что нередко не соответствовало идеологическим установкам ЦК КПСС и неоднократно становилось предметом партийной критики.

4. В условиях советской правовой реальности институциональная модель Русской православной церкви претерпела значительную трансформацию. Лишившись опоры на традиционные для имперского периода представления о «симфонии властей» и столкнувшись с отсутствием в каноническом праве ясной доктринальной альтернативы, церковь была вынуждена определять принципы существования в секулярном государстве и формат взаимодействия с ним. В процессе адаптации к новой правовой реальности произошла деформация административных элементов церковного права при неприкосновенности его догматического и канонического ядра, сокращение церковной инфраструктуры, огосударствление церковной кадровой политики. В результате были созданы условия для формирования советского церковного правосознания, непротиворечиво сочетавшего в себе лояльность и патриотизм с религиозными установками.

5. Русская православная церковь не являлась лишь пассивным объектом правового регулирования, а выступала институциональным актором, вырабатывавшим собственную стратегию взаимодействия с государственными органами. При этом церковные институты разного уровня – от Московской патриархии в лице высших иерархов до приходов – использовали пробелы в законодательстве о религиозных культах и несогласованность действий различных ведомств для смягчения ограничительных мер. Это превращало правоприменение в процесс институционального взаимодействия, основанного на компромиссах между государственным контролем и стремлением церкви к сохранению институциональной автономии.

Избрав стратегию институционального компромисса, РПЦ приняла навязанные государством условия деятельности и интегрировалась в советскую систему с целью сохранения своей инфраструктуры и расширения пределов дозволенного. При этом такая адаптация не сводилась к внешнему конформизму: усвоение советских нормативных и административных практик привело к внутренней перестройке церковного управления и способов взаимодействия с государством. В результате сформировался феномен «советской церкви» –

института, в котором религиозная идентичность значительной части духовенства и мирян непротиворечиво сочеталась с советской гражданской идентичностью.

6. Стремление Советского государства контролировать Русскую православную церковь выражалось в использовании административно-правовых инструментов, включая систематическое вмешательство в вопросы кадровой политики и духовного образования. Устанавливая обязательное согласование назначений епископата и приходского духовенства, государство намеревалось превратить РПЦ в управляемую квазигосударственную бюрократическую структуру, интегрированную в советскую систему административного контроля. Следствием этого давления стала структурная эволюция самой церкви: в целях самосохранения и адаптации к внешнему давлению РПЦ укрепила централизованную властную вертикаль, в значительной степени воспроизводившую элементы советских управленческих практик.

7. На уровне правоприменительной практики процедуры регистрации религиозных общин, передачи культового имущества и открытия/закрытия храмов носили неоднородный и ситуативный характер. Вследствие рамочности формулировок и оценочного характера многих норм указанные процедуры могли использоваться местными органами власти и как механизм реализации свободы совести, и как гибкий административный фильтр, и как инструмент воздействия на церковную инфраструктуру. Направленность правоприменения нередко определялась не столько формальными предписаниями, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета, партийного руководства и органов госбезопасности, а также активностью самих верующих в конкретный период.

8. Системный разрыв между провозглашаемыми в Конституции СССР свободами, реальной правоприменительной практикой и представлениями верующих об идеальной модели государственно-религиозных отношений выступал катализатором локальных конфликтов между церковью и местными органами власти. Не имея доступа к секретному массиву подзаконных актов, реально регламентирующих деятельность религиозных общин, верующие

выработали специфическую правовую стратегию сопротивления административному произволу. В своих петициях и жалобах в высшие органы власти они последовательно апеллировали к конституционным нормам о свободе религии. Тем самым формально провозглашаемые конституционные гарантии парадоксальным образом превращались для верующих в единственный доступный им легитимный инструмент защиты институциональной автономии церкви и своих прав от административного произвола местных властей.

9. Вследствие дефицита правовой информации и эффективных легальных механизмов защиты прав верующих функционально значимым элементом системы регулирования стала институционализация неформальных практик в сфере государственно-религиозных отношений. Церковная иерархия и представители государственной власти систематически прибегали к неформальным механизмам взаимодействия и согласования интересов: кураторству уполномоченных и представителей органов государственной безопасности, выстраиванию доверительных личных отношений, предоставлению номенклатурных привилегий лояльному духовенству, кулуарным договоренностям и пр. Эти практики формировали обширную «серую зону» правоотношений – юридически не формализованные, но de facto нормативные, регулярные формы взаимодействия. Они использовались субъектами для ситуативного расширения границ дозволенного и снижения издержек в условиях правовой неопределенности и заложили институциональные основы для моделей взаимодействия церкви и государства в постсоветский период.

10. Результатом взаимодействия Советского государства и РПЦ в 1940-х – 1980-х гг. стало формирование особого социально-правового порядка – специфической советской модели регулирования государственно-религиозных отношений. Ключевыми характеристиками данной модели являлись: опора на прерогативное право и культуру секретности; систематическое замещение и дополнение формальных юридических процедур неформальными практиками; институциональная адаптация церкви, выработавшей стратегию внешней

лояльности как инструмент ситуативного расширения реальных границ дозволенного при формальном соблюдении нормативных ограничений.

11. Архитектура государственно-религиозных отношений в СССР в рассматриваемый период может быть теоретически осмыслена через призму концепции правового плюрализма как асимметричное сосуществование конкурирующих нормативных порядков (Брайан Таманаха) – советского позитивного права и канонического права РПЦ – при безусловно доминирующей роли государства. Стратегия государства в отношении церковного правопорядка менялась в зависимости от политической конъюнктуры: в 1940-х гг. – начало инкорпорации церкви в советскую систему; в конце 1950-х – начале 1960-х гг. – подавление конкурирующего института; в 1970-х – 1980-х гг. – политический контроль при формальном признании внутренней автономии. Однако советское правовое регулирование не уничтожило автономный канонический правопорядок, а локализовало его, вытеснив в сферу внутрицерковных отношений, где он продолжал регулировать корпоративную жизнь церкви и служил основой религиозной идентичности верующих.

12. Применение историко-правового неоинституционализма в качестве методологического подхода позволяет существенно расширить возможности традиционного формально-догматического анализа правового регулирования государственно-религиозных отношений. Синтез институциональных теорий делает возможным выявление реальных механизмов регуляторного воздействия, интегрируя в единый предмет исследования формальные юридические предписания, неформальные властные практики, аппаратные интересы и когнитивные рамки акторов. Данный подход предоставляет адекватный научный инструментарий для комплексного анализа того, как правовая система и государственные институты формируют повседневный правовой опыт верующих и как сами религиозные институты, в свою очередь, адаптируют и переопределяют нормативные ограничения.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов исследования определена научной методологией диссертационной работы, нормативной и эмпирической базой, ее теоретической основой, комплексным характером примененных методов научного анализа проблем правового регулирования государственно-религиозных отношений, отвечающих поставленным целям и задачам, в своей совокупности позволившими обеспечить непротиворечивость исходных научных положений, внутреннюю логику, аргументированность выводов и предложений, сформулированных в диссертации.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные положения работы обсуждались в рамках специальных научных семинаров, организованных в научных центрах Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики». Материалы диссертации были использованы в преподавании учебных дисциплин «История государства и права России», «История России», «История государства и права зарубежных стран» МГЮА.

Содержание и базовые положения диссертации получили освещение в докладах и сообщениях на 16 научных мероприятиях, в том числе шести международных конференциях, и изложены в 20 публикациях общим объемом более 16,15 п.л. в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

ГЛАВА 1.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В 1940-Х – 1980-Х ГГ.

§ 1.1. Источниковая база исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

В параграфе будет выявлен эвристический потенциал имеющихся источников по теме правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. Будет разрешен вопрос о том, насколько доступные нам источники репрезентативны и позволяют провести всесторонний анализ рассматриваемой проблемы.

В соответствии с поставленной научной проблемой, целью и задачами диссертации источники исследования условно разделяются нами на две категории: 1) отражающие формальную сторону регулирования и 2) неформальные правила и практики государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг.

Необходимо иметь в виду специфику правового регулирования государственно-религиозных отношений в обозначенный период, когда, с одной стороны, реальное регулирование ушло в область подзаконных актов и различных указаний и инструкций (часто – секретных). С другой стороны, ограничение вопросов государственно-религиозных отношений лишь нормативно-правовой рамкой – исследованием правовых актов и различных делопроизводственных документов органов государственной власти – представляется недостаточным, поскольку не только государство в лице его различных институтов, но и Русская православная церковь была полноценным субъектом этих правоотношений. Как

внутреннее устройство РПЦ, так и представления верующих о роли государства-регулятора во многом выстраивались в соответствии с положениями церковного (канонического) права.

В процессе правоприменения советского законодательства его нормы, устанавливающие статус религиозных объединений, сталкивались с особенностями церковного правопонимания и представлений об «идеальном» и в случае несовпадения имели место конфликты. Поэтому еще одним важным источником исследования являются акты канонического права РПЦ и различные церковно-административные документы.

Эти два вида источников, государственное (т.е. собственно источники правового регулирования) и церковное право, составляют первую большую группу – формальных источников.

Значительно более трудной источниковедческой проблемой является выявление практической и неформальной стороны государственно-религиозных отношений: в силу того, что, оказывая существенное влияние на их правовое регулирование, она не могла быть зафиксирована привычным образом в каких-либо официальных документах. Упоминания части этих неформальных правил и практик взаимоотношений органов власти и церкви можно найти в делопроизводственной переписке Совета по делам РПЦ (религий). Вместе с тем имеющийся в исследовании междисциплинарный акцент на коллективных представлениях общественных групп (как неотъемлемой части их правосознания) предполагает также привлечение источников личного характера – мемуаров, воспоминаний, биографической литературы и т.д., в которых нередко описываются интересующие нас аспекты правоприменения.

Таким образом, ко второй группе источников мы отнесем такие, которые позволят нам выявить использовавшиеся представителями как государства, так и церкви правоприменительные практики, а также неформальные правила и практики, с помощью которых в реальности осуществлялось правовое регулирование государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

Формальные источники партийно-государственного происхождения. Источники права и правоприменительные документы

Общие замечания о нормативных правовых актах СССР. При обращении к важнейшим для историко-правового исследования источникам – нормативным и распорядительным правовым актам, принимавшимся советскими государственными органами (источникам официального, формального права, которые не просто отражают общеправовую рамку рассматриваемого периода, но и механизмы принуждения, санкции в отношении верующих и т.д.), необходимо отметить следующее.

Нередко учеными отмечается необходимость создания внятной классификации правовых актов, регулировавших вопросы государственно-религиозных отношений в СССР, с точки зрения их иерархии, структуры и проч. Однако такая классификация возможна лишь отчасти. Среди прочего, это связано, например, с тем, что юридическая сила важных для нас документов и их роль в механизме правового регулирования не всегда соотносились с формальной иерархией нормативных правовых актов.

Система законодательства, как ее описывали советские правоведы, имела три структурных уровня, к которым могли принадлежать нормативные правовые акты: иерархический, федеративный и отраслевой, – на каждом из которых зависимость между юридической силой правового акта, характером регламентируемых общественных отношений и спецификой содержащихся в нем норм права имела свои особенности[19].

Формально верховенство Основного закона СССР и строгая подчиненность ему «всего массива советского законодательства по всем его структурно-функциональным «срезам»[20] было провозглашено лишь в Конституции СССР

---

[19] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / отв. ред. Р.О. Халфина. М. : Наука, 1987. С. 44.

[20] *Степанов И.М*. Конституция и политика. М. : Наука. 1984. С. 40.

1977 г. (ст. 173). В предыдущих Конституциях 1924 и 1936 гг. он хотя и подразумевался, но не был выражен напрямую[21].

Иерархическая структура советских нормативных актов в общем виде сводилась к четырем основным уровням: 1) акты высших органов государственной власти (законодательные акты); 2) нормативные акты высших исполнительных и распорядительных органов (правительственные); 3) ведомственные нормативные акты; 4) нормативные акты местных органов государственной власти и управления.

Принципы федеративного устройства в СССР (наличие наряду с общесоюзным законодательством также законодательства союзных и автономных республик) излагались с опорой на учение классиков марксизма. С одной стороны, провозглашалось, что характерным признаком федерации является наличие у каждого входящего в нее государства своего особого гражданского и уголовного законодательства и судоустройства[22]. С другой стороны, согласно ст. 70 Конституции СССР 1977 г., принцип социалистического федерализма предполагал не только единство законодательства Союза, союзных и автономных республик с точки зрения его политической и социально-экономической однородности, но и разграничение нормотворческой компетенции в соответствии с принципом демократического централизма[23].

Юридическая сила отдельных видов актов определялась содержанием и характером правотворческой компетенции органов власти[24]. При этом предполагалось, что круг рассматриваемых органом вопросов, цели и задачи его деятельности должны быть «*более или менее* (здесь и далее курсив в цитатах наш. –

---

[21] Так, в Преамбуле Конституции СССР 1924 г. говорится, что Декларация и Договор об образовании СССР составляют его Основной закон (Конституцию). В Конституции СССР 1936 г. отмечается, что Верховный Совет как высший орган государственной власти осуществляет все права Союза, предусмотренные Конституцией (ст. 14 и 31); также предписана необходимость соответствия конституций союзных республик общесоюзной (напр., ст. 60).

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 22. С. 239.

[23] *Шафир М.А.* Взаимоотношения высших органов власти и управления Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 27–36.

[24] Общая теория Советского права / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. М. : Юрид. лит., 1966. С. 148.

Ю.З.) четко очерчены в его компетенции»[25]. На практике общие принципы связи между компетенцией органа власти, правовой силой изданных нормативных правовых актов и регулируемыми общественными отношениями не всегда были неизменны, и зависели в том числе от политической значимости или целесообразности. Например, правовое положение и статус правоохранительных органов, которые могли быть утверждены Президиумами Верховного Совета СССР или союзных республик (или Советом Министров СССР и правительствами союзных республик), при обновлении законодательства после принятия Конституции СССР 1977 г. и конституций союзных республик были изложены в форме общесоюзного или республиканского закона[26].

Иными словами, реальная юридическая сила актов разного уровня не всегда соответствовала «идеальной» иерархии. В силу тесной взаимосвязи иерархической структуры актов с горизонтальной (отраслевой) и федеративной (союзно-республиканской) структурами один и тот же вид правовых актов одновременно функционировал в нескольких из них, поэтому «лишь совокупная структура законодательства» могла охватить все многообразие связей между ее элементами[27].

Например, С.С. Алексеев писал о существовании «определенной» (но не абсолютной) зависимости между «степенью нормативности» и иерархией нормативных правовых актов: с одной стороны, в законах могут закрепляться нормы, ограниченные в сфере и во времени действия, с другой стороны, ведомственные акты могут обладать внешним действием и распространяются на всех лиц[28].

Были нередки случаи, когда законодательный акт регламентировал более узкий круг вопросов, чем постановление Совета Министров. Наоборот, и

---

[25] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. С. 34.

[26] *Казьмин И.Ф.* Подготовка научной концепции законопроекта // Советское государство и право. 1985. № 3. С. 32.

[27] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Указ. соч. С. 5. Авторы монографии видели в таком положении дел самостоятельную теоретико-правовую проблему (Там же. С. 28).

[28] *Алексеев С.С*. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юрид. лит., 1971. С. 69.

законодательный акт, и постановление правительства в разных случаях могли использоваться при установлении регулирования одинаковых по значимости областей общественных отношений[29].

В свою очередь, Верховный Совет СССР как высший орган государственной власти согласно ст. 31 Конституции СССР 1936 г. мог осуществлять все права, принадлежащие Союзу, поскольку они не входили в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов (Президиума Верховного Совета, Совета Министров и министерств). Однако на практике при необходимости Верховный Совет мог игнорировать этот принцип субсидиарности и изымать отдельные вопросы из ведения подотчетных органов, решая их самостоятельно[30].

Наименее систематизированной частью законодательства советские правоведы называли ведомственные нормативные правовые акты – акты министерств, государственных комитетов и других подведомственных Совету Министров органов, объясняя это большим числом управомоченных органов и, следовательно, множественностью таких актов[31].

Попытка упорядочивания системы нормативных правовых актов была сделана после принятия Конституции СССР 1977 г., которая в ч. 4 ст. 135

---

[29] Напр., Кодекс торгового мореплавания СССР был утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР, а Устав внутреннего водного транспорта СССР – Советом Министров СССР.

[30] *Лукьянов А.П.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти. М. : Юрид. лит., 1978. С. 186.

[31] Отмечалось, что число ведомственных НПА значительно превышало общее количество не только законодательных актов, но и постановлений Правительства (по состоянию на 1985 г. действовало ок. 28 тыс. нормативных актов высших органов власти и управления Союза, наряду с которыми насчитывалось 12–15 тыс. только общеобязательных ведомственных актов: *Гуценко К.Ф.* Развитие законодательства : основные направлений и средства дальнейшего совершенствования // Советское государство и право. 1985. № 10). Также правоведы позднего советского периода констатировали острую необходимость систематизации ведомственных актов, повышения их согласованности между собой, а также уменьшения числа форм, в которых издаются эти акты (стандарты, методические указания, инструкции, правила, положения, директивные письма и др.). См.: *Тягай Д.Е.* Совершенствование законодательства о стандартизации как условие обеспечения качества продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 12. Добавим от себя, что отдельной проблемой было наличие большого массива секретных правовых актов, и это в том числе серьезно затрудняло возможность систематизации законодательства и единообразное правоприменение. Таким образом, создавался разрыв между декларируемым и фактическим положением дел (*Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50, No. 1. P. 53–70).

указывала, что министерства и государственные комитеты в пределах своей компетенции издают акты на основе и во исполнение законов СССР, иных решений Верховного Совета и его Президиума, постановлений и распоряжений Совета Министров. В связи с этим был издан ряд новых правовых актов, регламентировавших структуру органов государственной власти и управления, цели, задачи и порядок их деятельности, более четко определявших объем и содержание компетенции.

Тем не менее как в доктрине, так и в законотворческой и правоприменительной практике некоторая неопределенность все же оставалась: «стабильность и четкое определение компетенции государственных правотворческих органов вовсе не означают, что их деятельность нужно ограничить жесткими рамками правового регулирования»[32]. Теоретики права обосновывали это тем, что государственные органы должны иметь возможность «быстро и своевременно реагировать на новые задачи и условия»[33].

В отдельных случаях несколькими государственными органами издавались совместные акты (например, акты Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР) – в основном с целью урегулирования организационных вопросов, одновременно касавшихся деятельности принявших их органов.

Некоторые советские авторы, впрочем, полагали, что такие акты не являются «совместными» в полном смысле, поскольку издающие органы находятся в отношениях иерархической подчиненности одного другому. Наличие у них «совместных» вопросов противоречило бы «основополагающему принципу

---

[32] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Указ. соч. С. 38.

[33] *Лазарев Б.М*. Компетенция органов управления. М. : Юрид. лит., 1972. С. 14. В этот период в юридической науке активно обсуждалась возможность «для удобства практики» закрепить обобщенные принципы нормотворчества в специальном законе о нормативных актах (*Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Указ. соч. С. 151). Закон так и не был принят, хотя на актуальность проблемы уже для Российской Федерации продолжают указывать отечественные авторы: *Тихомиров Ю.А., Рахманина Т.Н., Хабибулин А.Г*. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88–93 ; *Черногор Н.Н., Залоило М.В*. Правовой мониторинг : инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2018. № 3. С. 8–21 ; *Горбачев С.А., Зудов Ю.В*. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 30–38.

организации и деятельности социалистического государства – принципу демократического централизма»[34].

Наконец, важно указать, что, поскольку «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) была Коммунистическая партия, именно решения и различные указания ЦК КПСС определяли реальный вектор правотворческой политики и правоприменения. Также особое место в системе нормативных правовых актов занимали акты, изданные органами государственной власти совместно с ЦК КПСС[35].

Конституционно-правовые документы как источники исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений. Прежде всего необходимо остановиться на конституционно-правовых основах советского законодательства о культах – Конституциях СССР 1936 (статья 124) и 1977 (статья 52) гг. с декларированными ими нормами о свободе вероисповедания[36]. Эти нормы можно описать как *декларативные*. Формально они провозглашали ряд свобод в сфере вероисповедания, являясь, таким образом, своеобразной «витриной» советского права[37]. Как правило, обращается внимание на эволюцию

---

[34] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Указ. соч. С. 64. Поэтому в приведенном примере правовая сила совместных актов Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР была равна юридической силе актов Президиума Верховного Совета СССР (ввиду иерархического характера построения источников права, их субординации и соподчиненности, обусловленных структурой органов государственной власти и государственного управления).

[35] *Поленина С.В., Сильченко Н.В*. Указ. соч. С. 63.

[36] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря. № 283 ; Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года (принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР 1977. № 41. Ст. 617. Аналогичная статья 129 Конституции РСФСР 1937 г. дублировала положения союзной : Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1937 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1937. 31 марта. № 2. Ст. 11. С. 10–27.

[37] Именно на эти положения ссылалась советская пропаганда, стремившаяся продемонстрировать на международной арене беспочвенность «вздорных слухов о гонениях в России на религию» (Правда о религии в России. М. : Московская патриархия, 1942. С. 76. Подробнее об этой изданной РПЦ книге см.: *Елисеев А.Б.* «Правда о религии в России» как источник по истории Русской православной церкви // Религия и общество – 13 : сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции, Могилев, 18–23 марта

формулировок соответствующих конституционных статей[38]. Статья 124 сталинской Конституции провозглашала за всеми гражданами свободу совести, свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды. В статье же 52 Конституции 1977 г. вместо «антирелигиозной» говорится о пропаганде «атеистической»[39], а также прямо запрещается возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями.

Административно-правовые документы как источники изучения правового регулирования государственно-религиозных отношений. В эту подгруппу, прежде всего, включаются правовые акты союзного и республиканского уровня, в которых содержатся нормы, устанавливающие правовой статус и регулирующие отдельные стороны повседневной деятельности религиозных объединений.

Непосредственные *основы законодательства о религии* были представлены в нескольких нормативных правовых актах советского периода, предшествующего изучаемому, которые сохраняли свое действие вплоть до принятия законов 1990 г.[40] Именно нормативными актами первых лет советской власти религиозные общества были лишены прав юридического лица.

Прежде всего, в 1940-х – 1980-х гг. сохранял действие один из первых правовых актов советской власти – Декрет Совета народных комиссаров РСФСР

2019 г. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев : Могилевск. гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2019. С. 112–115).

[38] *Иванченко О.Н.* Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской православной церкви в СССР (1917–1990 гг.) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011 ; *Смирнов М.Ю.* Научный атеизм в советском высшем образовании : периодизация и содержание // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. № 3. С. 144–171 ; *Камалова А.И.* Основные принципы и направления государственного регулирования государственно-религиозных отношений в светском государстве : автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2019.

[39] М.Ю. Смирнов видит в этом следствие того, что начиная с середины 1950-х гг. именно понятие «научный атеизм» стал официальной идеологической установкой в партийных документах: *Смирнов М.Ю.* Научный атеизм в советском высшем образовании : периодизация и содержание. С. 149, 160.

[40] О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813 ; О свободе вероисповеданий : Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

от 23 января (5 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (далее – декрет 1918 г.).

Более подробно правовой статус религиозных объединений излагался в Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (далее – постановление 1929 г.)[41]. Оно утвердило правовую базу для осуществления государственного контроля над религией, установило жесткие требования к регистрации религиозных общин в органах власти и ввело многочисленные ограничения их деятельности. В отсутствие отдельного законодательного акта о религиозных объединениях постановление 1929 г. стало ключевым нормативным источником государственной политики.

Акты о внесении изменений в основы законодательства о культах, как правило, имели форму указов. Например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 1975 г. внес существенные изменения в постановление 1929 г.[42]

Нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях. Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР[43] в четвертой главе «Нарушение правил об отделении церкви от государства» в статьях 122–127 предусматривал наказание (в основном исправительно-трудовые работы или штраф) за преподавание религии несовершеннолетним, возбуждение суеверий в массах, принудительное взимание сборов в пользу религиозных групп и др. Новый УК РСФСР 1960 г. в статье 142 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» исключил подробное перечисление конкретных нарушений, а также выделил в отдельные статьи «воспрепятствование совершению религиозных обрядов» (статья 143) и «посягательство на личность и права граждан под видом

---

[41] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

[42] О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1975. № 27. Ст. 572.

[43] Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 06.12.1926. № 80. Ст. 600.

исполнения религиозных обрядов» (статья 227). Это, по-видимому, привело к сложностям в правоприменительной практике и необходимости уточнить нормы уголовного законодательства. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. «О применении статьи 142 УК РСФСР» разъясняло, что именно следует понимать под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, в духе перечня Уголовного кодекса 1926 г.

Одновременно Президиум Верховного Совета РСФСР принял и Указ (также от 18 марта 1966 г.) «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах»[44], который в условиях отсутствия единого кодифицированного акта об административных правонарушениях устанавливал административную ответственность: за нарушение правил проведения религиозных собраний, организацию мероприятий, не имеющих отношения к отправлению культа, для руководителей религиозных объединений – за уклонение от регистрации общины. Производство по этим делам относилось к компетенции административных комиссий при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов[45]. После принятия в 1984 году Кодекса об административных правонарушениях РСФСР[46] соответствующая норма перешла в его статью 193 «Нарушение законодательства о религиозных культах», предусматривавшую наказание в виде штрафа в размере до 50 рублей.

Акты о создании уполномоченных государственных органов в сфере государственно-религиозных отношений. Эта подгруппа представлена несколькими постановлениями правительственного уровня. Среди них – постановления Совета народных комиссаров СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК

---

[44] Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 12. Ст. 219.

[45] Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 13. Ст. 166.

[46] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утвержден Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

СССР»[47], от 7 октября 1943 г. № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР»[48] и от 19 мая 1944 г. № 572 «Об организации Совета по делам религиозных культов при СНК СССР». Совет по делам религиозных культов ведал вопросами прочих религиозных сообществ, не относящихся к РПЦ, и таким образом его деятельность не рассматривается в рамках нашего исследования. Слияние двух органов произошло на основании Постановления Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. «О преобразовании Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР»[49].

Нормы гражданского, налогового, земельного, пенсионного законодательства, законодательства о труде и т.д. во многих случаях лишь частично относились к зарегистрированным религиозным организациям, священно- и церковнослужителям в силу отсутствия у церкви полноценного статуса юридического лица. Например, в отличие от обычного персонала приходов (дворников и т.д.), священнослужители не могли работать на основании трудового договора, а их налогообложение осуществлялось в соответствии с повышенными процентными ставками.

Особенность этой подгруппы источников состояла в их специфической неоднородности: упомянутые аспекты правового статуса религиозных организаций (имущественные права приходов, налогообложение, пенсионное обеспечение духовенства, религиозное образование и подготовка церковных кадров, трудовые права церковных работников и проч.) регулировались не только актами разной юридической силы, но нередко и актами, имевшими секретный характер. При этом особенно активным такое нормотворчество было в 1940-х – 1960-х гг.

---

[47] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179.
[48] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779. Л. 26–28.
[49] Собрание постановлений Правительства СССР за 1965 г. № 1-25. Ст. 221. М. : Юрид. лит., [б. г.].

Например, Постановление Совета народных комиссаров СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей»[50] устанавливало порядок действий в случае одобрения или неодобрения соответствующего ходатайства верующих, при этом оно впоследствии было дополнено секретным Постановлением от 1 декабря 1944 г. № 1643-486с «О православных церквях и молитвенных домах»[51], запрещавшим закрывать церкви без разрешения Совета. Еще одно секретное дополнение к этим документам (от 22 августа 1945 г. № 2137-546с)[52] предусматривало «в пределах возможного» снабжение приходов РПЦ строительными материалами для ремонта церковных зданий, разрешало общинам производить колокольный звон в городах и селах (и приобретать колокола). Более того – последнее постановление предоставляло Московской патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам и монастырям ограниченные права юридического лица, разрешая приобретение транспортных средств, производство церковной утвари и предметов религиозного культа, их продажу церковным общинам, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей (с разрешения уполномоченных Совета).

Иными словами, будучи формально лишенной прав юридического лица основополагающими нормативными правовыми актами законодательства о

---

[50] О порядке открытия церквей : Постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Л. 74–75. Цит. по: Татарстан в годы Великой Отечественной войны. Страницы социальной истории : сб. док. и материалов. Казань, 2011. С. 259–261). Аналогичная процедура открытия неправославных храмов, мечетей и синагог, включавшая направление ходатайства верующих и согласование с Советом по делам религиозных культов), устанавливалась Постановлением СНК СССР от 19 ноября 1944 г. № 1603 «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов : Приложение к Постановлению № 1603 СНК СССР от 19 ноября 1944 г. Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР // ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 24. Д. 22. Л. 117–119. Копия. Цит. по: Москва Победная. 1941–1945 : арх. док. и материалы. М. : ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. С. 603–604).

[51] О православных церквях и молитвенных домах : Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 17. Л. 67. Цит. по: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : документы и материалы в 6 т. Челябинская область. Т. 1. 1917–1945. Челябинск : Книга, 2005. С. 526–527.

[52] По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям : Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 153. Л. 249–250. Цит. по: Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. М. : Изд-во Крутиц. подворья : О-во любителей церков. истории, 2009. С. 474–475.

культах, РПЦ на практике была наделена ими в ограниченном объеме, однако уже на основании секретных правовых актов.

Непосредственное разрешение Московской патриархии, епархиальным управлениям и церковным советам открывать банковские счета было дано циркулярным письмом заместителя председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотова в адрес Госбанка СССР 24 августа 1944 г.[53], таким образом была закреплена соответствующая возможность, подразумеваемая Положением об управлении Русской православной церкви (например, пункт 44)[54].

По вопросам налогообложения в 1940-х гг. продолжало применяться Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. «О самообложении сельского населения»[55], согласно которому служители религиозных культов привлекались к самообложению в повышенном размере (п. «г» ст. 7). В 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения»[56]: им устанавливались специальные налоговые правила для доходов «от некооперированных кустарноремесленных промыслов», которые позднее распространили и на доходы служителей культа (от совершения религиозных обрядов и проч.)[57].

---

[53] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 55 ; Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. М. : Юрид. лит-ра, 1971. С. 32.

[54] Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР от 28 января 1944 г. № 162. Москва. Кремль // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник. АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 4. Л. 58–66. Заверенная печатью Управления делами СНК СССР копия.

[55] О самообложении сельского населения : Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. № 108/1576 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 23 сентября 1937 г. № 60. Ст. 258.

[56] О подоходном налоге с населения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. С. 327–335.

[57] Так, в 1945 г. по ст. 19 Указа «О подоходном налоге с населения» стали рассчитываться доходы монастырей от имеющихся у них сельскохозяйственных и других источников, а также доходы свечных заводов и других церковных предприятий (т.е. фактически государством признавалась их хозяйственная деятельность). Кроме того, монастыри были освобождены от уплаты налога со строений и земельной ренты, при этом от обложения налогом на холостяков было освобождено безбрачное духовенство (Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 августа 1945 г. № 2215 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 33). С 1946 г. (Постановление Совета Министров СССР от

Следует также упомянуть внутри этих источников **подгруппу актов международного права** (в большей степени важную для периода 1970–1980-х), в частности Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. (Хельсинкские соглашения)[58] и международные пакты о правах человека (Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах ООН), ратифицированные СССР в 1973 г.[59] Соответствующие положения в них наглядно демонстрировали разрыв между взятыми СССР международными обязательствами и реалиями советского законодательства о религии и практикой его применения.

Описанный массив источников правового регулирования государственно-религиозных отношений был в основном доступен гражданам СССР, хотя особенности применения указанных норм нередко определялись и закрытыми правовыми актами, письменными и устными указаниями.

Еще одна подгруппа источников – **документы партийных органов и органов государственной безопасности**, оказывавших принципиальное, хотя и скрытое влияние на религиозную политику государства. Это стенограммы заседаний Политбюро, акты ЦК КПСС, документы региональных партийных организаций, Комитета государственной безопасности[60], часть которых в

---

3 декабря 1946 г. № 2584 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 33–34) было закреплено налогообложение по той же статье 19 доходов от совершения религиозных обрядов (в любой форме), доходов от строений и сельского хозяйства, доходов священников, занимавшихся преподавательской деятельностью в духовных учебных заведениях, а также от работы в органах церковного управления, пения в церковном хоре (ст. 1). Это, однако, не касалось работающих в религиозных организациях по трудовым договорам (ст. 8). Для священнослужителей из сельской местности была подтверждена обязанность участвовать в самообложении в порядке п. «г» ст. 7 соответствующего постановления 1937 г. в размере 150 рублей (ст. 3).

[58] Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544–589.

[59] Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (приняты 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291.

[60] *Веденеев Д.* Атеисты в мундирах : советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М. : Алгоритм, 2016. *Савин А.И.* Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления Комитета государственной безопасности (1971 год) // Исторический курьер. 2022. № 2 (22).

настоящее время рассекречена и опубликована. Например, ЦК КПСС в секретном Постановлении от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах»[61] указал на необходимость строгого ограничения деятельности духовенства рамками культовых зданий. Нарушением закона объявлялись строительство молитвенных зданий, приобретение домов, автотранспорта для духовенства, благотворительная поддержка бедных приходов более богатыми, миссионерство, в том числе среди молодежи. Его основные положения были доведены Советом до патриарха Алексия (Симанского) 11 марта 1960 г., кроме того, патриарха уведомили о недопустимости противодействия духовенства научно-атеистической пропаганде, в противном случае было обещано привлекать нарушителей к ответственности[62]. По итогам состоявшейся в Совете беседы Священный синод РПЦ 22 марта 1960 г. принял специальное постановление, в котором призывал священнослужителей соблюдать советское законодательство о культах[63]. Тем не менее в официальном резюме синодального заседания патриархия не сообщила об этом ни слова[64].

Многие официальные материалы такого рода представлены в систематизированных сборниках законодательства советского периода, а также в современных публикациях.

Документы Совета по делам РПЦ (религий) при СНК (Совете Министров) СССР. Документы Совета, в том числе статистические отчеты,

---

С. 188–205 ; Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. статья и коммент. О.Б. Мозохина. М. : Кучково поле, 2017. 800 с. ; *Ваграменко Т.А*. Секретные операции советских спецслужб против свидетелей Иеговы в Украине (1949–1955 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 8 (106). URL: https://history.jes.su/s207987840016688-5-1 (дата обращения: 24.05.2025) ; *Скакун Р*. Агентура НКВС–МДБ–КДБ у православному єпископаті України (1939–1964) : формування, функції, моделі поведінки. Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2025.

[61] О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах : Справка о ходе выполнения Постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7.

[62] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 298–299.

[63] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284а. Л. 3–7. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 299.

[64] Определения Священного синода от 22 марта 1960 г. // Журнал Московской патриархии. 1960. № 4. С. 11.

сведения о количестве церквей, священнослужителей, преподавателей и учащихся духовных учебных заведений, ходатайства и жалобы верующих, отчеты о деятельности Совета и его региональных уполномоченных, аналитические записки, переписка с партийными и советскими органами и руководством церкви, инструкции, циркулярные письма и т.д. также имеют ключевое значение для исследования.

В основном эти документы собраны в фонде Р-6991 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)[65]. Например, описи 1 и 2 включают архив Совета по делам РПЦ с 1943 по 1965 гг., описи 5 и 8 – дела постоянного хранения Совета по делам религий за 1967–1989 гг. Именно этот массив актов, по большей части носивший закрытый характер («квазиправо»), позволял государству гибко менять вектор религиозной политики от «сталинского ренессанса» к «хрущевским гонениям» без формальной отмены базового законодательства 1929 г. Можно сказать, что в этой части источниковой базы содержится специфика правового регулирования государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг., – «прерогативное» право, нередко заменявшее действовавшее законодательство. Несмотря на то, что эти акты часто имели гриф «секретно» или пометку «для служебного пользования» и притом не являлись в строгом юридическом смысле нормативными, de facto они отменяли или подменяли собой законы. Этот разрыв между открытыми и секретными актами выступает одной из ключевых теоретико-правовых проблем избранного периода.

В 1953 г. Совет предписал всем уполномоченным «в целях улучшения учета и контроля и накапливания материалов» вести систематические записи своей работы, отражая в них все важные беседы (с духовенством, верующими,

---

[65] Хранящиеся в этом фонде документы Совета систематизированы в хронологическом (по годам) и тематическом (по направлениям деятельности) порядке. Т.А. Чумаченко отмечает, что в связи с этим уже сама опись является достаточно информативной, поскольку появление в ней новых дел в определенный год отражает приоритеты государственной политики. См.: *Чумаченко Т.А.* Информативные возможности документальной коллекции фонда Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). С. 132–136.

представителями других государственных органов) и результаты выездов на места, причем такие дневники имели статус секретных[66].

Статистические отчеты уполномоченных Совета в регионах обобщались Советом и подавались в ЦК КПСС. К сожалению, далеко не все они доступны в ГАРФ или в фонде аппарата ЦК КПСС в РГАНИ – прежде всего это касается брежневского периода. Среди прочего, это связано и с особенностями делопроизводства в Советском Союзе (причем, на всех уровнях власти в самых различных органах и организациях), которое отличала «искусственная разорванность информационной базы». Например, недостаточно представлены в открытых архивах документы, демонстрирующие механизмы принятия управленческих решений[67]. Некоторое количество документов брежневского периода, в том числе составляющих фонд Р-6991, до настоящего времени так и не были открыты.

Опубликован (рассекреченный) статистический отчет Совета по делам религий, подготовленный одним из его подразделений – отделом статистики и анализа по состоянию на 1 января 1985 г.[68] В основу отчета легли сведения, представленные уполномоченными Совета при различных конфессиях. В обеих частях отчета – аналитической записке и статистических таблицах – приводятся данные по многим сторонам жизни религиозных объединений, подробная информация о финансово-хозяйственной деятельности, регистрации видов обрядности и классификации поступивших в Совет и его уполномоченным писем, заявлений и жалоб. Также немалый интерес представляет опубликованная в 1979 г. в «Вестнике Русского христианского движения» докладная записка Совета в ЦК КПСС «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками

---

[66] См., например, инструкцию в Государственном архиве Архангельской области : ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Цит. по: *Алексеева Н.В*. Социальное положение Русской православной церкви в СССР в первой половине 1950-х гг. (по материалам государственного архива Архангельской области) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 5. С. 21–24.

[67] Источниковедение новейшей истории России : теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. М. : Высшая школа, 2004. С. 138.

[68] Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год // Исторический архив. 1993. № 1. С. 138–144. Окончание см. в: Исторический архив. 1993. № 2. С. 90–126.

закона»[69]. В тексте записки нет точной датировки, однако из содержания можно предположить, что ее создание относится к концу 1975 – началу 1976 г.

Несмотря на безусловную ценность содержащейся в таких документах информации о состоянии вероисповедной политики СССР, следует иметь в виду и очевидные ограничения, связанные со спецификой бюрократического документооборота. Например, говоря об официальной отчетности и прогностической ценности многих документов Совета в годы перестройки, М.И. Одинцов пишет: «Количественные характеристики вероисповедной «сети» не отражали реальностей религиозной жизни страны и фактически являлись некой принятой формой самообмана и иллюзии, комфортной для партийно-советской элиты»[70].

Статистические данные о церковных приходах, храмах, и в особенности о численности прихожан, совершавшихся крещениях, отпеваниях и количестве священнослужителей, которыми пользовался Совет по делам РПЦ (религий), были далеки от идеала. На имевшиеся проблемы со сбором первичных данных на местах неоднократно обращало внимание руководство Совета. Так, Г.Г. Карпов в 1948 г. направил уполномоченным в РСФСР два секретных письма с задачей собрать данные об открытых и нелегальных молитвенных домах и церковных службах (с описанием участников, храма, священнослужителя), а также о «неофициальных святых местах и паломничестве к ним»[71]. С поручением справились не все уполномоченные, многие испытали сложности, так как информацию следовало собирать лично из разных источников – от низовых советских и партийных работников, из рассказов верующих и духовенства. Однако, по данным сотрудников Совета, все источники имели свои изъяны:

---

[69] Докладная записка Совета по делам религий при Совете министров СССР в ЦК КПСС «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона» (1975(?) г.) // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 275–344.

[70] *Одинцов М.И.* Государство и религиозные объединения в эпоху «перестройки и гласности» в СССР 1985-1990 годы // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2014. С. 30.

[71] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье. М. : РОССПЭН, 2018. С. 300–301.

партийный и советские работники занижали количество участников, чтобы показать свою работу, верующие могли также искажать данные, чтобы приуменьшить (или, наоборот, преувеличить) количество прихожан. Духовенство обладало более ясным пониманием того, что происходит в реальности, но далеко не священнослужители шли на контакт с уполномоченными, поскольку не доверяли им[72].

Статистические сведения, таким образом, могли корректироваться как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, манипуляция со статистикой была привычным аппаратным приемом советских ведомств, которые должны были демонстрировать эффективность своей работы, показывая (особенно с конца 1950-х гг.) неуклонное снижение числа храмов, зарегистрированных и незарегистрированных религиозных организаций и верующих. С другой стороны, М.В. Шкаровский указывает, что количество православных приходов сильно завышалось в статистике, адресованной зарубежным аудиториям[73].

Региональную специфику правоприменения (прежде всего деятельность уполномоченных Совета и местных органов власти) можно проследить не только по документам упомянутых центральных архивов[74], но и государственных архивов субъектов Российской Федерации (Государственные архивы Новосибирской, Ростовской, Томской, Челябинской областей, Красноярского и Пермского края, Республики Крым и пр.).

---

[72] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 302.

[73] Международному сообществу предъявлялась цифра в 22–26 тысяч приходов, действовавших в СССР после войны. Исследователь полагает, что с учетом нелегальных молитвенных домов эти цифры могли в целом соответствовать реальности (*Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 66).

[74] См., например, продолжающуюся публикацию: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 : документы и материалы : в шести томах / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) ; редколлегия : А.К. Сорокин (председатель) и др. М. : РОССПЭН, 2017 ; *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарцева. 2 февраля 1977 г. // Россия и современный мир : проблемы, мнения, дискуссии, события : научный журнал. 2019. № 3 (104). С. 130–156 ; *Одинцов М.И.* «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства» : доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 64–91 и пр.

В рамках используемого нами методологического подхода мы будем рассматривать эту группу документов как «государственную» часть системы формальных правил и практик. Они позволят нам выделить в советском правовом регулировании государственно-религиозных отношений три самостоятельных уровня: «декларативный», правоустанавливающий и правоприменительный. Хотя многие из этих актов (кроме декларативных) и не были известны большинству советских граждан, а до духовенства доходили лишь в пересказе руководства Совета и его уполномоченных, они тем не менее были четко выражены в письменной форме и отражали текущий политический курс государства в отношении религии.

Очевидным ограничением этого массива источников является то, что они не дают ответов на вопросы о том, как нормы разного уровня сочетались между собой, как в реальности выглядел процесс их правоприменения, как различные аспекты советского законодательства о культах воспринимались представителями церкви и, наконец, какие средства использовала РПЦ для обхода установленных государством правил и конструирования границ собственного правового статуса и возможностей.

Формальные источники церковного происхождения: канонические и церковно-административные документы, носящие формальный характер

Тексты православного церковного (канонического) права[75] – собственно каноны и развивающие их положения авторитетные богословские сочинения различного уровня – важны для нашего исследования в той их части, в которой излагается учение о государстве, понимание принципов и идеальной модели государственно-религиозных отношений. Мы исходим из того, что Русская православная церковь как отдельный субъект этих взаимодействий, среди прочего, руководствовалась определенным теоретическим (богословским и

[75] Проблема различия подходов российских ученых к определению «церковного» и «канонического» права будет освещена в параграфе 1.2.

каноническим) взглядом на место церкви в обществе, который воспринимался духовенством и обычными верующими как нормативный и формировал коллективные представления института РПЦ.

Официальные документы РПЦ рассматриваемого периода (как своего рода акты корпоративного права) составляют отдельную подгруппу церковных формальных источников, которые отражают взаимодействие государственного и церковного права и позволяют проследить процесс вынужденной адаптации церкви к требованиям советского законодательства, государственных и партийных органов. В широком смысле эти документы (закрепленные церковью формальные правила государственно-религиозных отношений) отражают и влияние государственных установлений на церковные.

Это такие документы, как Положение об управлении Русской православной церкви, принятое Поместном собором 31 января 1945 г., однако заранее согласованное с Советом по делам РПЦ и еще в 1944 г. утвержденное постановлением СНК[76], постановления Архиерейского собора 1961 г. (на котором РПЦ под давлением государства привела свой устав в соответствие с советским законом и отстранила духовенство от хозяйственного управления приходами) и Поместных соборов 1971 и 1988 гг.

Оговоримся, что для лучшего понимания процесса эволюции церковного права в России необходимо отчасти затронуть положения официальных церковных документов вне избранных хронологических рамок. В этом контексте мы будем обращаться к отдельным документам Предсоборного присутствия 1906 г. и Поместного собора 1917–1918 гг., связанным с переосмыслением правового статуса церкви в ситуации отсутствия господствующей конфессии.

В 1942 г. по инициативе государства Московской патриархией с пропагандистской целью была выпущена книга «Правда о религии в России»[77].

---

[76] В числе прочего оно формально противоречило постановлению 1929 г., так как предполагало, что настоятель прихода по должности является председателем исполнительного органа общины – церковного совета (п. 40).

[77] Правда о религии в России / ред. Николай (Ярушевич), митр., Г.П. Георгиевский, А. Смирнов, прот. М. : Моск. патриархия, 1942. 456 с.

Несмотря на объективные трудности с изданием любой литературы после начала Великой Отечественной войны, книга выглядела очень качественной с точки зрения полиграфии и была отпечатана в бывшей типографии Союза воинствующих безбожников. Книга издавалась «на экспорт», чтобы ответить на обвинения СССР в гонениях на религию[78]. Вероятно, кейс был признан успешным, в результате чего государство приняло решение возобновить и регулярную печать официального церковного периодического издания – «Журнала Московской патриархии», запрещенного к изданию в 1935 г. А в 1958 г. увидела свет еще одна изданная РПЦ книга – «Русская православная церковь: устройство, положение, деятельность»[79], которая была переведена на несколько языков и также была призвана убедить международную общественность, что советским гражданам гарантирована полная свобода вероисповедания, а права верующих в СССР не нарушаются.

Кроме того, мы полагаем, что для такого анализа важно и обращение к современным документам РПЦ по вопросам государственно-религиозных отношений, составленным в новой для церкви правовой и политической реальности, но и с учетом церковного опыта предыдущих эпох (например, к Основам социальной концепции Русской православной церкви 2000 г.).

Официальная церковная пресса. Единственным официальным печатным периодическим изданием Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. оставался «Журнал Московской патриархии» (далее – ЖМП)[80].

---

[78] *Поспеловский Д.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. С. 185.

[79] Русская православная церковь : устройство, положение, деятельность (к сорокалетию восстановления патриаршества) / под ред. А.В. Ведерникова. М. : Московская патриархия, 1958. 247 с.

[80] «Журнал Московской патриархии» печатался в государственных типографиях, а контроль за ним осуществлялся непосредственно Советом по делам Русской православной церкви. Государство полностью обеспечивало материальную сторону процесса : издание журнала включалось в общий ежегодный план Объединения государственных издательств, и даже бумагу выделял ЦК ВКП(б) (*Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг. : особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958 : дискуссионные аспекты. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. С. 92). В 1970-е гг. журнал печатался в Московской типографии № 5 «Союзполиграфпрома» при Госкомитете СМ СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (см.: Церковные кадры и меры по ограничению их

С одной стороны, его содержание подвергалось самой жесткой цензуре со стороны государства[81]. С другой стороны, безусловно, присутствовала и самоцензура со стороны редакции ЖМП, без чего публиковать журнал было бы невозможно. Тем не менее воспоминания сотрудников издательского отдела Московской патриархии показывают, что церковные иерархи в некоторых случаях умели обходить советскую цензуру, не выражая при этом открыто своего протеста или неприязни.

Материалы ЖМП не только отражают внешние (государственные) нарративы, заимствованные РПЦ и во многом сформировавшие особый «советский» язык церковной прессы, но в ряде случаев могут указывать на скрытые неформальные правила и практики, характерные для государственно-религиозных отношений в СССР. В целом ЖМП может рассматриваться как одна из составляющих публичной коммуникации, которая частично конструирует, распространяет и отражает модель взаимодействия между Русской православной церковью, государством и обществом. В рамках такой коммуникации со стороны государства имела место одновременное применение репрессивных мер и политики «обхаживания», характерное для послевоенной сталинской политики. В свою очередь, церковное руководство благодаря «большой сделке» с партийным руководством попадало в категорию «избранных» и имело ряд преференций.

Внимательное критическое прочтение материалов ЖМП, основанное на понимании особенностей государственно-религиозного взаимодействия в этот период, дает возможность увидеть реалии советской церковной жизни за

деятельности. С. 329). В самой церкви сама идея широкой издательской деятельности представлялась настолько нереалистичной, что ответственный секретарь редакции ЖМП прот. А. Смирнов полагал, что РПЦ не нужна собственная типография, поскольку она будет убыточной (*Калашник В.В.* «Журнал Московской патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–63). Полный архив номеров «Журнала Московской патриархии» в электронной форме выложен Издательством Московской патриархии на сайте: http://www.jmp.ru.

[81] «Совет по делам религий выполняет цензорские обязанности в отношении выхода в свет журнала и других изданий Московской патриархии. Ответственными сотрудниками и некоторыми членами Совета тщательно просматриваются все материалы журнала, предназначенные к публикации» (Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 329).

немногословным описанием официальных мероприятий и торжественными речами, закладывает основу для изучения целого спектра вопросов, связанных с государственным регулированием сферы религии.

Документы, отражающие формальные практики применения законодательства о религиозных культах

Этот вид источников не обобщался централизованно, и конкретные случаи чаще всего можно найти в центральных и региональных архивах. Вместе с тем в 1999 г. был издан каталог судебных и прокурорских надзорных производств по делам об антисоветской агитации и пропаганде (статья 58^{10} УК РСФСР) с 1953 г. на материалах самой прокуратуры (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31, 36) и Верховного Суда СССР (ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 39, 40, 41), в котором содержится некоторое количество информации о делах, возбужденных в отношении верующих[82].

Одной из самых важных публикаций документов исследуемого периода, позволяющей сделать выводы о практике применения законодательства о культах в отношении РПЦ, является издание писем патриарха Алексия I (Симанского) в Совет по делам Русской православной церкви – Совет по делам религий при Совете Министров СССР, выявленных в упомянутом объединенном фонде Совета (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, 2, 6, 7)[83]. В издание включены документы за 1954–1970 гг. (в хронологическом порядке) с подробными примечаниями и комментариями, восстанавливающими исторический контекст. Большинство писем адресованы лично председателям Совета Г.Г. Карпову и В.А. Куроедову, а также их заместителям. Немалая часть документов представляет собой сопроводительные

[82] 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко ; сост. О.В. Эдельман. М. : Международный фонд «Демократия», 1999. В каталоге документов Верховного Суда в основном содержатся жалобы осужденных, копии приговоров, прокурорские протесты и копии повторных решений судебных инстанций. Дела прокурорского надзора, в свою очередь, более подробны и информативны.

[83] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. В 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. М. : РОССПЭН, 2008–2009.

письма к поступавшим на имя патриарха рапортам, прошениям верующих и духовенства.

Обращения и жалобы верующих. Особую ценность для исследователя имеют различные обращения и жалобы духовенства и верующих, описывающие случаи применения законодательства о культах, в которых авторы видели нарушения или злоупотребления со стороны местных органов власти. Эти обращения могли направляться как в вышестоящие советские и партийные органы (так называемые «письма во власть»), так и на имя патриарха. Обращения верующих представляют интерес для исследователя, поскольку являются показателем правосознания граждан, свидетельствуют о попытках использовать легальные механизмы защиты своих конституционных прав.

Множество обращений содержатся в указанном фонде Р-6991 ГАРФ, и в том числе они приведены в изданных письмах патриарха Алексия I.

Формальные правила и практики государственно-религиозных отношений, содержащиеся в описанном массиве источников, позволяют нам увидеть, с одной стороны, очерченную советским государством правовую и политическую рамку, в которой должна была существовать Русская православная церковь. С другой стороны, они показывают, как формировались и что представляли собой в 1940-х – 1980-х гг. взгляды духовенства и обычных верующих на идеальную, «правильную» модель взаимодействия церкви и государства, а также роль РПЦ в советском обществе в целом.

Однако мы понимаем, что две эти модели (как уже было показано в многочисленных исследованиях) являлись конфликтующими: идеалом для основанного на марксистско-ленинском учении государства являлось полное исчезновение «религиозных предрассудков», в то время как РПЦ изначально была ориентирована на «симфонию» светской и церковной властей и усиление своего влияния на общество. Для того чтобы понять, каким образом оба субъекта государственно-религиозных отношений и составляющие их структуры в реальности взаимодействовали друг с другом, выявить используемые стратегии достижения результатов, обхода установленных ограничений и т.д., нам

необходимо обратиться ко второй группе источников, отражающей неформальные правила и практики этого взаимодействия.

Источники изучения неформального аспекта государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг.

Архивные материалы. Материалы уже описанных нами федеральных, областных, ведомственных архивов (в том числе Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и др.) могут выступать источниками не только в отношении формальных правил и практик государственно-религиозных отношений в СССР, но также содержат и ценнейший материал о неформальной стороне этих отношений. Для этого необходимо обращать внимание на отдельные факты явного или скрытого упоминания неформальной составляющей тех или иных событий.

При этом архивные материалы официального характера, в случае их использования в названных целях, безусловно, будут иметь ряд дополнительных ограничений. С одной стороны, они содержат множество ранее не известных деталей и являются важнейшим источников для ученых, изучающих религиозную жизнь в СССР. Но при их изучении необходим критический подход, учитывающий обстоятельства создания документов, особенности языка, описаний или интерпретации тех или иных данных сотрудниками советских ведомств. Антрополог Соня Люрман так описывает ограничения этого рода источников: «То, что мы можем знать о религиозной жизни в советскую эпоху, ограничено пристрастным характером официальных документов, сложными взаимосвязями

между религиозным восприятием и процессом модернизации, который должен был исключить религию…»[84]

Надежда Белякова отмечает, что многие исследователи советского периода, «завороженные магией цифр и детализированных нюансов», чрезмерно полагаются на это изображение советской религиозной жизни, забывая, что сам подход к официальному изложению событий был в СССР вопросом политическим. В том числе многое зависело от понимания конкретным государственным или партийным служащим внешне- или внутриполитической конъюнктуры»[85].

Таким образом, хранящаяся в архивах служебная переписка вряд ли может существенно расширить наше представление о советской неформальности. Однако такие сведения нередко присутствуют в менее формализованной части этих архивов. В частности, уже упоминавшиеся письма патриарха Алексия (Симанского) в Совет дают множество интересных примеров (они отдельно будут систематизированы нами в главе 3).

Источники личного происхождения. Эпистолярные источники, дневники, мемуары, биографические и автобиографические произведения, а также интервью представителей церкви и государственных деятелей (непосредственных участников) также имеют несомненную ценность для исследователя неформального пространства государственно-религиозных отношений.

Они, с одной стороны, дают представление о восприятии советской церковной действительности, законодательства о религии и правоприменительной практики как православным духовенством и мирянами, так и самими властями. С другой стороны, именно в них зачастую и описаны интересующие нас проявления неформальности во взаимодействии субъектов государственно-религиозных правоотношений, – то, что лежит за пределами

---

[84] *Люрман С*. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 501.

[85] *Белякова Н.А*. «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 132–133.

писаного права, однако, оказывает непосредственное воздействие на правовое регулирование и на систему общественных отношений в целом.

Авторы этой подгруппы источников принадлежат к нескольким категориям: это прежде всего епископат, рядовое духовенство, монашествующие и миряне Русской православной церкви. Часть из них проживали в Советском Союзе и были в целом лояльны советской власти. Другие представляли церковное зарубежье. Третьи – условные церковные диссиденты, а также правозащитники, обращавшие внимание на преследования верующих в СССР и критически отзывавшиеся об отдельных представителях иерархии, критиковавшие священноначалие и сложившуюся советскую церковную систему. Кроме того, большое значение имеют воспоминания государственных чиновников, ответственных за осуществление религиозной политики, а также свидетельства бывших церковно- и священнослужителей, публично порвавших с церковью и религией.

Представление об этом корпусе источников дают размещенные в сети Интернет в рамках крупных проектов «Память Церкви», «Прожито», «Азбука.ру» и др. воспоминания известных церковных деятелей рассматриваемого периода и личные свидетельства[86]. Всего исследовано 137 свидетельств личного характера, позволяющих увидеть «человеческое измерение» государственно-религиозных отношений в Советском Союзе, во многих случаях – идентифицировать личные мотивы, не упомянутые в официальных документах, и т.д.

Так, *личные дневники* православного духовенства и верующих дают много важной информации об особенностях церковной жизни в советский период, и в том числе – о характерных механизмах государственно-религиозного взаимодействия. Ценность дневников состоит в фиксации определенных событий и их восприятия автором в момент написания, в отсутствии позднейшей самоцензуры. С другой стороны, у дневников есть и недостаток – авторы не

[86] Мы полагаем, что эти интервью могут быть отнесены к числу источников, поскольку такого рода «устная история» содержит уникальные сведения о повседневности изучаемого периода и личном опыте конкретных людей, который не отражен в архивных документах. Оговоримся тем не менее, что полученные таким образом данные нуждаются в дополнительной верификации.

всегда обладают достаточной информацией для интерпретации переживаемых ими событий или верификации услышанного, а также не знают, к чему в дальнейшем такие события приведут, а следовательно, могут строить неверные прогнозы.

Личные дневники и записи епископата, в большей степени погруженного во взаимодействие с советской властью[87], а также священников, имевших церковно-административные должности, дают представление об отдельных аспектах реализации государственной религиозной политики в СССР, а кроме того, содержат много интересных наблюдений и характеристик. Так, например, в дневниках архимандрита Антония (Мельникова, будущего митрополита Минского) можно увидеть свидетельства того, как Совет по делам Русской православной церкви (после 1965 г. – Совет по делам религий при Совете Министров СССР) участвовал в принятии решений об использовании духовенства в международной деятельности по линии отдела внешних церковных сношений Московского патриархата[88], вынуждал настоятелей принимать нужные уполномоченным кадровые решения[89] и проч. При этом, упоминая полную зависимость тогдашнего минского митрополита Антония (Кротевича) от местных представителей Совета, архим. Антоний отмечает, что тот действовал с ними «в полном контакте, и едва ли этот обоюдный союз может быть в пользу Церкви Христовой»[90].

Некоторые аспекты деятельности РПЦ на международном направлении описывают личные заметки митрополита Иоанна (Вендланда), с 1958 по 1967 гг.

---

[87] Следует отметить, что стремление к активному сотрудничеству с советской властью часто было результатом сознательного выбора. Митрополит Григорий (Чуков) в своем дневнике писал: «Только люди, сидящие у себя в кабинетах и не состоящие у ответственной работы, могут разводить идейность и рекомендовать не сноситься с советской властью… Для всякого ответственного работника сношение с властью совершенно необходимо» (*Чуков Н., прот*. Дневник. Тетрадь 15 // Тетради по консерватизму. 2024. № 4. С. 198–220).

[88] «В течение целого дня с Радугиным пришлось ездить из Иностранного отдела в Совет и обратно. В результате всего меня по состоянию здоровья отстранили, а Радугина обещали использовать для работы в Отделе» (Дневник архимандрита Антония (Мельникова) за 1961 г. / Вступ. статья, публ. и комм. иер. Н. Пашкова // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2020. № 7-8. С. 222).

[89] Дневник архимандрита Антония (Мельникова) за 1961 г. С. 223.

[90] Там же. С. 229.

исполнявшего функции представителя Московского патриархата сначала на Ближнем Востоке, а затем в Северной и Южной Америке[91].

Дневники известных советских деятелей культуры содержат не только личные размышления о религии, но и описывают значимые события в сфере государственно-церковных отношений – например, М.М. Пришвин[92] упоминает свою реакцию и реакцию окружающих на избрание патриарха Сергия (Страгородского) в 1943 г. (12 сентября), пишет о государственной политике мобилизации «религиозного ресурса» в военное время (14 января 1944 г.) и партийной антирелигиозной цензуре (16 декабря 1944 г.).

Мемуары, написанные post factum и являющиеся литературным произведением, представляют особенный интерес как авторская рефлексия, попытка анализа и систематизации личных воспоминаний. Одновременно необходимо помнить, что ретроспекция зачастую имеет выборочный характер, автор может приукрашивать или замалчивать факты, оправдывать себя, выстраивать определенный законченный нарратив и т.д. Кроме того, автор мемуаров уже знает финал описываемых событий, что накладывает отпечаток на их интерпретацию. Наконец, эти произведения могут быть написаны под влиянием политической конъюнктуры в момент создания. Тем не менее мемуары представляют собой один из самых интересных видов личных источников.

Например, воспоминания митрополита Питирима (Нечаева) касаются его встреч с большим количеством известных церковных деятелей в России и за рубежом, неформальных бесед с представителями власти, участия в экуменической деятельности, времени обучения и преподавания в Московской духовной семинарии, церковной жизни в перестроечный период. В том числе митр. Питирим вспоминает, как создатели законодательства о религии в 1990 г. признавались ему в отсутствии достаточной компетенции в религиозных

---

[91] Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн (Вендланд) : «Будем делать дела любви!» : Дневники. Письма. Воспоминания / Ярославль : Изд. Александр Рутман, 2013. 504 с.

[92] *Пришвин М.М*. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой ; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М. : РОССПЭН, 2012. 813 с. *Его же*. Дневники. 1944–1945 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой ; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М. : Новый хронограф, 2013. 944 с.

вопросах, поскольку всю свою жизнь они исходили из недопустимости присутствия религии в публичной сфере: «…и вдруг сейчас нам нужно определить законодательный кодекс, регулирующий моральные и прочие вопросы в отношении конфессий. У нас нет для этого ни достаточных представлений, ни даже словаря»[93].

Воспоминания обычных мирян касаются описания церковной повседневности и помогают понять особенности мировоззрения и правосознания советских верующих, восприятие ими различных церковных и политических событий, практических проблем существования в формально атеистическом государстве. Большинство из них почти не касаются «острых тем»[94].

Несколько иной взгляд, в целом доброжелательный по отношению к Московскому патриархату, но критически оценивающий правовое положение церкви в СССР и советскую религиозную политику, представлен в заметках «внешних» – церковных деятелей русского зарубежья. Прежде всего в этом ряду следует упомянуть воспоминания архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина), подробно описавшего свои поездки в СССР и опыт общения с епископатом, рядовым духовенством и мирянами[95]. Его воспоминания интересны как переданными деталями личного общения с церковными людьми в России, так и общей оценкой государственно-религиозных отношений в Советском Союзе. Делясь впечатлениями от встреч с патриархами Алексием I (Симанским), Пименом (Извековым), Алексием II (Ридигером), митрополитами

---

[93] Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о церкви, о времени и о себе / сост. Т.Л. Александрова, Т.В. Суздальцева. М. : ПСТГУ, 2019. 672 с. URL: https://azbyka.ru/fiction/rus-uxodyashhaya-rasskazy-mitropolita/?full_text=1 (дата обращения: 29.09.2025).

[94] *Дедков И.А*. Дневник. 1953–1994 / сост. Т.Ф. Дедкова. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. 792 с. ; *Иванова И.И*. Воспоминания // Интернет-портал «Память Церкви». 20.09.2024. URL: https://pamyat-tserkvi.ru/ivanova-irina-ivanovna (дата обращения: 23.11.2025).

[95] *Василий (Кривошеин), архиеп*. Воспоминания. Митрополит Никодим (Ротов). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Krivoshein/vospominanija-mitropolit-nikodim-rotov (дата обращения: 23.11.2025) ; *Его же*. Воспоминания. Митрополит Николай (Ярушевич). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Krivoshein/vospominanija-mitropolit-nikolaj-jarushevich (дата обращения: 23.11.2025) ; *Его же*. Рассказ об архиепископе Вениамине (Новицком) (1900–1976 гг.). URL: https://basilekrivocheine.org/memoirs/rasskaz-ob-arxiepiskope-veniamine-novickom (дата обращения: 23.11.2025).

Николаем (Ярушевичем), Никодимом (Ротовым) и др., архиеп. Василий касается и неформальной составляющей государственно-церковного взаимодействия.

Отдельно следует остановиться на «диссидентских» произведениях, критически осмысливающих советскую церковную действительность, ее политическое и религиозное измерение. Так, в ряду мемуаров духовенства, остававшегося в СССР, особое место принадлежит воспоминаниям священника Павла Адельгейма, написанным в середине 1970-х гг., но опубликованным лишь в 2010 г. В них содержится не только развернутое описание правоприменительной практики советского законодательства, но и многочисленные сведения о неформальных рычагах воздействия на РПЦ со стороны советской власти, об «отрицательной селекции» духовенства, влиянии советской действительности на формирование ментальных установок церковных людей[96].

Также в этом ряду – воспоминания и заметки А.Э. Краснова-Левитина[97], священника Сергия Желудкова. Переписка С. Желудкова с разными лицами в 1970-х гг.[98] и книга «Литургические заметки» (написанная в 1960–1970-х гг.)[99] касаются как отдельных правовых аспектов существования церкви в советском государстве, так и проблем организации приходской жизни и реформирования богослужения.

В свою очередь, А.Э. Краснов-Левитин, церковный правозащитник, эмигрировавший из СССР в 1974 г. и лишенный советского гражданства, разбирает в своих мемуарах особенности советского законодательства о религии и правоприменительную практику[100], рассказывает о впечатлениях от церковных иерархов, предлагает свою интерпретацию различных событий. Впрочем, не имея

---

[96] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами : повесть в трех частях. М. : Крестовоздвиженское малое православное братство, 2010. 310 с.

[97] *Краснов-Левитин А*. Диалог с церковной Россией / предисл. архиеп. Иоанна Сан-Францисского. Париж, 1967. 112 с. ; *Его же*. Воспоминания. Часть 2. Рук Твоих жар (1941–1956). URL: https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin/?full_text=1#toc (дата обращения: 14.09.2025).

[98] *Желудков С., Любарский К*. Христианство и атеизм. Брюссель : жизнь с Богом, 1982. URL: https://krotov.info/library/07_zh/zhel/udkov_07.htm (дата обращения: 30.09.2025).

[99] *Желудков С., свящ*. Литургические заметки. Переписка. Письма. Воспоминания / сост. С.С. Бычков. 3-е изд., испр. и доп. М. : Sam & Sam, 2017. 400 с.

[100] *Краснов-Левитин А*. Диалог с церковной Россией. С. 102–112 и др.

доступа к сведениям из первых рук, А.Э. Краснов-Левитин нередко пересказывает слухи и предположения, не имевшие ничего общего с действительностью: например, он полагает, что патриарх Алексий (Симанский) добился освобождения из-под стражи своего помощника Д.А. Остапова благодаря имевшейся возможности еженедельно беседовать по телефону со Сталиным[101]. В реальности Остапов был освобожден министром госбезопасности В.С. Абакумовым после направления патриархом ходатайства в Совет на имя Г.Г. Карпова[102].

В ряду мемуаров есть и еще один интересный источник – свидетельства «церковных ренегатов», бывших священнослужителей и церковных деятелей, порвавших с РПЦ в хрущевские годы, например А.А. Осипова[103], Е.К. Дулумана[104], П.Ф. Дарманского[105], К.П. Горюнова[106], А. Мельника[107].

В основном они в сатирических тонах описывают церковную жизнь и критикуют положения христианского вероучения, обращают внимание на безнравственность окружавших их представителей духовенства, эксплуатацию епископами в личных целях подчиненных[108], воровстве в среде церковнослужителей[109], однако в большинстве случаев невозможно сделать вывод о достоверности таких рассказов.

Нужно признать, что среди личных источников практически нет свидетельств «с другой стороны», а именно – мемуаров представителей власти, принимавших решения или участвовавших в реализации государственной

---

[101] *Краснов-Левитин А.Э.* Воспоминания. Часть 2. Рук Твоих жар.
[102] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 89–89 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 203.
[103] *Осипов А.А*. Путь к духовной свободе : рассказ бывшего богослова. М. : Госполитиздат, 1960. 80 с.
[104] *Дулуман Е.К.* Почему я перестал верить в бога : рассказ бывшего кандидата богословия. М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. 47 с. ; *Его же*. Бог, Религия, Священники, Верующие и Атеисты. Киев : Феникс, 2012. 480 с.
[105] *Дарманский П*. Побег из тьмы : рассказ бывшего священника. М. : Советская Россия, 1961. 112 с. ; *Дарманський П.Ф*. За іконостасами вівтарів. К. : Політвидав України, 1989. 262 с.
[106] *Горюнов К.П*. Из плена алтарей. Документальная повесть бывшего служителя культа. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1975. 186 с.
[107] *Мельник А*. Не хочу обманывать людей. Почему я сложил с себя духовный сан? // Правда Востока. 1961. 16 февраля.
[108] *Дарманский П*. Побег из тьмы : рассказ бывшего священника. С. 17.
[109] Там же. С. 27–28.

религиозной политики. Редким исключением (и оттого еще более ценным) является недавно вышедшая книга воспоминаний полковника разведки Ивана Михеева, который в качестве прикрытия своей работы в немецком тылу был рукоположен в священники РПЦ, а впоследствии, отказавшись от священного сана, работал в Совете по делам религий[110].

Личная переписка духовенства и мирян РПЦ как издана отдельно, так и частично включена в их мемуары. Это письма архиеп. Василия Кривошеина, еп. Афанасия Сахарова, свящ. Сергия Желудкова и многие другие. Их собеседники помимо обсуждения вопросов духовного характера делятся мелкими деталями советского церковного быта – от сложностей с подпиской на «Журнал Московской патриархии» до обсуждения равнодушных к исполнению своих обязанностей священников[111]. Такие свидетельства особенно важны в том числе и потому, что в них можно выделить определенные последовательности обмена мнениями по насущным церковным вопросам и лучше понять образ мыслей советских верующих.

Интервью участников событий, в силу самого жанра, отличаются меньшей информативностью и фрагментарностью. Тем не менее и в таких источниках содержится немало полезной для исследователя правового регулирования государственно-религиозных отношений информации, например, с этой точки зрения интересны многочисленные интервью старейших клириков Санкт-Петербургской епархии, регулярно публикуемые в «Санкт-Петербургском церковном вестнике». Также на епархиальных интернет-ресурсах имеется некоторое количество небольших по объему интервью епископата[112]. Слабая

---

[110] Таинственный монах. Разведчик из группы Судоплатова / под ред. М. Смирнова. М. : Родина, 2025. 402 с.

[111] *Желудков С., свящ*. Литургические заметки. Переписка. Письма. Воспоминания. С. 186–192.

[112] *Феодосий (Процюк), митр*. Трудности приходят и уходят, остаются добрые дела : интервью // Пастырь. 2007 (декабрь). URL: https://web.archive.org/web/20090126034248/http://glinskie.ru/common/mpublic.php?num=203 (дата обращения: 02.10.2025) ; Беседа с архиепископом Керченским Анатолием (Кузнецовым) // Интернет-портал Иркутской епархии. 03.09.2008. URL: http://www.iemp.ru/interviju/detail.php?ID=1602 (дата обращения: 02.10.2025) ; *Кирилл (Покровский), митр*. Воспоминания // Интернет-портал «Память Церкви». 21.03.2024. URL:

сторона этих интервью с источниковедческой точки зрения состоит в их ретроспективности, а также в отсутствии у интервьюеров научно-исследовательских целей: священнослужители вспоминают отдельные случайные события 40–50-летней давности, а вопросы зачастую имеют общий характер.

Так, при всем разнообразии интервью, опубликованных в рамках современных церковных проектов и в епархиальных периодических изданиях, большинство из них следуют схожей логике изложения, избегает неоднозначных тем и неудобных вопросов, сосредоточено на отдельных биографических деталях рассказчиков, нередко носит назидательный характер. Священнослужители вспоминают ранние годы своего священнического служения, кратко упоминают встречавшихся на их жизненном пути архиереев или известных церковных деятелей, вскользь (без подробностей) упоминают о контроле над церковью со стороны местных властей, уполномоченных и органов государственной безопасности. Можно предположить, что определенную роль в построении такого нарратива играет как внутренняя осторожность (самоцензура) авторов, так и отсутствие какого-либо специального запроса со стороны интервьюера. Те же слабые стороны характерны и для собранных интервью мирян[113]. Иными словами, в многочисленных интервью духовенства и мирян проблематика правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР практически не отражена, не позволяет в большинстве случаев выявить определенные механизмы взаимодействия государства и РПЦ в советское время. Тем не менее среди этой группы источников есть и примеры ярких интервью со свидетелями советских событий, которые активно взаимодействовали с уполномоченными, добиваясь от властей нужных уступок, открытия храмов и т.д.[114]

---

https://pamyat-tserkvi.ru/mitropolit-stavropolskij-i-nevinnomysskij-kirill (дата обращения: 02.10.2025).

[113] Более того, в некоторых публикациях проекта «Память Церкви» миряне из священнических семей рассказывают и о сомнительных для православной традиции духовных практиках : «[мой отец] лечил еще, обладал этим даром. Отчитывал. Очень много людей к нему ходило». URL: https://pamyat-tserkvi.ru/levina-nina-romanovna (дата обращения: 28.09.2025).

[114] *Николай (Кутепов), митр*. О властях и Церкви Христовой : интервью // Независимая газета – Религии. 25.04.2001.

Отметим, что значимым дополнением к этим свидетельствам уже со стороны государства выступают немногочисленные интервью бывших руководителей и сотрудников Совета по делам религий при Совете Министров СССР[115]. Такие свидетельства обращают внимание и на спорные моменты в государственно-религиозных взаимодействиях, в том числе дают свою оценку тем или иным публичным действиям и реакции РПЦ. Так, К.М. Харчев отмечает, что в годы перестройки Совет отменил обязательную запись паспортных данных родителей при крещении детей, что неожиданно вызвало негативную реакцию многих священнослужителей: ранее, «обходя это требование, они получали от верующих вознаграждение». Также, по словам К.М. Харчева, открытие новых храмов уменьшало доходы действующих приходов, поэтому часть духовенства была против этого[116]. Конечно, необходимо иметь в виду, что в современных интервью бывшие советские чиновники могут преуменьшать роль государственных органов, к которым они относились, в преследованиях религиозных общин и, напротив, подчеркивать свою деятельность на благо РПЦ[117].

Что касается биографических заметок и автобиографий, этот жанр предполагает более формализованный характер. Биографии могут представлять собой детально проработанную научную работу с привлечением архивных источников и проч., но могут и составляться близкими людьми, стремящимися подчеркнуть какую-либо сторону исторического деятеля (или с иными целями).

---

[115] Председатель Совета по делам религий Константин Харчев : «Я не помню ни одной просьбы от иерархов и священников открывать церкви. Они боялись» // Портал «Русская вера». 08.06.2015. URL: https://ruvera.ru/articles/predsedatel_soveta_religiiy_konstantin_harchev (дата обращения: 02.10.2025) ; *Подшибякин В.Г.* Со старообрядческим духовенством я находил общий язык : интервью // Портал «Русская вера». 01.12.2015. URL: https://ruvera.ru/articles/podshibyakin_interviu_1 (дата обращения: 02.10.2025).

[116] См.: https://ruvera.ru/articles/predsedatel_soveta_religiiy_konstantin_harchev (дата обращения: 02.10.2025).

[117] Константин Харчев : на благо нашей Церкви я сделал все что мог. Беседа с бывшим председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР // URL: https://kremlinhill.com/2024/11/14/константин-харчев-я-сделал-для-церкви (дата обращения: 20.09.2025).

Автобиографические произведения в особенности требуют критического подхода, так как могли составляться с целью скрыть или исказить некоторые факты.

В числе личных воспоминаний, имеющих биографическое значение, можно выделить упомянутые ранее произведения архиеп. Василия (Кривошеина) об известных иерархах РПЦ, с которыми ему довелось общаться в Европе и в ходе визитов в СССР. Интересная и большая подборка свидетельств людей, лично знавших митр. Никодима (Ротова) и других ключевых церковных деятелей РПЦ в советское время, опубликована архимандритом Августином (Никитиным)[118]. В ней содержится большое количество материалов, показывающих повседневную жизнь Московской патриархии, механизмы коммуникаций с государством и отдельные аспекты церковной внешней политики.

Интересные характеристики неформальных практик в отношениях епископата с уполномоченными приводит прот. Николай Балашов в воспоминаниях об архиепископе Михаиле (Мудьюгине)[119]: «Средства для достижения целей владыка Михаил избирал разнообразные. Помню его с особенным, грустным и вместе с тем очень решительным выражением лица, когда он направляется к уполномоченному Совета по делам религии по Вологодской области, в «штатском» костюме с галстуком (как в то время полагалось при явке к государственному чиновнику) и с шахматной доской под мышкой. Такие спортивные состязания нередко заканчивались в результате тем, что уполномоченный соглашался, по крайней мере, смотреть сквозь пальцы на принимаемые решения, которые были в интересах Церкви, но не воспринимались советским государством как соответствующие его целям и задачам»[120].

---

[118] *Августин (Никитин), архим*. Церковь плененная : митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

[119] Михаил (Мудьюгин, 1912–2000) – архиерей Русской православной церкви, богослов, преподаватель, активный участник экуменического движения. Ректор Ленинградской духовной академии (1966–1968), архиепископ Астраханский и Енотаевский (1968–1979), Вологодский (1979–1993), с 1993 г. находился на покое.

[120] *Балашов Н., прот*. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) как епархиальный архиерей. URL: http://vologda-seminaria.ru/protoierej-nikolaj-balashov-arhiepiskop-mihail-mudyugin-kak-eparhialnyj-arhierej (дата обращения: 17.05.2026). Об усилиях архиеп. Михаила по налаживанию

Эти источники наглядно демонстрируют особенности правоприменительной практики советского законодательства, имевшей мало общего с декларируемым Конституцией СССР принципом свободы религии. С другой стороны, они позволяют увидеть в РПЦ этих лет отдельного субъекта правоотношений в его взаимодействии с органами власти и советским обществом в целом.

При изучении личных воспоминаний как источника тем не менее перед нам встает вопрос их достоверности и репрезентативности. В целом наиболее интересны и информативны дневники и мемуары священнослужителей, написанные «в моменте» или вскоре после описываемых ими событий, созданные в советские годы, но лишь после распада СССР вышедшие в России. Они в том числе содержат описания арестов, закрытий храмов, эпизодов давления со стороны советской власти.

Записанные многочисленными церковными СМИ (в том числе и в рамках специализированных церковно-исторических проектов) воспоминания переживших советское время представителей духовенства и мирян в основном носят подчеркнуто «благочестиво-бытовой» характер. В них проблематика правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР практически не отражена, редуцируется до отдельных рассказов о событиях их церковной юности, иногда – до упрощенного «жертвенного» нарратива о преследовании церкви со стороны безбожной власти. Эта часть источников, при всей их важности для исследователя, не позволяет в большинстве случаев выявить определенные механизмы взаимодействия государства и РПЦ в советское время.

Основным проблемным полем, к которому обращаются авторы воспоминаний, являются вопросы жизни РПЦ в условиях гонений, выживания и

внутрицерковной жизни в нижневолжских епархиях см. : *Иоасаф (Вишняков), еп., Балабейкина О.А., Слободчикова П.С*. Взаимоотношения архиепископа Михаила (Мудьюгина) с духовенством (Астраханская и Енотаевская епархия, 1968–1979 гг.) // Ипатьевский вестник. 2026. № 1. С. 104–116. URL: https://doi.org/10.24412/2309–5164–2026–1–104–116 (дата обращения: 18.05.2026).

адаптации церкви к реалиям советской религиозной политики, характерных для этого стратегий поведения духовенства и верующих (компромисс, сопротивление, уход во внутреннюю эмиграцию).

Среди прочего личные свидетельства наглядно показывают вертикальные и горизонтальные связи внутри РПЦ, помогают восстановить неформальные механизмы взаимодействия между церковными деятелями, а также отношение верующих к советскому законодательству, власти и коммунистической идеологии.

Многочисленные бытовые детали привносят «человеческое» измерение в историю государственно-религиозных отношений в СССР. Зафиксированные личные переживания, которые отсутствуют в официальных документах, таким образом оживляют исторический нарратив.

Личные источники, будучи сложными текстами, не допускающими прямого позитивистского прочтения, требуют соответствующей интерпретации, сопоставления между собой и с данными из смежных гуманитарных наук для выявления мотивов их авторов и учета возможного вольного или невольного «мифотворчества».

Необходимо отметить, что за исключением небольшого сегмента (церковных диссидентов и духовенства из-за границы) в воспоминаниях не отражены вопросы влияния советских политико-правовых моделей на церковное право и правосознание и т.д. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о слабой рефлексии такой болезненной для современной РПЦ тематики, но, с другой стороны, указывает на направления дальнейших правовых, исторических и богословских исследований.

* * *

С одной стороны, источники первой группы (формальное право), характеризующие формальную сторону государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг. (прежде всего – нормативно-правовая база исследуемого периода), указывают на изначальную интенцию партийных и советских органов власти, их видение направления государственной политики в отношении религии

и правового статуса церкви в Советском Союзе. Материалы документооборота государственных органов, распоряжения и инструкции, межведомственная переписка позволяют представить, каким образом шла проработка тех или иных вопросов, связанных с нормативно-правовым регулированием и его осуществлением на практике.

Исторически сформировавшиеся представления Русской православной церкви о самой себе, своем правовом статусе, месте в общественной жизни и об отношениях с государством, будут проанализированы на основе анализа корпуса церковно-правовых источников.

Материалы правоприменительной практики, в свою очередь, содержатся как в архивных документах (в том числе переписке руководства Московской патриархии, обращениях духовенства и рядовых верующих в вышестоящие инстанции), так и многочисленных свидетельствах личного характера.

Вторая группа источников (делопроизводственные документы, личные источники) позволяет нам выявить неформальные правила и практики государственно-религиозных отношений в рассматриваемый период.

Таким образом, представленный корпус источников репрезентативен и обладает достаточным эвристическим потенциалом для достижения целей нашего исследования.

§ 1.2. Отечественная и зарубежная историография правового регулирования государственно-религиозных отношений: основные направления и подходы

Параграф посвящен изучению различных направлений исследования тематики государственно-религиозного взаимодействия, анализу концептуальных подходов, на которые опираются исследователи. Будут выявлены сильные и слабые стороны отечественной и зарубежной историографии с учетом поставленных в работе целей и задач.

Обращаясь к многочисленной литературе по вопросам государственно-религиозных отношений и особенностей их правового регулирования в России в различные исторические периоды (дореволюционный, советский и современный), необходимо сначала обозначить несколько ключевых направлений исследований российских и зарубежных ученых, имеющих отношение к рассматриваемой тематике. Оговоримся, что в ряде случаев для нашей работы значимы опубликованные исследования, выходящие за избранные хронологические и территориальные рамки, например в целях ретроспективного или сравнительного анализа. Используемая нами методологическая рамка также предполагает обращение к результатам исследований смежных общественных наук.

Кроме того, нужно иметь в виду, что классическое разделение современной историографии на российские и зарубежные исследования (с учетом активного развития международной академической мобильности в начале XXI в.) не представляется оправданным в применении к исследуемой научной проблематике.

Для удобства классификации мы будем отталкиваться от следующих крупных тематических блоков: 1) изучение особенностей советской правовой системы и советской модели правового регулирования; 2) исследования, посвященные развитию православного церковного (канонического) права; 3) работы, анализирующие историю и правовое регулирование государственно-религиозных отношений в России в различные периоды; 4) исследования роли коллективных представлений, неписаных правил и неформальности, взаимодействия правовых и неправовых способов регулирования общественных отношений в общемировом и российском контекстах.

В ходе обобщения научной литературы мы будем обращать внимание на используемую авторами методологию, показывать значимость конкретных исследований для историко-правовой науки и выявления общих закономерностей истории правового регулирования государственно-религиозных отношений в России, а также на очевидные ограничения этих работ и возможные направления дальнейших исследований.

Одним из основных вопросов при составлении историографического обзора является представленность в имеющейся литературе институционального подхода к изучению правового регулирования отношений государства и религиозных объединений, включая анализ соотношения формального и неформального аспектов.

* * *

Исследования советской правовой системы. Сама система советского права, конечно же, не могла не изучаться ведущими советскими теоретиками права, будучи представлена в многочисленных учебниках, монографиях и статьях[121]. Вместе с тем многие особенности советской правовой культуры и скрытые механизмы правотворчества (например, влияние советских идеологических посылок, роль секретных и неформальных указаний) в значительной степени оставались за рамками анализа. Доступ к советским правовым материалам и документам судебных заседаний на протяжении всего советского периода был крайне ограничен, поэтому до 1991 г. было невозможно провести и полноценное исследование правоприменительной практики с опорой на источники в ряде отраслей советского права. Это, в частности, относится и к законодательству о культах.

Тем не менее первые попытки такого анализа и выявления закономерностей развития советской правовой системы принадлежат зарубежным исследователям. Грэм Гилл (Graham Gill) и другие авторы разрабатывали подходы к анализу формальных и неформальных правил, действовавших в советской политической системе, обозначали их типологию и механизмы влияния на политические модели

---

[121] Назовем лишь несколько работ советского времени: Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / *М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович* ; под ред. М.П. Карева. М. : Гос. изд. юрид. лит., 1949 ; *Алексеев С.С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. М. : Госюриздат, 1961 ; *Лепешкин А.И., Андреев В.С., Братусь С.Н.* Основы советского государства и права. М. : Просвещение, 1970 ; Правотворчество в СССР / *А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин, С.А. Пяткина, А.А. Тилле [и др.] ;* под ред. А.В. Мицкевича. М. : Юрид. лит., 1974 ; *Сырых В.М.* Метод правовой науки : структура методов теоретического познания государства и права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1982 и др. Также множество важных статей публиковались в журнале «Советское государство и право». Напр.: *Явич Л.С.* К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 71–79.

и коллективные действия в различные периоды советской истории[122]. Значительная волна исследований такого рода появилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Тогда же появился целый пласт работ, интерпретирующих советскую правовую мысль и поведение. Они представляют собой три группы:

– первая группа рассматривала законодательство в СССР как инструмент власти, который маскирует и легитимирует единую волю партии или лидера. С этой точки зрения закон является репрессивно-маскирующим инструментом и средством воздействия на население[123];

– вторая группа работ подчеркивала роль бюрократии в формировании советской правовой политики. Для этих авторов право являлось продуктом не единой рациональной воли, а результатом соревнования между конкурирующими институциональными требованиями (на примере эпохи «большого террора» – между сторонниками открытых, «легализованных репрессий» (прокуратура) и сторонниками тайного, тотального террора (НКВД), с фигурой И. Сталина в виде арбитра);

– в третьей группе исследований советское право признавалось жизненно важной сферой социальной деятельности, имевшей свою собственную внутреннюю логику. Чтобы понять его своеобразие и сложность, необходимо серьезно отнестись к правовым традициям, которые порождают советскую правовую теорию и практику[124].

К примеру, один из наиболее авторитетных исследователей советского права Юджин Хаски (Eugene Huskey) доказывал, что советскую правовую мысль

---

[122] *Gill G*. Institutionalisation and Revolution : Rules and the Soviet Political System // Soviet Studies. 1985. Vol. 37, No. 2. P. 213 ; *Maley W*. A Comment on Rules and the Soviet Political System // Soviet Studies. 1986. Vol. 38, No. 1. P. 103–106 ; *Huskey E*. From Legal Nihilism to Pravovoe Gosudarstvo : Soviet Legal Development, 1917–1990. Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991 ; *Solomon P.H., Jr*. Local Political Power and Soviet Criminal Justice, 1922–41 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37, No. 3. P. 305–329.

[123] Из понятия «революционная законность» и большевистской ортодоксии проистекали удивительные повороты в партийной доктрине относительно конечной цели закона в СССР, который должна была постигнуть та же участь, что и государство. Коммунизм означал не только победу социалистического права, но и победу социализма над всяким правом, ибо с ликвидацией классов с их антагонистическими интересами право отмирает (подробнее см.: *Petro N*. Informal Politics and the Rule of Law. Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991. P. 4–5).

[124] *Huskey E*. A Framework for the Analysis of Soviet Law. P. 53.

и поведение формировали три конкурирующих подхода – нигилистический, этатистский (государственно ориентированный) и легистский, сосуществовавшие в различных конфигурациях в тот или иной период развития Советского Союза. На интересующем нас постсталинском этапе доминировал, согласно Ю. Хаски, этатистский подход, который опирался на коалицию центрального партийного и правительственного аппарата, военных и систему МГБ/КГБ[125], а в качестве цели законотворчества устанавливал обеспечение стабильности государства[126].

Хаски отмечал, что сложившаяся в СССР государственно ориентированная структура законов сформировала неудовлетворительный нормативный режим, в котором: 1) писаные законы не образуют внутренне согласованного свода правил, а опубликованную, видимую часть законодательства – нормы Конституции, законов, указов Верховного Совета (и отдельных постановлений Совета Министров общего характера) – маскируют подзаконные акты, которые и направляют повседневную работу советского правительства; 2) подзаконные нормы ограниченного доступа (или секретные), предназначенные для внутреннего использования бюрократией, часто противоречат опубликованным (теоретически – вышестоящим) нормам и, более того, имеют приоритет над ними. Таким образом, этатистская, государственническая, модель советского права создала перевернутую иерархию законов, в которой наиболее авторитетные нормы находятся внизу, а не наверху[127].

В работе, которая анализирует советский нормативный порядок, исследователь выделяет такие характеристики нормотворчества, как масштабность[128], секретность[129], нежелание законодателей соблюдать основные

---

[125] *Huskey E*. A Framework for the Analysis of Soviet Law. P. 54.

[126] Закон должен был служить оружием партии в борьбе за искоренение пережитков капитализма и привить «социалистическую дисциплину» в сознании миллионов людей (*Petro N*. Informal Politics and the Rule of Law. Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991. P. 4–5).

[127] *Huskey E*. A Framework for the Analysis of Soviet Law. P. 54.

[128] Под некоторым подсчетам, количество постановлений, принятых Советом министров СССР в 1945–1965 гг. исчислялось десятками тысяч (более 57 000) (*Loeber D.A*. Legal Rules “For Internal Use Only” A Comparative Analysis of the Practice of Withholding Government Decrees from Publication in Eastern Europe and in Western Countries // International and Comparative Law Quarterly. 1970. Vol. 19, issue 1. P. 91).

принципы рациональности (иерархия[130] и дифференциация законов). Это приводит к нигилистическому отношению к закону среди разных слоев советского общества, стремлению заручиться поддержкой руководителя «сверху», избегая собственной инициативы, провоцирует создание сетей политического патронажа и защиты[131]. Вместе с тем «тщательно разработанное для предотвращения независимой инициативы граждан право воспитывало и при необходимости принуждало поколения советских людей к нормам общепринятого социального поведения»[132].

Дитрих Лебер (Dietrich André Loeber), сравнивая практику засекречивания правовых актов в странах Западной и Восточной Европы (в том числе в СССР), приводит негативные оценки такой практики советскими юристами 1950–1960-х гг., поскольку непубличность законодательства приводит к нарушениям закона и ограничению прав граждан. Фактически на усмотрение государственных органов оставлено решение вопроса о том, является ли правовая норма общезначимой. В качестве примера необоснованного присвоения пометки «для служебного пользования» Д. Лебер приводит разработанные в 1966 г. Советом по делам религий (и утвержденные Советами Министров союзных республик) положения о комиссиях содействия исполкомам городских и районных советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах[133].

---

[129] Описанную нормативную пирамиду можно рассматривать как айсберг. Небольшая часть видна, но огромный корпус ведомственных инструкций, дающий направление советской жизни, были скрыты от граждан, оставляли его в неведении о правовых последствиях его действий. Это также создавало возможности для бюрократии выпускать подзаконные акты или инструкции, которые противоречили уже принятым законам.

[130] Нарушение иерархии законом Хаски описывает так: «Ситуация поистине парадоксальная. Пока закон или важный нормативный акт не будет доведен до министерства приказом министра, закон или акт остается мертвой буквой для любого министерского чиновника». Ведомственные инструкции, таким образом, функционировали как «правовые артерии» «командно-административной системы», унаследованной от Сталина» (*Huskey E*. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // Law and Social Inquiry. 1990. Vol. 15, issue 3. P. 425).

[131] *Huskey E*. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika. P. 424.

[132] *Petro N*. Informal Politics and the Rule of Law. Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991. P. 5.

[133] См.: Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 88–103. Только в 1958–1959 гг. было принято около 30 указов и постановлений о закрытии доступа к ряду нормативных актов. Советские ученые также не имели доступа к большому количеству законодательных актов (*Loeber D.A*. Legal Rules “For Internal Use Only” A Comparative Analysis of

Общим местом ряда исследований является утверждение, что в СССР существовало «прерогативное» право, предполагавшее, что за обычными писаными законами стоит социалистический «высший» закон. Он может иногда использоваться партией для приостановления установленных процедур государственного права[134]. Власть была связана с законом, а не вооружена им[135].

Дж. Патон писал, что советское право было «мечом для исполнительной власти, а не щитом для частного гражданина»[136], то есть советское право было произволом государства. С ним отчасти соглашается Д. Вовк: советское право действительно нередко использовалось для наказания граждан или социальных групп, подозреваемых в нелояльности. «Но для политически лояльных лиц в гражданских, семейных и трудовых отношениях или даже в некоторых отношениях с публичной властью советское право могло быть щитом»[137].

В 1990–2000-е гг. появляется значительное число новых зарубежных исследований советского права. Так, израильская исследовательница Дина Моял, опираясь на ставшие доступными архивные документы центральных советских учреждений, в своей диссертации изучила роль советских ученых, юристов и судей в формировании социальных и политических норм и практик в СССР. Она утверждает, что, вопреки распространенным среди западных исследователей убеждениям во «вторичности» писаного законодательства в Советском Союзе, преемники И.В. Сталина отводили правовым институтам центральную роль в построении коммунистического общества. Д. Моял показывает, как советское законодательство и судебные институты помогали поддерживать политические изменения в постсталинскую эпоху. По ее словам, сложившийся во времена Н.С. Хрущева правовой режим в качестве центральной государственной доктрины воспринял понятие «социалистической законности, что изменило

---

the Practice of Withholding Government Decrees from Publication in Eastern Europe and in Western Countries // International and Comparative Law Quarterly. 1970. Vol. 19, issue 1. P. 91).

[134] *Туманов В.А.* О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 21.

[135] *Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law. P. 61 ; *Huskey E.* Government Rulemaking as a Brake on Perestroika.

[136] *Paton G.* Soviet Legal Theory // Res Judicatae. 1946. Vol. 3, No. 2. P. 62.

[137] *Вовк Д.О.* Право та політична релігія : теологія радянського права // Проблеми законності : сбірник наукових праць. 2024. Спецвипуск. С. 126.

отношения между законом, государством и личностью в Советском Союзе. Л.И. Брежнев признал эти изменения и продолжил использовать закон как инструмент наведения порядка в обществе «развитого социализма», что закрепило окончательных отход от сталинских практик»[138].

Д.О. Вовк обозначает в советской идеологии ее «религиозную» составляющую. Преодолевая внутренние противоречия марксизма-ленинизма, пишет он, большевики («подобно средневековым схоластам») легко жонглировали цитатами, чтобы продемонстрировать, что проблема заключается не в воображаемом противоречии, а в непонимании «правильного» революционного марксизма. Ленин использовал «риторику борьбы с ересью, а не научной дискуссии»[139].

Противоречия между официальной идеологией и реальной жизнью преодолевались путем того, что Ханна Арендт назвала «тоталитарным пренебрежением к фактам»[140]. Все действия режима, противоречащие его идеологии или официально заявленным целям, считались нереальными, несуществующими. Таким образом, на советских заводах не было рабочих, обязанных работать в почти рабских условиях, потому что работники Ленина были «авангардом» трудящихся и хозяевами мира, которые «шутить с собой никому не позволят».

Советское государство, ведущее граждан к коммунизму, считало, что применение любых правовых инструментов всегда может быть средством классовой борьбы. Если государство в этом нуждается, то «закон и суд могут быть мобилизованы на защиту политической системы». Юридическая форма ценна настолько, насколько она отвечает целям советского режима, в первую очередь обеспечения лояльности государству и его политике[141].

---

[138] *Moyal D.* Social Control under Stalin and Khrushchev : The Phantom of a Well-Ordered State. Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto Press, 2023. P. 316–317. *Moyal D.* Did Law Matter? Law, State and Individual in the USSR, 1953–1982. URL: https://dl.acm.org/doi/book/10.5555/AAI28169094 (accessed: 03.04.2025).
[139] *Вовк Д.О.* Указ. соч. С. 131–132.
[140] *Arendt H.* Origins of Totalitarianism. New York : Schocken Books, 2004. P. 590.
[141] *Вовк Д.О.* Указ. соч. С. 137.

Имеющиеся исследования советской модели правового регулирования могут помочь нам в объяснении общих тенденций законотворчества и правоприменения в СССР. Представления о прерогативном характере советского права, разрыве между опубликованными и секретными правовыми актами, приоритете указаний ЦК КПСС и проч. указывают на важные принципы, которые в том числе лежат в основе советского подхода к регулированию государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг. Вместе с тем сами работы не исследуют эту часть общественных отношений в Советском Союзе или лишь вскользь касаются темы религии.

Исследования православного церковного (канонического) права. При изучении государственно-религиозных правоотношений также необходимо иметь в виду, что они не являются предметом регулирования исключительно государственного права[142]. Чрезвычайно важно принимать во внимание значимость для церкви как субъекта этих правоотношений отношений ее внутренних установлений, структуры и отдельных аспектов церковного (канонического) права, укорененных в Библии и церковном предании и формирующих самосознание верующих. Хотя в ситуации отделения церкви от государства большинство церковно-канонических норм имеют отношение лишь к внутренней стороне ее жизни, церковное право, несомненно, влияет на коллективные представления верующих об идеальной модели взаимодействия института церкви с государством и обществом.

Об источниках церковного права и порядка говорят, в первую очередь, православные исследователи[143]. Как правило, они излагают содержание древних

---

[142] *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. С. 51–57.

[143] В основном это дореволюционные работы по церковному (каноническому) праву. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004 ; *Его же*. Центральная организация церкви как юридическое лицо // Журнал юридического общества при императорском Санкт-Петербургском ун-те, 1895. Кн. 5 ; *Павлов А.С.* Курс церковного права. Троице-Сергиева лавра, 1902 и др. Среди наиболее известных современных работ – *Цыпин В., прот*. Курс церковного права : учебное пособие. Клин, 2004 ; *Его же*. Каноническое право. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009 ; *Клюев Н.В.* Каноническое право. Канонические аспекты церковных служений : учебное пособие для студентов теологического, религиоведческого и

церковных канонов, а также сложившейся практики их интерпретации и применения в позднейшие периоды. Эти работы помогают понять правовую составляющую внутрицерковных установлений, однако они лишены критического анализа правоприменения и не обращаются к институциональному, антропологическому анализу.

С учетом государственного статуса Российской православной церкви в Российской империи отечественная правовая и церковная науки исходили из того, что церковно-правовые нормы являются частью имперской правовой системы. Церковное право, отмечала А.А. Дорская, представляло собой отдельную отрасль права, совокупность правовых норм, определяющих статус религиозных объектов, правовой статус духовенства и подданных в зависимости от их религиозной принадлежности[144].

Поэтому совершенно естественно, что к середине XIX в. первыми работами, связанными с сопоставлением государственного и канонического права, стали труды российских богословов и церковных ученых[145], признававших, что помимо собственно религиозного измерения в церкви как общественном институте объективно присутствует и «земное» начало, которое может и должно быть урегулировано нормами права[146]. Рассмотрение этих тем в российской юридической науке начинается уже с 60-х гг. XIX в. Как правило, дореволюционные произведения посвящены анализу правового статуса Российской православной церкви как субъекта имперского права, соотношения

других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020 и др.

[144] *Дорская А.А*. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 19.

[145] Историографию дореволюционной науки церковного права см. : *Дорская А.А*. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX века : дис. … д. юрид. наук. 12.00.01. М., 2008. С. 7–9. Систематическое описание существующих историко-правовых работ и исследований из смежных областей по различным аспектам взаимодействия государства, религии и общества см. : *Петюкова О.Н*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 22–44.

[146] Напр. : *Суворов Н.С.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 2. Также см.: *Павлов А.С*. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань : Унив. тип., 1869 ; *Лашкарев П.А*. Система церковного права. Киев, 1886 ; *Заозерский Н.А*. Историческое обозрение источников права Православной церкви. М., 1891.

права государства и права церкви, структуры правовых норм, полномочий церковной иерархии, юридического статуса духовенства и организации религиозной составляющей общественной жизни[147].

Дореволюционные дискуссии о целесообразности сохранения «синодальной» системы государственного управления церковью или предоставлении ей большей независимости, придания «соборного» начала показывают, что далеко не все ученые (бывшие при этом православными подданными и в подавляющем большинстве выпускниками духовных школ – что делает их строгое разделение на церковных и светских авторов в достаточной степени условным, даже несмотря на разные политические позиции) рассматривали государственный статус православия и сложившуюся модель государственно-религиозных отношений как идеальные[148].

Несмотря на то, что данная группа работ исходит из давно не существующей правовой и общественно-политической реальности, они важны, во-первых, как систематизация традиционного православного канонического права и взглядов на идеальные формы взаимодействия церкви с государством, во-вторых, для понимания мыслительной рамки воспитанного ими поколения духовенства, пережившего революцию 1917 г., а также заставшего возобновление деятельности духовных школ в СССР. Кроме того, та часть этих исследований, которая посвящена именно изложению канонических правил Православной церкви, активно используется и в современных работах по церковному праву, не

---

[147] *Суворов Н.С*. Учебник церковного права ; *Горчаков М.И*. Церковное право. СПб., 1891–1892 ; *Павлов А.С.* Курс церковного права / под ред. И.М. Громогласова. Троице-Сергиева лавра, 1902 ; *Заозерский Н.А*. О сущности церковного права. Сергиев посад, 1911 ; *Бердников И.С*. Краткий курс церковного права. Казань, 1913 и др.

[148] *Градовский А.Д*. Начала русского государственного права. СПб., 1901 ; *Латкин В.Н*. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909 ; *Грибовский В.М.* Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912 ; *Тихомиров Л.А*. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. В разной степени проблемы государственно-религиозных отношений в Российской империи также изучали выдающиеся церковные ученые С.Н. Булгаков, Н.Н. Глубоковский, А.В. Карташев, С.П. Мельгунов и др. Подробнее см.: *Петюкова О.Н*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 22–32.

утеряв актуальности для православных верующих и светских историков и правоведов.

В рамках дореволюционной традиции сложилось разделение церковного права на внутреннее (jus ecclesiasticum internum) и внешнее (jus ecclesiasticum externum), а о термине «каноническое право» проф. Николай Суворов писал, что он применим лишь к утвержденным церковью нормам времен вселенских соборов, причем они могли быть направлены на регулирование как церковных, так и гражданских правоотношений[149].

Однако, по мнению еще одного авторитетного дореволюционного ученого Алексея Павлова, для православной церковной науки такое разделение двух терминов не является принципиальным и любой из них можно использовать «безразлично». С точки зрения восточного христианства, писал он, церковным всегда считалось и церковное по происхождению право, и принимаемые светской христианской властью нормы в отношении внешней и внутренней жизни церкви (при условии согласия с общими началами церковного права и в духе канонов древней церкви). Сам проф. Павлов предпочитал говорить о церковном праве исключительно из соображений «его общеупотребительности и общепонятности»[150].

Авторитетный канонист прот. Владислав Цыпин, приводя оба мнения, в целом больше также соглашается с позицией проф. Павлова, «справедливо отождествляющего» два понятия[151].

Что касается современных историко-правовых исследований, А.А. Дорская отмечает в них тенденцию разграничивать понятия «церковного» и «канонического» права, равно как и на Западе «под каноническим правом понималась совокупность всех исходящих от церкви постановлений, независимо от того, являлись ли они предметом церковных или гражданских отношений, а

---

[149] *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. С. 5–7.
[150] *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 7–9.
[151] *Цыпин В., прот.* Каноническое право. С. 83–85.

под церковным – совокупность норм, исходящих как от церкви, так и от государства, и регулирующих чисто церковные отношения»[152].

В рамках нашего исследования представляется наиболее правильным рассматривать церковное и каноническое право как синонимы (при необходимости уточняя словоупотребление), поскольку упоминаемое А.А. Дорской вслед за Н.С. Суворовым определение церковного права (с его разделением на внутреннее и внешнее) имеет смысл лишь в ситуации государственного статуса церкви. В советское время, как и в Российской Федерации сегодня, церковное право не имело юридического значения для государства, сохраняясь лишь внутри церкви в виде канонических норм. Равным образом и в контексте современного законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях уместно говорить не о «внешнем церковном праве», а именно о правовом регулировании государственно-религиозных отношений и правовом статусе религиозных объединений.

Мы будем понимать церковное (каноническое) право как совокупность формальных норм, заложенных в первом тысячелетии христианства и уточнявшихся на протяжении всей церковной истории, регулирующих функционирование института церкви. При этом значительная часть внутрицерковных канонических установлений не подвергается государственно-правовому воздействию, будучи особой исторически сложившейся нормативной системой социального регулирования[153].

Описывая современные российские исследования церковного права, А.А. Дорская выделяет в них несколько магистральных направлений. Во-первых, это теоретико-правовое изучение церковного права как самостоятельной отрасли в

---

[152] *Дорская А.А.* Церковное право как предмет научной дискуссии : основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 139. *Её же.* Тенденции изучения церковного права в современных российских историко-правовых исследованиях // История государства и права. 2025. № 9. С. 25–30.

[153] *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 78–80 и далее.

системе юридических наук[154]. В том числе продолжается дискуссия о соотношении понятий «церковного» и «канонического» права[155].

Во-вторых, в рамках историко-правового подхода к церковному праву изучается система его источников (или отдельные документы). Это сопоставление различных источников, сравнительный анализ норм светского и церковного права, особенности рецепции византийского права и др.[156]

Имеет место и современное продолжение дореволюционных исследований системы церковного права, в том числе деление его на внутреннее и внешнее право церкви[157]. Совсем не отвлеченной (с учетом современных тенденций правотворчества в сфере законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях) выступает и тема места церковного права в системе права и правовой системе России[158].

---

[154] *Смыкалин А.С.* Церковное право – самостоятельная отрасль знаний в системе юридических наук // Российский юридический журнал. 2005. № 4. С. 131–136 ; *Лысенко Н.Н.* Христианская церковно-правовая традиция и место церковного права в системе юридических наук // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 9–2 (64). С. 46–47 ; *Козьякова Н.С.* Нормативно-правовая природа канонического (церковного) права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2012. № 3. С. 11–14 ; *Алексеев А.В.* Теоретико-правовой взгляд на обязательность (юридическую силу) норм церковного права // Теология. Философия. Право. 2019. № 2 (10). С. 68–78.

[155] *Ференц-Сороцкий А.А.* Каноническое (церковное) право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 6 (287). С. 139–150 ; *Петюкова О.Н.* Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 146–147.

[156] *Осавелюк А.М.* О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 34 ; *Ботанцов И. В.* Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832–1917 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 9–19 ; *Матушевская Ю.Г., Махмутова М.Н.* Особенности формирования римско-византийского права и его влияние на становление церковного права // Миссия конфессий. 2016. № 15. С. 21–27.

[157] *Буренин В.Н.* Внутреннее и внешнее церковное право : история и современность // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 248–250.

[158] *Варьяс М.Ю.* Краткий курс церковного права : учебное пособие. М. : МЗ-Пресс, 2001. 127 с. ; *Curtiss Е.П.* Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 9–10 ; *Боровой Д.Д.* Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004 ; *Павлюк И.В.* Православное церковное право в правовой системе России : историко-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2021. № 4 (20). С. 358–364. Сегодня законодатель нередко идет по пути закрепления отдельных канонических норм в государственном праве: особого статуса священнослужителей в уголовном процессе, трудовых отношений в религиозных организациях и т.д.

Резюмируя различные взгляды на эту проблему, О.Н. Петюкова выделяет пять основных подходов к пониманию церковного права: 1) как особой правовой системы, схожей с международным правом; 2) как корпоративного права; 3) как самостоятельной отрасли права; 4) как комплексного правового образования; 5) как особой подсистемы внутри романо-германской правовой семьи[159].

При этом для многих современных российских исследований церковного права характерны некоторая узость научного кругозора авторов (отсутствие знакомства с исследованиями смежных научных отраслей) и недоработки методологического характера[160].

Дополним это наблюдение тем, что современные авторы в подавляющем большинстве изучают церковное право с позиций позитивистской методологии[161]. Они рассматривают широкий спектр актуальных научных проблем – от теоретико-правовых вопросов юридической силы церковных норм до исторических и аксиологических аспектов[162], а также места церковного права в российской правовой системе.

При этом ни светские, ни церковные историки практически не рассматривают церковное право в институциональном и неоинституциональном ключе. Такая оптика лишь постепенно начинает применяться для анализа развития религиозных институтов в смежных науках. В частности, И.П. Давыдов и И.А. Фадеев, опираясь на идеи британского антрополога Мэри Дуглас, доказывают, что в религии, наряду с ритуальным и мифологическим, необходимо

---

[159] *Петюкова О.Н.* Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 146–147.

[160] А.А. Дорская справедливо отметила тревожную тенденцию среди немалой части российских авторов, изучающих церковное право (юристов, историков и церковных ученых): принципиально игнорировать труды друг друга. См.: *Дорская А.А.* Церковное право как предмет научной дискуссии : основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 140.

[161] *Бибик О.Н.* Культурологический подход к исследованию государства и права // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2009. № 2. С. 14–22 ; *Гаранова Е.П.* Место церковного права в развитии российской правовой системы : логико-исторический и аксиологический аспекты // Ипатьевский вестник. 2014. № 2 (2). С. 36–47 ; *Павлюк И.В.* Православное церковное право в правовой системе России : историко-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4 (20). С. 358–364.

[162] *Гаранова Е.П.* Место церковного права в развитии российской правовой системы. С. 36–47.

учитывать институциональный аспект, а церкви представляют собой «мыслящие моральные общности» клира и паствы, в которых усилиями клира происходит форматирование реальности, возникают практики солидарности и коллективного действия[163].

Наконец, коснемся еще одного направления научных исследований, анализирующего современное церковное правосознание и выраженную в официальных документах РПЦ позицию по ряду общественно-политических вопросов. Эта тема важна для изучения влияния советского наследия на правосознание современных верующих.

Такие документы, как Основы социальной концепции Русской православной церкви[164] и принятая Всемирным русским народным собором Декларация о правах и достоинстве человека[165] впервые в истории РПЦ сформулировали ее публичную позицию по отношению к некоторым светским понятиям, ценностям и концепциям. Мы вынуждены констатировать, что этот, безусловно, актуальный для современного российского общества вопрос (особенностей церковного правосознания, церковно-правового статуса подобных документов, степени их влияния на священноначалие РПЦ и рядовых верующих и т.д.) до настоящего времени мало изучен. Тем более важно назвать несколько вышедших на эту тему публикаций.

Михаил Краснов, анализируя идейный вектор современной РПЦ, обозначенный в Основах социальной концепции, отмечает некоторую тенденциозность в интерпретации в ее тексте светского определения прав человека. Из этого, по его мнению, следует неоправданно негативное отношение

---

[163] *Давыдов И.П., Фадеев И.А*. Как мыслят церковные институты. Механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. Вып. 89. С. 220–231.

[164] Основы социальной концепции Русской православной церкви (утверждены юбилейным Архиерейским собором РПЦ 13–16 августа 2000 г.) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (дата обращения: 08.10.2025).

[165] Декларация о правах и достоинстве человека (принята Всемирным русским народным собором 4–6 апреля 2026 г.) // Официальный сайт ВРНС. URL: https://vrns.ru/documents/deklaratsiya-o-pravakh-i-dostoinstve-cheloveka (дата обращения: 08.10.2025).

авторов документа к этому понятию[166]. С ним в целом соглашается немецкий исследователь Отто Лухтерхандт, который полагает, что таким образом конструируется правопонимание, идущее вразрез с принципами российской Конституции[167].

Исследования истории и правового регулирование государственно-религиозных отношений в России. Научная литература по теме правового регулирования государственно-религиозных отношений в России достаточно многообразна.

При этом в первую очередь следует охарактеризовать работы советского периода (1920–1980-е гг.), поскольку они отражают «дух» исследуемой эпохи и в той или иной степени отражают господствующий вектор государственной политики в отношении религиозных обществ. Марксистско-ленинский взгляд на религию в любом случае оставался для этих работ основой построений, хотя имела место эволюция от высмеивания в стиле журнала «Безбожник» до появления достаточно серьезных работ в 1980-е гг., демонстрирующих роль церкви в истории России и анализирующих правовые аспекты государственно-религиозного взаимодействия.

Издания периода 1920–1930-х гг., как правило, не отличались глубоким научным анализом и представляли собой агитационные материалы и сатиру[168], а также содержали различные написанные в «доступной для народа» форме аргументы против чудесных событий[169] и др. Исторические события

---

[166] *Краснов М.А*. Права человека в понимании Русской православной церкви // Очерки идеологии постсоветского конституционализма / науч. ред. : М.А. Краснов, Ю.Г. Барабаш. Харьков : Право, 2013. С. 122–137.

[167] «Нынешний подход руководства РПЦ к ключевой проблеме взаимодействия человека, общества и государства продолжает демонстрировать недостаточное понимание сути прав человека как целостного правового института, их гуманной направленности и ценности в рамках защиты мира и свободы в обществе и государстве. Его понимание прав человека – это де-факто каталог оговорок в отношении прав и свобод человека и гражданина и отрицание плюрализма. Светская концепция прав человека ставится в подчиненное положение их религиозному толкованию» (*Лухтерхандт О*. Права человека, свобода вероисповедания и Русская православная церковь // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 133–163).

[168] *Ярославский Е.М*. Библия для верующих и неверующих. М. : ГАИЗ, 1933. 420 с. и др.

[169] *Флеров Н.А.* Что говорит наука о «воскресении из мертвых» // Безбожник. 1925. № 3. С. 10–11.

преподносились в тенденциозном ключе. Были, впрочем, юридические работы, комментировавшие различные аспекты советского законодательства о религии и практики его применения[170].

В период истории Советского Союза, известный как хрущевская оттепель (1950–1960-е гг.), с одной стороны, было ужесточено законодательство о религиозных объединениях, с другой стороны, советская гуманитарная наука, не оставляя общего курса на дискредитацию религии[171], попыталась выработать подходы к изучению религии как феномена общественного сознания. В том числе ученые занимались полевыми исследованиями в регионах[172].

Говоря о последующих двух десятилетиях (1970–1980-е гг.), необходимо в первую очередь отметить акцент советских авторов на изучении истории «научного атеизма» и успехов атеистической пропаганды, указании на «руководящую и направляющую» роль КПСС и т.д.[173] Вышло несколько книг председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова[174], излагающих советское законодательство о культах: без публикации самих правовых актов – такой формат существовал лишь в изданиях с ограничительной пометкой «для служебного пользования»[175].

Советские историки, религиоведы и правоведы в эти годы много писали о справедливости религиозной политики государства, обосновывали некоторые случаи применения репрессивных мер в отношении духовенства их антисоветской деятельностью. В целом беспристрастно подойти к оценке

---

[170] *Гидулянов П.В*. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик : УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Турк. / под ред. П.А. Красикова. Изд. 3-е перераб. и доп. М., 1926 и др.

[171] *Грекулов Е.Ф*. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962.

[172] Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967.

[173] По этапам развития атеизма в СССР / отв. ред. Н.П. Красников. М., 1967 ; *Гребенников Р.В*. Е.М. Ярославский как воинствующий марксист-атеист : автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук. Минск, 1966 ; *Коновалов Б.Н*. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920–30-х гг. М., 1968 ; *Лившиц Г.М.* Очерки по истории атеизма в СССР в 20–30-е гг. М., 1957 ; Атеизм в СССР : становление и развитие / ред. А.Ф. Окулов, В.И. Гараджа, Э.Г. Филимонов. М., 1986.

[174] Напр. : *Куроедов В.А.* Религия и церковь в советском государстве. М. : Политиздат, 1982.

[175] См. ранее упоминавшийся сборник нормативных правовых актов «Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов» под ред. того же В.А. Куроедова.

законодательства и проблематики государственно-религиозных отношений ученые, конечно, не могли; отсутствовало и описание реальной правоприменительной практики[176]. Но, с другой стороны, в их работах содержится анализ динамики формального правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР, описывается история советской научно-атеистической школы, приводятся отдельные факты из советской религиозной жизни (пусть, зачастую, в тенденциозной подаче).

В перестроечный период (вторая половина 1980-х гг.) историография постепенно отошла от традиционной антирелигиозной парадигмы, обращая большее внимание на значение Русской православной церкви для отечественной истории и культуры, в это время стали печататься работы зарубежных исследователей, а частичное открытие советских архивов способствовало публикации ранее не известных российскому читателю исторических документов. Фактически, начался принципиально новый период в историографии государственно-религиозных отношений. Для него характерны отказ от принципиально враждебной к религии позиции, появление новых научных подходов, критический взгляд на советскую модель правового регулирования вопросов свободы совести[177].

Обобщая, можно сказать, что исследования религии и правового регулирования государственно-религиозных отношений на протяжении советского времени носили достаточно упрощенный характер. Фундаментальные работы, посвященные анализу механизмов правового регулирования этой области

---

[176] *Александров Ю.А*. Декрет о свободе совести. М. : Советская Россия, 1963. 40 с. ; *Барменков А.И*. Свобода совести в СССР. М., 1986 ; *Гордиенко Н.С*. Особенности модернизации современного русского православия. М., 1978. *Его же*. Современное русское православие. Л. : Лениздат, 1987 ; *Иванов А.И., Лобазов П.К*. Политика советского государства по вопросам религии и церкви. М., 1973 ; *Клочков В.В*. Религия, государство, право. М., 1978 ; *Его же*. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М. : Политиздат, 1982 и др.

[177] *Титов Н.Ю*. Трудным путем : 70 лет декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви // Наука и религия. 1988. № 2 ; *Титов Н.Ю., Трофимчук Н.А*. Проблемы противодействия буржуазно-клерикальной пропаганде : вопросы и ответы. М., 1988 ; Роль Православной церкви в истории России. Круглый стол // Вопросы истории. 1990. № 3 ; *Алексеев В.А*. Иллюзии и догмы. М., 1991.

общественных отношений, практически отсутствовали. В основном, они были посвящены обоснованию советской религиозной политики, попыткам ответить на зарубежные обвинения в нарушении свободы совести, рассматривали отдельные аспекты законодательства о культах[178] и государственно-церковного взаимодействия[179], политическую позицию РПЦ в разные периоды отечественной истории, путь от государственной церкви к отделению церкви от государства и школы[180], этнографические особенности религиозности[181].

Характерно, что немалая часть работ этого периода написана непосредственно вовлеченными в процесс государственного управления религией авторами (например, Г.Г. Карпов и В.А. Куроедов – председатели Совета). Они вносили свой вклад в создание «парадной витрины» советского права, подчеркивая свободу религии в СССР и не обращаясь к реальной репрессивной практике применения законодательства о культах. Важность подобных работ состоит в фиксации официальной государственно-правовой доктрины рассматриваемого периода, с которой расходилось фактическое правоприменение.

---

[178] *Дьяконов Л.П.* Советские законы о церкви. Л., 1926 ; *Орлеанский Н.М.* Закон о религиозных объединениях в РСФСР и действующие законы инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930 ; *Калинин В.Н.* Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях. М., 1989 ; *Кислицын И.М.* Советское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях (1917–1975 гг.). Пермь, 1991.

[179] *Клочков В.И.* Религия, государство, право. М., 1978 ; *Его же.* Социалистическое государство, право и религиозные организации. М., 1984 ; *Куроедов В.А.* Религия м церковь в советском обществе. М., 1984 ; *Розенбаум Ю.А.* Советское государство и церковь. М., 1985.

[180] Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967 ; *Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1969 ; *Кадсон И.З.* О положении Русской православной церкви в последние годы существования царизма (по материалам епархиальных отчетов) // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1973. С. 66–88 ; *Клочков В.И.* Закон и религия : от государственной религии к свободе совести в СССР : М., 1982 ; *Кириченко М.Г.* Свобода совести в СССР. М., 1985.

[181] Современное сектантство и его преодоление (по материалам экспедиций в Тамбовскую область). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961 ; *Александрович А.И., Кандауров Г.Я., Немировский А.М.* Сектантство в Воронежской области и работа по его преодолению // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М. ; Л., 1961. Вып. V ; *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М., 1969 ; *Белов В.И.* Лад : очерки о народной эстетике. М., 1982.

Западные историки и церковные деятели времен холодной войны предпринимали попытки проанализировать и особенности советской религиозной жизни (и, в частности, положение и внутренние проблемы РПЦ)[182]. Также можно выделить публикации церковных (в основном протестантских) деятелей, которые имели возможность приезжать в Советский Союз в рамках экуменических контактов: например, д-р Пол Андерсон (Paul B. Anderson), активный сторонник укрепления связей между советскими и американскими христианами[183], посетивший СССР в 1956 г. с группой американских христиан, на основе многочисленных встреч и бесед в Москве скептически оценил возможности РПЦ того времени противостоять атеистическому государству[184].

Уильям Флетчер (William Fletcher), изучавший РПЦ преимущественно в политическом контексте[185], одним из первых указал, что изменение вектора советской религиозной политики относится к 1939–1941 гг., то есть несколькими годами ранее знаменитой встречи И.В. Сталина с тремя митрополитами.

Большое значение для изучения советской истории РПЦ и переосмысления государственно-религиозных отношений в СССР имели работы представителей русской эмиграции в других странах. Среди них прежде всего необходимо назвать канадского историка Дмитрия Поспеловского, известного своими книгами о советском периоде РПЦ, вышедшими уже в 1990-е гг. и в России[186]. Французский

---

[182] *Curtiss J.S*. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950. Little, Brown, 1953. 387 p. *Curtiss J.S*. Religion as a Soviet Social Problem // Social Problems. University of California Press, 1960. Vol. 7, No. 4 (Symposium on Social Problems in the Soviet Union, Spring, 1960). P. 328–339 ; *Blake E.C*. Church and State in the U.S.S.R. and in the U.S.A. // Journal of the Presbyterian Historical Society. 1956 (Sept.). Vol. 34, No. 3. P. 183–189.

[183] *Anderson P.B*. Reflections on Religion in Russia, 1917–1967 // Aspects of Religion in the Soviet Union / ed. by R.H. Marshall, Jr. University of Chicago Press, 1971. P. 11–33 ; *Idem.* No East or West / ed by D. Davis. Paris : YMCA Press, 1985. 175 p. О деятельности самого Пола Андерсона см.: *Миллер М.Л*. Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 10–25.

[184] Цит. по: *Curtiss J.S*. Religion as a Soviet Social Problem.

[185] *Fletcher W*. Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970. London, 1973 ; *Lowrie D., Fletcher W*. Khrushchev's Religious Policy. 1959–1964 // Aspects of Religion in the Soviet Union. 1917–1967. Chicago, 1971. P. 131–155.

[186] *Pospielovsky D.* Russian Police Trade Unionism : Experiment or Provocation. London, 1971 ; *Pospielovsky D.* The Resurgence of Russian Nationalism in Samizdat // Survey. 1973. Vol. XIX, No. 1. P. 51–74 ; *Pospielovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982. Vol. 1, 2. Crestwood, New York, 1984. На русском языке : *Поспеловский Д*. Русская православная церковь в

автор Никита Струве, ответственный редактор «Вестника русского христианского движения», основатель русскоязычного издательства YMCA-Press и других издательских проектов, опубликовал множество статей о положении церкви в СССР и проблемах церковной эмиграции[187].

В этом ряду также необходимо упомянуть работы советского диссидента диакона Владимира Русака. Хотя он прожил большую часть своей жизни в СССР (эмигрировал в США после выхода из заключения в 1989 г.), его самая известная книга о сотрудничестве Московского патриархата с советской властью «Свидетельство обвинения» (1980) впервые вышла на русском языке в США[188], а в 1990-е гг. активно распространялась Русской православной церковью за границей (РПЦЗ) в России.

В их произведениях представлен взгляд «извне» на репрессивную сущность советских правовых механизмов 1940-х – 1980-х гг., благожелательный по отношению к Православной церкви, членами которой они являлись, но одновременно критически оценивающий деятельность власти и церковных иерархов в СССР.

Самый обширный блок историографии правового регулирования государственно-церковных отношений в России (в разные исторические эпохи) представляют работы современных российских историков, правоведов, социологов и религиоведов, а также их зарубежных коллег (в том числе и русскоязычных).

Первенство в этом вопросе занимают работы из области исторической науки. Различные аспекты правового статуса РПЦ, исследования роли церкви в

XX веке : учебное пособие. М. : Республика, 1995. 511 с. ; *Его же*. Какой ценой? Приходская летопись храма, который никогда не закрывался. М. : Общество любителей церковной истории, 2003. 176 с.

[187] *Струве Н*. Церковь в Советской России // Вестник РХСД. Париж, 1962. № 1 (64). С. 23–29 ; *Его же*. Борьба за веру в Советской России (по материалам советской печати) // Вестник РХСД. Париж, 1964. № 3 (74). С. 18–28 и др.

[188] *Русак В.С*. Свидетельство обвинения : церковь и государство в Советском Союзе. Джорданвиль, Нью-Йорк : Издание Свято-Троицкого монастыря, 1987.

формировании постсоветского гражданского общества[189], государственной политики в отношении религиозных организаций, деятельности ключевых государственных органов[190] и духовных лидеров[191] в СССР и современной России широко представлены в работах авторитетных исследователей[192].

Зарубежные публикации также обогащают наше понимание характера взаимодействий, углубляясь в изучение специфики религиозности советского человека, субъектности верующих, анализируя отдельные аспекты и результативность атеистической работы в контексте советской модернизации[193].

Что касается периодизации, в фокусе внимания российских исследователей «нового курса» советской религиозной политики (1943–1958 гг.), как правило, находится использование И.В. Сталиным ситуативного «конкордата» с Русской православной церковью при оставлении неизменным репрессивного законодательства 1929 г. В полном соответствии с советским принципом

---

[189] *Hoppe-Kondrikova, O.* Struggling for Civility. The Idea and the Reality of Civil Society : An Interdisciplinary Study with a Focus on Russia : Doctoral dissertation / O. Hoppe-Kondrikova. Radboud University Nijmegen, 2012.

[190] *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия : эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013.

[191] *Одинцов М.И.* Как будто листаешь жизни мгновенья. По страницам личного дела патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова). 1953–1988 // Исторический архив. 2010. № 1. С. 62 ; *Его же*. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1867–1944. М. : Политическая энциклопедия, 2022 ; *Роккуччи А*. Сталин и патриарх : Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / пер. с итал. О.Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН, 2016.

[192] *Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В*. Русская православная церковь. XX век. М. : Сретенский монастырь, 2015 ; *Васильева О.Ю*. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001 ; *Марченко А.Н*. «Хрущевская церковная реформа» : очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.) : по материалам архивов Уральского региона. Пермь : Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2007 ; *Одинцов М.И*. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014 ; *Одинцов М.И., Кочетова А.С*. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : РОССПЭН, 2014 ; *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М. : АИРО-XX, 1999 ; *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010 и пр.

[193] *Anderson J.* The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy // Soviet Studies. 1991. Vol. 43, no. 4. P. 689–710 ; *Luehrmann S.* Secularism Soviet Style. Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2011 ; *Люрманн С*. Что мы можем знать о советской религиозности ; *Смолкин В*. «Свято место пусто не бывает» : история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М. : НЛО, 2021.

«прерогативного» права в 1940-х – 1950-х гг. государство de facto легализовало церковную структуру управления (патриархи и Синод) при отсутствии de jure у церкви статуса юридического лица.

При изучении хрущевского периода (1958–1964) в историографии подчеркивается использование права как инструмента подавления религиозных организаций (правила регистрации общин и снятие с регистрации, инструкция 1961 г. об отстранении духовенства от управления хозяйственной деятельностью приходов, налогообложение и проч.)[194].

При этом стоит отметить, что в исторической науке «не существует единых устоявшихся взглядов о начале «хрущевского наступления» на религию и церковь»[195]: многие западные исследователи датируют его начало 1959 г., в то время как Д. Поспеловский полагает, что политический курс был ужесточен уже в 1948 г., после чего лишь нарастала его интенсивность[196]. М.В. Шкаровский считает, что поворотным моментом стал конец 1957 г.[197], когда ЦК КПСС запросил «справки об активизации религиозных организаций и состоянии научно-атеистической пропаганды»; Р. Пихоя, также указывающий на 1957 г., отмечает, что в это время на религиозном направлении активизировался КГБ СССР, шла речь даже о возвращении к «чекистскому курсу 30-х гг. на искоренение религии путем уничтожения церкви»[198]. М.Ю. Одинцов пишет, что тенденция к ужесточению политики наблюдалась в руководстве СССР с 1954 г., однако указывает на сдерживающую роль Совета по делам РПЦ, которому в течение

---

[194] Напр. : *Марченко А.Н.* «Хрущевская церковная реформа» : очерки государственно-церковных отношений (1958–1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь : Изд-во Пермского государственного университета, 2007.

[195] *Куксенко С.И.* Историческая наука о периодизации так называемого «хрущевского наступления» на Русскую православную церковь // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 3 (16). С. 158–164.

[196] *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX веке… С. 272–282.

[197] *Шкаровский М.В.* Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал : в 2 т. / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Рос. гос. ун-т. 1997. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма. С. 362.

[198] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз : история власти. 1945–1991. М. : Изд-во РАГС, 1998. С. 214.

нескольких лет удавалось удерживать определенный баланс[199]. Т.А. Чумаченко[200] и О.Ю. Васильева[201] и др. соотносят начало «хрущевских гонений» с подрывом материальной базы РПЦ, продолжившимся закрытием храмов, монастырей и учебных заведений на фоне мощной пропагандистской кампании, которая последовала за решением ноябрьского пленума ЦК КПСС в 1958 г.

Наименьшее количество работ касается брежневского правления[202]. В том числе это связано с недоступностью значительной части архивных материалов этого периода, которые до сих пор не рассекречены.

Специальный выпуск электронного научного журнала «История» в 2022 г. посвящен академическому изучению явления инфильтрации советских спецслужб в религиозную среду и механизмов сотрудничества с ними духовенства и верующих[203]. В нем ставится вопрос о целях и реальных результатах данной работы. Укажем на справедливое замечание Алексея Беглова и Надежды Беляковой, которые предлагают изучать феномен сотрудничества с двух точек зрения: как со стороны спецслужб, так и с позиции другой стороны – религиозных сообществ, духовенства и верующих[204].

В другой своей работе, посвященной советскому регулированию государственно-религиозных отношений, Н. Белякова отмечает: «советская правовая система не знает понятия «автономии», как и «сепарации»,

---

[199] С ним солидарен прот. Алексий Марченко, который в докторской диссертации выделяет два последовательных этапа : постепенные ограничения 1954–1959 гг., и затем курс на полное уничтожение 1960–1964 гг.

[200] *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь и верующие, 1941–1961 гг. С. 197–222.

[201] *Васильева О.Ю*. Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор. М. : Лепта, 2004. С. 113–121.

[202] *Саввин А., Деннингхаус В*. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141 ; *Белякова Н.А*. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 640–658 и др.

[203] Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 6 (116). URL: https://history.jes.su/s207987840021686-3-1 (дата обращения: 24.05.2025).

[204] *Беглов А.Л., Белякова Н.А*. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве : механизмы коллаборации, стратегии выживания, источники // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 6 (116).

отделения»[205]. Она цитирует Отто Лухтерхандта: взаимоотношения советской власти с РПЦ были построены на основании системы господства государства над церковью[206]. Лухтерхандт полагал, что советская государственно-правовая система не знакома с принципом отделения церкви от государства, а на практике в СССР функционировала система «враждебного господства». К системе регулирования государственно-религиозных отношений в Советском Союзе приложим используемый Лухтерхандтом юридический понятийный аппарат. Так, имели место применение права неограниченного контроля и надзора за всеми сферами деятельности (jus inspectionis), санкционирование внутренних церковных актов и вообще участие в кадровой политике и хозяйственной деятельности (jus placeti), реорганизация религиозных общин (jus reformandi), которая минимизировала их влияние в обществе и облегчала институциональное вмешательство государства в их деятельность с целью дальнейшего разрушения.

Кроме того, гражданам «представлялось право обжалования действий церковных властей в государственных инстанциях (jus apellationis), которое на практике сводилось к использованию «писем трудящихся» для закрытия церквей, запрета колокольного звона, отстранения активного духовенства и т.п.[207]

Н. Белякова обращает внимание на то, что, по сравнению с СССР, Евангелическая церковь ГДР пользовалась гораздо большей автономией. Ее объяснение, основанное на работе Р. Геккеля, представляется нам чрезвычайно важным. Среди таких причин, с одной стороны, однородность конфессионального пространства ГДР (таким образом, системная борьба с религией требует существенных трудозатрат). С другой стороны, сыграло роль наличие у немецкой церкви мощной теологической школы, которая позволяла в диалоге с государством и обществом использовать собственные церковные представления, терминологию – а также аргументы о правах и границах церкви, ее

---

[205] *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции. С. 448–449.

[206] См. подробнее : *Luchterhandt O*. Der Sowjetstaat und die Russisch-Orthodoxe Kirche. Eine rechtshistorische und rechtssystematische Untersuchung. Koeln, 1976. 254 s.

[207] *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции. С. 448–449.

институциональном устройстве, отношении к различным общественно-политическим явлениям. С точки зрения организационного устройства Евангелическая церковь предусматривала широкое участие в управлении общиной местного духовенства и мирян, что также способствовало расширению автономии. Наконец, церковь в ГДР имела свои четко выраженные институциональные интересы, за сохранение которых она боролась, – молодежные общины, больницы, теологические и диаконические заведения, прессу[208].

Среди российских церковных исследований большое значение имеют публикации результатов научной деятельности отдела новейшей истории Русской православной церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: основным направлением их работы являются изучение биографий пострадавших от советских репрессий духовенства и рядовых верующих (включая создание и ведение электронной базы «За Христа пострадавшие»[209]), проблем государственно-церковных отношений новейшего периода, изучение истории взаимодействия РПЦ с русским зарубежьем в советские годы[210]. Наибольший вклад специалисты университета внесли в изучение положения церкви после революции 1917 г.

Некоторое количество недавних публикаций отечественных ученых касаются более специальных вопросов. Например, прот. Сергий Звонарев в своей монографии[211] обращается к трансформации и функционированию института высшей власти и управления РПЦ в XX – начале XXI в., в том числе к

---

[208] *Goeckel R.F*. Autonomiespielraum der Kirchen in der DDR. Ein Essay aus amerikanischer Sicht // Christen, Staat und Gesellschaft in der DDR / G. Kaiser, E. Frie (Hg.). Frankfurt a. M. [u.a.] : Campus Verl., 1996. S. 103–119). Цит. по.: *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции. С. 453.

[209] URL: https://martyrs.pstbi.ru (дата обращения: 20.12.2025).

[210] Некоторые публикации сотрудников : *Кострюков А.А*. По вопросу о юрисдикции Московской Патриархии (неутвержденный проект указа 1950 года) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. № 42. С. 152–168 ; *Мазырин А.В*. К истории обновленческого раскола в Закавказье и неудачных проектов примирения Русской и Грузинской православных церквей (1922–1923 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 46. С. 121–157 и др.

[211] *Звонарев С., прот*. Высшая власть и управление в Русской православной церкви в XX – начале XXI века. М. : Московская духовная академия, 2023. 636 с.

проблематике церковного управления в советские годы. Прот. Алексий Марченко и Т.А. Чумаченко исследуют вопросы епископского служения в РПЦ в послевоенный и хрущевский периоды[212].

Работы о регулировании государственно-религиозных отношений в СССР можно также разделить по географическому признаку: на общероссийские (или общесоюзные), отражающие законодательство и деятельность центральных государственных и церковных органов, и региональные, посвященные особенностям применения законодательства на местах. Разрыв между столицей и регионами (в том числе имевшими значительную этническую и культурную специфику) зачастую был достаточно заметен. В исследованиях центральных органов, таким образом, чаще анализируется нормативная (формальная) модель[213], в то время как в региональных лучше видны механизмы искажения права (произвол уполномоченных и местных властей) и неформальные правила и практики государственно-религиозного взаимодействия[214].

---

[212] Епископское служение в Русской православной церкви в контексте государственно-церковных отношений в СССР в 1941–1964 гг. В 2 т. / *прот. А. Марченко, Т.А. Чумаченко, П.А. Ефимушкин, Н.А. Марченко.* М., 2023.

[213] *Потапова П.В.* Политика советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно-правовые основы регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 166–178 ; *Белякова Н.А.* Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции // Религии мира : история и современность / под ред. Е.В. Беляковой, А.В. Назаренко. М. ; СПб. : Нестор-история, 2012. С. 428–468 ; *Остроухова Н.В.* Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // Via in tempore. История. Политология. 2020. № 47(1). С. 160–169 ; *Бартенев Г.В.* Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской православной церкви. 2022. Вып. 104. С. 108–121 и др.

[214] *Белкин А.И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х – начале 60-х годов XX века (на примерах русского православия) : дис. … канд. ист. наук. Саранск, 1995 ; *Грашевская О.В.* Политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. : центр и местные власти (на материалах Мурманской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 2005 ; *Абдулов Н.Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений : 1917–1991 гг. : дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006 ; *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. : дис. … докт. ист. наук. Томск, 2009 ; *Шакирова Э.З.* Работа партийных организаций КПСС с верующими в середине 1950-х – 1980-е годы (на материалах Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбышевской областей) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 37 (175), вып. 36. С. 142–150 ; *Беликова Н.Ю.* Государственная политика в отношении Русской православной церкви в 1958–1964 гг. (на материалах Краснодарского края) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 135–147 и др.

Представляется интересным обращение исследователей к фигурам отдельных уполномоченных Совета по делам РПЦ (религий) – например, уполномоченного по г. Москве и Московской области А.А. Трушина, сотрудника НКВД/КГБ, проработавшего региональным представителем Совета практически весь период существования этого органа (1943–1984 гг.)[215].

Региональных аспектов касается и ряд защищенных исторических диссертаций. Это работы В.В. Борисовой о Зауралье, Е.Е. Жеберятьевой об Алтайском крае, А.Л. Ершова о Владимирской области, А.Ю. Михайловского о Рязанской области, А.В. Елсукова о Москве и Московской области, М.Б. Сердюк о Дальнем Востоке, а также диссертации о других регионах СССР В.Н. Алейникова, А.Л. Глушаева, В.В. Трегубенко, А.Н. Васькина, М.А. Яшиной, И.Н. Гарькина, К.А. Полозовой, И.В. Петрова, Е.Г. Сосновских, А.А. Савельева, И.А. Масловой, М.В. Иошкина и др.

В целом историческая историография обширна, но не лишена изъянов: нередко работы сводятся к изучению деятельности государственных органов и реакции религиозных организаций (реже – верующих), при этом большинство основано на изучении советских официальных документов, используемых без должного критического анализа[216], многие исследования православных авторов носят узкоконфессиональный характер.

С точки зрения нашего акцента на институциональной методологии отметим, что в некоторых работах обозначается потенциал институциональных теорий для изучения проблематики государственно-религиозных отношений.

---

[215] *Амелина Т.В., Никонов В.В*. Значение, структура и наполнение отчетов Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Москве и Московской области А.А. Трушина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-2 (103). С. 6–12.

[216] Обстоятельный анализ лакун и исследовательских заблуждений в историко-религиоведческом ключе представлен в: *Митрохин Н.** (* внесен Минюстом России в список иностранных агентов) Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/sovetskaya-vlast-czerkov-i-veruyushhie-v-poslevoennyj-period.html (дата обращения: 20.12.2025); *Его же**. Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 505–511. Также см.: *Freeze G*. Confessions in the Soviet Era : Analytical Overview of Historiography // Russian History. 2017. No. 44. P. 1–24.

Например, Т.А. Чумаченко указывает на продуктивность использования неоинституционального подхода, однако лишь как одного из многих возможных, а также оговаривается, что в рамках неоинституционализма существует большое количество различных школ и концепций. При этом она не поясняет, какие именно положения нескольких упоминаемых ею неоинституциональных теорий используются в исследовании – и в какой части[217].

Напротив, Н.А. Белякова в упоминавшихся работах, прямо не обозначая свою методологию как институциональную, фактически исследует религиозные процессы в близком ключе.

Характерным для *историко-правовых* работ исследовательским подходом является изучение эволюции правовых механизмов и трансформации нормативности в исторической ретроспективе[218], анализ отдельных периодов, тенденций развития отечественного законодательства[219], задававшего правовые рамки взаимодействия государственных органов и религиозных организаций.

Более широкий круг тем – государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции, проблемы соотношения светского и религиозного права в рамках имперской, советской и современной моделей государственно-религиозных взаимодействий – исследуют А.А. Дорская[220], О.Н. Петюкова[221], Д.А. Пашенцев[222], А.В. Пчелинцев[223], И.А. Шершнева-Цитульская[224] и др.

---

[217] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР : 1943–1965 гг. : автореф. дис. … д. ист. наук. М., 2011.

[218] Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности / В.В. Захаров, И.А. Исаев, О.Г. Ларина, С.А. Салтыкова. М. : Проспект, 2012. 432 с. ; *Исаев И.А., Румянцева В.Г*. Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6 (139). С. 11–20.

[219] *Салтыкова С.А*. Особенности формирования правовой системы Древней Руси // История государства и права. 2012. № 15. С. 45–48.

[220] *Дорская А.А*. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права : монография. СПб. : Астерион, 2007. 158 с. ; *Ее же*. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 16–22.

[221] *Петюкова О.Н*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах.

[222] *Пашенцев Д.А*. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 168–173 ; *Боголюбов С.А.,*

В частности, О.Н. Петюкова в диссертации, посвященной правовому регулированию государственно-церковных отношений в 1917–1945 гг., отмечает переплетение правовых и неправовых форм государственного воздействия. Она призывает учитывать и религиозно-нравственную составляющую правосознания российского общества[225]. Основные выводы работы послужили отправной точкой для размышлений диссертанта об институциональных характеристиках субъектов государственно-религиозных отношений.

На вопросы преемственности советской правовой системы от имперской обращает внимание В.А. Рыбаков, доказывая, что, несмотря на утверждение о полном отказе от дореволюционного права, оно весьма широко использовалось в Советском Союзе. Он заключает: «Отрицание преемственности советского права и права царской России не подтверждается практикой правового строительства»[226].

Именно эта категория работ важна пониманием формально-институциональной (законодательной) рамки, разработкой вопросов функционирования и тенденций развития российского (имперского, советского) права. Чаще всего исследования используют позитивистскую методологию, стремясь к объективному изложению материала без привнесения субъективных оценок, опираясь на фактические данные и доступные (в том числе рассекреченные) исторические источники.

Одной из поставленных в нашем исследовании проблем является степень государственного вмешательства в формирование кадрового состава духовенства Русской православной церкви (одна из задач советской власти, воспринимавшаяся ею как важнейшее средство осуществления контроля над РПЦ). Это

Пашенцев Д.А. Развитие российского права в 1940-е годы : монография. М. : ИНФРА-М, 2025. 321 с.

[223] *Пчелинцев А.В*. Свобода религии и права верующих в современной России. М. : Юриспруденция, 2007. 392 с.

[224] *Шершнева-Цитульская И.А*. Государство и церковь в России в XVIII – начале XXI века. М. : Юрайт, 2020. 189 с.

[225] *Петюкова О.Н*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917-1945 годах : дис. …. д. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. С. 59, 87.

[226] *Рыбаков В.А*. Советское право : преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13–17.

вмешательство особенно отчетливо видится на двух этапах: получения профессионального образования в семинариях и академиях, а также допуска к священнослужению (отбор через процедуру регистрации приходского духовенства, согласование епископских назначений и т.д.). Иными словами, государственная политика в сфере формирования кадров духовенства была направлена на специфическую «селекцию» священнослужителей.

В связи с этим необходимо обозначить степень изученности этого вопроса в современной научной литературе.

Проблемы профессионального религиозного образования (подготовки священнослужителей) в Советском Союзе, как правило, не рассматривались в отрыве от общего историко-правового контекста государственно-религиозных отношений. Что касается исследований, непосредственно посвященных истории российских духовных школ и богословского образования, то фундаментальные труды изданы в основном по дореволюционному периоду – это работы В.А. Тарасовой[227] и Н.Ю. Суховой[228].

Помимо этого, опубликованы работы, исследующие различные аспекты подготовки священнослужителей в советский период или историю отдельных семинарий и академий. Ожидаемо, что большинство из них касаются истории Московской и Ленинградской духовных школ[229]. Представляют интерес

---

[227] *Тарасова В.А*. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М. : Новый хронограф, 2005. 567 с.

[228] *Сухова Н.Ю*. Высшая духовная школа : проблемы и реформы : вторая половина XIX века. М. : Православный Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 658 с.

[229] *Гаврюшин Н.К*. Из воспоминаний о Московской духовной академии (продолжение) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2013. № 11. С. 88–111 ; *Лобанова И.В*. Московская духовная академия как ведущий научно-исследовательский центр синодального периода в области церковной истории и археологии // История Московского края : проблемы, исследования, новые материалы : материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ, Москва, 16 февраля 2016 года. Выпуск VI. М. : Московский государственный областной университет, 2016. С. 326–332 ; *Кечкин И., свящ., Рязанов И.С*. Московская духовная академия в период ректорства архиепископа Филарета (Вахромеева) (1966–1973) : исторический очерк // Церковный историк. 2019. № 1 (1). С. 104–113 ; «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем вечной истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской духовной академии в первые годы ее существования / публ. Д.А. Карпука // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 110–155 ; *Александрова-Чукова Л*. Духовные школы в социалистическом государстве : дело жизни митрополита Григория (Чукова) // Тетради по консерватизму. 2024. № 4. С. 198–220.

исследования, касающиеся истории и других духовных школ в СССР[230]. Многие из них содержат уникальные свидетельства реального взаимодействия представителей власти и духовенства РПЦ, описания деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности, которые стремились вмешиваться в вопросы, связанные с набором в духовные школы и процессом обучения.

Государство принимало во внимание, что в отсутствие легальных возможностей получить профессиональное религиозное образование росли случаи «подпольного» обучения служителей культа. В брежневский период уже стало очевидно, что ограничительные меры в отношении семинарий не дали эффекта. В регионах, где существовал запрос на увеличение количества духовенства, возникали альтернативные способы подготовки. Более разумным виделся выход, чтобы подготовка духовенства была выведена из «серой зоны» для обеспечения подконтрольности. Поэтому с конца 1970-х гг. власти разрешили увеличить набор в семинарии и даже настаивали на необходимости получения священниками семинарского образования[231]. Совет по делам религий указывал, что подготовка священнических кадров «имеет существенное значение во внутреннем идеологическом плане и в сфере внешнеполитических интересов», также делался акцент на «воспитании гражданственности, патриотизма», исполнении законодательства о религиозных культах[232].

---

[230] *Спиридонова Т.А*. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров БССР по закрытию Минской духовной семинарии (1959–1963 гг.) // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : асоба, грамадства, дзяржава : Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыіў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Янкі Купалы. У 2 частках. Том Частка 2. Гродна : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2019. С. 185–188 ; *Федчук А.Н*. Волынская духовная семинария в советское время : хрущевские гонения и прекращение работы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской православной церкви. 2020. № 94. С. 74–94 ; *Бартенев Г.В*. Борьба за Саратовскую духовную семинарию в контексте церковно-государственных отношений в 1944–1951 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 47. С. 149–173.

[231] *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции // Религии мира : история и современность / под ред. Е.В. Беляковой, А.В. Назаренко. М. ; СПб. : Нестор-история, 2012. С. 433–434.

[232] Там же.

Нарративная методология большинства исследований не дает возможности систематически описать систему духовного образования как часть сложного механизма государственно-религиозных отношений в СССР, состоявшую как из правовых актов (включая секретные инструкции), так и неформальных правил и практик взаимодействия субъектов этих правоотношений. Система религиозного образования в РПЦ в рассматриваемый период не представлена в качестве целостного феномена. Так, мало изучены сама организация образовательного процесса, учебные планы и учебные пособия[233], цели и задачи образования согласно пониманию церковного руководства, вопросы управления и контроля, финансов, формирования студенческого контингента. Таким образом, мы можем говорить о наличии ряда пробелов в изучении системы духовного образования в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

Вопросы церковной кадровой политики (и влияния на нее государства) в большинстве современных работ затрагиваются лишь отчасти, для иллюстрации тех или иных исторических событий. В историко-правовой литературе они также в основном помещены в формальный правовой контекст, а не становятся предметом специального рассмотрения[234].

Тем не менее многие авторы подтверждают, что вмешательство властей в назначения и смещения священнослужителей носили систематический характер, а государственный контроль за этой стороной религиозной жизни был закреплен в нормативных правовых актах[235].

---

[233] Интересно, что исследователи российского ислама описывают контекст, структуру и содержание учебных программ, состояние учебников в советских медресе и т.д. (*Халилова З.Э.* Богословские науки в советском медресе : содержание и контекст учебных дисциплин // I Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : материалы научно-практических конференций форума, Болгар, 13–19 октября 2019 г. Т. I. Казань : МеДДоК, 2020. С. 231–235).

[234] *Дорская А.А.* Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права : монография. СПб. : Астерион, 2007. 251 с. ; *Шершнева-Цитульская И.А.* Государство и церковь в России в XVIII – начале XXI века. М. : Юрайт, 2020. 189 с. ; *Боголюбов С.А., Пашенцев Д.А., Алексеева Л.Л.* Развитие российского права в 1940-е годы : монография. М., 2025. 321 с. и др.

[235] *Бартенев Г.В.* Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской православной церкви. 2022. Вып. 104. С. 108–121 ; Русская православная церковь и государство в 1970–1990-е гг. : эволюция

Ряд вопросов, связанных с церковной кадровой политикой и в целом с попытками епископата обеспечить духовное окормление верующих, не состоящих в официально зарегистрированных приходах, рассматривается в важной монографии А.Л. Беглова[236]. Он, например, показывает, как руководство РПЦ пыталось сохранить практику священнических «разъездов» (посещения одним священником нескольких приходов, как официальных, так и подпольных – в нарушение действовавшего законодательства о культах, цель которого состояла, в том числе, в сокращении количества общин).

Исследования церковных историков традиционно знакомят нас с большим количеством материалов о «советских гонениях» на РПЦ и церковном сопротивлении в повседневной епархиальной и приходской жизни, некоторые работы касаются кадровых вопросов. Например, Наталия Демидова в исследовании кадровой политики Московской патриархии в первые послевоенные годы[237] пишет о прямой заинтересованности Совета по делам РПЦ «в архиереях, готовых выполнять все указания местных властей» и региональных уполномоченных. Касаясь случаев «компромиссного» поведения иерархов, она объясняет их стремлением отстаивать интересы церкви, но в то же время и нежеланием «злоупотреблять» и жертвовать «некоторыми правами», дарованными в рамках «нового курса»[238]. Среди компромиссов, на которые шла Московская патриархия, автор прежде всего называет требование назначать на кафедры епископов из бывших «обновленцев». Именно в этих архиереях Н. Демидова видит тех, которых характеризовало «угодничество перед властью в ущерб церковным интересам»; именно они, пользуясь доверием властей, «направлялись в заграничные командировки», где выполняли государственные задания. Автор считает, что епископат из «обновленцев» оказывал заметное

взаимоотношений / *Р.Н. Богданова, Ю.Ю. Клычников, И.Н. Колесников, К.В. Каспарян* // Вопросы истории. 2023. № 1-2. С. 70–81 ; *Kowalewski D.* Protest for Religious Rights in the USSR : Characteristics and Consequences // The Russian Review. 1980. Vol. 39, No. 4. P. 426–441.

[236] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб».

[237] *Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

[238] Там же. С. 15–16.

влияние на «формирование современных традиций и норм жизни духовенства, включая подготовку кадров священнослужителей в духовных школах»[239]. Тем не менее исследователь признает, что дискриминация и репрессии против неугодного духовенства осуществлялись именно руками Синода и патриарха[240].

Митрополит Исидор (Тупикин) пишет о развилке, характерной для священнослужителей советского времени: жертвовать собой ради интересов церкви или выбрать конформизм и спокойную жизнь. Обращаясь к конфликту Калининского епископа Феодосия (Погорского)[241] и местного уполномоченного В.И. Хевронова в хрущевские годы, он анализирует широко распространенную практику вмешательства государства в назначение священнослужителей и церковное управление[242].

Конфессионально окрашенные исследования зачастую не обращаются в достаточной мере к вопросу субъектности иерархов РПЦ в отношениях с государством, представляя несколько упрощенный портрет советского духовенства.

Впрочем, далеко не все православные исследователи игнорируют проблему церковного конформизма в советское время. Сергей Куксенко подчеркивает пассивность руководства РПЦ по отношению к антирелигиозной политике советской власти в 1950–1960-х гг., отмечая, что церковь адаптировалась и смирилась с ней, сотрудничая в вопросах ограничения богослужений и сокращения религиозных общин, и поэтому, строго говоря, нельзя описывать

---

[239] Там же. С. 17.

[240] Н. Демидова отмечает: «В отношении наиболее активных и самостоятельно мыслящих иерархов проводилась откровенно дискриминационная политика: через Синод и патриарха они отправлялись на покой или переводились в отдаленные епархии». Также она описывает увольнение нелояльных преподавателей ректором Московской духовной академии (Там же. С. 19).

[241] Феодосий (Погорский, 1909–1975), архиепископ Русской православной церкви. В 1958–1960 гг. был епископом Калининским и Кашинским. В 1960–1968 гг. возглавлял Пензенскую и Саранскую епархию, откуда в 1968 г. был переведен в Иваново (в наказание за поддержку свящ. Глеба Якунина и Николая Эшлимана). С 1973 по 1975 г. – архиепископ Уфимский и Стерлитамакский.

[242] *Исидор (Тупикин), митр.* Противостояние епископа Калининского и Кашинского Феодосия (Погорского) и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР В.И. Хевронова (1958–1960 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 40. С. 240.

РПЦ лишь как объект внешнего воздействия со стороны советского государства[243].

В связи с этим важным представляется замечание Лавинии Стан, которая указывает, что в постсоветский период Русская православная церковь, хотя и пересмотрела свой исторический нарратив, но сделала это лишь выборочно. В этой оценке, по мнению автора, многие неприятные истины (например, степень и значение сотрудничества церковных иерархов с режимом) часто игнорируются или преуменьшаются[244].

Мы видим, что руководство РПЦ часто изображается преимущественно конформистски-пассивным, что может привести к недооценке разнообразия форм взаимодействия, особенно на низовом уровне. Внутренняя динамика функционирования РПЦ, включая фракционность и роль неформальной власти, по-прежнему недостаточно изучена, что ограничивает всеобъемлющую картину институциональной адаптации церкви. Также большинство исследований не в полной мере изучают долгосрочные институциональные последствия вмешательств государства в церковную политику, такие как изменения в церковной культуре, мировоззрении священнослужителей или приходской жизни.

Изучение неформальных правил и практик, взаимодействия правовых и неправовых способов регулирования общественных отношений. В современных научных исследованиях, посвященных институциональному анализу общественных отношений, нередко утверждается, что даже в высокоформализованных институциональных и организационных структурах наряду с формальными правилами действуют и правила неформальные – причем последние оказывают существенное влияние на формальные нормы, правовое регулирование и правоприменительную практику.

---

[243] *Куксенко С.* Історична наука про угодовство та нонконформізм Руської православної церкви в період утисків 1950–1960 рр. // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : історичні науки. 2021. № 33. С. 52–64.

[244] *Stan L*. The Russian Orthodox Church and Its Communist Past // Churches, Memory and Justice in Post-Communism. Memory Politics and Transitional Justice / ed. by L. Turcescu and L. Stan. Palgrave Macmillan, Cham., 2021. P. 225–240.

Концепция неформальных правил и практик как важная часть методологической оптики присутствует в работах представителей различных направлений правового институционализма. При этом правоведы-институционалисты в ряде случаев не описывают неформальную часть механизма правового регулирования через понятие «неформальные правила», чаще говоря о сосуществовании различных правопорядков[245], системе социальных норм[246], устойчивых практиках[247] и т.д. Прежде всего это касается западных правоведов (М. Ориу, С. Романо, Н. Маккормик и др.)[248], но также в последние годы приобретает все большую популярность в России и странах СНГ (А.В. Поляков, В.А. Четвернин, А.В. Яковлев и др.)[249].

Б*о*льшая же часть исследований, посвященных неформальным правилам и практикам, относятся к области социологии, политологии или экономики[250].

Дуглас Норт многократно подчеркивал роль убеждений (как представлений о мире, направляющих действия индивидов) в формировании институтов[251]. Это влияние он видел и в обратном влиянии институтов (как когнитивные рамки и

---

[245] *Romano S.* L'ordinamento giuridico. Firenze : Sansoni, 1967. P. 106.
[246] *Четвернин В.А., Яковлев А.В*. Институциональная теория права. М. : ВШЭ, 2009. С. 2–3.
[247] *Ориу М.* Указ. соч. С. 15–16.
[248] *Romano S.* L'ordinamento giuridico. Firenze : Sansoni, 1967 ; The French Institutionalists : Maurice Hauriou, Georges Renard, Joseph T. Delos / Ed. by A. Broderick. Cambridge : Harvard University Press, 1970 ; *MacCormick N., Weinberger O*. An Institutional Theory of Law : New Approaches to Legal Positivism. Dordrecht : Springer Science+Business Media, 1986 ; *Ориу М*. Основы публичного права. М. : ИНФРА-М, 2013 ; *Бирюков С.В*. Санти Романо и концепция правового плюрализма // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 6 (199). С. 138–147.
[249] *Матюхин А.А*. Государство в сфере права : институциональный подход. Алматы, 2000 ; *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права : учебник. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005 ; *Оль П.А*. Право как форма социально-исторической реальности : теоретико-гносеологическое исследование : дис. … д. юрид. наук. СПб., 2006 ; *Четвернин В.А., Яковлев А.В*. Институциональная теория права. М. : ВШЭ, 2009 ; *Яковлев А.В*. Институциональный подход в юридической теории государства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.
[250] *Gel'man V*. The Unrule of Law in the Making : The Politics of Informal Institution Building in Russia // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56, No. 7. P. 1021–1040 ; *Solomon P.H., Jr*. Law in Public Administration : How Russia Differs // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24, No. 1. P. 115–135.
[251] *Норт Д*. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнер. М. : Начала, 1997.

ограничения поведения) на убеждения, однако в целом чаще делал акцент на том, что неформальные нормы приводят к возникновению формальных[252].

Политологические исследования наиболее активно адаптируют эти идеи для анализа политических институтов, вопросов политической устойчивости и «хрупкости» политических моделей. Гретхен Хелмке и Стивен Левицки, в частности, очертили рамки для исследования неформальных институтов и включения их в сравнительный институционный анализ[253].

По мнению Юджина Хаски, СССР в позднесоветский период не смог соблюдать обычную иерархию правовых норм: различные правила и инструкции имели приоритет над законодательством и могли не соответствовать ему. Наблюдатель венгерской бюрократии того же периода утверждал, что восточноевропейские коммунистические правительства имели бюрократию, «создающую правила», а не «соблюдающую» их[254]. Не только политические, но и экономические реалии в России какое-то время настолько расходились с формальными институтами и законами, что критики увидели и «виртуальную экономику», и «виртуальную политику», – отмечает Питер Соломон[255].

Неоинституциональные идеи наиболее активно применяются в нашей стране в экономических исследованиях, в частности темы характера власти, ее целей и инструментов при взаимодействии с предпринимательским сообществом обсуждаются в категориях «белой», «серой» или «черной» зоны отношений. Через такую модель описывается формирование институтов, играющих «ключевую роль в определении реальных правил игры» (при определяющей роли именно «серой» зоны)»[256]. В связи с этим представляется методологически

---

[252] *Ambrosino A., Fiori S.* Ideologies and beliefs in Douglass North's theory // The European Journal of the History of Economic Thought, 2018. Vol. 25, No. 6. P. 1342–1343.

[253] *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics : A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2, No. 4. P. 725–740.

[254] *Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50, No. 1. P. 53–70.

[255] *Solomon P.H., Jr.* Law in Public Administration : How Russia Differs // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24, No. 1. P. 115–135.

[256] *Левин С.Н., Саблин К.С., Руцкий В.Н.* Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России : «картины власти» и подходы к исследованию // Мир России. 2018. Т. 27, № 3. С. 6–27.

оправданным использовать понятие «серой зоны» в рамках нашего исследования о роли местных властей в реализации формальных установлений (советского законодательства о культах), идущих из союзного центра.

Наибольший вклад в исследования советских неформальных правил и практик внесла интернациональная команда ученых под руководством британского социолога Алены Леденевой. В базе данных, сформированной по итогам коллективного исследовательского проекта «Глобальная энциклопедия неформального» (The Global Encyclopedia of Informality), представлены, в том числе, материалы по России и СССР с акцентом на современность[257].

Предлагаемый в проекте способ изучения неформальности основан на выявлении тех сфер, в которых они наиболее ярко проявляются – сфера плановой экономики с ложной отчетностью, практики влияния на судей через «телефонное право»[258]. Среди причин, которые обуславливали распространенность в СССР и постсоветской России неписаных правил, А. Леденева называет две категории.

С одной стороны, это проблемы нормативно-правовой базы и обеспечения соблюдения законов: несоответствие между различными видами законодательства; слабая инфраструктура правоприменения; появление альтернативных институтов, которые работают с большей эффективностью, чем государственные. С другой стороны, российская политическая культура, по ее мнению, отделяет концепцию правосудия от концепции формального права; нередко отсутствует прямая связь между реальной властью и формальным статусом; принятие решений является «корпоративным и конспиративным»; стабильность и избегание риска предпочтительнее инноваций и прогресса;

---

[257] The Global Encyclopedia of Informality. Vol. 1, 2 / Ed. by Alena Ledeneva, Anna Bailey, Sheelagh Barron, Costanza Curro, Elizabeth Teague. L. : UCL Press, 2018.

[258] *Ledeneva A*. How Russia Really Works : The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2006 ; *Ledeneva A., Banović R.Š., Curro C*. Telefonnoe pravo (Russia) // URL: https://www.in-formality.com/wiki/index.php?title=Telefonnoe_pravo_(Russia) (accessed: 12.04.2025).

нежелание принимать кодифицированные законы («те, кому нужно знать правила, их знают»)[259].

В отношении интересующей нас темы А. Леденева полагает, что сформировавшиеся в послевоенном СССР организационно-правовые модели были «основаны на концентрических кругах «неписаных правил», которые действовали на всех уровнях руководящих органов и способствовали их воспроизводству». Эти правила носили закрытый характер на верхних уровнях и инклюзивный – на нижних. Таким образом для органов власти сохранялась широкая «свобода усмотрения», а на основе неформальных рычагов воздействия обеспечивался дополнительный контроль для достижения заявленных целей. Следствием этого было избирательное применение закона, а также «использование закона во внесудебных целях»[260].

Анализ историографии демонстрирует, что тема неформальности в области экономики и права в советскую эпоху представлена довольно широко[261], однако этого нельзя сказать об интересующей нас сфере взаимодействия государства и религиозных институтов.

На сегодняшний день сформировано общее понимание того, как на самом деле (а не формально) работали советская экономика и управление[262]. В свою очередь, усилия правоведов направлены на изучение советского права и особенностей «второго правосудия» как набора неформальных практик, причинами которого, прежде всего, являлись отсутствие реального разделения властей и зависимость судебной власти от исполнительной[263]. В числе базовых

---

[259] *Ledeneva A*. How Russia Really Works : The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2006. P. 11–12 ; *Keenan E.L*. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45, No. 2. P. 115–181.

[260] *Ledeneva A., Banović R.Š., Curro C*. Telefonnoe pravo (Russia). URL: https://www.in-formality.com/wiki/index.php?title=Telefonnoe_pravo_(Russia) (accessed: 12.04.2025).

[261] *Heinzen J.* The Art of the Bribe : Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66, No. 3. P. 389–412.

[262] *Хлевнюк О.В*. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 320 с. ; *Митрохин Н.** Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. В 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2023.

[263] Исследования советских политических элит иллюстрируют, как Коммунистическая партия вмешивалась в судебную систему. Именно ведущая роль партии, ее статус над законом и ее

характеристик советской управленческой модели отмечается приоритет устных, личных приказов и поручений над письменными инструкциями и распоряжениями[264], значимость «телефонного права»[265].

Исследования государственно-религиозных отношений в России, выполненные в институциональном и неоинституциональном ключе чрезвычайно малочисленны. Они, как правило, написаны в политологическом ключе и анализируют РПЦ как социальный институт, а также символический капитал церкви в современном обществе[266]. Интересной является предложенная Андреем Маковским интерпретация государственно-конфессиональных отношений в России в рамках теории исторического неоинституционализма, который «не акцентирует внимание на функциях институтов, а рассматривает процессы их формирования, изменения и взаимодействия»[267].

Владислав Овчинников с опорой на классиков социологии религии (прежде всего Макса Вебера) делает вывод о необходимости применения институционального подхода к исследованиям РПЦ, в том числе обращаясь к истории монастырей – ее структурных подразделений, которые с точки зрения

защита по отношению к закону в конечном итоге подорвали независимость правовых институтов.

[264] The Global Encyclopedia of Informality. Vol. 2 / Ed. by Alena Ledeneva, Anna Bailey, Sheelagh Barron, Costanza Curro, Elizabeth Teague, UCL Press, 2018. P. 459.

[265] «Телефонное право» («телефонное правосудие») можно определить как неформальное влияние или давление, оказываемое на судебную систему, или, более широко, как зависимость правовой системы от политических порядков.

[266] *Лапицкий К.В*. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства : институциональный анализ // Общество : политика, экономика, право : научный журнал. 2017. Вып. 11. С. 24–27 ; *Вольтер О.В*. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 211–218 ; *Солдатов А.* Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 39–45.

[267] *Маковский А.А*. Неоинституциональный подход к анализу государственно-конфессиональных отношений в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 76 ; *Его же*. Государственно-конфессиональные отношения в региональном политическом процессе (на примере Саратовской области) : дис. … к. полит. наук. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019.

институционального подхода выступают простыми социальными институтами в составе более сложного института Русской православной церкви[268].

Наконец, если обратиться к работам, использующим метод сравнительного анализа, можно выделить некоторые исследования правовых отношений Российской империи и иных (неправославных) религиозных институтов. Штефан Кирмзе исследует вопросы правовой интеграции национальных, религиозных меньшинств в империи, заключает, что в Российский империи не сложился единообразный подход в отношении поликонфессионального и полиэтничного населения[269]. О подобном дифференцированном подходе писали Джейн Бурбанк, Паоло Сартори, Павел Шаблей и др.[270] С точки зрения теории Д. Норта рассмотрел взаимодействие института муфтията и организаций – духовных управлений мусульман Ренат Беккин. Он пришел к выводу, что механизмы контроля государства над ДУМами во многом опирались и опираются на неписаные правила[271].

* * *

Таким образом, имеющаяся научная литература по вопросам взаимоотношений государства и Русской православной церкви в СССР отличается широким разнообразием как с отраслевой точки зрения, так и в части методологических подходов.

Наиболее многочисленны исследования российских и зарубежных историков, посвященные изучению отдельных аспектов государственно-религиозных отношений в XX веке и появившиеся благодаря открывшейся в 1990-е гг. возможности использовать архивные материалы партийных и советских

---

[268] *Овчинников В.А*. О применении институционального подхода при исследовании истории монастырей Русской православной церкви // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1. С. 55–60.

[269] *Кирмзе Ш.Б*. Империя законности : юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / пер. с англ. А. Ланге. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.

[270] *Burbank J*. An Imperial Rights Regime : Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. Vol. 7, No. 3. P. 397–431 ; *Сартори П., Шаблей П*. Эксперименты империи : адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М. : НЛО, 2019. 280 с.

[271] *Беккин Р.И*. «Люди в верности надежные… : татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)». М. : НЛО, 2022. С. 43.

органов власти, и прежде всего – фонды Совета по делам РПЦ (религий) при СНК (Совмине) СССР. Активно публикуются и работы биографического характера, описывающие как личности известных государственных и церковных деятелей этого периода, так и атмосферу в обществе тех лет.

Гораздо меньшее количество историко-правовых работ по правовому регулированию государственно-религиозных отношений в России в основном сосредоточено на дореволюционном или современном периодах, единичные исследования разбирают правовую ситуацию 1920–1930-х гг. или периода Великой Отечественной войны, но практически отсутствуют работы, изучающие специфику 1940-х – 1980-х гг. Исключением является ряд историко-правовых исследований региональных особенностей государственной политики в отношении религии, однако они, как правило, не выходят на уровень обобщений общесоюзного масштаба, предпочитая индуктивному методу дедуктивный.

Узким местом большинства названных исследований являются доминирование позитивистского подхода и слабая адаптация институциональной методологии. Часть выполненных в «классическом» ключе работ почти целиком посвящена пересказу обнаруженных архивных документов. По замечанию Николая Митрохина*[272], в таких работах сохранились черты «советского наследия – писать только о том, что было прочитано в документах, найденных желательно в надежных государственных архивах»[273]. Этим они существенно отличаются от современных подходов, для которых характерно изложение идей в проблемном ключе, что позволяет ставить и решать вопросы концептуального плана, не ограничиваясь лишь описательными рамками.

Если исторические работы нередко некритично следуют за логикой «найденной в архивах» информации, для историко-правовых работ бывает

---

[272] * Внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

[273] *Митрохин Н.** Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 505–506. Самому Н. Митрохину* принадлежит первое в постсоветской России системное политологическое исследование взаимоотношений Русской православной церкви с властными структурами на пространстве СНГ: *Митрохин Н.** Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. М. : Новое литературное обозрение, 2004.

характерно сведение правового регулирования к изложению нормативно-правовой базы того или иного периода – без учета, например, особенностей правосознания субъетов правоотношений или неписаных правил их взаимодействия. Внимание как историков, так и правоведов в основном сосредоточено на изучении советского законодательства (формальных правил) – того, как должны были выстраиваться взаимодействие государства и религиозных институтов и организаций, исходя из нормативных предписаний[274]. В итоге видимой является «верхушка» политико-правового, социального «айсберга», находящаяся в сфере предписанных норм, часто слабо связанных с социальной тканью и поведением верующих, а неформальные правила и практики игнорируются.

Отметим также, что, несмотря на большой массив российской и зарубежной научной литературы, многие вопросы, касающиеся особенностей правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР, до сих пор остаются вне фокуса внимания исследователей. Так, в историографии недостаточно разработан вопрос правосубъектности РПЦ в 1940-х – 1980-х гг. В подавляющем большинстве работ церковь не рассматривается как институциональный субъект, состоящий из множества отдельных акторов, оперирующий набором внутренних правил и ограничений, и вместе с тем влияющий на советский социум, формирующий (вместе с государственными органами) определенную среду и новые правила взаимодействия. Напротив, многие работы описывают религиозные институты и верующих, прежде всего, как объекты воздействия со стороны государства, а церковное право не рассматривается как самостоятельный правовой порядок. В итоге сохраняющееся у ряда современных исследователей представление об РПЦ советской эпохи только как об объекте внешнего влияния, не имевшем правовой агентности, являются прямым продолжением советского атеистического и западного советологического дискурса.

---

[274] См. критику существующих историографических подходов: *Freeze G.* Confessions in the Soviet Era : Analytical Overview of Historiography // Russian History. 2017. No. 44. P. 1–24.

Церковная историография также нередко характеризуется слабой проработкой вопроса субъектности иерархов РПЦ в отношениях с Советским государством. Она традиционно сосредоточена на описании истории гонений со стороны атеистического режима и несколько упрощенно описывает церковное сопротивление ему в повседневной приходской жизни. Проблематика сотрудничества церковных иерархов с режимом, а также значение этого процесса для институциональной эволюции церкви в большинстве случаев остаются вне фокуса внимания церковных авторов.

Кроме того, имеет место слабая адаптация институциональной методологии к интересующей нас теме. Неформальные регуляторы и их роль в архитектуре государственно-религиозных взаимодействий практически не изучаются.

Отчасти выявленные проблемы компенсируются наличием исследований в смежных областях общественных наук. Между тем специфика рассматриваемой области общественных отношений диктует необходимость, с одной стороны, междисциплинарного начала, с другой стороны, большего внимания к роли институтов для выявления реальных механизмов правового регулирования.

§ 1.3. Эвристический потенциал институциональных и неоинституциональных теорий в историко-правовом исследовании государственно-религиозных отношений

Параграф посвящен описанию авторского методологического подхода, который опирается на аналитическую рамку существующих на сегодняшний день авторитетных институциональных и неоинституциональных теорий права и предлагается нами как основа для изучения историко-правовых аспектов государственно-религиозных отношений. Данный подход назван нами историко-правовым неоинституционализмом. В отдельных необходимых случаях мы будем также обращаться к методологическим наработкам различных областей современного социально-гуманитарного знания.

Предлагаемая новая методология (историко-правовой неоинституционализм) позволит преодолеть разрыв между анализом «больших» институтов (государство, церковь, право) и осмыслением повседневных социальных, религиозных практик, стратегий поведения и когнитивных моделей, влияющих на формирование «правил игры», а в конечном итоге – на формирование институциональных рамок государственно-религиозного взаимодействия. Полагаем, что подобный синтез методологических наработок обеспечит сравнительно целостное понимание государственно-религиозных отношений как динамичного процесса взаимного конструирования двух институтов, позволит уйти от привычной и непродуктивной дихотомической модели, сталкивающей их между собой.

В современной российской историко-правовой науке продолжается ретроспективное осмысление имеющегося имперского и советского опыта правового регулирования государственно-религиозных отношений, в том числе в целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики, а также поиск новых методологических подходов, которые будут способствовать не только углублению научного познания этой области общественных отношений, но и нахождению наилучших и наиболее продуктивных форм взаимодействия между государством, обществом и религиозными организациями.

В силу методологических и источниковых ограничений, а также специфики предметной области сегодня отсутствует адекватное прогнозирование тенденций в этой сфере, что в том числе затрудняет и принятие востребованных управленческих решений органами государственной власти.

Понятия «религия» и «государственно-религиозные отношения» употребляются сегодня чрезвычайно широко. Рассматривая их в качестве объектов научного познания, не следует забывать, что и то и другое формируется под воздействием различных общественных явлений и политико-идеологических факторов, а потому тексты, действия, мотивации акторов государства и религиозных институтов в равной степени контекстуальны и исторически

обусловлены. Следовательно, они могут и должны быть проанализированы с помощью научного инструментария.

Однако современная гуманитарная наука не дала однозначного ответа на ряд важных вопросов, связанных с проблематикой государственно-религиозных отношений: каковы социально-культурные и институциональные закономерности, задающие определенную логику развития государственно-религиозного взаимодействия? Какими «красными линиями» очерчены его границы? Какова его внутренняя институциональная динамика? Несмотря на обилие исторических, правовых, антропологических исследований в этой области, мы не находим убедительных ответов на эти вопросы в рамках существующих подходов.

Д.А. Пашенцев констатирует у многих современных историко-правовых исследований недостаток четкой методологии, которая могла бы синтезировать лучшие наработки как юридической, так и исторической науки[275]. «Классическая» теория государства и права с ее формально-юридическим подходом, по его наблюдению, не в полной мере применима для историко-правовых исследований в силу их специфики, особенно с учетом произошедшего в науке антропологического поворота[276].

Институциональные теории права как точки отсчета

Предлагаемая нами методологическая рамка базируется на основных идеях теоретиков права, принадлежащих к влиятельным направлениям институционализма, положениях, характерных для неоинституциональной теории, а также на антропологической версии институционального анализа. Хотя институционализм получил широкое распространение в современных социальных

[275] *Пашенцев Д.А*. Историко-правовая наука : поиск новой методологии : монография. М. : ИНФРА-М, 2026. С. 19.

[276] Акцент должен быть смещен с описания нормы и источника права (как перечня норм, несущего информацию о праве ушедшей эпохи) на человека, «его поведение в правовом пространстве, детерминирующие это поведение факторы»: систему ценностей, специфику языка и сознания эпохи (*Пашенцев Д.А*. Историко-правовая наука : поиск новой методологии : монография. М. : ИНФРА-М, 2026. С. 19–21).

науках[277], ключевое для него понятие «институт» не имеет единого определения и используется в разных значениях[278].

В российской правовой науке традиционно дается лишь определение института права (или правового института) как устойчивой, относительно самостоятельной группы связанных между собой правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений, выделяются отраслевые и межотраслевые институты, к которым относятся и государственно-религиозные взаимодействия[279]. Одновременно учебники теории государства и права оперируют и более общим понятием «института», взятым из социальных наук, но в большинстве случаев также не дают ему точного определения[280]. Однако, по справедливому замечанию А.В. Яковлева, само употребление понятия «институт» некоторыми правоведами еще не свидетельствует о применении ими институционального подхода[281].

Какое из многочисленных определений «института» применимо для историко-правового изучения государственно-религиозных отношений, и главное,

---

[277] По словам Мауро Барбериса, «сегодня все мы институционалисты» (siamo tutti istituzionalisti oggi): *Barberis M.G*. Santi Romano e le metamorfosi dell'istituzionalismo // Lo Stato. 2017. No. 9. P. 243.

[278] На это, например, указывают экономист Георгий Клейнер (*Клейнер Г.Б.* Институты : определение, признаки и направления исследования // Управление. 2016. № 3 (13). С. 5–11), правоведы Вячеслав Кондуров и Арсений Краевский (*Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Правовые институты и нормы : проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 6. С. 98–99), философ Виктор Каплун (*Каплун В*. Миф Дюркгейма : что Витгенштейн и Райл могли бы сказать о пригодности основных понятий социальных наук // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 29–49).

[279] *Матузов Н.И., Малько А.В*. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. С. 151 ; *Морозова Л.А*. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 201–202.

[280] «Классическое» определение социальных и политических институтов, впрочем, дано в учебнике под редакцией Сергея Алексеева: это «устойчивые социальные или политические установления, учреждения, объединения и общности, выполняющие необходимые для общества социальные либо политические функции» (Теория государства и права : учебник / под ред. С.С. Алексеева. М. : Норма, 2005. URL: https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yurisprudenciya/23302-sergej-alekseev-teoriya-gosudarstva-i-prava.html (дата обращения: 08.10.2025). Отметим, что С.С. Алексеев говорит об институтах и как об «установлениях», и как об «учреждениях».

[281] *Яковлев А.В*. Об институциональном подходе в либертарно-юридической концепции государства // Труды Института государства и права РАН. 2008. № 5. С. 7–8.

как и в какой степени институциональная оптика применима к интересующей нас сфере?

Основоположник правового институционализма Морис Ориу (Maurice Hauriou, 1856–1929) говорит о правовых институтах в нескольких значениях[282], однако в любом случае подчеркивает их структурный и надличностный характер, подчеркивает их социальное измерение[283]. Право рассматривается им как система институтов, создающих и обеспечивающих соблюдение правовых норм[284].

М. Ориу подробно описывает «корпоративный институт», который представляет собой социальную организацию, а не просто совокупность правовых отношений, в которой власть централизована и суверенна, а властные полномочия упорядочены статутом, обеспечивающим баланс интересов, служат разделяемым всей группой целям и руководящей идее[285]. Правовая норма внутри институциональной структуры или возникает через некоторую легитимную законодательную процедуру, или представляет собой длительно существующий обычай; впрочем, одно не исключает другого[286]. Важен факт признания правовой нормы на уровне составляющих корпоративный институт индивидов.

Очевидно, что религиозные институты обладают перечисленными признаками корпоративного института: в них метафизическая идея определяет внутреннюю структуру, иерархию, схожие представления, понятия и эмоции составляющих группу индивидов. Подобные представления направляются

---

[282] *Ориу М.* Основы публичного права. М. : ИНФРА-М, 2013. С. 82.

[283] *Исаев И.А.* Живые институты Мориса Ориу : открытие социоправа // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 11.

[284] Согласно М. Ориу, не каждая организация является институтом. «Идея института», ради которой он, собственно, и создается, выступает здесь принципиальной составляющей: она создает общность между членами института и его руководящими органами. Длительность существования института превосходит длительность жизни составляющих его индивидов. Он обладает свойством устойчивости относительно произвольных действий его «типовых» агентов: изменить ту или иную норму под силу только значительному количеству членов института, в том числе с использованием специальных механизмов (*Hauriou M.* The Theory of the Institution and the Foundation : A Study in Social Vitalism // The French Institutionalists : Maurice Hauriou, Georges Renard, Joseph T. Delos / Ed. by A. Broderick. Cambridge : Harvard University Press, 1970. P. 101–103).

[285] *Ориу М.* Указ. соч. С. 83–85, 91–93.

[286] *Ориу М.* Указ. соч. С. 15–16.

религиозной иерархией и поддерживаются путем вовлеченности в коллективные действия[287].

М. Ориу также вводит ценное для нас понятие «живых институтов» – устойчивых воспроизводимых практик, которые в конкретный момент истории считаются соответствующими писаным формальным правилам[288], то есть в этом случае он уже говорит не столько об организационно оформленной структуре, сколько об интерпретации и практическом применении этих интерпретируемых субъектами общественных отношений норм.

В ряду представителей «классического» институционализма выделяется итальянский правовед Санти Романо (Santi Romano, 1875–1947)[289]. Его знаменитое высказывание, что «существует столько же правопорядков, сколько и институтов» (*ci sono tanti ordinamenti giuridici quante istituzioni*)[290], подчеркивает, что право по своей сути плюралистично и существует параллельно с различными общественными формациями, является продуктом не только государственной власти, но и других социальных институтов. Правовые системы не монолитны, они состоят из множества дублирующих друг друга нормативных актов, отражающих различные социальные реалии, регулируемые ими[291].

С. Романо утверждает, что институт – главное позитивное проявление права, в него входят различные правовые элементы (нормы, отношения,

---

[287] *Давыдов И.П., Фадеев И.А*. Указ. соч. С. 227.

[288] Виктор Каплун в качестве примера отмечает, что одному и тому же тексту Библии «в разные эпохи и в разных сообществах могут считаться соответствующими очень разные практики – в зависимости от того, как верующие в этих сообществах понимают ее предписания и как они привыкли действовать, считая, что действуют в соответствии с ними» (*Каплун В*. Указ. соч. С. 45).

[289] Его основополагающее произведение «Правопорядок» см.: *Romano S.* L’ordinamento giuridico. Firenze : Sansoni, 1967 (английский перевод : *Romano S.* The Legal Order. Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2017). Сергей Бирюков отмечает, что проблемами сосуществования различных порядков внутри государства занимались и отечественные правоведы, например Л.И. Петражицкий (*Бирюков С.В*. Санти Романо и концепция правового плюрализма // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 6 (199). С. 139–140).

[290] *Romano S*. L’ordinamento giuridico. P. 106.

[291] *Croce M., Goldoni M*. The Legacy of Pluralism : The Continental Jurisprudence of Santi Romano, Carl Schmitt, and Costantino Mortati. 2020. URL: http://eprints.gla.ac.uk/198882 (accessed: 01.07.2025) ; *Zanetti G*. Social Pluralism, Efficacy and Equality : Rethinking The Legal Order by Santi Romano // Equality and Vulnerability in the Context of Italian Political Philosophy. Studies in the History of Law and Justice. Springer International Publishing, 2023. Vol. 26. P. 89–96.

суверенная власть и т.д.[292] Институты могут создавать и поддерживать правопорядок независимо от государства, в том числе через «коллективные практики», необходимые для обеспечения общественной стабильности[293]. Среди неотъемлемых характеристик института – видимая индивидуальность и объективность его существования как реальной организации, наличие внутренних правил и дисциплины для входящих в институт индивидов. Кроме того, как и у М. Ориу, институт не является простой суммой составляющих его элементов, он имеет собственное бытие и цели, длительность его существования не зависит от длительности жизни его членов[294].

В ряду правопорядков, существующих внутри государства и допускаемых им, наряду с семьей, различными частными организациями или сообществами индивидов, С. Романо упоминает и религию. Церковь налагает на верующих различные обязательства, которые хотя не признаются, но и не отрицаются государством (например, уплата десятины)[295].

Идеи Романо перекликаются с положениями коммуникативной теории права Марка ван Хука (Mark van Hoecke). Согласно этой теории содержание права формируется из внешних по отношению к правовой системе источников, а не просто исходит из правовых норм и ценностей[296]. Схожим образом А.В. Поляков отмечает, что правовая сфера не может быть независима от человеческих идеалов, а правовое развитие отталкивается от общественных представлений и человеческих действий (социокультурная и коммуникативная составляющие права)[297].

Как правило, С. Романо относят к числу сторонников правового плюрализма, а некоторые авторы говорят даже о его «плюралистическом

---

[292] *Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Указ. соч. С. 111–113.
[293] *Veitch S., Christodoulidis E., Goldoni M*. Legal Institutionalism // Jurisprudence : Themes and Concepts. London ; New York : Routledge, 2018. P. 292. Также см.: *De Vanna F*. L'ordinamento giuridico di Santi Romano e il pluralismo oltre l'orizzonte dello Stato : alcuni percorsi interpretative // Jura Gentium. 2018. No. 15 (2). P. 37–56.
[294] *Romano S*. L'ordinamento giuridico. P. 35–39.
[295] *Ibid.* P. 194.
[296] *Ван Хук М*. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 63.
[297] *Поляков А.В*. Коммуникативная концепция права : вопросы теории. СПб., 2003. С. 134–135.

институционализме»[298]. Существует соблазн включить в перечень правовых систем любые социальные регуляторы, что приведет к панюридизму, невозможности разграничить правовые и социальные отношения и дать адекватное определение права в принципе[299].

Однако, как справедливо отмечают Вячеслав Кондуров и Арсений Краевский, более правильно разделять плюрализм[300] и собственно институционализм в работах Романо[301]. Можно лишь отчасти согласиться с критиками С. Романо, которые отмечают его недостаточное внимание к регуляторной роли государства и то, что далеко не каждая социальная группа имеет потребность в своей собственной правовой системе и создает ее[302]. Однако важно учитывать, что в ранний период своего творчества теоретик права не отрицал значения государства для определения нормативных правил в обществе[303]. Для него государство является лишь одним из множества институтов (правопорядков). Оно возникает на основе некоторых уже существующих

---

[298] *Croce M., Salvatore A*. The Legal Theory of Carl Schmitt. Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2013. P. 48.

[299] *Tamanaha B.Z*. The Folly of the "Social Scientific" Concept of Legal Pluralism // Journal of Law and Society. 1993. Vol. 20, No. 2. P. 192–217. DOI: 10.2307/1410167. Оговоримся также, что Карл Шмитт, выделявший «три рода научно-правового мышления» (нормативистское, децизионистское и институциональное), видел опасность в изолированном институциональном мышлении: оно, по его известному выражению, ведет «к плюрализму лишенного суверенитета, феодально-сословного развития» (*Шмитт К*. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 13).

[300] Общепризнанное определение правового плюрализма отсутствует, однако этим термином описывается ситуация, когда в социальном поле сосуществуют две или более правовые системы, которые взаимодействуют между собой *(Griffiths J*. What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986. Vol. 18, issue 24. P. 38 ; *Merry S.E*. Legal Pluralism // Law and Society Review. 1988. Vol. 22, No. 5. P. 870 ; *Фатхи В.И*. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии // Философия права. 2007. № 1. С. 27).

[301] *Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Указ. соч. С. 114–115. Как полагал Филиппо Фонтанелли, распространенное упрощение взглядов С. Романо (например, сведение их объяснения, к примеру, преступной группировки как самостоятельного правопорядка) было долгое время связано с отсутствием перевода его основной работы на английский язык и изложением взглядов итальянского правоведа по вторичным источникам (*Fontanelli F*. Santi Romano and L'ordinamento giuridico : The Relevance of a Forgotten Masterpiece for Contemporary International, Transnational and Global Legal Relations // Transnational Legal Theory. 2011. No. 2 (1). P. 70–71).

[302] *Бирюков С.В*. Санти Романо и концепция правового плюрализма // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 6 (199). С. 143.

[303] *Wilde de M*. The Dark Side of Institutionalism : Carl Schmitt Reading Santi Romano // Ethics & Global Politics. 2018. Vol. 11, issue 2. P. 16.

правовых норм, а не из «нулевой точки», действует в социуме, где есть и другие институты, оно не может спонтанно и радикально изменить правопорядок[304].

Оговоримся, что идеи правового плюрализма в его предельной форме были выражены Джоном Гриффитсом (John Griffiths), который полагал, что в любом обществе сосуществуют «полуавтономные социальные поля», которые генерируют правила и, следовательно, создают отдельные правовые режимы[305].

Салли Э. Мерри (Sally Engle Merry) указывала на очевидную проблему такого концепта: употребляя понятие «право» в отношении любых форм общественного порядка, не относящихся к государственному, мы затрудняем анализ[306].

Еще один ведущий представитель правового плюрализма американский правовед Брайан Таманаха (Brian Z. Tamanaha) более осторожен в определении того, что именно является «правом». Тем не менее он выделяет шесть основных форм нормативного регулирования, которые могут одновременно присутствовать в обществе. Среди них прежде всего «официальные правовые системы», но есть также и интересные нам «обычные/культурные» и «религиозные/культурные» нормативные системы[307]. Б. Таманаха отдельно упоминает религию, поскольку являющиеся частью социума верующие воспринимают ее как особый, совершенно отдельный аспект их существования, имеющий большой вес.

Религиозные традиции, таким образом, отмечает Б. Таманаха, могут содержать подсистемы норм и даже иметь «правовой» статус: или как частично включенные в официальные правовые системы, или как имеющие в глазах верующих независимый «правовой» статус.

Важно отметить, что поскольку каждый из описанных Б. Таманахой источников нормативного регулирования претендует на обладание обязывающей силой и определенный контроль над индивидами, между ними происходят

---

[304] То есть, законодатель – фактически не первоначальный создатель закона, у него нет и полномочий полностью отменить закон; «чтобы аннулировать его, законодатель должен объявить конец самого государства» (*Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Указ. соч. С. 115).
[305] *Griffiths J.* What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. Vol. 24. P. 38.
[306] *Merry S.E.* Legal Pluralism // Law & Society Review. 1988. Vol. 22, No. 5. P. 878.
[307] *Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма. С. 168.

столкновения. Причем чем более индивиды преданы своей идентичности и нормам, тем сильнее будет конфликт нормативных систем. Более того, те, кто входит в институциональные структуры разных нормативных систем (например, чиновники и духовенство), связывают с ними и свои личные интересы (карьера, статус и т.д.), а следовательно, имеют дополнительные стимулы защищать собственную систему от конкурирующей, т.е. не только из соображений искренней преданности[308].

Приведем в заключение еще одно принципиальное для нашего исследования наблюдение Б. Таманахи. Если государственная правовая система игнорирует существование конкурирующих, для нее станет неожиданностью, что та или иная правовая инициатива, противоречащая интересам другой системы, потерпит крах. Если же государство учитывает потенциальную конфликтность, оно использует некоторое количество стратегий ее минимизации.

Так, альтернативная норма или институт (в нашем случае – религиозные) могут быть запрещены государством, однако последнее не будет предпринимать реальных мер подавления (создание видимости при осознании недостаточности сил для борьбы). Чиновники в этом случае могут использовать средства вплоть до «итальянской забастовки», создавая проволочки или препятствия.

Еще один способ – поглощение. Государство признает существование конкурирующей системы, включает ее в свою иерархию и даже оказывает ее институтам административную финансовую или иную поддержку в качестве стимула для подчинения. В данном случае включение в себя другой системы означает возможность контроля или нейтрализации ее влияния.

Наконец, третьим распространенным вариантом реакции является агрессивное подавление конкурирующих институтов, объявление их вне закона с последующим курсом на их полное уничтожение. Однако исход борьбы в данном случае напрямую зависит от соотношения сил. Когда одна из конкурирующих систем имеет собственную долгую историю и глубоко укоренена в обществе,

---

[308] Там же. С. 172.

«государственная правовая система сталкивается со сложной задачей, которую ей зачастую так и не удается решить»[309].

Нетрудно заметить, что советская политика за годы существования социалистического общества прошла через все три стратегических варианта (в обратной последовательности). Курс на уничтожение религии после революции 1917 г. не принес ожидаемых результатов и сменился политикой контроля через поглощение. В последние же годы СССР очевидно реализовывалась стратегия попустительства при формально действовавших ограничениях.

При осуществлении комплексного анализа, пишет Б. Таманаха, нужно обращать внимание и на сами нормативные системы (в том числе на «людей, которые их обслуживают»), и на то, как они взаимодействуют друг с другом, и на используемые стратегии.

Итак, концепт Б. Таманахи позволяет представить государственно-религиозное взаимодействие не как одновекторную деятельность по противодействию «религиозным пережиткам», а как поле перманентной асимметричной борьбы двух равноправных с точки зрения социального действия нормативных систем, где каждая претендует на высшую обязательность. Она дает аналитический инструментарий для объяснения, почему формальный юридический запрет не работал: глубоко укорененные религиозные нормы продолжали действовать через неформальные социальные сети, создавая «нормативные разрывы» в правоприменении. Его теория также раскрывает причины, по которым государство само вынужденно переходило от подавления к поглощению и попустительству, чтобы сохранить управляемость. Для этого оно включало религиозные институты в свою бюрократическую иерархию, тем самым институционализируя конфликт.

В целом в «классическом» («старом») правовом институционализме право рассматривается как институциональный нормативный порядок, обращенный к

---

[309] *Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма. С. 175–176.

историческому и культурному контекстам, в которых действуют законы[310]. Теория задает более широкое институциональное измерение, в котором действуют нормы права[311].

Принципиально подчеркнуть, что в сфере изучения правового регулирования государственно-религиозных отношений в России (на всех этапах ее истории) представляется критичной недооценка влияния государственных институтов. В то же время положения теорий С. Романо и Б. Таманахи могут проиллюстрировать необходимость учета специфики религиозных организаций как субъектов государственно-религиозного взаимодействия.

По справедливому замечанию Грегори Шаффера (Gregory Shaffer), комплексный институциональный анализ должен сочетаться с подходом нового правового реализма, оценивающего функционирование институтов в реальных условиях и конкретных контекстах. Он подчеркивает необходимость интеграции эмпирических данных и изучения институциональных условий, в которых принимается и применяется законодательство, и полагает, что эти два подхода дополняют друг друга[312].

Попытка переосмысления институциональных теорий и отличного от них описания роли правовых и социальных институтов представлена в правоведческих работах Нила Маккормика (Neil MacCormick, 1941–2009) и Оты Вайнбергера (Ota Weinberger, 1919–2009)[313]. С учетом того, что их идеи в значительной степени отличаются от «традиционного» («старого») институционализма, за этим направлением в науке закрепилось определение «нового» (неоинституционализм)[314].

---

[310] См.: *Bengoetxea J.* Legal Institutions as Comparators of Legal Cultures // Oñati Socio-Legal Series. 2022. Vol. 12, No. 6. P. 1647–1673. DOI: 10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1361.

[311] *Węgliński C. H.* Maurice Hauriou's Theory of the Institution : Legal Institutionalism and the Science of the State // Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społecznej. 2022. No. 32(3) P. 88–102. DOI: 10.36280/afpifs.2022.3.88.

[312] *Shaffer G.* Comparative Institutional Analysis and a New Legal Realism // Wisconsin Law Review. 2013. No. 2. P. 607–628.

[313] *MacCormick N., Weinberger O.* An Institutional Theory of Law : New Approaches to Legal Positivism. Dordrecht : Springer Science+Business Media, 1986.

[314] *Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Указ. соч. С. 123 ; *La Torre M.* Law as Institution. Dordrecht ; Heidelberg ; London ; New York : Springer Science+Business Media, 2010. P. viii-ix, 109–115.

С одной стороны, как и С. Романо, Н. Маккормик и О. Вайнбергер пишут о связи права и языка, а также о существовании особой правовой реальности, отличной от «грубой» материальной, и о различии права и морали. Среди общих черт мы также находим мысль о множественности нормативных порядков (институтов)[315]. Основное различие между «новым» и «классическим» институционализмом заключается в «нормативизме» первого и «антинормативизме» второго[316].

Само противопоставление нормы и порядка для неоинституционализма неверно: одно без другого просто не существует. Правопорядок включает и общие правила поведения, и механизмы контроля за их соблюдением, и нормативно закрепленные положения в отношении нарушителей правопорядка. Как пишут об этом Андрей Поляков и Елена Тимошина, институты контролируют человеческое поведение, устанавливая его образцы. «Первичный социальный контроль задан самим существованием института: сказать, что часть человеческой деятельности была институциализирована, означает, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю»[317].

Необходимо также сказать о важной для Н. Маккормика и О. Вайнбергера идее «институционального факта», который противопоставляется «грубому факту», не связанному с человеческими действиями и конвенциями, различным явлениям материального мира[318]. Институциональные факты зависят от существующих «человеческих» институтов («конституивных правил»), от применения этих правил[319]. Институциональными фактами являются не только

---

[315] *La Torre M*. Law as Institution. P. 109–110. Впрочем, для неоинституционализма характерно противопоставление «правовых» и «неправовых» институтов.

[316] *La Torre M.* Institutionalism Old and New // Ratio Jurus. 1993. Vol. 6, issue 2. P. 196–198. Цит. по: *Кондуров В.Е., Краевский А.А*. Указ. соч. С. 123.

[317] *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права : учебник. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 79.

[318] Эти понятия заимствованы у Джона Серла (John Searle, 1932–2025). См.: *MacCormick N., Weinberger O*. An Institutional Theory of Law. P. 49–58.

[319] Ср. высказывания: «Эверест покрыт снегом» (грубый факт) и «Это деньги» (институциональный факт: не просто бумага, их обращение подразумевает некоторые нормативные правила). Подробнее см.: *Searle J.R*. Making the Social World : The Structure of Human Civilization. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. P. 93–100.

организации, контракты, завещания, брак, собственность и проч., но и само право[320]. Они всегда существуют в некоторой нормативной системе[321], без ссылки на конкретную норму невозможно их полное описание[322].

Обращаясь к юридическому контексту, в котором Н. Маккормик и О. Вайнбергер употребляют понятие «институт», мы видим два основных значения, для обоих из которых справедливы описанные признаки. С одной стороны, это некоторый аналог «института права» в его классическом прочтении – совокупность норм, регулирующих область общественных отношений (договор, собственность, брак)[323]. Также под институтами они понимают и различные установления и организационные структуры, важные с правовой точки зрения и в том числе включающие в себя индивидов (органы власти, профессиональные сообщества, университеты, больницы и др.)[324]. Н. Маккормик обозначает их как «институт-установление» *(institution-arrangement*) и «институт-агентство» (*institution-agency*) соответственно[325].

Касаясь специфики субъектов государственно-религиозных отношений (в том числе в СССР), упомянем, что в целом религиозные организации могут быть описаны как институты в понимании Маккормика и Вайнбергера. Мы можем отнести к институтам-установлениям как все церковное право в совокупности, так и его отдельные составляющие. Институтом-агентством в данном случае выступает религиозная организация – Русская православная церковь.

Кроме того, Н. Маккормик считает, что изучение права обязательно включает ценностный аспект и юридический анализ не может быть грубо

---

[320] *MacCormick N., Weinberger O*. An Institutional Theory of Law. P. 51, 56.
[321] Ibid. P. 53.
[322] Признаками института являются: 1) наличие «учреждающего правила» – установленного правовой нормой момента начала существования; 2) юридические следствия существования института (группа норм, для которых существование института является юридическим фактом); 3) «правила прекращения», нормы, которые определяют, при каких обстоятельствах институт прекращает существовать. См.: Ibid. P. 52–53.
[323] *MacCormick N., Weinberger O*. An Institutional Theory of Law. P. 51.
[324] Ibid. P. 55–56 ; *Weinberger O*. Law, Institution and Legal Politics : Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 20.
[325] *MacCormick N*. Institutions of Law : An Essay in Legal Theory. New York, 2007. P. 35–36. DOI: 10.1093/acprof :oso/9780198267911.003.0003

позитивистским. Указывая на взаимосвязь права с обществом и важность разграничения правовых и моральных основ, ученый настаивает, что правовая аргументация должна соотноситься с этическими соображениями[326].

Для объекта нашего исследования ценностный аспект является особо значимым. Более того, невозможно согласиться с жестким разграничением моральных и правовых основ внутри церковного права.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что институциональная и неоинституциональная рамки (включая различные понимания таких базовых понятий, как «институт», «организация», «норма» и т.д.) могут быть применимы в историко-правовом изучении государственно-религиозных отношений.

Мы будем опираться на представления М. Ориу и других авторов «классического» институционализма, которые рассматривают право как систему институтов, которые создают правовые нормы и обеспечивают их соблюдение. Они же отмечают важность историко-культурного контекста для производства правовых норм. Для нас важно понятие «корпоративный институт» («институт-агентство»), которое подразумевает и организацию, и создающую общность руководящую идею, и совокупность регулирующих норм («институты-установления»). Согласимся также с С. Романо в том, что внутри государства параллельно сосуществуют различные правопорядки, которые часто не смешиваются (не только государственное право, но и церковные установления внутри института РПЦ), но с поправкой на то, что не следует недооценивать важность государства как регулятора.

Маккормик и Вайнбергер справедливо отмечают, что правовые нормы и правопорядок вообще не следует разделять искусственно, они существуют в единстве, что пересекается с концептом формальных и неформальных правил. Фиксируется и важность ценностного аспекта, который нельзя отделить от норм права (прежде всего в церковном праве).

---

[326] См., напр.: *MacCormick N., Weinberger O.* An Institutional Theory of Law. P. 173–186.

Однако приведенные институциональные теории права, обозначая общее проблемное поле исследований, тем не менее (в силу присущих религиозным организациям особенностей) недостаточны для выявления комплексных закономерностей развития государственно-религиозных отношений.

Не выходя за рамки историко-правового исследования, обозначим еще некоторые принципиальные аспекты, характерные для институциональных теорий смежных областей научного знания, которые могут сыграть важную роль при описании субъектов взаимодействия государства и религиозных объединений.

Например, неоинституционализм как направление социально-экономических исследований основывается на двух ключевых принципах: значимости социальных институтов и возможности их анализа с использованием экономических методов и понятий. Однако экономическая логика, представления о рыночных отношениях как универсальных не позволяют в полной мере опереться на этот методологический концепт[327]. Но для целей нашего исследования важной представляется неоинституциональная логика развития социальных взаимодействий, которая адекватна в том числе для изучения государственно-религиозных отношений.

Ярким представителем экономического неоинституционализма является Дуглас Норт. Центральные идеи неоинституциональной теории в его изложении вращаются вокруг четырех основных концептов: насилия[328], институтов, организаций и убеждений. Эти элементы взаимосвязаны и формируют основную структуру, через которую можно понять динамику социальных взаимодействий.

---

[327] *McKinnon A.M.* Ideology and the Market Metaphor in Rational Choice Theory of Religion : A Rhetorical Critique of ‘Religious Economies’ // Critical Sociology. 2013. Vol. 39, No. 4. P. 529–543. DOI: 10.1177/0896920511415431 ; *Гусева Ю.Н.* Религия, ресурс и государство : размышления над книгой Рената Беккина «“Люди в верности надежные…” : татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41 (3-4). С. 603–623.

[328] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М. : Изд-во Гайдара, 2011. В контексте нашего исследования понятие «насилие» является менее значимым, чем остальные.

В этой парадигме институты определяются как «правила игры» (их можно соотнести с «институтами-установлениями» Нила Маккормика), формы взаимодействия, которые управляют и сдерживают отношения индивидов[329]. Институты включают как формальные, так и неформальные правила. Формальные правила – это политические, юридические, экономические правила и контракты. Иерархия этих правил – от конституций до статутов (законодательных актов) и обычного права, до законодательных постановлений и распоряжений и, наконец, до индивидуальных контрактов – составляет общие и конкретные ограничения[330]. В эту категорию входят не только установленные государством правила (конституции, законы, отдельные правовые нормы, предписания), но и официальные правила, соблюдаемые корпорациями, политическими партиями, общественными организациями и группами интересов[331]. Именно они формируют структуру взаимодействия и действуют как «правила игры» в экономике и обществе.

В нашем случае формальными правилами выступают составляющие «государственного» и «церковного» правопорядков, изложенные в нормативных правовых актах и церковных канонах соответственно и принимаемые во внимание субъектами государственно-религиозных правоотношений.

В качестве неформальных правил Дуглас Норт рассматривает исторически сложившуюся совокупность культурно-исторических, мировоззренческих норм и правил восприятия и поведения, характерную для социума на различных этапах его развития. Это – слаборефлексируемые, инерционные установки, укорененные в способах осмысления и освоения социальной реальности, которые в совокупности с формальными установками, коллективными убеждениями и институтами, сформированными в прошлом, а также текущим общественно-

---

[329] Институты могут быть продуктом сознательного человеческого замысла, как, например, Конституция США, или просто складываться в процессе исторического развития, подобно обычному праву (*Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнер. М. : Начала, 1997. С. 18).

[330] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 68.

[331] *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2, No. 4. P. 725–740.

политическим и культурным фоном задают границы допустимого в рамках предшествующего исторического опыта[332].

Возможность обращения к понятию неформальных правил и практик в историко-правовом исследовании является важным теоретическим вопросом. Ответ на него вновь отсылает нас к многообразию современных концепций правопонимания, в частности к долгое время считавшемуся модельным подходу «юридического позитивизма», который в его наиболее радикальной форме рассматривает право исключительно как продукт государственного волеизъявления, создаваемый законодателем инструментарий, посредством которого изменяются общественные отношения. Это свойственное юридическому позитивизму отрицание предшествующего праву «базиса» В.Д. Зорькин описывал следующим образом: «Юрист-догматик рассуждает так: не потому существует данный юридический закон, что этого требуют фактические жизненные отношения, а, напротив, определенные социальные отношения появляются именно вследствие того, что существует такой закон... Получается, будто правоотношения, субъективные права и обязанности творятся по желанию законодателя. Отсюда типично юридическая иллюзия о всемогуществе закона»[333].

П.А. Оль отмечает в позитивистском правопонимании гипертрофированный формализм и преувеличение роли волевого момента[334]. В том же русле И.Ю. Козлихин говорит о юридическом позитивизме как о попытке при исследовании права избежать разрешения проблемы сущего и должного, что на самом деле невозможно[335].

Уже со второй половины XIX в. в европейских странах набирает популярность использование социологического подхода в юриспруденции, при

---

[332] В.А. Четвернин и А.В. Яковлев, предлагающие собственный подход к институциональной теории права, сходным образом указывают, что содержание системы социальных норм может существенно отличаться от официальных, законодательных моделей (*Четвернин В.А., Яковлев А.В*. Институциональная теория права. М. : ВШЭ, 2009. С. 2–5).

[333] *Зорькин В.Д*. Юридический позитивизм // История правовых и политических учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1983. С. 495.

[334] *Оль П.А*. Право как форма социально-исторической реальности (теоретико-гносеологическое исследование) : дис. … д. юрид. наук. СПб., 2006. С. 257.

[335] *Козлихин И.Ю*. Право и политика. СПб., 1996. С. 58.

этом сразу же возникает и конфликт между «юристами-социологами», исследовавшими нормы права в контексте «весьма разнообразных социальных причин и факторов, обусловивших появление этих норм и неизменно виляющих на их практическое применение»[336], и «юристами-догматиками». Мы видим здесь очевидные пересечения с концепциями «живого права» О. Эрлиха и «живых институтов» М. Ориу. Право рассматривалось в динамике, как функционирующая система, в связи с чем на передний план выступила проблема правоотношений, взаимодействий между конкретными субъектами в конкретной жизненной ситуации[337].

А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, критикуя крайние догматические представления о праве, иллюстрируют их классическим («типично этатистским») его определением, данным С.С. Алексеевым: «Право – это система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения»[338]

В этом отождествлении права с государственным законодательством ученые видят «предельное отчуждение права от субъекта»[339]. Следуя в русле подхода коммуникативной теории права Марка ван Хука (в изложении А.В. Полякова), они предлагают взамен использовать феноменологическую интерпретацию права как «психосоциокультурной коммуникативной системы», в которой все элементы связаны между собой, а отсутствие хотя бы одного из них разрушает сам феномен права». Иными словами, норма права не существует сама по себе, ее структурными элементами являются, с одной стороны, когнитивный процесс интерпретации и легитимации правовых текстов, с другой стороны, социокультурная составляющая. Последняя формируется и существует как явление конкретной культуры и выражает ее основополагающие ценности. При

---

[336] *Боботов С.В*. Буржуазная социология права. М., 1978. С. 10.
[337] *Оль П.А*. Право как форма социально-исторической реальности (теоретико-гносеологическое исследование) : дис. … д. юрид. наук. СПб., 2006. С. 260.
[338] *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права : учебник. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 98–99.
[339] Там же. С. 99.

этой оговорке следует отличать от правовой нормы т.наз. «законодательный текст» («правовую информацию», но еще не норму права, которая возникает лишь в процессе интерпретационной и поведенческой деятельности субъектов)[340].

Описание элементов механизма правового регулирования, свойственное «этатистской отечественной традиционной модели» (правовые нормы – юридические факты – правовые отношения – правоприменительные акты), А.В. Поляков и Е.В. Тимошина также предлагают уточнить с учетом внимания к роли субъекта права. В этом случае принятые законодателем нормы («правовые тексты») доводятся до сведения субъектов правоотношений (например, путем опубликования). Вслед за этим возникает «когнитивная норма» – происходит конструирование в сознании субъекта самой правовой нормы, но на этом этапе она существует лишь в сознании интерпретатора. Чтобы когнитивная норма стала актуальной нормой права, содержащееся в тексте когнитивное правило должно получить социально-ценностное значение и социально-функциональное подтверждение. «Актуальная социальная норма», таким образом, представляет собой правило поведения, которое сложилось как осмысленный результат коммуникации, позволяющей конкретизировать содержание социально признанных правовых текстов[341].

Упрощая, отметим, что средством легитимации правовых текстов в сознании субъекта выступает в том числе, среди других факторов, и религиозная картина мира, сформированная принадлежностью к той или иной религиозной традиции. Только в процессе социальной легитимации и функционального действия правовая норма «получает законченное правовое значение и трансформируется (диалектически переходит) в актуальную норму права»[342].

Эти рассуждения, в частности, интересны для нас с точки зрения того, насколько само понятие «право» применимо для описания сущности церковного (канонического) права в ситуации светского государства, когда государство,

---

[340] Там же. С. 107.
[341] *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права… С. 275–276.
[342] Там же. С. 279.

согласно закону, не вмешивается во внутренние вопросы религиозных организаций, а церковные каноны имеют значение лишь для верующих.

А.В. Поляков и Е.В. Тимошина помещают церковное право в контекст того, что они называют «социальным правом», которое может быть выделено при описании современных версий упомянутой ранее концепции правового плюрализма. Еще в 1997 г. участники Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму в Москве отмечали, что «правовой плюрализм сегодня стал общепринятым подходом в сфере юридической практики и теории, который «уничтожил» правовой централизм как научную теорию»[343]. Даже если мы сочтем такое утверждение чрезмерно радикальным (каковым, безусловно, оно является), необходимо признать, что ситуация правового плюрализма во многом есть эмпирическая данность, и граждане одного государства могут тем или иным образом использовать в своей жизни и другие системы права, вне зависимости от факта их признания законами государства. «Сегодня происходит осознание возможности существования других, в сравнении с государственными, систем права, которые временами и в некоторых местах могут быть даже более важными, чем государственное право. Из этого отнюдь не вытекает, что законы государства не могут быть абсолютно доминирующими в других местностях и в других сферах социальной и экономической жизни. Но в заключении, что нет нужды заглядывать за пределы законов государства, нет смысла»[344].

Социальное право может быть «централизованным» (поддерживаемым публичной властью общества) и «децентрализованным» (партикулярным, частным) или, иными словами, официальным и неофициальным. Децентрализованное социальное право не имеет всеохватывающего значения и не распространяется на всех членов социума. При этом оно может иметь признаки

---

[343] Там же. С. 115.

[344] *Бенда-Бекманн К. фон*. Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма // Обычное право и правовой плюрализм : материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г., Москва). М., 1999. Цит. по: *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права… С. 115–116.

как публичного (например, наказания, распространяющиеся на членов структуры), так и частного права (членство в партии, религиозной общине).

Итак, в рамках правовой системы функционирует как государственное, так и социальное право, находящиеся друг с другом в сложных многомерных отношениях, причем соподчиненность в них не является обязательной. «По-видимому, следует вообще отказаться от представлений о праве как о непротиворечивой, бесконфликтной по своей природе системе норм с четкими обозримыми границами», заключают А.В. Поляков и Е.В. Тимошина[345]. Мы не будем отказываться от обозначения четких границ между государственным и социальным правом, и скажем, что нормативно-правовое регулирование, безусловно, имеет б*о*льшую универсальность и обеспечивается имеющимися у государства средствами принуждения. Однако в ряде ситуаций для членов того или иного сообщества (например, религиозного) приоритетным является следование его внутренним установлениям.

Нужно сказать, что на самом деле такое понимание права не является для отечественной юридической школы чем-то нехарактерным. Социальную природу и сущность права, в частности, рассматривали С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский и Н.М. Коркунов[346]. В советской юриспруде0нции сторонниками «широкого» понимания права» (В.П. Казимирчук, В.А. Туманов, Л.С. Явич и др.) в 1950–1980-е гг. оно также рассматривалось как система, включающая не только правовые нормы, но и правовые отношения, правосознание и т.д.[347]

---

[345] *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права… С. 262.

[346] Подробнее см.: *Свиридов В.В*. История социологического подхода к пониманию и исследованию права в российской гуманитарной науке рубежа XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Т. 20, № 10 (150). С. 144–150.

[347] См.: *Кулапов В.Л*. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания // Российская юридическая доктрина в XXI веке : проблемы и пути их решения : научно-практическая конференция (Саратов, 3–4 октября 2001 г.) / под ред. А.И. Демидова. Саратов, 2001. С. 11 ; *Лапаева В.В*. Социология права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 335 с.

При этом речь идет не о подмене или противопоставлении, а о «расширении сферы науки о государстве и праве и о пополнении арсенала ее исследовательных методов, о появлении новых научных направлений»[348].

П.А. Оль полагает, что необходимость применения социологических подходов является в настоящее время очевидной для самых разных юридических специальностей, превалирующей же их роль является в социологии права как отдельном специфическом научном направлении[349].

Обозначив общеправовой контекст, обратимся теперь к проблеме неформальных правил и практик, являющихся частью широко понимаемого механизма правового регулирования, хотя и не выступающих «правом» в строгом позитивистком смысле.

В первую очередь следует объяснить отличие «неформальных правил» в нашем понимании от такого источника права, как правовой обычай.

Действительно, правовой обычай имеет неписаный характер, представляет собой «устный правовой текст», сложившийся на основе постоянного и единообразного повторения каких-либо фактических отношений. При этом он воспринимается социумом как основание общезначимой и общеобязательной нормы поведения[350]. Правовой обычай также отличает наличие правообязывающей структуры. Можно говорить о том, что одной из существенных характеристик правового обычая является его признание государством в качестве источника права. Иными словами, правовой обычай представляет собой не просто социальную практику, но именно вид права (пусть и неписаного).

Неформальные правила, в свою очередь, не являются формой права как таковой, но представляют собой элемент механизма правового регулирования. Речь идет о локальных, исторически обусловленных правилах интерпретации

---

[348] *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права : учебник для вузов. М., 1995. С. 9.
[349] *Оль П.А.* Право как форма социально-исторической реальности (теоретико-гносеологическое исследование) : дис. … д. юрид. наук. СПб., 2006. С. 310.
[350] *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права… С. 290–291.

формальных норм, не закрепленных в источниках права, но устойчиво воспроизводимых в деятельности тех или иных социальных институтов (включая органы государственной власти или религиозные объединения). Они могут иметь социокультурную обусловленность и представлять собой ту самую когнитивную рамку, в которой происходит процесс интерпретации и легитимации правовых текстов субъектом правоотношений. Введение понятия «неформальные правила» в историко-правовое исследование может быть полезным для выявления причин того, почему та или иная правовая норма, преломляясь в коллективных представлениях определенной группы, может работать в одной ситуации в конкретный исторический период и не работать в другой.

От неформальных правил мы будем отличать «неформальные практики». Некоторым их аналогом может служить понятие «правовой практики», но не в классическом его понимании, а в интерпретации коммуникативной теории права. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, в частности, придают большое значение пониманию права как системы коммуникаций, основанной на обратной связи. В процессе взаимодействия субъектов правоотношений, урегулированного нормами права (добавим от себя: и в ряде случаев – неформальными правилами), может происходить модификация, корректировка и приспособление нормативно определенного поведения к конкретным социокультурным условиям правовой коммуникации. И даже, более того, это адаптированное поведение может корректировать смысл первичных правовых текстов. По выражению А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, корректировка происходит «путем создания вторичных правовых текстов, в качестве которых выступает повседневная практика реализации субъектами их прав и обязанностей. Вторичные правовые тексты также должны получить социальную легитимацию, и в таком случае они будут являться вторичными источниками права, поскольку фактически осуществляют корректировку смысла правовой нормы»[351].

Приведем здесь пример, аналогичный приводимому авторами при объяснении понятия «правовая практика». В период пандемии COVID-2019

[351] *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права… С. 297.

формально установленные в Российской Федерации санитарно-эпидемиологические требования определяли обязанность граждан носить маски в общественных местах, нарушение влекло административную ответственность по статье 20.6.1 КоАП РФ. Однако фактически сложилась дифференцированная правоприменительная практика. При отсутствии маски в помещениях и транспорте требование воспринималось как юридически и социально значимое, а его несоблюдение вызывало негативную реакцию окружающих и могло повлечь составление протокола. Нарушение же аналогичных требований на открытом воздухе игнорировалось как самими гражданами и окружающими, так и сотрудниками полиции. Вторичные правовые тексты в данном случае создавались не административными органами (как в классической ситуации правоприменения), а поведением самих участников данных отношений.

Нечто похожее мы видим и у Д. Норта, который отмечает, что организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а результативность их деятельности зависит от этой системы[352]. К принятым в обществе и заданным государством регуляторным механизмам («правилам игры») они добавляют собственные внутренние ограничения, соблюдать которые обязаны их члены. По мере своего развития организации способны изменять институты[353]. Отвечая на вопрос, почему одни и те же институты по-разному работают в разных обществах, Д. Норт утверждает, что большое влияние на институты оказывают убеждения (*beliefs*) и «эффект колеи» (*path dependence*).

Каузальные[354] убеждения оказывают влияние на поведение людей, при этом они должны сочетаться с реальным поведением индивидов, относящихся к тем институтам, с которыми они взаимодействуют. Культурная среда – политический, социально-экономический контекст – также оказывает влияние на убеждения[355]. В итоге результат деятельности организаций и институтов зависит от контекста

---

[352] Ср. с понятием «корпоративный институт» Мориса Ориу.

[353] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 23.

[354] Каузальные убеждения – убеждения, касающиеся причинно-следственных связей.

[355] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 433.

применения формальных и неформальных правил, от коллективных представлений, господствующих в обществе. Правила и нормы не существуют изолированно: они должны быть укоренены в более широкой структуре организаций и убеждений.

Ситуация же, в которой исторически сформированные институты и убеждения влияют на нынешние решения, ограничивая возможности выбора в настоящем, называется «эффектом колеи»[356]. Институты, отвечая на изменения общественной среды, в каждой конкретной стране развиваются в границах определенного исторического опыта[357]. Индивиды действуют в рамках институциональных соглашений, нынешняя структура и функционирование которых понятны лишь частично, если они не встроены в историческую перспективу.

Добавим к этому подмеченную некоторыми исследователями особенность российской правовой культуры. В периоды социально-политической и экономической стабильности в обществе «усматривается общая тенденция» к позитивистскому восприятию правовых явлений (и к росту значения нормативно-правового регулирования), в то время как для периодов кризиса, когда государство демонстрирует неспособность осуществлять эффективное правовое регулирование, характерно обращение общества к «негосударственному праву»[358] и неформальным практикам.

Чтобы считаться неформальным институтом, «поведенческая закономерность должна соответствовать установленному правилу или ориентиру,

---

[356] Цит. по: *Заостровцев А.П.* О развитии и отсталости : как экономисты объясняют историю? СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 44.

[357] Во введении к своей работе 1990 года «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» Д. Норт отмечает: «История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития» (*Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 76).

[358] *Оль П.А.* Право как форма социально-исторической реальности (теоретико-гносеологическое исследование) : дис. … д. юрид. наук. СПб., 2006. С. 271.

нарушение которого влечет за собой некоторую внешнюю санкцию»[359]. В отличие от формальных механизмов принуждения (полиция, суды), неформальные механизмы санкций часто бывают тонкими, скрытыми и даже незаконными. Санкции могут варьироваться от враждебных замечаний, сплетен, остракизма и других проявлений общественного неодобрения до внесудебного насилия[360].

Неформальные правила подвержены изменениям, но если законы могут быть изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы, встроенные в более широкий контекст социально-политической культуры, трансформируются постепенно[361]. Элла Панеях подмечает: «формальное право предстает как фиксация устойчивого ядра уклада, а неформальные правила – как его изменчивая периферия»[362].

Неформальные практики, которые «укоренены в зазоре законов и неписаных норм поведения» – это компромисс формальных правил и социальных норм, способы решения проблем, «которые используются там, где формальные институты не предоставляют адекватных условий». Необходимо отметить, что среди социологов неформальные практики часто рассматриваются не как «хорошие» или «плохие», а как естественная основа символического порядка, используемая для обеспечения социального контроля и организации социальных различий. «Люди – социальные существа, и их связи в основе своей двойственны. В ситуации, когда государство неспособно обеспечить их потребности, люди могут обратиться к своим неформальным сетям, чтобы удовлетворить свои нужды и планы»[363].

Взаимоотношения между формальными и неформальными правилами и институтами описываются исследователями различными способами. Э. Панеях предлагает четыре сценария взаимодействия между ними: продуктивный

---

[359] *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics : A Research Agenda. P. 727.

[360] Однако неформальные правила не следует путать с неформальными поведенческими закономерностями, такими как мода, тенденции или привычки.

[361] *Sarigil Z.* How Informal Institutions Matter : Evidence from Turkish Social and Political Spheres. University of Michigan Press, 2023. P. 42–43.

[362] *Панеях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила : закон действующий VS. закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 37.

[363] The Global Encyclopedia of Informality. Vol. 1.

(реформаторский), консервативный (легитимизирующий), оппортунистический и контрпродуктивный[364].

Итак, предварительно суммируя различные подходы в рамках «нового» и «старого» институционализма, следует зафиксировать:

1) изучение вопроса регулирования государственно-религиозных отношений включает выделение и исследование субъектов этих правоотношений (государства и религиозной структуры), каждый из которых представляет собой «корпоративный институт» (или «институт-агентство») – сложную многоуровневую корпоративную организацию (включающую организации более мелкого уровня и индивидов)[365] – и действует в данный исторический период в конкретном обществе с его историческим опытом, системой представлений о реальности, этикой и т.д.;

2) эти организации во внутренней жизни и взаимодействии друг с другом (практиках внутреннего и внешнего порядка) основываются на институциональных правилах («институтах-установлениях»), как формальных, так и неформальных. Содержание и форма этих взаимодействий в том числе обусловлены сложившимися представлениями членов организации, ее когнитивной рамкой, которая имеет непосредственное отношение к вероучению.

Специфика церковного права состоит в том, что оно исходит не только из социальной реальности, но и из коллективных представлений о сверхъестественном. Такие представления, не являясь правом сами по себе, тем не менее оказывают принципиальное воздействие на нормативную систему церкви. В версии институционального анализа британского антрополога Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007) описывается внутренняя когнитивная логика развития религиозных институтов, коллективного способа мышления их членов, которые влияют и на развитие церковного права, и на взаимодействие с государством и

---

[364] *Панеях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила : закон действующий VS. закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 33–52.

[365] Мы воспользуемся на этом этапе терминологией Д. Норта, хотя и не забывая о существовании множества различных определений необходимых нам понятий.

обществом[366]. В рамках ее концепции институты не отождествляются со структурами власти или экономики, но понимаются как принципиальные основания моральных и этических норм, определяющие и ограничивающие поведение индивидуумов.

«У институтов не может быть собственного сознания, но и у людей нет другого способа принимать важные решения, кроме как в рамках институтов, которые они создают», – отмечает Дуглас[367]. При этом только правового, юридического существования любого института недостаточно: «Нельзя сказать, что группа «действует» – и еще меньше, что она мыслит или чувствует, – только потому, что она имеет правовой статус»[368].

Продолжая логику этого подхода, отметим, что религиозный институт, который заинтересован в своем выживании и сохранении прежней формы, приобретает легитимность путем специфического укоренения себя в природе и в разуме, предоставляя своим членам ряд аналогий, позволяющих исследовать мир и обосновывать естественность и разумность установленных правил. Кроме того, он контролирует память своих членов, обеспечивает мышление своих сторонников специфическими категориями, определяет условия для самопознания и фиксирует их идентичности. В итоге институты, их материальные формы и социальные практики могут формировать когнитивные процессы и быть их частью, закрепляя (или отторгая, сопротивляясь) сложившуюся социальную, правовую систему путем сакрализации принципов и убеждений.

Таким образом, историко-правовой неоинституционализм интегрирует элементы классического институционализма и развивающих его положения теорий (М. Ориу, С. Романо, Б. Таманахи, Н. Маккормика, О. Вайнбергера и частично – положения экономического неоинституционализма Д. Норта и антропологии институтов М. Дуглас).

---

[366] *Дуглас М.* Как мыслят институты / пер. с англ. А.М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2020.
[367] Там же. С. 63.
[368] Там же.

В свете изложенного поясним место и роль формальных и неформальных правил и практик в механизме правового регулирования уже непосредственно на примере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР.

Большинство работ на эту тему (как историко-правовых, так и смежных областей), оперируя позитивистским инструментарием, исходят из того, что выраженная в правовых актах советского государства (как опубликованных, так и секретных) «воля господствующего класса» диктовала правовые параметры государственно-религиозных отношений, и в ходе осуществления правоприменительной деятельности сталкивалась с сопротивлением церкви, которой усваивается роль пассивной жертвы атеистического режима, то оживавшей в периоды большего благоприятствования, то вновь вынужденной уходить в глубокую «внутреннюю эмиграцию». Представители РПЦ, из соображений сохранения церкви, шли на компромиссы, внутренне сопротивляясь всему советскому, но публично демонстрируя показную лояльность. Упразднение государственной атеистической идеологии и утверждение принципа религиозной свободы в 1990-е гг. (той же самой волей государства) привело к церковному возрождению в России, а государственно-религиозные отношения начали выстраиваться в категориях сотрудничества на благо российского общества.

В этом историческом нарративе практически полностью отсутствует коммуникативная составляющая правового регулирования, иными словами – отсутствует признание субъектности церкви как социального института, а также происходит упрощенное противопоставление двух субъектов этих правоотношений. Соответственно, изучение истории советского правового регулирования сводится к особенностям периодизации правотворческой и правоприменительной деятельности органов власти и степени репрессивности советской религиозной политики в тот или иной период.

Такой подход следует признать непродуктивным. Полагаем, что новый подход позволит преодолеть узость существующих историографических традиций, «переописать» предметную область. Он предлагает выйти за рамки

традиционного позитивистского подхода, учитывая не только формальные, но и неформальные правила, ценностные основания светского и религиозного правопорядка, социальные и ритуальные практики, которые определяют реальные, а не сугубо нормативные, параметры государственно-религиозных отношений, будучи таким образом частью комплексного механизма правового регулирования.

Добавим, что культурно-когнитивная составляющая имеет особое значение при изучении религиозных институтов. Это ценности, нормы, принципы, убеждения, знания о мире и о себе, которые они предлагают собственным членам и транслируют обществу.

Содержание и направления исследований неформальных практик и правил для изучения правового регулирования государственно-религиозных отношений советского периода

Выявление и измерение пространства неформальных практик и правил как части механизма правового регулирования представляет собой серьезную исследовательскую проблему. Очевидно, что количественные методы в этом случае не работают, так как распространенность неформального влияния трудно документировать, а «инсайдеры часто сами не осознают эти сложности полностью или они выработали способность отрицать для себя то, что они делают»[369].

Первым шагом является описание самого сообщества, к которому применяются неформальные правила и изучение того, как его членами соблюдаются неформальные правила. Для этого необходимо:

– выявить устойчивые модели поведения (в нашем случае – клира и прихожан религиозного института), которые не соответствуют формальным правилам, задающимся как внутри него самого, так и извне, то есть, государственными институтами;

---

[369] *Ledeneva A.* Sistema – Russia‘s Informal System of Power // *Granville C., Hanson P., Ledeneva A*. Three views on modernization and the rule of law in Russia / Ed. by Katinka Barysch. L. : Center for European Reform, 2012. P. 24.

– зафиксировать, как декларируемое или слаборефлексируемое правило нарушается, а также выявить реакцию на нарушение. Если за этим последует санкция и, возможно, изменение социального порядка, то это означает, что правило релевантно для изучаемого сообщества и определенные предписания и запреты для него действительно важны;

– определить общие ожидания акторов, их отношение к фактическим ограничениям, с которыми они сталкиваются.

Второй шаг состоит в том, чтобы зафиксировать неформальные правила и практики, характерные для всей политико-правовой и социальной системы отношений в СССР, и уяснить их релевантность по отношению к советской государственной модели регулирования государственно-религиозных отношений. Для этого необходимо:

– выявить противоречия между содержанием правовых актов и непосредственным правоприменением; определить практики, в которых фиксируются эти противоречия (ложная отчетность, сфера применения личных связей и проч.)[370];

– изучить проявления прерогативного права[371] на местном уровне, где оно просматривается более явно, описать случаи и механизмы прямого вмешательства заинтересованных акторов в решение церковных вопросов;

– обнаружить кейсы, в которых похожие формальные правила приводят к разным результатам (следует принимать во внимание, что в данном случае есть риск перепутать «неформальные» и «слабые» институты);

– ответить на вопрос, с помощью каких механизмов осуществлялось принуждение к соблюдению неформальных правил.

Отметим, что, снижая риски, советская бюрократия часто ограничивалась устными инструкциями представителям религиозных организаций в частных

---

[370] *Ledeneva A.* How Russia Really Works : The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. P. 17.

[371] Прерогативное право подразумевает, что параллельно с формальной правовой системой действуют личные и политические сети, которые часто осуществляют власть вопреки писаным нормам. Для его описания также используется термин «второе правосудие».

беседах или по телефону. В связи с этим перспективным видится исследовательский поиск общего пространства физических контактов: мест неформальных встреч иерархов РПЦ и представителей советского политикума.

Методы и источники изучения неформальных правил и практик

Индуктивный метод (от частного к общему) в плане анализа неформальных политических практик и институтов представляет больше возможностей для исследователей, нежели дедуктивный[372].

В нашем случае можно использовать метод суждения по аналогии: оттолкнуться от уже описанных советских неформальных правил и практик, выявляя пересечения или принципиально новые явления, которые следует описать и классифицировать. Требует научной проверки гипотеза о влиянии на сферу государственно-религиозных отношений существовавших в СССР «неписаных» правил. Одна из глав «Глобальной энциклопедии неформального» («Контроль: инструменты неформального управления») описывает такие неформальные практики советской эпохи, как блат, «телефонное право», «кураторство», «политика страха», практики сбора и использования компромата как средства устранения конкурентов или защиты интересов определенных акторов, обладающих материальным и/или символическим ресурсом, и др.

В качестве одного из базовых методов А. Леденева предлагала использовать качественные интервью с инсайдерами – людьми, работавшими «во власти». Такой подход позволяет исследователю успешно выявлять институционализированные паттерны неформального управления. В нашем случае это могут быть служащие советских ведомств, отвечавшие за реализацию государственной политики в отношении религиозных организаций.

Описывая взаимодействие современного российского государства и РПЦ в категориях институционального анализа, К.В. Лапицкий обращает внимание, что формальные правила формируют «язык публичных объяснений и риторических

---

[372] *Макарин А.В., Будко Д.А.* К вопросу о классификации неформальных политических практик // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6, вып. 4. С. 106.

высказываний, которые маскируют неформальные практики»[373]. Для деконструкции, выявления закамуфлированных сообщений важен анализ официальных церковных текстов, например, материалов «Журнала Московской патриархии», которые, с одной стороны, показывают, какие внешние нарративы присваиваются религиозными институтами, с другой – какие именно неформальные правила камуфлируются. В работе с подобными источниками может быть эффективен *когнитивный метод* выявления неформальных правил, предложенный Эллой Панеях[374].

В отношении опубликованных источников и историографических находок, на которые можно опереться в ходе подобного исследования, необходимо отметить следующее.

Прежде всего интерес вызывают конфликтные поля – пространства несовпадений нормативного и фактического в политике, праве и социальном укладе вообще. В литературе зафиксированы отдельные ситуации, выражающие открытое сопротивление верующих существующему порядку: например, волнения как стихийные реакция на закрытие монастырей и церквей в 1959–1960 гг. Как стратегии пассивного сопротивления (и для анализа столкновений нормативных, формальных предписаний с убеждениями верующих) можно рассматривать письма верующих «во власть», в которых они формулируют свои ожидания и предпочтения[375]. В имеющихся публикациях эти сюжеты анализируются в контексте изучения идентичности «советских верующих» и выбора стратегии их выживания в социалистической реальности.

---

[373] *Лапицкий К.В*. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства : институциональный анализ // Общество : политика, экономика, право : научный журнал. 2017. Вып. 11. С. 24–27.

[374] *Панеях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила.

[375] *Беглов А., Белякова Н*. «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику : формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4 (39). С. 169–199 ; *Белякова Н*. Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма // Российская история. 2019. № 1. С. 207–214 ; *Савин А., Деннингхаус В*. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 118–141.

Историками и религиоведами начато изучение «серой» зоны государственно-религиозных взаимодействий[376], которую можно рассматривать как пространство доминирования неформальности. Значительный эмпирический материал по данной теме содержат опубликованные документы советских спецслужб, отражающие форматы их взаимодействия с церковными иерархами и религиозными организациями[377].

Для понимания коллективных представлений и выявления форматов, содержания неформальных правил и практик большое значение имеет рефлексия самих представителей церкви разного уровня, отраженная в воспоминаниях, интервью о событиях и самоощущении верующих в советскую эпоху[378]. Примером использования элементов неоинституционального подхода к анализу взаимодействий в области неформальных правил и практик государственного управления мусульманскими религиозными организациями является работа Р. Беккина. В ней он интервьюирует ряд чиновников, отвечавших за «исламскую тему» в первое постсоветское десятилетие, и пытается выявить действовавшие в то время «неписаные правила»[379].

Религиозные институты, вслед за М. Ориу, мы можем рассматривать как корпоративные институты, объединенные общей идеей сверхъестественного порядка. Эта идея определяет их внутренние установления, культовую деятельность, особенности правопонимания, а также наделяет иерархию властью над индивидами, легитимирует властную вертикаль внутри организации и вовне. Для нас также важно понятие «живых институтов»: именно конкретная религиозная общность в конкретный исторический период может по-разному интерпретировать те или иные предписания.

---

[376] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб».

[377] *Савин А.И*. Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления. С. 188–205.

[378] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. ; *Гусакова О*. Хранители веры. О жизни Церкви в советское время : автобиографические истории. М. : Никея, 2018. 416 с. ; Ювеналий (Поярков), митр. Человек Церкви : к 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978) / митр. Ювеналий (Поярков). М. : Изд. Московской епархии, 1998 ; Свеча Богу : Московский старец – протоиерей Василий Серебренников. М., 1999.

[379] *Беккин Р.И*. «Люди в верности надежные…» : татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). М. : НЛО, 2022. 552 с.

К примеру, Русская православная церковь должна быть рассмотрена как отдельный институт (правопорядок), внутри которого действуют нормы и отношения, которые не могут быть проигнорированы государством. Более того, они не могут быть спонтанно изменены и самой церковной иерархией, поскольку институт церкви в силу самого факта своего «стабильного» существования «приобретает в отношении индивидов, ее составляющих, собственную жизнь, собственные цели»[380]. Так, христианская церковь не может (согласно вероучению) прекратить свое существование в материальном мире, хотя это возможно для различных институтов более низкого порядка, действующих внутри нее (брак/развод, священство/лишение сана, вступление в церковь/отлучение и т.д.).

Такой подход позволяет отделить канонические нормы от социальных практик, выявить внутренние и внешние источники изменений внутренних правил и практик взаимодействий с внешней средой, понять, какие элементы могут изменяться, а какие будут сохранять свою институциональную устойчивость.

С учетом уже имеющихся научных наработок можно выдвинуть ряд исследовательских гипотез, характеризующих основные тенденции государственно-религиозных взаимодействий в СССР в рамках историко-правового неоинституционализма:

– неформальные правила и практики играли важную роль в регулировании государственно-религиозных отношений (среди которых – «телефонное право», «клиентелизм», неформальные договоренности, селективное применение законодательства, деформализация правил и ряд других)[381];

– религиозные институты не следует считать исключительно объектом контроля, они являлись субъектами институциональных взаимодействий;

---

[380] Ср. : *Кондуров В.Е., Краевский А.А.* Указ. соч. С. 119.

[381] Подробнее см.: З*удов Ю.В., Гусева Ю.Н*. Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР : методология изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 19–27.

– когнитивные рамки религиозных акторов формировали параллельные правовые реальности, которые находились в сложных, переплетенных, отношениях с нормами светского права;

– институциональная колея имперской и советской эпох продолжает определять современные практики государственно-религиозных отношений.

Говоря о содержательных ограничениях методологического подхода, важно отметить, что он, как и любой другой, является научно обоснованной интерпретацией, а его прогностический потенциал во многом зависит от социального и политического контекста.

«Узкими местами» методологии, которые потребуют повышенного внимания и дальнейшей проработки являются: уже упомянутая сложность выявления и описания неформальных правил и практик, трудность реконструкции когнитивных рамок религиозных акторов на основе анализа дискурсивных практик, языка, ритуалов (это требует от исследователя специальных компетенций).

Кроме того, междисциплинарность подхода предполагает совмещение юридического, исторического, политологического и антропологического языков описания, что чревато риском терминологической эклектики и требует постоянной методологической рефлексии со стороны исследователя.

Отмечая границы применимости подхода, мы отдаем себе отчет в том, что существует выраженная национальная и религиозная специфика российско-советской моделей регулирования государственно-религиозных отношений. Она продиктована как особенностями светской модернизации, доминирующей ролью государства и «православной колеей», так и нюансами православной канонической традиции. Применение этого подхода к иным географическим, сакральным ареалам потребует верификации.

***

Использованием историко-правового институционализма задается новая перспектива, объект, предмет и направления для исследований в данной области. Появляется возможность изучить, как макроструктуры (государство, религия,

право) влияют на социальную повседневность верующих и всего общества – и как, в свою очередь, она влияет, поддерживает, переопределяет эти институты. Подход позволяет получить и инструмент, и новые знания, недоступные в рамках существующих методологических подходов.

Представляется, что предложенный междисциплинарный подход является наиболее адекватной аналитической оптикой для описания историко-правовой модели отношений государства и религиозных организаций в исторической ретроспективе. Он также помогает построить прогнозные модели относительно магистральных направлений институциональных изменений и характера коммуникаций между институтами в ближайшей перспективе.

Таким образом, историко-правовой институционализм выступает оригинальной интегративной методологической рамкой, способной существенно расширить горизонты изучения отечественной истории и права, предложить новые объяснительные модели функционирования сложных социальных институтов и государственно-религиозного взаимодействия.

ГЛАВА 2.
НОРМАТИВНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1940-Х – 1980-Х ГГ.

§ 2.1. Советское законодательство о культах и иные нормативные предписания в регулировании отношений Советского государства и Русской православной церкви

В рамках авторской методологии нормативно-правовое регулирование рассматривается как важнейшая часть механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг. и как составляющая формальной рамки взаимодействия Советского государства и РПЦ. В настоящем параграфе в историко-правовой ретроспективе рассматривается совокупность действовавших в указанный период конституционных и иных нормативных правовых актов, а также ведомственных инструкций и циркуляров, составлявших основу правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. Законодательство о культах задавало пространство, в котором осуществлялось это взаимодействие.

Выделение государственных формальных правил позволяет в дальнейшем сопоставить нормативную модель взаимодействия с фактически сложившимся порядком реализации указанных предписаний в практической деятельности органов власти и церковного руководства.

Совокупность изданных государственными органами нормативных правовых и иных актов в сфере государственно-религиозных отношений мы будем рассматривать как обозначенные советским государством ограничительные рамки, формировавшие пространство свободы, внутри которого могли

действовать религиозные объединения (в нашем случае – Русская православная церковь).

Эта часть сложной системы правового регулирования состояла, с одной стороны, из декларативных норм (например, положений советских конституций), с другой стороны, нормативных правовых актов прямого действия, включавших различные правовые институты, в том числе ограничительного характера (регистрация общин и священнослужителей). Кроме того, важнейшей составляющей формального регулирования были и многочисленные акты органов государственной власти особого рода – носившие закрытый (секретные или имеющие пометку «для служебного пользования») характер. Во многом именно они отражали специфику государственной религиозной политики в исследуемый период.

Конституционно-правовая основа взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви. Место конституционно-правовых норм в иерархии формальных правил

Советская идеология, основывающаяся на учении марксизма-ленинизма, опиралась на материалистическое мировоззрение, стремясь объяснить происхождение веры и религии[382].

При этом в формальной иерархии нормативных правовых актов рассматриваемого периода центральное место занимали Конституции СССР 1936 и 1977 гг., а также конституции союзных республик, которые воспроизводили общесоюзную модель регулирования религиозной сферы. Именно они закрепляли базовую конструкцию свободы совести, отделение церкви от государства и школы от церкви, но делали это в форме, не предполагавшей признания религиозных организаций в качестве самостоятельных субъектов общественной жизни.

---

[382] *Ленин В.И.* Об отношении рабочей партии к религии (13(26) мая 1909 г.) // Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 17. М. : Изд-во полит. лит., 1968. С. 418.

Ниже по уровню располагались законы, указы, постановления, инструкции и иные подзаконные акты, конкретизировавшие конституционные положения и одновременно устанавливавшие дополнительные ограничения в отношении религиозных объединений. Акты партийных органов (прежде всего, ЦК КПСС) не являлись правом в формально-юридическом смысле, но в советской системе фактически обладали квазинормативным значением, определяя направленность правотворчества и правоприменения.

Религия в СССР с формальной точки зрения не находилась под запретом. Тем не менее с приходом большевиков к власти одним из первых был принят Декрет о земле 1917 г.[383], касавшийся в том числе и церковных земель, которые переходили в пользование местных органов власти. Вскоре принятая Декларация прав народов России[384] провозглашала отсутствие каких-либо привилегий и ограничений для национальных и религиозных групп. Чуть позже были изданы декреты о браке и о расторжении брака[385], в которых брак выводился из-под церковной юрисдикции, объявлялся частным делом и освобождался от обязательных религиозных обрядов.

В 1918 г. был принят декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[386], основные положения которого играли важную роль в государственной политике в отношении религиозных организаций вплоть до последнего десятилетия XX в. Он запрещал издание законов, которые ограничивали бы свободу совести или устанавливали привилегии на основании вероисповедания, запрещал использование религиозных обрядов в публично-правовых отношениях, отменял религиозную клятву или присягу. Акты гражданского состояния должны были вестись исключительно

---

[383] Декреты советской власти. Т. I. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 17–20.

[384] Декларация прав народов России (утверждена СНК РСФСР 2 ноября 1917 г.) // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

[385] О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : Декрет ВЦИК и СНК РСФСР (принят 18 декабря 1917 г.) ; О расторжении брака : Декрет ВЦИК и СНК (принят 29 декабря 1917 г.) // Декреты советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

[386] Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1. С. 861 ; СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263 ; Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. № 15. 23.01.1918.

гражданской властью, школа отделялась от церкви, преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускалось. Однако устанавливалось, что граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

Среди других важных ограничений был провозглашен запрет владения собственностью для церковных и религиозных обществ (она объявлялась народным достоянием), а также лишение их прав юридического лица.

Указанные акты обладали особой правовой природой и имели конституционное значение в период до принятия Конституции РСФСР 1918 г.[387]

В дальнейшем принцип отделения церкви от государства и свободы вероисповедания формально закреплялся уже в советских конституциях.

Конституция РСФСР 1918 г.[388] провозглашала свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами (статья 13) и предоставление права убежища иностранцам, подвергающимся преследованию за религиозные преступления (статья 21). Однако служители культов при этом были лишены избирательных прав (пункт «г» статьи 65)[389].

По образцу Конституции РСФСР 1918 г. были приняты конституции других советских республик, «возникших при непосредственной братской помощи великого русского народа»[390], в том числе в 1919 г. – конституции Украинской и Белорусской ССР.

---

[387] Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) : сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. С. XXIII.

[388] Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[389] Те же нормы подтвердила и Конституция РСФСР 1925 г. : Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного закона) РСФСР» (вместе с Конституцией (Основным законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики) // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218 ; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 118. 26.05.1925.

[390] Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) : сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. С. XXII.

После образования СССР (1922 г.) были приняты новые конституции союзных республик – РСФСР 1925 г., БССР 1927 г., УССР 1929 г. и др.

«Сталинская» Конституция 1936 г.[391] в статье 124 говорила уже о свободе антирелигиозной пропаганды, оставляя за верующими лишь свободу отправления религиозных культов (одновременно она, прямо не подтверждая равенства прав граждан вне зависимости от их вероисповедания, декларировала его в ст. 135 в вопросах избирательного права). Тем самым была сформирована асимметричная модель, в которой религиозная активность признавалась допустимой только как частное дело граждан, в то время как атеистическая пропаганда находилась в институционально более благоприятных условиях.

Тексты конституций союзных республик 1937 г. в отношении религии воспроизводили положение союзной (с незначительными редакционными различиями).

Конституция СССР 1977 г. (статья 52) сохранила тот же подход, закрепив право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. При этом она запрещала возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями.

Сама «брежневская» Конституция провозглашала многие положения, характерные для демократических государств, предусматривая, что граждане имеют весь набор политических и социальных прав, а органы народного представительства и судебные органы действуют в полном соответствии с законом. Очевидно, что далеко не все нормы при этом реализовывались на практике[392]. Во многом Конституция 1977 г. (включая раздел о правах личности)

---

[391] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

[392] По словам одного из авторов Конституции Российской Федерации Виктора Шейниса, беда Конституции 1977 г. (формально – самой демократичной из всех советских версий Основного закона) состояла в том, что она не имела «никакого отношения к реальному положению советских граждан». См.: *Гомзикова С.* Конституция : от брежневского застоя к ельцинскому «прорыву» // Свободная пресса. 2016. 7 октября. URL: https://svpressa.ru/society/article/158121 (дата обращения: 03.03.2026).

была идеологизированным документом, призванным продемонстрировать единство страны, гармоничность ее развития и успехи социалистической модели[393].

Тем не менее исследователи-конституционалисты отмечают, что причиной принятия новой Конституции стало в том числе существенное изменение политического климата в СССР, постепенный отход от режима неограниченной личной власти и произвола[394], создание дополнительных конституционных гарантий для исключения рецидивов такого рода[395].

Кроме того, необходимо учитывать и внешнеполитический фон конституционной реформы – тенденцию к разрядке международной напряженности 1970-х гг., развитие диалога с западными странами, что потребовало учета норм международного права в области соблюдения прав человека[396].

Вслед за этим в 1978 г. были приняты новые конституции союзных и автономных республик, которые, по сложившейся традиции советского нормотворчества, во многом копировали положения союзного акта и соответствовали ему по структуре и содержанию[397].

Принципиальные изменения произошли лишь в последние годы существования СССР. В феврале 1990 г. Верховный Совет СССР рассмотрел подготовленные проекты законов об общественных объединениях граждан в

---

[393] *Земцов А.Л*. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 22 (104). С. 38–44.

[394] *Авакьян С.А.* Конституция России : природа, эволюция, современность // URL: http://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651 (дата обращения: 18.02.2026).

[395] *Байбаков С.А*. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.) : по новым архивным материалам // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 131.

[396] Там же. С. 144.

[397] *Авакьян С.А.* Указ. соч. Текст статьи 50 Основного закона РСФСР см.: Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.). М. : Известия Советов народных депутатов СССР, 1978. С. 15.

СССР и о свободе совести и религиозных организациях, постановив представить заключения по ним в апреле 1990 г.[398]

После принятия Закона СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях», а вслед за ним – и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» утратили силу декрет 1918 г. и постановление 1929 г. 15 декабря 1990 г. были внесены изменения в статью 50 Конституции РСФСР (5-я редакция Конституции РСФСР 1978 г.)[399]: вместо права на отправление культа и ведение антирелигиозной пропаганды гарантировалась свобода совести и вероисповеданий, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства. Провозглашалось равенство религиозных объединений перед законом, а также запрещалось ограничение прав граждан, разжигание вражды и ненависти по признаку отношения к религии.

С точки зрения своего функционального назначения советские конституционно-правовые нормы в сфере религии должны были выполнять три основных функции: 1) регулятивную (задавали общие границы дозволенной религиозной деятельности); 2) ограничительную (исключали религию из ключевых сфер общественной жизни; 3) декларативно-легитимирующую (создавали фасад, утверждавший обеспечение религиозных прав граждан СССР, при этом фактическое содержание режима определялось партийной идеологией и административной практикой).

В результате в течение всего изучаемого периода наблюдался устойчивый разрыв между нормативной декларацией и реально складывавшимся правопорядком. Нормы союзных и республиканских конституций разных лет, несмотря на частичную эволюцию юридического языка, демонстрируют, что

---

[398] Об организации работы Верховного Совета СССР по реализации решений второго Съезда народных депутатов СССР : Постановление Верховного Совета СССР от 15.02.1990 № 1184-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 8. Ст. 96.

[399] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР : Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

конституционно-правовой статус религиозных объединений в СССР, включая период 1940-х – 1980-х гг., определялся сходным образом. Религиозные объединения рассматривались как строго ограниченные в возможностях осуществлять свою деятельность коллективы верующих, с существенно урезанными публичными и социальными компетенциями, с ограниченными имущественными правами и возможностями институционального развития.

Таким образом, свобода совести в СССР, согласно действовавшим в 1940-х – 1980-х гг. конституционно-правовым нормам, имела редуцированный характер. Провозглашая свободу индивидуального религиозного выбора, государство не признавало за церковью как институтом самостоятельного статуса в публичной сфере.

Идеологический компонент формальных правил: программные и директивные акты КПСС как источник квазинормативных предписаний

Идеологическая основа имела направляющее значение для советской правовой политики. Марксистско-ленинская доктрина рассматривала религию как исторически преходящее явление, обусловленное социальными противоречиями и подлежащее постепенному преодолению в процессе социалистического строительства. Эта установка выступала не только философской доктриной, но и фундаментальным принципом, определявшим цели, задачи и пределы правового регулирования сферы религии.

Партийно-идеологические источники выполняли в советской системе функцию квазинормативного регулятора: не создавая нормы права в формально-юридическом смысле, они тем не менее являлись обязательным ориентиром в процессе интерпретации конституционных положений, при осуществлении правотворчества и в административной практике. Иными словами, формально не будучи источником права, партийное решение в рамках советской правовой системы обладало фактической обязательностью для органов государственного управления. Тем самым создавалась специфическая конструкция, при которой

конституционная норма имела декларативный характер, а партийная установка становилась реальным источником правового регулирования.

Именно поэтому правовое регулирование статуса религиозных объединений и государственно-религиозных отношений в СССР следует анализировать не только через тексты конституционных норм и положений иных нормативных правовых актов, но и через совокупность партийных директив, которые фактически придавали этим нормам конкретное содержание и практическую направленность.

В исследуемый период имели особое значение программные и директивные документы КПСС, касавшиеся атеистического воспитания, идеологической работы и контроля за религиозной сферой. Они определяли рамки допустимого поведения религиозных объединений и задавали вектор деятельности государственных органов.

С точки зрения выявления этапов эволюции партийно-идеологической составляющей правового регулирования отношений государства и РПЦ отметим, что в самом начале исследуемого периода, на протяжении 1940-х гг. постановления ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС) либо вообще не касались темы государственной политики в сфере религии, либо вскользь упоминали ее в ряду других идеологических вопросов.

Произошедшая в 1940-х гг. на основании принятого И.В. Сталиным решения частичная корректировка религиозной политики была ограниченной, носила управляемый характер и не означала признания автономии церкви как равноправного института. Эта временная либерализация политического курса в отношении РПЦ не имела структурно-правового характера. Государство включало церковь в систему контролируемых им общественных институтов и даже частично использовало ее морально-символический ресурс для целей общественной консолидации, но не отказывалось от базовых принципов марксистской идеологии.

Начиная с 1948–1949 гг. законодательная политика и правоприменение постепенно меняются в сторону ужесточения.

В 1949 г. ЦК ВКП(б) критикует «определенные недостатки» в работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (общества «Знание»), которое «не уделяет должного внимания пропаганде научно-атеистических знаний»[400]. Обществу было указано обратить внимание на качество и идейное содержание лекций, на необходимость привлечения ведущих советских ученых, а также использования в своей деятельности всех возможных средств пропаганды. В частности, ЦК ВКП(б) предписал шире вести пропаганду марксистско-ленинской теории, усилить лекционную пропаганду по вопросам коммунистического воспитания трудящихся, советского патриотизма, борьбы с различными проявлениями буржуазной идеологии и пережитками капитализма в сознании людей, обратить особое внимание на чтение лекций по вопросам материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни[401].

Тем не менее важнейшие из известных нам партийных постановлений, указывающие на новый виток государственной антирелигиозной политики, относятся уже ко времени Н.С. Хрущева. В это время государство активизировало атеистическую пропаганду, стремясь минимизировать проявления религиозной жизни и усилить контроль над религиозными институтами. В нормативном отношении это выражалось в более жестком толковании конституционных положений и норм законодательства о религии, в расширении административного вмешательства в деятельность религиозных объединений.

Партийная линия в этот период отчетливо проявила себя как источник квазинормативных предписаний, определяющих практику правоприменения и общий вектор государственной политики в отношении религии.

В брежневский период ЦК КПСС своими решениями стремился не просто усилить атеистическое воспитание трудящихся[402], но и институциализировать

---

[400] О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний : Постановление ЦК ВКП(б) 20 июня 1949 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 8 (1946–1955). М. : Изд-во полит. лит., 1985. С. 194.

[401] Там же. С. 195.

[402] Об усилении атеистического воспитания населения : Постановление ЦК КПСС 16 июля 1971 г. // Об идеологической работе КПСС : сборник документов. М. : Политиздат, 1977. С. 309–311.

бюрократический контроль над РПЦ и другими религиозными организациями, одновременно имея в виду, что жесткие методы противодействия религии не соответствовали взятым на себя Советским Союзом международным обязательствам (например, в рамках «Хельсинкского процесса»).

С одной стороны, принимавшиеся высшим партийным руководством решения были направлены на реформирование и улучшение идеологической работы. Так, 7 июля 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»[403], которое констатировало «запущенное состояние» этого участка идеологического фронта. Партийным организациям предписывалось «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии», перейти от примиренчества с религиозными пережитками к активному наступлению на «церковников и сектантов». С точки зрения сложившейся иерархии актов партийной и государственной власти эти изложенные в постановлении резолюции были прямым указанием к действию.

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»[404] также потребовало дальнейшего усиления идейной борьбы против религиозных воззрений, не сводящейся к примитивным насмешкам над верующими, и коммунистического воспитания трудящихся[405]. В 1961 г. XXII съезд КПСС дополнительно указал, что в ходе осуществления идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания нельзя допускать оскорбления чувств верующих, напротив, опираясь на достижения науки, терпеливо

---

[403] О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения : Постановление ЦК КПСС 7 июля 1954 г. // Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. Ф. 17. Оп. 59. Д. 400. Л. 143–150.

[404] Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения : Постановление ЦК КПСС 10 ноября 1954 г. // Правда. 1954. 11 ноября. № 315.

[405] Аналогичные постановления о необходимости совершенствования научно-атеистической пропаганды принимали и центральные комсомольские органы. См.: Об улучшении научно-атеистической пропаганды среди молодежи : Постановление ЦК ВЛКСМ. Январь 1957 г. // Товарищ комсомол. 1918–1968 : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2. 1941–1968 / сост. В. Десятерик и др. М. : Молодая гвардия, 1969. С. 163–167.

разъяснять несостоятельность «фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»[406].

За партийной пропагандой признавалось важнейшая роль формировании «нового человека с коммунистическими чертами характера» и ликвидации пережитков капитализма в сознании людей[407]. Поэтому ЦК жестко критиковал руководителей парторганизаций на местах, которые не ведут «настойчивой борьбы против чуждой идеологии» и «примиренчески» относятся к религиозной идеологии, а для отчетности перед вышестоящими партийными органами «увлекаются показной стороной в пропаганде, оценивают пропагандистскую работу, главным образом, по количеству проведенных мероприятий, а не по ее результатам»[408].

С другой стороны, решениями ЦК КПСС задавались параметры законодательных изменений в отношении религиозных объединений, в том числе регулирования их правового статуса и границ осуществления религиозной деятельности.

В 1958 г. М.А. Суслов и отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС представил записку «О недостатках научно-атеистической пропаганды»[409]. В ней отмечалось, что при фактическом попустительстве со стороны партийных органов представители религиозных организаций «всячески приспосабливаются к современным условиям, проявляют изобретательность в применении новых, более действенных форм привлечения населения и особенно молодежи и детей в церковь».

---

[406] Резолюции и постановления XXII съезда КПСС (Москва, 17–31 октября 1961 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10 (1961–1965). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 170.

[407] О задачах партийной пропаганды в современных условиях : Постановление ЦК КПСС 9 января 1960 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9 (1956–1960). Изд. 9-е, доп. и испр. М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 491.

[408] Там же. С. 496.

[409] О недостатках научно-атеистической пропаганды : Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам 12 сентября 1958 г. / публ. М. И. Одинцова // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. С. 359–366.

Принятое в связи с этим секретное Постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» утвердило ряд мероприятий, в первую очередь направленных на ослабление материальной базы церкви. Разработчиками этих мер стали новые члены Совета П.Г. Чередняк и И.И. Сивенков, оба – кандидаты экономических наук. Осенью 1958 г. они разработали рекомендации, которые вместе с предложениями Минфина СССР составили суть правительственных постановлений от 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и «О монастырях в СССР»[410].

Еще в одном в секретном Постановлении ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» указал на необходимость строгого ограничения деятельности духовенства рамками культовых зданий. Нарушением закона объявлялось строительство молитвенных зданий, приобретение домов, автотранспорта для духовенства, благотворительная поддержка бедных приходов более богатыми, миссионерство, в том числе среди молодежи. Его основные положения были доведены Советом до патриарха Алексия (Симанского) 11 марта 1960 г., кроме того, патриарха уведомили о недопустимости противодействия духовенства научно-атеистической пропаганде, в противном случае было обещано привлекать нарушителей к ответственности[411]. По итогам состоявшейся в Совете беседы Священный синод РПЦ 22 марта 1960 г. принял специальное постановление, в котором призывал священнослужителей соблюдать советское законодательство о

---

[410] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонов. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 11.

[411] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7.

культах[412]. Тем не менее в официальном резюме синодального заседания в «Журнале Московской патриархии» об этом не сообщалось ни слова[413].

Отдельным блоком выступают постановления ЦК КПСС, касающиеся региональных вызовов научно-атеистической пропаганде. Это указания партийным организациям союзных республик или отдельных областей.

В целом эти документы демонстрируют схожую картину антирелигиозной работы. Так, ЦК ставил на вид Куйбышевскому обкому, что антирелигиозная пропаганда ведется в области бессистемно и не достигает основной массы верующих. Более того, некоторые члены партии и комсомольцы не просто «примиренчески» относятся к религии, но даже участвуют в отправлении религиозных обрядов (для себя или членов их семей)[414]. Та же проблема обозначена в постановлениях, посвященных ситуации в Сталинской области УССР[415] и в Белоруссии[416]. Партийным организациям рекомендовалось «настойчиво вести научно-атеистическое воспитание населения, предотвращать распространение религиозных воззрений, особенно среди детей и молодежи»[417].

Особую озабоченность вызывало состояние политической работы среди сельского населения Центральной России, зачастую в отдаленных населенных пункта для этого «нет клубов, библиотек, редко демонстрируются кинофильмы», а сельская интеллигенция (учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства)

---

[412] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284а. Л. 3–7.
[413] Определения Священного синода от 22 марта 1960 г. // Журнал Московской патриархии. 1960. № 4. С. 11.
[414] О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой : Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10 (1961–1965). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 257.
[415] О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области : Постановление ЦК КПСС 11 марта 1959 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 9 (1956–1960). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 428.
[416] О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой : Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10 (1961–1965). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 248.
[417] Там же. С. 250.

слабо участвует в идейно-политическом и антирелигиозном воспитании трудящихся[418].

Партийное руководство также обращалось к общественно-политической ситуации в республиках Средней Азии: отмечалось, что в этом регионе недостаточно учитывается многонациональный состав населения, слабо ведется научно-атеистическая пропаганда, не уделяется внимания утверждению идеи пролетарского интернационализма, а в бытовом контексте сохраняются «пережитки прошлого» («феодально-байское» отношение к женщине, религиозные предрассудки, проявления национализма)[419].

В этих документах мы видим, с одой стороны, стремление ЦК КПСС сформулировать единую общесоюзную линию в части проведения антирелигиозной работы (и контролировать ее реализацию на местах, обеспечивая «вертикаль» советской антирелигиозной политики), с другой стороны, свидетельство сохранения религиозности в сельских районах и национальных (традиционно мусульманских) республиках.

Интересно, что уже перед самым распадом СССР ЦК КПСС все еще пытался выстроить новую религиозную политику Советского государства. Собственно, перестройка изначально предполагала ослабление административного произвола в религиозной сфере[420].

---

[418] О работе Добринского райкома партии Липецкой области : Постановление ЦК КПСС 12 сентября 1968 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 11 (1966–1970). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 358.

[419] О работе с кадрами в партийной организации Киргизии : Постановление ЦК КПСС 21 октября 1958 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 9 (1956–1960). М. : Изд-во полит. лит., 1986. С. 267 ; Об идейно-воспитательной работе с руководящими кадрами в Ташкентской городской партийной организации : Постановление ЦК КПСС 9 апреля 1963 г. // Там же. Т. 10 (1961–1965). С. 319 ; О работе ЦК Компартии Таджикистана по выполнению решений XXIII съезда КПСС : Постановление ЦК КПСС 17 декабря 1968 г. // Там же. Т. 11 (1966–1970). С. 397, 401.

[420] Однако новый Устав КПСС, принятый XXVII съездом в 1986 г. по-прежнему обязывал членов партии «вести борьбу с религиозными предрассудками». А в новой редакции Программы партии присутствовал, например, раздел «Атеистическое воспитание». См.: Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 6 ; Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 125 ; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 41–42.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС в 1988 г.) генеральный секретарь говорил о необходимости учитывать современные реалии и важности свободы совести, хотя и оговаривался, что религиозное мировоззрение не научно. Аналогичная позиция звучала на пленуме ЦК КПСС 19–21 сентября 1989 г.[421] Несмотря на то, что Съезд народных депутатов СССР в 1990 г. отменил 6-ю статью Конституции СССР (о «руководящей и направляющей» роли партии) ЦК КПСС вплоть до 1991 г. стремился участвовать в дискуссии о будущем регулировании государственно-религиозных отношений.

В записке идеологического отдела ЦК КПСС «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях» от 6 августа 1991 г.[422] отмечалось, что, хотя религия – это социальное и духовное явление, содержащее общечеловеческие ценности, она «продолжает использоваться в политических целях деструктивными, антиперестроечными силами». Как и ранее, партия связывала политизацию религии в СССР с деятельностью «зарубежных клерикальных центров и тесно связанных с ними религиозных экстремистов», которые стремятся «внести раскол в религиозные организации, стоящие на позициях лояльности по отношению к советскому государству, дискредитировать патриотически настроенных священнослужителей».

КПСС, согласно документу, осуждала административное вмешательство во внутренние дела религиозных организаций и ограничение прав верующих («все эти нарушения законных прав верующих не имеют ничего общего с ленинской политикой в религиозном вопросе»), и даже признавала право членов партии на свободное выражение религиозной веры»[423].

---

[421] Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 41–42 ; Материалы пленума ЦК КПСС 19–21 сентября 1989 г. М., 1989.

[422] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 20. Д. 66. Л. 1–10. Копия.

[423] Документ также констатировал, что «часть духовенства и верующих различных конфессий выступает с националистических, а порой и с антикоммунистических позиций, участвует в межнациональных и межконфессиональных конфликтах. Наметилась тенденция смыкания клерикализма с национализмом. Сформированы новые религиозно-политические объединения и партии, которые видят свое будущее в активном использовании в политике религиозного фактора» (Там же).

После доработки предварительной версии записка была представлена секретариату ЦК 7 августа 1991 г., однако постановление на ее основе уже не было принято.

Анализ приведенных партийных документов показывает, что стратегические цели КПСС в отношении религии в 1940-х – 1980-х гг. изменялись в гораздо меньшей степени, чем тактика. В числе неизменных стратегических установок партии необходимо выделить: 1) взгляд на религию как исторически преходящее явление, которое постепенно уходит из общественной жизни по мере продвижения к коммунизму; 2) обеспечение подчиненности религиозных организаций государству и установление жестких границ их присутствия в социуме («отправление культа» в ограниченном пространстве зарегистрированных общин, запрет на полноценную образовательную, благотворительную и миссионерскую деятельность и др.); 3) формирование у населения научно-материалистического мировоззрения, вытеснение религиозных представлений из публичной сферы.

Таким образом, присутствующий в некоторых исследованиях тезис о «кардинальной смене курса», ассоциированной с именами конкретных руководителей Советского Союза[424], а также попытки установить определенный момент, в который, например, «сталинская» политика благоприятствования

[424] Ряд работ о региональных особенностях осуществления советской религиозной политики по умолчанию используют периоды правления И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева для разделения этой политики на качественно различные этапы. Упоминания «сталинского потепления», «хрущевских гонений» и «брежневского застоя» как трех разных моделей создают впечатление трех разных курсов, хотя при внимательном чтении видно, что авторы осознают неизменность идеологической установки. Напр., О.В. Грашевская описывает «новый пересмотр религиозной политики советской власти» в 1948–1949 гг., в заключение тем не менее отмечая «неизменную парадигму» восприятия религии со стороны государства (*Грашевская О.В.* Политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. : центр и местные власти (на материалах Мурманской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 2005). В.Н. Алейников говорит о «кардинальных изменениях» государственной политики в 1958–1964 гг., а также о том, что этот «радикальный поворот» непосредственно связан с деятельностью Н.С. Хрущева (впрочем, он также справедливо оговаривается, что политические наследники Сталина на самом деле вносили лишь «тактические изменения» в религиозную политику. См.: *Алейников В.Н.* Религиозная политика советского государства и ее влияние на церковную жизнь Ставрополья в 1953–1964 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2013).

церкви меняется на политику «хрущевских гонений»[425] и проч., нуждаются в небольшом уточнении. Скорее, в этом смысле мы можем выделять различные фазы реализации одной и той же стратегической (идеологической) установки, чем последовательную смену взаимоисключающих подходов.

Сказанное не отрицает заметных различий в тактике государства по отношению к РПЦ: интеграция церкви в патриотический мобилизационный дискурс в 1940-х гг., частичное восстановление церковной структуры церкви, ее использование как для внутренней консолидации, так и для внешнеполитического позиционирования; существенное усиление давления конца 1940-х – начала 1960-х гг. после стабилизации послевоенного общества; «бюрократическая стабилизация» в 1970-х – первой половине 1980-х гг.; наконец, переход к тактике минимизации конфликтов и учета прав верующих в период перестройки (в условиях ослабления партийного контроля над государством).

В целом указанные тактические изменения советской религиозной политики укладываются в представления Брайана Таманахи о различных способах реакции государства на одновременное присутствие в социуме «конкурирующего» правопорядка, в данном случае – религиозного.

Административно-правовое регулирование отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

В системе советского правового регулирования государственно-религиозных отношений основную роль играли административно-правовые нормы. Если конституционные положения закрепляли общие принципы свободы совести (со всеми оговорками) и отделения церкви от государства, а партийно-идеологические акты задавали политический вектор антирелигиозного курса, то

[425] Обстоятельный анализ современной историографии см. в: *Куксенко С.И.* Историческая наука о переодизации так называемого «хрущевского наступления» на Русскую православную церковь / Вестник СПбГУКИ. 2013. № 3 (16). С. 158–164. Автор отмечает, что продолжающаяся дискуссия вокруг периодизации «хрущевских гонений» свидетельствует о необходимости более детального изучения вопроса.

административно-правовые акты превращали эти принципы и установки в непосредственный механизм осуществления контроля над религиозной сферой.

Нормы административного права определяли порядок регистрации религиозных обществ; условия открытия и закрытия храмов; компетенцию специальных органов (Совета по делам Русской православной церкви (по делам религий) при СНК (Совете Министров) СССР); формы отчетности и государственного надзора; процедуры взаимодействия с местными органами власти. Все эти элементы опирались на нормативную модель, заложенную до начала исследуемого периода Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»[426].

Постановление 1929 г. можно рассматривать как системообразующий акт, задавший базовую административно-правовую конструкцию регулирования религиозной жизни. В ней религиозное объединение представляло собой группу верующих, достигших 18-летнего возраста, которые объединялись для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей. Для образования *религиозного общества* было необходимо не менее 20 человек («двадцатка»), а при невозможности собрать это минимальное количество заявители могли образовать *группу верующих*, которая обладала меньшими правами и не могла, например, получить по договору в бесплатное пользование молитвенное здание и предметы культа (только на правах аренды). И те и другие, впрочем, были лишены прав юридического лица, а договоры безвозмездного пользования или аренды государственные органы заключали не с религиозным объединением, а с конкретными лицами под их ответственность.

Постановление локализовало религиозную активность пределами прихода и редуцировало ее почти исключительно до богослужебной деятельности. Для непосредственного управления и пользования культовым имуществом на общем собрании верующих избирался исполнительный орган (для религиозного

---

[426] О религиозных объединениях : Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

общества – 3 человека, для группы – один, при этом регистрирующие органы пользовались правом отвода из его состава отдельных лиц) и ревизионная комиссия (не более 3 человек). Создание каких-либо иных приходских или надприходских структур и объединений, способных выполнять координирующие или представительные функции, было невозможно.

Таким образом, с одной стороны, религиозное объединение не было субъектом вещных и иных гражданских прав, с другой стороны, само его образование имело разрешительный характер, а текущая деятельность была полностью поднадзорной и контролируемой.

Конституция СССР 1937 г. дала церковным деятелям некоторую надежду на изменение ситуации, но заявленные в ней свободы не были реализованы. В частности, оставались без регистрации органы центрального и епархиального церковного управления, что, по определению, помещало их в «серую» правовую зону. Как отмечает А. Беглов, «в советской риторике определение «нелегальный» уже имело политический оттенок и само по себе могло обосновать неблагонадежность такой организации»[427].

В результате, к началу войны регистрация органов церковного управления, без которых было невозможно каноническое функционирование, «начинала восприниматься церковными деятелями как желанная цель, а в руках государства она становилась приманкой, средством давления на церковную иерархию и практически на все сферы церковной жизни»[428].

Необходимо указать, что в последующие десятилетия (и в целом в период 1940-х – 1980-х гг.) в законодательном регулировании правового статуса РПЦ наблюдалась очевидная двойственность, границы дозволенного существенно смещались в том или ином направлении в зависимости от текущей партийной линии.

Так, с одной стороны, основой правового регулирования государственно-религиозных отношений оставалась модель 1929 г., она в целом воспроизводилась

---

[427] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 36.
[428] Там же. С. 37.

и модифицировалась в актах союзного и республиканского уровней. Многие из них прямо отсылали к постановлению 1929 г. как к действующему базовому акту вплоть до конца советского периода.

С другой стороны, на примере политических изменений и развития правотворчества в 1940-х гг. можно увидеть, как без какого-либо внесения изменений в основы законодательства о религиозных культах государство устанавливало новые «правила игры» и существенно меняло правоприменительную практику, которая, таким образом, прямо противоречила декрету 1918 г. и постановлению 1929 г.[429]

С точки зрения изучения эволюции системы правового регулирования государственно-религиозных отношений эта корректировка границ легальности в отношении РПЦ заслуживает отдельного внимания.

Важным шагом формирования новой институциональной конструкции стало создание специализированного органа по относящимся к РПЦ вопросам. Были изданы постановления СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви»[430] и от 7 октября 1943 г. № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР»[431]. Совет по делам РПЦ должен был осуществлять связь между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения Правительства СССР. Его деятельность обеспечила постоянный государственный

---

[429] В первую очередь это само Положение об управлении Русской православной церкви, не только принятое Поместным собором 1945 г., но и перед этим утвержденное Советом народных комиссаров (Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР. Москва. Кремль, 28 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник. АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 4. Л. 58–66. Заверенная печатью Управления делами СНК СССР копия), правительственные постановления и распоряжения, принятые по итогам встречи И.В. Сталина с тремя митрополитами. См.: *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 113–114 ; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 104–105.

[430] Об организации Совета по делам русской православной церкви : Постановление СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179. Подлинник.

[431] Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР : Постановление СНК СССР от 7 октября 1943 г. № 1095 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779. Л. 26–28.

надзор за религиозной сферой[432]. Совет (вместе с созданным в мае 1944 г.[433] Советом по делам религиозных культов при СНК СССР) осуществлял на практике регулирование взаимоотношений государства и церкви через правовые акты разного уровня, но также использовал и неправовые механизмы, что соответствовало потребностям советской политико-правовой системы. Сложился своеобразный формат государственно-церковного взаимодействия, включающий взаимные обязательства сторон, различные устные договоренности, при этом их инициатором в основном выступало государство, направляющее и контролирующее церковную жизнь[434].

Создание Совета по делам РПЦ при СНК СССР означало институционализацию особого канала взаимодействия между государством и церковью. Однако он проектировался не как механизм партнерства, а как инструмент централизованного административного контроля.

При этом советское руководство не стремилось каким-либо образом систематизировать законодательство о религиозных культах или привести нормативные правовые акты довоенного периода в соответствие с новыми политико-правовыми реалиями.

Так, в декабре 1943 г. Советом была предпринята попытка пересмотреть постановление 1929 г. и отдельные положения декрета 1918 г. в связи с тем, что многие их нормы уже фактически были нарушены[435]. Однако эти предложения (в том числе касающиеся разработки союзного закона о положении церкви в СССР или закона о вероисповеданиях) не были приняты советским правительством[436].

Т.А. Чумаченко, приводя в пример характерную для правительственных актов 1940-х гг. формулировку: «впредь до особых указаний не

---

[432] См.: *Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР : 1943–1965 гг.

[433] Об организации Совета по делам религиозных культов при СНК СССР : Постановление СНК СССР от 19 мая 1944 г. № 572. В 1965 г. постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. оба совета были объединены в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР за 1965 г. № 1-25. Ст. 221. М. : Юрид. лит., [б. г.].

[434] См. : *Петюкова О.Н*. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 323–325.

[435] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 105.

[436] *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. С. 97–98.

препятствовать…»[437], полагает, что в ней таким образом была предусмотрительно заложена возможность изменения политического курса при нежелании власти связывать себя какими-либо юридическими обязательствами и формально установить новый правовой статус РПЦ[438].

На наш взгляд, в этом также могло проявиться представление руководства Советского Союза о неизменности базовых идеологических установок в отношении религии и о тактическом характере уступок церкви.

В результате ограничительная логика постановления 1929 г. в новых условиях не отменялась, а дополнялась учреждением специального институционального механизма. Административно-правовые акты 1943–1945 гг., таким образом, можно определить как «надстройку» над базовой моделью: с одной стороны, они предусматривали упорядочение отношений с РПЦ, позволяли расширить сеть действующих приходов и легализовать часть церковной жизни, с другой – закрепляли вертикаль государственного контроля.

Среди важных нормативных правовых актов этого периода следует отметить Постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей»[439], более детально регламентировавшее этот вопрос и допускавшее, при отсутствии возражений со стороны местных органов власти, возобновление богослужений в ранее закрытых храмах. В соответствии с постановлением ходатайства верующих об открытии храмов направлялись в областные (краевые) или республиканские советские инстанции, а окончательное решение в этом случае принимали центральные органы власти. Рассмотренные и одобренные Советом по делам РПЦ заявления представлялись на окончательное утверждение Совнаркому СССР, а после получения его согласия решение доводилось Советом до местных органов власти. В случае получения ходатайства верующих районным

---

[437] Например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 19. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. С. 113.
[438] *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. С. 106.
[439] Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Москва, Кремль, 28 ноября 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 3–5.

или городским исполкомом документы направлялись уполномоченному Совета (пункты 5–6).

В дальнейшем система административного регулирования религиозной сферы постепенно усложнялась.

Нормы о порядке открытия церквей были дополнены секретным Постановлением от 1 декабря 1944 г. 1643-486с «О православных церквях и молитвенных домах»[440], запрещавшим закрывать церкви без разрешения Совета.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. «О православных монастырях» была узаконена деятельность 75 обителей, они были официально зарегистрированы. По ходатайствам патриархии им возвращались некоторые бывшие монастырские здания и имущество. Среди открытых монастырей были известные объекты культурного наследия – Троице-Сергиева, Киево-Печерская и Почаевская лавры, причем последнюю передали в 1948 г., после присоединения униатских общин западных областей Украины к РПЦ.

Одновременно Совет требовал от духовенства подчинения законодательству о культах. На Поместном соборе 1945 г. заместитель председателя Совета С.К. Белышев призвал архиереев «положить конец нарушениям существующего законодательства о религиозных культах, неуклонно сообразовывать свою церковную деятельность с существующими советскими законами»[441].

Уже в конце 1940-х гг. выросло число случаев административного вмешательства и различных ограничений, участились случаи закрытия храмов. Патриарх Алексий I (Симанский) направлял многочисленные письма руководству Совета по делам РПЦ с жалобами на «извращения на местах политики Советского

---

[440] О православных церквях и молитвенных домах : Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 17. Л. 67. Ротаторный экз.

[441] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 34. Л. 33. Цит. по: *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. С. 283.

правительства» в отношении церкви[442], произвольное толкование законодательства о культах, отказы в регистрации религиозных общин и открытии храмов. «Председатель Совета т. Г.Г. Карпов просил передать Вам его твердую уверенность в том, что в ближайшее время будет сделано все возможное к устранению… ненормальностей в церковной жизни Русской православной церкви»[443], – сообщал он в мае 1948 г. уполномоченному Совета по Украинской ССР. Однако на деле никаких серьезных изменений ситуации в пользу церкви в последующие годы не произошло.

Цели описанного административно-правового регулирования положения РПЦ, а также применения различных ограничительных мер, по-видимому, можно резюмировать словами записки Совета по делам РПЦ 1948 г.: «Русская православная церковь в настоящее время находится в таком состоянии, что при умелом обращении с ней, при повседневной над ней опеке и руководстве ее можно использовать в интересах Советского государства»[444].

Ужесточение административного надзора над РПЦ ассоциируется обычно с принятием Архиерейским собором РПЦ 1961 г. (по указанию властей) изменений в Положение об управлении Русской православной церкви.

Несколько ранее, в соответствии с секретным решением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах»[445] Советы по делам РПЦ и по делам религиозных культов подготовили проект инструкции по применению советского законодательства и представили его на рассмотрение Юридической комиссии при Совете Министров СССР[446]. О разработке проекта новой инструкции в апреле

---

[442] Цит. по: *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 141.

[443] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 219.

[444] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 288. Л. 87. Цит. по: *Одинцов М.И.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР в 1944–1945 гг. : особенности формирования и деятельности аппарата // Свобода совести в России : исторический и современный аспекты : сборник статей. Выпуск 2. М. : РОИР, 2005. С. 370.

[445] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7.

[446] Процесс согласования текста инструкции виден из находящихся в ГАРФ документов Юридической комиссии при Совете Министров СССР. См. ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 3–199 ; Там же. Д. 407. Л. 181–187.

1960 г. говорил на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета его новый глава В.А. Куроедов[447].

Вслед за этим 16 марта 1961 г. вышли два ключевых правовых акта. Постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» устанавливало более жесткий контроль за финансово-хозяйственной деятельностью общин, отстранив духовенство («в соответствии с законодательством о культах») от распоряжения церковными средствами и закрепив эти полномочия исключительно за приходскими исполнительными органами. В дальнейшем в целях содействия местным властям на основании этого постановления создавались специальные «комиссии содействия» по наблюдению за выполнением законодательства о культах. В них на общественных началах привлекались активные граждане, которые должны были выявлять случаи нарушения законодательства в религиозных общинах и сообщать об этом в местные органы власти[448].

В тот же день Советом по делам РПЦ и Советом по делам религиозных культов была принята совместная Инструкция по применению законодательства о культах[449]. Инструкция повторяла и унифицировала нормы ранее принятых правовых актов, например, необходимость избрания общим собранием верующих исполнительного органа религиозного общества из 3 человек.

Были внесены существенные изменения в порядок регистрации религиозных обществ. Ранее, согласно пунктам 5–6 Постановления СНК СССР

---

[447] *Одинцов М.И.* «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства» : доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 64–91.

[448] См. утвержденное Советом по делам религий (№ 3070 от 26 ноября 1966 г.) Примерное положение о комиссиях содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о культах // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 88–91.

[449] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 77–87.

«О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г.[450], поддержанные республиканским или областными органами советской власти ходатайства верующих через Совет по делам РПЦ направлялись в Правительство, о решении которого Совет потом извещал республиканские или областные власти (СНК республик или обл(край)исполкомы). В свою очередь, районные и городские исполкомы, «не вынося своего решения», направляли необходимые документы уполномоченному Совета.

Инструкция 1961 г. вводила иной порядок (пункты 19–22): ходатайство «двадцатки» (или группы верующих – в случае, если оно направлялось группой) направлялось в рай(гор-)исполком, который вместе со своим заключением и установленным Советом по делам РПЦ пакетом документов пересылал его в вышестоящую инстанцию – обл(край)исполком или республиканский совет министров. На этом этапе предварительная проработка (проверка «основательности») ходатайства поручалось уполномоченному Совета.

В итоге принятие решения о регистрации религиозного объединения (и открытии молитвенного здания) возлагалось на республиканский совет министров или обл(край)исполком по согласованию с Советом (до изменения такого порядка в 1975 г.)[451]. В дальнейшем в случае закрытия общины молитвенное здание изымалось вместе с остальным имуществом (пункт 25)[452]. Подтверждалось, что

---

[450] О порядке открытия церквей : Постановление СНК СССР. Москва, Кремль, 28 ноября 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 3–5.

[451] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 84.

[452] Министерство финансов СССР в своем письме различным финансовым органам разъясняло, что при закрытии общины ее имущество как бесхозяйное распределяется между местными финансовыми органами (драгоценности и предметы обихода) и музеями (предметы исторической и художественной ценности), а предметы, предназначенные для отправления культа могут быть переданы другой религиозной общине (О порядке использования культового имущества при снятии с регистрации религиозных обществ и закрытии молитвенных зданий : Письмо Минфина СССР от 7 июля 1961 г. № 242 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 48–49).

уполномоченные Совета осуществляют регистрацию служителей культа, а также в соответствующих случаях снимают их с регистрации (пункт 27)[453].

При этом Инструкция призывала местные власти и уполномоченных Совета «не допускать административных мер борьбы с религией» и вмешательства в деятельность общин, избегать грубости и оскорбления чувств верующих» (пункт 5)[454].

Инструкция в дополнение к известному запрету на деятельность, не связанную с удовлетворением религиозных потребностей верующих, запрещала использовать богослужебные собрания для «политических выступлений, противоречащих интересам советского общества», пропагандировать отказ от исполнения верующими гражданских обязанностей и от участия в общественно-политической жизни. Запрещалась «альтернативная» богослужебно-приходской деятельность, в том числе организация паломничеств к «святым местам»[455], объявления о чудесах, исцелении больных и проч. (пункт 10).

Следует отметить, что в процессе согласования проекта инструкции из него исключили проектируемые положения о том, что не допускается издание «каких-либо постановлений, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, устанавливали какие бы то ни было преимущества и привилегии в деятельности

---

[453] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 85.

[454] Там же. С. 78.

[455] Этой теме руководство Совета уделяло внимание и в последующие годы. «Прекращение паломничества к «святым местам» – серьезная задача. «Святые места» являются центрами фанатизма, обмана верующих, рассадниками диких суеверий, нарушений законодательства о религиозных культах. Необходимо принять решительные меры по преодолению этих самых реакционных, мракобеснических религиозных явлений, усилив прежде всего воспитательную работу с населением, но в то же время неукоснительно применяя наши законы и привлекая к строгой ответственности их нарушителей» (Доклад В.А. Куроедова «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений XXIV съезда КПСС» на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 25–27 апреля 1972 г. в г. Москве // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 38–39). Отметим также, что бюрократический учет «святых мест» отдельно осуществлялся уполномоченными Совета: Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 63.

того или иного религиозного культа»[456]. В итоговом тексте пункта 5 также не осталось предписания органам власти всех уровней «принимать необходимые меры к пресечению незаконных действий со стороны местных организаций, должностных лиц и граждан, посягающих на свободу веры и богослужения»[457].

В то же время была несколько смягчена формулировка пункта 15 (абзац 2) о привлечении к ответственности за неоднократное нарушение законодательства о культах (предполагалось в проекте: «в необходимых случаях – о привлечении виновных к *уголовной* ответственности»)[458].

Продолжил государственную линию Архиерейский собор РПЦ 1961 г., который утвердил изменения в Положение об управлении РПЦ, разработанные самим Советом. Вся хозяйственная и финансовая деятельность приходов передавалась в руки исполнительных органов, настоятели храмов полностью отстранялись от этой части жизни приходов. Фактически в их ведении оставался лишь вопрос совершения богослужений[459]. При этом собор в своем послании выразил благодарность Правительству СССР и предписал священнослужителям всемерно содействовать органам государственного управления. Решения собора вызвали недовольство многих архиереев и клириков, однако официально на этот счет высказывались лишь немногие[460].

К концу 1960-х гг. жесткая политика по ограничению деятельности РПЦ постепенно смягчалась. В это же время ряд представителей церковной интеллигенции, богословов открыто протестовали против нарушений свободы совести в СССР, добивались реальных законодательных гарантий прав верующих. В 1970-е гг. получили резонанс публицистические выступления священников

---

[456] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 39.
[457] Там же.
[458] Там же.
[459] *Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М. : АИРО-XX, 1999. С. 190–193.
[460] *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Изд-во Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 1999. С. 366–370.

С. Желудкова, Д. Дудко, Г. Якунина, Н. Эшлимана и ряда мирян[461] в защиту религиозных свобод. «В отличие от всех других организаций и обществ нашей страны, РПЦ лишена права самой регулировать свою внутреннюю жизнь. Все зависит от произвола чиновников Совета по делам религий. Советская Конституция… гарантирует право отправления религиозных культов, но в то же время за это право надо бороться», – говорилось в анонимном церковном самиздате тех лет[462].

Новые акценты и более осторожная тактика работы религиозными объединениями были озвучены В.А. Куроедовым на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета в Москве в апреле 1972 г., в котором приняли участие 240 человек. Целью совещания было обобщение опыта работы уполномоченных по осуществлению контроля за соблюдением законодательства в свете Постановления ЦК КПСС от 16 июля 1971 г. «Об усилении атеистического воспитания населения»[463].

В основном докладе В.А. Куроедов обратил внимание на то, как после XXIV съезда КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 г.) «многие в РПЦ и западных газетах обрадовались»[464], что принятые съездом документы ничего не говорили о научно-атеистическом воспитании. Однако с их стороны это означало всего лишь непонимание, что борьба с религией – «составная часть коммунистического

---

[461] «Долгое время в Москве на околоцерковном поприще подвизался Краснов-Левитин, филолог по образованию, написавший более 30 брошюр со злобной клеветой на советскую действительность» и «положение церкви в СССР. Сочинения его неоднократно печатались большими тиражами за границей и широко использовались в антисоветских целях» (Доклад В.А. Куроедова «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений XXIV съезда КПСС» на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 25–27 апреля 1972 г. в г. Москве // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 56–57).

[462] Цит. по: *Алексеев В.А*. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 373–374.

[463] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 1–81. Доклад В.А. Куроедова – Л. 27–81.

[464] И усилили «беспардонную, оголтелую антисоветскую клеветническую кампанию» о положении религии в СССР. См.: Доклад В.А. Куроедова «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений XXIV съезда КПСС» на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 25–27 апреля 1972 г. в г. Москве // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 30–31.

воспитания трудящихся»[465]. Иными словами, глава Совет подтвердил неизменность основополагающих идеологических установок советской власти.

Председатель Совета выступал за «гибкую, осторожную политику» в отношении церкви: государства должно, с одной стороны, удовлетворять законные интересы верующих, но, с другой стороны, строго контролировать религиозные организации, не позволяя им «выходить за рамки закона»[466].

Он также полагал, что усилия советской власти во многом уже принесли свои плоды: современные верующие «уже не те, что были раньше», их религиозные взгляды «зачастую переплетаются с материалистическим пониманием жизненных событий и природных явлений. Для многих вера никак практически не связывается с повседневной деятельностью, с житейскими заботами»[467].

В.А. Куроедов обратил внимание на то, что высшая церковная власть уже давно официально не видит противоречия между православной верой и коммунистической идеологией[468].

Интересны также ремарки главы Совета по делам религий в отношении развития законодательства о религиозных культах. Он отмечает, что Совет сделал уже многое для усиления государственного контроля за правильным применением и исполнением закона. В том числе была предпринята попытка инкорпорации множества правовых актов о религиозных культах в двух сборниках. В. Куроедов полагал, что нельзя говорить, будто имеющееся законодательство устарело: «принципиальные положения, изложенные прежде всего в ленинском декрете «Об отделении церкви от государства и школы от

---

[465] Доклад В.А. Куроедова «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений XXIV съезда КПСС» на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 25–27 апреля 1972 г. в г. Москве // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 28–30.

[466] Там же. Л. 67.

[467] Там же. Л. 34.

[468] Куроедов цитирует доклад патриаршего местоблюстителя Пимена («сейчас он патриарх Московский и всея Руси») на прошедшем в мае 1971 г. Поместном соборе: «Октябрьская революция обновила все существо жизни нашего народа… и мы, церковнослужители, вместе со всеми нашими соотечественниками испытываем глубокое удовлетворение, что все эти начинания созвучны евангельским идеалам» (Доклад В.А. Куроедова 27 апреля 1972 г. … Там же. Л. 52).

церкви», в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. являются незыблемыми. И нет никакой нужды разрабатывать какое-то особое новое законодательство о религиозных культах. Это ничем не вызывается». Он также отмечает, что за последние 10 лет вышел ряд постановлений Совета Министров СССР по вопросам религии и церкви – и в связи с этим Совет внес в представления о приведении законодательства республик в соответствие с союзным[469].

Систематизация сложившейся практики и бюрократизация контроля продолжилась в последующие годы. В 1975 г. был внесен ряд изменений и дополнений в постановление 1929 г.[470], некоторые из них формализовали уже сложившуюся к тому времени правоприменительную практику или носили юридико-технический характер, но одной из главных особенностей постановления в редакции 1975 г. стало формальное утверждение роли Совета по делам религий как центрального органа, принимающего решения о регистрации или закрытии религиозных объединений (статьи 4–8 новой редакции)[471].

Были подтверждены права религиозных общин и епархиальных управлений на производство церковной утвари, предметов религиозного культа и их продажи верующим, а также на приобретение транспортных средств, аренду, строительство и покупку строений для своих нужд в установленном законом порядке (статья 3, абзац 3)[472].

Молитвенные здания в обязательном порядке подлежали страхованию (статья 33) за счет прихода (но в пользу исполкомов). Кроме того, оставляя без изменения запрет на преподавание религиозного вероучения в учебных заведениях, статья 18 постановления прямо допускала такое преподавание лишь в духовных учебных заведениях, открываемых в установленном порядке.

---

[469] Доклад В.А. Куроедова 27 апреля 1972 г… Там же. Л. 52.

[470] О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» : Указ Президиума ВС РСФСР от 23 июня 1975 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1975. № 27. Ст. 572.

[471] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 11.

[472] Там же. С. 10.

Тактика работы с религиозными организациями в эти годы была, в том числе, скорректирована в связи с развитием т.н. «Хельсинкского процесса»[473]. Подробные разъяснения были даны заместителем председателя Совета П.В. Макарцевым на совещании уполномоченных в Вильнюсе в 1977 г.[474] Фактически повторяя слова, сказанные В.А. Куроедовым в ходе мероприятия в апреле 1972 г., Макарцев указывал на то, что церкви и их руководство лояльны по отношению к советской власти и даже вполне искренне разделяют социалистические ценности. Поэтому «нет оснований рассматривать религиозные институты в качестве противников социалистической системы»[475], тем более что Советский Союз по-прежнему критикуют на Западе за нарушения прав верующих.

Советская власть ставила перед собой задачу не допустить превращения религиозных организаций СССР «в фактор холодной войны». Вместе с тем в том же докладе П.В. Макарцев высоко оценил роль церкви во внешней политике Советского Союза: «...не буду раскрывать эту деятельность», но мы «довольно активно используем лояльных церковников»[476].

Уполномоченным рекомендовалось воспринимать верующих следующим образом: «Товарищи, речь идет о том, чтобы изменить отношение к верующему и к этому самому церковнику, чтобы он себя почувствовал так полноправным гражданином, и он будет доступнее, он будет разговорчивее; и не будет

---

[473] Согласно подписанному документу СССР обязывался «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений»: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 1 августа 1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544–589.

[474] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись. Цит. по: *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 130–156.

[475] «У нас подавляющее большинство духовенства лояльное. И мы считаем, что это большое завоевание наше – сделать церковь лояльной»: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись. Цит. по: *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 135–138.

[476] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись. Цит. по: *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 138.

экстремистам почвы для того, чтобы выступать с этими проповедями и писать за границу письма и прочее»[477].

В целом в 1970–1980-е гг. религиозная политика государства стала несколько более осторожной, число действующих православных приходов стабилизировалось. Совет по делам религий продолжал пристально следить за тем, чтобы деятельность РПЦ не выходила за узкие рамки «отправления культа»[478]. В середине 1980-х гг. была сделана попытка усилить практическую роль местных органов власти и создаваемых при них комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах[479].

Но уже в 1988 г., в условиях начавшейся демократизации, государство приняло меры по восстановлению церковной собственности, а также расширило права религиозных объединений. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев подчеркивал важность дальнейшей демократизации религиозной политики: «Мы стали на путь реального обеспечения свободы совести… уважения чувств верующих и неверующих. Думаю, что это получит… законодательное закрепление в ближайшем будущем»[480]. Поместный собор РПЦ 1988 г. восстановил право настоятелей на руководство приходской жизнью, отменил требования обязательного согласования кандидатур священнослужителей с уполномоченными Совета.

На рубеже 1990-х гг., после принятия Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», кардинально изменившего правовое положение

---

[477] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись. Цит. по: *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 146.

[478] *Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке : история, взаимоотношения с государством и обществом. М. : Центральный дом духовного наследия общества «Знание» России, 2002. С. 174–175.

[479] Согласно докладу, прозвучавшему на собрании работников Совета по делам религий в апреле 1987 г., к этому времени в СССР насчитывалось около 12 тыс. таких общественных комиссий, включавших 82 тыс. человек. Совет планировал «повысить их авторитет, придав им статус постоянных депутатских комиссий исполкомов Советов народных депутатов». ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3579. Л. 59–71. Цит. по: Ислам и советское государство : сборник документов. Вып. 3 : (1944–1990) / сост. Д.Ю. Арапов. М. : Марджани, 2011. 522 с. // Russian Perspectives on Islam. URL: https://islamperspectives.org/rpi/items/show/16886 (дата обращения: 05.03.2026).

[480] *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. : Политиздат, 1987. С. 112.

церкви, многие прежние ограничения церковной деятельности были сняты. Закон предоставил религиозным организациям возможность самостоятельно определять содержание и формы отправления культа, проводить религиозные обряды и церемонии в храмах, часовнях, молитвенных домах и прочих культовых зданиях и сооружениях, на кладбищах и в иных принадлежащих религиозным организациям местах. Была легализована благотворительная, культурно-просветительская, образовательная и издательская деятельность церковных структур[481].

Таким образом, в рассматриваемый период административно-правовое регулирование государственно-религиозных отношений выступало гибким инструментом ограничения религиозной деятельности со стороны государства в лице партийных и советских органов.

Гражданско-правовые аспекты статуса Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

В соответствии с декретом 1918 г. (статья 12) религиозные общества не имели права владеть собственностью и были лишены прав юридического лица[482].

Постановление 1929 г. также не признавало за религиозными объединениями статуса юридического лица (статья 3)[483]. Вместе с тем отдельные члены общины (прежде всего исполнительный орган) вступали в гражданско-правовые отношения с местными органами власти, поскольку заключали договор бесплатного пользования молитвенным помещением за их личной ответственностью, а также другие сделки хозяйственного характера и обязаны были застраховать предоставленное имущество (статьи 10, 11, 26–33).

---

[481] О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

[482] Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

[483] О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

Утвержденное в январе 1944 г. Совнаркомом, а затем в 1945 г. Поместным собором РПЦ Положение об управлении Русской православной церкви[484] также предполагало, что в епархиях (с разрешения властей) может быть учрежден свечной завод и изготовление простейших богослужебных предметов (пункт 33); более того, финансовые средства прихода могли вноситься на хранение в банк или сберкассу на имя конкретного храма (пункт 44).

Непосредственное разрешение Московской патриархии, епархиальным управлениям и церковным советам открывать банковские счета было дано в промежутке между утверждением этого документа Совнаркомом и Поместным собором – циркулярным письмом заместителя председателя СНК В.М. Молотова в адрес Госбанка СССР 24 августа 1944 г.[485]

Попытка РПЦ добиться предоставления ей всех прав юридического лица на законодательном уровне не увенчалась успехом. Соответствующее ходатайство Г.Г. Карпова на имя В.М. Молотова было направлено 19 июня 1945 г. Карпов указывал, что отсутствие законодательного урегулирования этого вопроса затрудняет руководство церковью со стороны правительства. Однако ЦК ВКП(б) не согласился с этим, поскольку таким образом возникнет «нежелательный прецедент», который укрепит централизацию церковного управления, и такой шаг будет воспринят «как ослабление позиций государства»[486].

Тем не менее секретное постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с[487] предусматривало «в пределах возможного» снабжение приходов РПЦ строительными материалами для ремонта церковных зданий, разрешало общинам производить колокольный звон в городах и селах (и приобретать колокола). Более того, на основании этого постановления Московская патриархия

---

[484] Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР. Москва. Кремль, 28 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник. АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 4. Л. 58-66. Заверенная печатью Управления делами СНК СССР копия.

[485] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 55.

[486] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 37. Л. 21. Цит. по: *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Вече : Лепта, 2010. С. 363–364.

[487] По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям : Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106с. Д. 153. Л. 249–250.

и различные церковные структуры получили право приобретать транспортные средства, производить церковную утварь и предметы религиозного культа, продавать их церковным общинам, арендовать, строить и покупать в собственность дома для церковных надобностей (с разрешения уполномоченных Совета).

Инструкция 1961 г. упоминала о возможности епархиальных структур обладать и распоряжаться имуществом и средствами, оговаривая в примечании, что зарегистрированным религиозным организациям частично предоставлены права юридических лиц в отношении оплаты работы служителей культа, аренды и владения молитвенным зданием и культовым имуществом.

На местах в связи с этим начались многочисленные проверки соблюдения законодательства о культах, пересмотр договоров с религиозными общинами о передаче им в бесплатное пользование культовых зданий и церковного имущества. С целью ликвидации материальной базы церкви эти договоры расторгались под различными предлогами (ветхость храмов, выявленные нарушения законодательства и т.п.). В результате значительная часть православных общин лишалась своих молитвенных помещений. О характере и методах кампании свидетельствуют в том числе многочисленные жалобы и ходатайства верующих, поступавшие в различные инстанции.

Какого-либо качественного перелома в гражданско-правовом статусе церкви в конце 1960–1970-х гг. не произошло, однако государство отлаживало и стремилось привести к единообразию уже сложившуюся модель: режим пользования имуществом становится для религиозных объединений более формализованным, а кроме того, в союзных республиках в этот период принимаются новые акты, призванные гармонизировать их законодательство о религии с законодательством СССР.

Правовое регулирование иных областей церковной деятельности

Одним из мощных рычагов воздействия на религиозные объединения была особая политика налогообложения.

В начале 1940-х гг. продолжало применяться Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. «О самообложении сельского населения»[488], согласно которому служители религиозных культов привлекались к самообложению в повышенном размере (пункт «г» статьи 7). В 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения»[489]: им устанавливались специальные налоговые правила для доходов «от некооперированных кустарно-ремесленных промыслов», которые позднее распространили и на доходы служителей культа (повышенная ставка налога на доходы от совершения религиозных обрядов и проч. была указана в статье 19 Указа)[490].

Так, в 1945 г. по статье 19 Указа «О подоходном налоге с населения» стали рассчитываться доходы монастырей от имеющихся у них сельскохозяйственных и других источников, а также доходы свечных заводов и других церковных предприятий (т.е. фактически государством признавалась их хозяйственная деятельность). Постановлением СНК СССР от 29 августа 1945 г. № 2215 монастыри были освобождены от уплаты налога со строений и земельной ренты, при этом от обложения налогом на холостяков было освобождено безбрачное духовенство[491].

---

[488] О самообложении сельского населения : Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. № 108/1576 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 23 сентября 1937 г. № 60. Ст. 258.

[489] О подоходном налоге с населения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. С. 327–335.

[490] Сведения о Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 23 сентября 1937 г. полученных доходах священнослужители обязаны были подавать в финансовые органы в виде деклараций, которые затем сверялись с записями о количестве совершенных обрядов, размерах полученного вознаграждения (преимущественно велись исполнительными органами общин). Для проверки могли использоваться и «сведения» членов исполнительных органов «и других граждан». См, напр.: О порядке обложения налогами граждан, получающих доходы от религиозных органов, а также предприятий этих органов : Письмо Минфина СССР от 26 февраля 1966 г. № 81 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 42 (пункт 10).

[491] О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях : Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 августа 1945 г. № 2215 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 33.

С 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР № 2584[492] «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» было закреплено налогообложение по той же статье 19 доходов от совершения религиозных обрядов (в любой форме), доходов от строений и сельского хозяйства, доходов священников, занимавшихся преподавательской деятельностью в духовных учебных заведениях, а также от работы в органах церковного управления, пения в церковном хоре (статья 1). Это, однако, не касалось работающих в религиозных организациях по трудовым договорам (статья 8). Для священнослужителей из сельской местности была подтверждена обязанность участвовать в самообложении в порядке п. «г» ст. 7 соответствующего постановления 1937 г. в размере 150 рублей (статья 3).

Порядок применения постановления № 2584 был описан в Инструктивном письме Минфина СССР от 13 декабря 1946 № 870 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов»[493]. В дальнейшем эти инструкции периодически обновлялись.

С конца 1950-х гг. в русле государственной политики ужесточения контроля за религиозными объединениями издавались правовые акты, отменявшие некоторые ранее действовавшие послабления.

Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. № 1159 «О монастырях в СССР»[494] запрещало монастырям нанимать работников, поручало руководству союзных республик установить для монастырей размеры земельных угодий (то есть, сократить размер находящейся в пользовании земли), а также в 6-месячный срок внести предложения о возможности сокращения количества монастырей и скитов. Принятое в тот же день Постановление № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также

---

[492] О порядке обложения налогами служителей религиозных культов : Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 33–34.

[493] О порядке обложения налогами служителей религиозных культов : Инструктивное письмо Минфина СССР от 13 декабря 1946 № 870 // Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. 1947. № 2.

[494] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 682. Л. 143.

доходов монастырей»[495] отменяло льготу 1945 г. (пункт 4 постановления СНК от 29 августа 1945 г. № 2215), освобождающую монастыри от земельной ренты и налога со строений, и устанавливало завышенные ставки по земельному и подоходному налогам[496].

Трудовое положение работников религиозных организаций формально определялось Кодексом законов о труде РСФСР 1922 г. (в редакции многочисленных изменений 1940-х – 1970-х гг.), который декларировал, что регулирует труд «всех рабочих и служащих» (без специальных оговорок о религиозных организациях). Это позволяло наемным лицам при религиозных организациях заключать трудовые договоры, платить подоходный налог по обычной ставке[497] и пользоваться общими гарантиями, установленными трудовым законодательством (рабочее время, отпуск, охрана труда). Такие трудовые договоры должны были заключаться с участием профсоюзов[498], причем работники (уборщицы, сторожа, дворники, истопники)[499] относились к ведению профсоюза рабочих коммунального хозяйства[500].

Иными словами, статус лица с точки зрения советского трудового законодательства зависел от наличия/отсутствия формального трудового договора. Поэтому священно- и церковнослужители в данном случае оказывались

---

[495] О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей : Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. № 1160 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 35.

[496] С 1 октября 1958 г. ставка подоходного налога с монастырских земельных участков была установлена в 40 рублей с 1 сотки (Постановление Совета Министров РСФСР от 6 ноября 1958 г. № 1251 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 35).

[497] Об изменении пункта 8 Постановления Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» : Постановление Совета Министров СССР от 13 марта 1963 г. № 284. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4155#lDO9ITVGyxkZyeU71 (дата обращения: 20.05.2026). Режим доступа: по расписанию.

[498] О распространении законодательства о труде на лиц, работающих в качестве рабочих и служащих в религиозных организациях : Постановление Совета Министров СССР от 23 мая 1956 г. № 686 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 50.

[499] О перечне лиц, работающих в религиозных организациях, на которых распространяется законодательство о труде : Постановление Президиума ЦК профсоюза рабочих местной промышленности и коммунального хозяйства от 21 августа 1962 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 52–53.

[500] Постановление Секретариата Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 5 октября 1956 г. Протокол № 20 // Бюллетень ВЦСПС. 1956. № 19. С. 5.

вне кодифицированного правового поля, в то время как технический и обслуживающий персонал включался в систему КЗоТ.

Для преследования священнослужителей с их «нетрудовыми доходами», «спекуляциями» и «тунеядством» использовался и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»[501], формально не имевший отношения к духовенству.

В отношении правовых оснований осуществления религиозной образовательной деятельности необходимо отметить, что на протяжении всего советского периода действовали нормы декрета об отделении церкви от государства 1918 г.[502] Кроме того, постановлением Народного комиссариата имуществ от 14 января 1918 г. учебные заведения Православной церкви были переданы в ведение Народного комиссариата просвещения. После принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. к священникам, преподающим религиозное вероучение в государственных школах, применялись меры уголовной ответственности (ст. 121 – принудительные работы на срок до одного года)[503]. К этому времени были уже закрыты все православные духовные семинарии и академии.

Постановление 1929 г.[504] подтверждало ограничение права граждан на религиозное обучение, формально разрешая его лишь для лиц, достигших 18-летнего возраста, и исключительно на «специальных богословских курсах» (статья 18). На их открытие требовалось особое разрешение властей, и фактически какой-либо сети духовных школ в довоенный период так и не сформировалось.

---

[501] Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 4 мая 1961 г. // ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 13. Д. 1235. Л. 175–178. Подлинник. Машинопись.

[502] Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

[503] О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

[504] О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

В 1943 г. во время встречи с тремя митрополитами И.В. Сталин дал личное разрешение на открытие семинарий и богословских курсов. Вслед за этим СНК СССР постановлением от 28 ноября 1943 г. № 1324 разрешил для подготовки духовенства открыть в Москве богословско-пастырские курсы и богословский институт (срок обучения 2 и 3 года соответственно), программы обучения в них в целом соотносились с программами духовных семинарий и академий (в 1946 г. они были преобразованы в таковые с увеличением срока обучения). Светские дисциплины в программах отсутствовали, но, согласно договоренности, предусматривалось изучение Конституции СССР и основ законодательства о религии.

В организационном плане духовные школы РПЦ стремились ориентироваться на дореволюционные образцы, как указывает архимандрит Митрофан (Божко), сравнивающий уставы Киевской духовной семинарии 1884 и 1946 гг.[505]

Большинство открытых религиозных образовательных учреждений (в 1944–1945 гг. они начали действовать в Москве, Ленинграде, Саратове, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке, Львове и Одессе[506]), впрочем, впоследствии были вновь закрыты властями.

В некоторых случаях руководство Советского Союза изначально не поддерживало ходатайства об открытии семинарий. Обращение патриарха Алексия I (Симанского) от 26 июля 1945 г. относительно семинарии в г. Вильнюсе[507] было отклонено В.М. Молотовым, который написал осторожную

---

[505] *Митрофан (Божко), архім*. Особливості структурно-функційної організації духовних семінарій за радянських часів (на прикладі Київської духовної семінарії) // Київські історичні студії. 2024. № 2 (19). С. 55–63. DOI: 10.28925/2524-0757.2024.27.

[506] Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в г. Саратове : Постановление СНК СССР от 10 мая 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 304 б ; Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 37 ; Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в гг. Киеве, Ленинграде, Львове, Луцке, Минске, Одессе и Ставрополе : Постановление СНК СССР от 22 марта 1945 г. № 511-147с // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 1.

[507] С политическим аргументом: «мною будут даны указания относительно усиления в соответствующих отделах догматического богословия и церковной истории полемического

резолюцию: «Вы поторопились. Надо обдумать это дело, – как это отзовется на католической церкви и т.п.»[508]

20 июня 1946 г. Синод РПЦ (журнал № 17) одобрил Положение о православных духовных академиях и духовных семинариях, Положение о православных духовных академиях, Положение о православных духовных семинариях[509]. После этого 26 июня 1946 г. Алексий направил эти документы Карпову как «проекты» и просил его «ходатайства в соответствии с учреждением духовных академий о переименовании существующих ныне пастырских школ в духовные семинарии»[510].

Заложенный в этот период государством правовой подход к регулированию религиозного образования оставался в последующие советские годы неизменным.

Возможность же для религиозных объединений иметь полный спектр образовательных структур, от воскресных школ до духовных образовательных учреждений была восстановлена уже в 1990 г. с принятием Закона СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-I «О свободе совести и религиозных организациях» (статьи 6 и 11) и Закона РСФСР «от 25 октября 1990 г. 267-1 «О свободе вероисповеданий» (статьи 9 и 17).

Особенности соотношения союзного и республиканского правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

Необходимо отметить, что правовое регулирование отношений государства и религиозных организаций на уровне союзных республик в рассматриваемый период в целом носило достаточно фрагментарный характер. Это дало

элемента против католических уклонений». См.: ГАРФ. Ф. Р-6991. От. 1. Д. 30. Л. 95. Адресованный правительству аргумент о том, что одной из политических задач РПЦ (в ее «сфере компетенции») является использование инструментов образования для интеграции западной части страны, звучит в письмах патриарха Алексия в Совет неоднократно.

[508] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 30. Л. 98–99.

[509] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 34 а. Л. 68 об. ; Д. 37. Л. 19–21 ; Д. 37. Л. 16–17 об.

[510] Совет посчитал преобразование и «восстановление привычных для духовенства названий духовных учебных заведений целесообразным» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 176–177. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 164–165).

российским исследователям основания полагать, что правовое положение религиозных объединений в республиках СССР в основном регулировалась нормами правовых актов РСФСР, а также (по соответствующим вопросам) постановлениями Совета народных комиссаров (Совета Министров), а собственные республиканские акты появились только во второй половине 1970-х гг.[511] По-видимому, это предположение в том числе базировалось на том факте, что единственный доступный сборник, систематизирующий в форме инкорпорации советское законодательство о религиозных культах (под редакцией В.А. Куроедова, 1971 г.), содержит лишь ограниченное количество текстов республиканских правовых актов.

Однако в действительности в ряде республик СССР наряду с союзным (в том числе «модельным» для общей государственной религиозной политики Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях») существовало и собственное регулирование многих аспектов правового положения религиозных объединений. Обстоятельный анализ республиканского законодательства не является предметом настоящего исследования и требует отдельного изучения.

Отметим лишь, что в Украинской СССР многие нормы законодательства о культах содержались в Административном кодексе 1927 г. (статьи 350–375), а отдельные аспекты их применения конкретизировалось Инструкцией Секретариата Президиума ЦИК УССР от 23 июня 1932 г.[512], которая в том числе устанавливала детальный порядок регистрации религиозных обществ, заключения и расторжения договоров о пользовании культовыми зданиями и осуществления контроля со стороны местных властей.

---

[511] *Белякова Н.А*. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР : проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 125.

[512] См.: Про порядок організації, діяльності, звітності та ліквідації релігійних громад і про систему обліку адміноргапами складу релгромад та служителів культу : Інструкція Секретаріату президії ВУЦВК від 23 червня 1932 р. // Збірник узаконень та розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України.1932. 23 червня ; Законодавство про релігійні культи (збірник документів і матеріалів). К. : Політвидав України, 1971. С. 186.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 1 ноября 1976 г. было утверждено Положение о религиозных объединениях в Украинской ССР. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета УССР от 16 ноября 1976 г. были внесены изменения в Инструкцию 1932 г.

Также в УССР, как и в других союзных республиках, существовала административная и уголовная ответственность за нарушение законодательства о религиозных культах.

В Белорусской ССР было принято некоторое количество республиканских актов по отдельным вопросам деятельности религиозных объединений, в том числе 5 мая 1928 г. была издана Инструкция Народных комиссариатов внутренних дел и юстиции БССР «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР»[513], а также ряд более поздних актов[514].

Вместе с тем зачастую республиканские правовые акты содержали нормы, несколько отличающиеся от предусмотренных законодательством РСФСР, в том числе постановлением 1929 г. Первые попытки гармонизации союзного и республиканского законодательства относятся к 1960 г., когда Юридическая комиссия при Совете Министров СССР[515] по указанию ЦК КПСС (постановление от 18 января 1960 г.) рассмотрела подготовленный Советами по делам РПЦ и по делам религиозных культов при Совете Министров СССР проект инструкции по применению законов и постановлений Правительства СССР, касающихся религиозных культов (утвержденной в 1961 г.)[516].

---

[513] По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР : Инструкция Народных комиссариатов внутренних дел и юстиции БССР // *Орлеанский Н.* Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М. : Безбожник, 1930. С. 184–187.

[514] *Розенбаум Ю.А.* Советское государство и церковь. М. : Наука, 1985. С. 47.

[515] Созданная в 1941 г., комиссия просуществовала до 1970 г., а с 1956 г., после упразднения Министерства юстиции СССР, была наделена часть функционала союзного органа юстиции, в частности – функциями по систематизации и законодательства (см.: Об утверждении Положения о Юридической комиссии при Совете Министров СССР: Постановление Совмина СССР от 13 июня 1958 г. № 635 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1958. № 10. Ст. 89).

[516] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–199.

При изучении вопроса Юридическая комиссия установила, что «законов СССР (кроме Конституции СССР), касающихся религиозных культов, нет», а в изданных постановлениях и распоряжениях Правительства СССР решаются лишь некоторые вопросы, «относящиеся главным образом к открытию церквей и молитвенных домов, организации и функционированию монастырей, порядку обложения налогом доходов предприятий епархиальных управлений и служителей культов»[517]. Что касается прочих вопросов (порядка организации, регистрации и ликвидации общин, выборов исполнительных органов, их текущей финансово-хозяйственной деятельности, осуществления государственного надзора и проч.), по ним лишь в некоторых союзных республиках изданы правовые акты.

В частности, выяснилось, что в Азербайджанской, Узбекской, Молдавской, Таджикской и Латвийской ССР, за исключением их конституций, законодательство о культах практически отсутствует, имеются «лишь несколько разрозненных актов по мелким вопросам».

При этом с юридической точки зрения нельзя было говорить о том, чтобы на территории этих республик в данном случае действовало законодательство РСФСР (например, постановление 1929 г.), поскольку не было принято и нормативных актов, распространяющих на их территорию действие законодательства других союзных республик. В отличие от них, Президиумы Верховных Советов Киргизской и Казахской ССР в 1937 г. приняли постановления о том, что действовавшее на их территории до принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. законодательство РСФСР сохраняет свою силу до отмены его или издания нормативных актов по тем или иным вопросам соответствующими компетентными республиканскими органами[518].

Наиболее удовлетворительной была признана ситуация с правовым регулированием государственно-религиозных отношений в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. В Грузинской же, Литовской, Туркменской и Эстонской ССР,

---

[517] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 109.
[518] Там же. Л. 109–110.

несмотря на наличие ряда актов, не были на законодательном уровне решены многие важные вопросы[519].

При этом существовала республиканская специфика в отношении конкретных установленных требований. Так, если в РСФСР для организации религиозного общества требовалось не менее 20 заявителей, то в Грузинской ССР было достаточно 7 человек (Постановление Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 21 ноября 1924 г. «О порядке открытия церквей и регистрации религиозных обществ»), а в УССР, БССР и Туркменской ССР было необходимо не менее 50 верующих[520]. В Эстонской ССР (Временная инструкция по организации деятельности религиозных обществ, утвержденная постановлением СНК Эстонской ССР от 5 июля 1945 г.) вообще не указывалось необходимое число заявителей[521].

Имелись расхождения в части порядка регистрации религиозных обществ, как с точки зрения уполномоченных органов, так и в отношении представляемого пакета документов (например, в БССР этот список документов был самым длинным, а саму регистрацию производили органы НКВД)[522].

При этом в РСФСР подлежали регистрации как религиозные общества, так и религиозные группы, власти же УССР регистрировали лишь первые, а религиозные группы брали «на учет».

Среди других различий Юридическая комиссия указала на порядок избрания и состав исполнительных органов религиозных обществ, практику учета религиозных объединений, разрешенный формат сбора пожертвований вне молитвенных зданий, устройств шествий и церемоний, процедуру ликвидации общин и др.[523]

На основании проведенного анализа союзных и республиканских правовых актов в отношении религии комиссия установила, что некоторые их положения

---

[519] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 110.
[520] Там же.
[521] Там же. Л. 111.
[522] Там же. Л. 112–113.
[523] Там же. Л. 113–117.

устарели и должны быть пересмотрены. Также она рекомендовала уточнить вопрос о праве религиозных общин приобретать в собственность транспортные средства, строения и предметы культа (в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР от 22 августа 1945 г. и от 28 января 1946 г.)[524].

Таким образом, в процессе работы над проектом инструкции по применению актов Правительства СССР возникла проблема, поскольку правительственные постановления касались лишь незначительной части законодательства о религиозных культах. Систематизация действовавших к 1960 г. правовых норм предполагала издание акта, который основывался бы и на союзном, и на республиканском законодательстве.

Но при этом, с учетом существенных различий законодательств союзных республик, единая для всего Союза новая инструкция становилась уже не просто разъяснявшим комментарием к действовавшему законодательству, а актом, устанавливавшим новые нормы и правила по вопросам, которые относились к компетенции органов власти разных уровней, и в том числе к компетенции Совета Министров СССР.

Такой акт не мог быть утвержден Советами по делам РПЦ и по религиозным культам без специального поручения Совета Министров СССР, а последний, в свою очередь, по своему статусу не должен был давать разъяснений по применению законодательства, тем более законодательства союзных республик.

Поскольку изначально постановление ЦК КПСС поручило разработку и издание инструкции именно Советам по делам РПЦ и по делам религиозных культов, Юридическая комиссия предложила обратиться в ЦК за разрешением издать от имени двух Советов и по поручению Совета Министров СССР Инструкцию по применению законодательства о религиозных культах, базирующуюся как на союзном, так и на республиканском законодательстве.

---

[524] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 117.

После этого предлагалось обратиться в Совет Министров СССР с предложением принять постановления по некоторым вопросам, касающимся религиозных культов[525].

Издание новой Инструкции фактически ознаменовало начало перехода государственной антирелигиозной политики из режима принятия актов и указаний ad hoc к большей стабилизации и устойчивости правового регулирования.

Среди более поздних актов важно также упомянуть Инструкцию об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа от 31 октября 1968 г., а также существенное внесение изменений в постановление 1929 г. изданным 23 июня 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР[526]

В целом на этом этапе правовое регулирование государственно-религиозных отношений приобретает черты сформировавшейся регулятивной системы, которая закрепляла порядок взаимодействия Совета по делам религий и его уполномоченных с местными властями, унифицировала требования к регистрации общин, порядок использования культовых зданий и иного имущества отчетности религиозных общин и духовенства, уточняла процедуру контроля за соблюдением законодательства о культах. При этом сами базовые ограничения, закрепленные постановлением 1929 г., не пересматривались.

С точки зрения институционального анализа можно говорить о формировании в 1960–1970-е гг. стабильного административно-правового режима, в котором взаимодействие государства и церкви становится максимально бюрократизированным. Советская власть действовала в рамках формально закрепленных процедур, однако пределы административного усмотрения оставались широкими (особенно на уровне местных органов). Участие РПЦ в

---

[525] ГАРФ. Ф. Р-9514. Оп. 1. Д. 170. Л. 118–119.

[526] О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. № 27 (873). 3 июля 1975 г.

общественной жизни по-прежнему допускалось лишь в строго очерченных для нее пределах, определявшихся текущими установками партийных органов и возможностями Совета по делам религий.

Соотношение открытого и секретного нормотворчества, а также правовых и неправовых актов, регулировавших отношения государства и церкви в 1940-х – 1980-х гг.

Отдельного внимания в рамках нашего исследования требует дифференциация открытого и секретного правового регулирования, а также учет актов неправового характера, имевших не меньшее, а зачастую даже большее значение для советской системы правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Анализ нормативно-правовой базы 1940-х – 1980-х гг. показывает, что значительная часть актов (постановления Совнаркома/Совета Министров, указы Президиума Верховного Совета и проч.) публиковалась в официальных изданиях – Собрании законов, Ведомостях Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР и др. Эти опубликованные правовые акты составляли видимую часть формального регулирования.

Наряду с этим существовал целый массив нормативных правовых актов по вопросам религии, имевших гриф секретности. Упомянем в качестве примеров лишь два таких акта: секретное распоряжение Совета Министров СССР от 18 октября 1950 г. № 16603-рс, которым Военному министерству СССР было поручено предоставить отсрочки всем учащимся семинарий и академий[527], а также секретное Постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах».

Наконец, особо выделим документы, имеющие ключевое значение для анализа формальной стороны регулирования государственно-религиозных отношений в СССР, но вместе с тем не являющиеся частью нормативной базы в узком смысле: как акты ненормативного характера (акты о передаче конкретных

[527] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 606. Л. 41.

объектов, выделении средств, циркуляры и директивы в адрес отдельных органов и проч.), так и акты неправовые (например, постановления ЦК КПСС). Они в большинстве также имели закрытый (секретный или просто непубличный, но без присвоения грифа) характер. Именно эти акты определяли практическую трактовку различных правовых норм. В таблицах они представлены через архивные шифры, пометы «секретно» или отсутствие сведений о публикации.

В обобщенном в виде различие между открытыми и секретными актами можно описать следующим образом: открытые правовые акты закрепляли общие процедуры и устанавливали рамки допустимого поведения (регистрация, отчетность, общие основания для закрытия общин и др.), в то время как непубличные конкретизировали интенцию центральных органов власти, задавая конкретное направление правоприменения, ограничения и целевые ориентиры.

В результате реальный административно-правовой режим существовал в форме «двойной нормативности»: официально действовали гарантированные конституцией и подзаконными актами процедуры свободы совести и регистрации религиозных объединений, а на уровне скрытого нормотворчества и административной практики эти гарантии существенно сужались и переинтерпретировались.

Полноценную количественную оценку соотношения открытых и закрытых актов на основании доступной в настоящее время информации произвести достаточно трудно. Тем не менее с точки зрения качественного анализа можно утверждать, что, с одной стороны, массив опубликованных правовых актов в целом доминирует по количеству, но, с другой стороны, наиболее жесткие и чувствительные элементы регулирования чаще закреплялись в секретных документах.

В период до конца 1930-х гг. в нормативно-правовой базе преобладают открытые акты, в основном – декреты и постановления. С 1940-х гг. основополагающие акты, касающиеся структуры государственного управления и правового статуса РПЦ также по большей части представлены в открытых

публикациях. Начиная с 1950-х гг. существенно растет доля актов, относящихся к секретному (закрытому) нормотворчеству.

Описанные особенности нормотворчества в СССР не ускользали от внимания зарубежных исследователей. Юджин Хаски в 1990 г. отмечал, что советская нормотворческая деятельность «примечательна своим масштабом, секретностью и нежеланием соблюдать основные принципы рациональности, такие как иерархия и дифференциация»[528].

В этом, по мнению Л. Мецля (Lothar Meztl), сыграло важную роль общее мировоззрение советского политического руководства, которое было склонно приписывать тайные замыслы как своим партнерам, так и противникам. Так же и члены партии, согласно Уставу КПСС, были обязаны «проявлять бдительность по охране партийной и государственной тайны», и эта обязанность делала их восприимчивыми к информации о разного рода заговорах, поощряла недоверие к Западу. Институциональным же воплощением этой точки зрения был Комитет государственной безопасности[529]. Кроме того, секретность становилась способом сохранения властной монополии и сокрытия собственных ошибок, параллельно способствуя конструированию вызовов и угроз.

Политика информационной закрытости «была нацелена на установление тотального контроля над информационным полем, что должно было обеспечиваться избыточной секретностью, цензурой и жестким контролем над распространением информации»[530].

Секретность правотворчества искажала правовые отношения как между гражданином и государством, так и внутри самого государства, а также способствовала расширению дискреционных полномочий представителей власти. Правовое регулирование вопросов религии не являлось исключением. Важнейшие

---

[528] *Huskey E*. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika // Law & Social Inquiry. 1990. Vol. 15, issue 3. P. 419–432.

[529] *Meztl L.* Reflection on the Soviet Secret Police and Intelligence Services // Orbis. 1974. Vol. 18, No. 3. P. 942.

[530] *Парамонов В.Н*. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–126.

правовые акты, инструкции и т.п., имея секретный характер, не были известны общественности.

Откуда советский верующий человек мог узнать нюансы законодательства о религии? Во многом единственным источником для него являлась Конституция СССР с ее декларативными нормами о религиозной свободе.

Помимо этого, отдельные редкие упоминания правового статуса религиозных объединений присутствовали в многочисленной атеистической литературе (пропагандистского характера), доступ же к конкретным правовым актам для большинства граждан отсутствовал. Увидевшая свет в 1971 г. брошюра под редакцией председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова[531] имела ограничительную пометку «для служебного пользования» и не была доступна обычным гражданам.

Нужно отметить, что степень готовности советского государства обнародовать законодательство о религии различалась в зависимости от колебаний государственной политики в этой сфере. Обращает на себя внимание обилие правовых актов, инструкций и разъяснений о религии и церкви, изданных советским государством до 1929 года. Этот «поток юридического творчества» полностью иссяк после выхода постановления ВЦИК и Совнаркома «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.[532]

После 1943 г., когда советская власть шла навстречу многим пожеланиям церкви и даже предупреждала некоторые из них (например, касающиеся материального положения РПЦ), вопросы доступности нормативно-правовой базы в сфере государственно-религиозных отношений заинтересованной стороной (иерархией и обычными верующими), практически не поднимались. Впрочем, и после ужесточения религиозной политики в правление Н. Хрущева в публичных конфликтах с ее участием РПЦ и верующие не могли опираться на какие-либо правовые акты, кроме самой Конституции и нескольких основных известных постановлений.

---

[531] Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов.
[532] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 25–26.

В брежневский период ситуация несколько изменилась (хотя и не кардинально). Если не сами правовые акты, то хотя бы трактовка советского законодательства была представлена в нескольких книгах Куроедова[533], а также в различной антирелигиозной литературе, которая была призвана «очистить» от «буржуазной клеветы» государственную политику в этой сфере.

Священнослужители РПЦ с точки зрения информированности о законодательстве находились в чуть лучшем положении. В духовных школах подробно изучали Конституцию СССР в целях «усиления воспитательной работы в духе советского патриотизма, уважения к советским законам, высокой гражданственности»[534], изучали и основы законодательства о религиозных культах.

Но полноценного представления о нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность церкви, не имело даже высшее церковное руководство. Пояснения по отдельным секретным аспектам законодательства давались духовенству через Совет. Так, первый председатель Совета Г.Г. Карпов ставил патриарха Сергия (Страгородского) в известность о постановлении Совнаркома, определявшем порядок открытия церквей[535].

Епархиальное духовенство, в свою очередь, информировали региональные уполномоченные Совета. Именно в ходе личных коммуникаций с представителями власти духовенство и активные члены православных общин формировали свое понимание советского законодательства о религии.

Когда в 1949 г. архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий) попросил у уполномоченного по Крымской области копии зачитанных епархиальному секретарю нормативных актов, которые касались налогообложения приходов и духовенства («Неужели эти документы секретные?»), тот ответил: «Вам иметь

---

[533] Напр.: *Куроедов В.А*. Религия и церковь в советском обществе. М. : Изд-во полит. литературы, 1984. 256 с.

[534] О состоянии контроля за деятельностью духовных учебных заведений в РПЦ : Отчет уполномоченного Совета по делам религий по Московской области А.А. Трушина от 21 сентября 1972 г. № 21/134 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 474. Л. 52–55.

[535] *Одинцов М.И*. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского)… С. 646.

копии этих документов не обязательно, да и не нужно, все вопросы, возникающие у вас, нужно ставить через меня, о чем я вас неоднократно предупреждал»[536].

В результате церковные наблюдатели констатировали, что источником церковного права становилось «советское законодательство о религиозных культах в истолковании уполномоченных»[537].

На практике многочисленные подзаконные акты, имевшие секретный характер и ограничивавшие деятельность религиозных объединений, продолжали действовать до 1988 г.[538] Принципиальный характер в вопросе регистрации имели, например, Инструкция по применению законодательства о религиозных культах 1961 г. и Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа от 31 октября 1968 г.

При этом на «внешнем контуре» государство активно убеждало международную общественность в наличии в СССР религиозной свободы теми же ссылками на положения Конституции, заявляло о свободе религии и отсутствии преследований верующих в СССР, а в качестве орудия пропаганды использовало в первую очередь самих представителей РПЦ.

Таким образом, для советской власти было важным декларировать соблюдение конституционного принципа религиозной свободы на внешнюю аудиторию. При этом аудитория внутренняя (в полном соответствии с общими установками советского законотворчества) не рассматривалась властями как адресат: никто, включая самих представителей РПЦ, не знал всего массива правовых актов в этой сфере.

* * *

---

[536] Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1949 года. 1 апреля 1949 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–14, 35. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 182.

[537] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 62.

[538] *Белякова Н.А*. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР : проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 125.

Особенностью советского законодательства о культах в 1940-х – 1980-х гг. был разрыв между провозглашаемыми конституционными актами нормами о свободе совести и реальным правовым регулированием государственно-религиозных отношений, которое носило ограничительный и антирелигиозный характер. Менялась при этом в основном тактика советской власти: от жесткого преследования религии до противодействия ей средствами просвещения и научно-атеистической пропаганды, а в конце советского периода – до осознания неизбежности присутствия религии в социалистическом обществе.

Указанный дуализм являлся не случайным противоречием, а структурным элементом советского правопорядка, обеспечивавшим возможность гибкого применения ограничительных мер в отношении религиозных объединений – одним из проявлений доминировавшего в советской правовой системе «прерогативного» права. Нормы, непосредственно регулировавшие отдельные аспекты правового статуса религиозных общин и соответствующие полномочия государственных органов, имели рамочный характер, создавая беспрецедентно широкие пределы административного усмотрения. Важнейшей же частью государственного регулирования стало издание партийным и советским руководством секретных актов, инструкций и указаний, которые нередко вводили порядок, напрямую противоречивший нормам законодательства.

Фактически государство в исследуемый период инструментализировало нормы законодательства о религиозных объединениях, используя их в качестве средства подавления конкурирующего церковно-канонического правопорядка.

Религиозные объединения при этом вынужденно существовали в ситуации дефицита правовой информации, имея возможность лишь сопоставлять положения Конституции и нормы постановления 1929 г. с практикой применения законодательства органами власти на местах.

§ 2.2. Советские партийные и государственные органы в системе правового регулирования государственно-религиозных отношений: структура, функции и взаимодействие

В настоящем параграфе проанализированы особенности системы государственных институтов, формировавших правовую политику, участвовавших в процессе нормотворчества и правоприменении, их полномочия и функции в отношении взаимодействия с религиозными организациями.

Партийно-государственная система управления религией представляла собой многоуровневую вертикаль. Политический сигнал на союзном уровне, как правило, проходил через своеобразную четырехчастную властную вертикаль: ЦК КПСС (Политбюро, отдел агитации и пропаганды ЦК) – Совет Министров – Совет по делам религий – 4-й отдел 5-го Управления КГБ СССР. Каждая из составляющих этой системы имела свои особенности, установленные законом полномочия, а также полномочия неформальные, и играла определенную роль в процессе принятия или исполнения вышестоящих решений.

Высший политический уровень: ЦК КПСС и идеологический блок

ЦК КПСС (Политбюро, Секретариат, отдел агитации и пропаганды, отдел по связям с зарубежными компартиями) определял стратегическую линию в отношении религии. Эта сфера была для ЦК частью общей идеологической политики. Принимаемые на высшем партийном уровне решения, в том числе изменяющие правовой режим, были обязательны для органов государственной власти.

В «сталинской» Конституции 1936 г. (статья 126) отмечалось, что «наиболее активные и сознательные граждане… добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и

представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Конституция СССР 1977 г. в знаменитой статье 6 называла КПСС «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», которая определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа».

Формально верховным органом Коммунистической партии был ее съезд (часть IV, статья 30 Устава КПСС)[539], но все остальное время всей партийной деятельностью руководил Центральный комитет (статья 34)[540]. В том числе ЦК КПСС осуществлял «подбор и расстановку» руководящих кадров, направлял работу центральных государственных и общественных организаций через партийные группы в них, создавал различные органы, учреждения и предприятия партии и руководил их деятельностью[541].

С точки зрения формальных полномочий ЦК КПСС принимал постановления, утверждал проекты необходимых нормативных правовых актов, принимал кадровые решения относительно руководства Совета по делам религий, по ключевым партийным и государственным должностям в идеологической сфере.

К неформальным полномочиям ЦК фактически относилось согласование кандидатур высшего церковного руководства (патриарх, епископат), в том числе через закрытые согласительные процедуры с участием партийных, советских и «силовых» органов, определение «допустимых рамок» церковной активности. Крупные антирелигиозные кампании (закрытия храмов, ужесточения процедур и контроля и т.д.) также начинались по указанию ЦК КПСС.

---

[539] Устав Коммунистической партии Советского Союза (утвержден XXII Съездом, частичные изменения внесены XXIII Съездом КПСС). М. : Изд-во полит. литературы, 1966. С. 15.
[540] Устав КПСС… С. 16.
[541] Там же.

Все остальные звенья властной вертикали – Совет по делам религий, Совет Министров, КГБ/МВД, – действовали в русле установок ЦК, нередко на основании секретных директив.

Таким образом, полномочиями ЦК КПСС в религиозной сфере, хотя и не опиравшимися на специализированные нормы законодательства, можно назвать определение стратегического вектора государственной политики и контроль за ее осуществлением. Что касается указаний ЦК КПСС (как правило, содержащихся в постановлениях и решениях ЦК по идеологическим вопросам), то они, в свою очередь, имели квазинормативный характер.

По итогам прохождения через властные инстанции политический «сигнал сверху» доводился до сведения Московской патриархии. После учреждения Совета по делам Русской православной церкви сложилась следующая практика. Обо всех своих встречах и переговорах с патриархом председатель Совета Г.Г. Карпов докладывал, как правило, заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову, а в некоторых случаях, по подсказке последнего, писал официальные рапорты на имя И.В. Сталина. Получая письменные или устные распоряжения от этих руководителей, Карпов и выстраивал свою линию поведения в отношении РПЦ. При этом «председателю приходилось лавировать, скрывая свои действия от “любопытствующих” под грифом “секретно” или “для служебного пользования”»[542].

Что касается роли органов государственной безопасности, то, как показали Н. Пивоваров и А. Попов, во взаимоотношениях высшего партийного руководства и КГБ имела место достаточно гибкая модель взаимодействия. В рамках этой модели «органы государственной безопасности предоставляли ЦК партии ограниченную информацию о своей деятельности в отношении религиозных

---

[542] *Одинцов М.И.* Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение партиарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» : Политическая энциклопедия, 2022. С. 650.

объединений страны, адаптируя ее к собственным представлениям об актуальных на тот момент трендах советской религиозной политики»[543].

Хотя в целом МГБ/КГБ был подотчетен партийным органам, в определенные моменты советской истории спецслужбы, как обращают внимание некоторые исследователи, проявляли заметную самостоятельность «и могли явно или исподволь навязать свою точку зрения партийному руководству». Более того, «обладая монополией на сбор и представление в высшие инстанции сведений о религиозной жизни страны, руководство спецслужб в определенной степени имело развязанные руки в интерпретации представляемой высшему руководству информации»[544].

Система обратной связи был выстроена, в целом, аналогичным образом, но реакцию церковной иерархии до советского руководства доносил Совет по делам религий.

Верховный Совет и Совет Министров СССР, высшие органы власти союзных республик

Верховный Совет СССР являлся высшим органом государственной власти (статья 30 Конституции СССР 1936 г. и статья 108 Конституции СССР 1977 г.) и выполнял функцию формального законодателя (статьи 32 и 108 соответственно). В период между его сессиями функции высшего органа власти осуществлял Президиум Верховного Совета СССР (статьи 49 и 122 соответственно).

Полномочия Верховного Совета СССР в религиозной сфере были заданы опосредованно через его законотворческую функцию. Его роль проявлялась через принятие законов и указов и постановлений Президиума, в том числе определявших правовое положение религиозных обществ или отдельных

---

[543] *Пивоваров Н.Ю., Попов А.Д.* Словом и делом : религиозный вопрос в сообщениях органов государственной безопасности в ЦК ВКП(б)/КПСС (1950-е – первая половина 1960-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 6 (116).

[544] *Беглов А.Л., Белякова Н.А.* Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве.

верующих[545], а также в ратификации международных договоров СССР[546]. То есть Верховный Совет СССР не занимался оперативным регулированием, а задавал рамочную нормативную основу законодательства.

На республиканском уровне действовали верховные советы союзных республик, которые выполняли аналогичные функции высшего республиканского органа власти и законодателя (принятие законов, постановлений)[547]. В промежутках между их сессиями также действовали президиумы верховных советов советских республик (указы и постановления президиумов). Например, в числе важнейших правовых актов РСФСР в сфере государственно-религиозных отношений – указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. «Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях»[548], от 18 марта 1966 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах»[549] и др.

В основном же, в силу специфики советского регулирования сферы религии и отсутствия специального закона, формальные рамки правового статуса религиозных объединений и государственно-религиозных отношений задавал

---

[545] О подоходном налоге с населения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. С. 327–335.

[546] Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (приняты 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля 1976 г. № 17. Ст. 291.

[547] В качестве законодателя, например, Верховный Совет РСФСР принял КоАП РСФСР : Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утвержден Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

[548] Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 13. Ст. 166.

[549] Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 12. Ст. 219.

Совет Министров (до 1946 г. – Совет народных комиссаров) СССР[550] и, в пределах их компетенции, советы министров союзных республик. Указы, постановления, распоряжения Совета Министров касались непосредственно полномочий органов государственной власти, правосубъектности религиозных объединений, вопросов практического применения законодательства о религии: порядка регистрации общин, налогового и имущественного режима, запретов на определенные виды деятельности (образовательной, благотворительной) и т.д.

В реальности Совет Министров нередко оформлял решения, уже принятые в партийных инстанциях. Издаваемые им нормативные правовые акты лишь закрепляли те ограничения и режим контроля, которые вырабатывались ЦК и органами государственной безопасности.

Совет по делам религий при Совете Министров СССР[551]

Совет по делам Русской православной церкви, созданный Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР»[552], а в 1965 г. объединенный с Советом по делам религиозных культов в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР[553], представлял собой специальный орган, хотя и не входивший в систему наркоматов (министерств), но подотчетный правительству,

---

[550] О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик : Закон от 15 марта 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 35. Д. 13а. Л. 5 ; Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 10.

[551] До 1965 г. – Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров (Совете народных комиссаров) СССР.

[552] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179. Подлинник. Машинописный текст. Подписи – автографы И.В. Сталина, Я.А. Чадаева. Положение о Совете по делам РПЦ утверждено постановлением Совета народных комиссаров СССР от 7 октября 1943 г. № 1095 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779. Л. 26–28.

[553] О преобразовании Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР : Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. // Собрание постановлений Правительства СССР за 1965 г. № 1-25. Ст. 221. М. : Юрид. лит., [б. г.] ; Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 4–8.

а фактически – тесно связанный с ЦК КПСС и органами государственной безопасности.

Его целью было «последовательное осуществление» политики Советского государства в отношении религии[554].

Формальная сторона его полномочий включала осуществление связи «между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения правительства СССР», контроль за исполнением законодательства о культах, материальным положением церковных общин (аренда зданий, ремонт, строительство), ведение учета и регистрации приходов, монастырей и других структур РПЦ, проверку правильности применения законодательства о культах, подготовку заключений по проектам союзных законодательных актов[555], различных аналитических материалов (справок и предложений) для ЦК и Совета Министров по вопросам религиозной политики.

Совет имел право (пункт 4 Положения от 10 мая 1966 г.) давать обязательные предписания об устранении нарушений законодательства о культах, ставить вопрос о привлечении к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности, не только давать органам власти разъяснения по применению законодательства о культах, но и входить с представлениями об отмене противоречащих законодательству правовых актов[556].

Использование РПЦ в интересах советской внешней политики («содействие в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, укрепление дружбы между народами») было также описано в качестве одной из основных задач Совета по делам религий в Положении о нем[557].

---

[554] Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (утверждено постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 4.
[555] Там же. С. 4–5.
[556] Там же. С. 5.
[557] Там же. С. 4.

У истоков организации Совета (как и самой идеи легализации церкви в 1943 г.) стояли органы государственной безопасности – с подачи И.В. Сталина[558], а сам Совет в первые годы существования во многом был укомплектован кадрами из спецслужб[559]. На это косвенно указывает и тот факт, что в 1940-х гг. позиция Совета в вопросе открытия храмов часто дублировала позицию НКГБ[560]. Кроме того, не только сам Г.Г. Карпов, но и его заместитель подполковник К.А. Зайцев совмещал должность в Совете с работой в органах госбезопасности[561], в частности собирал от местных уполномоченных данные о «советском подполье»[562].

Неформальные полномочия Совета включали непосредственное участие в согласовании назначений епископата и руководства центральных церковных учреждений, влияние на внутренние решения Московской патриархии, в том числе через «рекомендации» по кадровым вопросам и по содержанию церковной деятельности, «продавливание» нужных советскому государству решений и т.д. В последнем случае Совет для такого давление использовал информацию, полученную от органов госбезопасности, в том числе различные компрометирующие материалы. Кроме того, сотрудники Совета координировали издательскую деятельность Московской патриархии (прежде всего – издание «Журнала Московской патриархии»)[563].

---

[558] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 117.

[559] Г. Карпов в 1952 г. в письме на имя Г.М. Маленкова, курировавшего идеологию, отстаивал точку зрения, согласно которой «...по понятным причинам аппарат обоих Советов в своей оперативной части надо укомплектовывать из кадров органов МГБ» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 4. Цит. по: *Горбатов А.В*. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 74).

[560] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 115.

[561] При установлении должностных окладов в Совете за ними обоими сохранялись и «ранее получаемые» оклады. См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779. Л. 31.

[562] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 115.

[563] Профессор Ленинградской (и впоследствии Санкт-Петербургской) духовной академии архимандрит Августин (Никитин) вспоминал: «Статья, прошедшая через опытные руки А.С. Буевского, поступала в Совет по делам религий. Там третьестепенный чиновник из работников КГБ, имеющий о литературе и богословии такое же представление, как «заяц о геометрии», снова марал, снова вычеркивал, снова исправлял. Придирки цензуры были совершенно фантастичны. Так, нельзя было цитировать, конечно, никакие заграничные источники. Но, что более удивительно, нельзя было ссылаться и на советские источники, на книги, изданные в СССР. «Что же, выходит, что мы работаем на вас?» – говорил чиновник» (*Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 193–194).

Первый руководитель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов, как правило, рассматривается исследователями как относительно лояльный по отношению к церкви чиновник, проводивший умеренную церковную политику. Так, Т.А. Чумаченко соглашается с М.И. Одинцовым, что Карпов «внутренне отрицал» жесткий курс советского правительства, ассоциируемый с годами пребывания у власти Н.С. Хрущева: «не хотел быть его послушным исполнителем», не понимая, в чем состоит государственное значение нового подхода[564]. В том числе Карпов регулярно информировал Совет Министров и ЦК КПСС о фактах «грубого администрирования» религиозной жизни со стороны местных властей[565] и «продолжал настаивать на сохранении нормальных отношений» с РПЦ[566].

Впрочем, необходимо сказать, что при сопоставлении переписки патриарха Алексия с Советом в годы, когда его возглавлял Карпов, с одной стороны, и докладов Карпова в ЦК КПСС и Совмин – с другой, можно предположить, что степень лояльности председателя Совета по делам РПЦ по отношению к «подведомственной» ему церкви несколько преувеличена. Сам Карпов определял работу с церковью как «внешне деликатную и терпеливую», но тем не менее «жесткую»[567]. Можно предположить, что сама эта «деликатность» была для него средством установления доброжелательных отношений с церковным руководством: в сохранившемся в ГАРФ проекте первого положения о Совете по делам РПЦ в числе полномочий нового органа прямо указывается право «для осуществления возложенных задач... иметь личный контакт с патриархом, членами Синода и духовенством»[568]. В 1970-е гг. Совет также напрямую

---

[564] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. С. 13.

[565] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 39–40, 41, 115–118, 228–229. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 14.

[566] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 10–14.

[567] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 130. Л. 594 ; Оп. 132. Д. 569. Д. 199.

[568] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44. Д. 779. Л. 14.

описывал важность установления «доверительных контактов» при работе с членами Священного синода[569].

Кадры Совета (включая самого Г. Карпова) и сети уполномоченных на местах изначально в большой степени формировались из сотрудников органов государственной безопасности. Однако, судя по всему, многие из них были случайными людьми на этом фронте государственной работы[570].

Выпускник философского факультета МГУ В.Г. Подшибякин, поступивший на работу в «православный» отдел Совета в 1977 г. (и проработавший в нем до упразднения Совета в 1991 г), вспоминал, что именно в этот период сотрудников – выходцев из КГБ начали постепенно замещать гражданскими[571].

В годы перестройки руководство Совета также следовало за линией партии, более открыто выступая в защиту прав верующих и религиозных общин, а председатель Совета К.М. Харчев приобрел значительную популярность в СМИ[572].

Территориальный уровень: уполномоченные Совета

Согласно формальным принципам организации системы государственного управления религиозными вопросами ключевым звеном, реализующим на местах единую политику, были уполномоченные Совета в союзных и автономных республиках, краях и областях.

---

[569] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 277.

[570] Так, в первые годы существования структуры некоторое количество региональных уполномоченных были сняты за взяточничество. В 1950-е гг., отмечает Ю.В. Гераськин, уровень уполномоченных постепенно повышался (*Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 53).

[571] «С меня-то и началась смена кадровой политики. Всех стариков-КГБэшников стали постепенно заменять», – вспоминал В. Подшибякин. По его словам, представители спецслужб «всегда были недовольные, что религия им «жить не дает»! Надо вот бороться с ней! Я в этом плане оказался другим человеком. А что значит «бороться»? С кем? Вы же с собственным народом боретесь! Вот за это они меня и не любили»» (*Подшибякин В.Г.* Со старообрядческим духовенством я находил общий язык : интервью // Портал «Русская вера». 01.12.2015. URL: https://ruvera.ru/articles/podshibyakin_interviu_1 (дата обращения: 02.10.2025).

[572] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 57.

Назначение уполномоченных Совета на должность и освобождение от нее осуществлялось Советом по представлению областных (краевых) исполкомов[573].

Основные обязанности уполномоченных (пункт 9 Положения о Совете по делам религий от 10 мая 1966 г.)[574] состояли в осуществлении контроля за правильным применением и соблюдением законодательства о культах как религиозными объединениями, так и местными советскими органами; регистрации общин, ведении их учета, согласовании открытия и закрытия храмов, молитвенных домов, назначении священнослужителей (в том числе выдаче им регистраций, разрешающих служение в определенном приходе), подготовке регулярной отчетности в Москву для обобщения на уровне Совета и представления общесоюзной картины в ЦК КПСС и Совет Министров СССР.

Уполномоченные имели право проверять деятельность местных религиозных организаций и давать обязательные предписания об устранении нарушений законодательства, ставить вопрос перед местными органами власти о привлечении лиц, виновных в нарушении законодательства о культах, к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности[575]. Они непосредственно участвовали и в региональных кампаниях по закрытию храмов, ограничению религиозной активности молодежи, борьбе с «нелегальными» группами[576].

С точки зрения Совета, одной из основных задач уполномоченного был мониторинг религиозной ситуации, взглядов и настроений духовенства, информирование центра о незаконных фактах «администрирования» и смягчение негативных последствий неверных решений местных органов власти – все это для того, чтобы «разрабатывать и проводить в жизнь конкретные меры по

---

[573] Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (утверждено постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 6–7.

[574] Там же. С. 7.

[575] Там же. С. 8.

[576] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 67.

совершенствованию контроля за деятельностью служителей культа, не давать поблажки церкви, держать ее в руках»[577].

Уполномоченные Совета в целях «распропагандирования православной религии»[578] также информировали партийные и советские органы власти «о принятии мер и проведении ими на конкретных примерах массово-политической и культурно-просветительной работы, особенно там, где усиливается работа церковников»[579].

Неформально уполномоченные Совета осуществляли посредничество между партийными органами, КГБ, местными властями и церковными структурами, оказывали при необходимости давление на духовенство и религиозных активистов через неофициальные беседы, угрозы и т.п. (подробнее см. § 3.3).

Тем не менее, как отмечает А.В. Горбатов, было бы неверно «демонизировать» фигуру уполномоченного, как это иногда делается в исследованиях советского периода[580].

С одной стороны, критика властей за отказы в большинстве случаев распространялась и на уполномоченных: ведь именно они, как казалось верующим, запрещали то, что было разрешено Конституцией[581]. С другой стороны, для членов религиозных общин уполномоченный нередко являлся

---

[577] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 275–344.

[578] Доклад уполномоченного на заседании Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. 15 августа 1959 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 13. Л. 116–123. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 371–372.

[579] Там же.

[580] Исследователь полагает, что такая демонизация особенно характерна для «религиозных или прозападных либеральных исследователей» (*Горбатов А.В.* К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 35).

[581] В первой половине 1950-х от верующих только Рязанской епархии поступало ежегодно в среднем по 60–70 жалоб и заявлений (*Гераськин Ю.В.* Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 50).

единственной и последней инстанцией, где можно было найти защиту, без него не решались не только серьезные, но зачастую и мелкие приходские вопросы[582].

В. Алейников в исследовании государственно-церковных отношений в Ставропольском крае указывает, что православное сообщество, «приученное к беспрекословному подчинению советскому государству, достаточно спокойно относилось к такому статусу уполномоченного и в спорных ситуациях церковно-приходской жизни апеллировало к нему как высшему должностному лицу». Это касалось и мирян, и епархиального духовенства, включая архиерея[583].Таким образом, уполномоченный, будучи погружен многочисленными посетителями в повседневную жизнь общин и различного рода «сплетни», обладал конфиденциальной информацией, которую мог использовать для управления религиозными общинами.

Совет подчеркивал «особую важность политической работы с духовенством»[584], а также инструктировал уполномоченных «внимательно и серьезно беседовать» с ним «по самому широкому комплексу вопросов» в целях выявления настроений и взглядов, добиваться «доверительности»[585].

Потеря же доверия к уполномоченному со стороны верующих, по словам В.А. Куроедова, приводила лишь к тому, что недовольные начинали напрямую обращаться в центральные органы, а Совет лишался источника осведомленности и не мог успешно выполнять свою важнейшую функцию – «своевременно информировать союзное и партийное руководство»[586].

Основным мотивом посещения уполномоченного верующими чаще всего было выяснение результатов их ходатайств об открытии храмов. От епископов и

---

[582] *Горбатов А.В.* К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 40.

[583] *Алейников В.Н.* Религиозная политика советского государства и ее влияние на церковную жизнь Ставрополья в 1953–1964 годах…

[584] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 77.

[585] «Каждый уполномоченный должен стараться, чтобы архиерей, священник чувствовали к нему доверие, чтобы они могли откровенно высказаться. Тогда можно много интересного узнать из того, чего вы не увидите, не услышите ни в проповедях, ни на каких богослужениях» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 78).

[586] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 2133. Л. 79.

священников при этом требовали подписки о неразглашении содержания бесед с региональным представителем Совета[587].

Исследователями отмечается такая особенность уполномоченных, как их крайне низкий номенклатурно-административный статус, особенно в первые годы существования института. Должность не была инкорпорирована в партийно-советскую вертикаль, что вызывало неоднозначную реакцию со стороны региональной номенклатуры[588]. Нередко местные власти не воспринимали их всерьез, не считали ответственными работниками[589].

Бурятский уполномоченный по делам религиозных культов в 1966 г. указывал, что в республике «министры, начальники управления и их заместители пользуются правом эксплуатации легковых машин или имеют лимиты на определенную сумму». Он же такого права не имел, хотя формально по окладу и снабжению республиканский уполномоченный приравнивался к начальнику управления. С учетом размеров Бурятской АССР уполномоченному было затруднительно исполнять свои обязанности, не имея транспорта. Его ограничивали и в командировочных средствах[590]. Уполномоченный по Рязанской области И.С. Денисов жаловался в облисполком на отсутствие «нормального помещения» для работы. Ему также не была выделена служебная машина[591].

Это начальное «пренебрежительно-снисходительное» отношение местных властей к аппарату уполномоченного, отмечает А. Горбатов, сохранилось на

---

[587] *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Вече : Лепта, 2010. С. 365.

[588] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 51.

[589] Финансирование также осуществлялось по остаточному принципу (*Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 37–38).

[590] Национальный архив Республики Бурятия. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 24. Л. 11. Цит. по: *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 39.

[591] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 51.

долгие годы, что не способствовало, в том числе, продуктивному выстраиванию отношений между властью и религиозными организациями[592].

С одной стороны, уполномоченный назначался и входил в прямое подчинение председателю обл(край)исполкома или его первому заму, и практическую деятельность осуществлял только от их имени, от местных же властей получая и заработную плату[593].

С другой стороны, он был представителем Совета по делам РПЦ (религий) в регионе, подчиняясь Совету в оперативном отношении и будучи обязанным направлять его руководству регулярную отчетность, а также реализовывать различные инструкции, приходящие по линии Совета. Без согласия Совета уполномоченные также не могли переводиться или увольняться[594].

Местные власти нередко имели совершенно отличное от Совета понимание задач в отношении религии. М.И. Одинцов вспоминает свою первую командировку в качестве сотрудника Совета в 1979 г. в Горьковскую область, из которой от верующих поступало много жалоб: «В памяти отложились встречи с местными чиновниками и партработниками. Они просто не понимали нас, ибо в своем отношении к религии и церквам руководствовались идеологическими установками вроде “борьбы с религией”»[595].

---

[592] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 38.

[593] По должностному окладу и снабжению (что было важным для советской номенклатуры показателем) он был равен заведующему отделом. В 1967 г. заработная плата московского уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по г. Москве устанавливалась Советом Министров РСФСР и составляла 170 рублей в месяц (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 72. Л. 46. Цит. по: *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 51–52). Аппарат уполномоченного также содержался за счет местного бюджета.

[594] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 36.

[595] НГ-Религии. 17 сентября 2008 г. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 191–192.

Из-за двойного подчинения уполномоченные были вынуждены все время лавировать между московским и областным руководством[596]. В ряде регионов имела место борьба за назначение «своего» уполномоченного, причем нередко она заканчивалась не в пользу Совета.

Совет понимал, что уполномоченные не смогут выполнять возложенные на них функции, если не наладят связь с районными и городскими исполкомами и другими местными органами власти[597]. Поэтому уполномоченным рекомендовалось регулярно знакомить местные органы с итогами своей деятельности[598], в конечном итоге – направлять, координировать и контролировать их работу «в границах задач, поставленных партией и правительством»[599]. Тем не менее, как полагает Т.А. Чумаченко, в подавляющем большинстве областей СССР уполномоченные так и не стали проводниками линии центральной власти – наоборот, будучи зависимы от местных органов власти, часто реализовывали именно их линию (в том числе закрывали церкви и открыто занимались антирелигиозной пропагандой). Совет в своих документах называл это «проявлением беспринципности», злоупотреблением полномочиями и отступлением от законодательства[600].

В письме председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву от 2 марта 1962 г. архиепископ Ермоген (Голубев) сообщал, что уполномоченные, вместо

---

[596] Крымский уполномоченный А. Гуськов в 1959 г. оправдывался в своем докладе перед Советом, что активное закрытие православных приходов (по видимому, решением местных властей) не противоречит задаче «борьбы с сектантами»: «…у нас в Крыму мы не располагаем данными, чтобы хоть один верующий Русской православной церкви перешел в какую-либо секту только потому, что не стала функционировать церковь». См.: Доклад уполномоченного на заседании Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. 15 августа 1959 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 13. Л. 116–123. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 371–372.

[597] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1744. Л. 72.

[598] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1941. Л. 50.

[599] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1841. Л. 86, 87, 123–124. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 29.

[600] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 2133. Л. 79. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 30.

того, чтобы «наблюдать за законностью в порученном им деле и не допускать незаконного закрытия молитвенных зданий», стремятся закрыть как можно больше церквей, чтобы таким образом показать свою работу… В Патриархии должно быть много донесений о незаконных закрытиях церквей, совершенных при попустительстве, а иногда и при прямом содействии уполномоченных»[601].

Нередко в процесс вмешивалась третья сторона – партийная власть на местах. При этом именно мнение местных партийных органов нередко было определяющим. Известны факты, когда их поддерживал ЦК КПСС[602]. Например, Г.Г. Карпов в 1950 г. пытался спасти от увольнения уполномоченного по Красноярскому краю Н. Гусева: краевое бюро комитета ВКП(б) освободило его за поведение, которое «во многих случаях не было направлено на сужение деятельности церковников». Иными словами, уполномоченный проявлял недостаточное рвение в закрытии церквей[603]. Карпов считал «товарища Гусева серьезным работником» и не видел оснований к увольнению, однако ЦК КПСС согласился с решением крайкома[604].

В основном Совет пытался в подобных случаях влиять на ситуацию путем долгих переговоров и переписок с местными властями. В итоге это имело некоторый, хотя и ограниченный, успех. Например, в 1963–1964 гг. Совет добивался освобождения от должности уполномоченного по Херсонской области Бабина, который «наделал много ошибок» вследствие его грубости и низкого культурного уровня. Но заменили его областные власти только после вмешательства идеологического отдела ЦК Компартии Украины[605]. Аналогичные попытки Совета снять уполномоченного по Челябинской области Салова («представляет в Совет очковтирательские материалы», допускает

---

[601] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 14–25. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 352–353.

[602] *Горбатов А.В.* К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 36.

[603] Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 26. Оп. 22. Д. 1. Л. 174.

[604] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 285. Л. 122–125, 138–141.

[605] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 2136. Л. 119–120.

«администрирование») не увенчались успехом[606] – «местные органы он устраивает и от работы уполномоченным Совета т. Салова не освобождают»[607].

Г.Г. Карпов не смог добиться закрепления полномочий Совета назначать уполномоченных самостоятельно[608]. В.А. Куроедов впоследствии попробовал «заручиться официальным решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР об ответственности советских органов власти на местах за реализацию новой церковной политики»[609]. В июне 1960 г. Куроедов писал в ЦК: «В послевоенные годы среди местных работников распространилось ошибочное мнение, будто осуществлением контроля за деятельностью религиозных объединений должны заниматься лишь Советы [по делам РПЦ и по делам религиозных культов]. Устранение от этого дела местных органов государственной власти принесло большой вред интересам советского государства». Глава Совета полагал, что «было бы целесообразно дать им соответствующие указания от имени Правительства СССР»[610].

Отдельного постановления на эту тему не вышло, однако предложения В. Куроедова нашли отражение в секретном постановлении Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. («местные советские органы должны обеспечить строгий контроль за выполнением законодательства о культах и своевременно принимать необходимые меры к ликвидации нарушений законодательства служителями культа и религиозными объединениями»[611], и также в Инструкции по применению законодательства о культах от 16 марта 1961 г., которая возложила контроль за выполнением на органы государственной власти и на Советы[612].

---

[606] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1841. Л. 3.
[607] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 2136. Л. 120.
[608] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг. С. 25–26.
[609] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 28.
[610] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1748. Л. 13–14.
[611] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1841. Л. 86.
[612] Инструкция по применению законодательства о культах. 16 марта 1961 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. М., 1971. С. 154.

Т.А. Чумаченко отмечает, что в этом «приобщении» местной власти к реализации церковной политики в стране (или, скажем, к наделению ее ответственностью за эту реализацию) состояла отличительная особенность деятельности Совета под руководством Куроедова[613].

Существенной проблемой, возникшей после учреждения Совета и сети уполномоченных на местах, являлся подбор кадров. Нередко уполномоченных подбирали по остаточному принципу, об этом так писал Совет: «В ряде мест местные партийно-советские органы, недооценивая участок работы, подбирали и назначали таких лиц, которые не могли устроить ни на какую другую работу», или без учета требований и квалификации (в том числе плохо подготовленных политически, «с недостаточным кругозором и образованием»)[614]. Что касается образования, в 1948 г. их 102 уполномоченных СССР высшее образование имели 18 человек[615].

Поведение многих из них на службе и вне ее также бывало различным. Уполномоченный по Читинской области «злоупотреблял своим положением, пьянствовал со служителями культа и руководящим составом церковного совета». В итоге по предложению Совета он был снят[616]. В 1940-х гг. назначались уполномоченными тяжелобольные лица (туберкулез, язва желудка и т.д.) или инвалиды (в 1946 г. таких было 20 человек). В целом в послевоенное время уполномоченный чаще всего был выходцем из рабоче-крестьянской среды, членом партии, в основном с невысоким образовательным уровнем. В этот период большинство имело опыт работы в НКВД/НКГБ, являлись «солдатами партии»[617]. С 1963 г. возросло количество решений Совета по фактам «противозаконных

---

[613] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 28.

[614] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 4–5.

[615] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 41.

[616] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 65.

[617] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 51.

действий» уполномоченных, должностных лиц и местных властей. В 1960–1964 гг. сменилось 47 уполномоченных, в том числе многие – по настоянию Совета[618].

В выводах Совета по результатам отчетов уполномоченных периодически констатировалось «слабое знакомство» уполномоченных с законодательством о религиозных культах[619]. Сами они зачастую не отрицали этого, обращая внимание на необходимость «больше оказывать практической помощи» и чаще устраивать командировки в другие регионы в целях обмена опытом[620]. При этом после назначения Куроедова в 1960 г. на уполномоченных обрушилось огромное количество задач, как стратегических, так и сиюминутных[621]. Качество работы в таких условиях оставляло желать лучшего. «Уполномоченные, особенно областей с большим количеством церквей, не справлялись с таким объемом работы»[622].

25–27 апреля 1972 г. на Всесоюзном совещании уполномоченных в г. Москве В.А. Куроедов выступил с очередным программным докладом «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в

---

[618] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 27–28.

[619] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 452. Л. 1–3 ; Оп. 1. Д. 1939. Л. 123–124 ; Оп. 1. Д. 2133. Л. 90.

[620] Более того, уполномоченный по Крымской области прямо отмечал, что при поступлении на работу он даже не имел возможности ознакомиться с инструкцией Совета, поскольку она была утеряна. См.: Доклад уполномоченного на заседании Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. 15 августа 1959 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 13. Л. 116–123. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 371–372.

[621] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 452. Л. 27-28, 31. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 24.

[622] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 24. Следует сказать в связи с этим, что картина, которую в своей работе о Ставропольском крае рисует В. Алейников («сложная управленческая система, в которую входили партийно-государственные органы, органы внутренних дел, прокуратуры и специальных служб, на региональном уровне функционировала достаточно слаженно. Краевые органы власти доводили решения высшего руководства СССР до сведения местных органов власти и осуществляли необходимый контроль за их исполнением»), представляется несколько идеалистической. См.: *Алейников В.Н*. Религиозная политика советского государства и ее влияние на церковную жизнь Ставрополья в 1953–1964 годах : автореф. дис. …. канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

свете решений XXIV съезда КПСС»[623]. Он отметил, что «глубокое знание содержания и существа религиозной идеологии» выступает неотъемлемым условием улучшения работы, без которого невозможен надлежащий контроль за церковью[624].

В стремлении сохранить свое положение многие уполномоченные прибегали к фальсификации отчетности: «особо изощренные и опытные», стараясь угодить начальству, выборочно расставляли акценты в докладах «или даже посылали разную информацию в своих отчетах и справках, в зависимости от адреса получателя, соответственно: Совета – обл(край)исполкома – партийных органов»[625]. В.А. Куроедов в 1963 г. отмечал, что они «начали нарушать законы. Это ведет к нехорошим результатам. Налицо очковтирательство, налицо обман, налицо стремление закрыть административным путем… В проекте решения предложение доложить ЦК партии о фактах очковтирательства со стороны отдельных местных органов власти»[626].

Совет обращал внимание на присутствовавшую в отчетности уполномоченных «неполноту информации», «отсутствие анализа», «небрежность», «путаность» и др. По этой причине союзный центр не мог сформировать объективную статистическую картину даже в отношении базового учета религиозных обществ, зданий и имущества, находящегося в пользовании[627].

Резюмируя специфические особенности института региональных уполномоченных Совета, отметим, что они, формально являясь медиаторами в процессе взаимодействия государственных органов и религиозных организаций

---

[623] Материалы совещания: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Сам доклад Куроедова – Л. 27–81.
[624] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 29–30.
[625] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 37.
[626] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 2038. Л. 125, 127. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 27.
[627] *Чумаченко Т.А*. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 24–26.

практически по любым вопросам, в реальности обладали противоречивым статусом. Уполномоченные имели двойную подчиненность – руководству Совета и местным органам власти, зачастую исходившим из разного понимания государственных задач в отношении религии. Этим, наряду с низким положением в номенклатурной иерархии, можно объяснить непоследовательность в принимаемых решениях, которую отмечают многие исследователи[628]. Политика и поведение уполномоченных напрямую зависели как от изменений конъюнктуры во внутренней политике государства, так и от политико-административного расклада «на местах».

С точки зрения аппаратной логики задача Совета и его отделений на местах показать эффективность работы, безусловно, была одним из важных компонентов целеполагания. Нетрудно предположить, что отчеты этого ведомства (в особенности в 1960–1980-е гг.) должны были демонстрировать неуклонное угасание религиозности, а также показывать, что эта сфера находится под контролем. Поэтому нередко имели место неаккуратное обращение с данными и фальсификация отчетности. При этом сами уполномоченные и их аппараты не всегда в достаточной степени владели нормативно-правовой базой по вопросам государственно-религиозных отношений.

Все это в совокупности являлось существенным фактором, затрудняющим проведение единой централизованной религиозной политики на региональном уровне.

---

[628] По словам уполномоченного Совета в Бурятской АССР, «Совет требует неукоснительного выполнения советского законодательства о религии и не допускать администрирования над духовенством. А руководство республики, когда хочешь точно соблюдать законы, говорит, что «ты защищаешь служителей культов»… Совет [в ряде случаев] занимает половинчатую позицию: он по некоторым вопросам не дает конкретного указания в ту или иную сторону. В результате уполномоченный оказывается между двух огней» (НАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 24. Л. 11. Цит. по: *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 45–46).

Партийные органы на местах

Полномочия партийных комитетов в религиозной сфере не были описаны в законах или подзаконных актах, но закреплялись через устав партии и решения ЦК КПСС. В партийных документах (постановления ЦК об усилении атеистической работы, об упорядочении законодательства о культах, о мерах в отношении «религиозных пережитков») прямо ставились задачи перед обкомами и горкомами: руководить атеистической пропагандой, контролировать деятельность советских и хозяйственных органов в религиозной сфере, координировать действия уполномоченных Совета по делам религий. Тем самым обкомы и горкомы обладали руководящей, но юридически не формализованной компетенцией: они не принимали нормативные акты в сфере государственно-религиозных отношений, но через свои решения и осуществление контроля за кадровым обеспечением определяли многие аспекты деятельности исполкомов, милиции, судов и уполномоченных Совета на их территории.

В полномочия обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов КПСС таким образом, входила работа по осуществлению политики партии и организация исполнения директив ЦК КПСС[629], в том числе организация идеологической работы, пропаганда марксизма-ленинизма, повышение коммунистической сознательности трудящихся, руководство местной печатью, радио и телевидением, контроль за деятельностью культурно-просветительных учреждений[630]. Планы идеологической работы включали подготовку предложений по закрытию приходов и ограничению религиозной деятельности и проч.

Как правило, в постановлениях ЦК КПСС по вопросам идеологии содержались конкретные указания нижестоящим партийным органам, а зачастую и критика их работы[631].

---

[629] Устав КПСС… Статья 41.
[630] Устав КПСС… Статья 42.
[631] Напр., ранее упоминавшееся Постановление ЦК КПСС «О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой». 6 июня 1962 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10 (1961–1965). М. : Изд-во полит. литературы, 1986. С. 257 и др.

Неформальные функции партийных органов в части регулирования государственно-религиозных отношений в основном сводились к неофициальным «указаниям» различным местным органам власти, согласованиям назначений священнослужителей, организации кампаний против религии (митинги, публикации, «обсуждения» на предприятиях и в школах).

Региональных уполномоченных партийные органы часто рассматривали как инструмент выполнения своих установок. Их вмешательство во многом определяло «местный колорит» и нередко приводило к корректировке (если не искажению) линии, которую пытался проводить Совет.

Исполнительные комитеты Советов народных депутатов (республиканского, краевого, областного и местного уровней)

Областные или республиканские органы власти (областные (краевые исполнительные комитеты Советов народных депутатов), а также местные органы (горисполкомы и райисполкомы) выполняли правоприменительную и, частично, регулятивную функции – регистрации религиозных обществ и групп, заключения и расторжения договоров о пользовании культовыми зданиями, принятия решений об открытии и закрытии молитвенных зданий, контроля за соблюдением законодательства о культах на своем уровне.

Инструкция по применению законодательства о культах 1961 г. указывала, что местные органы советской власти (равно как и уполномоченные Совета) должны «строго следить» за обеспечением свободы совести, не допускать «применения административных мер борьбы с религией, административного вмешательства в деятельность религиозных объединений, грубого отношения к духовенству и оскорблений чувств верующих»[632].

Полномочия исполкомов в религиозной сфере определялись не в одном базовом акте, но в различных постановлениях Совета Министров СССР и

[632] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). Пункт 5 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 78.

союзных республик, определявших их роль в применении законодательства о культах. Например, изначально постановление 1929 г. «О религиозных объединениях»[633] (в том числе в редакции 1932 г.[634]) возлагало на местные советские органы власти следующие функции:

– регистрацию религиозных обществ и групп (статья 4, 5, 7);

– заключение договоров пользования культовыми зданиями, находящимися в государственной собственности, и учет переданного имущества (статьи 10, 25, 27–30, 33);

– подготовку предложений об использовании не востребованного верующими молитвенного здания (статья 35);

– подготовку предложений рай(гор-)исполкомов в вышестоящие советские органы о расторжении договоров безвозмездного пользования молитвенными помещениями в случае несоблюдения его условий или неисполнения иных распоряжений властей (статья 43);

– инициирование судебных исков о расторжении договоров аренды помещений для нужд религиозных объединений, ликвидация молитвенных зданий (статьи 38–39);

– разрешение общих собраний верующих (статья 12);

– контроль за соблюдением религиозными объединениями всех законодательных ограничений (образовательной, благотворительной, иной внебогослужебной деятельности и проч. – статья 64 и др. по смыслу этих статей)[635].

В дальнейшем объем полномочий советских органов власти неоднократно уточнялся, в том числе в связи с учреждением Совета по делам РПЦ и Совета по

---

[633] СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

[634] Некоторые изменения в определение полномочий советских органов в отношении религиозных объединений были внесены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 января 1932 г. «Об утверждении Перечня изменений действующего законодательства РСФСР, вытекающих из издания Положения о Рабоче-крестьянской милиции и Положения о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР» // СУ РСФСР. 1932. № 8. Ст. 41.

[635] Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929 г. № 35. Ст. 353.

делам религиозных культов при СНК (Совете Министров) СССР в 1943 г., их слиянием в Совет по делам религий при Совете Министров СССР в 1965 г., изданием Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г., внесением изменений в постановление 1929 г. в 1975 г.[636]

Местные советские органы играли существенную роль в формировании особенностей региональной религиозной политики. Например, фактически от них напрямую зависело, будет ли открыт приход в ответ на поданное верующими ходатайство.

В результате принципиальное решение зачастую принимали именно облисполкомы, которые могли регулировать процесс открытия церквей по своему усмотрению. При наличии намерения отказать общине в предоставлении молитвенного здания местные власти находили большое количество различных причин, в том числе аварийное состояние здания, нахождение в нем других организаций, наличие рядом другого храма и т.д.[637]

При этом после учреждения института уполномоченных Совета исполкомы нередко игнорировали их обращения, или реагировали на них формально и с большими задержками, что привело к изданию специального постановления СНК СССР от 1 декабря 1944 г. Оно, в частности, установило обязательный 10-дневный срок предоставления информации уполномоченным Совета.

В материалах Совета встречаются упоминания о том, что работники райисполкомов часто не поддерживали инициативы верующих по легализации, чтобы «не портить» отчеты об успехах атеистической работы и не передавать общинам имущество, которое уже использовалось для местных нужд[638]. Поэтому Г. Карпов неоднократно настаивал на том, чтобы решения об открытии

---

[636] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 10–24.

[637] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 49.

[638] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 113–114.

проходили тщательную проверку в Совете и оформлялись через решение Совета Министров СССР, в соответствии с законодательством[639].

Обсуждая необходимость и возможность открытия молитвенных зданий в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259 «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» Совет разрешил это сделать в 10 населенных пунктах, но с оговоркой: «проводить постепенно, не превращая это в кампанию... И одновременно некоторые недействующие снять с регистрации, чтобы общее число не увеличить»[640].

Неправомерные решения местных властей время от времени рассматривались вышестоящими (центральными) органами – и даже отменялись ими. Например, СНК РСФСР 28 августа 1944 г. обязал Рязанский облисполком разрешить группе верующих с. Летово Рыбновского района пользоваться церковным зданием, отремонтированным на их средства (до этого дважды исполком отклонял обращение)[641].

В результате в сложившейся в 1940-х – 1980-х гг. модели правового регулирования государственно-религиозных отношений именно исполкомы были ключевым оперативным звеном, во многом самостоятельно решавшим вопросы открытия или закрытия общин и храмов, но, безусловно, ориентированным на партийные решения и инструкции вышестоящих органов государственной власти. Кроме того, они были, как описано ранее, формальными работодателями уполномоченных Совета, обеспечивая материальную сторону их деятельности и ведая процессами назначений, переводов и снятия с должности.

---

[639] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 113–114.

[640] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 74–75. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 146.

[641] *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 50.

Органы охраны правопорядка, государственной безопасности, судебные и надзорные органы

Роль органов охраны правопорядка и обеспечения государственной безопасности в советской структуре управления в целом и в области государственно-религиозных отношений в особенности нуждается в некотором пояснении. Формальное закрепление специальных полномочий «силовых» и судебных органов, а также прокуратуры по отношению к религиозным объединениям в нормативных правовых актах практически отсутствовало. Их роль была задана через нормы других отраслей законодательства (уголовные и административные составы, публичный порядок, государственная безопасность), а конкретные способы реализации этих функций можно реконструировать из правоприменительных документов и различных инструкций, обзоров и отчетов, показывающих реальную картину участия упомянутых ведомств в осуществлении государственной политики.

Так, полномочия *органов внутренних дел* вытекали из общих полномочий по охране общественного порядка и борьбе с преступностью и административными правонарушениями[642]. Если сразу после принятия постановления 1929 г. на органы НКВД были возложены обязанности «проследить за приведением деятельности религиозных объединений в соответствие с требованиями действующего законодательства»[643], в дальнейшем они обеспечивали изъятие церковного имущества, исполнение решений о закрытии храмов, пресекали «незаконные» религиозные собрания, составляли протоколы об административных правонарушениях за несоблюдение законодательства о культах[644] и т.д. С 1940-х гг. наряды милиции выставляли

---

[642] См., напр., Положение о Министерстве внутренних дел СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 июня 1972 г. № 452 // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 281.

[643] О регистрации религиозных объединений : Постановление НКВД РСФСР от 1 октября 1929 г. № 329 (пункт 3) // Бюллетень НКВД. 1929. № 37. С. 690–691.

[644] См., напр., Справку о состоянии религиозности и деятельности Русской православной церкви по Новосибирской области и гор. Новосибирску на 25 марта 1948 г. и Справку о деятельности группы верующих-православных в с. Никоново, Маслянинского района от 14 июля 1948 г. // Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 27. Л. 21–

посты и дежурили около церквей в дни больших праздников (например, в пасхальные дни)[645].

Иными словами, органы внутренних дел выполняли функцию силового сопровождения применения законодательства о культах (на основании общих полномочий по охране порядка) и исполняли решения исполкомов.

Правовой статус *органов государственной безопасности* определялся законодательством о государственной безопасности, а область их компетенции охватывала в том числе уголовно-правовые нормы об «антисоветской агитации и пропаганде», «распространении клеветнических измышлений» и др., которые могли применяться и к религиозным диссидентам.

До 1991 г. деятельность советских спецслужб регламентировалась лишь секретными документами. Более того, в 1934 г. при создании НКВД СССР не было даже утверждено единого базового документа, четко регламентирующего его функции. Имел место юридический казус: «положения об отдельных управлениях НКВД СССР были приняты, а основополагающий документ всего ведомства – нет[646]. «По существу, власть не нуждалась в строгой юридической регламентации своего государственного механизма», в итоге зачастую развивалось ведомственное нормотворчество взамен законотворчества[647]. Положение о КГБ было утверждено лишь в 1959 г, однако оно было засекречено.

Религиозная сфера не выделялась в нормативных правовых актах в качестве отдельного предмета ведения органов госбезопасности. Однако, как видно из опубликованных документов (включая публикации фрагментов отчетов 4-го

33, 61–65. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 399, 410.

[645] Информационный отчет уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области «О положении и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 апреля по 1 июля 1947 г. // Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 23. Л. 66–78. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 368–376.

[646] *Пожаров А.И.* Обеспечение государственной безопасности в СССР : политические и правовые аспекты // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 77.

[647] Там же.

отдела 5-го Управления КГБ СССР), религиозные организации были важным объектом оперативной разработки.

КГБ отслеживал деятельность духовенства и активных мирян, особенно в среде «катакомбных» общин, нелегальных групп, инославных и протестантских общин, контролировал контакты религиозных деятелей с зарубежными организациями (Ватикан, зарубежные православные юрисдикции, протестантские организации), воспринимая их как потенциальный канал «идеологической диверсии». Кроме того, органы государственной безопасности проводили оперативные мероприятия (агентурная работа, негласный контроль, оперативное наблюдение, перлюстрация переписки, прослушка, «профилактические беседы», административное давление, репрессии) в отношении духовенства и церковных активистов[648].

В профильном учебнике 1977 г. в качестве цели работы КГБ в религиозной сфере значилось «пресечение подрывной деятельности церковников, сектантов и других антисоветских элементов». Особенности работы с ними – «не допустить объединения враждебно настроенных групп и отдельных лиц из этой среды в организованное антисоветское подполье, выявить среди антисоветских элементов вражеских агентов и установить их связи с империалистическими разведками и зарубежными антисоветскими центрами»[649].

В опубликованных отчетах КГБ СССР подчеркивается, что органы госбезопасности:

– осуществляли оперативный контроль за исполнением законодательства о культах путем сбора информации о нарушениях (незаконное обучение детей религии, нелегальные собрания, подпольные общины);

– готовили материалы для применения уголовных и административных санкций (передавая их в прокуратуру, МВД, исполкомы);

---

[648] *Горбатов А.В*. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы… С. 100.

[649] История советских органов государственной безопасности : учебник. М. : Высшая Краснознаменная школа КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского (ВКШ КГБ), 1977. С. 482.

– взаимодействовали с Советом по делам религий при Совете Министров СССР, используя его аппарат и уполномоченных для административного давления (отказ в регистрации, закрытие общин).

«Мыслительную рамку» сотрудников государственной безопасности, ответственных за религиозное направление, можно понять из направлявшихся ими в ЦК КПСС аналитических материалов. Их характерные черты – недоверие к религиозным организациям в целом и объяснение всех беспокоивших их тенденций влиянием из-за рубежа.

Так, в 1971 г. КГБ СССР писал в ЦК КПСС: «Поступающие в органы госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что империалистические круги и спецслужбы противника при осуществлении акций идеологической диверсии против нашей страны определенную ставку делают на религиозные организации на территории СССР. В этом плане они также стремятся активно использовать религиозно-пропагандистские и националистические центры с тем, чтобы оказывать враждебное влияние на верующую часть населения СССР»[650]. Под особым подозрением находилось зарубежное духовенство Московской патриархии, которое, «приезжая в СССР, пытается оказывать вредное идеологическое воздействие на духовенство и верующих. Особую активность в этом проявляет глава Западно-Европейского экзархата митрополит А. Блюм (гражданин Англии)»[651].

РПЦ в целом оценивалась органами безопасности как самая лояльная конфессия. Формами нелояльности, согласно докладам 5-го Управления КГБ, были массовые протестные акции верующих, организации религиозного «самиздата», «письма во власть» и международные связи[652].

В отношении церковной агентуры современные исследования показывают, что «органы считали своими агентами всех, кто давал подписку о сотрудничестве или соответствующее устное обязательство». Вместе с тем имеющиеся факты «заставляют усомниться в том, что подобные документы являются безусловным

[650] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 89. Л. 2–17. Подлинник. Машинопись.
[651] Цит. по: *Савин А.И.* Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления. С. 195.
[652] *Савин А.И.* Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления. С. 189.

маркером коллаборации верующих и спецслужб»[653]. В частности, касаясь вопроса «разоблачения» сотрудничества иерархов РПЦ с органами госбезопасности в конце 1980-х – начале 1990-х гг., историки напоминают о характерной для всей бюрократической советской системе проблеме «очковтирательства»: зачастую агентура существовала лишь «на бумаге» для отчетности. Так, Р. Скакун пишет, что в отношении 30–40% агентов, завербованных в грекокатолическом сообществе Западной Украины, сохранилось лишь упоминание об их вербовке, но «нет никакой информации о какой-либо деятельности»[654].

Нужно сказать, что большая часть агентуры в епископате РПЦ рассматривала свое сотрудничество с органами госбезопасности как своеобразный конкордат, «обеспечивающий ценой демонстративной лояльности и участия в преследовании нелояльных представителей духовенства благополучное существование церковных структур»[655].

При этом представление о НКВД/КГБ СССР как о могущественной организации с абсолютной властью на протяжении всего периода 1940-х – 1980-х гг. нуждается в некотором уточнении. Часто именно страх вынуждал советского гражданина за всем видеть «руку КГБ», что еще больше усиливало его влияние, пишет А.В. Горбатов[656]. Важно понимать, что органы государственной безопасности в СССР находились под контролем партии: они были «тесно связаны с партийными организациями и всю работу выполняли под их непосредственным наблюдением»[657].

---

[653] *Беглов А.Л., Белякова Н.А*. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве : механизмы коллаборации, стратегии выживания, источники // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 6 (116). URL: https://history.jes.su/s207987840021686-3-1 (дата обращения: 03.10.2025). DOI: 10.18254/S207987840021686-3.

[654] Цит. по: *Беглов А.Л., Белякова Н.А*. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве. Подробнее об этой теме см. также: *Скакун Р*. Агентура НКВС – МДБ – КДБ у православному єпископаті України (1939–1964) : формування, функції, моделі поведінки. Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2025.

[655] *Беглов А.Л., Белякова Н.А*. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве.

[656] *Горбатов А.В*. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы… С. 96.

[657] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 90. Л. 113–119. Цит. по: Политбюро и органы государственной безопасности. С. 704.

Помимо прочего, органы госбезопасности были и бюрократическими органами (как и другие элементы советской системы), стремившимися доказать свою необходимость и продемонстрировать ценность своей работы. По мнению ряда исследователей, например, они имели раздутую штатную численность, и такое положение нередко побуждало сотрудников «за отсутствием загрузки серьезной работой, создавать разные надуманные дела и затягивать следствие, чтобы показать в отчетности увеличенные остатки дел и тем самым создать впечатление деятельной борьбы с врагами советского государства»[658].

Тем не менее у органов безопасности был более высокий уровень информированности, чем у уполномоченных, партсовработников и пр.[659]

Роль *прокуратуры* в сфере государственно-религиозных отношений также вытекала из ее основных полномочий высшего надзора за «точным и единообразным» исполнением законов[660]. Это в том числе предполагало:

– осуществление контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах (исполнением декрета 1918 г., постановления 1929 г. и последующих актов), в том числе проверку законности решений о регистрации и ликвидации религиозных объединений, передаче и изъятии культовых зданий, реагирование на нарушения со стороны органов власти при поступлении жалоб или в рамках плановых проверок;

– участие в уголовном преследовании по «религиозным» составам, например, по статье 142 Уголовного кодекса РСФСР. Разъясняющее состав данного преступления постановление[661] прямо адресовано правоприменителям, в

---

[658] Политбюро и органы государственной безопасности. С. 695. Это т. наз. «очковтирательство», манипуляции с данными необходимо иметь в виду и при изучении темы советской агентуры в церковной среде.

[659] *Горбатов А.В*. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы… С. 75.

[660] См, напр., Закон Союза Советских Социалистических Республик от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

[661] О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР : Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 601. В Постановлении разъясняется, что состав этого преступления, в частности, включает принудительное взимание средств в пользу религиозных организаций и служителей культа, массовое распространение обращений и документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах, обманные действия с целью возбуждения религиозных суеверий и др.

том числе прокурорам и судам. Оно задавало рамки квалификации деяний, связанных с религиозной сферой;

– надзор за практикой применения законодательства об административных правонарушениях[662].

Административная ответственность (штрафы) устанавливалась за ряд нарушений, в том числе уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации, нарушение правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и др. Сами штрафы накладывались административными комиссиями при исполкомах, но надзор за законностью административного производства (как и в иных делах) осуществляла прокуратура.

Судебные органы власти в СССР являлись, в свою очередь, непосредственными правоприменителями «специальных» уголовных и административных статей, предусматривавших ответственность за нарушение законодательства о культах, а также ряда иных составов, которые могли использоваться против религиозных активистов.

Они также рассматривали дела по обжалованию административных решений, связанных с религиозными объединениями (в том числе решений исполкомов), когда это допускалось процессуальным правом.

Верховный Суд СССР и суды союзных республик также обобщали судебную практику по этим вопросам и давали разъяснения по применению законодательства об отделении церкви от государства и о религиозных культах. Судя по всему, обобщение практики происходило регулярно, о чем свидетельствует опубликованное извлечение из обзора Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР от 15 марта 1965 г. В нем, в целях «искоренения ошибок и нарушений в применении законодательства о религиозных культах», председателям Верховных судов союзных республик рекомендовалось изучить

---

[662] Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 12. Ст. 219.

административные и уголовные дела, рассмотренные судами в 1962–1964 гг., по которым были привлечены к ответственности служители культов[663].

Также в опубликованных документах надзорных производств Прокуратуры СССР[664] и Верховного Суда СССР[665] приводится ряд уголовных дел против советских верующих по статье 58.10 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация) после 1953 г., проанализированных отделом по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР и затем пересмотренных.

В основном они касаются священнослужителей и прихожан, которые «собирались в церкви, критиковали жизнь в СССР, колхозы… говорили что все, кто вступил в партию, отдались черту» (1953 г., Молдавская ССР)[666]. Есть приговоры в отношении «воссоединенных с Русской православной церковью» униатов Западной Украины: так, священник из Закарпатской области в декабре 1956 г. «самовольно прекратил православную службу и стал служить по униатскому обряду, в результате чего прихожане раскололись на две группы»[667].

В ряде случаев верующие были осуждены по статье 58.10 за распространение и обсуждение запрещенной религиозной и правозащитной литературы[668].

---

[663] Извлечение из обзора Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР от 15 марта 1965 г. о применении законодательства с целью отделения церкви от государства, школы от церкви, а также о применении законодательства в отношении религиозных культов // Государственный архив Латвии. Ф. 1448. Оп. 1. Д. 270. Л. 24. Оригинал.

[664] ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31, 36. Опубл.: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР.

[665] ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 39, 40, 41 (Там же).

[666] Священник и трое мужчин были осуждены за «создание антисоветской организации и пропаганду с использованием религиозных предрассудков» (Ф. 8131. Оп. 31. Д. 45397. Цит. по: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 15). Еще один священник из Молдавской ССР «неоднократно в разговорах выражал недовольство народным строем, налоговой политикой, хвалил жизнь в буржуазной Румынии (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 54938 ; Ф. 9474. Оп. 40. Д. 1709. Цит. по: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 43).

[667] При обыске у него также было найдено «более 70 религиозных антисоветских брошюр и журналов» (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 87115. Цит. по: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 296).

[668] Священник из Вологды (1957 г.) приобрел в Эстонии религиозную литературу, в т.ч. книгу Бердяева «Христианство и классовая борьба»; «давал их читать верующим, вел с ними религиозные беседы, утверждал, что в СССР нет свободы вероисповедания». Уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. житель г. Барнаула распространял религиозную литературу, проповеди священников-правозащитников, «в основном в виде магнитофонных записей» (ГАРФ. Ф. 8131.

Когнитивная рамка партийной и советской бюрократии в 1940-х – 1980-х гг.

Переформатирование отношений Советского государства и религиозных институтов в военный период привело к своеобразным идеологическим последствиям. «Спящая» 124-я статья Конституции СССР 1936 г., провозглашавшая свободу совести, свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды, неожиданно для советской бюрократии стала проводиться в жизнь не только в агрессивно-секуляристском ключе. Это привело к двойственности целеполагания государственных органов, которые, с одной стороны, по-прежнему были включены в процессы изживания религии и снижения влияния церкви на общественные процессы, а с другой – были вынуждены реализовывать новый курс по легитимации церковных институтов.

Ядро коллективных представлений советской бюрократии (партийных, советских работников, сотрудников судебных органов, органов внутренних дел и госбезопасности) сводилось к тому, что Русская православная церковь, будучи в целом лояльной к советской власти, была «корпорацией, идеология которой несовместима с нашим мировоззрением»[669].

Поэтому логично, что в глазах советской бюрократии неотъемлемыми характеристиками инициатив православных активистов по открытию молитвенных домов, храмов, регистрации общин становились «обман» и «использование честных советских граждан» в личных корыстных интересах[670],

---

Оп. 31. Д. 80497 ; Оп. 36. Д. 9475. Цит. по: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 314–315, 823).

[669] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 275–344.

[670] «Справка о состоянии религиозности и деятельности Русской православной церкви по Новосибирской области и гор. Новосибирску на 25 марта 1948 года» // ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 27. Л. 21–33. Цит. по: Советское государство и Русская Православная Церковь в Сибири (1920–1953). С. 395 ; Дополнительные данные к сведениям о поступивших ходатайствах об открытии церквей и молитвенных домов за 1943–1946 гг. : Докладная записка уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области в Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 23. Л. 9–14. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 347.

а подпольная религиозная деятельность осуществлялась «больше всего разными темными и антисоветскими лицами»[671].

Таким образом, задача государственных институтов на всем протяжении исследуемого периода оставалась неизменной: поставить под контроль и минимизировать последствия влияния церковных идей, лидеров и организаций. Однако, если раньше проблема заключалась только в нахождении наиболее успешных для этого способов, в эпоху «сталинского конкордата» добавился вопрос, каким образом можно использовать церковь для реализации задач на внешнем контуре.

Маятник государственной политики качнулся в сторону послаблений, отразившихся и в законодательстве, и в практике правоприменения, и в публичном дискурсе отдельных представителей власти. На смену репрессиям пришла стратегия тотального контроля. Г. Карпов откровенно писал о новых правилах игры в одной из записок в августе 1948 г.: «Совет находит, что в данное время наименьшим злом для нашего государства будет открытие некоторого числа церквей, хотя и в меньшем числе, чем было. Наименьшим злом потому, что действие церкви допускается на определенных условиях, выполнение которых может быть проверено в любое время»[672]. Руководство Совета в 1940-х – 1950-х гг. настаивало на том, что «неправильно отклонять все ходатайства верующих об открытии церквей, так как это приведет к тому, что будет расти нелегальное отправление культа»[673].

---

[671] На основании этой записки Совет разработал проект постановления Совмина СССР, в котором появление и активность подполья, нелегалов напрямую увязывались с «необоснованным отклонением подлежащих удовлетворению ходатайств», что привело к резкому росту числа нелегальных молитвенных домов (в отдельных областях их количества в 2–3 раза больше, чем зарегистрированных церквей) (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 157–160. Цит. по: *Беглов А*. Указ. соч. С. 111–112).

[672] Там же.

[673] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 157–160. Цит. по: *Беглов А*. Указ. соч. С. 111, 112. Парадоксальным образом в 1943–1948 гг. Совет стал проводником интересов церкви. Это, впрочем, можно объяснить и тем фактом, что первоначально кадры Совета во многом формировались из сотрудников спецслужб, которые имели положительный опыт сотрудничества с церковью в годы войны.

В этом же русле крымский уполномоченный Совета указывал правящему архиерею на то, что советское правительство «единственное в мире не на словах, а на деле провозгласило свободу совести, о чем пишет в своей книге Патриарх Московский и всея Руси Алексий», и оно вовсе не заинтересовано «только закрывать церкви»[674].

На первом этапе своего существования (до 1960 г.) Совет и его уполномоченные могли отстаивать перед местными властями (в том числе обкомами) необходимость открытия молитвенных домов и храмов. Например, уполномоченный по Новосибирской области в 1946 г. ставил себе в заслугу ускорение оформления покупки помещения под молитвенный дом приходской общиной г. Болотное, которое произошло, несмотря на противодействие местных органов, «в результате принятых мною мер и разъяснения постановлений Правительства»[675]. Характерно, что благожелательную по отношению к религиозным общинам позицию Совета во многих случаях поддерживали работники НКГБ[676].

В законодательном отношении, как было показано ранее, ситуация также отличалась неясностью: принимавшиеся в 1940-х гг. правительственные акты не вполне соответствовали декрету 1918 г. и постановлению 1929 г.[677] Это не могло не влиять на восприятие государственной политики партийными и советскими работниками, а также самими уполномоченными Совета. Они испытывали растерянность, граничащую с непониманием, а некоторые четко фиксировали

---

[674] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленной секретарю Крымского обкома КП Украины В.Г. Комяхову, председателю Крымского облисполкома И.М. Филиппову, начальнику отдела УКГБ Н. С. Краснослободцеву. 14 июля 1959 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 13. Л. 98–101. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 365–367.

[675] Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области «О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 июля по 1 октября 1946 г.» // ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 19. Л. 24–27. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 340–341.

[676] *Беглов А*. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье. М. : РОССПЭН, 2018. С. 113–114.

[677] *Васильева О.Ю*. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. С. 113–114 ; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 104–105.

противоречивость генеральной стратегии и тактических шагов навстречу идеологическому врагу. В проекте письма патриарха Алексия I Н.С. Хрущеву в 1959 г. упоминалось, что в г. Калинине уполномоченный «заявляет, что известное «Положение об управлении Русской православной церкви», принятое в январе 1945 г. по согласованию с Советом по делам Русской православной церкви, является нарушением закона 1929 г. о религиозных организациях»[678].

Однако подобное двусмысленное положение было скорректировано в 1959–1960 гг., когда ЦК КПСС обнаружило в деятельности руководства Совета по делам РПЦ «серьезные политические ошибки». Они заключались в том, что Совет «по существу содействовал укреплению церковной епархии, усилению централизации в руководстве церковью, не сдержал стремления Московской патриархии в искусственном насаждении епархии в областях и автономных республиках нашей страны…»[679]. Постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. резко сужало возможности для развития церковных институтов[680].

Еще до выхода упомянутого постановления и принятия на его основе новых правительственных актов многие представители власти уловили перемену вектора государственной политики. В 1959 г. уполномоченный по Ростовской области сказал местному архиепископу: «Что было месяц тому назад или раньше, или даже вчера, того не может быть сегодня»[681].

Это в очередной раз демонстрирует справедливость тезиса о прерогативности советского права и его пластичности, а также о широте

---

[678] ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264.

[679] Доклад В.А. Куроедова «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». 21 апреля 1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1850. Л. 5–6. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 330–331.

[680] Нарушением закона объявлялось строительство молитвенных зданий и покупка домов, приобретение духовенством автотранспорта; благотворительная деятельность церкви, направленная на поддержание слабых приходов, привлечение «новых слоев населения» в лоно церкви, привлечение духовенством подростков и молодежи к церковной деятельности, «недемократичные» принципы управления церковными общинами. См.: О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах : Справка о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7.

[681] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264.

дискреционных полномочий советской административной системы в отношении религиозных организаций.

Чем был вызван поворот советской антирелигиозной политики в 1950-е – начале 1960-х гг.? На наш взгляд, это ужесточение можно описать как возврат к базовым настройкам системы, а период с 1943 по 1960 гг., таким образом, следует рассматривать как отклонение от генерального политического курса. Настроенным в агрессивно-секулярном ключе государственным институтам было необходимо лишить РПЦ той позиции, которую она заняла в годы войны и послевоенные годы, по возможности дезавуировав ее патриотический, народный, национальный образ соработника советского правительства и граждан[682].

Осторожно предположим наличие еще одной причины внутриполитического характера. За резкостью политических оценок и шагов Политбюро ЦК КПСС в отношении Совета и самой РПЦ могло стоять не только стремление перераспределить символическую власть, но и задача партии более плотно контролировать спецслужбы. Поскольку именно органы государственной безопасности после учреждения Совета играли в нем ведущую роль[683], «сталинский конкордат» мог восприниматься частью высшего партийного аппарата как проект спецслужб, который шел вразрез с генеральной линией партии. Таким образом, критика Совета могла быть частью усилий Политбюро по дальнейшему снижению политического веса МГБ/МВД/КГБ, что, однако, не означало устранения ведомства от руководства Советом как такового. При этом, как и в 1930-е гг., идеологические установки вновь получили приоритет по отношению к тактическим задачам.

* * *

Советское государство как субъект государственно-религиозных правоотношений в СССР в период 1940-х – 1980-х гг. реализовывало политические установки в отношении религии с помощью сложной и по большей

---

[682] «Вероятно, если бы не война, Сталин предпочел бы продолжать репрессии против Церкви», – отмечает Михаил Шкаровский (*Шкаровский М.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Вече ; Лепта, 2010. С. 352).

[683] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 117.

части закрытой системы нормативных и ненормативных актов, составлявших формальную сторону регулирования государственно-религиозных отношений, через разветвленную сеть организаций (акторов), каждой из которых была определена, помимо нормативно закрепленных полномочий, неформальная роль.

Их идеологические и управленческие задачи не во всем совпадали на разных этапах рассматриваемого периода. Конечная цель партии заключалась в создании общества, свободного от религии, однако ее реализация допускала тактические отклонения: от «сталинского конкордата», через усиление давления, к модели формализованного контроля. Задача правительственных органов – прежде всего Совета по делам религий при Совете Министров СССР – состояла в том, чтобы управлять отношениями между религиозными объединениями и государством, а также руководить религиозной жизнью на местах, используя правовые и административные меры. Задача органов государственной безопасности – в том, чтобы правовыми и неправовыми средствами нейтрализовать «угрозы», исходящие от религиозных организаций и отдельных верующих с репутацией «антисоветчиков»[684].

Несмотря на свою сложность, созданная система далеко не во всем была эффективной, и не всегда могла не только контролировать религиозные процессы в советском обществе, но даже и формировать реальную картину происходящего.

Происходившие на протяжении всего периода 1940-х – 1980-х гг. корректировки политического курса и законодательной базы способствовали противоречивости в представлениях коллективной бюрократии. Генеральный идеологический вектор 1930-х гг. в послевоенное время был опровергнут новой реальностью, в которой церковь стала частью общественной жизни, а ее символический ресурс, накопленный в годы войны, стал превращаться в материальный и внешнеполитический, что отразилось как на нормативно-правовом, так и на правоприменительном уровне. Все это шло вразрез и с интересами партийных и советских работников на местах, так как перед ними по-

[684] *Смолкин В*. Свято место пусто не бывает» : история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М. : НЛО, 2021. С. 63–64.

прежнему стояла задача покончить с «религиозным мракобесием». В дальнейшем неоднократно происходила корректировка законодательства и правоприменения в сфере государственно-религиозных отношений.

Ситуация многозначности и неопределенности в сфере идеологии усугублялась противоречиями внутри нормативно-правовой базы, а также неясностью отдельных правоприменительных процедур, функционала Совета (в особенности в первые годы его работы), что отражалось на деятельности как партийных и советских работников на местах, так и самих уполномоченных, которые не всегда точно понимали свои задачи в конкретный момент.

Все это создавало питательную почву для противоречивых и произвольных трактовок законодательства о культах, широкой вариативности правоприменения. С другой стороны, это помогало советской бюрократии избегать ответственности, а также обеспечивало широкие возможности для административного давления и использования квазиправовых методов и подходов (о них см. § 3.2 и 3.3 диссертации).

§ 2.3. Церковное (каноническое) право и формальные церковные установления как основа нормативной модели отношений Русской православной церкви с государством и обществом

В настоящем параграфе рассматриваются присущие институту Русской православной церкви формальные ограничения («формальные правила»), укорененные в церковной традиции и церковном (каноническом) праве и оказывавшие непосредственное влияние на правосознание духовенства и мирян в 1940-х – 1980-х гг.

Под формальными правилами в данном случае, в рамках институционального подхода, мы будем понимать закрепленные в источниках церковного права (догматических и канонических текстах, уставах, решениях соборов и Синода) нормы, задающие допустимые и предпочтительные модели

поведения участников церковной жизни в исследуемый период и определяющие границы их взаимодействия с государством и обществом. При этом, как ранее уже упоминалось (см. § 1.2), с учетом специфики предмета и хронологических рамок нашего исследования понятия «церковного» и «канонического» права используются в работе как синонимы.

Содержание церковных формальных правил было обусловлено как особенностями православного христианского вероучения, так и историческими причинами. Некоторые из этих представлений советских верующих о себе и о церкви оставалась неизменными на протяжении всего времени, другие подвергались корректировке или даже пересмотру в зависимости от политических и иных обстоятельств. Выбор цитат из Священного Писания, произведений церковных авторов разных веков, а также интерпретация этих текстов патриархом и Синодом, епископами, священниками, преподавателями духовных школ и простыми верующими, безусловно, в немалой степени отражали «дух времени». Поэтому при изучении тех аспектов церковного права, которые связаны с жизнью государства, общества и церкви, важно принимать во внимание не только церковную доктрину (богословские основания, которые, по сути, представляют собой формальные правила церкви), но и ее преломление в церковной жизни исследуемого периода (реальные практики правоприменения, исходящие как из формальных, так и из неформальных правил).

Церковное (каноническое) право, не будучи «правом» в позитивистском смысле этого понятия, тем не менее составляло принципиально важный элемент широко понимаемого механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений в советский период. Оно определяло рамки допустимого поведения для различных уровней церковной организации, формировало специфическую когнитивную рамку Русской православной церкви – устойчивые представления о должном устройстве отношений между церковью, государством и обществом и о «правильном» государстве как таковом.

На необходимость учитывать «каноническую рефлексию» церкви о самой себе указывал, например, бывший председатель Совета по делам религий

К.М. Харчев. В книге «Религия и международное право» он вслед за Ф. Мартенсом[685] отмечал, что религиозные верования, равно как и церковные общества, не знают территориальных границ. Члены одной и той же религиозной организации, живущие в разных государствах, будут всегда сознавать свою солидарность, и такого рода связь, общие религиозные интересы, «непременно окажут влияние на международные отношения государств», что, по словам К.М. Харчева, делает религию одной из важнейших составляющих международной политики[686].

Институциональный подход, применяемый в исследовании, предполагает рассмотрение Русской православной церкви как общественного института с собственным набором формальных правил и когнитивных установок, которые взаимодействовали с нормами советского права. В последующих параграфах диссертации эти церковные правила будут соотнесены с советскими нормативными актами и практикой их применения при анализе имущественных отношений РПЦ, церковной образовательной и кадровой политики. Настоящий параграф выполняет функцию концептуальной «рамки», позволяющей интерпретировать законодательство и практику его применения в указанных сферах как результат наложения двух правопорядков – государственного и церковного.

Описывая развитие церковного права в исторической ретроспективе, мы неизбежно выходим за хронологические рамки 1940-х – 1980-х гг., поскольку конкретные правила, имевшие значение для РПЦ в рассматриваемый период,

---

[685] *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1883. Т. 2. С. 99–100.

[686] *Харчев К.М.* Религия и международное право : учебное пособие. М. : РГУП, 2019. С. 4. Он также считает возможным, учитывая значимость религиозных правоотношений, связанных с непосредственным участием религиозных объединений в международном общении, выделять международное право религиозных конфессий (или религиозное право) как отрасль международного права, представляющую собой «систему религиозных прав и свобод, включающую право религиозных объединений участвовать в международном общении». В любом случае, согласимся с К. Харчевым в отношении того, что религиозные традиции (в первую очередь – христианство и ислам) по своей сути наднациональны, что в конечном итоге делает их не слишком удобным для государства инструментом укрепления «национальной идентичности».

формировались на протяжении всей истории христианской церкви. Обращение к раннехристианским и византийским источникам, а также к дореволюционной российской традиции необходимо для реконструкции той когнитивной рамки, в пределах которой церковное руководство и верующие воспринимали советскую государственность и советское право.

Доктринальные основания когнитивной рамки Русской православной церкви

Основы православного взгляда на государственную власть формируются в новозаветной традиции. Принцип «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21) трактуется церковными толкователями как указание на разделение сфер гражданских обязанностей перед государством и духовных обязанностей перед Богом. Это предполагает, по крайней мере в идеале, автономию церкви и государства в вопросах, относящихся к их компетенции: невмешательство церковных властей в дела государственного управления и, напротив, невмешательство государственных институтов во внутреннюю жизнь церкви[687].

Апологетика государственной власти закреплена в послании апостола Павла к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). В церковной традиции этот текст используется для обоснования необходимости повиновения законной власти «не только из страха наказания, но и по совести». В то же время ряд толкователей подчеркивают, что речь идет о власти как служении

[687] Особой, в этом смысле, была ситуация в Римской империи до принятия Миланского эдикта в 313 г. В этот период основной причиной гонений на христиан являлось их уклонение от религиозного почитания римских богов и неучастие в культе императоров. Данная сфера относилась к ведению государства, а публичное осуществление языческих культов было важным для общественной безопасности делом, которое обеспечивало благополучие империи. *Лебедев А.П.* Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 2006. С. 25 ; *Fredriksen P.* Christians in the Roman Empire in the First Three Centuries CE // A companion to the Roman Empire / ed. by D. Potter. Blackwell Publishing, 2006. P. 601–602. Историки также выделяют и экономические причины гонений : в языческих храмах нередко происходили различные экономические сделки (например, купля-продажа), поэтому отказ христиан от участия в них мог рассматриваться как угроза экономике (*Fletcher S.* Temples, Coins and Persecution : Why the Pagans Persecuted the Early Christians // Studia Antiqua. 2008. Vol. 6, No. 1. P. 116).

Божьему замыслу, а не о самодовлеющем институте, требующем поклонения[688]; следовательно, за церковью сохраняется право давать нравственную оценку действиям светской власти и, в крайнем случае, ориентироваться на принцип «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29).

Таким образом, уже на уровне новозаветной традиции формируется двойственная установка: с одной стороны, признание легитимности государственной власти как установленной Богом и требующей повиновения, с другой – убеждение, что эта власть должна оставаться в рамках божественного закона и подлежит нравственной оценке со стороны церкви. Эта установка, закрепленная в богословии и проповеди, становится одним из устойчивых элементов когнитивной рамки православных верующих, задавая исходное представление о «нормальном» соотношении духовной и светской власти.

Начиная с IV в. на христианском Востоке[689] постепенно формируется новая модель государственно-религиозных отношений, получившая в историографии название «византийской». В этой модели православный император, рассматриваемый как «внешний епископ», осуществлял «попечение о церкви Божией», созывал церковные соборы и участвовал в решении церковных вопросов. Уже в описании Первого Вселенского собора (325 г.) церковный историк Евсевий Кесарийский подчеркивает активную роль императора Константина Великого в формулировании догматического термина «единосущный» (ὁμοούσιος) в противовес арианству[690].

В церковных новеллах императора Юстиниан VI в. формулируется концепция «симфонии» светской и церковной властей[691]. Священство и царство описываются как «два величайших дара Божиих», происходящие от одного начала и призванные к согласованному служению обществу: при

---

[688] См., напр.: *Иннуарий (Ивлиев), архим*. Дайте кесарю кесарево, а Богу Богово // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iannuarij_Ivliev/dajte-kesaryu-kesarevo-a-bogu-bogovo (дата обращения: 25.10.2025).

[689] Особенности церковного устройства на Западе не являются предметом нашего рассмотрения.

[690] *Суворов Н.С*. Учебник церковного права. С. 39–44.

[691] Новелла VI (535 г.). См.: *Максимович К.А*. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе : из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. 2007. Вып. 17. С. 27–44.

безукоризненном исполнении священством своих обязанностей и справедливом управлении государством между ними возникает «доброе согласие» (συμφωνία τις ἀγαθή), которое обеспечивает благо роду человеческому[692].

В рамках этой модели служение государству и императору признается богоугодным делом, государственная политика получает церковное одобрение и даже сакрализуется, тогда как внутренняя жизнь церкви формально остается в ее ведении. При этом границы компетенций не определяются жестко: император фактически выступает земным главой христиан, а патриарх лишен сопоставимых полномочий[693]. Такая конфигурация закрепляет в церковном сознании идею тесного, почти нераздельного сотрудничества церкви и государства, где вмешательство светской власти в церковные дела воспринимается как нормальное и законное, пока оно не противоречит вероучению.

На Руси с принятием христианства начался процесс постепенного утверждения в обществе христианских норм поведения, сопровождавшийся рецепцией юридической и канонической традиции Византии[694], а также адаптацией местных традиций обычного права. Свидетельством тому выступают древнерусские церковные княжеские уставы, которые в различной степени применялись в Русской церкви вплоть до XVIII в.[695]

---

[692] Новелла VI (535 г.). См.: *Максимович К.А*. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе : из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. 2007. Вып. 17. С. 30–31.

[693] *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен. С. 43.

[694] *Томсинов В.А*. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Вестник Московского университета. Серия : Право. 1998. № 4. С. 3–17. *Его же*. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2009. № 4. С. 3–26.

[695] *Белякова Е.В*. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. 665 с. При этом некоторые авторы указывают, что византийские правовые тексты (будь то светские или церковные) зачастую воспринимались на Руси в качестве эталона, но при этом имели скорей религиозную, чем практическую значимость. Такое отношение к византийскому праву привело к тому, что его применение зачастую имело субсидиарный характер, помогая разрешению ситуаций, для которых было затруднительно воспользоваться нормами обычного права. См. : *Живов В.М*. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002 ; *Пенская Т.М., Тонков Е.Е., Туранин В.Ю.* К вопросу о характере рецепции византийского права в средневековой Руси // NOMOTHETIKA : Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 761–774.

После падения Константинополя в 1453 г. в России формируется идея особой миссии Москвы как третьего Рима в православной ойкумене: московский царь воспринимается как преемник византийских императоров, а для Русской церкви наступает период существования «на византийских основах» с высшей властью царя[696].

В Новое время система государственной церковности в Российской империи ориентировалась на модель «симфонии»: самодержавная монархия и Православная церковь выступали как взаимно поддерживающие друг друга институты. Монарх (как «внешний епископ») в некоторых ситуациях распространял свою власть и на церковную сферу[697], тогда как церковь, опираясь на государственную поддержку, сохраняла религиозную монополию и участвовала в осуществлении государственной власти (участие в судебной и исполнительной деятельности, использование монастырей как пенитенциарных учреждений, признание государством исключительно церковного брака и проч.).

Реформы Петра I, упразднившие институт патриаршества и учредившие Святейший синод с государственным чиновником (обер-прокурором) во главе, усилили включенность церковного управления в государственный аппарат. Синод входил в систему высших государственных учреждений, его указы и определения становились частью системы российского права, а сама церковь фактически превращалась в ведомство по духовным делам.

Правовой статус церкви определялся преимущественно правовыми актами императорской власти, а не канонами. Но справедливость такой идеи сосуществования церкви и государства не подвергалась сомнению в православной церковной среде, какая-либо рефлексия по этому вопросу отсутствовала[698].

---

[696] *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. С. 95–98.

[697] *Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX века : дис. … д. юрид. наук : 12.00.01. М., 2008. С. 359–360.

[698] Впрочем, как отмечает Сергей Фирсов, после 1917 г. некоторые представители церкви видели одной из причин гибели «старой России» допущенное Петром I нарушение традиционной «симфонии», установление синодального правления (*Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен. С. 46).

Прот. Владислав Цыпин отмечает, что логика, описывающая соотношение светского и церковного права в Российской империи, до некоторой степени сохраняется и в постимперский период: в сфере внешнего права церкви воля государственной власти остается суверенным источником норм[699], тогда как внутренние вопросы церковной жизни рассматриваются как не подлежащие государственному регулированию.

Даже в дореволюционный период признание легитимности государственных правовых норм, регулировавших внутрицерковные вопросы, по мнению прот. Владислава Цыпина, было допустимо лишь при соблюдении некоторых условий – например, в силу принадлежности монарха как носителя высшей власти к Православной церкви. Кроме того, несмотря на византийскую риторическую традицию превознесения церковного статуса императора («внешний епископ церкви» и др.), глава государства по-прежнему оставался мирянином. «Самое большее, что ему предоставлялось, – это право являть собой совокупный голос всех мирян»[700].

Следствием этой исторической эволюции стала устойчивость в православной среде представления о государстве как естественном и легитимном партнере церкви, а также отсутствие систематического церковного осмысления государства и права как автономных явлений, сопоставимого с западной традицией (например, с учением Фомы Аквинского)[701]. Уже на Втором Ватиканском соборе (1962–1965 гг.) Католическая церковь изложила свое видение места христианства в секулярном обществе[702]. Православные же церковные иерархи и богословы, находясь внутри модели государственной церковности, как правило, не считали необходимостью выработку самостоятельной доктрины о секулярном государстве и праве. Это обстоятельство во многом предопределило

---

[699] *Цыпин В., прот.* Каноническое право. С. 35–37.
[700] Там же.
[701] *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. 1 : [Часть первая. Вопросы 1–64] / пер. А.В. Апполонова (с параллельным латинским текстом). М. : Издатель Савин С.А., 2006. 874 с.
[702] Декларация «О религиозной свободе» (Dignitatis humanae) // Документы II Ватиканского собора. М. : Паолине, 1998. С. 284–297 ; Пастырская конституция «О церкви в современном мире» (Gaudium et Spes) // Там же. С. 377–467.

сложность адаптации Русской православной церкви к условиям советской секулярной государственности и стало важным элементом когнитивной рамки, с которой она вошла в 1917 г. и последующий периоды.

Церковное право как система формальных правил. Проблема несистемности канонических норм

Для последующего анализа необходимо различать несколько уровней церковной нормативности, которые выделяют специалисты в сфере церковного (канонического) права. Именно через них церковное право выступает в качестве особой формальной рамки существования Русской православной церкви как института.

Во-первых, особое место занимает «божественное право» – догматические и нравственные установления, выводимые из Священного Писания и Предания и воспринимаемые церковным сознанием как имеющие неизменный характер. Во-вторых, выделяется собственно каноническое право – правила вселенских и поместных соборов, постановления древних и новых соборов, традиционно включаемые в такие сборники, как Книга правил, Кормчая книга и др. Они регулируют устройство церковной жизни, вопросы дисциплины и церковного суда. В-третьих, можно говорить о внутреннем праве Русской православной церкви в более узком, административном смысле – решения высшей церковной власти, акты патриарха, Синода, архиерейских и поместных соборов, конкретизирующие применение канонов в новых исторических условиях. Наконец, в-четвертых, можно выделить «внешнее» церковное право, регулирующее отношения церкви с государством, иными конфессиями и международными организациями.

Это разграничение в целом корреспондирует с классификациями церковных норм, которые предлагались дореволюционными канонистами, а также описаны в светской и церковной литературе. Так, К.М. Харчев, опираясь на классический учебник Н.С. Суворова (как «человека, заложившего основы науки церковного

права России»)[703], определяет церковное право в объективном смысле как совокупность норм, устанавливаемых для определения и упорядочения церковных отношений, а также предлагает различать внутреннее церковное право (jus ecclesiasticum internum), регулирующее внутриобщинные отношения, и внешнее (jus ecclesiasticum externum), которое включает государственно-церковное и междувероисповедное право[704]. Церковь как институт, подчеркивает К.М. Харчев, не может существовать вне упорядоченных правом отношений с другими религиозными и политическими союзами, а также с отдельными лицами, находящимися вне церковной общины[705].

В нашем случае, имея в виду советскую и постсоветскую системы, в которых церковь отделена от государства, конечно же, невозможно говорить о внешнем праве церкви в том же смысле, как оно понималось в Российской империи. Однако очевидно, что в ситуации секулярного государства религиозные объединения (и прежде всего крупнейшая религиозная организация – Русская православная церковь) тем или иным образом определяют свое отношение к другим общественным акторам.

Такое разграничение различных уровней церковного права особенно значимо для задач настоящего исследования. Применительно к истории правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР принципиально важно указать, что эти составляющие церковной нормативности обладали разной степенью устойчивости и восприимчивости к внешнему воздействию. Если церковное сознание склонно воспринимать догматическое ядро и базовые элементы литургической традиции как неизменяемые, то нормы, относящиеся к области церковного управления, дисциплины, порядка взаимодействия с государством и организационного устройства, в значительно большей мере поддавались изменениям и адаптации. Именно в этом втором, «прикладном», измерении церковное право особенно тесно соприкасалось с советским законодательством о культах и с административной практикой органов власти.

---

[703] *Харчев К.М.* Религия и международное право… С. 8.
[704] Там же. С. 14.
[705] Там же. С. 13–14.

Вместе с тем представление о церковном праве как о стройной системе норм, иерархически выстроенной по образцу современного государственного права[706], при всей привлекательности складывающейся картины, было бы методологически упрощенным. Правила вселенских и поместных соборов или Кормчие книги действуют в Русской православной церкви принципиально иным образом, нежели Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в современном российском государстве. В церковной реальности советского периода (как, впрочем, и сегодня) внутри церковного права и его отдельных институтов не существовало стройной системы материальных и процессуальных норм. Даже если брать в расчет лишь вопросы богослужебного характера, где своего рода эталоном для церковного сознания выступает соответствие Типикону, стоит вспомнить, что единственная в истории Русской церкви «служба по Типикону» была осуществлена лишь в качестве эксперимента в Киевской духовной академии в начале XX в.[707]

На неоднозначность самого статуса канонических норм обращал внимание протопресвитер Иоанн Мейендорф, отмечавший кризис православной мысли именно в области канонического права: на каноны ссылаются «и консерваторы и либералы, и сторонники экуменизма и его противники, и защитники status quo и реформаторы», однако при этом остаются неясными критерии выбора конкретных текстов, причины фактического забвения одних норм и актуализации других. Он полагал, что для современного православного богословия чрезвычайно важно поставить вопрос о юридической обязательности древних канонических правил: «Не очевидно ли, что в нашей Православной церкви, в которой так много разделений и мнений по практическим вопросам, каждая группа находит те каноны, которые могут оправдать ее собственную позицию, забывая не только

---

[706] *Осавелюк А.М.* Церковь и государство... С. 253–330, 331–352.

[707] *Скабалланович М.Н.* Практическая осуществимость всего устава всенощной // Толковый Типикон : объяснительное изложение Типикона с историческим введением / сост. М.Н. Скабалланович. М : Паломник, 2003. С. 330–336. В отношении же богослужебной практики советского времени Совет по делам религий отмечал, что «жизнь вынуждает церковников вносить изменения в практику церковных служб и обрядов, сокращать и упрощать их, отказываться от многих культовых действий» (Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 335).

другие тексты, но, что более важно, само основное и неизменное Предание Церкви? Последнее гораздо важнее, нежели отдельные канонические тексты, вырываемые из контекста»[708].

Тем самым протопресв. И. Мейендорф указывал не только на наличие внутрицерковных разногласий относительно применения древних канонов, но и на более общую проблему: каноническое право в православной традиции существует и действует не как единообразно применяемая завершенная и кодифицированная система, а как многослойный корпус норм, по-разному актуализируемых в зависимости от контекста.

Сходную проблему изменяемости канонических норм и их актуальности для того или иного исторического контекста выделяли и другие исследователи. Профессор Н.К. Соколов еще в 1870-х гг. отмечал, что спорящие стороны «опираются на каноны, причем Книга правил остается чем-то вроде арсенала древностей, из которых берется и назначается к употреблению только то оружие, которое угодно и желательно в данном случае и при известных обстоятельствах»[709]. А.М. Осавелюк, анализируя дискуссии начала XX в. (в период Предсоборного присутствия) о каноническом праве, приводит позицию архиепископа Димитрия (Ковальницкого), говорившего о наличии в церковном праве канонов, которые можно назвать «мертвыми», то есть переставшими непосредственно управлять жизнью церкви в изменившихся условиях[710].

Сам А.М. Осавелюк полагает, что в данном случае архиепископ «смешивает действие канона с правоприменением. То, что какая-то норма какой-то период не применяется, вовсе не означает, что она «мертва»: просто не наступили условия для ее применения»[711]. То есть неиспользование нормы не тождественно ее отмене, отсутствие применения еще не означает утраты силы. В подтверждение такого взгляда А.М. Осавелюк приводит следующий аргумент, впрочем, с нашей

---

[708] *Мейендорф И., протопресв*. Живое предание : свидетельство Православия в современном мире. М. : Паломник, 2004. С. 158–204.
[709] *Соколов Н.К*. О началах и формах духовного суда ввиду современных потребностей // Православное обозрение. 1870. Май. С. 835–836.
[710] См.: *Белякова Е.В*. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 58.
[711] *Осавелюк А.М.* Церковь и государство : монография. М. : Проспект, 2019. С. 283.

точки зрения, достаточно дискуссионный: и в церковном, и в светском праве имеется множество норм, при принятии которых законодатель рассчитывает, что они (даже если не будут отменяться вообще) будут крайне редко применяться. «Трудно себе представить, например, чтобы норма ст. 105 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за убийство, была включена в Кодекс в расчете на ее частое применение»[712].

В любом случае эта оговорка не устраняет главной трудности – в конкретной церковной практике далеко не всегда очевидно, какие именно канонические положения продолжают реально действовать, какие носят «латентный» характер, а какие фактически вытеснены иными нормами, обычаями или управленческими решениями церковной иерархии.

При этом для многих работ, описывающих систему церковного (канонического) права, характерно систематическое изложение формальных установлений, записанных в древних канонах и положениях современного Устава РПЦ, «как в учебнике», без объяснения, как и на каких основаниях на самом деле функционирует эта система и каковы критерии выбора того или иного положения в реальной церковной практике[713].

Поясним это на примере того, как прот. Владислав Цыпин в своем фундаментальном труде описывает устройство судебной власти в Русской православной церкви.

С одной стороны, он стремится систематизировать действующее право Русской православной церкви, разграничивая древние каноны, нормы собственно церковного происхождения синодальной и досинодальной эпох и государственные акты дореволюционного и советского времени[714]. Например, он справедливо оговаривает, что изначально в РПЦ существовали только две инстанции судебной власти: епархиальный архиерей и собор (во главе с митрополитом). В синодальную эпоху в России все судебные дела разбирались консисториями, однако решения консистории подлежали утверждению со

---

[712] *Осавелюк А.М.* Церковь и государство : монография. М. : Проспект, 2019. С. 283.
[713] Там же. С. 396–417.
[714] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 258.

стороны архиерея, который мог и не согласиться с суждением консистории и вынести самостоятельное решение по любому делу». Приводя пример того, как в конце 1860-х гг. обер-прокурор Святейшего синода граф Д.А. Толстой предлагал реформировать институт церковного суда, устроив его по образцу светского (в том числе путем введения аналогов суда присяжных и состязательных начал), В. Цыпин указывает на неканонический характер и абсурдность такого подхода[715].

С другой стороны, и в изложении прот. В. Цыпина сохраняется некоторая неопределенность. Остается непонятным, какие именно положения канонического права или исторические прецеденты должны в первую очередь применяться для определения церковно-правового статуса суда в РПЦ – и почему.

Древние каноны, по его мнению, сохраняют силу постольку, поскольку они не отменены, не изменены и не устарели[716], однако четкие критерии различения между «устаревшей» и «действующей» нормой установить удается далеко не всегда. Более того, в тех случаях, когда отдельные сферы церковной жизни оказываются недостаточно регламентированными, церковная практика вынуждена обращаться к византийским государственно-правовым актам, освященным традицией, либо к историческим прецедентам[717].

В отношении самого описанного прот. В. Цыпиным в качестве примера предмета (статуса церковного суда) отметим, что он фактически подтверждает: церковный суд в рассматриваемый период (изъятый из привычного имперского порядка) не был в РПЦ самостоятельным институтом.

В любом случае, попытки представить церковное право как полностью завершенную и внутренне непротиворечивую нормативную систему, аналогичную современному государственному правопорядку, не вполне соответствуют реальностям церковного правосознания и церковной практики. Правила вселенских и поместных соборов, кормчие книги, уставные положения и

---

[715] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. См.: Ч. 5. «Церковная власть», гл. 47 «Церковный суд», параграф 47.7 «Церковно-судебные инстанции». С. 631–633.
[716] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 259–260.
[717] Там же. С. 260.

решения церковной власти действуют в Русской православной церкви принципиально иначе, чем нормы позитивного права в секулярном государстве. Их значение определяется не только формальным наличием текста, но и традицией толкования, церковной рецепцией, практикой применения, авторитетом конкретных носителей церковной власти и общим состоянием церковной жизни в тот или иной период.

Однако указанная несистемность не означает, что церковное право не может быть предметом институционального анализа. Напротив, именно в русле институционального подхода оно и должно рассматриваться не как идеально кодифицированная система, а как совокупность реально действующих формальных правил, которые, несмотря на фрагментарность, задают устойчивые рамки поведения церковных акторов. Для целей настоящего исследования существенны не все потенциально имеющиеся канонические предписания, а прежде всего те нормы и нормативные представления, которые в 1940-х – 1980-х гг. фактически использовались или могли использоваться в качестве основания для решений высшей церковной власти, епископата, приходского духовенства и для конкретных действий обычных верующих.

Именно в этом смысле церковное право выступает частью когнитивной рамки Русской православной церкви. Оно не только фиксирует формальные ограничения и предписывает допустимые модели поведения, но и формирует представления о нормативном, должном и справедливом в отношениях между церковью, государством и обществом. Поэтому при исследовании государственно-религиозных отношений советского периода необходимо учитывать не только советские нормативные акты и практику их применения, но и тот параллельный государственному («конкурирующий», по Б. Таманахе) нормативный порядок, в рамках которого церковь осмысляла собственное положение, пределы допустимых компромиссов и характер взаимодействия с государством.

Институциональные изменения 1917–1930-х гг.: переход от имперской «симфонии» к советской модели

Еще в самом начале XX в. поворотным моментом для обсуждения церковных реформ в России стал 1905 г., в том числе в связи с провозглашением Манифестом от 17 октября свободы вероисповедания. Созванное в 1906 г. Предсоборное присутствие обсуждало среди прочих вопросы правового статуса церкви, ее автономии от государства, церковного имущества и др.[718] Однако резкое изменение политико-правовых условий после революций 1917 г. застало церковное руководство в ситуации отсутствия разработанной доктрины о статусе церкви в секулярном государстве.

Весной 1917 г., до прихода к власти большевиков, Временное правительство приняло ряд правовых актов, которые упразднили статус православия как государственной религии и уравняли его в правах с другими вероисповеданиями. Церковное руководство при этом прилагало все усилия к тому, чтобы сохранить привилегированное положение церкви и государственное финансирование.

Несколько месяцев спустя Поместный собор 1917–1918 гг. предпринял попытку адаптировать традиционный идеал государственной церковности к новым обстоятельствам. В соборном Определении «О правовом положении Православной российской церкви» от 2 (15) декабря 1917 г. церковь квалифицировалась как особый союз в государстве, самостоятельно управляющийся своими установлениями и законами, за приходами и монастырями закреплялось право юридического лица, владения движимым и недвижимым имуществом, получения государственных субсидий. При этом государству предписывалось «обеспечить свободу и независимость» Православной церкви «при изменившемся государственном строе», а издание

---

[718] См. подробнее : *Поспеловский Д.В*. Русская православная церковь в XX в. М., 1995 ; *Фирсов С.Л*. Православная церковь и Российское государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996 ; Церковная реформа : сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / сост. И.В. Преображенский. СПб. : Тип. Э. Арнгольда, 1905.

законов, касающихся ее положения, допускалось лишь по согласованию с самой церковью[719].

Вместе с тем соборное большинство, еще не осознав в полной мере последствия большевистской революции, исходило из необходимости сохранения за православием первенствующего положения в государстве. Обосновывая такой статус, участники собора ссылались как на богословские аргументы (православие как часть единой Вселенской Церкви), так и на историко-культурные и социальные основания (роль православной церкви в созидании Российского государства, принадлежность к ней «подавляющего большинства» населения, особое имперское публично-правовое положение церкви)[720]. Правительству вменялось в обязанность защищать права и интересы церкви, оказывать ей покровительство во внешних и внутренних делах. «Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православною церковью в установленном ею порядке, со времени обнародования их церковною властью, равно и акты церковного управления и суда признаются государством имеющими юридическую силу»[721].

Фактически, таким образом, предполагалась модернизация, а не демонтаж имперской модели «симфонии».

Французский исследователь свящ. Иакинф Дестивель характеризует соответствующие положения Определения как «оторванный от реальности идеал», демонстрирующий нежелание Русской церкви отказаться от привычного принципа тесного союза с государственной властью[722].

С точки зрения институционального анализа эти документы фиксируют попытку закрепить за церковью набор формальных правил, восходящих к дореволюционной модели: признание особого публично-правового статуса,

---

[719] Собрание определений. Вып. II. Определение II. С. 6–8.

[720] Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. М. : Издание Соборного совета, 1918. С. 6.

[721] О правовом положении Православной Российской церкви. Определение Поместного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. // Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. М. : Издание Соборного совета, 1918. С. 6–8.

[722] *Дестивель И., свящ*. Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. С. 212.

участие в регулировании законодательства, сохранение имущественных прав и финансовой поддержки со стороны государства. Именно они демонстрируют, какие нормы и представления составляли для церковного руководства «нормальную» когнитивную рамку церковно-государственных отношений накануне окончательного утверждения советской власти.

Принятие Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в январе 1918 г., а также последующее конституционное закрепление принципа отделения в Конституции РСФСР 1918 г. радикально изменили правовой статус религиозных объединений. Церковь лишалась прав юридического лица и собственности, возможности получать государственное финансирование, была отстранена от участия в общественной жизни и государственных функциях. Внутрицерковные акты Поместного собора, предполагавшие сохранение отдельных элементов имперской модели, не могли быть реализованы в новых условиях.

Реакция церковного руководства в первые послереволюционные годы была противоречивой[723]. С одной стороны, Патриарх Тихон (Беллавин) в послании от 19 января 1918 г. резко осудил действия большевиков, лишивших церковь ее имущественных и публично-правовых привилегий, и предал анафеме «гонителей православной веры»[724].

С другой стороны, под давлением политической реальности собор был вынужден пересмотреть свою позицию по вопросу о статусе церкви. В Определении от 2 августа 1918 г. собор подтверждал отделение церкви от государства и провозглашал принцип невмешательства в политическую борьбу: Русская православная церковь, «не связывая себя ни с каким определенным образом правления, не касаясь политических организаций, всегда осуществляет

---

[723] Митр. Исидор (Тупикин) в связи с этим отмечает, что высшее церковное руководство «не вполне смогло оценить новые условия своего существования и делало попытки сопротивления новым реалиям, которые приводили к еще большему ужесточению законодательной базы по отношению к деятельности Русской православной церкви». *Исидор (Тупикин), митр*. Религиозное воспитание и образование в СССР // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2020. № 4 (9). С. 65.

[724] Послание патриарха Тихона всем верным чадам Православной российской церкви. 19 января 1918 г. // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 307. Л. 318.

моральную задачу воспитания народа»[725], то есть ограничивает свою миссию духовно-нравственной сферой.

Вопросы имущества и доходов при этом становились одним из главных предметов конфликта: соборные постановления (например, от 24 и 30 августа (6 и 12 сентября) 1918 г.) подчеркивали «общий» характер церковного имущества[726] и квалифицировали его конфискацию как кощунственный захват, влекущий церковные санкции для участников[727].

Уже в 1925 г. патриарх Тихон призывал верующих к непротивлению силой новой власти, исходя из традиционного принципа «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1), и настаивал на выполнении гражданских обязанностей[728]. Похожие оценки давали и другие иерархи: церковь лишалась статуса государственной, но мыслилась как «народная» и «страждущая»[729].

С институциональной точки зрения эти шаги означали частичный отход от прежнего набора формальных правил. Церковь переставала претендовать на закрепленный в законе публично-правовой статус и исключительные имущественные права, но еще удерживала внутри своей когнитивной рамки представление об особом характере церковного имущества и о праве на государственное покровительство. Именно столкновение этих внутренних нормативных установок с новым советским режимом правового регулирования стало в дальнейшем одним из источников напряжения в государственно-религиозных отношениях.

С 1920-х гг. в церковных кругах формируется несколько конкурирующих стратегий отношения к советской власти – от непримиримого неприятия и

---

[725] Цит. по: *Цыпин В., прот*. История Русской православной церкви : Синодальный и Новейший периоды (1700–2024). М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2025. С. 374.

[726] Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. С. 52.

[727] Там же. С. 28–30.

[728] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 361–363.

[729] *Кирилл (Смирнов), митр*. Письмо к пастве Тамбовской // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 195.

стремления сохранить дореволюционные привилегии до поисков новой «симфонии», основанной на сотрудничестве в социально значимых сферах (благотворительность, борьба с асоциальными явлениями и т.п.).

Так, в первые послереволюционные годы в среде православного духовенства были широко распространены резкие и непримиримые оценки церковной политики большевиков, разрушения традиционной системы государственно-церковных отношений. «Власть, отнявшая у нас храмы и монастыри, закрывшая духовные школы и запретившая религиозное воспитание детей, вряд ли может рассчитывать на искреннюю поддержку и молитвы за нее», – говорил в 1923 г. архиепископ Серафим (Самойлович)[730]. В письме архиепископа Илариона (Троицкого) во ВЦИК РСФСР от 15 июля 1923 г. отмечалось: «Православную российскую церковь лишили всех ее прав: права собственности, права юридического лица; лишили возможности располагать своими храмами, своими богослужебными предметами, своими денежными суммами; закрыли и отобрали в казну все свечные заводы, подчинили церковь чрезвычайным налогам»[731]. Многие священнослужители и миряне в своих обращениях к органам власти жаловались на незаконные аресты клириков, закрытие храмов, запрет на проведение крестных ходов и публичных богослужений.

Вместе с тем в эти годы в церковных кругах получила распространение и идея «новой симфонии», сотрудничества православной церкви с советским государством в областях, представляющих взаимный интерес (благотворительность, борьба с асоциальными явлениями и т.п.)[732].

---

[730] Цит. по: *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014. С. 212. Автор приводит эту цитату как слова архиепископа Серафима (Самойловича), сказанные им в 1937 году во время допроса на следствии. Однако он не дает точной отсылки к архивному источнику, из которого была взята цитата.

[731] Письмо архиепископа Верейского Илариона (Троицкого) во ВЦИК от 15 июля 1923 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 303.

[732] *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Изд-во Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 1999. С. 95–102.

Наиболее влиятельной в долгосрочной перспективе стала именно вторая линия, связанная с именем митрополита Сергия (Страгородского).

В Декларации от 29 июля 1927 г., неоднократно подтвержденной последующими соборными решениями, митрополит Сергий формулирует новый набор формальных правил, определяющих отношение РПЦ к советскому государству. С одной стороны, отвергается тезис о неизбежном конфликте между христианством и коммунизмом; подчеркивается, что церковь «не связывает себя ни с каким государственным строем» и не участвует в политической борьбе. С другой стороны, церковь публично заявляет о признании Советского Союза своей «гражданской родиной», разделяет его «радости и неудачи» и декларирует готовность к сотрудничеству с властями в рамках действующего законодательства[733].

Фактически декларация закрепляет модель «лояльного законопослушания», в рамках которой Русская православная церковь отказывается от претензий на особое публично-правовое положение, переносит акцент на сугубо духовную и пастырскую деятельность, тем самым ограничивая собственную субъектность в публичном пространстве. Политические вопросы выводятся за пределы церковной компетенции, а любые попытки использования церкви в политических целях осуждаются. На встрече с иностранными журналистами в 1930 г. митрополит Сергий утверждал, что «гонений на религию в СССР никогда не было и нет»[734], случаи притеснений верующих носят единичный характер и пресекаются властями.

Вместе с тем митрополит Сергий и его окружение активно апеллировало к советскому законодательству, пытаясь с его помощью смягчить последствия

---

[733] *Сергий (Страгородский), митр*. Декларация заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного синода от 29 июля 1927 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : сборник в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 509–513.

[734] Цит. по: *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Вече, Лепта, 2010. С. 163.

антирелигиозной политики, предотвратить закрытие храмов и преследование духовенства[735].

В институциональной перспективе линия митрополита Сергия представляет собой попытку выработать новый набор формальных правил, совместимых с существованием церкви в условиях секулярного тоталитарного государства. Эти правила предполагают: 1) отказ от претензий на статус господствующей конфессии; 2) признание советской власти как легитимной в гражданско-правовой сфере; 3) самоограничение публичной активности церкви, сведение ее преимущественно к богослужебной и пастырской сферам; 4) ориентацию на использование советских законов как внешней рамки, внутри которой возможна институциональная выживаемость.

К началу 1940-х гг. в церковной среде складывается специфическая формальная рамка, определяемая сочетанием дореволюционного опыта государственной церковности и новых установок, сформулированных в соборных документах 1918 г. и Декларации 1927 г. С одной стороны, сохраняется представление о нормальности тесного сотрудничества церкви и государства, восходящее к византийской и имперской традиции «симфонии». С другой стороны, принимается в расчет реальность советского строя и необходимость выстраивания стратегии выживания в условиях правового режима отделения церкви от государства, лишения церкви публично-правового статуса и жесткого административного контроля.

Этот институциональный сдвиг определяет отправную точку для анализа церковно-государственных отношений в 1940-х – 1980-х гг. Официальный курс церковного руководства эволюционирует от первоначального непризнания большевистской власти к поиску компромиссного сосуществования, а затем – к

---

[735] Телеграмма епископа Орловского Иоанна председателю ВЦИК М.И. Калинину. Июнь 1930 г. // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. / подготовка изд. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. Кн. 2. М. : РОССПЭН, 1998. С. 600–601. См. также приводимые М.И. Одинцовым письма митр. Сергия И.В. Сталину и В.М. Молотову в марте 1931 г. и феврале 1932 г. : *Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке : история, взаимоотношения с государством и обществом. М. : Центральный дом духовного наследия общества «Знание» России, 2002. С. 112.

признанию лояльности советскому государству независимо от характера политической системы. Переход к модели «лояльного законопослушания» и самоограничение публичной роли церкви становятся важнейшими формальными правилами, которые будут институционально воспроизведены и развиты в канонических документах РПЦ послевоенного периода – прежде всего в Положении об управлении Русской православной церковью 1945 и 1961 гг. и соборных определениях 1960–1970-х гг.

Именно поэтому для понимания правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР недостаточно учитывать только тексты советских нормативных актов и практику правоприменения. Необходимо принимать во внимание и тот церковный нормативный горизонт, который сложился в результате институционального сдвига 1917–1930-х гг. и в дальнейшем определял пределы адаптации церковных формальных правил к требованиям Советского государства.

Церковные формальные правила и когнитивная рамка в 1940-х – 1980-х гг.

После легализации деятельности Московской патриархии в годы Великой Отечественной войны и восстановления патриаршества в 1943 г. отношения между Русской православной церковью и Советским государством получают институциональное оформление. Особое значение имеют Положения об управлении РПЦ 1945 г. и 1961 г.[736] В них закреплялась система высшего церковного управления (патриарх, Поместный и Архиерейский соборы, Священный синод) и епархиальных структур, однако возможность реального функционирования этих органов прямо ставится в зависимость от разрешения и контроля со стороны государственных инстанций – прежде всего Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР.

Как известно, ключевым отличием Положения 1961 г. была радикальная реформа приходского управления, в результате которой настоятели были лишены

[736] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 251–252.

полномочий в отношении хозяйственной деятельности приходов, а роль исполнительных органов (приходских советов во главе со старостами) существенно возросла. При этом следует признать, что в 1961 г. модель управления приходами всего лишь была приведена в соответствие с нормами постановления 1929 г. (а закрепившее главенствующую роль настоятеля Положение 1945 г.[737] ему противоречило)[738].

В преамбуле Положения об управлении РПЦ 1961 г. подчеркивалось, что Русская православная церковь осуществляет свою деятельность «в соответствии с Конституцией СССР, законодательством о культах и настоящим Уставом» [739]. Тем самым уставные нормы РПЦ прямо подчинялись советскому праву, а сама церковь признавала за государством право определять внешние рамки ее деятельности. Практически все ключевые решения высших органов церковной власти – созыв Поместного и Архиерейского соборов, формирование состава Священного синода, назначение и перемещение архиереев, открытие и закрытие духовных учебных заведений – подлежали согласованию с Советом по делам РПЦ и партийно-государственными органами.

В институциональном измерении Положение 1961 г. закрепляло модель, при которой внешнее регулирование правового статуса церкви в государстве задавалось советской властью, а внутреннее церковное право в его административной части (уставные положения, регламент работы органов управления и проч.) адаптировалось под требования законодательства о религиозных культах. В результате пространство автономного церковного нормотворчества существенно сужалось: многие постановления, формально принимаемые патриархом и Синодом, по сути представляли собой утверждение

---

[737] См. Раздел IV. Приходы (пункты 35–48) // Постановление СНК СССР «Положение об управлении Русской православной церкви». Москва. Кремль, 28 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник.

[738] *Марченко А.Н., Ефимушкин П.А*. Приходская реформа 1961 года и реакция на нее епископата Русской православной церкви // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 37. С. 199–210.

[739] Положение об управлении Русской православной церкви. Принято Архиерейским собором Русской православной церкви 18 июля 1961 г. // Журнал Московской патриархии. 1961. № 8. С. 15.

заранее согласованных с государственными органами кадровых и организационных решений[740].

Содержательно формальные правила, определявшие жизнь РПЦ в 1940-х – 1980-х гг., опирались на сложившуюся ранее традицию, но приобретали новые акценты. Внутрицерковные тексты и официальные заявления церковного руководства последовательно воспроизводили несколько ключевых установок.

Во-первых, подчеркивалось строгое подчинение церковной иерархии и необходимость безусловного доверия священноначалию; для церковного правосознания характерна ориентация на вертикально организованную структуру, в которой миряне обладают минимальной субъектностью в принятии управленческих решений.

Во-вторых, присутствовал акцент на том, что интересы церкви должны быть поставлены выше личных устремлений и убеждений верующих и духовенства[741].

В-третьих, сохранялся и переосмыслялся идеал «симфонии» отношений церкви и государства. В официальной риторике Московского патриархата советский строй нередко описывался как предоставляющий церкви «условия для свободного совершения богослужений» и «выполнения ее миссии», при этом атеистический характер государства и практики преследования верующих либо замалчивались, либо интерпретировались как последствия отдельных злоупотреблений[742]. Идея сотрудничества церкви и государства в деле «мирного сосуществования» и «борьбы за мир», активно эксплуатировавшаяся во внешнеполитической деятельности РПЦ, фактически выполняла функцию

---

[740] См., напр.: Беседа Г.Г. Карпова с патриархом Алексием I. 18 июля 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 44–47. Подлинник. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 141.

[741] Именно этим аргументом обосновывалось и «компромиссное» поведение духовенства, например, необходимость воспроизведения штампов советской пропаганды во время зарубежных поездок иерархов РПЦ. См.: *Лилиенфельд Ф. фон*. Жизнь. Церковь. Наука и вера. М., 2004. С. 102–103.

[742] См., напр. : *Костромин К., прот*. Отношение Русской православной церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 394–406.

обновленной, адаптированной к советскому контексту версии старой модели «симфонии».

Наконец, значимым элементом официально церковной риторики выступало «антизападничество», особенно в отношении католицизма и протестантизма[743]. В условиях холодной войны антизападная и антикатолическая риторика в церковных текстах и выступлениях органично сочеталась с официальной внешнеполитической линией СССР, формируя, в свою очередь, и особенности когнитивной рамки советских верующих – представление о советском государстве как о естественном союзнике в противостоянии «враждебным силам», а также о внутренней совместимости советских идеалов и церковной традиции в контексте советского патриотического дискурса.

В брежневский период обозначенные установки получили дальнейшее развитие. Поместный собор 1971 г. избрал на патриарший престол митрополита Пимена (Извекова), открыто декларировавшего политику «доброго и искреннего сотрудничества Церкви и государства» и невмешательства церкви в политические вопросы[744]. В документах собора подчеркивались приверженность РПЦ действующему законодательству о культах, роль церкви в укреплении мира, развитии межхристианских и межрелигиозных связей, воспитании верующих в духе патриотизма.

Такая церковная линия продолжала курс, заложенный Декларацией 1927 г., но теперь была институционально оформлена и закреплена соборными решениями. Внутренние церковные правила предписывали духовенству воздерживаться от публичной критики советской власти и законов[745], возлагали

---

[743] *Костромин К., прот*. Отношение Русской православной церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 396 ; *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции. С. 447.

[744] Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена на приеме в Совете по делам религий при Совете Министров СССР 10 июня 1971 года // Журнал Московской патриархии. 1971. № 8. С. 16.

[745] На нарушителей этого правила налагались церковные прещения См., напр., решение Священного синода от 8 октября 1966 г. священников Н. Эшлимана и Г. Якунина: Заседание Священного синода Русской православной церкви от 8 октября 1966 г. (журнал № 26) // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 56. Л. 35. Копия. Машинопись.

на священнослужителей обязанность воспитывать верующих в духе уважения к государству и его законам, а также поддерживать внешнеполитические инициативы руководства СССР[746]. Взамен государство сохраняло за РПЦ ограниченное пространство для легальной деятельности в богослужебной, частично благотворительной и внешнеполитической сферах, контролируя кадровую политику и организационное положение церкви через Совет по делам религий и партийные органы.

В терминах институциональной методологии можно говорить о сформировавшейся устойчивой комбинации формальных правил: высокоцентрализованной вертикальной структуры церкви, запрещения самостоятельной политической активности, признания приоритета советского законодательства в сфере правового статуса церкви и установки на «лояльность в рамках законности». Эта комбинация определяла поведение церковной иерархии и духовенства, а также влияла на правосознание верующих, для которых соблюдение государственных законов и демонстрация лояльности воспринимались как часть христианского послушания, по меньшей мере на уровне официального дискурса.

Процессы перестройки и демократизации советского общества привели к постепенному пересмотру сложившейся к 1960-м – 1970-м гг. формальной рамки. Уже в 1980-е гг. церковное руководство все активнее поднимало вопрос о необходимости реального обеспечения свободы совести, отмены административных ограничений и расширения прав религиозных объединений. Поместный собор 1988 г., приуроченный к празднованию 1000-летия Крещения Руси, стал важной вехой в этом процессе: в его итоговых документах содержались призывы к последовательному проведению в жизнь конституционного принципа

---

[746] *Беглов А.Л.* Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. С. 104–129.

свободы совести и признанию за религиозными объединениями права самостоятельного участия в общественной жизни[747].

На соборе была принята новая редакция Устава РПЦ, в которой, в отличие от Положения 1961 г., было исключено упоминание того, что церковная деятельность осуществляется «в соответствии с законодательством о культах». Эта деятельность теперь должна была определяться прежде всего внутренними каноническими нормами, разрабатываемыми и утверждаемыми высшей церковной властью[748].

К этому времени режим жесткого контроля со стороны Совета по делам религий за внутренней жизнью церкви был фактически снят, хотя трансформация институциональной практики заняла некоторое время. Тем самым церковные формальные правила, определявшие положение РПЦ в советский период, были пересмотрены в сторону восстановления большей автономии и возвращения к классическому принципу отделения церкви от государства при сохранении модели взаимодействия в духовно-нравственной сфере.

Таким образом, в канонических документах РПЦ советского периода отразилась эволюция ее правового статуса и взаимоотношений с органами государственной власти. От первоначального принципиального размежевания с советским строем и отстаивания своей институциональной независимости (1917–1920-е гг.) церковь перешла к политике «лояльного законопослушания» (1930–1970-е гг.), фактически поставившей ее внутреннюю жизнь и внешнюю деятельность под контроль партийно-государственных структур. В церковных кругах возобладала линия на адаптацию к советским реалиям, сосуществование с властью ценой отказа от прямых столкновений.

Для целей настоящего исследования важно подчеркнуть, что церковные изменения конца 1980-х гг. не просто следовали за трансформацией

---

[747] Поместный собор Русской православной церкви. Троице-Сергиева лавра, 6–9 июня 1988 года : материалы. М. : Издание Московской патриархии, 1990. С. 24, 363–365.

[748] Устав об управлении Русской православной церкви (1988 г.). Принят Поместным собором Русской православной церкви 8 июня 1988 года. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1356 (дата обращения: 20.12.2024).

государственной религиозной политики, но и стали результатом внутренней эволюции церковного правосознания. На уровне формальных правил РПЦ отказывалась от ранее принятой ею модели подчинения советскому законодательству, вновь утверждая приоритет собственных канонических установлений в вопросах внутреннего устройства и управления. Это открывало для церкви возможность переосмысления советского периода как времени вынужденной адаптации и ограниченной субъектности, что впоследствии нашло отражение в церковно-исторической литературе.

При этом отметим, что вопрос соотношения «божественного» и «человеческого» закона, церковного и государственного права как самостоятельная богословская проблема не рассматривался в документах Русской православной церкви вплоть до 2000 г. Если не считать упоминавшихся (не вполне успешных) попыток начала XX в., РПЦ впервые официально обратилась к этой проблематике лишь в 2000 г. с принятием ее Основ социальной концепции[749].

В Основах постулируется, что «право существует в человеческом обществе искони. Первые законоустановления даются человеку еще в раю (Быт. 2:16–17). После грехопадения, которое есть нарушение человеком божественного закона, право становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития»[750].

Здесь Основы делают принципиальную оговорку. Любая система права, созданная людьми и являющаяся продуктом исторического развития общества, «несет на себе печать ограниченности и несовершенства… впрочем, без права никакое человеческое сообщество существовать не может, а потому на месте разрушенного правопорядка всегда возникает новая законодательная система»[751].

---

[749] Основы социальной концепции Русской православной церкви // Азбука веры. 2010. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_4_4 (дата обращения: 20.12.2024).
[750] Там же.
[751] Там же.

Исходя из такого понимания, представители церкви, как правило, декларируют следование светскому праву там, где оно, по их мнению, не расходится с высшим, или «божественным», правом, понимаемым как непреходящая ценность, в то время как земное, или «человеческое», право представляет собой изменяемое, в зависимости от исторического контекста, явление: «предусматриваемые законодателем санкции для восстановления попранного правопорядка делают закон надежной скрепой общества до тех пор, пока, как это многократно случалось в истории, не опрокидывается вся система действующего права»[752].

Кроме того, в рамках религиозного мировоззрения считается, что земное право должно соответствовать высшему, то есть соотноситься с религиозными установлениями, в противном случае оно не является правом даже в «низшем» смысле данного термина: «в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился»[753].

Следовательно, Основы как выражение официальной точки зрения РПЦ на социально-политические проблемы рассматривают те или иные положения светского законодательства как соответствующие божественным установлениям или нарушающие их – в зависимости от собственного понимания вероучительной традиции.

Границы влияния советского государства на церковные формальные правила

С учетом описанного нами различия уровней церковного права, а также эволюции самосознания РПЦ в дореволюционный и раннесоветский периоды представляется возможным условно выделить в церковном правопорядке две

---

[752] Основы социальной концепции Русской православной церкви // Азбука веры. 2010. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_4_4 (дата обращения: 20.12.2024).
[753] Там же.

взаимосвязанных, хотя и не тождественных составляющих – доктринальное «ядро» и «периферию» формальных правил. К первому относятся догматические установления и, например, базовые элементы литургической традиции, закрепленные в Священном Писании, Предании и признанных церковью канонических текстах. Для церковного сознания они обладают качеством непреложности и не могут быть изменены ни решениями государственной власти, ни даже церковных органов управления; попытки их пересмотра воспринимаются как отступление от православия[754].

Ко второй составляющей правопорядка относятся нормы, регулирующие институциональное устройство церкви, административную и дисциплинарную практику, имущественные вопросы, формы участия в общественной и международной жизни и проч. Такие правила исторически оказывались гораздо более восприимчивыми к внешнему воздействию и адаптации. Именно в этой части наиболее отчетливо проявляется взаимодействие церковного и государственного правопорядков: государственная власть стремится вписать институт церкви в собственную систему управления, тогда как церковь, сохраняя неизменной свою доктрину, приспосабливает к новым условиям организационные и дисциплинарные нормы.

В институциональной перспективе Советское государство практически не пыталось напрямую вмешиваться в содержание догматических и литургических норм православия. Атеистическая идеология и антирелигиозная пропаганда были направлены на вытеснение религиозных убеждений из общественного сознания[755], но не на формальное изменение православной догматики. А организационная «периферия» церковного правопорядка (формирование управленческой структуры, гражданско-правовой и имущественный статус, формы публичного присутствия, правосознание, дисциплина духовенства и т.д.) стала зоной, в которой влияние советской власти имело принципиальное значение.

---

[754] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 258–260.

[755] Напр.: Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения : Постановление ЦК КПСС. 10 ноября 1954 г. // Правда. 1954. 11 ноября. № 315.

Наиболее очевидной областью вмешательства Советского государства была сфера церковного управления. Через Совет по делам РПЦ (религий) государство фактически определяло порядок созыва высших церковных органов, их компетенцию, кадровый состав и пределы автономии епархиальных структур. Формально соответствующие решения принимались соборами РПЦ и Священным синодом во главе с патриархом, однако они заблаговременно согласовывались с государственными органами, как и ключевые кадровые решения[756].

Значительный контроль существовал и в церковно-дисциплинарной сфере. Хотя каноны РПЦ и внутренние установления сохраняли формальное действие, возможность их применения была ограничена внешними рамками: государство не допускало использования церковных дисциплинарных норм в ущерб советскому законодательству и политическим интересам[757]. Напротив, священнослужители, проявлявшие нелояльность, подвергались не только административным и уголовным санкциям, но и церковным – руководство РПЦ во многих случаях вынуждено было отстранять неугодных власти представителей духовенства[758] или ретроспективно оправдывать государственные меры воздействия в их отношении.

Еще одной сферой пересечения церковных и государственных формальных правил были имущественные отношения. Советское законодательство о культах не признавало за религиозными объединениями права собственности на культовые здания и значительную часть церковного имущества, закрепляя эти права за государством (с возможностью предоставления общинам права безвозмездного пользования)[759]. Церковные представления о культовом имуществе как об общем достоянии церкви и конкретной общины вступали в противоречие с этим правовым режимом, однако вынужденно адаптировались к нему. Фактический порядок распоряжения имуществом зависел от решений

---

[756] Письмо патриарха Алексия I В.А. Куроедову от 10 мая 1965 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 23, 30. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 524, 531.
[757] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 190.
[758] *Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 19.
[759] Статья 10 и др. постановления 1929 г.

советских органов, а какие-либо церковные решения в этой сфере носили субсидиарный характер.

Наконец, государство активно влияло на формальные правила, регулирующие участие РПЦ в общественной и международной жизни. Участие в «движении за мир», межхристианских и межрелигиозных форумах, международных организациях и двусторонних контактах с зарубежными церквами осуществлялось при непосредственном участии и контроле спецслужб и внешнеполитических органов СССР[760]. Церковные решения о создании отделов, назначении представителей, определении официальной позиции РПЦ по тем или иным вопросам принимались в рамках согласованной с государством повестки, а формальные правила, закреплявшие эти виды активности, по существу отражали внешнеполитические установки советского руководства.

Вместе с тем существовали и такие области церковной жизни, где влияние государства было ограниченным или опосредованным. К ним относился, прежде всего, собственно литургический строй и богослужебная практика. Несмотря на то, что государственные органы могли препятствовать совершению богослужений (через закрытие храмов, ограничение времени и места богослужений, преследование духовенства), они практически не вмешивались в содержание литургических текстов и порядок совершения таинств. Внутрицерковные правила, основанные на Типиконе, других богослужебных книгах и проч., сохраняли свою силу независимо от советского законодательства, а попытки модификации (например, сокращения служб, изменения некоторых обрядовых элементов) диктовались скорее пастырскими и практическими обстоятельствами, чем прямыми требованиями государства[761].

---

[760] Запись беседы В.А. Куроедова с патриархом Алексием. 15 сентября 1960 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 1–2. Подлинник). Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 174.

[761] При этом в литургической части могли иметь место как политически обусловленное творчество, так и самоцензура со стороны церковных деятелей. См., напр., случай с попыткой проф. Л.Н. Парийского предложить особый («не совсем обычный») чин панихиды по И.В. Сталину в Ленинградской духовной академии – «с опущением большей части прошений и песнопений, составляющих основной смысл христианского упования о спасении человека и

Относительно автономными оставались и некоторые аспекты внутренней церковной дисциплины, которые не затрагивали напрямую интересы советской власти и не выводили церковную жизнь в публичное пространство. Речь идет, в частности, о вопросах духовного руководства, взаимоотношений между епископом и приходским духовенством, внутриобщинной жизни верующих, а также о деятельности церковных органов по разбору «частных» дисциплинарных дел, лишенных очевидного политического измерения. В этих областях канонические нормы и традиционные представления о должном могли применяться с меньшей степенью внешнего вмешательства, хотя общий режим контроля и постоянная угроза административного давления существенно сужали диапазон допустимых решений и форм поведения[762].

Наряду с этим, даже в условиях жесткого административного давления сохранялось определенное пространство для интерпретации советских правовых норм внутри церковной среды. Официальная установка на «лояльность в рамках законности» побуждала церковное руководство, духовенство и верующих искать приемлемые с точки зрения государства способы сохранения церковной жизни: использовать доступные правовые механизмы регистрации общин, ссылаться в переписке с властями на положения законодательства о культах и конституционные гарантии свободы совести, направлять в высшие инстанции письма с жалобами на «антиконституционные» действия местных органов[763].

В подобных практиках внутренние церковные представления о справедливости, допустимых компромиссах и границах послушания сочетались с использованием языка советского права, в результате чего формировалось специфическое правосознание советских верующих, которое одновременно

упокоении его души» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 100. Л. 46–46 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 690).

[762] *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. С. 11, 213–214 и др.

[763] *Саввин А.И., Деннингхаус В*. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 118–141.

опиралось на формальные государственные и церковные нормы, интерпретируя их как в значительной степени совместимые[764].

В такой ситуации сохранялись (и институционально закреплялись) прежде всего те церковные формальные правила, которые не вступали в открытое противоречие с советским законодательством и идеологическими установками, либо могли быть интерпретированы в русле официальной риторики о «мире», «патриотизме», «борьбе с войной» и т.п. Нормы, затруднявшие включение церкви в систему управляемой лояльности, напротив, вытеснялись на периферию или сохранялись в латентном виде, не будучи реализованными на практике.

Тем самым государственное вмешательство воздействовало не только на сферу применения церковных формальных правил, но и на саму когнитивную рамку РПЦ (подробнее см. в § 2.4). Постоянная необходимость балансировать между сохранением вероучительной и литургической традиции, с одной стороны, и адаптацией организационных и дисциплинарных норм к требованиям советского строя – с другой, побуждала церковное руководство вырабатывать специфические представления о допустимых компромиссах, границах уступок и способах легитимации существующего политико-правового порядка как внешней рамки церковной жизни. Для значительной части верующих сочетание официальной установки на лояльность и законопослушание с опытом реальных ограничений и притеснений порождало сложную структуру правосознания, в которой государственное и церковное право воспринимались не столько как принципиально несовместимые, сколько как два пересекающихся нормативных горизонта, требующие постоянного соотнесения и интерпретации в конкретных жизненных ситуациях.

* * *

Описанная в параграфе церковно-правовая рамка задает исходные условия, в которых в 1940-х – 1980-х гг. происходило правовое регулирование отношений между Советским государством и Русской православной церковью. С одной стороны, она включала в себя многослойный корпус формальных правил – от

[764] Подробнее об этом см. в главе 3.

догматики и литургики до административных норм, регулирующих устройство церковной организации и ее взаимодействие с внешней средой. С другой стороны, она влияла на когнитивные установки священноначалия, духовенства и мирян относительно «правильной» государственной системы, допустимых форм сотрудничества и границ компромисса с политической властью.

При этом мы можем говорить о произошедшей в исследуемый период значительной трансформации институциональной модели Русской православной церкви. В этот период РПЦ была вынуждена выработать новый набор формальных правил, включавших признание легитимности советской власти и нового законодательства о религии (в том числе отказ от статус господствующей конфессии), самоограничение в вопросах публичной активности, редукцию религиозной деятельности к богослужебной и пастырской сферам, что в итоге позволило церкви не только существовать в обозначенных государством рамках, но и расширять пространство дозволенного.

Различая среди церковных установлений разного иерархического уровня, с одной стороны, нормы догматического и литургического характера, и, с другой стороны, сферу церковного управления и повседневной приходской деятельности, отметим, что именно последняя стала областью наибольшего вмешательства со стороны властей. При этом церковь вынужденно адаптировала свои внутренние установления к складывающейся системе тотального государственного контроля.

Церковная стратегия выживания сочетала дореволюционный опыт государственной церковности и новые советские политико-правовые установки. Представления православной церковной традиции о «симфонии» государства и церкви как естественном и наилучшем образе сосуществования двух правопорядков, даже столкнувшись с реалиями советской секуляристской политики, продемонстрировали свою устойчивость. Они были закреплены в канонических документах послевоенного периода – прежде всего в Положении об управлении Русской православной церкви 1945 и 1961 гг. и соборных определениях 1960–1970-х гг. Все это приводило к непротиворечивому

сосуществованию в церковном правосознании христианской и советской идентичности.

Отсутствие в православном церковном праве четко сформулированных критериев применимости тех или иных древних канонов к современным реалиям (о чем неоднократно говорили русские богословы XX в.) способствовало формированию пространства для маневра в условиях государственных нормативных ограничений.

§ 2.4. Организационное устройство и система управления Русской православной церкви как институциональные условия государственно-церковного взаимодействия

Параграф посвящен анализу внутреннего институционального устройства и системы управления Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг., которая складывалась в результате взаимодействия различных уровней и групп акторов (патриарх и Священный синод, епархиальные архиереи, приходское духовенство и миряне). Исследовано, в какой степени государство повлияло на организационную структуру РПЦ и как различные церковные «игроки», обладая собственными интересами и корпоративными целями, действовали внутри заданных правового пространства с учетом их когнитивных рамок.

Как было показано ранее, формальные правила, на которые опиралась в исследуемый период Русская православная церковь, включая нормы церковного права и специфическую когнитивную рамку, представляли собой сложный компромисс между канонической традицией и советской политико-правовой реальностью. Однако эти нормативные и когнитивные установки не существовали в вакууме: они реализовывались через конкретные структуры управления и действия специфических церковных акторов. Анализ внутренней организации Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. принципиально важен для понимания того, как именно этот общественный институт функционировал,

адаптировался и выстраивал коммуникацию в условиях жесткого давления со стороны государства.

Прежде всего необходимо обозначить общие пределы институциональной автономии РПЦ. В советской политико-правовой системе автономия религиозных организаций была минимальной и носила производный характер. Она не предполагала независимости от государства в вопросах организационного устройства, кадровой политики, публичной коммуникации и социального влияния. Даже в тех сферах, где формально признавалась внутренняя каноническая компетенция церкви, ее реализация происходила в условиях административного надзора со стороны профильных государственных органов, прежде всего – Совета по делам Русской православной церкви (религий) при Совете Министров СССР.

Следовательно, церковь в СССР не являлась автономным институтом гражданского общества в его современном понимании. Она сохранялась как поднадзорная структура, чье легальное существование допускалось властью лишь при условии демонстративной политической лояльности, непротиворечия общему идеологическому курсу государства и самоограничения в рамках «культовой» (богослужебной) деятельности. Вся советская модель церковного управления создавалась под непосредственным контролем государства и несла на себе отпечаток этого контроля.

Безусловно, здесь сыграла роль и историческая институциональная «колея»: на протяжении всего синодального периода (до 1917 г.) церковь была интегрирована в систему государственного аппарата Российской империи, воспринимая контроль со стороны светской власти как норму. Опыта полностью автономного от государства существования Русская православная церковь практически не имела. Однако в СССР она была вынуждена экстренно адаптироваться к новой роли, пытаясь сохранить свою структуру внутри государства, официальной доктриной которого выступал воинствующий атеизм, и не имея при этом внятно артикулированных моделей поведения в подобных политико-правовых реалиях.

* * *

Новая структура управления Московского патриархата нашла отражение в Положении об управлении Русской православной церкви, принятом Поместным Собором РПЦ 31 января 1945 г., однако заранее согласованном с Советом по делам РПЦ и еще в 1944 г. утвержденном постановлением СНК СССР[765]. В целом будучи «компромиссным»[766] по отношению к решениям Поместного собора 1917–1918 гг. и наложенным советской властью ограничениям, новый документ содержал ряд норм, существенно расширявших полномочия патриарха[767] и Синода в области церковного управления, подбора кадров духовенства, надзора за финансово-хозяйственной деятельностью приходов. Внесенные поправки централизовали систему высшей церковной власти, повышали авторитет и влияние предстоятеля РПЦ. Устанавливался 5-летний срок созыва очередного Поместного собора РПЦ. Одновременно новое Положение изымало из компетенции епархиальных съездов духовенства и мирян право выдвигать кандидатуры в епископы (теперь оно целиком переходило к иерархии), значительно ограничивало самостоятельность приходских общин, вплоть до передачи настоятелю единоличного права распоряжаться всеми финансами и имуществом храма[768].

С внесением изменений в Положение об управлении РПЦ в 1961 г., как известно, ситуация поменялась: власть духовенства над приходами была

---

[765] Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР. Москва. Кремль, 28 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник. В числе прочего, оно формально противоречило постановлению 1929 г., так как предполагало, что настоятель прихода по должности является председателем исполнительного органа общины – церковного совета (п. 40). Об истории принятия см.: З*вонарев С., свящ*. Проект «Основных положений управления Русской православной патриаршей церкви» 1943 года – малоизвестный документ истории высшего управления Русской православной церкви // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 271–278 ; *Александрова-Чукова Л.К.* Архиерейский собор 21–23 ноября 1944 года, его цели и задачи : свидетельства участника – архиепископа Григория (Чукова) // Церковь. Богословие. История. 2021. № 2. С. 49–67.

[766] *Дестивель И., свящ*. Указ. соч. С. 233.

[767] Хотя и не в том виде, как предполагалось в подготовленном в 1943 г., но так и не утвержденном проекте Положения. См.: *Фирсов С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 568.

[768] *Поспеловский Д.В*. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. С. 223–224.

минимизирована, управление любой деятельностью общины (кроме непосредственно богослужебной) полностью перешло к исполнительным органам. В условиях ужесточения религиозной политики хрущевского периода создание двойных (или параллельных) управленческих структур должно было помочь власти лучше контролировать ситуацию[769].

Высший уровень церковного управления: Поместный и Архиерейский соборы, патриарх, Священный синод

Согласно Положению об управлении Русской православной церкви 1945 г., высшая власть в области вероучения, церковного управления и суда – законодательная, административная и судебная – принадлежала Поместному собору, периодически созываемому «в составе епископов, клириков и мирян». (Преамбула)[770]. Далее Положение закрепляло, что РПЦ «возглавляется Патриархом Московским и всея Руси и управляется им совместно со Священным синодом» (статья 1). В промежутках между Поместными соборами высшая административная и судебная власть в вопросах церковного управления принадлежала патриарху, который, «с разрешения Правительства СССР»[771], имел право созывать Архиерейский или при необходимости Поместный собор (статья 7).

Формально патриарх избирался Поместным собором, однако в условиях советской системы его кандидатура в обязательном порядке предварительно согласовывалась с партийно-государственными органами и органами государственной безопасности[772].

---

[769] *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции… С. 433.

[770] Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР от 28 января 1944 г. № 162 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23 об – 23 ок. Подлинник.

[771] Согласно Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г., «религиозным центрам» запрещалось без разрешения Совета созывать религиозные съезды и совещания. См.: Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 80–81.

[772] Так, в 1943 г. задолго до встречи И.В. Сталина с тремя митрополитами Г.Г. Карпов подготовил ему справки о кандидатах на патриарший престол (*Одинцов М*. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение Партиарха Московского и всея Руси Сергия

Исследователи справедливо подчеркивают, что высшее руководство РПЦ было включено в номенклатурную систему: ключевые назначения в церковной иерархии фактически зависели не от формальных процедур, а от решений соответствующих партийных инстанций[773]. Патриарх, таким образом, занимал особое место в советской политической иерархии: при формальном отделении церкви от государства он входил в число высших номенклатурных фигур, пользовался особыми привилегиями (обслуживание в кремлевских медицинских учреждениях[774], обеспечение транспортом[775], охраной[776] и др.), но его политическая субъектность и возможность принимать самостоятельные кадровые

(Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» : Политическая энциклопедия, 2022. С. 600–601). О.Ю. Васильева, описывая роль государства в избрании патриарха Пимена (Извекова) Поместным собором 1971 г., ссылается, в частности, на то, что каждый из правящих архиереев РПЦ должен был заблаговременно прислать в комиссию по подготовке собора согласие на выдвижение Пимена кандидатом. См.: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 441. Л. 1–2. Цит. по: *Васильева О.Ю*. Поместный собор 1971 г. : вопросы и размышления // Альфа и Омега. 2006. № 1(45). С. 167–184.

[773] Номенклатурная иерархия в СССР, пишет Михаил Восленский, не в полной мере соответствовала формальному порядку, который значился «на бумаге». Например, министры и послы, формально назначаемые Верховным Советом СССР, на практике являлись номенклатурой ЦК КПСС: «Без соответствующего решения ЦК не будет ни голосования в Верховном Совете, ни Указа его Президиума... Номенклатура в СССР, как и в других социалистических странах, – это номенклатура не формально назначающих государственных или общественных органов, а фактически назначающих бюро и секретариатов руководящих партийных комитетов. Таково абсолютное правило». В соответствии с ним и «избираемый Собором Русской православной церкви Патриарх Московский и всея Руси состоит в номенклатуре ЦК КПСС» (*Восленский М.С*. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. С. 128–129).

[774] В 1958 г. Г.Г. Карпов упоминал, что патриарх Алексий I (Симанский) обратился к нему с просьбой оказать содействие в скорейшем подыскании массажиста, так как кремлевская поликлиника их не имеет, а женщин приглашать неудобно». По указанию Карпова его заместитель решил вопрос непосредственно в Министерстве здравоохранения СССР // Запись беседы Г.Г. Карпова с патриархом Алексием. 19 мая 1958 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 28–33. Подлинник). Цит. по: *Одинцов М.И*. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (десять лет из жизни патриарха Алексия (1955–1964 гг.)) // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 39–44.

[775] 12 апреля 1962 г. патриарх Алексий I в письме председателю Совета В.А. Куроедову выражал «искреннюю благодарность» за то, что «согласно распоряжению Совета Министров СССР от 17 марта 1962 г.» ему предоставлен легковой автомобиль «Чайка» // Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Д 29. Подлинник. Машинопись. Бланк патриарха.

[776] *Бартенев Г.В*. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской православной церкви. 2022. Вып. 104. С. 118.

и иные административные решения была жестко ограничена контролем со стороны ЦК КПСС и профильных государственных органов.

Советская власть сама зачастую принимала решения и давала указания другим иерархам, против чего патриарх не мог возражать. С председателем Совета патриарх Алексий в 1957 г. делился новостью о том, как митрополит Николай (Ярушевич) сообщил ему «о неизбежности своей поездки на Цейлон» и тяжелой перспективы множества прививок в связи с этим. «Но, как они пишет, от Цейлона ему не удалось уклониться»[777].

Институционально патриарх выступал своеобразным посредником между государством и церковной средой. Более того, он даже обращался в Совет по некоторым вопросам, касающимся других православных церквей СССР. Например, именно патриарх Алексий (Симанский), а не формально равный ему по статусу патриарх Грузинский, в 1965 г. переслал В.А. Куроедову письмо верующих Грузинской ССР[778] об инциденте в тбилисском соборе, когда в пасхальную ночь неизвестные хулиганы устроили там погром[779]. Совет установил, что описанные факты действительно имели место и поручил уполномоченному принять необходимые меры.

Учетные документы высшего руководства церкви (например, личные дела патриарха и членов Синода вместе с уставом РПЦ, различными справками, заявлениями, жалобами и др.) велись непосредственно в Совете[780].

---

[777] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову. 25 мая 1957 г. (Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 27–28 об. Автограф). Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 181–182.

[778] Письмо патриарха Алексия В.А. Куроедову. 10 мая 1965 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 23. Подлинник. Машинопись. Бланк патриарха.

[779] «К 12 ч. ночи храм заполнился одними хулиганами. Шум, свист. На патриаршие кресла садятся, закуривают, бросают папиросы. Ужас настоящий, азиаты. …Посыпались стекла, двери разбили стеклянные. К часу ночи у самых дверей вспыхнул огонь и черный дым наполнил весь храм. ...Доложили Святейшему. Через час прибыла милиция. Но к чему же? Служить нельзя. Только к шести часам утра вышел дым из храма» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 28. Копия. Машинопись).

[780] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 65 (см. пункты 15, 18).

Полномочия Священного синода в Положении 1945 г. описывались лаконично: патриарх управляет церковью «совместно со Священным синодом» (статья 1), а раздел, посвященный самому этому органу (статьи 17–22), носил преимущественно технический характер.

Синод выступал рабочим органом высшего церковного управления, на заседаниях которого обсуждались вопросы канонического характера, назначения епископов, утверждения настоятелей монастырей, руководства духовных школ и другие кадровые и организационные дела. В случае смерти патриарха до избрания преемника Синод временно принимал на себя функции высшего административного органа, что подчеркивало его ключевую роль в обеспечении непрерывности управления (статьи 12–14).

При этом уже в 1970-е гг. Совет по делам религий в докладных записках в ЦК КПСС подчеркивал, что подбор постоянных и временных членов Священного синода находится под полным контролем властей: кадровые решения согласовывались с Советом[781], а повестка и проекты синодальных определений заранее прорабатывались с его руководством. В документах отмечалось, что сотрудники Совета ведут «систематическую воспитательно-разъяснительную работу» с членами Синода, устанавливают с ними доверительные контакты, формируют у них «патриотические взгляды и настроения», используя их как канал воздействия на остальной епископат[782]. Таким образом, с институциональной точки зрения Синод представлял собой коллегиальный орган,

---

[781] Факты вмешательства Совета в кадровую политику РПЦ демонстрируют и архивные документы предыдущих лет. Так, в 1960 г. В.А. Куроедов, требуя от патриарха Алексия отставки митр. Николая, показывал ему в качестве «компромата» на последнего записи бесед, в которых митрополит пытается обвинить Алексия в противопоставлении интересов церкви государственным. «Из содержания беседы видно, как лживо и подло действует митрополит Николай и стремится опорочить честных людей, в том числе и патриарха. Поэтому с точки зрения государственных интересов, правильных взаимоотношений церкви и государства надо освободить митр. Николая от возложенных на него обязанностей… и полностью отстранить от руководящей работы в патриархии. Патриарх сообщил, что компрометирующие факты деятельности митр. Николая вполне убедительны, и оставлять его в занимаемой должности не следует» (Запись беседы В.А. Куроедова с патриархом Алексием. 15 сентября 1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 1–2. Подлинник. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 173–174).

[782] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 275–344.

который одновременно был и высшей церковной инстанцией, и инструментом реализации государственной конфессиональной политики.

Архивные материалы также показывают, что отношения как внутри самого Священного синода, так и между его членами и государственными органами были далеко не однозначными. Например, нередко возникали конфликты между патриархом и отдельными митрополитами (в частности, митрополитом Николаем), связанные как с персональными амбициями, так и с различным пониманием стратегии взаимоотношений с государством[783]. В некоторых случаях имело место даже сообщение Совету сведений друг о друге, способных повлечь неблагоприятные последствия со стороны государственных органов[784].

Записи Г.Г. Карпова также фиксируют как случаи подчеркнутой зависимой лояльности иерархов по отношению к Совету, так и эпизоды скрытого

---

[783] По всей вероятности, Алексий не без причины полагал, что митр. Николай (Ярушевич) недоволен тем, что он сам не стал патриархом. Так, во время одного из споров с Г. Карповым «патриарх сказал… что хотел бы поднять вопрос, о котором он неоднократно думал, а именно, не уйти ли ему «на покой», и что вместо него может вполне остаться митрополит Николай, который этого хочет» (Запись беседы Г.Г. Карпова с патриархом Алексием. 10 сентября 1958 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 71–80. Цит. по: *Одинцов М.И*. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели»… С. 44–48). В другой раз патриарх Алексий вновь демонстрировал Карпову неприязнь к митрополиту Николаю: рассказывая об отказе митрополита ехать вместе с патриархом в Болгарию и Югославию, патриарх предположил, «что митрополит Николай отказался из-за честолюбия, он хотел ехать сам во главе делегации» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 44–47. Цит. по: Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 142). Следует отметить, что митр. Николай действительно активно взаимодействовал с органами государственной безопасности на этапе формирования новой религиозной политики в 1940-е гг. и имел высокие шансы стать патриархом. Об обеспокоенности этим фактом со стороны митр. Сергия (Страгородского) см.: Докладная записка Народного комиссара государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову. 3 июля 1943 г. (совершенно секретно) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 18. Подлинник. Цит. по: Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 193–194.

[784] В ноябре 1956 г. Алексий прочитал Карпову письмо митр. Николая, «сильно взволнованного» слухами о планируемых епископских назначениях, которые он считал неприемлемыми. В зачитанном председателю Совета отрывке митрополит, в частности, указывал: «А если это – давление извне, то, надеюсь, мы с Вами вместе будем этому противодействовать» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1335. Л. 113–116. Подлинник. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 134). В этом контексте становится более понятным странный случай, когда в том же 1956 г. митрополит Николай, нуждавшийся, по его словам, в санаторном отдыхе из-за болезни сердца, не обратился к патриарху напрямую, а просил известного академика-кардиолога позвонить Г. Карпову, чтобы последний объяснил это Алексию (Запись беседы Карпова с Алексием. Апрель 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1335. Л. 42–45. Машинописная копия. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 132).

сопротивления и недовольства синодалов чрезмерно директивным стилем общения советских чиновников[785].

Будучи высшими руководителями РПЦ, члены Синода (как, впрочем, и другие представители епископата) были лишены возможности свободно посещать разные города СССР, так как власти этого не одобряли: «За границу – без проблем! Но если в Союзе, то сразу вопрос: а нужно ли устраивать пышные богослужения и «активизировать» религиозные настроения простых верующих?»[786]

С институциональной точки зрения высший уровень церковного управления в 1940-х – 1980-х гг. можно охарактеризовать как узкий «верхний слой» сложносоставного института РПЦ, в котором концентрировались основные ресурсы (символический авторитет, доступ к государственным органам, вопросы кадровой и внешней политикой церкви), но который одновременно находился под наиболее жестким контролем советской власти. Патриарх и члены Священного синода выступали ключевыми «игроками», призванными обеспечивать баланс между сохранением институциональной целостности церкви и выполнением задаваемых государством политико-идеологических функций; их корпоративные интересы (сохранить легальный статус церкви, удержать ее единство и управляемость) реализовывались внутри рамок, определяемых номенклатурной системой подбора и назначения руководящих кадров и практикой постоянного партийно-государственного контроля за деятельностью церковного руководства.

В историко-правовой ретроспективе эволюция высшего уровня управления РПЦ в 1940-х – 1980-х гг. может быть охарактеризована как постепенное закрепление и институциональное развитие курса, заданного Декларацией митрополита Сергия 1927 г. и получившего нормативное выражение в Положении

---

[785] Г.Г. Карпов в своих записях упоминает следующий случай: «Патриарх сказал, что однажды ему митрополит Николай (Ярушевич) сказал: «Если меня еще раз так вызовут в Совет, как в последний раз вызывал Павел Григорьевич Чередняк, сказав: «Вы завтра в 9 часов утра приезжайте в Совет», то я не приеду. Раньше у нас так не бывало» (Беседа Г.Г. Карпова с патриархом Алексием. 19 мая 1958 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 28–33. Подлинник). Цит. по: *Одинцов М.И.* Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия (1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 39–44).

[786] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 202.

об управлении 1945 г. Если сразу после войны Московская патриархия использовала полученные от государства преференции для восстановления базовой церковной структуры и минимального пространства автономии, то к концу 1950-х гг. в условиях нового антирелигиозного наступления акцент сместился к выполнению внешнеполитических задач Советского государства и к демонстрации лояльности во всех публичных проявлениях церковной жизни. Такая трансформация привела к тому, что в 1970-е гг. (и вплоть до изменений второй половины 1980-х гг.) высшая церковная иерархия была в значительной мере институционально «отформатирована» под потребности партийно-государственного аппарата: состав Синода, его повестка и решения систематически согласовывались с Советом по делам религий, а норма «лояльного законопослушания» стала не только богословским тезисом, но и устойчивым элементом правового статуса РПЦ в глазах советских властей.

Епархиальный уровень: епископ как локальный актор

Согласно Положению об управлении Русской православной церкви 1945 г. епархиальный архиерей рассматривался как назначенный указом патриарха глава епархии, управляющий ей единолично или при содействии епархиального совета (статьи 24, 26). С богословской точки зрения епископ выступал носителем полноты канонической власти в пределах своей епархии: в его ведении находились рукоположение и назначение священнослужителей на приходы, надзор за приходами и духовенством, управление монастырями и духовными учебными заведениями. В дореволюционной традиции это сочетание сакрального статуса и управленческих функций определяло епископа как ключевого посредника между высшей церковной властью и «местной» церковной жизнью, обладающего значительным объемом самостоятельных полномочий.

В советский период формальная модель сохранялась, но фактическая автономия епископа была существенно ограничена. Назначение и перемещение архиереев происходило как результат своеобразного «консенсуса» между патриархией (патриархом и Священным синодом) и государственными органами

– Советом по делам Русской православной церкви (религий), партийными структурами и органами государственной безопасности. Докладные записки Совета подчеркивают, что каждый кандидат в епископский сан проходил «тщательную проверку ответственными сотрудниками Совета в тесной связи с уполномоченными, местными органами и соответствующими заинтересованными организациями»; аналогичным образом решались вопросы назначения на кафедру, перемещения и увольнения епископов[787].

Фактически существовал разрыв между высшим церковным руководством (патриарх, члены Синода и руководство отдела внешних церковных сношений – ОВЦС) и «обычными» епископами. Высшая иерархия жила «вне резерваций», имела рабочие контакты с партийными и советскими руководителями союзного, республиканского и местного значения, ездила в зарубежные поездки, в которых реализовывала внешнеполитические задачи советского правительства.

Для государства правящий архиерей был фигурой особой важности: обладая высшей духовной властью в епархии, он оказывал непосредственное влияние на поведение духовенства и верующих (которые стремились «беспрекословно выполнять» его «поучения и указания»), поэтому требовал постоянного политического надзора и «воспитания» в отношении соблюдения законодательства[788].

На уровне повседневного управления епархией власть архиерея также была встроена в систему внешнего контроля. Совет констатировал, что в Советском государстве епископ «лишен многих былых привилегий», а вся его деятельность «регламентируется установленными властью рамками»: рукоположение и назначение священнослужителей на приходы фактически зависели от согласия уполномоченного Совета и от позиции исполнительных органов религиозных общин[789]; архиерей руководил прежде всего богослужебной и внутрицерковной стороной жизни, тогда как регистрация приходов, открытие и закрытие храмов,

[787] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 276.
[788] Там же.
[789] Там же.

допуск к служению отдельных священников находились под непосредственным контролем органов власти.

Эта ситуация формировала у многих епископов специфическую когнитивную установку: их собственная «полнота власти» мыслилась как пастырская и литургическая, тогда как сфера организационных и имущественных решений воспринималась как зона необходимого учета государственно-административных требований.

Архивные материалы позволяют реконструировать образ «идеального» с точки зрения государства архиерея и одновременно – представления самих епископов о правильном поведении в новых условиях. В характеристике на митрополита Антония (Кротевича)[790] ивановский уполномоченный Н.А. Желтухин отмечал, что тот «взаимоотношения с органами власти строил правильно. Все принципиальные вопросы решал только по согласованию с уполномоченным Совета. По прибытии в Ивановскую епархию безвозмездно передал городу дом епархиального управления, библиотеку, две автомашины «Волга». Для епархиального управления отремонтирован был другой дом, меньшего размера. Из епархиальных средств достаточно значительные суммы (до 40 тыс. рублей) вносил в Фонд мира»[791].

С точки зрения когнитивной рамки архиерея подобная стратегия могла интерпретироваться как пастырская забота о сохранении епархии в условиях давления: уступки в имущественной сфере и демонстрация лояльности воспринимались как допустимая плата за возможность продолжать богослужебную деятельность.

Важной составляющей регулирования служебной карьеры архиереев была система персональных пенсий и пособий при уходе «на покой». Синод мог назначать митрополитам и епископам значительные персональные пенсии; так,

---

[790] Антоний (Кротевич, 1889–1973), митрополит Тамбовский и Мичуринский. С 1964 по 1966 г. возглавлял Ивановскую и Кинешемскую кафедру.

[791] Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-2953. Оп. 6. Д. 6. Л. 66. Цит. по: *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 55.

митрополиту Киевскому Иоанну (Соколову)[792] решением Синода от 30 марта 1964 г. была установлена пенсия в размере 1 тыс. рублей[793].

Такие решения фактически выступали инструментом стимулирования лояльности и управляемости высшего клира. Для самих архиереев это означало, что материальная защищенность на покое зависит не от абстрактных «прав» духовенства, а от личных отношений с патриархией и от общей оценки их лояльности со стороны государства: в когнитивной рамке епископа служение мыслилось как совокупность духовного подвига и дисциплинированного следования линии, заданной высшей иерархией и государственными органами.

Отношения между епархиальными архиереями, епархиальным духовенством и мирянами, патриархией и государством при этом далеко не всегда были однозначно лояльными. Жалобы духовенства и мирян на действия епископов, направлявшиеся патриарху и в Совет, часто возвращались «по бюрократической цепочке» самим архиереям для разбора, на что указывал в беседе с патриархом Алексием I Г.Г. Карпов. Патриарх, по его словам, признавал, что заявления верующих на архиереев пересылаются для проверки самим объектам жалоб, подобно тому, как Совет пересылает на места обращения, поступающие в его адрес[794].

Такая практика усиливала персонализированный характер власти епископа в епархии и формировала у него представление о своей ответственности прежде всего перед «старшими» – патриархом и государством, а не перед низовыми

---

[792] Иоанн (Соколов, 1877–1968), митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, постоянный член Священного синода РПЦ в период с 1944 по 1964 гг.

[793] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 455. Л. 78, 81.

[794] Г. Карпов в беседе с патриархом Алексием 19 мая 1958 г. выражал недовольство по поводу того, что во время встречи с Н.С. Хрущевым Алексий затронул тему открытия церквей: «Я спросил патриарха, чем вы руководствовались, ставя об этом вопрос, что вы имели в виду, какие конкретно города и местности? Патриарх сказал, что он конкретно ничего не имел в виду, и в письме вряд ли я буду конкретно писать, ведь у нас куча заявлений, мы их пересылаем вам в Совет, а вы посылаете их на места, т.е. тем, на кого жалуются заявители. Я, смеясь, сказал патриарху, что выходит так же, как вы поступаете с заявлениями, которые вы получаете на своих архиереев. Вы их ведь посылаете своим архиереям для проверки жалоб на них» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 28–33. Подлинник. Цит. по: *Одинцов М.И.* Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия (1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 39–44).

акторами; одновременно она закрепляла у духовенства и мирян ощущение отсутствия эффективных каналов защиты от злоупотреблений.

Современные церковные авторы указывали на недостатки сложившейся епархиальной системы. Прот. Павел Адельгейм характеризовал внутреннее устройство РПЦ в советский период как своего рода «феодальную» модель: между патриархом и архиереями, с одной стороны, и между архиереями и приходским духовенством – с другой, существовала почти личная зависимость, но оба уровня были связаны правилами многовековой традиции и ощущением пастырской ответственности за вверенную паству[795]. Причем, по его мнению, советские рамки внешнего контроля в определенной мере ограничивали произвол епископов, тогда как в постсоветский период «власть архиереев в епархиях стала беспредельной и бесконтрольной», священники могут быть удалены из приходов по усмотрению архиерея, а «жаловаться некому»[796]. Такая ретроспективная оценка подчеркивает, что в когнитивной рамке значительной части духовенства советские механизмы контроля воспринимались амбивалентно: как внешнее давление и источник ограничений, но одновременно как единственный внешний противовес возможному произволу епископской власти.

Рассматривая епархиальный уровень в историко-правовой динамике, можно выделить несколько этапов его трансформации в рамках советской модели. В

---

[795] РПЦ и светское общество в РФ // Блог священника Павла Адельгейма. 2013. 6 апреля. URL: https://adelgeim.livejournal.com/123957.html (дата обращения: 05.01.2025).

[796] Именно так прот. Павел Адельгейм комментирует положение Устава Русской православной церкви о том, что «члены причта могут быть перемещаемы и увольняемы от своих мест епархиальным архиереем по личному прошению, по церковному суду или *по церковной целесообразности*» (глава XVII, статья 25). Более того, согласно Положению о церковном суде Русской православной церкви 2008 г., «решения епархиального суда, содержащие резолюцию епархиального архиерея об освобождении обвиняемого лица от должности или о переводе клирика на иное место служения, обжалованию не подлежат» (статья 48 «Пересмотр дела епархиальным судом. Условия обжалования решений епархиального суда», пункт 5). Далее он пишет: «С такими установками РПЦ двинулась в светское общество отбирать имущество музеев, больниц, образовательных учреждений, вторглось в школы и армию. Это делалось так же грубо и оправдывалось так же лицемерно, как расправа с клириками. Епископы слишком привыкли к безответственному поведению. Но светское общество не находится в подчинении РПЦ и не присягало служить ее интересам. Поддержка государства, его правовых и силовых структур, обеспечили силовое преимущество РПЦ над светским обществом, но общество почувствовало себя ущемленным и оскорбленным» (РПЦ и светское общество в РФ // Блог священника Павла Адельгейма…).

1940-х гг., в условиях послевоенной легализации церковной жизни, епархиальные архиереи воспринимались государством прежде всего как инструмент обеспечения управляемости религиозных общин: через них должны были проводиться решения патриарха и Совета по делам РПЦ, а формально присущая их сану полнота церковной власти в епархии облегчала такой контроль. В период хрущевской кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. усилилось давление на епископат: закрытие приходов, жесткое вмешательство в кадровую политику, участившееся использование механизмов снятия с регистрации и иного административного давления на архиереев превратили их в некотором смысле в «ответственных исполнителей» государственной антирелигиозной политики, от которых ожидалось активное содействие сокращению сети приходов и дисциплинированию духовенства.

В 1970-е – начале 1980-х гг. на фоне относительной стабилизации религиозной политики можно наблюдать частичное перераспределение акцентов: в условиях сохранения жесткого государственного контроля часть архиереев стремилась выстроить с уполномоченными Совета стабильные отношения, чтобы минимизировать закрытие действующих приходов и добиться открытия отдельных храмов или монастырей. В этой ситуации правосознание епископов эволюционировало от восприятия себя преимущественно в качестве «объекта» внешних решений к осознанию ограниченной, но все же имеющей значение субъектности внутри заданных рамок. Их подписи под ходатайствами, готовность идти на символические уступки и материальные жесты лояльности постепенно превращались в неформальные инструменты торга с государственными органами за судьбу конкретных общин и духовенства.

Приходской уровень: правовая конструкция, церковная практика и локальные акторы

В советской системе государственно-религиозных отношений приходской уровень был самым уязвимым и в то же время наиболее значимым. Именно на уровне прихода пересекались государственные нормативные установки (правовое

регулирование как таковое), церковная иерархическая система, интересы местного духовенства и повседневная религиозная жизнь верующих. Если епископат выступал посредником между церковью и государством на макро- и мезоуровне, то приход представлял собой ту институциональную среду, в которой нормативные ограничения советского права и церковные представления о должном непосредственно воплощались в практике богослужения, управления приходом, его имуществом, кадровых решениях и распределении ролей между священником и мирянами.

С точки зрения советского законодательства приход, во-первых, не обладал полноценными правами юридического лица (не мог владеть имуществом, вести хозяйственную деятельность в обычном правовом режиме и т.д.), во-вторых, не рассматривался как неотъемлемая составляющая всей сложной структуры Русской православной церкви (каковой он являлся в каноническом смысле).

В соответствии с постановлением 1929 г. религиозная община понималась прежде всего как «религиозное общество» (статья 3), образованное группой совершеннолетних верующих граждан численностью не менее двадцати человек (так называемая «двадцатка») и зарегистрированное местными органами власти для совместного отправления культа[797]. Тем самым в логике законодательства приход выступал не как низовое звено централизованной иерархически выстроенной церковной организации, а как локальное объединение частных лиц, допускаемое государством исключительно для исполнения культовой (богослужебной) функции.

Такая конструкция имела принципиальное историко-правовое значение: она разрывала традиционную для православия связь между приходом как канонической единицей и приходом как собранием верующих, в последнем случае подчиняя его логике советского административного права.

---

[797] Без регистрации религиозное общество не могло приступить к своей деятельности (статья 4 постановления 1929 г.) : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. Статья 4 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 11.

Процедура регистрации прихода начиналась с подачи его учредителями («двадцаткой») заявления по утвержденной форме и пакета документов в местные органы власти (рай- или горисполкомы), которые давали свое заключение и направляли в вышестоящий обл(край-)исполком или совет министров автономной республики[798]. На этапе рассмотрения ходатайства в облисполкоме его «основательность» проверял уполномоченный Совета[799]. Обл(край-)исполком, в месячный срок рассмотрев ходатайство, принимал (по согласованию с Советом) решение (о регистрации или об отказе в регистрации) и сообщал об этом верующим[800].

С 1975 г. облисполком вместе со своим представлением направлял документы на разрешение в Совет по делам религий, который принимал финальное решение[801].

Согласно постановлению 1929 г. религиозные объединения в целях представительства перед государственными органами, а также выполнения функция управления и пользования культовым имуществом избирали из своих членов исполнительные органы в количестве 3 человек, а также ревизионные комиссии (статьи 8, 11, 13 и др.), сведения о которых было необходимо подать в регистрирующие органы[802]. Регистрирующие органы, в свою очередь, имели право отвода отдельных лиц (статья 14).

---

[798] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. Статья 5 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 11.

[799] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 83–85 (см. пункты 18–21).

[800] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 84.

[801] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 10–11.

[802] Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929 г. № 35. Ст. 353.

Религиозное общество получало в бесплатное пользование от местных властей специальные молитвенные здания и предметы, предназначенные исключительно для культовых целей. С 1975 г. это выделение имущества происходило по решению Совета по делам религий[803].

Кроме того религиозное объединение могло пользоваться для молитвенных собраний и другими помещениями, предоставляемыми им отдельными лицами или исполкомами на правах аренды (по тем же правилам). Договоры в этом случае заключались отдельными верующими за их личной ответственностью. Отдельно оговаривалось, что каждое религиозное объединение может пользоваться только одним молитвенным помещением.

Культовое имущество передавалось по договору от имени рай- или горсиполкома (статья 27) и принималось «двадцаткой» для предоставления в пользование всех верующих (статья 28). Имущество, в том числе и вновь приобретенное или пожертвованное, считалось национализированным и находилось на учете исполкома (статья 25).

Обязанностями верующих, согласно типовому договору (статьи 28–29), считались: хранить и беречь вверенное государственное имущество; нести расходы, связанные с владением, пользованием и ремонтом; пользоваться имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей; в случае порчи или недостачи – возместить причиненный государству ущерб и т.д.

Право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд было открыто внесено в постановление 1929 г. уже в редакции 1975 г. (статья 3, абзац 3)[804].

Основанием для расторжения договора со стороны государства могло быть как несоблюдение условий договора, так и неисполнение религиозным

---

[803] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. Статья 10 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 12.

[804] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 10.

объединением *каких-либо* распоряжений административных органов (статья 43 в редакции 1929 г.). Договор от имени государства мог расторгнуть вышестоящий орган советской власти (по представлению нижестоящего), а с 1975 г. – Совет по делам религий по представлению совета министров автономной республики, край(обл-, гор-)исполкома[805].

Также постановлением 1929 г. (статья 36) была предусмотрена возможность ликвидации облисполкомом (с 1975 г. – исключительно по решению Совета) молитвенного здания в связи с его передачей «для других надобностей», государственных или общественных[806].

Органы власти вели учет находящихся на их территории религиозных объединений (статья 62 постановления 1929 г.)[807]. Общий учет и составление союзных статистических сводок относились к компетенции Совета[808].

Согласно Инструкции об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа, принятой в 1968 г., учет производился одновременно рай(гор)исполкомами и уполномоченными Совета, для чего заводились специальные карточки[809]. Подлежали учету и действующие монастыри, и духовные учебные заведения, и даже имеющиеся в пределах данной территории «святые места»[810].

---

[805] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 19.

[806] Там же. С. 17.

[807] Там же. С. 22.

[808] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). Пункт 16 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 82.

[809] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 61.

[810] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) (п. 4) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 63.

Аппараты уполномоченных составляли учетные карточки в трех экземплярах: для собственного учета, для направления уполномоченному Совета по союзной республике и непосредственно в Совет[811].

Местные органы власти и уполномоченные учитывали в своей работе (и сообщали в Совет) сведения о фактически действовавших (хотя и не зарегистрированных) общинах. Властям предписывалось решить вопрос о возможности их регистрации или ликвидировать такие общины «в связи с их противозаконной деятельностью»[812].

Отдельно заводились учетные карточки на священнослужителей и псаломщиков[813], информацию о них (анкету, автобиографию, фотокарточки, копию соглашения о найме служителей культа и документы о направлении их духовными центрами) должны были представлять уполномоченному через райисполкомы исполнительные органы религиозных обществ[814].

Регистрация служителей культов, а также снятие с регистрации относились к непосредственной компетенции уполномоченных[815], которые выдавали священнослужителю справку о взятии на регистрационный учет, при этом давали и «соответствующие разъяснения по основным вопросам действующего законодательства о культах»[816]. Без справки о регистрации священнослужитель не мог приступить к богослужебной деятельности.

В случае нарушения религиозными объединениями законодательства о культах они могли быть сняты с регистрационного учета, а следовательно,

---

[811] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 62.

[812] Там же (п. 5). С. 63.

[813] Там же (п. 18). С. 66.

[814] Там же (п. 17). С. 66.

[815] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.) // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 85.

[816] Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.). Пункт 19 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 66.

закрыты[817]). Понятие «нарушения законодательства о культах» в указанных правовых актах четко не расшифровывалось, что оставляло широкие пределы усмотрения для представителей власти.

Первоначально установив факт нарушения, местные органы или уполномоченные должны были выдать предписание о необходимости устранить его к определенному сроку. При нежелании устранения или в случае неоднократных нарушений решался вопрос о снятии с регистрации (религиозного общества или священнослужителя).

При неоднократных же нарушениях исполкомы местных Советов и уполномоченные вносят в Совет по делам религий предложения о снятии служителя культа с регистрации, а в необходимых случаях входят в соответствующие органы с представлением о привлечении виновных к ответственности[818].

Снятие религиозного общества с регистрации, в свою очередь, было одним из оснований закрытия молитвенного помещения[819]. Другое основание – необходимость сноса здания вследствие его ветхости или в связи с

---

[817] До 1975 г. снятие религиозного объединения с регистрации производилось по решениям облисполкомов, согласованных с Советом (Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). Пункт 24 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 84). После 1975 г. – по решению Совета по делам религий по представлению облисполкома (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. Статья 43 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 19).

[818] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). Пункт 15 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 81–82 ; Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.). Пункт 19 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 67.

[819] Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). Пункт 25 // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. С. 84.

реконструкцией населенного пункта (при наличии акта технической комиссии и заключения уполномоченного).

В церковном же сознании и практике приход продолжал восприниматься как элемент вертикальной структуры РПЦ, включенный в нее через настоятеля и правящего архиерея. Положение об управлении РПЦ 1945 г. стремилось в известной мере скорректировать правовую модель, навязанную государством в 1929 г.: исполнительный орган прихода – церковный совет – должен был состоять не менее чем из четырех человек, включая настоятеля, старосту, его помощника и казначея; при этом настоятель сохранял центральное положение в управлении приходской жизнью и распоряжении ее текущими делами (Положение об управлении РПЦ 1945 г., пункты 40–41). Таким образом, послевоенное церковное законодательство стремилось хотя бы частично вернуть приходу характер не просто зарегистрированной группы верующих, а низового института церковной власти, где священник оставался не только литургическим, но и фактическим административным руководителем.

Тот факт, что Положение об управлении РПЦ 1945 г. являлось не только внутренним церковным документом, но годом ранее (28 января 1944 г.) было утверждено и постановлением СНК СССР, подвел юридические основания под эту приходскую конструкцию, противоречившую постановлению 1929 г.

Однако уже в 1961 г. эта модель была радикально пересмотрена[820]. В результате реформы приходского управления настоятель был исключен из исполнительного органа, а вся хозяйственная и административная деятельность общины передавалась в ведение приходского совета и «двадцатки», тесно взаимодействовавших с уполномоченными Совета по делам религий и местными органами власти[821]. Таким образом в юридическом отношении структура внутреннего церковного управления была приведена в соответствие с логикой постановления 1929 г. Тем самым государство не просто усиливало контроль за религиозной жизнью, но и целенаправленно перераспределяло власть внутри

[820] Деяния Архиерейского собора Русской православной церкви 18 июля 1961 г. // Журнал Московской патриархии. 1961. № 8. С. 5–29.
[821] Там же. С. 15–17.

самого прихода, ослабляя позиции духовенства и усиливая зависимость общины от ее исполнительных органов.

С институциональной точки зрения приход после реформы 1961 г. представлял собой пространство наложения двух различных нормативных порядков. С одной стороны, в каноническом и литургическом сознании настоятель продолжал восприниматься как духовный глава прихода, ответственный за совершение таинств, проповедь, пастырское руководство и связь общины с епархиальной властью. С другой стороны, в системе советского права он оказывался выведен за пределы хозяйственного и организационного управления, а юридическая ответственность перед государством возлагалась на исполнительный орган прихода и группу зарегистрированных верующих. Такая двойственность статуса настоятеля создавала противоречие между церковным представлением о каноническом устройстве прихода и советской моделью приходского управления.

Назначение священника на приход, как и его фактическое пребывание на нем, зависело не только от епископа, но и от согласования с уполномоченным, поэтому зачастую было для правящих архиереев серьезной проблемой. Любая кандидатура проходила проверку на «лояльность» и отсутствие «компрометирующих» фактов «религиозного фанатизма». Власти активно использовали механизм отказа в регистрации или снятия регистрации священников, которые пытались расширить влияние церкви или конфликтовали с местной администрацией.

Архим. Августин (Никитин) вспоминает, как осуществлялся контроль за регистрацией священнослужителей со стороны органов госбезопасности: «Практиковался такой метод: прежде чем зарегистрировать молодого священнослужителя на приход, с ним проводили беседу, при которой присутствовало третье лицо. Большая часть этой беседы заключалась в том, что уполномоченный по делам религий выходил за дверь, а присутствующее третье лицо вступало в разговор, в котором желающему зарегистрироваться священнику предлагалось доносительство на сослуживцев и прихожан. От результатов

разговора зависел и вопрос регистрации, при этом причины отказа уполномоченные не обязаны были объяснять»[822]. Подобные практики формировали у приходского духовенства представление о том, что они существуют в зоне постоянного административного риска, где допуск к священнослужению зависел не только от канонической легитимности рукоположения и наличия указа архиерея, но и от готовности пройти через фильтры советской системы надзора.

Совет отмечал, что «кризис с кадрами очень тревожит архиереев. Они ведут поиски выхода из положения, рукополагают во священники и диаконы церковных активистов, не имеющих богословского образования... Некоторые архиереи откровенно говорят, что если на приходе будет хотя бы и плохой священник, то церковь будет жить, ее не закроют. Именно таких священников и рукополагают»[823].

Приводимое в докладной записке высказывание позволяет увидеть логику поведения епархиальных властей – как рациональную адаптацию к внешним ограничениям. Наличие любого зарегистрированного священника становилось условием сохранения прихода как действующего церковного института.

Важным фактором приходской жизни выступали «двадцатка» и церковный совет. Формально именно они несли ответственность перед государством за использование культового здания, имущества и соблюдение установленных правил. На практике этот мирянский актив также нес двоякую функцию. С одной стороны, именно через него обеспечивалось юридическое существование общины и сохранение храма; с другой стороны, зависимость от местных властей и уполномоченных превращала его в возможный канал государственного влияния на внутрицерковную жизнь.

Уполномоченные в своих докладах в Совет упоминали многочисленные конфликты внутри православных общин. Так, уполномоченный по Иркутской области в 1966 г. отмечал, что «почти во всех общинах православных церквей

---

[822] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 256.
[823] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 275–344.

идут сильные драчки между группами верующих»[824]. Жалобы на священников, старост, членов «двадцатки» и других прихожан[825] становились для уполномоченных важным источником информации, а сами жалобщики нередко входили в отношения доверительного общения с представителями власти. Более того, они даже доверяли уполномоченным сведения, которые не раскрывали своему окружению («поэтому «верующие, желающие побывать у уполномоченного, принимаются в любое время», писал уполномоченный по Томской области)[826]. Комментируя это, Алексей Горбатов указывает, что духовенство и прихожане испытывали к уполномоченному «амбивалентные чувства: он же гонитель и мучитель, он же всемогущий покровитель и спаситель»[827].

Тем самым приход в советской системе правового регулирования государственно-религиозных отношений не следует понимать ни как исключительно объект внешнего давления, ни как однородную религиозную общину, солидарно противостоящую государству. Он представлял собой сложную социальную среду, в которой взаимодействовали и конфликтовали несколько групп акторов: настоятель, церковный совет, «двадцатка», рядовые прихожане, епархиальная власть и уполномоченный Совета.

У каждого из них были очевидные интересы: у священника – сохранить служение и не допустить закрытия прихода; у мирянского актива – удержать храм и контроль над ресурсами; у епископа – обеспечить управляемость епархии; у государства – локализовать религиозную жизнь и не допустить ее выхода за пределы культово-богослужебной деятельности. Именно поэтому приходской уровень особенно показателен для институционального анализа: здесь особенно

---

[824] Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. П-127. Оп. 78. Д. 71. Цит. по: *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 44.

[825] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 354. Л. 30, 35 ; ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 50. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 436. Л. 7.

[826] Государственный архив Томской области. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 436. Л. 194.

[827] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 45.

наглядно видно, как советские социально-правовые конструкции не только создавали внешние ограничения, но и внутренне перестраивали конфигурацию различных ролей и стимулов внутри общины.

Представления духовенства и мирян о приходской жизни также носили двойственный характер. Для их значительной части приход продолжал мыслиться как церковь в собственном смысле слова – община, собранная вокруг таинств, возглавляемая канонически поставленным священником и являющаяся частью поместной Русской православной церкви. Однако в повседневной практике они были вынуждены исходить из своего рода юридической фикции, согласно которой приход есть зарегистрированное «общество» частных лиц, существующее с разрешения государства и лишенное полноценной церковной субъектности. Отсюда вытекали устойчивые модели поведения: стремление избегать открытых конфликтов с уполномоченными, готовность к внутренним компромиссам ради сохранения богослужения, а также болезненное восприятие вмешательства мирянских исполнительных органов в те сферы, которые в церковном сознании считались естественной прерогативой иерархии.

Монастыри РПЦ функционировали по тем же принципам, что и приходы: община монашествующих получала культовое здание в бесплатное пользование, регистрировалась местными властями, подчинялась епископу.

Совет по делам религий и КГБ усиленно контролировали монастыри: вмешивались в назначение настоятелей (игуменов, архимандритов), ограничивали прием послушников, препятствовали восстановлению монастырских хозяйств.

В историко-правовой перспективе правовой статус православных приходов в 1940-х – 1980-х гг., при сохранении общей стабильности советской модели, демонстрирует и ее внутреннюю эволюцию. В 1940-х гг., после легализации Московской патриархии, в Положении об управлении РПЦ 1945 г. была предпринята попытка частичного возвращения к канонической модели приходского направления (через усиление положения настоятеля). Тем самым она содержала элементы компромисса: государство допускало ограниченное

восстановление церковной вертикали, пока это не выходило за рамки общей политики контролируемой легализации.

Реформа 1961 г. представляла собой важный момент в истории приходского управления в СССР. Она означала отказ от компромиссной модели 1945 г. и возвращение к изначальной, более жесткой логике постановления 1929 г., где религиозная община понималась как группа частных лиц, а не как базовое звено общецерковной структуры. Поместный собор 1971 г. подтвердил приходскую реформу 1961 г. и описанную правовую конструкцию двойного подчинения прихода – церковной иерархии и советскому административному порядку. Таким образом, историко-правовая тенденция в 1940-х – 1980-х гг. проявлялась не столько в ослаблении или усилении церковно-иерархической составляющей на приходском уровне, сколько в колебаниях между ограниченным допущением церковной субъектности и ее размыванием в интересах осуществления государственного контроля.

Институт церковного суда в Русской православной церкви: историческая ретроспектива и современный взгляд

Отдельно необходимо остановиться на роли института церковного суда в истории Русской православной церкви и ситуации с осуществлением судебной церковной власти в СССР.

Дореволюционная модель церковного суда основывалась на сочетании канонических источников (Правила апостолов, вселенских и поместных соборов[828], Номоканон XIV титулов[829], Кормчая книга[830]) и государственных

[828] 85 Апостольских правил (многие из которых, впрочем, исследователи относят к более позднему времени), правила вселенских (с первого по шестой) и поместных соборов, а также творения авторитетных отцов церкви были определены как нормативные Трулльским (или Пято-Шестым) собором. 691–692 гг. См.: *Иоанн (Соколов), еп*. Правила Собора вселенского пято-шестого, Трулльского // Христианское чтение. 1850. Ч. 2. С. 75–122 ; *Павлов А.С*. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 48–51. Книга правилъ святых апостол, святыхъ соборовъ вселенскихъ и поместныхъ, и святыхъ отецъ. М. : Синодальная типография, 1914. Следует упомянуть, что известный дореволюционный специалист по каноническому праву профессор Николай Суворов защитил свою докторскую диссертацию по истории церковного суда в период вселенских соборов: *Суворов Н.С*. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских соборов. Ярославль, 1884.

актов (княжеские уставы[831], Соборное уложение 1649 г.[832], Духовный регламент 1721 г.[833], Устав духовных консисторий 1841 г.[834]), причем уже в синодальную эпоху канонические нормы во многом были подчинены государственному праву,

---

[829] Возник в начале VII в. Одна из наиболее известных редакций была составлена поздней – она приписывается патриарху Константинопольскому Фотию (ок. 820–896). Книга содержит канонические нормы, систематизированные в 14 тематических разделах. В него, по сравнению с более ранними сборниками, добавлены каноны шестого и седьмого вселенских и двух константинопольских соборов 879 и 881 гг.

[830] Кормчая книга св. Саввы Сербского появилась на Руси в XIII в. Русская редакция была утверждена собором 1273 г., в дальнейшем выходили другие ее издания.

[831] Уставы князей Владимира и Ярослава и др. определяли сферу суда епископов и устанавливали размеры штрафов за правонарушения (отражая в том числе традицию обычного права). См.: *Щапов Я.Н*. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М. : Наука, 1976. 240 с. ; *Щапов Я.Н*. Церковная юрисдикция и отражение в ней феодальной собственности церкви в XI–XII вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 339–352 ; *Каштанов С.М*. Церковная юрисдикция в кон. XIV – нач. XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 151–163 и др.

[832] Соборное уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с. Е. Белякова полагает, что Соборное уложение фактически уничтожило все судебные привилегии церкви (*Белякова Е.В*. Указ. соч. С. 21). Вместе с тем такая точка зрения не является общепризнанной. Напр., Аркадий Маньков, признавая, что Уложение наложило на церковь ряд ограничений и сделало шаг в направлении лишения ее самостоятельности, тем не менее указывает, что по-настоящему это произошло лишь в XVIII в. (См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года : кодекс феодального права России. Ленинград : Наука, 1980. С. 194–202).

[833] Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.

[834] Устав духовных консисторий / изд. Ф.В. Ливанова. СПб. : Тип. М. Хана, 1871. «Устав духовных консисторий 1841 г. …имеет значение не только закона дисциплинарного, но и судопроизводственного закона, так как духовному ведомству на основании его предоставлена судебная власть, устраняющая действие общей власти государственной. Органы ее – духовные консистории с архиереем во главе и с подчинением их Св. синоду. Производство в них письменное, негласное, частью основанное еще на формальной теории доказательств», – писал в начале XX в. профессор Санкт-Петербургского университета Я. Фойницкий. Он также отмечал, что в таком судопроизводстве устраняется нормальный судебный порядок, система органов и судебный процесс никак не связаны с принципами, на которых основаны светские суды: «Нарушая гражданское право на суд естественный, они создают порядок, близкий к административному и подчиненный его началам. Не без основания поэтому наша кассационная практика признает разбирательство в… церковных судах административным в противоположность судебному» (*Фойницкий И.Я*. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб. : Типография т-ва «Общественная польза», 1912. С. 57. Профессор Николай Соколов не находил в определениях государственной власти по церковным вопросам приоритетности канонического права. Он признает, что Устав духовных консисторий упоминает каноны церкви, но ставит их в ряду с государственными актами. Поэтому остается неясным, «насколько они действительно применены в действующем у нас праве церкви». Также и церковная административная и судебная практика, по его наблюдению, «в редких случаях обращается к канону как источнику». См.: Из лекций по церковному праву ординарного профессора Московского университета Н.К. Соколова. Вып. 1 : Введение в церковное право. М., 1874. С. 145–147.

а духовные консистории функционировали как административно-судебные органы епархиального управления.

Попытки реформировать церковный суд и вывести его из-под прямого административного контроля государства предпринимались в начале XX в. и на Поместном соборе 1917–1918 гг., однако проекты коллегиальных судов и Высшего церковного суда так и не получили завершенного нормативного оформления ввиду сопротивления части епископата[835]. После установления советской власти оформление автономной церковной судебной системы стало фактически невозможным: циркуляр Наркомюста от 18 мая 1920 г. предписывал прекращать деятельность консисторий и любых органов, присваивающих себе судебные и карательные функции, что лишало церковь признанного права на собственное судопроизводство по внутрицерковным делам[836].

Прот. Павел Адельгейм в связи с этим рассказывает случай, как отстраненный от служения «за несоблюдение формальностей по совершению церковных браков» священник получил разъяснения 5-го отдела Наркомюста, что он не обязан подчиняться решению архиерея, «если только по собственному желанию». Церковная иерархия не может издавать никакие обязательные предписания и постановления, а духовенство и церковнослужители «всецело зависят от групп верующих»[837].

В результате в 1940-х – 1980-х гг. церковный суд в строгом смысле слова не существовал. Судебные вопросы дисциплинарного и «политического» характера решались посредством определений Священного синода под председательством патриарха. Показателен случай с апелляцией запрещенных в служении священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, по которому Синод в 1966 г. признал наложенное запрещение «справедливым» и оставил апелляцию без удовлетворения, действуя de facto как высшая судебная инстанция без каких-либо

---

[835] Подробное описание см. в: *Белякова Е.В*. Указ. соч. С. 85–193.
[836] Циркуляр НКЮ от 18 мая 1920 г. Цит. по: *Гидулянов П.В*. Церковь и государство по Законодательству РСФСР : сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / под ред. П.А. Красикова. М. : Тип. ГПУ, 1923. С. 53–55.
[837] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 190.

внешних процессуальных гарантий и независимой апелляции[838]. Для институционального анализа важно, что судебная власть в РПЦ была встроена в систему административного управления и зависела от отношений патриарха и Синода с государственными органами, а не представляла собой самостоятельную «ветвь власти» внутри церковного института. Это означало, что дисциплинарные решения могли использоваться как инструмент поддержания лояльности и управляемости, а не только как механизм защиты канонического порядка.

Уже после распада Советского Союза церковная мысль возвращается к идее реформирования церковного суда[839]. Однако православный епископат в силу церковной традиции совмещает в своей деятельности исполнительную и судебную функции, а следовательно, писал П. Адельгейм, такие судебные решения «теряют объективность и правовое содержание»[840]. «В современной практике, – добавляет он, – некому жаловаться на пристрастность единоличных решений епископа»[841].

Сегодняшний Устав Русской православной церкви (гл. IX. Церковный суд), равно как и принятое в 2008 г. Положение о церковном суде РПЦ, устанавливает, что судебная власть в РПЦ «осуществляется церковными судами посредством церковного судопроизводства» (IX. 1)[842], при этом оно носит закрытый характер (IX. 9), а назначения судей зависят от правящего епископа (IX. 12).

Церковные авторы неоднократно отмечали, что сами нормы церковного права «допускают противоположные толкования и дают повод к многочисленным церковным конфликтам»[843]. Прот. Павел Адельгейм также критикует прот.

---

[838] Заседание Священного синода Русской православной церкви от 8 октября 1966 г. (журнал № 26) // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 56. Л. 35. Копия. Машинопись.

[839] *Степанченко А., прот*. Проблемы кодификации законодательства, действующего в Русской православной церкви : дис. … канд. богословия. М. : Московская духовная академия, 2003.

[840] *Адельгейм П., иер*. Догмат о Церкви в канонах и практике. Псков, 2002. С. 25–40.

[841] Там же. С. 36–38.

[842] Устав Русской православной церкви. URL: https://www.patriarchia.ru/article/87256 (дата обращения: 13.05.2025).

[843] *Чапнин С.В*. Церковь формирует свое правовое поле // Независимая газета. 2000. 14 декабря. URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-14/3_tserkov.html (дата обращения: 13.05.2025). Прот. Павел Адельгейм отмечал, что в рамках церкви невозможно построить судебную систему, работающую на тех же принципах, что и судебные системы правовых государств: «Власть чиновника над человеком должна быть уравновешена защитой прав личности от

Владислава Цыпина, разъяснявшего опубликованное Положение о церковном суде РПЦ: «проф. Цыпин вместе с Карлом Марксом понимает право как «волю господствующего класса, возведенную в закон» и превращает каноническое право в эвфемизм «закона джунглей»[844].

Духовные учебные заведения Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

Система духовного образования в советский период превращается в особую среду, в которой пересекались интересы церкви и государства.

С церковно-правовой точки зрения духовные школы в исследуемый период рассматривались как общецерковные учреждения Московской патриархии, предназначенные для подготовки кандидатов к пастырскому служению и для воспроизводства собственных кадров церкви[845]. Регулирование их церковного статуса относилось к компетенции патриарха и Священного синода, закрепленной в Положении об управлении Русской православной церкви 1945 г. (например, пункты 10 и 22); при этом конкретные вопросы открытия, реорганизации, набора, учебных программ и назначения руководства решались созданным в 1945 г. Учебным комитетом при Священном синоде[846] и утверждались через

злоупотреблений со стороны легитимной власти. Оказавшись в недобросовестных руках, легитимная власть может злоупотребить принуждением». По его мнению, положения Устава РПЦ о суде ставят человека в зависимость от епархиальной власти, не обеспечивая никаких гарантий от злоупотреблений (*Адельгейм П., прот*. Реанимация церковного суда. О теоретической невозможности церковного суда // Портал-Credo.Ru. 2008. 4 июня. URL: https://web.archive.org/web/20080702024448/http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=780 (дата обращения: 12.10.2024)).

[844] П. Адельгейм цитирует В. Цыпина («Права нужны христианину не для защиты его интересов, а только для исполнения долга, а долг – это не то, что он сам произвольно возлагает на себя, а то, что дано ему свыше») и комментирует это высказывание: «Дано свыше – кем? Епархиальной властью? Отрицая за клириками и мирянами свободу выбора, проф. Цыпин заквашивает их правосознание на презумпции неискупимой вины. Права клириков и мирян оказываются их долгом перед церковной властью, а свобода – осознанной необходимостью нести повинность. Стимулом для выполнения «долга» становится кнут». См.: *Адельгейм П., прот*. Реанимация церковного суда.

[845] *Григорий (Чуков), архиеп*. Учреждение духовно-учебных заведений // ЖМП. 1943. № 3. С. 22–24.

[846] *Кашеваров А.Н*. Митрополит Григорий (Чуков) и воссоздание духовных школ в Ленинграде в 1944–1946 гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 22.

синодальные постановления и указы патриарха. В каноническом и церковно-административном смысле духовные академии и семинарии продолжали мыслиться как институты, готовившие клир для всей церковной структуры, а потому были встроены не в приходскую или епархиальную, а в общецерковную вертикаль управления.

Фактическая деятельность духовных школ происходила под жестким контролем государства: количество учебных заведений, набор, программа обучения, кадровый состав преподавателей регулировались через решения Совета по делам РПЦ (религий) и согласовывались с органами государственной безопасности. Исследователи отмечают, что Совет стремился использовать контроль над духовным образованием как механизм формирования «нужного» типа духовенства: лояльного, политически благонадежного, ориентированного на выполнение задачи «лояльного законопослушания», а не на противопоставление советской системе[847].

Основной целью семинарий была подготовка пастырей, а академии должны были готовить епископов и преподавательский состав духовных школ[848]. При этом курсы в академиях лишь незначительно отличались от семинарских, практически не ставились какие-то научные задачи. Учебные дисциплины преподавались преимущественно по дореволюционным пособиям, еще и адаптированным под низкий общеобразовательный уровень студентов. Выпускники духовных школ СССР сильно отставали от уровня светских университетов, а также не имели возможности изучать актуальные современные проблемы, что отмечали даже иностранные гости[849].

---

[847] Уполномоченные того региона, где находилась семинария, сначала запрашивали сведения об абитуриентах от органов власти из их мест проживания, и только потом согласовывали список поступивших. В Одесской семинарии, например, была создана комиссия преподавателей «для качественного отбора», которая напрямую информировала об этом процессе уполномоченных // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2459. Л. 52. Цит. по: *Белякова Н.А*. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции. С. 437.

[848] *Журавский А.В*. Проблемы религиозного образования в России // Континент. 2002. № 114. URL: https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/problemy-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii.html (дата обращения: 28.07.2025).

[849] Посетивший СССР в 1956 г. с группой американских христиан д-р Пол Андерсон отмечал, что советское духовенство подчеркивало важность богослужения, пастырства и причастия, но

Духовные школы делали акцент в первую очередь на формировании христианского мировоззрения и благочестия («воспитании истинного христианина»), базовом обучении православной догматике, церковной истории и литургике. При этом задачей курсов виделось «углубленное изучение древнего периода церковной жизни», чтобы проследить неизменность первоначальных церковных установлений[850]. Актуальные богословские вопросы и осмысление вызовов современности не были включены в программу[851]. Однако многие, казалось бы, далекие от советской действительности церковные предметы (нравственное богословие, литургика и проч.) использовались в целях «гражданского и патриотического воспитания» – например, для бесед о праве на свободу совести в СССР[852]. В условиях действовавшей системы государственно-религиозных отношений и постоянного контроля за духовными школами со стороны государства иной подход был вряд ли возможен[853].

В отношении знакомства учащихся с основами советского законодательства о религии нужно признать, что оно носило достаточно поверхностный характер. Это прежде всего было связано со спецификой нормотворчества в СССР и его

при этом мало интересовалось вопросами образования, церковной благотворительности, государственной политики или социально значимыми проблемами (Curtiss, John Shelton. Religion as a Soviet Social Problem // Social Problems, University of California Press, 1960. Vol. 7, No. 4 (Symposium on Social Problems in the Soviet Union, Spring, 1960). P. 330–331).

[850] Сарычев В. Задачи русской духовной школы (сокращенный текст доклада, прочитанного при встрече с делегацией греческих богословов 27 мая 1962 г. в Московской духовной академии // ЖМП. 1962. № 9. С. 70–78.

[851] Священник Павел Адельгейм пишет об этом так: «Верующему человеку, который хочет восполнить пробел в своем образовании, некуда пойти. И вот есть, оказывается, такое место – Духовная семинария! Это первое заблуждение. Семинария не ставит перед собой просветительных целей. Она не восполняет пробелов атеистического воспитания. Она слишком мала по объему для этой цели. Три семинарии и две академии дают в год меньше ста выпускников. Их цель – «давать духовное образование будущим пастырям Церкви и подготавливать преподавателей богословских предметов» (*Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 173).

[852] *Вишневский А*. Взаимодействие Совета по делам религий при Совете Министров СССР с Духовными школами Русской православной церкви в период патриаршества Святейшего Пимена (Извекова) по материалам ГАРФ // Доклад на II Межвузовской студенческой конференции «Актуальные проблемы современной богословской науки», 8 мая 2012 г. URL: https://old.mpda.ru/tutor/site_pub/894029.html (дата обращения: 01.09.2025).

[853] Подробности согласования учебных планов и других документов см.: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

избыточной секретностью[854], особенно явно проявлявшейся в сфере государственно-религиозных отношений. Изучение Конституции СССР с ее декларативными нормами о религиозной свободе было обязательным для семинарий и академий (в целях «усиления воспитательной работы в духе советского патриотизма, уважения к советским законам, высокой гражданственности»[855]), однако прочие нормативные и распорядительные акты не были известны ни студентам духовных школ, ни даже высшим иерархам[856]. Описанный подход формировал у выпускников специфическую картину мира.

Отдельной проблемой для духовных академий и семинарий РПЦ было обеспечение доступа студентов и преподавателей к богословской литературе[857]. Патриарх несколько раз обращался в Совет с просьбой передать духовным школам фонды бывших духовных учебных заведений в разных концах страны[858].

Некоторые церковные авторы описывают возрожденные семинарии и их преподавателей как хранителей веры и дореволюционных традиций духовного образования. «Закрытые духовные школы продолжали жить в своих преподавателях и выпускниках, старавшихся в новых условиях сохранить и

---

[854] *Парамонов В.Н*. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–126.

[855] «По нашему настоянию материал этих дисциплин обязательно увязывается с текущими событиями внутренней и международной жизни нашей страны… с освещением деятельности советского народа по выполнению планов десятой пятилетки», – сообщал уполномоченный по Ленинградской области Г. Жаринов // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1721. Л. 5 ; См. также: О состоянии контроля за деятельностью духовных учебных заведений в РПЦ : Отчет уполномоченного Совета по делам религий по Московской области А.А. Трушина от 21 сентября 1972 г. № 21/134 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 474. Л. 52–55. В рамках изучения Конституции студенты были обязаны писать т. наз. семестровые сочинения, темы которых согласовывались с Советом. Например, в 1960 г. была предложена тема «СССР – оплот мира во всем мире» (*Карпук Д.А*. Ленинградские духовные школы в годы обучения протоиерея Александра Меня (1959–1963 гг.) // V Меневские чтения, г. Сергиев Посад, 9–10 сентября 2010 г. URL: https://spbda.ru/publications/dmitriy-karpuk-leningradskie-duhovnye-shkoly-v-gody-obucheniya-protoiereya-aleksandra-menya-1959-1963-gg (дата обращения: 02.09.2025).

[856] Лишь в 1970–1980-е гг. было опубликовано несколько книг за авторством председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова, содержавших его изложение советского законодательства о культах (*Куроедов В.А*. Религия и церковь в советском обществе. М. : Изд-во полит. литературы, 1984. 256 с.).

[857] Некоторым исключением, впрочем, была структура ОВЦС, куда поступала религиозная литература на иностранных языках.

[858] Например, в Ярославле (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 128. Л. 89. Подлинник. Машинопись. Цит. по: Письма Алексия I в Совет… Т. 1. С. 722–723) и Таруссе (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 40. Л. 296).

преумножить лучшие научные наработки дореволюционных академий и семинарий в надежде на будущее возрождение»[859].

Как отмечают Владимир Лебедев и Александр Прилуцкий[860], семинарское образование в представлениях интеллигенции позднего советского периода было окружено разнообразными мифами. В восприятии одних программа духовных школ, сохранившаяся со времен Российской империи, давала широкие гуманитарные знания, прежде всего прекрасное знание древних и новых языков[861]. Для других – (в полном согласии с атеистической пропагандой) семинаристы представали исключительно неграмотными мракобесами («в семинарию берут только неучей»). В церковной же среде мифологизировались различия между разными семинариями – «в Загорске молятся, в Ленинграде учатся»[862].

На самом деле уровень подготовки семинаристов в СССР ожидаемо оставлял желать лучшего. В исследовании, посвященном профессору МДА Николаю Доктусову, отмечается, что он старался повышать у воспитанников уровень владения родным языком: большинство студентов не умели пользоваться пособиями и источниками, а также имели пробелы в грамматике и синтаксисе[863].

---

[859] *Третьяков И.С.* Жизнь, научная деятельность и пастырское служение профессора-протоиерея Александра Ветелева // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2023. № 21. С. 227. Между тем идеализация дореволюционных семинарий вряд ли оправдана. В ходе работы Предсоборного присутствия 1906 г. отмечалось, что программы не соответствуют возрастным особенностям обучающихся, изложение материала носит схоластический характер, а само образование отличается сословной замкнутостью и не соответствует запросам современного общества (*Пашков В.П.* Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. … канд. богосл. Санкт-Петербургская духовная академия, 2023. С. 27–28).

[860] *Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М.* Восприятие духовной семинарии советской интеллигенцией периода позднего СССР // Вестник славянских культур. 2023. № 67. С. 8–20.

[861] Профессор МДА Николай Гаврюшин вспоминает: «Было широко распространено мнение, что в Академии дают исключительно глубокие познания и сюда привлечены лучшие педагогические кадры. Понятное дело, что мы никого не пытались убедить в обратном» (Гаврюшин Н.К. Из воспоминаний о Московской духовной академии (продолжение) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2013. № 11. С. 88).

[862] *Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М.* Указ. соч. С. 12.

[863] *Веретенников В.А.* Николай Петрович Доктусов как инспектор Московской духовной академии // Церковный историк. 2024. № 2(16). С. 161.

Поскольку в духовные школы запрещалось брать людей с высшим образованием (и даже с полным средним), на практике «в семинарии брали всех, кто мог прорваться через препоны местных органов советской власти»[864].

Необходимо указать, что происходившее не было сознательным выбором РПЦ. Именно запреты со стороны советской власти привели к тому, что рамки для церковной активности были сильно сужены[865].

Особые усилия были сосредоточены на формировании советской идентичности духовенства, в том числе путем контроля над системой духовного образования. Официальная церковь говорила о «христианском коммунизме», заявляла о поддержке революционных и освободительных движений в других странах, и таким образом приспосабливалась к государственному давлению и воспроизводила политизированное восприятие общественных процессов[866].

Эту политику поддерживало и руководство духовных школ. Митрополит Одесский и Херсонский Сергий, ректор семинарии, заявлял, что задачей учебного процесса является воспитание молодого поколения «в православно-патриотическом духе»[867].

Касаясь вопроса обеспечения церковью государственных интересов, нужно упомянуть и еще одну цель духовного образования в СССР – подготовку «церковно-дипломатических» кадров. На «внешнем контуре» Советское государство активно убеждало международную общественность, что в стране существует религиозная свобода, заявляло об отсутствии преследований верующих. Очевидно, что прежде всего для трансляции таких деклараций использовались сами представители РПЦ. Для этого они должны были

---

[864] *Лобанова И.В.* Проблемы развития церковно-исторической науки России в условиях атеистического советского государства // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15. № 3. С. 79.

[865] Religious Life in the Late Soviet Union : From Survival to Revival (1960s–1980s) / ed. by Barbara Martin and Nadezhda Beliakova. L. : Routledge, 2023. P. 5.

[866] From Confrontation to a Dialogue : The Dynamics of Relationship between the Russian Orthodox Church and the State (1917–1980) / *E. Belyaeva, L. Chumarova, B. Fakhrutdinov, A. Fakhrutdinova* // Humanities & Social Sciences Review. 2019. Vol. 7, No. 4. P. 390–393.

[867] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2459. Л. 54.

подбираться из максимально лояльных советской власти и патриотически настроенных священнослужителей[868].

Внутри церковного института это приводило к формированию специфической группы клириков – выпускников послевоенных духовных школ, которые, с одной стороны, удерживались в границах базовой церковной когнитивной рамки, а с другой – были воспитаны в условиях постоянного взаимодействия с государственными структурами, что влияло на их отношение к советскому праву и границам допустимых компромиссов.

Когнитивная рамка и правосознание советского духовенства и верующих

Анализируя церковные формальные правила советского периода, необходимо учитывать не только их текстуальное содержание и официальные интерпретации, но и то, как они преломлялись в повседневном опыте верующих (епископата, рядового духовенства и мирян). В совокупности это позволяет рассматривать параллельное сосуществование советского и церковного правопорядков не как абстрактное «наложение» двух систем норм, а как сложную динамическую модель, в которой формальные правила и когнитивные установки верующих влияют друг на друга и на практику государственно-религиозных отношений.

В рамках используемой методологии историко-правового неоинституционализма мы уже неоднократно обращались, наряду с классической категорией правосознания, к понятию когнитивной рамки. Если правосознание (в строгом юридическом смысле) определяет восприятие субъектами

---

[868] *Апанасенок А.В*. Паломнические поездки советских граждан на Святую Землю в отражении «Журнала Московской патриархии» : 1964–1967 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История : Информационно-аналитический журнал. М. : ИНИОН РАН, 2024. № 2. С. 7–27 ; *Беглов А.Л.* Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. С. 104–129 ; *Каиль М.В*. «Православный фактор» в советской дипломатии : международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 2017. № 1 (35). С. 19–40.

правоотношений формально-позитивного государственного права, отражая оценку внешнего нормативного воздействия, то когнитивная рамка представляет собой глубинный институционально-мировоззренческий контур. Для церковной иерархии и мирян РПЦ эта рамка, сформированная богословско-канонической традицией и историческим опытом, выступала своего рода системой координат, через которую интерпретировались и оценивались нормы советского законодательства. Именно особая когнитивная рамка определяла специфику правосознания церковных акторов, заставляя их воспринимать государственно-правовые реалии сквозь призму религиозно-институциональной идентичности.

Наиболее наглядно эта когнитивная рамка понимания советского законодательства, собственных прав и свобод советскими верующими может быть выявлена при анализе обращений и жалоб иерархов и мирян РПЦ в органы власти и их официальной переписки с советской бюрократией.

Так, для патриарха и других представителей епископата центральным вопросом было не столько обеспечение свободы вероисповедания как таковой, сколько правовая самостоятельность церкви как института. Как будет показано в главе 3, обращения епископата в той или иной форме содержали идею о необходимости разграничения светской и «внутрицерковной» сфер регулирования. Последняя мыслится как особое пространство, куда государство не должно вмешиваться.

Неопределенность границы между этими двумя институтами (церковью и государством) была обусловлена переплетением различных внутри- и внешнеполитических и аппаратных задач, касающихся интересов различных акторов. С учетом проводимой специфической кадровой политики и стремления государства к тотальному контролю над потенциальным идеологическим конкурентом граница между светским и религиозным, секулярным и сакральным становилась мерцающей, постоянно переопределяемой.

В этом отношении показательно, что архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) в беседе с уполномоченным в 1949 г. пытался уточнить, какие именно епархиальные вопросы находятся в ведении Совета, а

какие не требуют согласования с ним. Уполномоченный ему ответил: «Вопросы внутрицерковные – это ваше внутрицерковное дело, а те вопросы, которые вы ставите перед советскими государственными организациями, например, перед Исполкомом, Нарсудом, Прокуратурой и др.», непосредственно касаются и уполномоченного[869].

Наиболее ярко понимание автономности внутрицерковного правопорядка, а также апелляция к провозглашенному декретом 1918 г. принципу отделения церкви от государства проявляются в письмах патриарха Алексия I, архиепископа Ермогена (Голубева)[870] и ряда других иерархов.

В сентябре 1959 г. Алексий I переслал Г. Карпову рапорт архиепископа Ростовского и Новочеркасского Иннокентия (Зельницкого)[871] с жалобами на незаконные действия уполномоченного, сопроводив его собственными размышлениями: «Он просит меня дать ему указания… Но какие я ему могу дать указания, когда *по ряду пунктов я могу только сказать, что требования уполномоченного по меньшей мере незаконны*? Поэтому я посылаю Вам этот рапорт, т.к. только Вы можете дать верный ход действиям уполномоченных. *Ведь многие их действия совершенно не соответствуют тому духу, которым проникнуты и Конституция, и создание Совета по делам РПЦ, и Ваши мероприятия как руководителя Совета, и Ваши указания органам на местах*. Подобные действия уполномоченных вносят дисгармонию в отношения между Властью и Церковью, и льют, т[ак] сказать, воду на мельницу наших врагов…»[872].

---

[869] Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1949 года. 1 апреля 1949 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–14, 35. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 182.

[870] Ермоген (Голубев, 1896–1978), архиепископ Русской православной церкви, открыто выразивший несогласие с решениями Архиерейского собора Русской православной церкви 1961 г. по вопросу реформы приходского управления.

[871] Иннокентий (Зельницкий, 1886–1968), архиепископ. В 1958–1961 гг. возглавлял Ростовскую и Новочеркасскую кафедру.

[872] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 48–48 об.

В справке В.А. Куроедова о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г.[873], направленной в мае того же года в отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, отмечалось, что управляющий Львовской епархией архиепископ Палладий (Каминский)[874] «усиление контроля за соблюдением советского законодательства о культах расценил как вмешательство в церковные дела» и в своем окружении заявил, что «вмешательство государства в дела церкви – это большой нарыв на теле Православной церкви». Также митрополит Николай (Ярушевич) говорил уполномоченному Совета по г. Москве и Московской области: «Мне и патриарху непонятно… от нас требуете, чтобы духовенство не нарушало законы, а вот когда идет нарушение с противоположной стороны, то мер не принимают. Я имею в виду варварское закрытие церквей…»[875].

Отстраненный от епархиального управления в 1960 г. архиепископ Ермоген (Голубев) в письмах патриарху Алексию и Н.С. Хрущеву от 16 марта 1962 г. возмущался несоответствием буквы закона правоприменению, именуя происходящее «ненормальностями церковной жизни». Ермоген писал об административном вмешательстве уполномоченных в деятельность церкви, когда чиновники на местах, по его мнению, грубо нарушали советское законодательство о культах, сводя на нет принцип отделения церкви от государства: «Они усвоили себе не принадлежащее им по закону право на церковное управление… Фактически управляющим епархией является не архиерей, а уполномоченный, архиерей же является у него как бы старшим благочинным»[876].

В письме протоиерея Александра Дронова Президиуму XXIII Съезда КПСС 28 марта 1966 г. отмечалось: «Государственный орган – Совет по делам религий и его уполномоченные по областям, созданный для связи церкви с государством и регистрации религиозных общин и духовенства, фактически стал диктовать свою

---

[873] О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах : Справка о ходе выполнения Постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 4–7.

[874] Палладий (Каминский, 1896–1978), архиепископ. С 1956 по 1960 гг. возглавлял Львовскую кафедру.

[875] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 79.

[876] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 11–12. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 350–353.

волю церкви, хотя эта диктовка нигде не фиксируется, потому что противозаконна»[877].

Таким образом, в рассматриваемый период в церковной среде формировался специфический тип правосознания. Опираясь на церковную когнитивную рамку, иерархи и миряне парадоксальным образом обращались к базовым принципам советского права (в частности, к конституционному принципу отделения церкви от государства) как к инструменту защиты своей институциональной автономии. Апеллируя к букве советского закона, церковные акторы пытались выстроить стратегию правовой защиты от административного произвола властей и сохранить свою юрисдикцию в вопросах внутреннего церковного управления.

Что же, в понимании епископата, представляло собой «незаконное вмешательство в жизнь верующих» и «проникновение во внутрицерковную жизнь»?

Запрет богослужений или прямое вмешательство уполномоченного в вопросы церковного управления воспринимались в этом контексте не просто как административное давление, но как нарушение принципа разграничения компетенций. Например, патриарх Алексий I следующим образом описывал незаконные действия ростовского уполномоченного: «Как, например, сочетать требование его о недопущении в храм лиц до 18-летнего возраста с пунктом Конституции о признании свободы отправления религиозн[ых] культов за всеми гражданами? И как практически осуществить требование уполномоченного? Как оценить его требование к священникам «отказаться от Бога» и т.д.?»[878]

Достаточно объемное представление о границах законного и незаконного (с точки зрения РПЦ) вмешательства дает рапорт, отправленный архиепископом

---

[877] Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-2184. Оп. 1 Д. 19. Л. 23. Выдержка из письма протоиерея Александра Дронова Президиуму XXIII Съезда КПСС 1966 года. Цит. по: *Клоков А.Ю. Найденов А.А.* Храмы и монастыри Липецкой епархии. Храмы Липецка. Липецк : Липецкое областное краеведческое общество, 2007. С. 42–43.

[878] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 48–48 об.

Лукой в 1959 г. на имя патриарха[879]. Вопросы, содержавшиеся в рапорте, касались разных сторон церковной жизни, и имели весьма характерный язык (приложение 1). Лука не просто перечислял отдельные жалобы, а описывал правоприменительную практику через определенные категории, которые отражали его представления о законном порядке государственно-церковных отношений.

Язык документа свидетельствует о восприятии церкви как субъекта государственно-религиозных правоотношений и о глубоком усвоении юридической логики. Например, архиепископ практически не использует религиозную лексику, тем более – терминологию противостояния, не пишет о «гонениях на веру», «борьбе с церковью» и т.д. Вместо этого он постоянно обращается к понятиям полномочий, компетенции, законности, процедуры, права, ответственности. Иными словами, архиеп. Лука воспринимает себя в качестве руководителя религиозной организации, обладающего определенными правами, а основной конфликт видит не между церковью и государством вообще, а между законностью и административным произволом – почти каждый вопрос начинается словами: «имеет ли право...?», «законно (допустимо) ли...?».

Основная мысль документа – понимание церкви как автономного правового порядка и независимого в своих внутренних делах от государства института. Автор рапорта исходит из презумпции существования внутренней церковной сферы компетенции, в которой государство не должно подменять церковную власть. Об этом говорят его вопросы: № 1 («Имеет ли право уполномоченный уступать часть своих полномочий по церковным делам райсоветам и сельсоветам и этим создавать возможность их вмешательства во внутренние дела Церкви?»); № 22 («Имеет ли право уполномоченный настаивать на предварительном согласовании с ним назначений псаломщиков и регентов из других епархий?»); № 24 («Допустимо ли вето уполномоченного на поручение епископа свободному

[879] Он, в свою очередь, переправил его в Совет со своими комментариями, которые не противоречат высказываниям крымского священнослужителя (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72. Л. 156–159. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 252–255).

священнику своей епархии на короткое время заместить заболевшего тяжелым гриппом священника?»).

При этом архиеп. Лука не спорит с самими существованием института уполномоченного, а лишь с расширением его полномочий; государство имеет право контролировать исполнение закона, но не имеет права управлять церковью. Именно из этой логики позднее исходил и архиеп. Ермоген (Голубев), обвиняя уполномоченных в узурпации права управлять внутрицерковными делами.

Еще одна группа вопросов связана с приходом как субъектом права: № 2 (требование уполномоченным списков «двадцатки» и протоколов собраний); № 5–7 (давление на членов «двадцатки»); № 9 (препятствование пополнению «двадцатки»); № 10 (отказ признать собрание учредителей); № 23 (требование предварительно уведомлять о собрании). Поскольку согласно законодательству о религиозных культах «двадцатка» являлась законным носителем прав религиозной общины, вмешательство государственных чиновников воспринимается архиеп. Лукой как попытка уничтожить правовую основу существования прихода.

В теме препятствования богослужебной деятельности (а следовательно – теме свободы отправления культа, права верующего на участие в таинствах, в том числе «неотложных напутствий») упомянуты незаконные практики выдачи сельсоветом разрешения на требы, запрет богослужений по санитарно-эпидемиологическим соображениям и проч. «Отправление культа» воспринимается архиепископом как легитимная общественная функция, связанная с реализацией индивидуального права на свободу религиозных убеждений, а не как частная инициатива священника.

Множество вопросов архиеп. Луки относится к очевидному разрыву между нормами законодательства о культах и противоречащей им практикой административного произвола: закрытие молитвенного дома через обсуждение по бригадам совхозов, сбор финансовых сведений, невозможность решать вопросы из-за отсутствия уполномоченного.

Интересно, что в отдельных внутрицерковных вопросах РПЦ удавалось отстаивать свое право юрисдикции. Так, в июле 1963 г. Совет разъяснил патриарху (хотя и устно, не облекая свою позицию в документальную форму) возможность совершения богослужений заштатными священниками в дни церковных праздников, памятные дни и на архиерейских службах (с разрешения правящего архиерея). Это было сделано в связи с жалобой патр. Алексия на установившийся в практике местных органов власти порядок, когда заштатный священнослужитель лишался права принимать участие в богослужении. Таким образом, уход за штат фактически стал равнозначен запрещению в священнослужении, «которое, как известно, является тяжелым церковным наказанием»[880]. Алексий утверждал, что «такой порядок противоречит церковным установлениям», а также целому ряду советских законов: «124-й статье Конституции Союза ССР, согласно которой свобода отправления религиозных культов признается за всеми гражданами, и ни одно правительственное распоряжение не говорит о том, чтобы права на совершение богослужений лишалось престарелое, находящееся за штатом, духовенство…».

Для усиления аргументации патриарх ссылался на декрет 1918 г. и установившуюся уже в советское время практику: «У нас же, в условиях отделения Церкви от Государства, вопросы о том или ином участии гражданина в совершении богослужения всецело относятся к внутреннему распорядку того культа, к которому принадлежит гражданин. Таким образом, с правовой точки зрения лишение заштатных священнослужителей права принимать участие в совершении богослужений необоснованно». Алексий I напоминает, что после 1917 г. право заштатного духовенства на участие в богослужении никогда не оспаривалось государственной властью[881].

Еще одним из многочисленных примеров вмешательства в богослужебную практику было требование уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и

---

[880] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л 46–47. Цит. по: Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 73–74.

[881] Там же. На «вторжение» уполномоченных в богослужебные вопросы указывал в своем письме главе государства и архиеп. Ермоген (Голубев). См.: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 14–25. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 352–353.

Московской области А.А. Трушина[882] прекратить богослужение в Ризоположенском храме Донского монастыря в декабре 1963 г. После обращения патриарха Алексия В.А. Куроедов дал указание «Тов. Трушину до Рождества службы не менять, а после Рождества служить только по большим религиозным праздникам»[883]. Курьезом обернулась попытка цензурирования богослужебных песнопений после начала Шестидневной войны Израиля и арабской коалиции в 1967 г.: некоторые бдительные чиновники усмотрели в евангельских текстах пропаганду сионизма[884].

Следует отметить, что не только РПЦ, но и сам Совет предпринимал меры к ограничению излишнего вмешательства органов власти во внутрицерковные вопросы. Например, в циркулярном письме Совета № 390/с от 22 апреля 1953 г. уполномоченным на местах напоминалось о «недопустимости администрирования», необходимости соблюдать советское законодательство о культах и указания Совета», в частности, что они могут отказать в регистрации, но не в продвижении по службе или перемещении священнослужителя архиереем, «если он прописан органами милиции и на него нет каких-либо особых материалов, препятствующих регистрации»[885].

---

[882] О его деятельности в период с 1944 по 1984 гг. на этом посту см.: *Амелина Т.В., Никонов В.В*. Значение, структура и наполнение отчетов Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Москве и Московской области А.А. Трушина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-2 (103). С. 6–12.

[883] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 488. Л. 53–53 об. // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 81.

[884] Архим. Августин (Никитин) пишет в своих воспоминаниях: «Во время войны 1967 г. старушка из одного московского храма спросила более молодого прихожанина: «Ну как там дела у Израиля?» И, услышав в ответ, что Израиль, дескать, побеждает, удовлетворенно заметила: «И то. Ведь каждый день за него в церкви молимся». Речь шла о том, что, несмотря на осуждение «израильской агрессивной военщины» в храмах по-прежнему пели «славу Израилю». Речь шла о церковном песнопении «Ныне отпущаеши». Конечные слова песнопения: «...и славу людей Твоих Израиля». И дуроломы-уполномоченные требовали убрать из песнопения часть евангельского текста… А в светском хоровом искусстве с «сионизмом» расправились быстро. Исполняются, к примеру, старинные русские песнопения. Ведущий объявляет: «Бортнянский. Сочинение № 16». И хор поет то же самое «Ныне отпущаеши», но только в усеченном виде, без «Израиля». Но мелодию не «обрежешь», вот и тянут в конце: «м-м-м-м-м...» (*Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 120).

[885] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1011. Д. 22–23. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 695.

В целом ключевыми категориями в оценке состояния правового регулирования государственно-религиозных отношений для епископата РПЦ являлись правовой статус церкви как института, законность государственного администрирования, проблема вмешательства государства во внутрицерковные дела и разграничение компетенции. В свою очередь, использование церковью юридического языка, апелляция к нормам права и исторически сложившемуся порядку время от времени могли иметь успех, что, в свою очередь, убеждало духовенство в правильности выбранной стратегии обжалования действий властей.

Другой важной составляющей когнитивной рамки, характерной не только для духовенства, но и для мирян, было устойчивое различение нормативно закрепленного порядка и правоприменительной практики. Почти все рапорты епископов на имя патриарха, жалобы верующих церковному начальству и в советские инстанции строятся вокруг мысли о справедливости советских законов и одновременно об административном произволе в процессе их применения.

Этот мотив постоянно присутствует в коллективных обращениях верующих в Совет и к патриарху Алексию I. Последний неоднократно высказывался в пользу неукоснительного исполнения советского законодательства, призывая скорректировать подходы к антирелигиозной работе, «которая должна вестись без нарушения основных положений по отношению к Церкви, установленных нашей Конституцией и неоднократно разъясняемых авторитетными органами Власти» (из письма Г.Г. Карпову, 1959 г.)[886]. Приводя в пример случаи злоупотреблений со стороны отдельных уполномоченных, глава РПЦ писал: «Насколько все это не согласуется с нашей Конституцией, проникнутой по отношению к религии духом терпимости и свободы! Причем, наконец, постановление ВЦИК от 8 апр[еля] 29 г., когда еще не было ни Конституции, ни Совета по делам РПЦ, ни уполномоченных на местах и т[ому] под[обное]…»[887]

Комментируя требования ростовского уполномоченного, Алексий I также сопоставляет его действия с конституционной нормой: «Как, например, сочетать

[886] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 117–121 ; Там же. Оп. 1. Д. 1649. Л. 231–233. Цит. по: Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 51–53.
[887] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 48–48 об.

требование его о недопущении в храм лиц до 18-летнего возраста с пунктом Конституции о признании свободы отправления религиозных культов за всеми гражданами?.. Многие их действия совершенно не соответствуют тому духу, которым проникнуты и Конституция, и создание Совета по делам РПЦ»[888].

Подобные вопросы неоднократно озвучивались и на заседаниях Священного синода. Синодальное постановление с призывом устранить «некоторые обстоятельства, осложняющие и затрудняющие управление епархиями»[889], на заседании 21 мая 1959 г. адресовалось Совету по делам РПЦ, который просили «принять авторитетные меры к устранению ненормального, ничем не оправдываемого и явно незаконного отношения к духовенству – архиереям и рядовым священнослужителям»[890].

В уже упомянутом рапорте архиеп. Луки на имя патриарха ряд вопросов также связан с попыткой разграничить позиции государства как института и действия отдельных чиновников (правильно ли называть отказ выполнить незаконные требования уполномоченного «неподчинением советской власти» и проч.). Здесь архиепископ вводит различие между государством и его конкретным служащим, между законом и его произвольной реализацией, между властью и злоупотреблением полномочиями. Иными словами, он не говорит, что священнослужители или верующие «против советской власти», а утверждает, что данный чиновник «нарушает советскую законность». Государство в лице высших органов управления (Совет по делам РПЦ, ЦК КПСС, Генеральный секретарь) в этой конструкции остается легитимным арбитром.

Схожие идеи звучат в проекте письма патриарха Алексия и митрополита Николая (Ярушевича) Н.С. Хрущеву от 31 мая 1959 г., которое оказалось на столе

---

[888] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 48–48 об.

[889] Речь шла о Калининской, Симферопольской, Таллинской, Латвийской и Пермской епархиях.

[890] ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 2. Д. 202 а. Л. 101–102. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 252–255. Интересно, что подобное решение квалифицировалось руководством Совета как из ряда вон выходящее: на копии журнала заседаний Священного синода резолюция: «Это первый случай за Совет. Этого не было даже в 1954 году, и это требует, чтобы мы на Совете разобрались. Карпов. 23/V» (Цит. по: Там же).

у Г. Карпова[891]. Подчеркивая экстраординарность меры (впервые за 16 лет совместной работы с Советом они вынуждены обратиться к главе государства) церковные иерархи пишут: «Мы вынуждаемся просить Вас, глубокоуважаемый Никита Сергеевич, каким-нибудь актом подтвердить действенность постановления Партии от 10 ноября 1954 г.»[892] То есть авторы ожидают от центральной власти не изменения закона, а принуждения ответственных чиновников к его соблюдению.

Архиепископ Ермоген (Голубев) в своем обращении к Генеральному секретарю ЦК КПСС также апеллирует к нормам Конституции, говоря о свободе антирелигиозной пропаганды как конституционном праве каждого гражданина, и к решениям партии, «которой не безразличны всегда были методы, которыми ведется антирелигиозная работа, это подтверждают резолюции партийных съездов и решения ЦК партии, осуждавшие искривления и ошибки в проведении научно-атеистической пропаганды»[893].

В письме прот. Александра Дронова говорится: «Законы очень гуманные, самые демократичные и справедливые, но беда в том, что такими они остаются на бумаге, а на деле не выполняются»[894].

Во всех перечисленных случаях мы видим, что для церковной среды советское право обладало определенной легитимностью, а проблема заключалась не в содержании правовых норм, а в их произвольном применении.

---

[891] 8 июня 1959 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов направил «докладную записку», переданную патриархом Алексием и митрополитом Николаем (Ярушевичем), председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 62, 68). Ответ был доведен до патриарха в ноябре того же года.

[892] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264. Имеется в виду Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно атеистической пропаганды среди населения». Постановление см.: «ЦК КПСС в резолюциях…». М., 1971. Т. 6. С. 516–520.

[893] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 14–25. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 352–353.

[894] Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-2184 Оп. 1 Д. 19. Л. 23. Выдержка из письма протоиерея Александра Дронова Президиуму XXIII Съезда КПСС 1966 года. Цит. по: *Клоков А.Ю. Найденов А.А*. Храмы и монастыри Липецкой епархии. Храмы Липецка. Липецк : Липецкое областное краеведческое общество, 2007. С. 42–43.

Подобное разделение на законодательство и практику его применения присутствует и в жалобах мирян. Исследовавшая этот вопрос Надежда Белякова отмечает, что в них очевиден дискурс недоверия к власти, который выражается «в подробном описании действий местных властей, подрывающих лояльность граждан к советской системе»[895].

Таким образом, в правосознании верующих людей существовала определенная дихотомия: «Конституция vs. уполномоченный»; «советское законодательство о культах vs. административный произвол»; «центральная власть vs. местные чиновники». Они не отрицали легитимность советского права как такового, напротив, апеллировали именно к нему. В их коллективном восприятии проблема заключалась не в законе, а в чиновниках, нарушающих закон.

Лоялистская форма описанных обращений, жалоб и рапортов была, с одной стороны, продиктована рамкой разрешенного публичного дискурса, границы которого были очерчены страхом наказания за более резкие, «антисоветские», высказывания. С другой стороны, Н. Белякова справедливо отмечает: «Письма во власть, как правило, сопровождались жалобами на неправильное окружение и низшие властные инстанции, бюрократически равнодушно или несправедливо относившиеся к автору. Такой дискурс был неотъемлемой частью модели советского коллективного поведения и показывал высокий уровень недоверия к бюрократическим структурам, компенсирующийся персональным обращением к представителям высшего руководства страны»[896]. Верующие не стали исключением из общего правила.

Как и в крестьянских жалобах «наверх», в обращениях верующих и представителей религиозной элиты высшая власть представляла собой потенциальный источник восстановления справедливости. Ни духовенство, ни

---

[895] *Белякова Н.А.* «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 653–654.

[896] *Белякова Н.А.* «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 641. См. также: *Савин А.В., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 121.

миряне в большинстве документов не воспринимали государство как монолитную репрессивную систему. Напротив, патриарх направлял свои ходатайства в Совет, пытался «достучаться» до главы государства[897], архиереи и миряне писали патриарху, в Совет и во всевозможные инстанции.

Лоялизм епископата, двоемыслие и самоцензура: Церковь в дискурсивной ловушке. Рассуждая о коллективных представлениях советского духовенства, нельзя не сказать несколько слов о формировании специфической идентичности этой группы, непротиворечиво совмещавшей в себе показной и/или искренний лоялизм, двоемыслие и самоцензуру.

Стоит при этом оговориться, что мировосприятие советских клириков не может быть сведено к универсальным категориям, а священнослужители как социальная группа на всех этапах советской истории не представляли собой единого целого. Мы имеем дело с весьма гетерогенной средой, в которой находилось место открытому протесту[898] и уходу в подполье[899], искреннему патриотизму и лояльности, откровенному приспособленчеству и двоемыслию. Часто одно не исключало другого.

Церковь постепенно и плотно встраивалась в систему государственной политики, высшие иерархи становились частью советской системы и номенклатуры. Они постепенно вырабатывали особый официальный язык, а с ним – специфические представления о мире и о себе, которые в той или иной степени

---

[897] «Удержать прессу от оскорблений религиозного чувства и выпадов против неопороченных в своей жизни и деятельности священнослужителей может только новое указание ЦК КПСС и Ваше лично, глубокоуважаемый Никита Сергеевич» (ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264).

[898] Можно обратить внимание на советские по форме, но почти антисоветские по содержанию, письма в адрес патриарха и Генерального секретаря ЦК КПСС отдельных архиереев, о которых мы писали ранее, объединенные одной идеей: государственное вмешательство сильно вредит церкви. Уместно будет вспомнить и материалы, которые в начале 1970-х именовались 5-м управлением КГБ «анонимными документами» от имени т.н. «Комитета восстановления прав церкви». В этих анонимках руководство РПЦ критиковалось «за то, что оно не отстаивает перед государством права церкви, [не] выдвигает требования расширения миссионерской деятельности, увеличения числа духовных учебных заведений и слушателей в них и т.п.» (*Савин А.И.* Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления. С. 195).

[899] Среда несогласных с происходящим верующих блестяще описана в исследовании Алексея Беглова «В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье» (М. : РОССПЭН, 2018).

усваивались рядовым духовенством и мирянами[900]. Русская православная церковь интенсивно насыщала свой язык патриотической риторикой при организации учебно-воспитательного процесса в духовных школах и при подготовке публикаций для «Журнала Московской патриархии», который выступал трибуной для распространения этого публичного дискурса.

Духовные школы через основные конструкции и смыслы нового политического языка создавали специфическое «советское» правосознание будущих священнослужителей. Такого рода коллективные представления легитимизировали образ советской власти и формировали государственную идентичность верующих наряду с церковной[901].

В итоге происходила кооптация советского дискурса в церковный. «Советское» правосознание церкви соединяло религиозную идентичность с послушанием государству, а церковные установления в области взаимодействия с властью и обществом адаптировались РПЦ с учетом предлагаемых советской властью правил игры в «серой зоне» правовой неопределенности. Стратегия кооптации патриотических нарративов в церковный дискурс помогала снизить риски и одновременно расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности позднесталинской эпохи[902].

Производной этой стратегии становилась показная лояльность, демонстративный патриотизм, а также двоемыслие и самоцензура. Интересным примером стратегии адаптации является сюжет о подготовке в 1947 г. архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким) статьи о «поджигателях войны» для

---

[900] *Зудов Ю.В*. «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 158. С. 192–201.

[901] *Малахов В.С., Летняков Д.Э*. Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 49–67.

[902] *Зудов Ю.В*. Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.) // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2025. № 4 (60). С. 29–43 ; *Зудов Ю.В*. Советское патриотическое воспитание в духовных школах Русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : «Право». 2026. Т. 26, № 1. С. 95–106.

«Журнала Московской патриархии». В пересказе агентуры МГБ архиеп. Лука обсуждал ее черновик в канцелярии епархии, а на вопрос о возможности публикации ее отдельных частей рассмеялся и сказал: «…Конечно, в условиях свободы слова и печати моя статья могла быть полностью отпечатана, но в том-то и дело, что у нас нет ни свободы слова, ни печати, а все эти красивые слова записаны только на бумаге».

На замечание агента «Вологодского»: «Как же так, Вы ведь называете существующий строй истинно демократическим и превозносите его, а раз так, то и бояться Вам нечего» – архиепископ вновь рассмеялся и заявил: «Говорить можно все, но на самом деле ничего этого нет»[903].

Очевидно, что процессы сращивания дискурсов, а также институционального переплетения Совета и РПЦ не ускользали от внимания верующих. Они становились раздражителем не только для части епископата, но и для некоторых общин, которые трактовали эту специфическую «симфонию» как разрушение церковных устоев (подробнее см. в § 3.2).

Когнитивная рамка мирян: между правовой неграмотностью и пониманием права как гражданского равноправия. Как и духовенство, рядовые верующие не могут быть описаны в виде гомогенной массы с едиными представлениями. Среди мирян были те, кто уходил в церковное подполье, покидал Московский патриархат или полностью расставался с православием, переходя в иные деноминации, и те, кто считал себя полноценным гражданином СССР, советским православным верующим.

Оговоримся, что в настоящем исследовании основное внимание уделяется именно официальному церковному правопорядку и когнитивной рамке верующих, интегрированных в структуру Московской патриархии, поскольку

---

[903] «27 ноября 1947 года Лука авиапочтой отправил в редакцию «Журнала Московской Патриархии» написанную им статью «К миру призвал нас Господь» со следующей препроводительной: «Посылаю статью о поджигателях войны. На стр. 4-й я зачеркнул одно место, так как оно, вероятно, не выдержит цензуры Совета. Если же у нас есть свобода печати, то следует оставить его» (Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР. 2 декабря 1947 г. // Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 51. Т. 5. Л. 66–70. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 92–93).

именно они взаимодействовали с советским государством в юридически оформленном поле. В то же время наличие подпольных и полулегальных форм религиозности служит напоминанием о том, что формальные рамки и официальный дискурс не исчерпывали всего спектра восприятия церковного права и государственного законодательства среди советских верующих. Для их части церковные формальные правила в интерпретации Московской патриархии воспринимались как чрезмерно компромиссные, что порождало ситуации внутреннего конфликта и диктовало необходимость выбора между официальной лояльностью и альтернативными формами религиозной самоорганизации.

Не будет большим преувеличением сказать, что в целом формальные правила и реальные механизмы принятия решений в РПЦ оставляли мирянам крайне ограниченное пространство для проявления собственной агентности. Кроме того, в условиях советского режима открытая самоидентификация в качестве верующего уже сама по себе могла повлечь негативные последствия, что дополнительно сужало возможности для выражения альтернативных церковной и государственной линиям позиций.

В русле сложившейся – в том числе в дореволюционный, имперский период – церковно-административной системы миряне выступали преимущественно как адресаты пастырского воздействия и участники богослужебной жизни, но в большинстве случаев не были непосредственно вовлечены в вопросы высшего управления и канонического правотворчества[904].

Даже опыт Поместного собора 1917–1918 гг., создавшего прецедент широкого участия епископов, клириков и мирян в высшем церковном органе, не отменил фактического преобладания епископата и богословски подготовленной церковной элиты в выработке ключевых решений[905]. В результате когнитивная рамка, задаваемая официальным церковным дискурсом и нормами церковного права, в значительной степени транслировалась сверху вниз, тогда как обратное воздействие мирян на формальные церковные правила оставалось ограниченным.

---

[904] Соображения общего характера см. в: *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 631–633.

[905] *Дестивель И., свящ*. Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. С. 107–108.

Более того, и в современном фундаментальном труде по православному каноническому праву прот. В. Цыпина мирянам посвящены лишь два коротких предложения в параграфе «Состав Церкви». Из них следует, что миряне являются участниками церковной жизни, однако они участвуют, в основном, «в богослужении – своими молитвами». Участие мирян в церковном учительстве происходит «лишь по благословению священнослужителей и, как правило, вне храма». Также В. Цыпин указывает на функцию мирян в церковном управлении – в избрании священнослужителей, распоряжении церковным имуществом»[906]. Но последние вопросы в современной практике чаще всего решаются без какого-либо участия мирян.

Вместе с тем, несмотря на слабую институциональную агентность, миряне выступали важными носителями коллективных представлений, в которых соединялись элементы церковной и советской гражданской идентичности. Для значительной части верующих православная принадлежность и самоощущение «советского человека» не воспринимались как взаимоисключающие; напротив, лояльность государству, участие в общественно полезной деятельности и патриотическая риторика могли осмысляться как совместимые с религиозной жизнью формы нравственного долга[907]. В этом отношении показательно, что в советский период церковное руководство и значительная часть церковной среды достаточно последовательно использовали язык законопослушания, общественной ответственности и патриотизма, особенно в 1940-х гг. и послевоенное время[908].

---

[906] *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 261.

[907] *Парийский Л*. Годичный акт в Ленинградской духовной академии и семинарии // Журнал Московской патриархии. 1950. № 11. С. 55–56 ; *Александрова-Чукова Л.* Духовные школы в социалистическом государстве : дело жизни митрополита Григория (Чукова) // Тетради по консерватизму. 2024. № 4. С. 216.

[908] *Зудов Ю.В.* Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.) // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2025. № 4 (60). С. 29–43 ; *Его же.* Советское патриотическое воспитание в духовных школах Русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2026. Т. 26, № 1. С. 95–106 ; Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 275–344.

На приходском уровне эти нарративы транслировались и через церковную проповедь, что приобретало особое значение в отсутствие доступа большинства прихожан к религиозной литературе. Руководство Совета осознавало это и рекомендовало уполномоченным больше внимания уделять внимания анализу проповеднической деятельности, поскольку «проповедь является источником религиозной информации для 2/3 современных верующих»[909].

Двойственность правосознания советских православных верующих целесообразно понимать не как прямой и постоянный антагонизм между христианством и советским строем, а как сосуществование двух правопорядков, которые в сознании верующего далеко не всегда мыслились несовместимыми. С одной стороны, сохранялось представление о принципиальной значимости церковной жизни, канонов, таинств и проч.; с другой стороны, конституционные положения – о свободе совести, законности и равенстве граждан вне зависимости от отношения к религии – могли восприниматься всерьез, как нормы Основного закона государства, к которому допустимо и даже необходимо апеллировать[910]. Поэтому столкновение с ограничениями религиозной жизни нередко воспринималось не как доказательство принципиальной несовместимости православия и советского порядка, а как следствие злоупотреблений и «перегибов на местах»[911], нарушающих провозглашенные самим государством правила.

На практике это проявлялось в многочисленных жалобах, ходатайствах и прошениях верующих в адрес центральных органов власти. В подобных обращениях заявители, как правило, подчеркивали собственную лояльность государству и апеллировали прежде всего к советскому законодательству, конституционным гарантиям свободы совести и необходимости соблюдения

---

[909] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 5. Д. 967. Л. 54. Это – важное наблюдение в контексте описываемого нами в работе характерного для верующих в СССР дефицита информации, как религиозного, так и правового характера. Не понимая, о чем проповедует духовенство, говорил В.А. Куроедов региональным уполномоченным Совета, «мы до сих пор плаваем по поверхности». Поэтому уполномоченным «зачастую бывает нечего сказать о том, что же нового происходит в религиозной сфере».

[910] *Саввин А.И., Деннингхаус В*. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 132.

[911] *Саввин А.И., Деннингхаус В*. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия XXI. 2017. № 6. С. 132.

законности, указывая на неправомерные действия местной администрации – закрытие храмов, препятствия богослужению, ограничения приходской активности[912]. Сам выбор такой стратегии показывает, что значительная часть верующих не мыслила советское право исключительно как враждебную церкви систему; напротив, оно воспринималось как потенциально справедливый порядок, который должен быть приведен в соответствие с собственными же нормативными декларациями.

В то же время эта установка не устраняла внутренних церковных представлений о справедливости. Как показывают исследования по церковному суду и внутренней церковной дисциплине, церковная среда сохраняла собственные представления о должном, допустимом и справедливом, укорененные в канонической традиции и церковной практике[913]. Поэтому в условиях давления со стороны государства участие в таинствах, поддержание приходской жизни, взаимопомощь внутри общины и защита духовенства приобретали не только религиозное, но и этическое значение, выступая формой реализации справедливости в тех случаях, когда официальный правопорядок не обеспечивал ее в полной мере.

С точки зрения институционального анализа этот сюжет особенно важен потому, что позволяет увидеть: церковное право в советскую эпоху действовало не только как совокупность формальных норм, но и как часть внутренней когнитивной рамки верующих. Оно не отменяло влияния советского правового языка[914], но сосуществовало параллельно с ним, переопределяя способы восприятия лояльности, законности, справедливости и допустимого сопротивления. Именно в этом пересечении церковного и советского

---

[912] *Белякова Н.А*. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 640–658.

[913] *Белякова Е.В*. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 7, 86–105 и др. ; *Цыпин В., прот*. Каноническое право. С. 28.

[914] *Зудов Ю.В.* «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 158. С. 192–201.

нормативных языков и формировались повседневные практики поведения значительной части православных верующих в СССР.

При этом для многих советских верующих был характерен невысокий уровень как правовой, так и общей грамотности.

К примеру, в с. Новолуговое Новосибирского (сельского) района Новосибирской области в 1946 г. «у верующих было общее мнение, что ремонт церковного здания будет производиться за счет государства, что, со слов верующих, им так объяснил неизвестный человек на ст. Инской»[915]. В мае 1947 г. под ходатайством об открытии храма в Новосибирской области инициатором была сделана приписка на имя местного архиепископа Варфоломея (Городцева): «Нас людей очень много желающих открыть церковь, но мы люди темные. Мне некоторые люди говорят, что могут и священника арестовать [так] как теперь посевная и пойдут люди к нему, ну я за это дело в большом недоразумении, но его святая воля, если господу богу угодно будет, то откроет, а если еще неугодно, то будем еще ожидать, ну очень и очень желательно, надоело скотом жить…»[916]

Уже в 1982 г. аппарат уполномоченного Совета в Волгоградской области в годовом отчете отмечал «необходимость оказывать юридические консультации главам религиозных общин для формирования правосознания»[917].

Обращая внимание на описание прихожанами своих прав в конфликтных ситуациях, отметим, что большинство жалоб и обращений были вызваны «недовольством массовым закрытием церквей и содержали просьбы об их открытии», а также снятием с регистрации священнослужителей и конкретных

---

[915] О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 января по 1 апреля 1946 г. : Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области // ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 19. Л. 4–9. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 328.

[916] Справка о деятельности группы верующих – православных в с. Никоново, Маслянинского района. 1947 г. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 409.

[917] *Садченков С.Ю*. Реализация принципов свободы совести и вероисповедания в Волгоградской области в 1980-х гг. // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 69.

общин[918]. Наши материалы подтверждают заключение Н. Беляковой о том, что авторы обращений также позиционировали себя в качестве советских людей, «с вниманием и лояльностью относящихся к советской власти и чутко реагирующих на политику заботы, декларируемую партией»[919]. Приведем фрагмент письма верующих г. Чернигова:

«Читаем мы в газете о том, что все для людины, все для человека, но, видно, верующий не человек, не людина, а ведь верующие тоже патриоты и граждане, тоже искренние труженики и, возможно, более честные и добросовестные граждане отечества, а их оставляют без удовлетворения… Вдуматься следует – разве чего-то противозаконного просят верующие? Разве это противогосударственное деяние?»[920]

Если архиереи в своих обращениях писали о вопросах церковного управления и границах государственного вмешательства, то миряне в первую очередь мыслили категорией своих гражданских прав. Ключевой вопрос, который задавался активистами общин – почему верующие обладают меньшими правами, чем остальные советские граждане?

Показательна в это отношении коллективная жалоба верующих (175 человек) г. Кагула Молдавской ССР от ноября 1964 г. на закрытие церкви, в которой «разрешенным законом порядком» велись религиозные обряды по просьбе «граждан-стариков». Ходатаи писали: «Всякое решение законно, если оформляется при соблюдении норм права. Ст. 123 Конституции – равноправие граждан. 124 – свобода совести и отделение церкви от государства. Из церкви постепенно все ценные вещи исчезли – забрали в музей, спортшколу, дом культуры и др.»[921]

В сходном ключе выдержано письмо общины Покровской церкви с. Блины Пермской области патриарху Алексию I о незаконном закрытии церкви от 16

---

[918] *Белякова Н.А*. Указ. соч. С. 644.
[919] Там же. С. 644–645.
[920] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 106–111. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 486–495.
[921] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 77. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471–478.

февраля 1964 г. «Мы считаем, что без собрания верующих, посещающих церковь, церковь закрытию не подлежит… Мы надеемся, что Партия и Правительство утверждают законы и контролируют их выполнение»[922].

Обращавшиеся с жалобами миряне не требовали особых привилегий, они ожидали признания за ними того же статуса, который государство признавало за другими советскими гражданами. Их главным аргументом было не каноническое право, а светская категория гражданского равноправия. Верующие в той или иной степени (в зависимости от социального и образовательного статуса) демонстрировали знакомство с основами права и старались использовать юридическую аргументацию против местной администрации – для защиты своих интересов[923]. В этом отношении язык и логика мирян мало чем отличались от языка и логики епископата.

Таким образом, мы видим, что правосознание клира и мирян имело как общие, так и специфические черты. Обе группы исходили из представления о том, что советское законодательство содержит гарантии свободы совести, их защитником (и арбитром в спорных ситуациях) являются Совет и высшее политическое руководство страны, а главную проблему они видели в систематическом нарушении советских законов местными органами власти или уполномоченными. И те, и другие отмечали расхождение формального закона и практики его применения (администрирования). Однако если для духовенства смысловым ядром являлась идея институциональной автономии церкви и разграничения церковной и светской юрисдикции, то для рядовых верующих приоритетной являлась проблема гражданского равноправия и реализации законных прав на «отправление культа» (осуществление религиозной деятельности).

---

[922] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 77. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471–478.

[923] «Одновременно мы видим уникальный опыт осваивания советских идеологических клише и поворота их в пользу верующих, что четко видно в требовании создать условия «заслуженным» советским гражданам» (*Белякова Н.А*. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 653–654).

* * *

С институциональной точки зрения высшая иерархия Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. представляла собой достаточно узкий слой внутри сложной церковной структуры, в котором были сосредоточены ключевые ресурсы – от символического авторитета и каналов общения с государственными инстанциями до контроля над кадровой и внешнеполитической линией церкви. Именно этот уровень оказывался объектом наиболее жесткого партийно-государственного контроля. В историко-правовой перспективе его развитие было поэтапным развитием курса, заданного Декларацией митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. и закрепленного в Положении об управлении РПЦ 1945 г. В первые послевоенные годы Московская патриархия прежде всего использовала предоставленные режимом возможности для восстановления церковной сети и минимального уровня самостоятельности. С конца 1950-х гг. на фоне нового витка антирелигиозной политики на первый план выдвигается выполнение внешнеполитических задач Советского государства и демонстративная лояльность во всех публичных формах проявления церковной активности. В результате к 1970-м гг. высшая церковная иерархия в значительной мере была институционально приспособлена к запросам партийно-государственного аппарата: персональный состав и повестка заседаний Священного синода утверждались Советом по делам религий, а установка на «лояльное законопослушание» фактически превратилась из богословского лозунга в устойчивую характеристику правового статуса РПЦ в восприятии советской власти.

Епархиальный уровень в 1940-х – 1980-х гг. можно охарактеризовать как пространство напряженного баланса между формальной полнотой власти архиерея и его фактической зависимостью от государственных органов и высшего церковного руководства. Епископ выступал локальным актором, стремившимся сохранить территориальную целостность и жизнеспособность епархии, минимизировать конфликты с уполномоченным и местной властью и одновременно удержать доверие патриархии и собственного духовенства. В

пределах сложившейся когнитивной рамки такие стратегии часто интерпретировались самими архиереями как форма ответственного пастырского компромисса – уступка в имущественных, кадровых и административных вопросах ради предотвращения закрытия приходов и преследования духовенства. В совокупности это делало епархиальный уровень ключевой зоной, где пересекались государственные механизмы контроля, внутрицерковная иерархия и повседневное правосознание верующих.

На протяжении всего рассматриваемого периода (как и до революции) Русская православная церковь не сформировала эффективной системы церковного суда и единой интерпретации и практики применения древних канонов в рамках судебного процесса (см. также § 2.3). То или иное истолкование канонического права зависело от множества обстоятельств, его нормы часто не давали ответа на ряд вопросов, связанных с организацией внутрицерковной жизни в реальных исторических условиях. Поэтому на практике вопросы, не урегулированные государственным правом, могли решаться епископатом по своему усмотрению.

РПЦ в качестве политического актора и субъекта государственно-религиозных отношений решала одновременно две задачи: с одной стороны, подтверждала лояльность государственной власти, с другой стороны, пыталась через адаптацию к советской правовой системе расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности. Это не могло не отразиться на особенностях правосознания церкви, соединившей религиозную идентичность с послушанием государственной власти.

Дефицит информации о правовом статусе церкви и призванный его отчасти нивелировать патриотический дискурс, а также осознание необходимости защиты своих интересов и прав создавали в рамках сложной системы государственно-религиозного взаимодействия новые неформальные институты («правила игры»), которые, помимо прочих обстоятельств, в итоге способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями и специфическими практиками (см. § 3.3).

Одним из важнейших долгосрочных последствий этих процессов стало формирование у церковной иерархии устойчивого навыка инструментализации правового дискурса. В советский период РПЦ осознала эффективность коммуникации с государственным аппаратом на языке светского права. При этом церковными акторами была выработана специфическая дискурсивная стратегия – апелляция к конституционным нормам-декларациям (о свободе совести, равноправии, отделении церкви от государства). И партийно-государственная номенклатура, и сама высшая церковная иерархия прекрасно осознавали пропагандистский характер этих конструкций. Тем не менее РПЦ настойчиво требовала их соблюдения, используя «идеальные» правовые нормы в качестве единственно доступного легального инструмента защиты своих прав.

Подобный опыт инструментального использования права прочно укоренился в институциональной памяти церкви и был перенесен в постсоветскую эпоху. В новых исторических реалиях эта же стратегия – апелляция к универсальным конституционным правам и свободам, которые трудно оспорить в публичном поле, – стала использоваться церковью для укрепления своего правового и общественного статуса. Овладев навыками правового маневрирования в условиях советской диктатуры, в постсоветской России РПЦ смогла конвертировать этот опыт в эффективный механизм защиты своих корпоративных интересов.

ГЛАВА 3.
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР В 1940-Х – 1980-Х ГГ.

§ 3.1. Количественные и структурные параметры деятельности Русской православной церкви как индикаторы реализации правового режима государственно-религиозных отношений

В параграфе зафиксированы количественные изменения параметров развития церковной инфраструктуры (численность священнослужителей, приходов, храмов, монастырей, духовных учебных заведений), описаны общие тенденции ее сокращения. При этом выявлены флуктуации – количественные колебания отдельных показателей, которые напрямую связаны с нестабильностью политического курса и практическими соображениями государственных институтов и советской номенклатуры. Обнаруживается, что колебания были продиктованы политико-бюрократической логикой «клапана» (по выражению К.Е. Ворошилова), которая выражалась в правоприменительной практике и, как следствие, в количественных показателях легально действовавших церковных организаций, храмов и пр. Эта логика подразумевала, с одной стороны, обязательную демонстрацию успехов советских ведомств в борьбе с идеологическим конкурентом. С другой стороны, она давала возможность проводить политику исключений для конкретных регионов, иерархов, церквей, приходов и пр.

В предыдущей главе, с опорой на анализ законодательных норм, было показано, что динамика развития советского законодательства о культах (в том числе в вопросах регистрации религиозных общин и священнослужителей, предоставления молитвенных помещений и проч.) отличалась нелинейностью. Она напрямую зависела не столько от генеральной идеологической линии в

отношении религии, сколько от решений конкретных политических акторов и институтов (ЦК ВКП(б)/КПСС, иные органы государственной власти, специальные службы, Совет по делам РПЦ), а также от тактических целей, часто связанных с внешнеполитическими интересами государства.

Вслед за А.Л. Бегловым можно с уверенностью утверждать, что в рассматриваемый период советское правительство при принятии решений исходило в большей мере «из прагматических соображений политического характера, чем из идеологии»[924]. Не случайно на встрече заместителя председателя Совета по делам РПЦ С.К. Белышева с К.Е. Ворошиловым[925] в 1948 г. последний сравнивал советскую церковную политику с «клапаном», который упомянутый орган должен был в зависимости от ситуации «то открывать, то закрывать, исходя из конкретных условий места, времени и обстоятельств»[926]. О том, как эта логика «клапана» отразилась на деформации инфраструктуры института церкви, пойдет речь в этом параграфе.

* * *

В первую очередь мы обратимся к общей характеристике ***динамики количества действовавших церквей.***

Как справедливо отмечает О.Н. Петюкова, к 1939 г. институциональная структура церкви была практически уничтожена[927]. На территории СССР действовало 8 285 православных храмов, из них 3 617 – в РСФСР, 3 903 – в УССР, 755 – в БССР[928]. До начала Великой Отечественной войны их количество продолжало уменьшаться.

---

[924] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 116.

[925] Ворошилов К.Е. (1881–1969) – советский военный и политический деятель. В 1946–1953 гг. являлся заместителем председателя Совета Министров СССР и в этом статусе курировал работу Совета по делам РПЦ.

[926] *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. С. 113.

[927] *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 190.

[928] Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 44–45. Цит. по: *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 190.

Согласно докладу Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. к 1941 г. в СССР действовало 3 732 православных храма, из них около 3 350 находились на территориях, присоединенных в 1939–1940 гг. (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия и др.), и лишь порядка 350–400 храмов – на остальной территории СССР[929].

До 1943 г. включительно открытие храмов шло прежде всего на временно оккупированных фашистской Германией территориях. О.Ю. Васильева оценивает их количество в 7 547. Кроме того, в период оккупации возобновили свою деятельность 29 монастырей[930]. К середине 1943 г. на оккупированных территориях действовало около 6 500 православных храмов, что почти вдвое превышало число храмов на остальной территории СССР (3 329)[931].

Иными словами, к началу 1943 г. совокупное число действующих православных храмов в пределах довоенных и оккупированных территорий СССР уже значительно превышало уровень 1941 г. за счет открытий на оккупированных землях. Однако на остальной территории страны сеть приходов оставалась минимальной (порядка нескольких сотен храмов).

По данным Совета по делам РПЦ, к августу 1944 г. в СССР действовало 8 809 приходов. К июлю 1945 г. – 10 243 прихода, к январю 1946 г. – 10 547 приходов[932]. По информации Г.Г. Карпова, к 1948 г. в СССР действовали 14 329 храмов[933].

С учетом перевода в православие униатских приходов западных территорий, на 1 января 1949 г. общее количество храмов резко выросло до

---

[929] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 5. Цит. по: *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 116–117.

[930] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : сборник документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М. : Изд-во Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2009. С. 12.

[931] *Одинцов М.И*. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. Религиозные организации и Советское государство накануне Великой Отечественной войны // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2009. С. 407–415.

[932] Там же.

[933] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 2–28 ; Д. 109. Л. 70. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 65–66.

14 447[934]. Это количество следует считать пиковым для всего изучаемого периода. На 1 января 1952 г. в СССР насчитывалось 13 786 действующих православных храмов[935].

Учитывая «эффект низкой базы», в ряде областей число официально действующих храмов выросло в десятки раз. Например, в Рязанской области количество возросло с 2–3 храмов в 1942 г. до 85 храмов в 1948 г.[936]

После принятия Постановления Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259 «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», которое позволяло Совету по делам РПЦ регистрировать общины, которые фактически действовали и имели молитвенные здания, молитвенные дома, продолжилась легализация фактически действовавших общин[937].

Таким образом, статистика наглядно иллюстрирует тактику Совета в отношении противодействия церковному подполью. Вместо возврата к репрессивной модели происходило выявление и легализация неофициально действовавших храмов и приходов.

Обратный процесс связан с «хрущевской» антирелигиозной кампанией 1958–1964 гг., которая значительно сузила возможности для легальной деятельности религиозных общин, привела к резкому сокращению религиозной инфраструктуры.

Совокупные данные и динамика сокращения храмов выражены, но не носят однозначно линейного характера (см. приложение 2, таблицу 2.1, рисунок 2.1).

---

[934] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 2–28 ; Д. 109. Л. 70. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 65–66.

[935] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 569. Л. 50–84. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 71.

[936] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 593. Л. 38. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 60.

[937] *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 162–163.

С 1958 г. началась масштабная кампания по закрытию церквей и монастырей. Если в 1960 г. в СССР насчитывалось 13 008 храмов, в 1970 г. их осталось 7 338[938].

В докладе Совета в ЦК КПСС в 1975 (?) г. назывались такие цифры: 73 епархии в пределах СССР в начале 1960-х гг. против 67 епархий (возглавляемых 58 епископами) в 1974 г. Совет отмечал, что в основном «современный епископат сложился в советский период», всего 4 человека были рукоположены в епископы до 1945 г., средний возраст архиерея составлял 50 лет. Высшее светское образование имело только 7 епископов[939].

До конца перестроечного периода административно-правовой «клапан» Совета держали едва приоткрытым, не допуская той степени благоприятствования церкви, которая была возможна в 1940-х гг. В брежневский период мы наблюдаем медленное, но неуклонное снижение количества храмов.

На Поместном соборе РПЦ 1988 г. были озвучены следующие цифры: в СССР к этому моменту действовало 6 893 прихода, 67 епархий, 7 397 священнослужителей, 74 епископа, 22 монастыря, 2 академии и 3 семинарии[940].

За 40 лет, таким образом, количество храмов сократилось на 52,3% (от максимального показателя 14 447 церквей в 1949 г. до минимума 6 893 храма в 1988 г.). Максимальный рост (+163%) фиксировался в 1941–1943 гг., а наиболее резкое падение (–42,5%) – в 1960-е гг.

Таким образом, динамика числа православных храмов в 1940-х – 1980-х гг. в целом коррелирует с эволюцией политического курса Советского государства на различных этапах, а также с позицией ключевых государственных акторов в религиозной сфере. Статистические данные свидетельствуют, что инициированный советскими спецслужбами и Советом по делам РПЦ в 1940-х гг. курс на легализацию приходов и молитвенных домов уже в 1950-е гг. был

---

938 *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор : факты, события, документы. М. : Лепта, 2004. С. 118.

939 Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 277.

940 *Владимир (Сабодан), митр*. Жизнь и деятельность Русской православной церкви (1971–1988) : доклад // Поместный собор Русской православной церкви (6–9 июня 1988 г.) : материалы. М., 1990. С. 230.

существенно ограничен, а руководство соответствующими процессами перешло к партийным органам, установившим более жесткий контроль над церковной инфраструктурой. Как будет показано далее, сделанные в этот период уступки в вопросах регистрации общин и передачи культовых зданий носили не системный, а преимущественно тактический и ситуативный характер, а также отличались выраженной региональной спецификой.

Показатели закрытия храмов коррелируют с общими тенденциями сокращения церковной инфраструктуры. Они резко возрастают в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В 1952–1957 гг. с регистрации «как нефункционирующие» было снято 485 церквей и молитвенных домов[941].

Согласно докладу председателя Совета по делам РПЦ В.А. Куроедова, только в 1960 г. было снято с регистрации 1 365 православных церквей и молитвенных домов, что составило 11% от числа действовавших на 1 января 1960 г. В том же году были закрыты 12 монастырей, ликвидированы две духовные семинарии (Ставропольская и Киевская) и сокращено семь епархий[942].

Региональные исследования, основанные на отчетах уполномоченных и решениях областных исполкомов, подтверждают аналогичную тенденцию: так, по официальным данным Совета по делам религий, в Сибири в 1959–1964 гг. было закрыто 33 из 94 православных обществ (из них в Алтайском крае закрыто 8 из 11, в Тюменской области – 7 из 15, В Красноярском крае – 7 из 18, в Новосибирской области – 3 из 7)[943].

Прямым следствием антирелигиозной политики государства в северных областях РСФСР стало закрытие с 1960 по 1987 гг. 10 из 25 архангельских церквей. В целом на территории Архангельской и Вологодской областей к 1988

---

[941] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 74–75, 146.

[942] Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 105. Оп. 12. Д. 866. С. 15. Цит. по: *Лейбович О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1993. С. 129.

[943] *Горбатов А.В.* Закрытие православных обществ в Сибири : основания, формы, методы. 1958–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 111.

году сохранилось 32 православных прихода[944]. В Кировской области в 1960–1964 гг. было закрыто 40 церквей из 75, в Московской области – более половины действовавших к началу кампании приходов[945].

Представляется также важным обратиться к ***статистике ходатайств и отказов об открытии храмов, регистрации и снятия с регистрации православных общин.***

Совокупность доступных архивных материалов Совета по делам РПЦ (религий) при СНК (Совете Министров) СССР (Ф. Р-6991 ГАРФ и др.) не позволяет реконструировать в полном объеме динамику количества зарегистрированных общин РПЦ и масштабы их снятия с регистрации в 1940-х – 1980-х гг.[946] Можно уверенно обозначить лишь общие тенденции.

Уже в первые месяцы после восстановления патриаршества советское государство столкнулось с резким ростом числа ходатайств об открытии храмов, что потребовало выработки нового правоприменительного механизма. В докладной записке председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова В.М. Молотову от 9 ноября 1943 г. отмечалось, что «в связи с избранием патриарха и образованием при нем Синода увеличилось число ходатайств (в большинстве коллективных) за открытие церквей». За один только октябрь 1943 г. в Совет поступило 517 заявлений из 32 областей, краев и 7 автономных республик РСФСР. Значительная часть была передана из Верховных Советов РСФСР и СССР. Наибольшее количество заявлений приходилось на Московскую область (105), Ивановскую (63), Кировскую (38), Горьковскую (36), Калининскую (34), Ярославскую (28), Рязанскую (27). Почти все они носили характер просьб об

---

[944] *Молодов О.Б.* Закрытие православных приходов на европейском севере СССР в 1950–1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 40.

[945] Православная энциклопедия : Русская православная церковь. М., 2000. С. 154.

[946] Для полноценной количественной реконструкции соотношения «открытые (зарегистрированные) общины – снятые с регистрации» по всему СССР в 1940–1980-е гг. необходимо обращение к первичным отчетам Совета по делам РПЦ и Совета по делам религий за каждый год, которые до настоящего времени используются исследователями преимущественно выборочно.

открытии ранее закрытых церквей либо официально не закрытых, но фактически не действующих[947].

Смягчение позиции государства в отношении церкви не осталось незамеченным церковными иерархами и верующими, количество запросов на передачу храмов неуклонно росло. К примеру, в 1943 г. к уполномоченному Совета по делам РПЦ по Молотовской области поступило 52 ходатайства, в следующем же, 1944 г., уже в 6 раз больше – 316[948].

На уровне опубликованных исследований в научный оборот введены лишь отдельные срезы этой статистики. Так, по данным Совета по делам РПЦ, в 1944–1947 гг. в центр и к уполномоченным было подано 20 689 коллективных ходатайств об открытии 5 998 церквей, из которых было удовлетворено только 1 270 заявлений, 77,3% ходатайств оказалось отклонено или не рассматривалось. Статистика по годам и процент открытий/отказов приведены в таблице 2.2 приложения 2. Всего же с подобными ходатайствами в 1944–1947 гг. обратилось к властям не меньше 2 млн человек, под некоторыми заявлениями стояло более 3 тыс. подписей. За этот период уполномоченные приняли 24 607 индивидуальных посетителей, просивших об открытии церквей[949].

Вместе с тем таблица 2.2 показывает, что 77,3% от общего числа ходатайств (т.е. около 16 000) было отклонено или не рассматривалось вовсе по различным основаниям.

Незначительное сокращение числа ходатайств[950] имело место до 1952 г., затем их количество вновь стало расти: 1948 г. – 3 174 ходатайства, 1949 г. –

---

[947] Докладная записка председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпова В.М. Молотову о порядке открытия церквей. 9 ноября 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 499. Л. 12–14. Подлинник.

[948] Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 30 ; Д. 8. Л. 6.

[949] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 6, 11, 27 ; Д. 6. Л. 84–85. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 59–60.

[950] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 6, 11 27 ; Д. 6. Л. 84–85. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 59–60. М. Шкаровский объясняет спад некоторым снижением религиозности после окончания войны и негативным отношением властей к коллективным заявлениям верующих в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

2 297, 1950 г. – 1 143, 1951 г. – 729, 1952 г. – 818, 1953 г. – 1031 и т. д. В 1955 г. в Совет и к уполномоченным поступило 1 309 ходатайств об открытии молитвенных зданий, в 1956 г. – 2 258, в 1957 г. – 2 043, причем большая их часть приходилась на РСФСР[951].

В середине 1950-х гг. руководство РПЦ отмечало увеличение числа ходатайств об открытии храмов и одновременно невозможность церковной власти повлиять на решения на местах. В письме патриарха Алексия, приложенном к докладной записке Совета в Совмин от 2 июня 1958 г., патриарх пишет, что «со всех областей к нам поступают усиленные ходатайства об открытии храмов, разрушенных или закрытых в свое время», а в адрес патриархии звучат упреки: церковь «не отзывается на законные требования верующих, «полноправных граждан великого Советского Союза, где мы свободно, без всяких притеснений можем исповедовать свою религию, где уважаются права граждан...»[952].

Алексий описывает стандартную практику: все прошения направляются в Совет «на усмотрение» или с просьбой содействовать; при этом «в большинстве случаев местная власть налагает, так сказать, «вето» на вопрос об открытии храма», и люди снова обращаются к патриархии уже с усиленными просьбами. Патриарх перечислял 14 городов, где нет ни одного храма, и подчеркивал, что церковная власть фактически «бессильна оказать помощь населению в этом деле»[953].

В итоге соотношение зарегистрированных и снятых с регистрации общин к концу изучаемого периода устойчиво складывалось в пользу последних. В 1979–1984 гг. было зарегистрировано 23 православных объединения, снято с регистрации – 141, то есть в 6 раз больше[954]. К концу изучаемого периода наблюдалось сокращение количества как зарегистрированных, так и незарегистрированных приходов: от 6 925 религиозных объединений в 1979 г. до

---

[951] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 74–75, 146.
[952] Письмо патриарха Алексия в Совет, июнь 1958 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 76–79. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 220–223.
[953] Там же.
[954] Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. (Окончание). С. 100, 104, 107.

6 806 в 1984 г. (сокращение на 119 единиц); от 168 незарегистрированных групп в 1979 г. до 63 в 1984 г. (на 105)[955].

Можно отметить и региональную неоднородность этих процессов. 95,6% всех письменных ходатайств за 1944–1947 гг. поступило из РСФСР (19 772), в том числе 2 490 – из Рязанской области, 1 819 – из Московской, 1 467 – из Калининской, 1 153 – из Воронежской. В 1955–1957 гг. большая часть ходатайств по-прежнему направлялась из областей РСФСР[956]. Уместно предположить, что это было прямым следствием высокого процента отказов по ходатайствам в этих регионах и наличия ограниченного количества открытых храмов. Так, в РСФСР к 1 января 1958 г. насчитывалось 2 930 храмов против 8 537 в Украинской ССР[957].

В отчете Совета за 1979–1984 гг. также отмечалось, что процесс регистрации религиозных объединений и «вывода из тени» нелегальных групп происходил в масштабах страны неравномерно. Успешно этот вопрос решался в Прибалтике, где число незарегистрированных объединений составляло менее 4% от общего количества объединений, в ряде областей Российской Федерации[958], в некоторых областях Украинской[959] и Белорусской ССР[960]. В большинстве национальных республик процент незарегистрированных религиозных объединений оставался высоким[961].

---

[955] Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. (Окончание). С. 100, 104, 107.

[956] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 74–75, 146.

[957] Там же.

[958] Процент незарегистрированных групп был невысоким в Ярославской – 2,3%, Псковской – 3,0%, Московской – 3,0%, Костромской – 8,0%, Ленинградской – 11,1%, Курской областях – 11,6% и в г. Москве – 8,1% (Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 139).

[959] В Хмельницкой – 2,6%, Черниговской – 3,1%, Сумской – 33,2%, Херсонской – 3,4%, Полтавской – 6,4%, Ворошиловградской – 7,4%, Кировоградской и Николаевской областях по 8,0% (Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 139).

[960] Процент незарегистрированных групп в Гродненской – 6,2%, Витебской – 7,3%, Брестской областях – 8,2% (Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 139).

[961] Более 30% незарегистрированных групп действовали на территории Узбекской ССР, Молдавской ССР, Казахской ССР и в ряде областей РСФСР, а в Киргизской ССР процент таковых исчислялся как 42,1%, в Таджикской ССР – 48,4%, в Армянской ССР – 54% (Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 139).

В совокупности приведенные данные позволяют охарактеризовать общесоюзную динамику развития сети приходов как результат устойчивого противоречия между значительным числом ходатайств верующих об открытии и сохранении приходов и преобладающей административной практикой отказов и снятия общин с регистрации. Тысячи коллективных и индивидуальных обращений середины 1940-х гг. сочетались, с одной стороны, с крайне низкой долей удовлетворенных прошений, а с другой – с последующими массовыми закрытиями приходов в ходе антирелигиозной кампании 1959–1964 гг.

Динамика численности монастырей особенно наглядно демонстрировала глубину деформации институциональной инфраструктуры Русской православной церкви в СССР.

Последовательные антирелигиозные кампании 1920–1930-х гг. привели к тому, что к 1938 г. в СССР не осталось ни одного официально действующего монастыря. Лишь после присоединения в 1939–1940 гг. к СССР западных территорий их число составило 64[962].

Послабления периода «сталинского конкордата» позитивно отразились и на их положении: к 1946 г. насчитывалось уже 104 монастыря. Однако «клапан» начал закрываться уже в 1947 г., когда количество монастырей сократилось до 85 (с проживающими 4 632 насельниками)[963]. За период с 1947 по 1957 г. Советом «было закрыто без каких-либо решений правительства и постепенно 38 монастырей»[964].

В отличие от ситуации с приходами, изменение числа монастырей носило характер планомерного и практически одностороннего сокращения: после кратковременного расширения в середине 1940-х гг. последующая правоприменительная практика Совета была ориентирована на неуклонное

---

[962] *Поспеловский Д.В*. Русская православная церковь в XX веке. М., 2008. С. 8.
[963] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 2–28 ; Д. 109. Л. 70. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 65–66.
[964] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 15.

уменьшение их числа, без заметных обратных колебаний (см. приложение 2, таблицу 2.3).

Представляется, что такая политика была связана, с одной стороны, с тем, что монастыри (как устойчивые сообщества с внутренней дисциплиной, значительной автономностью повседневной жизни и символическим авторитетом в глазах верующих) с точки зрения власти представляли собой более опасный институт – не просто место богослужения, но своего рода «опорный пункт» религиозной жизни. Сама форма монашеского общежития воспринималась как политически более чуждая. С другой стороны, монастыри не представляли большого интереса для государства при реализации его внешне- и внутриполитических задач, что снижало стимулы к сохранению или тем более увеличению их числа.

В 1952 г. количество монастырей сократилось до 62, только в одном 1951 г. было закрыто 8 монастырей (впрочем, общее количество насельников составило 4 639, что стало результатом «уплотнения», когда монашествующих переселяли в оставшиеся обители)[965]. В 1959 г. было закрыто 19 монастырей (Украина и Молдавия), оставалось 44 действующих скита[966]. К 1965 г. была закрыт 41 монастырь с 3 161 иноками и инокинями[967].

В историографии (в частности, у Владимира Козлова[968]) подчеркивается, что наступление на монастыри в 1950-е гг. осуществлялось во многом усилиями республиканских руководителей, прежде всего Молдавии и Украины, и что именно массовое закрытие монастырей в этих регионах стало одной из причин стихийных протестов верующих. Эти протесты заставляли центр пересматривать наиболее радикальные планы и, по выражению В. Козлова, оказывали

---

[965] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 569. Л. 50-84. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 71.

[966] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 15.

[967] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 250–251. Исследователь отмечает, что нелегальные монастыри в 1950–1960-е гг. существовали, но не имели заметного влияния на церковную жизнь.

[968] *Козлов В.А*. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 262–270.

«дисциплинирующее воздействие» на власть, поскольку после каждого крупного конфликта местное руководство вызывалось «на ковер»[969].

К 1967 г. было ликвидировано 65% монастырей: их осталось всего 28[970], а численность монахов сократилась в 2,3 раза[971].

На 1 января 1985 г. в СССР действовало 16 монастырей с количеством монашествующих 1 060 человек. Из них: 4 – мужских, 10 – женских и 2 – смешанных. Только 2 монастыря действовало в РСФСР: в Псковской и Московской областях. Основная часть монастырей (9) располагалась в областях Украинской ССР: Закарпатской, Одесской, Ровенской, Черкасской, Тернопольской и в г. Киеве. По одному – в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, в Гродненской области Белорусской ССР и в Молдавской ССР[972].

Параллельно заметно и ожидаемо сокращался ***корпус священнослужителей.***

К концу 1930-х гг. численность православного духовенства в СССР была радикально сокращена в результате последовательной политики закрытия приходов, административного давления и массовых репрессий 1937–1938 гг.[973], что явилось причиной крайне неблагоприятной ситуации с церковными кадрами к 1940-м гг. и в послевоенный период.

На 1 января 1948 г. были зарегистрированы 13 104 священника и диакона, 70 архиереев, причем 46% из них ранее были осуждены[974]. В начале 1952 г. в стране насчитывалось всего 63 правящих архиерея[975].

---

[969] *Козлов В.А*. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 270.
[970] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 24.
[971] Там же.
[972] Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 140.
[973] *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. С. 87–93.
[974] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 2–28 ; Д. 109. Л. 70. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 65–66.

Общая динамика обозначена в таблицах 2.4 и 2.5 приложения 2.

В этих данных, показывающих неуклонное и существенное сокращение количества священнослужителей к 1988 г., обращает на себя внимание отсутствие данных за достаточно большой период времени – с 1950 по 1979 г. Однако в докладе Совета в ЦК КПСС 1975 (?) г. приводятся данные за 1961–1974 гг., из сопоставления с которыми видно, что с 1975 по 1980 г. количество священнослужителей (даже без учета епископата) возросло более чем на 2 000 человек[976]. В отчетах говорится о продолжающейся секуляризации и ослаблении позиций церкви.

Мы можем сделать вывод о том, что, с одной стороны, данные свидетельствуют об умении советской бюрократии делать «правильную выборку» при составлении отчетов о своей работе, но, с другой стороны, в целом на протяжении периода 1940-х – 1980-х гг. в РПЦ происходило постепенное уменьшение количества легальных институтов.

Стратификация по образовательному признаку также показывает, что в 1974 г. 48,5% клира составляли лица старше 60 лет, и лишь 20,3% были моложе 40 лет. Высшее светское образование имели всего 139 священнослужителей. Более половины (55%) имели лишь начальное образование. Даже если говорить о духовном образовании, более 40% духовенства не имели «никакой теологической подготовки». Тем не менее Совет отмечал, что духовенство является «опытным идеологическим противником»[977].

Количество действовавших в СССР семинарий также имело выраженную тенденцию к неуклонному сокращению и находилось в прямой зависимости от текущего политического курса. Ограниченность образовательной инфраструктуры напрямую влияла на численность и качество подготовки священников.

---

[975] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 569. Л. 50–84. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 71.

[976] Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 297.

[977] Там же. С. 298.

В 1943 г. при обсуждении нужд, которые испытывала Московская патриархия, советское руководство предложило ей организационные и финансовые ресурсы. Во время встречи с тремя митрополитами И.В. Сталиным было озвучено личное одобрение на открытие семинарий и богословских курсов[978].

Документы свидетельствуют, что председатель Совета Г.Г. Карпов в меру сил содействовал ускорению процесса открытия духовных школ, однако ему приходилось преодолевать сопротивление. Объясняя свою позицию оппонентам, Карпов отмечал: «Церковь нуждается в кадрах. Подготовка новых священнослужителей несколько освежит и даст возможность иметь молодой состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Они не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма»[979]. Существовал и еще один аргумент: в одном из его докладов отмечалось, что «академии и семинарии были открыты главным образом для показной видимости внешнему миру, что Русская церковь имеет свои духовные школы»[980].

В результате в 1948 г. в СССР были открыты уже две духовные академии и 8 семинарий, в которых очно обучалось 562 человека[981]. На 1 января 1952 г. количество учащихся незначительно увеличилось (633 человека)[982]. Активно росло количество заочников в ленинградских духовных школах – 216 человек к

---

[978] *Одинцов М*. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» : Политическая энциклопедия, 2022. С. 608.

[979] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 12. Цит. по: Одинцов М. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение партиарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» : Политическая энциклопедия, 2022. С. 645–646.

[980] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 16.

[981] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 2–28 ; Д. 109. Л. 70. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 65–66.

[982] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 569. Л. 50–84. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 71.

июлю 1952 г. Это, как полагает М. Шкаровский, вызвало опасения властей и привело к запрету открытия заочного отделения в Москве[983].

В 1956/57 учебном году во всех духовных школах РПЦ обучалось уже 1 522 человека (из них 296 человек в академиях, очно и заочно)[984].

Новые «ограничительные» мероприятия в отношении духовных школ проводились Советом с 1959 г. Тогда закрылся заочный сектор в Ленинградской духовной академии и семинарии; был запрещен прием лиц, подлежавших призыву в армию и прием заявлений от абитуриентов после 1 августа, а также прием слушателей в течение учебного года.

После кампании по закрытию духовных учебных заведений 1960-х гг. подготовка духовенства до конца 1980-х гг. осуществлялась лишь силами Московских и Ленинградских академии и семинарии, а также Одесской семинарии. Так, за 1972–1974 гг. их окончили 367 человек, из них 131 человек – в 1974 г.[985] К началу перестройки общее количество учащихся духовных школ составляло менее 500 человек[986].

* * *

Совокупные количественные показатели (см. приложение 2, таблицу 2.6) однозначно свидетельствуют о преобладании запретительной правоприменительной практики и, как следствие, заметной редукции церковной инфраструктуры и кадрового потенциала, что существенно ослабляло позиции Русской православной церкви как самостоятельного участника государственно-религиозных правоотношений.

Находясь внутри жестко очерченной правовой рамки, заданной декретом 1918 г. и постановлением 1929 г., советские органы и должностные лица формировали на практике разнообразные модели правоприменения, что отражалось на количественных показателях развития церкви как института. Эта

---

983 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 569. Л. 50–84. Цит. по: *Шкаровский М.В.* Временное «перемирие» в государственно-религиозных отношениях в 1945–1953 гг. // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 71.

984 *Поспеловский Д.В*. Русская православная церковь в XX веке. М., 2008. С. 272.

985 Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 317.

986 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 24.

правоприменительная практика могла как поддерживать церковную инфраструктуру и кадры, так и максимально осложнять возможности их развития – в зависимости от колебаний политического «клапана» (от ограниченной, но вполне ощутимой поддержки в 1940-х гг. до рестрикций конца 1950-х – начала 1960-х гг.). Инструментальный характер советского права, выступавшего производной от сугубо прагматических, политических и – в меньшей степени – идеологических установок в сфере государственно-религиозных отношений, не вызывает сомнений.

§ 3.2. Взаимоотношения государственных и церковных институтов в вопросах регистрации религиозных общин, распоряжения культовым имуществом и формирования кадрового состава Русской православной церкви

Параграф посвящен изучению практик правоприменения в конфликтных полях с тем, чтобы понимать, как правовые нормы воспринимались или отторгались, что оспаривалось обеими сторонами, исходя из собственных интересов, ресурсов, представлений и аппаратной логики. Нами будут рассмотрены конфликтные кейсы вокруг регистрации общин и религиозной жизни приходов, проблемные поля в кадровых вопросах (назначение/снятие епископов и рядовых священников), выстраивания системы религиозного образования. Отдельного внимания заслуживает правоприменительная практика в области передачи имущества, выстраивания церковной инфраструктуры.

Мы сосредоточимся не столько на анализе предусмотренного нормативными и иными правовыми актами порядка, сколько на конфликтных кейсах, в которых наиболее ярко проявлялся разрыв между нормативным и фактическим, становилось очевидным отклонение от писаных правил, выявлялись трудности с реализацией законов. Основными источниками для нас станут делопроизводственные документы уполномоченных и материалы жалоб и писем

епископов в адрес патриархии. В первую очередь они дают нам возможность увидеть эти проблемные поля.

Ранее мы указали на то, что сама архитектура советского законодательства о культах была весьма противоречива и несовершенна. Смена парадигмы с агрессивно-секуляристской на терпимо-прагматичную в военный период, сложности становления Совета как института – все это создавало питательную среду для противоречивых и произвольных трактовок законодательства о культах, обеспечивало возможности для административного давления и использования квазиправовых методов и подходов (о них см. § 3.3). Следствием этого становится большая вариативность и неоднородность правоприменительной практики.

Конфликты вокруг регистрации общин и религиозной жизни приходов

Как уже ранее отмечалось, для обеспечения свободы собственных действий в отношении религиозных организаций Советское государство пользовалось важным инструментом в виде определения границ легального, законного. Согласно постановлению 1929 г. за пределами легальности оказались целые группы общин (незарегистрированных или снимаемых с регистрации), монашество, церковная благотворительность, образование, хозяйственная деятельность – и даже фактически центральные органы церковного управления. Все они до 1940-х гг. находились в «серой» правовой зоне.

А. Беглов справедливо отмечает, что в советской риторике «определение «нелегальный» уже имело политический оттенок и само по себе могло обосновать неблагонадежность такой организации»[987]. В результате к началу войны «регистрация органов церковного управления, без которых невозможно каноническое функционирование Православной церкви, начинала восприниматься церковными деятелями как желанная цель, а в руках государства она становилась приманкой, средством давления на церковную иерархию и практически все сферы церковной жизни»[988]. Конституция 1937 г. лишь

[987] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 36.
[988] Там же. С. 37.

декларировала свободу религиозной жизни. Теперь же у церкви появились некоторые надежды на их реализацию. В связи с этим процессы регистрации религиозных общин и священнослужителей, легализации религиозных практик в зарегистрированных религиозных объединениях, нередко превращались в арену борьбы двух институтов.

Важно отметить, что факт открытия закрытия прихода проходил согласование на самом высоком уровне, на уровне главы РПЦ[989]. Здесь следует иметь в виду интерес церкви как института в расширении, а в позднесоветское время – в сохранении, удержании инфраструктуры на приемлемом уровне. Борьба за открытие прихода, которая нередко перетекала в противостояние за храм и утверждение конкретного священника, в случае успешного исхода позволяла выстраивать сеть приходов внутри епархий. Как будет показано далее, выпадение хотя бы одного звена (снятие с регистрации прихода и/или снятие с регистрации священника, закрытие храма) могло приводить, и в перспективе приводило, к сжатию пространства епархий или их слиянию. Соответственно, это подтачивало всю конструкцию и ослабляло церковь как институт в целом.

Следуя букве закона, правоприменительная практика в части регистрации общин должна была выглядеть следующим образом: поданное церковной «двадцаткой» ходатайство и сопроводительные документы направлялись в райисполком, который давал свое заключение и отправлял его в вышестоящий орган (облисполком). В течение одного месяца тот по согласованию с Советом принимал соответствующее решение и озвучивал его общине (с 1975 г. окончательное решение принимал Совет).

В реальности правоприменительная практика зависела от целой совокупности объективных и субъективных обстоятельств. Важную роль играл настрой самих верующих, их готовность к самоорганизации и аккумуляции ресурсов. Неслучайно фактор поддержки населением в формате со-участия,

---

[989] См., например: ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 80. Л. 3–8. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 102–106.

готовности поддерживать приход финансово широко использовался уполномоченными как аргумент в процессе регистрации и снятия с нее[990].

Например, в 1949 г. крымский архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), в целом отмечая положительный опыт взаимодействия приходов с местными органами власти, писал в патриархию о «неблагожелательном» отношении властей в с. Новоселовское; «в силу этого обстоятельства, а также в связи с индифферентностью к религии, проявленной со стороны граждан, я вынужден был, по согласованию вопроса со Святейшим Патриархом, прекратить дальнейшее существование прихода с 1 января 1949 г.»[991]

В апреле 1960 г., когда закрытие «слабых общин» уполномоченными на местах приобрело характер всесоюзной кампании, Куроедов на Всесоюзном совещании уполномоченных открыто говорил о необходимости сокращения численности храмов[992], советовал сокращение количества приходов «начинать с «затухающих» – экономически слабых и не поддерживаемых населением»[993]. Очевидно, что подобные установки на местах переходили в практическую плоскость. К примеру, уполномоченный по Краснодарскому краю, писал в докладе, что в 1961 г. планируется закрыть 40 таких приходов, в 1962 г. – 30[994].

---

[990] Вместе с тем государство применяло широкий спектр финансовых, налоговых инструментов, пенсионных манипуляций для сужения материальной базы религиозных объединений. Ирина Маслова описывает как в 1958–1964 гг. к приходам Среднего Урала для сокращения их количества применялись финансовые рычаги – снижение доходов через установление цен, ужесточение налоговой нагрузки и т.п. (*Маслова И.А*. Финансово-хозяйственная деятельность Русской православной церкви на Среднем Урале в 1944–1988 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. С. 17).

[991] Из годового отчета о работе управления Крымской епархии за 1948 год. 17 февраля 1949 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 80. Л. 3–8. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 102–106.

[992] «У нас в ряде областей и республик имеется слишком большая сеть церковных учреждений, не вызываемая никакой практической надобностью» (Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 64–91). Сама формулировка показательно демонстрирует утилитарно-материалистический взгляд советских чиновников на религиозную жизнь.

[993] Там же.

[994] О работе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю за 1960 год : Доклад 18 марта 1961 г. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 9. Д. 158. Л. 36. Цит. по: Беликова Н.Ю. Государственная политика в отношении Русской православной

О.Ю. Васильева в связи с начавшейся в 1961 г. с подачи советского правительства реформы церковного управления отмечала, что одним из первых мероприятий этой реформы стал единовременный учет всех религиозных объединений. При его проведении было «выявлено много бездействующих церквей, неиспользуемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база Православия заметно сузилась»[995].

Сохранились материалы Пермского облисполкома о снятии с регистрации религиозного общества Покровской церкви с. Блины Пермской области 1964 г. Какими были аргументы советских чиновников? Во-первых, экономическая слабость прихода. Во-вторых, в составе «двадцатки» оставалось только 5 человек, которые в силу возраста и недостаточной грамотности отказались управлять церковными делами и «решили объединиться с религиозным обществом в с. Кособаново (7 км)» [996]. Наконец, отмечалась слабая посещаемость (до 15 человек в обычные дни, на Пасху – до 70 человек». Совет дал согласие на снятие с регистрации этого общества[997]. Вслед за этим последовало закрытие храма, которое верующие опротестовали (см. далее).

Административные методы снятия с регистрации и сокращения сети приходов были нередки. Архиепископ Пензенский и Саранский Феодосий

церкви в 1958–1964 гг. (на материалах Краснодарского края) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 140.

[995] *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор. С. 117.

[996] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 8. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 430.

[997] Там же.

(Погорский) в письме в патриархию в 1962 г. сетовал, что местные власти не допускают возобновления деятельности прихода и проведения богослужений в с. Покассы Мордовской АССР. Ранее сельская церковь была закрыта «за грубое нарушение законодательства о культах». Затем уполномоченный Черемисин «неожиданно снял священника с регистрации» на основании недоказанного обвинения в «развратном образе жизни». Местная милиция оказала давление на служителя, и он покинул село. После этого уполномоченный не допускал назначения нового священника и требовал передать ему ключи от храма. Епископ писал, что «прихожане «заволновались», ключи не отдали. Райисполком своим решением «распустил» общину»[998].

Анализ различных делопроизводственных документов Совета, писем, жалоб[999] показывает, что действия уполномоченных и местных советских органов власти (райисполкомов, сельсоветов) систематически нарушали действовавшее в тот период законодательство о религиозных культах, прежде всего – постановление 1929 г.

Первая группа нарушений касалась регламентации жизни религиозной общины («двадцатки»). Вопреки закону, который требовал лишь *уведомления* местной власти о собрании, уполномоченный и райсоветы *требовали предварительного разрешения* на его проведение, указывая незаконные сроки (за две недели) и требуя детальной повестки. Это позволяло властям произвольно запрещать собрания, блокировать пополнение общины новыми членами и вмешиваться в ее внутренние дела. Кроме того, сельсоветы незаконно требовали предоставлять им полные списки членов «двадцатки», певчих и протоколы собраний, хотя по закону власти имели право знать лишь председателя общины (как ответственного за договор аренды) и членов ревизионной комиссии.

---

[998] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 77. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471–478.

[999] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 49–50 ; Д. 454. Л. 4–5, 63, 74–74 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 281–282, 380–385, 447–448 и др. См. также Приложение 1 (письмо архиепископа Луки Алексию I).

Вторая группа нарушений выражалась в незаконном администрировании богослужебной деятельности. Местные власти запрещали священникам ходить с молитвой по домам верующих, провожать покойников, освящать воду и плоды в ограде храма, а также требовали от прихожан письменных заявлений на крещение младенцев или на вызов священника для отправления треб. Имели место даже предписания получать для соборования письменное согласие больного, что в ряде случаев было физически невозможно. Все эти требования не имели никаких оснований в законе и грубо нарушали право верующих на свободное отправление культа.

Третья группа нарушений касалась дискриминации по возрастному признаку и психологического давления. Например, уполномоченные рассылали циркулярное распоряжение, запрещающее допускать в храм детей и подростков до 18 лет. Это являлось прямым нарушением конституционных прав родителей на воспитание детей и свободу совести, поскольку подобного запрета законодательство о культах не содержало.

Давление на священников и прихожан принимало форму откровенного произвола: священников вызывали в райисполком и предлагали «отказаться от Бога и снять сан»; членам «двадцатки» угрожали лишением пенсий и имущественной ответственностью, принуждая выйти из общины; священникам запрещали даже неотложные напутствия умирающим без разрешения сельсовета, а отказ подчиниться этим незаконным требованиям квалифицировали как «неподчинение советской власти», тем самым юридические понятия использовались для устрашения и давления.

Четвертая группа нарушений была связана с превышением властных полномочий и контролирующих функций. Уполномоченный присваивал себе полномочия финансового инспектора, собирая у настоятелей сведения о доходах и количестве совершенных треб, в результате чего налоги священников увеличивались в два-три раза без законных оснований. Чиновники могли единолично накладывать вето на назначения священнослужителей из других епархий, запрещать временное замещение заболевшего настоятеля, угрожать

тюрьмой и ссылкой настоятелям за просьбу о ремонте аварийного храма. Передача части своих полномочий сельсоветам, которые начинали самостоятельно решать вопрос о закрытии церквей, проводить «опросы» певчих и требовать отчеты, также являлась нарушением, поскольку по закону уполномоченный был единственным официальным посредником между церковью и государством.

А. Горбатов справедливо заключает: «Анализ вероисповедной политики показывает, что наибольший урон православной церкви со стороны государства в реальности нанесли методы, находящиеся вне юридического и экономического давления. Это чиновничий произвол, методы жесткого силового, зачастую незаконного принуждения. Партийно-государственный аппарат СССР в течение всей своей недолгой истории стоял над формальным правом и над всеми юридическими институтами. Потому многие верующие, апеллируя к необходимости соблюдения конституционных норм, не могли получить соответствующего отклика. Религиозные общества закрывались просто по указанию “свыше”»[1000].

Кадровые решения в отношении епископата

Вопросы назначения епископов, согласно церковному пониманию, должны были решаться на заседании Священного синода под председательством патриарха, а сами епископы назначались на кафедры патриаршим указом.

Фактически мы наблюдаем сложный, часто скрытый от внешнего наблюдателя процесс согласования персоналий на уровне патриарха и Совета при активном участии органов безопасности. В этой конфигурации политических сил Синод de facto выполнял функцию органа, легитимирующего уже принятое негласно решение[1001].

[1000] *Горбатов А.В*. Закрытие православных обществ в Сибири : основания, формы, методы. 1958–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 111–112.

[1001] Патриарх Алексий I писал В.А. Куроедову 11 марта 1961 г. «Меня главным образом озабочивает вопрос о перемещениях в связи с назначением епископов на вакантные епархии, в сущности, единственный вопрос на предстоящей 16 марта, в четверг сессии Синода» (ГА РФ.

Сам Синод находился под постоянным контролем Совета. «Вопрос подбора и расстановки его постоянных членов был и остается всецело в руках Совета, кандидатуры непостоянных членов также предварительно согласуются с ответственными работниками Совета. Все вопросы, которые предстоит обсуждать на Синоде, патриарх Пимен и постоянные члены Синода заранее обговаривают у руководства Совета и в его отделах, согласовывают и окончательные определения Священного синода», – писал в своем отчете в ЦК КПСС В. Фуров[1002].

Механизм назначения епископата в период 1943–1953 гг. действовал следующим образом: патриархия направляла в Совет по делам РПЦ список кандидатов; Совет согласовывал его с курирующим отделом ЦК ВКП(б), затем утвержденная кандидатура выносилась на заседание Священного синода, которое проходило в присутствии представителей центрального аппарата Совета. Без этой цепочки хиротония считалась «нелегитимной» с точки зрения властей[1003].

Советом предварительно собиралась информация о каждом епископе[1004]. Документы Синода и Совета по делам РПЦ об избрании, назначении и перемещения епископата в период патриаршества Сергия (Страгородского) показывают, что инициатива в это время всегда исходила от патриарха, а Карпов чаще всего соглашался с его предложениями, а «задержки или отказ в

Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 50–51. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 319). Данная тема еще ждет своего исследователя, однако ее изучение затруднено ввиду недоступности источниковой базы.

[1002] Фуров Василий Григорьевич (1907–1998) – советский государственный и партийный деятель. Заместитель председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР (1965–1981). Кандидат исторических наук (1961). Один из авторов изданий «Атеистический словарь», «Православие: словарь атеиста» и «Настольная книга атеиста». Документ содержит детальное описание того, как государство контролировало Русскую православную церковь. См.: Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 277.

[1003] *Шкаровский М.В*. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 2000. С. 206.

[1004] «Совет по делам религий имеет представление о каждом архиерее. Мы систематически получаем на них характеристики от уполномоченных. Установлен порядок, при котором управляющие епархией, ежегодно приезжая в патриархию со своими отчетами, посещают и Совет. С ними проводится обстоятельная беседа. Выясняются настроения, положение дел в епархии. Однако политическую работу с этой влиятельной категорией священнослужителей следует всячески совершенствовать. Уровень нашей работы с епископатом решает многие задачи; она служит интересам государства» (Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности. С. 296).

положительном решении всегда были связаны с позицией органов государственной безопасности»[1005]. На первом этапе при восстановлении деятельности церквей и Синода нередко органы госбезопасности разыскивали священников, находившихся в системе ГУЛАГа[1006]. В дальнейшем все без исключения иерархи РПЦ назначались с санкции спецслужб, без этого было невозможно никакое продвижение по иерархической лестнице.

Происходило заблаговременное согласование с Советом кадровых решений Синода[1007]. Алексий I писал В.А. Куроедову не позднее 21 марта 1960 г.: «Предстоящий Синод должен решить вопрос замещения кафедр. Кроме того, в связи с планами рукоположения новых епископов «прошу Совет дать свое заключение о представленных в качестве кандидатов [указаны 3 имени], послужные списки которых были представлены в Совет по делам РПЦ»[1008]. Также негласно проходило согласование назначений на должности ректоров учебных заведений[1009].

В 1960–1980-е гг. сформировался устойчивый порядок отстранения епископа от управления епархией: инициатива принадлежала уполномоченному Совета по делам религий, который собирал, на его взгляд, компрометирующие материалы (нелояльность, контакты с диссидентами и пр.). Затем он направлял «мотивированное предложение» в Совет с рекомендацией снять епископа (например, с формулировкой «по состоянию здоровья»), после чего вопрос обсуждался с патриархом. В результате епископ подписывал собственное добровольное заявление о почислении на покой, после чего Синод утверждал отставку и назначал нового кандидата из заранее согласованного списка.

[1005] *Одинцов М.* Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» : Политическая энциклопедия, 2022. С. 646–647.

[1006] *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 87–97.

[1007] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 60–60 об., Л. 94–94 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 209–210. См. также: Т. 2. С. 162–166, 197, 251–252 и др.

[1008] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 47–47 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 197–210.

[1009] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д 568. Л. 23, 30. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 524, 531.

Увольнение сотрудников патриархии Совет осуществлял руками патриарха[1010]. Влияние и власть главы РПЦ использовались Советом и для устранения неугодных епископов. К примеру, Совет докладывал в Совет Министров СССР 7 февраля 1957 г., что архиепископ Житомирский и Овручский Венедикт (Поляков)[1011] «со своими антисоветскими взглядами не может быть оставлен на архиерейской должности». Совет «рекомендовал патриарху» освободить его от управления епархией и уволить «на покой». «Патриарх согласился с нашей рекомендацией и для оформления этого вопроса решением Синода направляет в Житомир архиерея в качестве ревизора для проверки всей деятельности Венедикта»[1012].

Кроме того, инициаторами снятия/перемещения архиерея нередко становились республиканские или краевые власти. Например, в 1959 г. Г. Карпов, характеризуя природу протестов среди монашествующих и верующих украинских Кременецкого и Овручского монастырей (об этом см. далее), пишет патриарху: «Но Вам известно, что эти волнения были вызваны провокационными действиями Львовского архиепископа Палладия. Кстати, украинские органы власти просят удалить Палладия из Украины за его провокационные действия»[1013].

Документы Совета подтверждают, что ни одно перемещение не происходило без санкции государства, без учета его «требований и пожеланий», «без тщательной проверки кандидатур ответственными сотрудниками Совета в тесной связи с уполномоченными, местными органами и соответствующими заинтересованными организациями»[1014]. Совет отмечал, что эти «пожелания» к кандидатам в епископат диктовались сложившейся практикой использовать их «для зарубежной работы, а затем, по возвращении, на кафедрах внутри страны».

[1010] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 27–27 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 353–354.

[1011] Венедикт (Поляков, 1884–1963) – архиерей Русской православной церкви. В 1947 г. рукоположен в епископа Кишиневского и Молдавского. В 1948–1956 гг. на Ивановской кафедре, откуда был снят из-за конфликта с уполномоченным. Архиепископ Житомирский и Овручский с 1956 г. В 1958 г. уволен на покой.

[1012] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 34.

[1013] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 125, 127–133. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 290–295.

[1014] Под ними следует понимать прежде всего спецслужбы и правоохранительные органы.

При этом государственные задачи транслировались новорукоположенным епископам непосредственно патриархом и членами Синода[1015].

Вопрос назначения и увольнения архиереев имел, кроме сугубо политического, и важное институциональное значение: с конца 1950-х – начала 1960-х гг. увольнение епископа могло означать оптимизацию епархиальной структуры, сокращение количества епархий. Поэтому он находился в поле зрения центрального аппарата Совета и обсуждался непосредственно с патриархом. К примеру, в 1959 г. Алексий I предлагал кадровые рокировки челябинского, сталинградского епископов, увольнения которых сопровождались бы слиянием епархий (Челябинская присоединялась к Оренбургской, Сталинградская – к Саратовской)[1016]. Впоследствии эти решения были закреплены Синодом 15 июля 1959 г. (журналы № 16–18)[1017].

При увольнении епископа и рядовых священников нередко действовали неписаные правила и практики, которые подменяли собой букву светского и церковного закона. В письме архиеп. Ермогена (Голубева) патриарху Алексию и Н.С. Хрущеву от 16 марта 1962 г. отмечалось, что снятие епископа и рядового священника с регистрации могло стать полной неожиданностью для него самого. При этом он часто терял единственный источник дохода и возможность исполнять свои обязанности в другом регионе, потому что кадровые вопросы в другой епархии часто решал исключительно уполномоченный, который «*по установившейся практике* отказывается утвердить в своей области священника, уволенного уполномоченным другой области»[1018].

Оспаривая факт собственного увольнения, Ермоген писал о важности соблюдения формальных церковных правил в кадровых вопросах: «согласно церковным установлениям», архиерей может быть уволен за штат или по личному прошению, или решением церковного суда, или из-за невозможности управлять

[1015] Вестник Русского христианского движения. С. 279–280.
[1016] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 51–51 об.
[1017] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 202 а. Л. 110–112.
[1018] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 14–25. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 352–353.

епархией из-за старости/болезни». В своем случае он таковой формальной причины не видел[1019].

На этом основании и с учетом других фактов архиепископ Ермоген делает очевидный вывод, с которым трудно не согласиться: *«На сегодняшний день фактически управляющим епархией является не архиерей, а уполномоченный, архиерей же является у него как бы старшим благочинным.* В прежнее время благочинный не имел права назначить священника на приход, за ним было только право представления к назначению, само же назначение принадлежало архиерею. Теперь же архиерей не имеет права самостоятельного назначения на приход, а только представляет своего кандидата уполномоченному, от усмотрения которого всецело зависят вопросы назначения или отказа в нем»[1020].

Однако имеются интересные и важные факты оспаривания авторитета и первенства уполномоченных как «советских архиереев». Ответ на вопрос – за кем оставалось последнее слово в назначении священников (за епископом или местным уполномоченным и в его лице всей государственной машиной) – не так очевиден. «Уполномоченный Совета по Житомирской области тов. Геращенко пишет: «Архиерей Палладий и настоятель собора Васьковский постоянно вмешиваются в финансовые и организационные дела. *В общине утвердилось правило, по которому без благословения архиепископа никто не может быть избран в руководство общины, а лица, не удостоенные милости архиерея, несмотря на регистрацию Уполномоченного Совета и одобрение горисполкома, практически не допускаются к исполнению возложенных обязанностей»*[1021]. Советом подобные факты расценивались как «грубое нарушение законодательства», горисполком был вынужден дать предписание, позволяющее в рамках закона навести порядок в общине, однако архиепископ и настоятель

[1019] Реальную причину своего увольнения он видел в «ненормальностях, которые возникли в церковной жизни за последние годы» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 11–12. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 350–353).

[1020] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 14–25. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 352–353.

[1021] Вестник Русского христианского движения. С. 291.

продолжали «вести закулисную борьбу. Нами совместно с горисполкомом разрабатываются соответствующие меры по наведению законного порядка»[1022].

Весьма показательно очерчивались юридические и невидимые неправовые *границы функционала епископата*. Обращалось внимание, что «в новых социальных условиях, в Советском государстве епископат лишен многих былых привилегий и его деятельность ограничена определенными рамками законодательства о религиозных культах. На практике правящий архиерей ныне осуществляет посвящение и назначение священников и диаконов на приходы после согласования с уполномоченным Совета и по просьбе исполоргана [исполнительного органа] религиозного объединения, а также руководит богослужебной деятельностью духовенства епархии»[1023].

Относительно епархиальных советов и благочинных Совет по делам религий отмечал, что уполномоченные «находят возможности для ограничения их деятельности. В связи с сокращением количества приходов, отходом верующих от религии эти формы управления постепенно исчезают. Так, например, в 1967 г. из 67 епархий, числящихся в нашей стране, только в 5 были епархиальные советы (в т.ч. во Владимирской, Ворошиловградской, Краснодарской, Ленинградской, Одесской епархиях). Большинство правящих архиереев считают возможным самим лично «вершить и править» делами епархии»[1024].

Однако не следует представлять епископат РПЦ лишь послушным инструментом государственных органов. Отчет Совета 1974 г. делил архиереев на три группы по степени лояльности, от патриотичной до пытающейся «обойти законы о культах», заявляя о существовании «четкой и широкой системы воспитания епископата... в политическом плане»[1025].

[1022] Вестник Русского христианского движения. С. 291.
[1023] Там же. С. 276.
[1024] Там же. С. 291.
[1025] Можно увидеть «…большую и систематическую работу по воспитанию служителей культа, сверху донизу, со стороны Совета, уполномоченных, местных органов власти и т.д., а также и многочисленные объективные факторы нашего социалистического государства, воздействующие на повышение гражданственности епископата. За последние годы нами разработана четкая и широкая система воспитания епископата, а через него и рядового духовенства, в политическом плане, формирования у них патриотизма, гражданского долга,

Кадровый фильтр уполномоченных и Совета всячески пытался сдерживать и не пропускать в систему управления активных архиереев, пытавшихся «обойти законы о культах» в интересах церкви. Но советская кадровая политика в этой сфере была несовершенна: регулярно появлялись епископы, которые категорически не устраивали уполномоченных. К примеру, в 1960 г. центральный аппарат Совета не согласовал новое назначение епископа Феодосия (Ковернинского), который в 1956 г. «ушел» с Архангельской кафедры. Причины негативного отношения к епископу указывались в справке, подготовленной сотрудниками Совета: «По имеющимся данным, в период 1945–1949 гг. Ковернинский имел попытки возвести церковь в равнозначащую по сравнению с местными органами власти организацию»[1026]. Епископу ставили в вину, что он сам не ходил «на поклон» к уполномоченному и запрещал это делать своим священникам[1027]. Интересно, что работники Совета апеллировали к параграфу 36 Положения об управлении Русской православной церкви, в котором «говорится, чтобы настоятели храмов уклад и распорядок приходской жизни строили так, чтобы они не препятствовали выполнению прихожанами гражданских обязанностей. Ковернинский распространил среди духовенства Кировоградской епархии «теорию» о том, что это положение направлено на зажим религии и колхозников за невыход на работу в связи с посещением ими церкви высылают в отдаленные места…»[1028].

Сходная ситуация имела место в Челябинской области, где местный уполномоченный в 1958 г. докладывал в Москву: «у нас не совсем удачный имеется архиерей»[1029]. Речь шла об архиепископе Иоанне (Лавриненко)[1030],

---

уважения к законам и деятельности Советского правительства» (Вестник Русского христианского движения. С. 281).

[1026] Алексий I – Куроедову (не позднее 21 марта 1960 г.) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 47–47 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 197–210.

[1027] Там же.

[1028] Там же.

[1029] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1688. Л. 12. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Управляющие Челябинской епархии (1947–1959 гг.) // Наш край : прошлое, настоящее, будущее : материалы XII региональной научной конференции, Челябинск, 9 ноября 2018 г. Челябинск : Авто Граф, 2019. С. 100–104.

который «проявил себя довольно энергично, увеличил число клириков епархии, строились или покупались дома для священнослужителей, ремонтировались храмы. Доходы епархии и в 1957, и 1958 гг. составляли более 8,5 млн руб. (в 1956 г. – 6 млн руб.)»[1031].

Уполномоченный Совета по Владимирской области писал, что в начале 1970-х годов местное епархиальное управление, возглавляемое архиепископом Владимирским и Суздальским Николаем (Кутеповым)[1032], уделяло большое внимание омоложению кадров. Чиновник писал: «Он*, не выходя за рамки закона,* осуществил ряд мер, которые активизируют верующих:

– увеличил число архиерейских служб, которые, как правило, проходят торжественно при большом стечении молящихся;

– требует от духовенства «чаще проповедовать, не лениться», в результате чего количество проповедей увеличилось;

– четко и в достаточном количестве организовал снабжение духовенства и религиозных объединений предметами культа;

– своевременно обеспечивает приходы кадрами священнослужителей, что дало возможность исключить срывы богослужений в церквах из-за отсутствия духовенства»[1033].

Таким образом, мы видим, что отдельным активным, авторитетным религиозным деятелям удавалось, не входя в формальное противоречие с законодательными предписаниями, поддерживать и даже оживлять отдельные направления религиозной жизни.

[1030] Иоанн (Лавриненко, 1899–1985) – архиерей Русской православной церкви. В 1946–1956 гг. был архиепископом Молотовским и Соликамским, затем после годичного пребывания в Казахстане. В 1957 г. назначен архиепископом Челябинским и Златоустовским, пробыл на кафедре два года и был уволен на покой в 1959 г.

[1031] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1688. Л. 12. Цит. по: *Чумаченко Т.А*. Управляющие Челябинской епархии (1947–1959 гг.) // Наш край : прошлое, настоящее, будущее : материалы XII региональной научной конференции, Челябинск, 9 ноября 2018 г. Челябинск : Авто Граф, 2019. С. 100–104.

[1032] Николай (Кутепов, 1924–2001) – архиерей Русской православной церкви. В епископском сане с 1961 г., до своего назначения на Горьковскую (ныне – Нижегородскую) кафедру в 1977 г. последовательно возглавлял Мукачевскую, Омскую, Ростовскую, Владимирскую и Калужскую епархии. На Архиерейском соборе 1997 г. выступал против канонизации Николая II.

[1033] Вестник Русского христианского движения. С. 285.

В 1970-е гг. кадровая ситуация в епископате по-прежнему оставалась неоднородной: «Определенную озабоченность вызывает деятельность некоторых молодых правящих архиереев, которые в разное время привлекались к зарубежной работе, а внутри страны нередко проявляют религиозную ретивость, не считаясь с рекомендациями уполномоченных Совета и местных органов власти. К их числу относятся архиереи Николай Владимирский, Владимир Иркутский, Гермоген Калининский, Дамаскин Вологодский, Хризостом Курский, Савва Черниговский, Михаил Астраханский и некоторые другие»[1034]. Верующие такого толка описывались категориями «фанатики», «экстремисты», а их деятельность и усилия по поддержанию церковных институтов характеризовались как «вольное толкование законодательства о культах»[1035].

Некоторые из епископов, по мнению чиновников Совета, заходили слишком далеко и предлагали переписать основной закон. Так, уполномоченный по Астраханской области в начале 1970-х гг. сообщал: «Епископ Михаил [Мудьюгин] поддерживает мнение экстремистских церковных элементов в том, что наступило время изменить статьи Конституции СССР в плане расширения прав религиозных организаций, которые следовало бы в избирательных правах приравнять к другим общественным организациям страны – дать право выдвигать своих кандидатов в депутаты Советов всех звеньев. По мнению епископа, представители церквей в Советах могли бы успешно осуществлять потребности нашего государства»[1036].

Задачей советских органов становилась нейтрализация подобных активных иереев. Один из вариантов – по согласованию с центральным аппаратом, патриархией и органами госбезопасности практиковать переводы на другие кафедры. Что и было сделано в отношении этого епископа: «еще несколько лет

[1034] Вестник Русского христианского движения. С. 284. Имеются в виду преосвященные Николай (Кутепов, 1924–2001), Владимир (Котляров, 1929–2022), Гермоген (Орехов, 1929–1980), Дамаскин (Бодрый, 1937–1989), Хризостом (Мартишкин, 1934–2025), Михаил (Мудьюгин, 1912–2000). Под именем Саввы Черниговского, по всей вероятности, имеется в виду епископ Черновицкий и Буковинский Савва (Бабинец, 1926–1992), занимавший Черновицкую кафедру в 1972–1977 гг.

[1035] Там же.

[1036] Вестник Русского христианского движения. С. 288.

назад, по просьбе органов Ростовской области, Николай [Кутепов], отличившийся высокой религиозной активностью, был переведен во Владимир. Теперь же и должностные лица во Владимире ставят перед уполномоченным Совета вопрос о целесообразности перемещения Николая на другую кафедру»[1037]. В результате архиепископ был переведен на Калужскую кафедру.

Кроме того, широко была распространена практика «доверительных бесед», которая подразумевала давление местных органов власти, регионального уполномоченного, кураторов[1038], применялись методы прямого или косвенного воздействия через компромат, финансовые, налоговые инструменты (подробнее см. § 3.3). В подобных ситуациях Совет нередко опирался на «увещевания» патриарха и его шаги по «нейтрализации» политически нестойких епископов. Так, в 1965 г. Алексий I потребовал, чтобы архиепископ Ермоген (Голубев) был отправлен в принудительную отставку за подписание протеста против «соучастия Синода» в кампании советского правительства по закрытию церквей[1039].

Кадровые решения по местному духовенству

Кадровые вопросы в отношении епархиального духовенства согласно церковным правилам были прерогативой правящего епископа. При этом со стороны государства действовал запрет на рукоположение в священный сан ранее имевших судимость и лишенных избирательных прав по суду[1040].

[1037] Вестник Русского христианского движения. С. 286.

[1038] К примеру, в 1973 году Совет по делам религий и местные органы власти «вынуждены были проводить неоднократные беседы с Николаем, архиепископом Владимирским и Суздальским, который, как выяснилось, инспирировал письма верующих против органов власти, принявших решение о реставрации Успенского собора в г. Владимире, при этом он опирался на религиозных фанатиков из своего окружения… В результате неоднократных бесед ответственных работников Совета с архиепископом Николаем и мер, принятых через патриарха Пимена, нам удалось нейтрализовать этого правящего архиерея, добиться проведения реставрационных работ в соборе с прекращением в нем временно (на полтора-два года) богослужения (Вестник Русского христианского движения. С. 283).

[1039] *Armes K*. Chekists in Cassocks : The Orthodox Church and the KGB // Demokratizatsiya 1. 1994. No. 4. P. 76.

[1040] Один из многочисленных примеров из Новосибирской области 1946 года: «Настоятелем церкви с. Шипуново назначен и мною зарегистрирован 29 июня с.г. протоиерей Морозов – 1882 г. р., в 1903 г. окончил Рязанскую духовную семинарию, посвящен в священнический сан в 1904 г., служил священником в сельских церквях Рязанской области с 1904 г. по апрель 1941 г., в

Ключевая роль в назначении и снятии священников принадлежала уполномоченным Совета по делам РПЦ (религий) на местах. Именно он, опираясь на позицию партийных и советских органов и органов госбезопасности, обладал правом «вето» в отношении кадровых решений епископата. В подавляющем большинстве случаев исход кадровых решений определялся балансом сил, торгом между епархиальным епископом и региональным уполномоченным и стоявшими за ним государственными акторами и институтами.

Уполномоченные использовали компрометирующие материалы, переданные органами госбезопасности, налоговыми ведомствами и МВД, чтобы добиться от епископа снятия «нелояльных» или слишком активных, по мнению чиновников, священников, объявления им дисциплинарного взыскания. Так, Крымский уполномоченный должен был поставить перед архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким) вопрос о снятии с поста иеромонаха, у которого были найдены портреты царской семьи[1041]. Выявленные финансовые злоупотребления (ненадлежащее оформление движимого имущества епархии и пр.), налоговые нарушения также становились инструментами административного давления[1042].

Предупреждения о «нарушении законного порядка» также делались уполномоченными через местного епископа. Именно этот способ воздействия и считался предпочтительным[1043].

июне 1941 г. был арестован и в сентябре 1941 г. осужден Рязанским облсудом по 58-10 ст. Уголовного кодекса на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. 30 мая 1943 г. Морозов был досрочно освобожден по состоянию здоровья. Возвращение в Рязанскую область Морозову не разрешено, и он избрал местом жительства Сузунский район Новосибирской области… Имел намерение устроиться настоятелем церкви, но мною Морозов не был зарегистрирован как лишенный избирательных прав по суду. После чего Морозов жил в с. Шипуново, помогал в церкви, периодически совершал религиозные обряды без регистрации, жил на эти случайные доходы. В июне 1948 г. срок поражения в правах по суду кончился, после чего Морозов Архиепископом Варфоломеем был назначен настоятелем церкви в с. Шипуново и мною зарегистрирован» (ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 27. Л. 68–91. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 412).

[1041] *Бартенев Г.В*. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности… С. 113.

[1042] Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 27 мая 1960 г. // Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 15. Л. 16–22. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 391.

[1043] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 118–119.

Формальным основанием для снятия священника с регистрации служили «нарушения советского законодательства». Однако, как следует из изученных нами документальных материалов, под это определение подводилось все, что угодно: от «запущенности в церковном учете» и «использования служебного положения» до «эксплуатации» технического персонала. В 1960 г. в Крыму этот механизм снятия с регистрации и объявления выговора священнику работал следующим образом:

«За запущенность в церковном учете, за использование служебного положения, за хранение церковных сумм не в сберкассе, а в своем кармане, за игнорирование указания уполномоченного по заключению договора с техническими служащими (сторож, уборщица), их эксплуатацию, незаконные снятия с работы, а также узурпацию прав церковной двадцатки священника Мазанской церкви Кокорева, сообщил я [уполномоченный А. Гуськов архиепископу Крымскому и Симферопольскому] Луке, снимаю с регистрации. Лука согласился и просил меня назначить в Мазанскую церковь священника Соколова из заштата. Я на это дал согласие. Объявлен Лукой, по моему совету, выговор за мелкие нарушения советского законодательства священнику Бахчисарайской церкви Паршинцеву. Я с Лукой согласился и предупредил его, чтоб это со стороны священника Паршинцева было последний раз, и вообще последний раз, когда я обращаюсь по этим вопросам к Вам. Прошу, принимайте меры к нарушителям советского законодательства сами»[1044].

Важно, что снятие с регистрации часто было бессрочным, и лишало священника возможности продолжить служение в пределах данной епархии.

Выше уже упоминалось, что у уволенных епископов наблюдались серьезные трудности с тем, чтобы перейти в другую епархию. Аналогичная ситуация складывалась и в отношении рядовых священников. Подчеркнем, что практика негласных ограничений в вопросе назначения уволенного в одной епархии священника в другую не имела под собой законодательной основы, о чем

[1044] Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 27 мая 1960 г. // Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 15. Л. 16–22. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 393.

неоднократно писалось в жалобах патриарха в центральный аппарат Совета по делам РПЦ. Например, в январе 1962 г. в рапорте архиепископа Сергия (Ларина)[1045] упоминалось об отказе пермского уполномоченного регистрировать священнослужителей из других епархий на вакантные места. Это ограничение «никакими указаниями советской власти по отношению к правам епископата в делах назначения священнослужителей на вакантные места в пределах епархий не предусмотрено и является вмешательством во внутренние дела церкви», – заключал патриарх, переправивший этот рапорт в Совет[1046].

Фиксируется широкая вариативность, прерогативность правоприменительной практики в этом вопросе. Имелись случаи конфликтов с уполномоченными, чья позиция шла вразрез с позицией «двадцатки» и приходского актива, а также игнорирования позиции епархиального епископа.

В проекте письме патриарха Алексия I на имя Н.С. Хрущева 1959 г. упоминалось, что уполномоченный потребовал прекращения колокольного звона в церквях г. Ростова-на-Дону, а в Калинине, Риге, Симферополе и других городах «*уполномоченные отбирают у священников регистрации, не уведомляя перед этим епископов, тем самым присвояя себе права управления епархией*»[1047].

Подобные факты квалифицировались и церковными деятелями, и центральным аппаратом Совета как «административный произвол». Так, в справке инспектора Совета по делам РПЦ А.М. Костылева от 21 ноября 1962 г. о причинах снятия с регистрации священников в Мордовской АССР говорилось следующее: «Вопрос о снятии с регистрации священников в Мордовской АССР мною проверялся на месте в конце октября с.г. Выяснилось, что уполномоченный Совета т. Черемисин допустил в этом вопросе произвол. Во-первых, он снимает священников с регистрации за нарушения, которые имели место несколько лет назад, причем нередко за нарушения, допущенные не самими священниками, а

[1045] Сергий (Ларин, 1908–1967) – архиепископ Пермский и Соликамский (1961–1962), Ярославский и Ростовский (1964–1967).

[1046] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 4–5. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 447–449.

[1047] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264.

религиозными обществами. Во-вторых, снятие с регистрации производится не на какой-то конкретный срок, а бессрочно, т.е. навсегда, и практически священник, снятый с регистрации, не может рассчитывать на восстановление его в этой должности в пределах Мордовской АССР. В связи с этим в Мордовской АССР из 20 церквей и молитвенных домов 8 прекратили действовать не в результате отхода людей от церкви, а ввиду отсутствия священников…»[1048].

В жалобе верующих с. Балки Винницкой области патриарху в декабре 1964 г. описывалась «несправедливость: с их прихода священника перевели, нового не дают три года». Секретарь Винницкой епархии отвечал прихожанам, что тех священников, которых находили верующие, уполномоченный не регистрировал. Жалоба заканчивалась риторическим вопросом: «Но почему, [ведь] священники содержатся на средства верующих, а не на государства? Почему уполномоченный возражает о назначении священников на приходы?»[1049].

Парадоксальный случай зафиксирован в Барнауле, когда уполномоченный Алтайского края, поддерживая священника, не снимал его с регистрации вопреки желанию общины. В г. Бийске Новосибирской области, наоборот, чиновник не регистрировал третьего священника, о чем ходатайствовала инициативная группа[1050].

Следует отметить особую значимость кадрового вопроса для удержания институциональной основы РПЦ в этот период. Имелись случаи, когда храмы по инициативе верующих открывались, но из-за отсутствия священника не действовали[1051]. Тогда приход автоматически попадал на контроль

[1048] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 63.

[1049] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 133. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 506–507.

[1050] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 4–5. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 447–449.

[1051] Пример из доклада уполномоченного по Новосибирской области: «Вознесенская церковь в с. Шипуново Сузунского района с последних чисел октября 1945 г. по настоящее время не функционирует за отсутствием настоятеля храма. Церковное здание по договору было передано верующим 18 июня 1945 г. …Настоятель храма Архиепископом Варфоломеем был назначен и мною зарегистрирован 12 сентября быв. священник Вознесенской церкви г. Новосибирска Мельцов И.С. …Мельцов информировал Архиепископа, а затем и меня, что церковь посещает очень мало верующих (период хлебоуборки и хлебосдачи) треб также мало... В результате этих причин, семейных обстоятельств и ненормальных взаимоотношений с Архиепископом

уполномоченного, который мог использовать это как предлог для возбуждения вопроса о закрытии церкви.

Оборотной стороной этой практики становилось искусственное затягивание процесса назначения священника с тем, чтобы закрыть культовое сооружение до прихода пастыря. В 1963 г. крымский митрополит Гурий (Егоров)[1052], писал, что собор в г. Севастополе был закрыт из-за позиции уполномоченного, который несколько раз отвергал кандидатуры новых священников. Владыка высказывал опасение, что подобная участь ждет собор в г. Евпатории, если он снимет и запретит в священнослужении его настоятеля, «архимандрита Игнатия за его неблагоповедение»[1053]. Подобные государственные меры косвенно способствовали и отрицательному кадровому отбору: епископы опасались убирать неблагонадежных служителей, чтобы приход не закрылся.

Местные власти могли манипулировать статусом храма, чтобы решить кадровую проблему в нужную сторону. Например, признать храм аварийным (даже если община была готова к ремонту) и на этом основании не регистрировать нового священника, что обрекало храм на закрытие[1054]. Или, наоборот, можно было не регистрировать священника с тем, чтобы закрыть «неприглядную», с точки зрения уполномоченного, горсовета и спецслужб, церковь[1055].

Варфоломеем и благочинным Архимандритом Никандром (Вольяниковым), сложившихся еще раньше, когда Мельцов служил в Новосибирске… Мельцов отказался вернуться обратно в с. Шипуново и был уволен в заштат. Нового настоятеля в Вознесенскую церковь с. Шипуново Архиепископ пока не назначил и церковь в течение ноября и декабря не функционировала» (Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 323).

[1052] Гурий (Егоров, 1891–1965) – митрополит Симферопольский и Крымский (1961–1965).

[1053] ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 2. Д. 488. Л. 42–42 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 415–416.

[1054] Подобное имело место в станице Терновской Краснодарского края (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 76. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471).

[1055] Вот как решалась судьба одного из храмов в Ялте в 1960 году. Уполномоченный пишет: «В дальнейшем принять меры к тому, чтобы в эту церковь священника не допустить, так как эту маленькую неприглядную церковь, расположенную недалеко от дома-музея А.П. Чехова, куда в летнее время беспрерывно приезжают экскурсии со всех стран мира, показывать невыгодно. Эту точку зрения разделяют Ялтинский горсовет и работники Ялтинского отделения КГБ» (Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 381).

Граница между кадровыми полномочиями епископата и советских чиновников была очерчена циркулярным письмом Совета по делам РПЦ № 390/с от 22 апреля 1953 г. в адрес уполномоченных на местах. В нем напоминалось: «уполномоченный может отказать в регистрации, но не в продвижении по службе или перемещении внутри республики, края, области или награждения того или иного священника, *если он прописан органами милиции и на него нет каких-либо особых материалов, препятствующих регистрации*»[1056]. Однако на деле «особые материалы», по сути означающие компромат, и институт прописки становились важными инструментами влияния и контроля за кадровыми вопросами в РПЦ (об использовании компромата как квазиправового института в управлении церковью см. § 3.3). Остановимся подробнее на формальной, правовой практике – институте прописки, который в данном контексте не использовался по прямому назначению, а становился эффективным рычагом номинально административного, но, по сути, политического контроля.

Даже если епископ назначал священника, органы милиции (МВД) могли отказать ему в прописке в нужном населенном пункте. Мотивы могли быть формальными (например, «борьба с перенаселенностью» в Московской области или особый статус «пограничной» «всесоюзной здравницы» Крыма), но фактически это означало невозможность вступления в должность. Так, Лука (Войно-Ясенецкий) в 1948 году жаловался: «Непреодолимые затруднения встречаю я в крайне необходимом назначении второго священника в Севастопольский Покровский собор, ибо областная милиция отказывает в пропуске в Севастополь всем назначаемым мною священникам. Уполномоченный по делам Православной церкви обещал свое содействие в этом деле, но, в конце концов, заявил, что когда обратился в милицию по этому поводу, то получил короткий ответ: “Не ваше дело”»[1057].

[1056] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1011. Д. 22–23. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 695.

[1057] Из годового отчета о работе управления Крымской епархии за 1950 год. 9 февраля 1951 г. // ГААРК. Ф. Р-9647. Оп. 5. Д. 88. Л. 3–11. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 201.

Вопрос дефицита священников на полуострове оставался актуальным и в 1960 году: не хватало 10 священников. Уполномоченный же утверждал, что не в его силах решить эти вопросы и получил возражение:

«На это Лука сказал: «Вы можете помочь, если будете давать регистрации священникам не по выбору, а всем, которые приезжают к нам или просятся в Крымскую епархию». Я напомнил Луке, что вопросом прописки священников ведает милиция, и если она не прописывает назначенных Вами священников, вероятно, у нее к этому есть основания, и претензии прошу предъявлять не ко мне, а к ней. Однако, как бы между прочим, напомнил Луке, что Крымская область пограничная, а кроме этого, Всесоюзная здравница, и даже не только Всесоюзная»[1058].

Этот же механизм широко применялся для жесткого регулирования численности братии в монастырях, независимо от их объективных потребностей, от наличия финансовых возможностей и помещений.

В письме патриарха Алексия I Г.Г. Карпову от 8 августа 1958 г. приводится рапорт архиепископа Виленского Алексия (Дехтерева)[1059] о положении Свято-Духова монастыря в Вильнюсе. Архиепископ подчеркивает, что монастырь имеет «всероссийское значение» благодаря прославленной святыне (мощам), внешний облик обители приведен в порядок, улучшено питание братии, однако «главная беда» – ее малочисленность: всего 10 человек, из них действующих священников 6, многие из них часто болеют. Несмотря на наличие средств на содержание и достаточного жилого фонда, «приписать на жительство никого не можем», так что «с пропиской здесь очень трудно, и в этом вся наша боль», а уполномоченный «тоже помочь не может»[1060]. Кроме того из-за нехватки духовенства часть насельников вынуждена служить в других храмах Вильнюса. В монастыре очень

[1058] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 381–382.

[1059] Алексий (Дехтерев, 1889–1959) – архиепископ Виленский и Литовский (1955–1959).

[1060] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 8 августа 1958 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 262. Л. 44. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 227–229.

большая посещаемость, 5 тыс. и более причастников. «Нельзя ли нам получить лимит на 20 человек насельников?», – писал архиепископ[1061].

Сходные процессы наблюдались в Троице-Сергиевой лавре, где вопрос прописки также стал ключевым каналом регулирования численности братии. В рапорте наместника лавры архимандрита Пимена (Хмелевского) августа 1959 г. указывалось: в лавре проживало 79 человек братии (включая послушников), но «большое количество послушаний лежит тяжелым бременем на незначительной работоспособной части братии». По словам Пимена, областное управление милиции «в большинстве случаев отказывает в прописке из соображений борьбы с перенаселенностью Московской области», вследствие чего лавра не может довести численность братии хотя бы до 100 человек[1062]. Ситуация не изменилась и в последующие годы. В 1965 г. владыка ходатайствовал перед патриархом о прописке нескольких выпускников Московской духовной академии, недавно принявших постриг, приводятся данные о составе братии[1063].

Таким образом, институт прописки использовался как универсальный рычаг регулирования количества насельников монастырей. Даже почитаемые и богатые обители «всесоюзного» статуса не могли самостоятельно определить свою численность: каждая попытка увеличить количество насельников требовала прохождения длинной цепочки согласований. В результате государство осуществляло жесткий контроль за монастырями, не прибегая к их закрытию.

Анализ основных механизмов правоприменения в кадровой политике в изучаемый период показывает существенные расхождения между формальным правом и его реализацией на местах.

Во-первых, очевидно противоречие между каноническими правами епископата и фактическими действиями уполномоченных. Согласно советскому законодательству, назначение священнослужителей на вакантные места в пределах епархии являлось внутренним делом церкви и прерогативой правящего

[1061] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Л. 262. Л. 45–47.
[1062] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 15 августа 1959 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 262. Л. 90. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 277–279.
[1063] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 24–27.

архиерея. Отказ уполномоченного регистрировать священника, назначенного епископом, приравнивался к прямому вмешательству во внутренние дела церкви, на что указывал Патриарх Алексий I, но это нарушение являлось массовой практикой. Уполномоченные, местные советские и партийные власти и другие государственные ведомства присвоили себе это право, фактически назначая и снимая священников по своему усмотрению, хотя официальный функционал уполномоченного была иной – наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь советского законодательства о культах.

Во-вторых, налицо противостояние между формальным принципом равенства, отделения церкви от государства, свободы религиозной жизни и политической лояльностью священников и целесообразностью. Советское законодательство формально не содержало дискриминационных норм в отношении священников на основе их политического прошлого, если они были прописаны и не были скомпрометированы. По факту сама компрометация нередко имела политическую подоплеку, а наличие судимости, особенно по политической 58-й статье УК РСФСР, на практике закрывало доступ к регистрации.

В-третьих, борьба с нарушениями законодательства на деле превращалась в инструмент закрытия храмов и сокращения кадров. Наказание за нарушение законодательства о культах должно было быть точечным и применяться к конкретным нарушителям с целью пресечения злоупотреблений. При этом снятие с регистрации священников зачастую происходило с нарушением формальных процедур, с использованием института прописки, неправовых методов, сопровождалось игнорированием позиции верующих и епископа. Кадровая политика нередко использовалась как системный инструмент для сокращения числа приходов. Поскольку закрыть церковь без священника было легче, власти, по сути, «выдавливали» духовенство, чтобы затем обосновать необходимость прекращения деятельности религиозного объединения или закрытие храма. Мы видим примеры, когда церкви закрывались именно ввиду отсутствия священников, а не из-за «отхода людей от церкви».

Одним из важных инструментов непрямого, административного запрета и правового произвола становился институт прописки, который представляет собой инструмент учета населения. Однако в отношении религиозных деятелей отказ в прописке использовался как завуалированная форма запрета на службу. Это позволяло властям аргументировать свои действия не антирелигиозной политикой, а «объективными» административными проблемами (пограничный режим и т.д.), что делало их действия формально законными, но по сути – произвольными.

* * *

Итак, механизмы правоприменения в сфере регистрации религиозных объединений и кадровых назначений в данный период были направлены не на обеспечение законности, а на контроль над церковью. Законодательство о культах использовалось для достижения скрытых политических целей: сокращения числа священников и, как следствие, количества действующих храмов.

Кадровая политика – важнейший элемент процесса институциональной деградации РПЦ, явно наметившегося в 1970-е – начале 1980-х гг. Результатом его стало сокращение аппарата церкви и числа религиозных объединений, массовое закрытие церквей (см. § 3.1). Согласно данным Совета по делам религий, в период с 1961 по 1974 гг. количество священников и диаконов сократилось на 2 473 чел., т.е. почти на 30%[1064]. На 1 января 1975 г. было зарегистрировано 7 062 церкви, а священников только 5 994. Часть священников обслуживала по два и даже по три храма одновременно[1065].

Другим следствием подобного администрирования становилось появление «неформальных» требований для кандидатов на рукоположение. Искусственная селекция лоялистов и следование установленным негласным (неформальным) правилам привела к существенным изменениям в составе духовенства. Все это, в

[1064] Вестник Русского христианского движения. С. 297–298.
[1065] Вестник Русского христианского движения. С. 297–298.

свою очередь, упрощало и ускоряло процесс формирования «двойной идентичности» советских верующих[1066].

Передача имущества

Открытие церквей в 1940-х гг., кроме прочих внешнеполитических и внутриполитических задач, становилось новой тактикой государства по противодействию церковному подполью вместо возврата к репрессивной модели.

Порядок открытия церквей, утвержденный Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей», институционализировал многоступенчатую и сложную систему принятия решений. Формально сохраняя отсылку к прежним законодательным актам 1929–1932 гг., новая практика фактически перераспределила ключевые полномочия в пользу Совета и союзного правительства, превратив местные органы в исполнителей, а епископов – во встроенный в систему фильтр ходатайств верующих.

На приеме правительством 4 сентября 1943 г. митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) предложил, чтобы правящим епископам было предоставлено право участвовать в предварительном рассмотрении заявлений верующих об открытии церквей. В этом случае епископы обращались бы в советские органы только в тех случаях, когда, по их мнению, ходатайство верующих следует удовлетворить, и, напротив, обладали бы правом отклонять обращения верующих, если считали открытие церкви нецелесообразным. Карпов подчеркивал, что «правительство в принципе одобрило это предложение», что фактически превратило епископский уровень в первый фильтр[1067].

В Постановлении СНК СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г. отдельно оговаривалась необходимость работы с епископами на местах. В областях, краях и республиках, где имелись управляющие епархиями епископы,

---

[1066] *Зудов Ю.В*. Роль неформальных государственно-церковных коммуникаций в выстраивании советской религиозной политики и их влияние на правоприменение (1940–1950-е годы) // Образование. Наука. Научные кадры. 2026. № 1. С. 40–45.

[1067] Докладная записка председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпова В.М. Молотову о порядке открытия церквей. 9 ноября 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 499. Л. 12–14.

уполномоченные Совета обязаны были выяснить, «поддерживают ли они ходатайства верующих или считают возможным отклонить эти ходатайства». В случае отрицательной позиции епископа заявления передавались ему для отклонения и непосредственного извещения заявителей; если же заявления поступали сразу епископу, он должен был передавать уполномоченному только те, которые поддерживал, сообщая свое мнение[1068].

Анализ источников демонстрирует наличие специфики правоприменения в отношении двух групп культового имущества, которые в законодательных новеллах не находили своего отражения, но существовали на практике. Первую категорию мы условно назовем «представительскими объектами», вторую составляли все остальные культовые сооружения.

«Представительские объекты» представляли собой символически, исторически значимые, известные за пределами СССР культовые объекты, которые использовались для демонстрации религиозных свобод и доказательства отсутствия притеснений церкви со стороны государства. Субъекты, на которых была направлена такая реституция, – зарубежные православные и политические лидеры, иностранные туристы, которые массово появились в СССР с конца 1950-х гг. и путешествовали по Золотому кольцу, курортным зонам. Судя по документам, у них был эксклюзивный правовой статус, они получали своего рода «охранную грамоту» от государства, которое в обмен на это устанавливало полный контроль над их деятельностью.

В количественном отношении их число заметно уступало храмам второй категории – тем, которые не выполняли представительско-туристических функций, но имели символическое значение.

Среди сооружений «представительского» типа выделяются Троице-Сергиева лавра, Донской и Новодевичий монастыри в Москве и ряд других. Как следует из документов, особую заботу патриархия проявляла о размещении богословского института и пастырско-богословских курсов (изначально в Москве в помещениях Новодевичьего монастыря, затем – в Сергиевом Посаде), об

[1068] Там же.

обустройстве Троице-Сергиевой лавры, Донского монастыря, здания в Чистом переулке, д. 5 (для размещения самой патриархии).

Их открытие сопровождалось «особыми» обращениями патриарха к руководству Совета. Вот так, к примеру, Алексий I писал Карпову о необходимости передачи РПЦ Троице-Сергиевой лавры 15 августа 1945 г.:

«В целях укрепления положения РПЦ как в отношении духовном, так и внешнем, материальном представляется желательным возвращение в ее ведение Троице-Сергиевской лавры… Подвиги Лавры создали ей ореол кроме духовной еще и патриотической славы, и, таким образом, Лавра явилась памятником не только духовным, но и гражданско-патриотическим... иностранные гости… интересуются этим памятником истории… Если бы Правительство нашло возможным удовлетворить мою просьбу и зажглась бы лампада у раки Преподобного Сергия, то это одно обстоятельство могло бы свидетельствовать перед всем миром, интересующимся церковной жизнью в нашем Союзе, о положении в ней Православной церкви. А с другой стороны, все верующие люди оценили бы этот акт как самое яркое выражение того отношения к Церкви, какое имеет наше Советское правительство… (все это) дало бы дорогую для Церкви возможность деятельно и материально принять участие в восстановлении Лаврских святынь и памятников, так как средства на это потекли бы со всего Союза»[1069].

Решение о передаче было согласовано с Совнаркомом и уже 4 сентября было принято положительное решение, о котором было объявлено на заседании Синода[1070].

В дальнейшем патриарх неоднократно обращался в Совет письмами, касающимися передачи новых объектов на территории Троице-Сергиевой лавры. СНК в лице Совета поддерживал большинство ходатайств РПЦ о передаче

[1069] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 114. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 68–69.

[1070] Письмо патриарха Алексия в Совет от 15 августа 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 114. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 68–69.

дополнительных помещений. Патриархия на этом не останавливалась: вслед за помещениями пошли запросы на оснащение мебелью, иконостасом и пр.

9 февраля 1948 г., также «в связи с намеченным Совещанием предстоятелей автокефальных православных церквей» патриарх просил открыть несколько храмов в Донском монастыре, собор в Новодевичьем и 3 храма и 5 часовен по дороге к Троице-Сергиевой лавре[1071]. Уже после удовлетворения просьбы по Донскому монастырю Алексий писал, что в «этот замечательный храм-памятник» необходим иконостас XVI в. и просил Совет «оказать содействие в получении стильного иконостаса из числа имеющихся у Комиссии по охране памятников»[1072].

Тогда же патриарх напоминал Карпову, что «решением правительства» РПЦ постепенно передаются помещения лавры, причем «всякий посетитель может свидетельствовать, что переданные объекты в короткие сроки ремонтируются и приобретают надлежащий вид… Однако на этом же участке находятся здания, имеющие и снаружи, и внутри крайне запущенный вид». Ввиду предстоящего совещания глав православных церквей патриарх просит Совет передать еще две церкви и два помещения, а в уже переданные Митрополичьи покои вернуть старинную мебель и все предметы, «так как современная мебель никак не гармонировала бы со старинным видом покоев»[1073].

Принятые правительством решения об использовании церковью исторических монастырских комплексов почти сразу наталкивались на сопротивление текущих пользователей имущества – прежде всего музеев, объектов культуры. Патриархия реагировала достаточно жестко. В письме патриарха Алексия I Карпову от 21 февраля 1946 г. по поводу Успенской трапезной церкви Новодевичьего монастыря, предназначенной для размещения

[1071] Письмо патриарха Алексия в Совет от 9 февраля 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 294. Л. 18. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 335–336.

[1072] Письмо патриарха Алексия в Совет от 5 мая 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 294. Л. 149. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 372. Эта просьба патриарха, впрочем, была отклонена.

[1073] Письмо патриарха Алексия в Совет от 4 мая 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 217–218. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 370–371.

Богословского института, глава РПЦ обвиняет Государственный исторический музей в противодействии и просит дать администрации «соответствующее разъяснение»[1074].

В чем заключалась суть спора? Со стороны Государственного исторического музея последовало предложение заключить договор аренды на здание Успенской трапезной церкви. Патриархия, ссылаясь на «практику передачи храмов и церковного имущества в безвозмездное пользование верующих», опиралась на решение Совнаркома СССР от 5 июля 1945 г., считая, что оно распространяется и на Богословский институт как церковное, некоммерческое учреждение. В аргументации подчеркивается, что институт «отнюдь не доходный и не коммерческий» и что речь идет о здании, которое «столетиями принадлежало Русской православной церкви»[1075]. Тем самым патриархия добивалась признания не только культовых, но и образовательных зданий частью того имущественного комплекса, который подлежит безвозмездной передаче в ее пользование.

В результате вопрос был решен в пользу патриархии (кроме одного корпуса, который был предоставлен на праве аренды)[1076].

Возникали сложности при передаче и реставрации новых объектов на территории Троице-Сергиевой лавры. Патриарх писал, что в процессе осуществления реставрации «встречает неожиданные препятствия со стороны работников «музея-заповедника», каким является вся территория лавры»[1077].

Наконец, даже в случаях, когда культовое здание было передано патриархии в безвозмездное пользование, вопрос о правовом оформлении и льготном режиме возникал вновь. В письме от 26 марта 1948 г. патриарх сообщил, что Кропоткинское жилищное управление предложило РПЦ заключить договор

[1074] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 21 февраля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 64–64 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 127–129.
[1075] Там же.
[1076] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 64–64 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 127–129.
[1077] Письмо патриарха Алексия в Совет от 2 июля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 205–208. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 166–169.

аренды на дом в Чистом переулке или представить документы, освобождающие от оплаты; Алексий ссылался на передачу этого дома в 1943 г. безвозмездно и просил выдать документ, подтверждающий право пользования[1078]. При этом аналогичное ходатайство Ленинградской духовной академии (ЛДА) об освобождении от арендной платы было отклонено: Совет мотивировал отказ тем, что здание ЛДА «не предназначено специально для богослужебных целей» и, следовательно, не подпадает под определение имущества, которое по декрету от 23 января 1918 г. должно передаваться в бесплатное пользование[1079]. Эти эпизоды показывают, что даже после формальной передачи зданий патриархии правовой режим их использования оставался предметом постоянного торга между церковью и государственными структурами, а решения, принятые в пользу церкви, сопровождались попытками музеев и местных властей восстановить или расширить контроль.

Несколько слов скажем о стратегиях аргументации, которыми оперировали иерархи для обоснования необходимости передачи церкви подобных культовых сооружений. Основные аргументы могут быть сведены к трем позициям: 1) историческая принадлежность зданий церкви, их значение как памятников архитектуры и национальной истории; 2) важность для международного имиджа СССР; 3) готовность патриархии взять на себя реальные расходы по ремонту и содержанию. Они в том или ином сочетании фигурируют в большинстве писем патриарха в Совет. Важно отметить, что опыт передачи Троице-Сергиевой лавры интерпретировался как «красноречивое свидетельство благожелательного отношения Верховной власти к Церкви», становился моделью взаимодействия, к которой апеллировал патриарх в разных спорных ситуациях.

Обращает на себя внимание постоянное использование внешнеполитического фактора – свидетельства перед всем миром, интересующимся церковной жизнью в СССР, о положении в нем православной

[1078] Письмо патриарха Алексия в Совет от 26 марта 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 128. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 352–353.

[1079] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 2 июля 1948 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 40. Л. 300–301. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 383–384.

церкви, обоснований в духе «что скажут иностранные гости». Например, необходимость передачи Митрополичьих покоев лавры обосновывалась и нуждами для отдыха патриарха, и визитами высокопоставленных международных делегаций[1080]. В проекте письма Алексия I Н.С. Хрущеву значилось: «Нашему патриотическому чувству больно, что шведская (а может быть, и в других странах) пресса печатает недружелюбные для нашей страны статьи об антирелигиозных перегибах»[1081].

Визиты иностранцев в тот и иной храм могли способствовать его сохранению. Так, в начале 1960-х гг. крымчане-прихожане г. Алушты пытались обжаловать закрытие храма в том числе таким аргументом: город посещают иностранные студенты, обучающиеся в СССР, закрытие храма могут истолковать как отсутствие свободы вероисповедания в нашей стране[1082].

Апелляция к международному резонансу могла работать и в обратную сторону, если выставляла лакированную советскую действительность в плохом свете. Участь «маленькой и неприглядной» (по словам уполномоченного, сотрудников горсовета и Ялтинского отделения КГБ) церкви в Ялте недалеко от дома-музея А.П. Чехова была решена тем, что ее «невыгодно показывать» приезжающим в музей туристам-иностранцам[1083].

Следующий аргумент опирался на финансовый фундамент: церковь готова разделить с государством расходы по сохранению объектов культурного наследия[1084]. Алексий I указывал на РПЦ как на потенциального надежного балансодержателя Троице-Сергиевой лавры[1085]. Патриархом предлагалась модель

[1080] Письмо патриарха Алексия в Совет от 2 июля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 205–208. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 166–169.

[1081] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264.

[1082] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 74–74 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 380–385.

[1083] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 381.

[1084] ГАРФ Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 205–208. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 166–169.

[1085] Письмо патриарха Алексия в Совет от 15 августа 1945 г. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 68–69.

совместного управления: формальный контроль за реставрацией сохраняется за государственными органами, а церковь выступает как ответственный пользователь имущества, больше других заинтересованный в сохранении памятника истории и культуры СССР.

В 1960-е гг. Совет поддерживал инициативы патриарха Пимена о реставрационных работах за счет средств Лавры[1086], который отмечал, что по окончании реставрации РПЦ согласна использовать их для общественных нужд – продажи сувениров, загорской игрушки и др. «В то же время патриархия изъявила готовность иметь в дальнейшем постоянное попечение в смысле сохранности указанных памятников»[1087].

Итак, очевидно, что в вопросе о передаче РПЦ «представительских объектов» сложилась специфическая правоприменительная практика, когда отсылки к формальным нормам имели второстепенное значение, а на первый план выходили соображения материального и/или сугубо политического порядка.

Следует особо отметить еще одну специфическую черту реализации советского законодательства о религиозных культах в вопросе о передаче храмов верующим. Если на уровне церковного «центра» политика Советского государства в первые годы носила в достаточной степени благожелательный характер, в целом по стране она была гораздо более жесткой. При соблюдении всех требуемых условий итоговое решение определялось не столько формальными критериями, сколько оценкой «целесообразности» поддержания или расширения религиозной инфраструктуры в конкретном регионе. Даже при наличии множества ходатайств верующих и поддержке со стороны епархиального архиерея решение об открытии новых храмов или молитвенных домов далеко не всегда принималось в пользу ходатаев.

Приведем лишь один пример. Патриарх Алексий I 29 марта 1958 г. направил в Совет обращение митрополита Ленинградского и Ладожского

[1086] Речь шла о двух церквях XVI в. (Пятницкая и Введенская) и двух часовнях.

[1087] ГАРФ. Р-6991. Оп. 6. Д. 79. Л. 9–10. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 548–549.

Елевферия (Воронцова)[1088], который описывал «главную нужду» епархии – «недостаточное количество действующих православных храмов и полное их отсутствие на территории к северу от столицы Карельской АССР г. Петрозаводска к государственной границе с Финляндской Республикой». Митрополит обосновал необходимость открытия храмов или строительства молитвенных домов в ряде населенных пунктов многочисленными ходатайствами верующих (более чем 1000 подписей в каждом)[1089]. Однако в просьбе было отказано, так как, по утверждению местных властей, «население после закрытия храмов в 1928–33 гг. никогда не обращалось», инициаторами современных ходатайств выступают «отдельные лица, приехавшие в послевоенный период по переселению». Исходя из «имеющейся церковной обстановки», руководящие органы республики «не считают возможным открытие церквей в указанных населенных пунктах»[1090]. За этой формулировкой скрывался в том числе учет особого приграничного статуса этого региона.

Этот пример показывает, как применение установленной процедуры 1943 г. зависело от политических, идеологических приоритетов. При соблюдении всех требуемых условий итоговое решение определялось не столько формальными критериями, сколько оценкой «целесообразности» поддержания или расширения религиозной инфраструктуры в конкретном регионе, прилегавшем к государственной границе.

Практика правоприменения в вопросах открытия и закрытия иных религиозных объектов

Необходимо констатировать: в СССР существовала формальная правовая база (постановления СНК СССР 1929 и 1943 гг., инструкции), которая декларировала порядок открытия, регистрации и закрытия храмов. Однако, как показывает анализ практики правоприменения, данный механизм с самого начала

[1088] Елевферий (Воронцов) – митрополит Ленинградский и Ладожский (1955–1959).

[1089] Письмо патриарха Алексия в Совет от 29 марта 1958 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 230. Л. 362. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 209–210.

[1090] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 230. Л. 363–365. Там же.

был задуман как инструмент жесткого контроля, а не как средство защиты прав верующих.

В общем случае согласно законодательству молитвенное помещение предоставлялось местными властями в безвозмездное пользование религиозному обществу при его регистрации. Для этих целей заключался договор с членами общины.

Основным инструментом-проводником государственной политики в этой сфере должен был стать Совет по делам РПЦ (религий). Формально правовой режим в сфере религиозных объединений определялся постановлением 1929 г., изменениями к нему 1932 г. и Инструкцией «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» 1931 г., которые предоставляли право решений о регистрации религиозных обществ и групп исполкомам районных, городских, областных и краевых Советов. Однако Карпов в начале работы Совета фиксировал, что «исполкомы воздерживаются от таких решений и направляют заявления об открытии церквей в Верховный Совет РСФСР и СССР (а в данное время в Совет по делам церкви при СНК СССР) или запрашивают разъяснений (особенно сейчас) о порядке их рассмотрения». Таким образом, фактически уже к осени 1943 г. инициатива по рассмотрению религиозных ходатайств de facto перемещается на союзный уровень, а прежняя модель децентрализованного принятия решений оказалась нерабочей.

Совет, в свою очередь, стремился централизовать процесс принятия решений, сделав так, чтобы местные власти действовали только с санкции уполномоченного. В регионы не раз приходили циркулярные письма из союзного Совета о том, что вопросы передачи общинам верующих культового и другого имущества, предназначенного церкви, райгорисполкомы решать не могут, если нет официального распоряжения уполномоченного по делам Русской православной церкви по области[1091]. Однако, как мы покажем далее, республиканские, краевые и областные советские, партийные органы нередко проявляли инициативу, брали на себя решение подобных вопросов, но в ряде

[1091] ГАПО. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 82. Л. 32.

случаев получали негативную отповедь из Москвы и были вынуждены пересматривать принятые решения.

Отметим: управленческая вертикаль, ориентированная на центр (и Патриархия, и Совет), воспринималась религиозными акторами как истина в последней инстанции, но могла использоваться ими в своих интересах. Например, в 1960 г. возник очередной конфликт в отношениях крымского уполномоченного и архиепископа Луки, который отказывался освободить Ильинскую церковь в г. Евпатории[1092]. Архиепископ ссылался на то, что ждет указаний из Патриархии и комиссию из Совета, которая бы проверила законность такого решения. «На это я [уполномоченный] Луке ответил, что жаловаться он может во все инстанции, но с решением Крымского облисполкома не считаться нельзя, оно ведь небезосновательно. Лука в заключение сказал, что он пошлет в Совет телеграмму и, если Совет распорядится освободить церковь, он немедленно это сделает»[1093].

Вторая важная черта этого механизма – весьма произвольная трактовка уполномоченными и местными органами власти норм, служивших основанием для закрытия/открытия храмов. Инструктивное письмо Совета в 1944 г. среди возможных мотивов отклонения ходатайств верующих об открытии церквей перечисляло следующие: отсутствие здания для богослужебных собраний; невозможность освобождения здания бывшей церкви, используемого для других целей или его непригодность; отсутствие 20 человек верующих в районе или городе, фальсификация сбора подписей под ходатайством[1094]. Иными словам, уполномоченный мог отклонить ходатайство, если запрошенное здание утратило

[1092] Она, в соответствии с Постановлением Облисполкома от 8 февраля 1960 года, как аварийная подлежала разбору.

[1093] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 386.

[1094] ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 4. Л. 15–15 об. Цит. по: *Федотова И.Ю.* Государственная политика по закрытию и открытию церквей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Официальный сайт Пермского государственного архива социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/gosudarstvennaya-politika-po-zakrytiyu-i-otkrytiyu-tserkvej-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html (дата обращения: 05.07.2025).

церковный вид, использовалось под культурные, образовательные или производственные цели.

Однако документы показывают, что фактические основания отказов были чрезвычайно разнообразными и выходили за рамки оснований, описанных в законодательстве. Верующим могли отказать из-за неправильно поданного ходатайства, указаний на то, что отдельные верующие его не подписывали, что несколько приходов объединились, приход снят с регистрации, здание подлежит сносу из-за ветхости и пр. Поводом для отклонения также становилось обнаружение в списке «двадцатки» заштатных священников или бывших церковнослужителей (членов исполнительных органов), поскольку давало возможность подозревать последних в наличии «корыстных целей»[1095].

Не стоит забывать, что важным объективным фактором, сильно осложнявшим религиозную деятельность, являлся материальный[1096]. Отнюдь не случайно в контрольно-надзорном арсенале государственных органов часто фигурировали методы налоговых проверок, секвестров пенсий для священнослужителей и пр. Как мы покажем далее, имели место практики отказа в аренде/покупке зданий, в получении страховки через единственную государственную структуру Госстраха, прямые запреты на ремонт храмов. Все это делало существование религиозного объединения и передачу храма невозможным без прямого официального запрета.

[1095] Докладная записка Г.Г. Карпова заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову. 5 октября 1944 г. // *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны : государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Российское объединение исследователей религии, 1995. С. 387.

[1096] Крымский архиепископ Лука напрямую называл «обнищание народа» «основной причиной разрухи церковной жизни... А вы думаете, только в нашей церковной жизни получается такая разруха? Эта разруха везде и всюду» (Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР. 3 февраля 1948 г. // Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 1. Л. 51–54. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 107–108). Другой показательный пример – история священника в Новосибирской области, который был допущен к испытаниям для поступления в духовную семинарию, но из-за материальной необеспеченности на испытания не поехал (ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 32. Л. 114–126. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 482).

Другими аргументами, которые использовались в практике работы Совета и местных государственных органов в отношении храмов и имели слабое отношение к законодательным нормам, становились «ветхость» храмов, их «недействующий статус». В результате подобные храмы снимались с государственного учета и выпадали из легального поля, поля зрения обоих институтов. Нередко к этим аргументам в пользу закрытия (или не открытия) церкви присовокуплялись квазисоциологические критерии в духе «отхода народа от религии», «упадка религиозных настроений». Об этом подробно говорит руководитель Совета по делам РПЦ Карпов.

10 декабря 1959 г. патриарх Алексий и митрополит Николай (Ярушевич) были приняты в Совете Г.Г. Карповым и его заместителем П.Г. Чередняком. Глава Совета «…разъяснил патриарху несостоятельность их тезиса о том, что закрытие недействующих храмов является доказательством нового курса государства по отношению к церкви. Тов. Карпов сказал, что закрываются, во-первых, церкви недействующие год и больше, во-вторых, церкви, приходящие в упадок. Мы не можем согласиться с тем, чтобы не закрывать недействующие церкви и не использовать их под культурные и иные цели. Искусственно поддерживать приходящие в упадок храмы не следует, а такие храмы сейчас есть, будут и впредь, ибо государство проводит огромную работу по атеистическому и коммунистическому воспитанию народа. Вследствие этого верующие граждане отходили и будут отходить от церкви и, следовательно, будут налицо такие храмы, которые постепенно будут приходить в упадок. Тов. Карпов сказал, что снятие с учета недействующих храмов проводится и будет проводиться лишь с согласия правящих архиереев; при этом снятием с учета недействующих церквей Совет не преследует никакой специальной кампании.

…Тов. Куроедов разъяснил патриарху, что решения о закрытии церквей принимаются тогда, когда верующие отходят от церкви, община распадается и не в состоянии содержать храма, однако и в этих случаях находятся отдельные лица,

которые чаще всего в корыстных целях направляют жалобы в различные учреждения, в том числе и в патриархию»[1097].

Как утверждалось в документе, «Патриарх Алексий был удовлетворен этим разъяснением»[1098].

Третья характерная черта – использование, как и в кадровых вопросах, ресурса местного архиерея, который нередко вынужденно становился со-участником процесса закрытия церкви. «От архиерея, «сориентированного» соответствующим образом, уполномоченным Совета по делам религий, приходил указ местному священнику сдать все церковное имущество представителю горсовета, а самому переходить на новое место служения (по указанию епископа). Там, где сопротивление народа закрытию храма было особенно яростным, архиерей лично являлся в храм, забирал антиминс, и богослужение автоматически прекращалось. Подобный случай имел место, в частности, около Днепропетровска, когда архиепископ Иосаф, придя в женский монастырь во время проскомидии и войдя в алтарь, положил Агнца в карман рясы и объявил, что литургии не будет»[1099]. Таким образом, архиерей в этом и подобных случаях выступал как проводник воли Совета, юридически оформляя закрытие своим указом, что делало процедуру «каноничной», но недобровольной.

Зафиксируем и другие очевидные расхождения между законодательством и практикой в вопросе о закрытии/открытии храмов. Документы подтверждают факты нарушения законодательства обеими сторонами, но с разной степенью безнаказанности. Прежде всего отметим многочисленные нарушения местных властей и уполномоченных, которые и центральным Советом, и церковными акторами, и даже советской прессой квалифицировались как «произвол» и «нарушения советского законодательства о культах».

[1097] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 125, 127–133. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 290–295.
[1098] Там же.
[1099] *Краснов-Левитин А.Э.* Воспоминания. Часть 3 : В поисках Нового Града. Тель-Авив : Круг, 1980. С. 175.

Местные власти вместе с уполномоченным (а иногда в обход него) часто произвольно интерпретировали законодательные нормы, подменяли инструкции Совета своими убеждениями, интересами, «неписаными» правилами и практиками (запугивание, моральное давление и пр. – см. § 3.3). Приведем несколько фактов, когда они действовали в обход законов.

Верующие неоднократно, начиная с 1944 г., ходатайствовали об открытии церкви в г. Куйбышеве (Новосибирская область), были готовы взять на себя ее ремонт, но просьбы не удовлетворялись. Здание было закрыто в 1940 г. под предлогом передачи его под культурно-просветительские нужды, однако этого сделано не было. Уполномоченный советует облисполкому: «Чтобы предотвратить поступление новых заявлений верующих об открытии церкви в этом здании необходимо в ближайшее время переоборудовать его и использовать действительно под культурно-просветительные цели»[1100]. Похожая история приключилась много позже с помещением, которое в 1961 г. было «передано», изъято у ленинградского митрополита Никодима (Ротова) «без ведома как Патриархии, так и Совета по делам РПЦ» и пустовало[1101].

В 1957 г. крымский архиепископ Лука писал: «...возмущен безнаказанным самоуправством директора машинно-тракторной станции, находящейся в селе церкви с. Войково. Он занял своими служащими квартиру священника и крестильную, принадлежащую церкви с. Войково по типовому договору и находившуюся в церковной ограде, которую директор МТС переделал таким образом, что домик священника оказался вне ограды. Ввиду безрезультатности моих протестов уполномоченному СПЦ, я дважды вынужден был жаловаться Председателю СПЦ Карпову Г.Г. с копией Святейшему Патриарху, но и это нисколько не помогло... К сожалению, я убедился, что крайне трудно будет

[1100] Справка исполняющего обязанности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Новосибирском облисполкоме Н. Мосолова об истории церкви в г. Куйбышеве // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 45. Л. 13–14. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 515.

[1101] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 26. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 331–333.

сохранить ценную по архитектуре церковь с. Войково, которую директор МТС похваляется также отобрать и превратить в клуб»[1102].

В 1964 г. в станице Терновской Краснодарского края верующие возмущались: «под предлогом аварийности хотят закрыть наш храм, что видно из того, что мы все расходы по ремонту берем на себя, а райисполком не дает разрешения приступить к ремонту»[1103]. В 1965 г. верующие г. Кисловодска в писали в Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, Совет по делам РПЦ, патриарху Алексию письмо с просьбой не закрывать Пантелеимоновскую церковь. Ее закрывали «под предлогом реконструкции города, но никакой реконструкции нет»[1104]. Подобные случаи можно продолжить.

На незаконность закрытия храмов в отдельных регионах указывал даже журнал «Наука и религия»[1105]. Описывая конфликтную ситуацию в г. Давлеканово Башкирской АССР, авторы статьи усмотрели в ней действие «неписаных законов» и настаивали, что «грубое администрирование, ущемление законных прав верующих и оскорбление их чувства вредит нашей антирелигиозной пропаганде». Редакция делает примечательный вывод: «Необходимо повсеместно строго соблюдать законы нашего государства в области религиозных культов, ибо у нас нет и быть не может каких-то «неписаных законов», кроме законов обнародованных»[1106].

Перечисленные факты в вопросах о передаче местных церквей были не «особым мнением» отдельных местных чиновников, а постоянной практикой, направленной на выдавливание церкви из общественной жизни. Основные юридические нарушения заключались в следующих моментах: 1) власти требовали разрешения там, где, согласно законам, достаточно было простого уведомления; 2) сельские советы нередко брали на себя функции, которые закон

[1102] Из годового отчета о работе Управления Крымской епархии за 1957 год. Февраль 1958 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 4. Д. 12. Л. 74–77. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 325–326.

[1103] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 76. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471.

[1104] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 35–36 об.

[1105] Статья Ю. Александрова и А. Шамаро «Заторы на нашей дороге» в № 9 за 1963 г.

[1106] Наука и религия. 1963. № 9. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 482–483.

возлагал на областные или краевые исполкомы; 3) для получения нужного государству результата использовались различные методы давления, запугивания, которые имели признаки незаконных действий.

Показательно, что союзный Совет в ряде случаев осаживал местную бюрократию, отклоняя отдельные предложения о закрытии церквей, если они «не обоснованы» и община была активной. Это доказывает, что нормальный, законодательно обоснованный, бюрократический процесс существовал, но местные власти систематически его нарушали, за что получали лишь замечания без значимых аппаратных последствий.

Так, в 1946 г. Совета дал указание председателю райисполкома не препятствовать общине в покупке или аренде дома для верующих в г. Болотное (Новосибирская область). Прежние попытки приходской общины «арендовать или купить дом не увенчалась успехом, частично из-за противодействия со стороны председателя Болотнинского горисполкома, который запретил покупать дома в городе и не разрешил артели «Металлес» продать или сдать в аренду свой дом на площади, т.к. этот дом предназначен под магазин»[1107].

Был пересмотрен отказ уполномоченного районного отделения Госстраха застраховать церковное здание в Новосибирской области. Жалоба направлена была в Облуправление Госстраха и по распоряжению местного уполномоченного здание застраховано[1108].

В 1963 г. на заседании Совета по делам РПЦ (протокол № 3) было пересмотрено решение Совета Министров Литовской ССР о снятии с регистрации религиозного общества Николаевской церкви в г. Вильнюсе и использовании здания церкви под антирелигиозный музей. Было принято следующее

[1107] Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области «О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 апреля по 1 июля 1946 г.» // ГАНО. Ф.Р. 1418. Оп. 1. Д. 19. Л. 14–18 об. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 335.

[1108] «Отчет о работе Уполномоченного Совета и о положении и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области за 1950 год» // ГАНО. Ф. Р.-1418. Оп. 1. Д. 40. Л. 34–62. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 494.

постановление: «Предложение Совета Министров Литовской ССР и уполномоченного Совета по Литовской ССР о снятии с регистрации общества Николаевской церкви в г. Вильнюсе при данных обстоятельствах не может быть поддержано, поскольку оно не обосновано и законных оснований для закрытия церкви не имеется. Указанное религиозное общество активное[1109], и церковь поддерживается большим числом верующих»[1110].

Что в этой ситуации могли сделать верующие? Инструментами противодействия в правовом поле были жалобы и обращения, в нелегальном – протесты.

Предварительно отметим, что у верующих, впрочем, как и у епископата, в советских правовых реалиях было совсем немного законных методов для оспаривания тех или иных решений государственных институтов. Среди них выделяется устойчивая практика, своеобразный институт, написания жалоб верующими, которые нередко делали веерную рассылку (по разным ведомствам в надежде, что кто-то откликнется), и, находясь в «парадоксе социалистической коммуникации», нередко понимали безрезультатность своих усилий[1111], но настойчиво продолжали писать[1112].

[1109] Согласно докладу уполномоченного церковь ежедневно в обычные дни посещало от 50 до 100 человек, а в большие праздники – 800.

[1110] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 482. Л. 88. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 403–404.

[1111] *Белякова Н.А*. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 647.

[1112] Упорство некоторых верующих поражает воображение. Например, впервые заявления об открытии церкви в г. Куйбышеве Новосибирской области были поданы в 1944 году, но здание было занято складом воинской части, поэтому ходатайство отклонили. Впоследствии заявления об открытии церкви подавались 10 раз (в марте и мае 1946 года, в апреле 1948 года, в сентябре 1948 года, в феврале 1949 года, в августе 1951 года, в 1953 году – 4 заявления). Кроме того, представители верующих трижды приезжали в исполком областного Совета, однако чиновники не уступали (Справка исполняющего обязанности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Новосибирском облисполкоме Н. Мосолова об истории церкви в г. Куйбышеве // ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 45. Л. 13–14. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 515).

«Верующие с. Пересыпкино (Тамбовская область) более 30 раз направляли в местные и центральные органы просьбу о возвращении зарегистрированному православному обществу церковного здания, закрытого под предлогом сноса как аварийного, хотя этот храм, построенный в 1895 г., является архитектурно-художественной ценностью и сносу не подлежит» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1548. Л. 41–42). Совет по делам религий в

Нужно отметить, что жалобы могли повлиять на ситуацию, но это происходило весьма выборочно. Трудно понять, почему в одном случае они могли «сыграть» в пользу ходатаев, а в другом – нет. Произвольность правоприменения сказывалась и в этом. Точно можно сказать одно: они должны были быть подкреплены иными аргументами: активностью общины, наличием у нее средств, поддержкой епископа, патриархии и пр.

Характерной для подобных жалоб практикой является отсылка к сталинской Конституции и к фигуре самого вождя народов[1113], к советскому законодательству о культах. Однако власти либо их игнорировали, либо трактовали тенденциозно (как результат корыстных действий, манипуляции «церковников», «темных личностей» и пр.).

Самокритично оценивая причину массовости жалоб верующих, Совет по делам религий в рассылке от 31 октября 1979 г. «О состоянии работы с письмами, заявлениями и жалобами граждан» утверждал: «Ряд уполномоченных Совета и многие должностные лица местных органов власти по-прежнему проявляют формальное отношение к заявлениям верующих о регистрации религиозных объединений, о возобновлении деятельности незаконно закрытых церквей. Порой

Постановлении 31 октября 1979 г. № 3790 «О состоянии работы с письмами, заявлениями и жалобами граждан» фиксировал поток повторных жалоб из Рязанской, Тамбовской, Липецкой, Волынской, Хмельницкой, Ивано-Франковской и ряда других областей (Там же).

[1113] Показательный случай из Новосибирской области. В 1944 году верующие Белобородовского сельсовета Томского района в своем заявлении уполномоченному писали: «…в силу Сталинской Конституции храмы везде открываются свободно, мы видим, что у нас идет зажим и не только в Томском, но и соседних районах: Шегарском, Кожевниковском и т.д. …Мы такие же люди Соввласти, как и в г. Новосибирске и всей России, где верующие молятся свободно и храмы существуют. *Мы смело и открыто заявляем, что в случае отказа, мы через своего святейшего патриарха принесем жалобу Сталину. Народ, получивший свободу религии, волнуется*». (Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Новосибирской области «О состоянии и деятельности Русской православной церкви в г. Новосибирске и Новосибирской области за время с 1 июля по 1 октября 1944 г.» (ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–17. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 298).

Еще один пример из Кисловодска. «16 октября 1965 г. Кисловодским горисполкомом дано распоряжение в пятидневный срок вывезти из здания Пантелеимоновской церкви находящееся там имущество под угрозой о невыполнении данного распоряжения: закроют храм, повесят замок, запечатают, снимут с регистрации. *Существует закон – положение о церкви. Кто дает право нарушать его местными властями против воли и желания верующих, почему так бездушно, жестоко обращаются с верующими, не считаются с нами*?» (ГАРФ. Р-6991. Оп. 2 . Д. 530. Л. 34 // Письма Алексия I в Совет… Т. 2. С. 532–538).

их просьбы просто игнорируются, заявления или жалобы либо совсем не рассматриваются, либо неправомерно отклоняются»[1114].

Анализ совокупности подобных системных практик, которые становились известны высшим церковным иерархам из многочисленных жалоб епископов и верующих, приводили руководство РПЦ к неутешительным выводам. Во время беседы с Карповым 24 ноября 1959 г. митрополит Николай (Ярушевич) сказал, что по характеру выступлений в печати, по административным действиям на местах и по действиям уполномоченных Совета в республиках и областях можно увидеть, как «идет физическое уничтожение церкви», и «сейчас все это поставлено шире и глубже, чем даже в 20-х годах»[1115].

Патриарх и его окружение стремились повлиять на ситуацию, задействуя формальные инструменты. Алексий I многократно писал в Совет (он, в свою очередь, докладывал в Совет Министров СССР по этому вопросу), отмечая следующее: «в большинстве случаев местная власть налагает, так сказать, «вето» на вопрос об открытии храма; и снова идут к нам люди и ходатайства с теми же, и со все более усиливающимися, просьбами… Этот существенный вопрос нашей церковной жизни мы повергаем вниманию нашего Правительства»[1116]. В 1959 г. Алексий I планировал возбудить перед главой государства вопрос о том, что широко вопреки желанию верующих практикуется закрытие храмов, невзирая на то, что ближайший храм находится в расстоянии десятков, а то и сотен километров, что противоречило советским законам[1117].

Мы крайне мало знаем о других формах низового сопротивления произвольным трактовкам советского права. Но нет сомнений в том, что они были. Например, в г. Давлеканово Башкирской АССР, когда местный райисполком принял решение о строительстве городского кинотеатра на том месте, где расположен молитвенный дом, и не проинформировал об этом

[1114] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 73. Л. 169–171.
[1115] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 225.
[1116] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 76–79. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 220–223.
[1117] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 117–121 ; Там же. Оп. 1. Д. 1649. Л. 231–233. Цит. по: Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 51–53.

прихожан. В ответ «активисты, более 60 человек, стали осаждать исполком райсовета с требованием открыть церковь и каких только гадостей не говорили...»[1118].

Зафиксированы факты отказа священников исполнять незаконные, с их точки зрения, требования местных властей, чтобы сохранить общину. В 1959 г. протоиерей ростовской епархии (г. Ростов-на-Дону) Евгений Износков, которому председатель райисполкома передал через благочинного указания представить списки певчих храма и членов «двадцатки», а также запретил ходить с молитвой по домам, провожать покойников и не допускать в храм лиц моложе 18-летнего возраста, отказался исполнять перечисленные требования. В итоге его вызвали в райисполком и предложили отказаться от сана, «…на что о[тец] протоиерей сказал: “Больше прошу меня не вызывать, так как я к Вам не приду”»[1119].

Неудачи РПЦ в попытках расширить сеть культовых сооружений, добиться их передачи или строительства новых, соотносятся с более общими установками Совета и местных органов власти, направленными на сдерживание процесса расширения сети церковных учреждений – особенно вне территории знаковых, представительских культурно-исторических объектов. Если по отношению к Троице-Сергиевой лавре и Новодевичьему монастырю аргументы о патриотическом и представительском статусе могли склонить чашу весов в пользу церкви, то в случае региональной недвижимости и монастырских зданий, не игравших такой роли, перевес оставался на стороне государственных ведомств.

Отметим главное: даже при наличии значительных вложений со стороны патриархии правовой статус зданий оставался нестабильным, а любое изменение политической конъюнктуры или кадровые решения местных органов, могли привести к пересмотру уже сложившихся практик пользования. Это усиливало зависимость церковных структур от текущих решений администрации и превращало имущественную сферу в один из ключевых каналов административного давления на религиозную жизнь.

[1118] Наука и религия. 1963. № 9. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 482–483.
[1119] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 49–50. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 281–282.

Деинституционализация монашества: редукция сети региональных монастырей

В русле политики изживания монашества как идеологически чуждого компонента советской действительности и монастырей как «рассадников» «нетрудового» образа жизни были приняты соответствующие решения.

Постановлением Совета Министров СССР № 1159 от 16 октября 1958 г. советам министров союзных республик и Совету по делам РПЦ было поручено изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов[1120] и внести в Совет Министров СССР свои предложения. По мнению советов министров союзных республик и Совета по делам РПЦ, в течение 1959–1960 гг. можно было сократить путем слияния 22 монастыря и 7 скитов. Всех монашествующих из закрываемых монастырей и скитов предполагалось перевести в другие действующие монастыри, где есть достаточное количество жилой площади. Местные органы власти должны были оказать содействие нетрудоспособным монашествующим, которые пожелают переселиться в дома для инвалидов и дома для престарелых, также они обязывались помочь тем монашествующим, которые пожелают получить жилье и работу на гражданской службе. Земля, дома и другие хозяйственные, а также церковные помещения закрываемых монастырей предполагалось передать местным советам для создания на их базе детских домов, школ-интернатов, лечебных учреждений, а также колхозам под культурные и общественные цели[1121].

Процесс уменьшения общего количества монастырей Русской православной церкви начался с 1947 года и оставался неизменным на всем протяжении изучаемого периода. В информационной справке о Русской православной церкви, представленной председателем Совета по делам РПЦ Г.Г. Карповым

[1120] В тот период православные монастыри были сосредоточены главным образом в Украинской (40 монастырей) и Молдавской (14 монастырей) республиках. Остальные находились в РСФСР – 2 монастыря (Загорск и Псков), Белорусской ССР – 3 монастыря, Литовской ССР – 2 монастыря, в Латвийской ССР – 1 монастырь, в Эстонской ССР – 1 монастырь (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1648. Л. 127–130).

[1121] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 185–190.

председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву в январе 1960 г. говорилось: «За период с 1947 по 1957 год нами *было закрыто без каких-либо решений правительства* и постепенно 38 монастырей. За 1959 год было закрыто еще 19 монастырей (на Украине и в Молдавии). Сейчас осталось 44 монастыря. В 1960 году намечено закрыть 15 монастырей. Если это будет сделано, останется 29 монастырей, т.е. 28% того, что было к концу войны (1945 год – 101 монастырь)[1122]. Законодательные решения вполне успешно, с позиции государства, работали: к концу рассматриваемого периода (на 1 января 1985 г.) действующими были 16 монастырей с количеством монашествующих 1 060 человек[1123].

2 апреля 1959 г. на приеме в Совете Г. Карпов в беседе с патриархом, митрополитом Николаем и управляющим делами патриархии прот. Н. Колчицким заявил, что в связи с ходатайством местных органов власти Совет Министров СССР поручил Совету изучить вопрос о возможности сокращения монастырей и скитов и представить предложения. Совет изучил этот вопрос и предлагал патриархии сократить 28 монастырей и скитов, а насельников переместить в 35 действующих монастырей[1124]. Патриарх заявил, что, в принципе, он не возражает против этого предложения, а количество и названия конкретных монастырей, подлежащих сокращению, Совету будут сообщены дополнительно. Впоследствии патриарх прислал в Совет письменное согласие на сокращение всей предложенной властями совокупности – 28 монастырей и скитов[1125].

Позиция патриарха Алексия I в этих вопросах была соглашательской, но с существенными оговорками. 4 мая 1960 г. новый председатель Совета по делам РПЦ В.А. Куроедов в разговоре с патриархом Алексием I напомнил о том, «что в прошлом году с ним была договоренность о сокращении некоторых монастырей,

---

[1122] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 15.
[1123] Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. С. 140.
[1124] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 31–36. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 248.
[1125] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 31–36. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 248.

в том числе 12 монастырей подлежат закрытию в 1960 г. Патриарх заявил, что он не возражает против сокращения 10 монастырей, при условии что монашествующие, которые изъявят желание сохранить монастырский образ жизни, будут размещены в других монастырях». В письме от 26 декабря 1962 г. Алексий пишет Куроедову, возражая против изъятия монастырских храмов в Жировицком монастыре, указывал на то, что это «возбудит нежелательные толки не только в Белоруссии, но даже и за границей» и что закрытие «будет лить воду на мельницу врагов нашей Родины, утверждающих, что в СССР нет свободы вероисповедания»[1126].

Механизм правоприменения в этой сфере сочетал аргументы и меры, характерные для закрытия храмов и решения кадровых вопросов, а формально закрепленный механизм (обязательное постановление правительства, согласование с Советом и патриархом, постепенность процесса и перевод насельников в другие монастыри) на практике не имел действенных санкций за его нарушение на местах.

Важно отметить, что Карпов просил патриарха дать указание правящим архиереям, чтобы они впредь не принимали в монастыри лиц, не достигших 30-летнего возраста, напоминал патриарху, что без согласования с Советом никаких дотаций монастырям не следует давать[1127]. Следует вспомнить ранее описанный механизм влияния института прописки на количество монастырских обитателей. Таким образом имело место очевидное вмешательство в вопросы, которые не входили в компетенцию Совета и не подлежали государственному регулированию.

Кроме того, союзный Совет по делам РПЦ декларировал контроль над этими процессами, однако реальные рычаги влияния (согласование, утверждение перечня, рекомендации) оказывались слабее инициативы региональных властей, которые часто действовали в рамках общей антирелигиозной кампании и под давлением партийных органов союзных республик. На практике это противоречие

[1126] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 284. Л. 15–16.
[1127] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 31–36. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 248.

между центром и регионами почти сразу же проявилось. 22 октября 1959 г. Совет по делам Русской православной церкви направил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР докладную записку о ходе закрытия монастырей и скитов, сообщая, что в Украинской и Молдавской ССР закрыты 13 монастырей и скитов, а в Литовской ССР ведется подготовительная работа к закрытию женского монастыря в г. Вильнюсе. При закрытии монастырей в Молдавии были допущены ошибки, «проявлена поспешность – начали закрывать одновременно все 5 монастырей без соответствующей подготовительной работы и учета конкретной обстановки». Причем с церквей закрываемых монастырей немедленно снимались кресты и колокола, некоторые монастырские здания пустовали и не осваивались организациями, которым они были переданы[1128].

В документах 1960-х гг. описаны случаи, когда областные и республиканские органы предлагали ликвидировать те или иные обители под предлогом «нецелесообразности их дальнейшего существования» и приспособить их здания под дома отдыха, музеи, санатории, учебные заведения или учреждения социального обеспечения[1129]. При этом даже там, где монастырь сохранялся, ему запрещалось принимать новых насельников, а существующие монахи вынужденно старели без пополнения, что фактически превращало часть обителей в «естественно вымирающие» структуры.

Местные органы власти стремились как можно скорее закрыть монастыри и скиты, делая это не путем слияния и укрупнения, как предлагал Совет, а путем разгона монашествующих. Это вызывало затруднения и серьезные возражения, в том числе союзного Совета. Часто Совет вынужден был не столько управлять процессом, сколько реагировать на уже состоявшиеся или форсированные местные решения.

[1128] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1649. Л. 185–190.

[1129] «Необходимо... ликвидировать монастыри...» : документы Святейшего Патриарха Алексия I и Священного Синода Русской православной церкви по истории русского монашества, 1955–1957 гг. // Богословский сборник / отв. ред. К.М. Комаров. М. : Изд-во ПСТБИ, 2002. Вып. 10. С. 418.

6 июля 1959 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов доложил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о «затруднениях», возникших во время ликвидации монастырей. Большинство монашествующих (55%) – люди старше 55 лет, которые не желают идти в дома инвалидов. Совет считал необходимым и просил «по линии ЦК КПСС или Совета Министров СССР» предупредить партийные и советские органы власти Украинской, Молдавской, Белорусской, Литовской и Латвийской ССР о более осторожном и постепенном осуществлении мероприятий по сокращению монастырей и скитов, и проводить эти мероприятия только по согласованию с Советом по делам РПЦ[1130].

В ряде случаев шаги отдельных епископов и протесты верующих и монашествующих приводили к корректировке решений. Так, по поводу закрытия Кременецкого женского монастыря архиепископ Львовский и Тернопольский Палладий (Каминский) жаловался патриарху 5 июля 1959 г.: «Монахини Кременецкого монастыря разложились. Распоряжению о закрытии монастыря не подчинились. Игумения монастыря Анимаиса скрылась. Приход монастыря поднялся на защиту его, а вместе с ним и приходского храма. Все помещения монастыря заполнены прихожанами, какие там днюют и ночуют, заявляя, что только через их трупы переступят те, кто станет силой закрывать монастырь. Не лучше дело обстоит и со скитом Почаевской лавры. Получилось нечто дикое, какая-то средневековщина»[1131].

Сам Карпов признавал: «Правда, имели место волнения среди монашествующих Кременецкого и Овручского монастырей»[1132]. В его докладе в ЦК КПСС и Совет Министров СССР сообщалось, что секретарь Тернопольского обкома после консультации с заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК

[1130] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 101.
[1131] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 261. Л. 265–267. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 270–273.
[1132] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 125, 127–133. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 290–295.

КП Украины дал указания временно никаких «организационных» мер по ликвидации монастыря и скита не принимать[1133].

Однако в целом такое поведение верующих являлось, скорее, исключением, нежели правилом. Верующие старались «мирно сосуществовать» с властью и, если сама власть не совершала грубых ошибок, даже в потенциально конфликтных ситуациях сами контролировали поведение толпы в местах массовых скоплений. С точки зрения В. Козлова, новое наступление на церковь в конце 1950-х гг. подкреплялось податливостью церковной иерархии, что способствовало уверенности советских начальников в том, что народ готов принять любые произвольные действия властей[1134]. Однако это наступление было приостановлено «не столько организованной оппозицией религиозных деятелей, сколько стихийными протестами самих верующих». Эти волнения «оказывали на власть определенное дисциплинирующее воздействие»: где-то удавалось приостановить решение, где-то отменить, а местное начальство попадало после каждого такого эксцесса «на ковер»[1135].

Другой стратегией сопротивления становилось, как и в случае с храмами, жалобы епископов патриарху[1136] и обоснование важности монастыря для выполнения представительских функций, демонстрации религиозных свобод для иностранной аудитории. Патриарх в 1962 г., пытаясь сдержать очередную кампанию областных властей по закрытию монастырских храмов в белорусском Жировицком монастыре (его почитали не только православные, но и католики), замечает: «Несомненно, это возбудит нежелательные толки не только в Белоруссии, но даже и за границей… Закрытие «будет лить воду на мельницу врагов нашей Родины, утверждающих, что в СССР нет свободы вероисповедания и что якобы в нашей стране в административном порядке закрываются церкви и

[1133] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 106–107. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 273.

[1134] *Козлов В.А*. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 266.

[1135] Там же. С. 269–270.

[1136] См., например: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 262. Л. 53–55. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 256.

монастыри… А потому крайне желательно отклонить это намерение Гродненского облисполкома»[1137].

Показательна следующая история Алексия Ридигера (будущего патриарха Алексия II) о его назначении епископом в 1961 г. в Эстонию:

«Я сразу же столкнулся с проблемой: в первую же неделю моего служения мне было сказано, что 1 октября Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь должен был быть передан под дом отдыха шахтеров… Стоило трудов убедить власти Эстонии, что я не могу начинать епископское служение с закрытия Пюхтицкого монастыря, единственного в Эстонии, поскольку Псково-Печерский монастырь к этому времени уже входил в состав Псковской епархии…

В конце апреля 1962 г. я привез в Пюхтицкий монастырь делегацию Евангелической церкви ГДР – 18 человек. Условия у нас тогда были весьма скромные, но в газете «Нойе Цайт» появились фотографии Пюхтицкого монастыря и очень хорошее описание приема и посещения. Потом я привез делегацию Протестантской федерации Франции, делегацию Национального совета церквей Христа в США, и таким образом вопрос о закрытии монастыря отпал»[1138].

* * *

Анализ механизма правоприменения в отношении сокращения церковной инфраструктуры (храмов, монастырей) показывает, что он имел двойственную природу: с одной стороны, этот механизм предполагал централизованное планирование и учет реакции со стороны верующих (письменное согласие патриарха, переписка, докладные записки), с другой – оставлял широкий простор для вмешательства самого Совета в жизнь общин, верующих и монастырей и «энтузиазма» местных чиновников, которые часто игнорировали предписанные процедуры, правовые нормы, стремясь отчитаться о выполнении плана закрытий в максимально сжатые сроки. Эта диспропорция между предписанным законом

[1137] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 91–93. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 392–394.

[1138] Патриарх в конце 2-го тысячелетия // НГ-Религии. 1999. № 4 (27). 24 февраля. С. 6.

порядком и его реальным исполнением становилась главным источником конфликтов.

Трансформация образовательной системы

Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1324 было разрешено открыть в Москве богословско-пастырские курсы и богословский институт (срок обучения 2 и 3 года соответственно), программы обучения в них в целом соотносились с программами духовных семинарий и академий (в 1946 г. они были преобразованы в таковые с увеличением срока обучения).

22 марта 1945 г. уже патриарх Алексий просил Совет, «считая необходимым иметь пастырско-богословские курсы в городах: Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке и Львове», выйти к правительству с соответствующим предложением[1139]. Эти разрешения были даны: курсы начали действовать в Москве, Ленинграде, Саратове, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке, Львове и Одессе[1140]. 20 июня 1946 г. Синод РПЦ одобрил Положение о православных духовных академиях и духовных семинариях, Положение о православных духовных академиях, Положение о православных духовных семинариях[1141]. После этого 26 июня 1946 г. Алексий направил эти документы Карпову как «проекты» и просил «ходатайства в соответствии с учреждением духовных академий о переименовании существующих ныне пастырских школ в духовные семинарии»[1142].

[1139] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 1.

[1140] Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в г. Саратове : Постановление СНК СССР от 10 мая 1944 г. // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 304 б ; Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 37 ; Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в гг. Киеве, Ленинграде, Львове, Луцке, Минске, Одессе и Ставрополе : Постановление СНК СССР от 22 марта 1945 г. № 511-147с // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1 06. Д. 135. Л. 182. В некоторых случаях руководство Советского Союза не поддерживало ходатайства об открытии семинарий, например в г. Вильнюсе (ГАРФ. Ф. Р-6991. От. 1. Д. 30. Л. 95).

[1141] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 34 а. Л. 68 об. ; Д. 37. Л. 19–21 ; Д. 37. Л. 16–17 об.

[1142] Совет посчитал преобразование и «восстановление привычных для духовенства названий духовных учебных заведений целесообразным» (ГАРФ. Ф. Р. 6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 176–177. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 164–165).

В документах Совета мы обнаруживаем три ключевых аргумента в пользу открытия духовных школ (они дублируют мотивацию открытия храмов).

1. Необходимость подготовки лояльных кадров, которые могут стать надежными проводниками советской государственной политики внутри страны и зарубежом и доказать наличие в СССР религиозных свобод. Карпов на одном из заседаний Совета говорил следующее: «Отказать в этом вопросе – значит, подчеркнуть обратное, а не декларируемую свободу совести. Церковь нуждается в кадрах. Подготовка новых священнослужителей несколько освежит и даст возможность иметь молодой состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Они не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма»[1143].

В одной из справок Карпова прямо отмечалось, что «академии и семинарии были открыты главным образом для показной видимости внешнему миру, что Русская церковь имеет свои духовные школы»[1144].

2. Религиозная образовательная система воспринималась органами госбезопасности как легальный инструмент для решения задач на внешне- и внутриполитическом контуре. Происходила постепенная инфильтрация РПЦ сотрудниками органов госбезопасности именно через систему духовного образования. «В двух духовных академиях Московской патриархии и пяти духовных семинариях обучается до 600 человек. Необходимо использовать это в интересах КГБ. Необходимо внедрить своих людей в число учащихся этих духовных учебных заведений, чтобы они впоследствии могли влиять на положение дел в Русской православной церкви и оказывать влияние на верующих»[1145]. Комиссия Президиума Верховного Совета Российской Федерации по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП, которая в т.ч. «изучала донесения четвертого отдела пятого управления – того самого отдела, который

[1143] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 12. Цит. по: Одинцов М. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2022. С. 645–646.
[1144] ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 16.
[1145] *Andrew Ch., Mitrokhin V*. The Sword and the Shield : The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. New York : Basic Books, 2000. P. 487.

занимался церковными делами», заключила: «У комиссии есть материалы, свидетельствующие, что офицеров КГБ посылали в духовные учебные заведения за рубеж для обучения. Потом они возвращались оттуда уже служителями Церкви…»[1146].

3. Еще одной подразумеваемой, но ясно не проговариваемой, политической задачей РПЦ являлась интеграция западных частей страны через систему духовного образования. Адресованный правительству аргумент о том, что одной из политических задач РПЦ (в ее «сфере компетенции») является использование инструментов образования для интеграции западных частей страны и решения важных внешнеполитических задач, звучит в письмах патриарха Алексия в Совет неоднократно. 22 марта 1945 г. глава РПЦ предлагал открыть семинарию в Таллине в связи с состоявшимся «воссоединением православных эстонцев» с Московской патриархией[1147]. Упоминая о размещении богословского института в Новодевичьем монастыре г. Москвы, патриарх аргументирует необходимость его развития внешнеполитической задачей превращения СССР в центр мирового православия[1148].

Это позволяет нам предполагать, что советское правительство и отдельные государственные институты были заинтересованы в поддержании сети духовных учебных заведений, но в весьма ограниченном объеме, точечно и полностью подконтрольно.

Поэтому с конца 1950-х гг. мы наблюдаем «ограничительные», по выражению Г.Г. Карпова, мероприятия в отношении духовных учебных заведений, которые проводились Советом по делам РПЦ неоднократно. В 1959 г. был закрыт заочный сектор в Ленинградской духовной академии и семинарии; запрещен прием лиц, подлежащих призыву в армию; запрещен прием заявлений после 1 августа; запрещен прием в течение учебного года, а также служба в

[1146]«Камо грядеши, Святая Церковь?» [Круглый стол «Огонька»] // Огонек. 1992. Май. № 18-19. С. 12–13.

[1147] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 3–4. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 43–44.

[1148] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 38. Л. 14–16. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 45–46.

церквях обучающихся в семинариях. В июне 1960 г. были упразднены две духовные семинарии в Киеве и Ставрополе. Воспитанники Ставропольской семинарии (39 семинаристов 3-го и 4-го классов) были переведены в Саратовскую семинарию, которую также планировалось ликвидировать через два года. С этой целью в ней были закрыты 1-й и 2-й классы, отменен новый прием семинаристов. Таким образом, к осени 1960 г. в ведении Московской патриархии оставались только две духовные академии (в Москве и Ленинграде) и пять семинарий (Московская, Ленинградская, Минская, Одесская, Волынская и Саратовская)[1149].

В целом развитие духовного образования в СССР находилось в прямой зависимости от текущего политического курса. Так, ситуация очевидно ухудшилась после закрытия учебных заведений в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Прочие колебания государственной религиозной политики в периоды правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева принципиально не меняли положения дел в системе духовного образования, разница состояла лишь в степени давления со стороны государства.

Таким образом, существовала установка на поддержание ограниченной сети религиозных учебных заведений, под которую были заточены формальные законодательные решения (постановления СНК, распоряжения Совета Министров, постановления Совета, положения Синода о духовных семинариях, обязательное изучение Конституции), но они были рамочными и не охватывали всей практики.

Практика правоприменения, как и в других случаях, представляла собой сочетание формальных запретов, неписаных правил и неформальных ограничительных практик.

Государство стремилось воспитывать максимально лояльных иерархов[1150]. «Совет, опираясь на ректораты, оказывает свое влияние на многие стороны

[1149] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 16.

[1150] *Зудов Ю.В.* Советское патриотическое воспитание в духовных школах Русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2026. Т. 26, № 1. С. 95–106.

деятельности духовных школ, добивается формирования у их слушателей патриотизма, любви к Советской Родине. Формы и методы нашего влияния: участие в подборе и расстановке руководящих и преподавательских кадров духовных школ, пересмотр учебного пособия в семинарии и академии по Конституции СССР, введение изучения истории СССР, расширение культурно-просветительных мероприятий, пересмотр в интересах государства учебных пособий по ряду церковных предметов. Разумеется, все это проводится руками самих же церковных деятелей»[1151].

Для надзора за духовными школами Совет совместно с органами государственной безопасности отбирал абитуриентов[1152], проверял учебные пособия (зачастую руками самих представителей церкви)[1153] и наблюдал за тем, чтобы в среде обучающихся не возникало «контрреволюционных настроений»[1154]. Образовательные программы для открывающихся духовных школ также отдельно обсуждались церковными иерархами с Советом по делам РПЦ[1155]. Во время первой встречи патриарха Сергия с Карповым последний задал патриарху вопрос: «Не предусматривается ли введение в программу 1-го курса, кроме богословских предметов, изучение Конституции СССР, а также законодательных актов и постановлений, относящихся к Русской православной церкви?». По итогам было решено дополнить программу обучения «кафедрой по изучению Конституции СССР и соответствующих руководящих указаний, относящихся к деятельности Русской православной церкви»[1156].

[1151] Вестник Русского христианского движения. С. 319.

[1152] *Anderson J.* The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy // Soviet Studies. 1991. Vol. 43, No. 4. P. 689–710.

[1153] *Anderson J.* The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy // Soviet Studies. 1991. Vol. 43, No. 4. P. 697.

[1154] *Онищенко А.Б.* О роли и значении Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время. 2011. № 2 (55). URL: https://church-and-time.ru/717 (дата обращения: 28.07.2025).

[1155] *Одинцов М.* Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. С. 642.

[1156] Запись беседы председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова с патриархом Московским и всея Руси Сергием (Страгородским). 29 октября 1943 г., совершенно секретно // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-3. Опубл.: *Одинцов М.И.* Крестный

Но проследить эти механизмы и понять логику решений власти иногда достаточно сложно. Действия Совета могли не вписываться в рамки правового регулирования или диктовались секретными инструкциями[1157]. Как правило, вопросы существования религиозных учебных заведений обсуждались на встречах в Совете, потом оформлялись на бумаге, а иногда не оформлялись.

В условиях жесткого контроля специальное разрешение требовалось даже для того, чтобы собрать совещание ректоров духовных школ. В этих целях патриарх Алексий обратился к Г.Г. Карпову с отдельным письмом от 3 июня 1953 г., объясняя, что за почти 10 лет открытия духовных школ «накопилось немало вопросов, требующих пересмотра и решения, как по учебной части, так и по воспитательной»[1158].

Аналогичным образом продление срока приема документов абитуриентов семинарий и академий требовало разрешения Совета: Учебный комитет просил патриарха ходатайствовать в Совет о продлении срока приема документов с 1 августа до 1 сентября. Совет постановил 8 августа 1962 г. «не возражать о продлении приема заявлений»[1159]. Любопытно, что аргументация главы РПЦ строилась вокруг тезиса «как это имело место в прошлые годы», то есть с опорой на неформальную норму.

Администрирование и квазиправовые практики также были широко распространены. К таком относилась практика фильтрация абитуриентов на входе. В 1960–1970-е гг. «уполномоченные Совета в тесной связи с местными органами власти, как и в прошлые годы, принимали меры к недопущению приема в духовные школы фанатиков, экстремистов и психически больных людей»[1160]. С

путь патриарха Сергия : документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 73–75.

[1157] Этим, по мнению архимандрита Митрофана, Совет отличался от института обер-прокурора при Святейшем синоде в Российской империи, пределы вмешательства которого были четко определены (*Митрофан (Божко), архім*. Особливості структурно-функційної організації духовних семінарій за радянських часів (на прикладі Київської духовної семінарії) // Київські історичні студії. 2024. № 2 (19). С. 58).

[1158] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 100. Л. 60. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 700–701.

[1159] ГАРФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 312. Л. 108 ; Оп. 1. Д. 1939. Л. 98–99.

[1160] Вестник Русского христианского движения. С. 317.

отдельными лицами «проводилась профилактическая беседа компетентными органами». Отказ получали также лица, «имевшие нежелательные настроения», «порочащие связи» с заграницей, являвшиеся депутатами советских органов, имевшие судимость по «политическим статьям».

30 ноября 1959 г. Алексий I писал Г.Г. Карпову о тех вопросах, какие они хотели бы возбудить для выяснения в беседе с Н.С. Хрущевым. Среди главных пунктов, волнующих церковных людей и болезненно отражающихся в их сознании: «препятствия при поступлении в Дух[овные] семинарии и академии, вплоть до вызовов лиц, выразивших намерение поступить в семинарию, вплоть до отобрания у них паспортов; были случаи требования увольнения лиц, перешедших из семинарии в академию, без объяснения причин»[1161]. В 1959 г. Карпов признавал факты «грубого администрирования» в Москве и Рязани в отношении абитуриентов, которые планировали поступить в духовные учебные заведения[1162].

Сюжет с отсрочкой от военной службы также показывает неопределенность нормативной базы, наличие нормы, срок которой не был четко определен. По аналогии с институтом прописки эта мера выступала средством контроля и ограничения прав верующих. В годы Великой Отечественной войны правительство при открытии духовных школ предоставило учащимся в них отсрочки от военной службы. 3 апреля 1950 г. Алексий I попросил Карпова предоставить отсрочку от военной службы для учащихся семинарии и академии, так как церковь испытывала серьезную нехватку кадров[1163]. 31 марта 1950 г. Совет направил в Совет министров СССР докладную записку, в которой сообщал о данной просьбе патриархии. Со своей стороны Совет считал нецелесообразным введение отсрочки от призыва для отдельных учащихся духовных учебных заведений, так как «этим самым духовные учебные заведения могут превратиться

[1161] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 117–121 ; Там же. Оп. 1. Д. 1649. Л. 231–233. Цит. по: Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 51–53.

[1162] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 125, 127–133. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 290–295.

[1163] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 604. Л. 127 ; Ф. Р-5446. Оп. 80 а. Д. 9541. Л. 8. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 519–520.

в своеобразные базы для укрытия неустойчивых элементов среди лиц призывного возраста от обязательной военной службы»[1164]. Военное министерство солидаризировалось с Советом[1165]. Но уже в сентябре Совет изменил позицию и поддержал ходатайство патриарха[1166], что дает основания предположить наличие неформальных договоренностей.

Отсрочка действовала несколько лет и в 1958–1959 гг. патриарх направляет ряд писем в Совет и ведет переговоры, чтобы переломить негативную тенденцию и добиться отсрочки. Однако если в 1958 г. «в порядке исключения» была дана отсрочка слушателям Московской духовной академии (МДА), то в 1959 г. в аналогичной просьбе ему было отказано[1167].

Во избежание возникновения подобного вопроса в будущем член Совета Чередняк «рекомендовал впредь принимать в духовные учебные заведения лиц, уже отслуживших в Советской армии»[1168]. 17 июля 1959 г. состоялось заседание Учебного комитет МДА, на котором было зафиксировано: «Ввести в существующие правила приема в академии и семинарии следующее: в академии и семинарии принимаются лица, отбывшие действительную военную службу в рядах Советской армии»[1169].

Следует отметить известную результативность государственной политики в этой сфере. Уже в 1970-е гг., «несмотря на выпуск новых служителей из духовных школ и рукоположение архиереями местных активистов, абсолютное уменьшение священников и диаконов в среднем за год составляло 190 единиц; за последнее четырехлетие (1971–1975) темп численности сокращения хотя и уменьшился, но все же составил ежегодно 66 единиц, что свидетельствует о том, что церкви не удается не только расширенное, но и просто воспроизводство кадров»[1170].

[1164] ГАРФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 604. Л. 112.
[1165] Там же. Л. 165.
[1166] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 718. Л. 87.
[1167] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 257. Л. 147.
[1168] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 62.
[1169] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 257. Л. 224.
[1170] Вестник Русского христианского движения. С. 297–298.

«Основной базой подготовки служителей культа являются семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская; академии – Московская и Ленинградская, но и они ныне уже не в силах ликвидировать усиливающийся кризис в кадрах священников и диаконов»[1171].

Другим важным последствием становится снижение образовательного и общекультурного уровня абитуриентов и выпускников духовных школ РПЦ, закрепление лоялистского модуса поведения.

* * *

С учетом рамочного характера советского законодательства в вопросах регулирования сферы религиозного образования и политико-идеологических целей государства по ограничению и установлению контроля над церковными кадрами, формировалось «серое» пространство администрирования, основу которого составляли неформальные нормы и практики. Сущность его, как и в других областях взаимодействий, – не обеспечение прав и свобод, а ограничение церковной инфраструктуры и сдерживание конкурирующей идеологии. В результате фактическое правовое регулирование осуществлялось не столько через закон, сколько через административные решения (часто произвольные) на всех уровнях – от Совета до местных уполномоченных и посредством широкого набора неформальных правил и практик.

Неформальные правила, которыми руководствовались институты, могут быть описаны в таких категориях, как:

– устное согласование до письменного решения, когда решения обсуждаются на встречах в Совете, потом оформляются бумажно (или не оформляются);

– личные договоренности: многие вопросы решаются через переписку и устные беседы патриарха с Карповым/Куроедовым, а не через формальные процедуры;

– прецедентный принцип: патриарх апеллирует к тому, что «так делалось раньше»;

[1171] Там же. С. 317.

– резолюция как форма разрешения/отказа: Совет мог не издавать отдельного акта, а ставил резолюцию на письме патриарха (к примеру, «не возражаю»);

– предоставление отсрочек «как исключения», каждый раз заново, без постоянного нормативного акта. Таким образом, срок действия нормы не был четко и однозначно определен.

Неформальные практики в области управления религиозным образованием включали: фильтрацию абитуриентов органами госбезопасности; отказ без объяснения причин; «профилактические беседы» с поступающими; внесудебное давление на желающих учиться; неправовые критерии («нежелательные настроения», «порочащие связи» с заграницей, депутатство, судимость по политическим статьям) как причины отказа при поступлении, манипуляции студентами и контроль над ними через институт прописки; рекомендации, имеющие силу приказа (Совет «рекомендовал» принимать только отслуживших в армии и пр.).

Специфика взаимодействия церковных и государственных акторов: конструирование общего пространства

Наталия Демидова в исследовании кадровой политики Московской патриархии в первые послевоенные годы[1172] пишет о прямой заинтересованности Совета по делам РПЦ «в архиереях, готовых выполнять все указания местных властей» и региональных уполномоченных. Касаясь случаев «компромиссного» поведения иерархов, она объясняет их стремлением отстаивать интересы церкви, но в то же время и нежеланием «злоупотреблять» и жертвовать «некоторыми правами», дарованными в рамках «нового курса»[1173].

Мы полагаем, что картина была более причудливой и многослойной. Практика правоприменения подразумевала совместные шаги центрального аппарата Совета и патриарха, местных уполномоченных и широкого круга

[1172] *Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
[1173] Там же. С. 15–16.

советских и партийных органов, а также и епископов. Назначение/снятие священников, регистрация общин и снятие с регистрации, передача и изъятие имущества церквей и монастырей, отлаживание образовательного процесса – все это требовало многочисленных согласований и поиска компромиссов на разных уровнях властной вертикали.

При этом церковным институтам de facto была определена специфическая роль: они становились субъектами права, но в весьма изощренном, можно сказать, антирелигиозном, смысле. Если в 1920–1930-е гг. типичными, нередко вымышленными, бюрократическими формулировками обоснования закрытия храмов было закрытие «по просьбам верующих», то кампании ликвидации церквей, монастырей послевоенного периода иезуитски проводились при посредничестве и прямом участии священноначалия. Действительно: дискриминация и репрессии против неугодного духовенства осуществлялись руками Синода и патриарха, за спиной которых находился Совет и вся мощь государственных институтов[1174].

Как показано выше, процесс принятия решений о закрытии и открытии храмов также не был продиктован четким следованием законодательным нормам. Часто это – поиск компромисса, сложный процесс согласования интересов, результат которого не был предрешен и четко очерчен формальными рамками. В большинстве случаев речь идет о сложном переплетении интересов, формальных и неформальных правил и практик.

В результате этих непростых взаимодействий можно зафиксировать многослойность фактического положения епископата, «зажатого» между патриархией, Советом (как посредника между церковью и другими государственными институтами) и рядовыми верующими. Епископат находился в двусмысленной позиции между государственными и корпоративно-

[1174] Н. Демидова отмечает: «В отношении наиболее активных и самостоятельно мыслящих иерархов проводилась откровенно дискриминационная политика: через Синод и патриарха они отправлялись на покой или переводились в отдаленные епархии». Также она описывает увольнение нелояльных преподавателей ректором Московской духовной академии (*Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской патриархии... С. 19).

институциональными интересами церкви. С одной стороны, необходимо было не потерять расположение государственных органов и одновременно следовало «сохранить лицо», не дискредитировать себя в глазах верующих, дабы не превратиться в того, кто является «могильщиком храма и религии».

Примеры такого рода обвинений в адрес епископата сохранились. К примеру, верующие г. Чернигова, «негодуя насчет нарушения их прав, переносили возмущение уже на епископа»[1175]. Патриарху приходили жалобы на слишком тесное сотрудничество местных архиереев с уполномоченными. Верующие Ростова-на-Дону в ноябре 1964 г. возмущались: местный «архиепископ Иероним окончательно разрушил нашу епархию… Работает в полном контакте с уполномоченным по разложению православной общины и закрытию храмов… Архиепископ по большей части не живет в Ростове, а всем управляют 3 протоиерея – Епархиальный совет, почти ежедневно ездят к уполномоченному и «решают все епархиальные вопросы»… Слезно умоляем приостановить разрушение устоев Церкви»[1176].

Вот как явно выражено беспокойство по поводу прямой ассоциации собственных действий с антирелигиозным давлением властей в размышлениях крымского архиерея Луки (Войно-Ясенецкого):

«14 октября 1947 г. Лука автомашиной возвращался из города Джанкоя, в присутствии двух священников и шофера и заявил: «Как хорошо выезжать на места и выступать с проповедью перед прихожанами. Не так давно я узнал, что некоторые прихожане считают меня за красного архиерея и что у меня даже печать красная. Это потому, что они меня не видят и не слышат. На самом же деле я в своих проповедях всегда осуждаю безбожников. Неоднократно слышу

[1175] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 106–111. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 486–495.
[1176] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 69–70 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 464–466.

разговор, что я очень резко выступаю против безбожников и даже получил предупреждение…»[1177]

«…Я не хочу того, чтобы среди верующих шли разговоры, как о моем предшественнике епископе Иоасафе, который много позакрывал церквей». И в заключение заявил категорически, что он никаких указаний в отношении церкви в пос. Мичурино давать не будет»[1178].

Какими были стратегии избегания подобной критики и лоббирования личных интересов и интересов института церкви?

Первая стратегия вполне очевидна – доказать свою эффективность, полезность в вопросах, которые интересуют государство. Здесь на первый план выходила международная повестка. Вопросы регистрации общин, подбора кадров и, как мы покажем далее, возвращения, ремонта и изъятия религиозного имущества, учитывали важность международного фактора. К примеру, в начале 1970-х гг. архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов), «умело представляя церковь при встречах с иностранными делегациями и бывая в этих делах полезен, в то же время стремится взять под свое влияние исполорганы, создать сильные церковные хоры, омолодить кадры членов «двадцатки», обслуживающего персонала церквей и снять ограничения с колокольного звона»[1179]. Демонстрация конституционных прав и свобод верующих, воплощающаяся в открытии ряда «витринных» храмов в крупных городах и городах Золотого кольца, становилась едва ли не решающим фактором в пользу передачи храмов РПЦ.

Вторая стратегия не так очевидна, но интересна тем, что патриарх и епископы могли обращаться к правовым нормам и официальным документам, которые означали, что спорные, с точки зрения верующих, инициативы идут от

[1177] Из докладной записки и.о. начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР. 1 ноября 1947 г. // Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 1, д. 51, т. 4, л. 278–283. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 90.

[1178] Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой. 18 октября 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

[1179] Вестник Русского христианского движения. С. 285.

государства, а церковь является лишь их проводником и вынуждена подчиняться нормам советского права. В сложной дискуссии об изменениях в Уставе РПЦ, инициированных Советом и принятых Синодом в 1961 г.[1180], патриарх Алексий I «без возражений принял высказанные замечания и здесь же во время беседы внес поправки в проект решения Синода»[1181]. И подстраховался: «обратился с просьбой дать ему письма, в котором указывалось бы на необходимость приведения положения об управлении РПЦ в соответствие с законодательством о культах»[1182].

Этой же стратегии придерживался и крымский архиеп. Лука. В 1948 г., в спорной ситуации о передаче церковного здания научно-исследовательскому учреждению в пос. Мичурино (оно находилось в «запретной зоне»), он потребовал от уполномоченного «копию решения Совета и написать ему об этом официально»[1183]. Уполномоченный возразил, сказав, что в передаче официального решения Совета нет надобности: «разве недостаточно того, что я, как официальное лицо, представитель государства, сообщаю Вам об этом?»[1184] На это он получил откровенный ответ владыки: «…Мне эти документы нужны с той целью, чтобы оправдаться перед Патриархом и главным образом перед народом верующим, что церкви закрываю не я лично, а Совет и его уполномоченный…»[1185].

Кроме того, анализ правоприменительной практики показывает, какими стратегиями и тактиками приспособления пользовались епископы в решении задач налаживания религиозной жизни, сохранения институциональных основ

[1180] Далеко не все епископы и члены Синода с воодушевлением восприняли эти изменения.

[1181] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 7–8. Цит. по: Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 175–176.

[1182] Там же.

[1183] Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой. 18 октября 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

[1184] Там же.

[1185] Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой. 18 октября 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

церкви. И отнюдь не всегда их следует описывать как безвольных проводников государственной антирелигиозной политики или ее безропотных жертв. Мы можем наблюдать специфическую агентность епископата и высших иерархов.

В обмен на поддержку в реализации различных инициатив Совета и других государственных акторов во внешней политике, демпфируя, сдерживая недовольство отдельных групп верующих, в обмен на «непротивление» актам государственного насилия, РПЦ, помимо номенклатурных преференций (о них см. параграф 3.3), добивалась отдельных уступок по имущественным вопросам. Ценой таких компромиссов, по мнению исследователей, церкви «удавалось сохранять себя в самых сложных исторических ситуациях»[1186].

Документы демонстрируют, что епископы могли обращаться за помощью к государственным органам для решения внутрицерковных кадровых вопросов.

Первый кейс касается Крымской АССР и деятельности Луки (Войно-Ясенецкого). 2 марта 1948 г. уполномоченный принял архиепископа, который просил «*оказать содействие в удалении из Александро-Невской церкви рабочего пос. Советский Советского р-на церковного старосту Терно*, которого он уволил с должности старосты и отлучил от церкви, но который не желает оставлять церковь, не сдает ни ключей, ни своих обязанностей, и ему никто не хочет оказать содействие избавиться от Терно»[1187]. Уполномоченный возразил: «Это дело внутрицерковное, никто в него вмешиваться не имеет права, и я дать указание о применении административных мер к Терно не имею права (на чем настаивал Лука)»[1188]. Позднее, в 1960 г., Лука сообщил ему, что из Севастополя не выезжает снятый им священник, *у которого он просил уполномоченного отобрать регистрацию и воздействовать, чтобы священник освободил церковную*

[1186] «Содержание жизни Церкви в первую очередь определяется христианскими верой и учением, направленными на спасение человеческой души, и это свое предназначение Русская православная церковь выполняла во все времена, при любых государственных формациях» (*Демидова Н.И.* Кадровая политика Московской патриархии… С. 21 ; также см. : *Её же*. Совет по делам Русской православной церкви и Московская патриархия. Штрихи к взаимоотношениям в 1940–1950-е гг. // Государственная служба. 2007. № 2 (46). С. 94–96).

[1187] Из информационного доклада уполномоченного за 1-й квартал 1948 года. 2 апреля 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–38. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 120–125.

[1188] Там же.

квартиру. На это уполномоченный Луке ответил: «...это в мои функции не входит, это дело народного суда и милиции… Я же Попова после получения Вашего указа с регистрации снял»[1189].

Тогда же Лука назвал «церковным бунтом» верующих их нежелание принять нового священника, которого он назначил в Евпаторийский собор. Прихожане не только не допустили новичка к совершению службы, «но даже не пустили в храм, и последнему пришлось уехать из Евпатории». Интересны рассуждения архиерея: «*Раньше в таких случаях о ликвидации церковного бунта можно было обратиться за содействием к полиции, а сейчас не к кому обратиться в таких случаях*… В таких условиях мне очень трудно управлять епархией, а помощи никто не оказывает»[1190].

Совет по делам религий совместно с тогдашним архиепископом Минским и Белорусским Антонием (Мельниковым) последовательно избавлялись от находящегося на покое в Жировицком монастыре архиепископа Ермогена (Голубева). 30 июля 1969 г. заместитель председателя Совета по делам религий В.Г. Фуров принял архиепископа Антония, который сообщил, что Ермоген (Голубев) отказывается подчиняться ему, Антонию, как правящему архиерею, а наместник монастыря Михей не выполняет определение Синода о Ермогене:

«Предосудительное поведение Ермогена выражалось в том, что он без разрешения правящего архиерея служит в церкви, допускает к участию в церковной службе священников со стороны, в том числе и из других епархий, установил на месте широкие связи, находит среди части верующих поддержку и сочувствие, как страдалец за правые церковные дела, принимает приезжих

[1189] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой, направленной члену Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР И. И. Сивенкову. 9 июня 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 64–66. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 396.

[1190] Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой. 18 октября 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

неизвестных лиц, а также получает из многих мест корреспонденцию с помощью своих курьеров»[1191].

Итак, мы видим сложное «переплетение» интересов, практических шагов разных институтов, которые не сводятся к одномерной картине правоприменения, а тем более к строгим действиям в соответствии с каноническим правом и/или светским законам. В какой-то момент и церковь, принявшая правила игры, могла перевернуть шахматную доску или как минимум использовать «слепые» зоны советского законодательства для решения собственных задач. С этим государственным институтам также приходилось считаться.

* * *

Стратегия и тактика государственных институтов в отношении институтов и организаций РПЦ в изучаемый период не представляются едиными и выверенными.

Смешение идеологических установок (религия и церковь как корпорация остаются безусловным злом, но используются государством в своих интересах на фоне конституционно провозглашаемой свободы совести), а также обтекаемость законов создавали широкий простор для произвольного толкования законодательства и всевозможных манипуляций. Поэтому мы фиксируем большое разнообразие стратегий управления, локальных практик реализации советского законодательства о культах со стороны уполномоченных, сотрудников спецслужб, партийных и советских деятелей.

Очевидно, что государство часто использовало бюрократию как оружие, а правовой механизм часто, но не всегда функционировал как прикрытие. Государственные органы использовали инструменты административного давления, затягивания, перераспределения компетенций и ссылок на процедурные ограничения, что позволяло ограничивать возможности религиозных институтов и сохранять контроль без прямого отказа. Иными словами, государство использовало советский закон как инструмент давления и контроля, а верующие, апеллируя к Конституции и первому лицу, – как защитный механизм.

[1191] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 194–196.

Систематический произвол местных властей (самовольное изъятие зданий, запугивание, игнорирование судов) создавал пропасть между декларируемым правом и реальностью. Парадокс заключался в том, что центральные органы (Совет по делам РПЦ) иногда вынуждены были осаживать местные власти ради сохранения видимости законности, но это не меняло общей стратегии борьбы с церковью как идеологическим конкурентом и враждебным институтом. При этом нередко союзный Совет действовал реактивно, не управляя процессом, а решая проблемы, возникшие в результате действий местных органов власти.

Серьезными правовыми барьерами и фильтрами был обставлен вопрос о регистрации священнослужителей. Логично, что в условиях фактического тотального контроля за церковью как институтом (при законодательной декларации отстраненности государства от церковных дел) положение во властной иерархии РПЦ определяло степень воздействия внешних игроков на этот внутрицерковный вопрос. Чем выше, тем сильнее сказывалось влияние акторов, находившихся по ту сторону церковной ограды.

Государство в лице Совета, гражданской администрации и органов госбезопасности многообразными способами вмешивалось в отношения между епископатом, духовенством и мирянами. Эти действия ослабляли внутренние связи внутри церковной системы, постепенно деформировали институциональную иерархию.

Содержание правоприменения в каждом конкретном регионе определялось не столько формальными предписаниями, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета, партийного руководства и органов госбезопасности. Более высокий и устойчивый интерес верующих к религии, их готовность и настойчивость в определенный период в конкретном регионе отстаивать свою позицию также имели существенное значение.

Кроме того, маневрирование государственных институтов было связано с комплексом иных объективных обстоятельств. Свою роль играл региональный фактор, географическое положение, история вхождения. Немаловажно и то, что в отдельных вопросах (прежде всего кадровых) интересы государственных

исполнителей и церковных иерархов причудливым образом могли переплетаться, создавая своеобразное пространство со-зависимости в процессе наложения этих полуавтономных социальных полей (Дж. Гриффитс).

Указанный комплекс причин побуждал чиновников на местах смягчать, ограничивать административный прессинг, лавировать между интересами разных игроков и активнее прибегать к квазиправовым правилам и практикам урегулирования той или иной спорной ситуации (подробнее см. § 3.3 диссертации).

В совокупности все это формировало пространство неформальных переговоров, в котором юридическая норма выступала лишь одним из элементов более сложной системы правового регулирования государственно-религиозных отношений, системы, направленной не на реализацию свободы совести, а на сохранение многообразия инструментов администрирования и контроля над религиозными институтами и акторами. Важным следствием этих процессов для правосознания церкви и верующих стали представление о непредосудительности постоянной апелляции к авторитету центральной власти и опора на государственный бюрократический аппарат в решении внутрицерковных вопросов.

§ 3.3. Неформальные практики взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви в сфере государственно-религиозных отношений

В параграфе анализируется использование в правоприменительной практике законодательства о культах квазиправовых инструментов, неформальных норм и практик, которые, помимо прочих обстоятельств, способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями.

В послевоенный период начали складываться новые механизмы взаимодействия между заново переизобретенной церковью и группой политических акторов (ЦК, НКВД/МГБ, Совет министров СССР и Совета как приводного ремня государственной политики) (см. главу 2 и параграф 3.2. диссертации). Необходимо зафиксировать, что значительная часть этих правил, причем и формальных (знание законодательства), и неформальных правил, т.н. сигналов, находилась в «серой» правовой зоне и часто становилась известной участникам только в процессе взаимодействий. Когда вместо четко обозначенных законом и явно артикулированных «красных линий», церкви и верующим приходилось довольствоваться собственным практическим опытом, трактовкой правоприменения в изводе советских, партийных органов и полузнанием о законодательстве.

Уполномоченные на местах часто не спешили ставить в известность о законодательных новеллах своих подопечных, хотя это входило в их должностные обязанности. Так, в апреле 1959 г. епископ Псковский и Порховский Иоанн (Разумов) писал в обращении к патриарху Алексию I, что последнее постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. по поводу налогообложения доходов предприятий, епархиальных управлений, а также доходов и имущества монастырей в письменном виде ему не было вручено. Тем

временем оно лишало монастыри, находящиеся на территории Советского Союза, их земельных угодий[1192].

Интересно, что принцип секретности и умолчания мог выступать обоюдоострым оружием. Священники могли своим незнанием обосновать позицию: нет официальной бумаги – нет ответного действия. Например, 3 ноября 1959 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Литовской ССР А. Ефремов доложил в Совет о своей беседе с правящим архиереем, секретарем епархиального управления и монахинями Вильнюсского монастыря по поводу его закрытия и перевода насельниц в другую обитель. Уполномоченный писал: «Создалось у меня также впечатление, что архиерей ведет двойственную политику и без меня успокаивает монахинь, обещая им, что монастырь, может, еще и не закрыт. На мои требования к нему заниматься этим вопросом он отвечает, что до сих пор он по этому поводу не имеет официальных указаний патриарха, а постановления правительства он не видел»[1193].

Практики обхода формальных правил со стороны РПЦ

Церковь пыталась воспользоваться ведомственной рассогласованностью, неясностью и противоречивостью законодательства, а также тем, что практика передачи храмов верующим только вырабатывалась. Зафиксированы попытки ***фактического освоения объектов до их юридической передачи в аренду религиозным объединениям***. На языке уполномоченных подобные явления именовались «самодеятельностью».

В 1950 г. группа граждан с. Ужанихи Чулымского района Новосибирской области приступила к переоборудованию церковного здания «без ведома облисполкома, с разрешения райисполкома»[1194]. В справке инспектора Совета по

[1192] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 256–257.

[1193] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1633. Л. 49–51. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 270.

[1194] Отчет о работе Уполномоченного Совета и о положении и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области за 1950 год // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 40. Л. 34–62. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 494.

делам РПЦ П.М. Степанова от 15 февраля 1963 г. значилось, что церковь в с. Средняя Деражня Житомирской области была «захвачена верующими в период немецкой оккупации. В 1947 г. финорганы незаконно оформили продажу его религиозному обществу»[1195].

Подобные шаги поддерживали отдельные епископы на местах. Как пишет уполномоченный Оренбургской области, «в деле неофициального насаждения молитвенных домов по области большую роль сыграл архиепископ – управляющий Чкаловской епархией (Лемешевский В.В.). Принимая у себя представителей от верующих многих районов, он внушает, чтобы верующие не ждали, когда официально будет разрешен вопрос открытия молитвенного дома или церкви, а подыскали бы себе подходящий домик и молились, он их на это благословляет»[1196].

Имели место попытки повлиять на решение властей о передаче имущества путем давления через вложенные ресурсы, когда РПЦ стремилась закрепить за собой уже фактически осваиваемые здания. Показателен случай с бывшим архиерейским домом в Троицком монастыре украинского г. Чернигова[1197]. Бывший архиерейский дом, находившийся на территории монастыря, рассматривался его насельницами как принадлежащий церкви, а место реального пребывания епископа в городе характеризовалось как расположенное «в очень неудобной части», на «очень грязной» улице, к тому же «очень тесное и неудобно распланированное». Патриархия, исходя из предположения о последующей передаче, уже успела вложить средства в его реконструкцию. Однако позднее местные власти заявили, что бывший архиерейский дом юридически не передан церкви, и, следовательно, оснований для дальнейших работ у патриархии нет[1198].

Важно подчеркнуть: патриарх, пересылая рапорт архиепископа Черниговского о ситуации в Совет, выражал мысль о том, что фактические

[1195] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 488. Л. 4–8. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 400–404.
[1196] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 169–170.
[1197] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 29 апреля 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 205. Л. 133–134. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 177–179.
[1198] Там же.

действия и ожидания церковной стороны – даже при неопределенности правового статуса здания – являются достаточным основанием для официальной передачи его церкви[1199]. Ходатайство к Совету сводилось к просьбе признать сложившееся фактическое положение вещей и оформить владение зданием документально[1200]. Однако в общем контексте политики ограничения роста церковной инфраструктуры такие просьбы часто не получали поддержку.

Кадровые маневры

Имели место ***кадровые маневры***, связанные с попытками расширить миссионерские, административные возможности церкви. Обращаясь к практикам, которые были апробированы епископатом РПЦ в ходе борьбы с обновленчеством еще в 1920-е годы, в военный и послевоенный период, когда открытые семинарии и духовные академии объективно не могли закрыть кадровые потребности, «официальный» епископат применил тактику возврата к служению заштатного духовенства. Появились т.н. «бродячие священники», священники, которые получали «документы от Патриарха» и местных архиепископов на служение: а) в официально неоткрытых церквях; б) на домах у верующих: «В 1944–1945 гг. практически повсеместно епархиальные архиереи выдавали не зарегистрированным, но желавшим получить приход священникам указы с правом совершения богослужений на домах у верующих с тем, чтобы эти священники были организаторами ходатайств об открытии церквей. Тамбовский

[1199] Патриарх настаивал, что епархиальное начальство действовало в расчете на передачу дома, согласовав сметы и получив предварительное одобрение на проведение работ, тогда как отказ местных властей задним числом ставит под сомнение уже произведенные затраты (Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову от 29 апреля 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 205. Л. 133–134. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 177–179).

[1200] РПЦ были приобретены два грузовика, заготовлены значительные объемы строительных материалов («более 50 т извести», завезен песок), через Министерство лесной промышленности получен наряд на 500 кубометров леса. Г. Карпова в этом сообщении заинтересовало то, как монастырю удалось заготовить стройматериалы и наладить контакт с Министерством в обход Совета (Там же).

архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) выдал такие указы целому ряду незарегистрированных священников[1201].

Систематически назначал незарегистрированных «священников в несуществующие общины» даже после запрета со стороны уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви архиепископ Ставропольский Антоний (Романовский). Такие назначения он использовал и как способ борьбы с обновленчеством, еще достаточно сильным в его епархии[1202]. Епископ Иларий (Ильин) сразу после своего назначения управляющим Ульяновской епархией отправил в Мелекесс заштатного священника Мартынова с тем, чтобы он организовал религиозную группу и ходатайство об открытии церкви. «Когда же уполномоченный Совета по Ульяновской области указал ему на нарушение советского законодательства, еп. Иларий обосновал действия тем, что он носит титул «Ульяновский и Мелекесский» и не может допустить, чтобы титул «не соответствовал обстановке»[1203].

Подобные случаи фиксировались в Пензенской, Куйбышевской епархиях, на Урале – Молотовский (Пермский), Чкаловский (Оренбургский) епископы выдавали указы незарегистрированным священникам. Кроме того, имела место практика обращений к верующим с призывами ходатайствовать об открытии церквей[1204].

Если в военное время в условиях жестокого кадрового дефицита Совет допускал регистрацию т.н. разъездных священников, то уже в первые послевоенные годы государство отказывалось от этой практики. Основание: «Сам факт выездов разъездного священника в сельскую местность является искусственным побудителем ходатайств верующих об открытии церкви или молитвенного дома… Кроме того, возникает ряд затруднений в отношении учета

[1201] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 82–83. Цит. по: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 198–199.
[1202] Там же.
[1203] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 60 об. Цит. по: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 199.
[1204] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 199.

финорганами дохода разъездного священника, контроля за его деятельностью и т.п.»[1205]

В октябре 1959 г. патриархия направила указания в епархии о недопустимости определения заштатных священников на временную службу в те приходы, где нет настоятелей, однако на местах (например, в Крыму) это указание нарушалось[1206].

В итоге, как справедливо отмечает А. Беглов, складывалась целая продуманная система мер, «призванная подтолкнуть и ускорить легализацию как можно большего числа незарегистрированных общин и священников и координируемых предстоятелем Русской православной церкви. Не стоит забывать, что епископы становились организаторами и покровителями других нелегальных видов церковной деятельности – от благотворительности, как Краснодарский епископ Фотий (Тапиро), который лично направлял благотворительную помощь, оказывавшуюся в его епархии семьям духовенства, до разъездов священников. Тем самым в 1940-х гг. епископы патриаршей церкви использовали церковное подполье, чтобы добиться расширения церковной жизни и упрочить положение Церкви в рамках “нового курса”»[1207].

В 1960–1970-е годы сохранялась известная в 1920–1930-е годы практика рукоположения отдельными архиереями тайных священников для духовного окормления нелегальных общин[1208]. Появилась прослойка тайного священства. А. Беглов оспаривает масштабы нелегальных хиротоний, приписываемые

[1205] Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Новосибирской области «О состоянии и деятельности русской православной церкви в г. Новосибирске и Новосибирской области за время с 1 апреля по 1 октября 1945 г.» // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 14–24. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 319.

[1206] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 386.

[1207] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 94 ; Там же. Д. 35. Л. 72. Цит. по: *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 203.

[1208] Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров) : исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 118–119.

современниками митрополиту Никодиму (Ротову), но не ставит под сомнение совершение владыкой подобных актов[1209].

Итак, мы видим, как несбалансированность законодательной базы, разнообразие практик правоприменения не только облегчали произвольные, нередко противозаконные антицерковные действия, но и создавали лазейки для обхода, в которые могли «просочиться» рядовые верующие и епископат с собственными запросами и интересами.

Однако не следует думать, что подобные усилия давали значимый эффект: государство оставляло религиозным институтам крайне узкое пространство для правовых и квазиправовых маневров. При этом неформальные правила и практики ограничения религиозной сферы руками различных государственных акторов были весьма разнообразны.

Дискредитация заявителей и давление на религиозных активистов

«В первые годы работы Совета по делам Русской православной церкви его сотрудники на местах предпочитали использовать в качестве санкций устные запреты и налогообложение[1210]. Применялись эти меры не ко всей общине, а лишь к организаторам нелегальных молитвенных собраний и священникам. Причем «беседовать» с нарушителями законодательства, как правило, должны были работники гор- и райисполкомов, иногда – сотрудники НКГБ, НКВД»[1211].

Налоговые и иные материальные основания могли использоваться чиновниками для сдерживания, компрометации активности епископата. К примеру, когда крымский архиепископ Лука предупредил уполномоченного А. Гуськова, что пожалуется на него в Совет, чиновник ответил: «...это Ваше право, однако когда Вы будете писать об этом в Совет, то Совету сообщите, что направляемые Вами на время (один, два дня) священники скрыли от РайФО,

---

[1209] *Беглов А*. В поисках «безгрешных катакомб». С. 253.

[1210] 13 декабря 1946 г. Министерство финансов разослало указание местным налоговым органам о практике обложения подоходным налогом совершения религиозных обрядов и треб заштатного и незарегистрированного духовенства (*Чумаченко Т.А*. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. С. 119).

[1211] *Беглов А*. В поисках «безгрешных катакомб». С. 118.

ГрФО и ОблФО свои доходы и не платили подоходного налога, тем самым обманули государство, что делать никому не положено»[1212].

Епископы сообщали патриарху Алексию: «…ретивые уполномоченные начали “тягать” архиереев на “доверительные беседы”»[1213]. Эта практика описана в проекте письма Патриарха Алексия I 1959 г. на имя Хрущева: «В ряде мест гражданские власти, вызывая к себе священнослужителей, требуют от них отречения от сана (свящ[енник] В. Устинов в с. Петровском Ставропольского края, требование в отношении свящ[енника] Мороза в Симферополе через его жену и друга). В некоторых районах (например, Крымская область) члены сельсоветов, врач, учительница, председатели колхозов, секретарь райкома вызывают членов церковных двадцаток и под угрозой требуют выхода из двадцатки (церковному старосте в пос. Черноморске угрожали снятием с работы всех его шестерых взрослых детей, состоящих на службе; в с. Пшеничном членам двадцатки угрожали лишением пенсии и т.п.)…»[1214]

Верующие с. Манино Липецкой области описывали, что для открытия церкви ими была собрана новая «двадцадка», но власти «тормозят, умышленно задерживают, оттягивают» открытие храма, запугивают «двадцадку» (не даст огородов, обложит налогами и т.д.). «Мы убедительно просим выслать из Патриархии своего представителя для опроса, что действительно мы состоим в двадцатке и желаем открыть церковь, и посмотреть, как спрашивают нас насчет церкви, это не опрос. А это следствие задает парторг всяким запугиванием, да он не имеет права не открыть церковь»[1215].

Члены общины с. Бобровка Сузунского района Новосибирской области в своем ходатайстве об открытии церкви жаловались на то, что председатель

[1212] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 386.

[1213] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 120.

[1214] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 63–67. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 260–264. Имеется в виду Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно атеистической пропаганды среди населения». Постановление см.: ЦК КПСС в резолюциях… М., 1971. Т. 6. С. 516–520.

[1215] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 530. Л. 77. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 471–478.

райисполкома и председатель Бобровского сельсовета тормозят продвижение их ходатайства об открытии церкви и списков верующих по тем причинам, что списки якобы составлены неправильно. По их информации, председателя сельсовета грозил активной гражданке Руденской, которую уполномочили прихожане представлять их интересы, предать ее суду за то, что она взялась хлопотать об открытии церкви. «Руденская, в беседе с местным уполномоченным в г. Новосибирске подтвердила, что действительно председатель Бобровского сельсовета Мышланов грозил ей судом, говорил при этом: “Это Вы контрреволюционное дело затеяли”»[1216].

18 октября 1948 г. Лука с возмущением заявил: «Приходская община Владимирской церкви находила для покупки три дома, была уже договоренность в цене и прочее, и владельцы домов с радостью их продавали, но затем, когда им приносили деньги, они со смущением заявляли, что передумали продавать и продавать не будут. Такое положение было трижды. Не иначе, как их куда-то вызывали и запретили им продавать дома для церкви»[1217].

Распространенность подобных практик привела к тому, что на заседании Синода 2 мая 1959 года (журнал Синода №12) было принято специальное решение об обращении в Совет с тем, чтобы разобраться с «дискредитирующими, осложняющими положение епархиальных архиереев действиями местных уполномоченных и других местных представителей гражданской власти»[1218].

[1216] О состоянии и деятельности русской православной церкви в г. Новосибирске и Новосибирской области за время с 1 июля по 1 октября 1944 г. : Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Новосибирской области // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–17. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 301.

[1217] Докладная записка уполномоченного председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпову о беседе с архиепископом Лукой. 18 октября 1948 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–134. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

[1218] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 202 а. Л. 101–102. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 252–255.

Цензура

Закрытая информационная природа советского государства накладывала отпечаток на циркуляцию информационных потоков и приводила к широкому распространению ***практик цензуры***, распространявшихся не только на переписку церковных иерархов с высшей советской бюрократией, но и на собственные высказывания патриарха и патриархии по сугубо церковным вопросам, не говоря уже о переписке с зарубежными приходами[1219].

Текст патриаршего послания 1944 г. согласовывался Советом с секретарем ЦК ВКП(б) А.С. Щербаковым[1220]. «Это стало нормой, и подобная практика сохранялась и в последующие годы»[1221].

Вся входящая зарубежная корреспонденция отправлялась патриархией на перевод в Совет. Ответы зарубежным контрагентам проходили согласование в Совете, который, в свою очередь, мог обращаться за экспертизой в другие ведомства[1222]. Как писал патриарх Алексий I в Совет: «Посылаю «ответы». Пожалуйста, сделайте в них, какие найдете нужными, исправления»[1223].

Под плотным контролем находились любые тексты внешнеполитического характера, оглашавшиеся на международных мероприятиях. В июле 1962 года

[1219] «Информационная политика партии и государства была нацелена на установление тотального контроля над информационным полем, что должно было обеспечиваться избыточной секретностью, цензурой и жестким контролем над распространением информации на макро- и микроуровне…» (*Парамонов В.Н.* Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–126). По некоторым данным, значительное влияние на подготовку обращений, писем Московской патриархии в адрес внутренней и внешней аудитории, чиновников Совета оказывали сотрудники Пятого управления КГБ (оно занималось борьбой с идеологической диверсией, преследованием диссидентов, защитой советского конституционного строя). Кейт Амс упоминает фамилию одного из офицеров КГБ, который, по ее мнению, отвечал за написание публичных заявлений патриарха и восхвалений сменявшим друг друга национальным лидерам с 1946 года (*Armes K*. Chekists in Cassocks : The Orthodox Church and the KGB // Demokratizatsiya 1. 1994. No. 4. P. 74.). О роли этого человека в информационном сопровождении работы патриархии упоминал и Вс. Чаплин (URL: https://kalakazo.livejournal.com/2719689.html (дата обращения: 01.02.2026)).

[1220] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.

[1221] *Лавинская О.В*. Советская Пасха 1944–1955 гг. По материалам фонда «Совет по делам религий при Совете министров СССР» (ГА РФ. Ф. Р-6991) // Ежегодник Государственного архива РФ : публикации, исследования, рецензии / гл. ред. С.В. Мироненко. М., 2023. С. 542.

[1222] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 55, 65, 66, 87 и пр.

[1223] Там же. С. 173.

Алексий I направил Куроедову речь на Конгрессе по проблемам мира, речь, которая уже прошла фильтр двух кураторов из органов госбезопасности[1224].

Процедуру согласования проходили послания Патриарха к пастве по случаю крупных церковных праздников. Согласовывались пасхальные, рождественские воззвания (1950 год[1225], 1953 год[1226] и пр.). К примеру, в 1962 году Алексий I обращался к заместителю председателя Совета по делам РПЦ В.Г. Фурову с просьбой разобраться в ситуации, когда на пасхальное послание, которое напечатано в государственной типографии и «прошло цензуру в Москве», было наложено вето уполномоченным Совета по Узбекской ССР[1227].

Цензурирование и переписывание церковных текстов чиновниками и кураторами приводило к весьма нетривиальным ситуациям, когда возникала проблема синтеза церковных и советских нарративов, их языка и стилистики. О таких коллизиях и о том, что фильтр цензуры был многоэтапным, свидетельствует следующий сюжет. В марте 1965 года, в процессе подготовки своего пасхального послания, Алексий I обратит внимание Куроедова, что некий «цензор» (так в источнике) потребовал «включить в это послание более конкретное изложение по вопросу о событиях на Востоке (Вьетнам)». Патриарх пытался отстоять «чистоту» церковного языка, отмечая, что оно «должно носить строго церковный характер… С рождественским посланием в декабре была такая же история, меня тогда очень расстроившая: мне представили текст вставки, и мне пришлось ее «подгонять» под церковный стиль, и все же получился диссонанс»[1228]. Финальная часть письма поражает своей прямотой и желанием продемонстрировать абсолютную системность: «Высшим и авторитетным для меня цензором я считаю Вас, глубокоуважаемый Владимир Алексеевич, а потому очень прошу Вас принять во

[1224] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 44. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 363.
[1225] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 558.
[1226] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–2 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 684.
[1227] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 34–34 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 357–358.
[1228] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 9–10. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 515–516.

внимание мои доводы и указать редакции оставить текст послания в том виде, в каком он вышел в моем изложении»[1229].

Нетрудно догадаться, что письма, поздравительные телеграммы, направлявшиеся на имя первых лиц государства, также проходили процедуру согласования в Совете. Скорее всего, согласованное письмо патриарха сопровождалось выдаваемой в Совете справкой. Сохранились многочисленные свидетельства проверки патриарших писем и телеграмм в честь государственных праздников на имя Сталина[1230], обращений с благодарностью за конкретные шаги государства навстречу церкви[1231]. 12 февраля 1948 г. Совет по делам РПЦ переслал письмо патриарха Алексия I на имя Сталина в ЦК ВКП(б) со словами благодарности за передачу Троице-Сергиевой лавры вместе со сборником церковных и патриотических выступлений главы церкви военного периода[1232]. Письма в адрес Н. Хрущева также направлялись на предварительное прочтение и одобрение[1233].

То же самое касалось обращений, писем в адрес партийной и советской номенклатуры. К примеру, в июне 1945 г. Карпов направил патриарху «необходимую справку» для его письма в адрес В.М. Молотова. Письмо могло быть отправлено из патриархии, но для надежности и ускорения его пересылку взял на себя аппарат Совета.

Стоит отметить, что и Совет, в свою очередь, пользовался услугами патриархии, когда речь о советской пропаганде за рубежом. Так, патриарх весьма лестно отозвался о тексте ранее упомянутой брошюры Г.Г. Карпова «О Русской православной церкви в Советском Союзе», отмечая, что «составленная

[1229] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 568. Л. 9–10. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 515–516.

[1230] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 6–8. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 688 ; С. 154 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 66. Л. 43–44. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 412–413.

[1231] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 38–39 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 149.

[1232] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 24. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 337.

[1233] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 454. Л. 70. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 376.

совершенно беспристрастно, на основании неопровержимых данных, [книга] не только четко определяет характер отношения нашего Правительства к Церкви», но и демонстрирует, «что это отношение Правительства к церкви не есть что-то временное, вызванное какими-либо внешними влияниями, а продуманное государственное мероприятие постольку прочное, поскольку руководители Церкви будут держаться принципов, установленных церковной политикой – и внешней и внутренней – патриарха Сергия»[1234].

Излишне говорить, что с Советом, высшим партийным руководством и органами госбезопасности согласовывались публикации, которые размещались в официальном печатном органе РПЦ – «Журнале Московской патриархии». Например, в 1947 г. Карпов направлял начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову послание одного из иностранных православных иерархов с вопросом о возможности публикации в журнале[1235].

Крымский архиепископ Лука в 1947 г. в частных разговорах так характеризовал редакционную политику ЖМП: «Возьмите, как пример, наш журнал, издаваемый Московской патриархией, он носит тенденциозный характер, все статьи пишутся в угоду правительству, и журнал ничего актуального – церковного – не имеет, так как выхолощен под контролем Карпова по политическим соображениям»[1236].

Личные неформальные связи

Неформальным институтом, который позволял обходить не только требования цензуры, но и достигать иных целей, являлся институт ***личных связей,*** личных доверительных отношений, которые выстраивались между чиновниками разных уровней и церковными деятелями. Они устанавливались с целью демонстрации лояльности в осознанном стремлении к доверительному контакту с

[1234] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 71–81.
[1235] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 140. Л. 64. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 145–146.
[1236] Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР. 3 февраля 1948 г. // Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 54. Т. 1. Л. 51–54. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 107–108.

противоположным лагерем, открывая возможность убеждать в своей точке зрения и проводить нужные решения, обходя формальные препятствия и ограничения, частично компенсируя риски и потери.

В любых общественных структурах, когда практика правоприменения, да и сами правовые нормы находятся в зоне мерцающей неопределенности, возникает б*о*льшая зависимость от личных контактов, связей (того, что в советской традиции именовалось институтом «блата»), а не от бюрократических процедур.

Как показывает анализ практик правоприменения, часто открытие храма, назначение того или иного лица зависели от умения епископа выстроить личные взаимоотношения с уполномоченным, личных предпочтений уполномоченных и прочих неюридических моментов. Это хорошо осознавали сами иерархи. К примеру, крымский архиепископ Лука говорил местному уполномоченному: «Все это зависит от уполномоченного, есть уполномоченные хорошие и плохие, там, где уполномоченный относится благожелательно к церкви и верующим, там церкви не закрываются, а вновь открываются».

В такой конструкции, и с учетом привычных для религиозных деятелей мыслительных схем, фигура председателя Совета была обречена на своеобразную, «светскую», сакрализацию. Как мы покажем далее, в воображении Алексия I председатель Совета представлялся фигурой, олицетворяющей высшую государственную справедливость, медиатором конфликтов, защитником церкви от «перегибов» исполнителей не местах.

Важно подчеркнуть, что необходимость в выстраивании доверительных контактов, личных связей, в особенности на начальном, военном и послевоенном этапе, осознавали обе стороны. Вероятно, это проистекало из понимания общности и важности задач, которые решались чиновниками и церковниками во внешней политике и противостоянии общему врагу. В поздравлении 1948 года Карпова с Первомаем Алексий I отмечал: «…Имею большое удовлетворение в том, что мой труд в большой степени переплетается с Вашим трудом и этот наш

совокупный труд совершается на пользу не только Церкви, но и Родины нашей»[1237].

В свою очередь Г. Карпов, описывая в докладе в Совет Министров СССР свою стратегию взаимодействия с главой РПЦ, сообщает: «В отношениях с патриархом должна иметь место *известная теплота*»[1238].

Очевидным мотивом церковной элиты для выстраивания тесных, почти дружеских, связей с чиновниками являлось получение поддержки Совета, других значимых политических акторов, по самому широкому кругу вопросов: от личных до сугубо церковных. Алексий I в письмах к Карпову иногда использовал формулу: «Это требует нашего обсуждения и принятия какого-либо полезного для православия решения»[1239].

Алексий I, в ответ на помощь в освобождении от потенциального уголовного преследования близкого ему Д.А. Остапова, 6 ноября 1946 г. написал Карпову: «Дорогой и глубокоуважаемый Георгий Григорьевич!.. Между нами давно уже установились самые добрые отношения, но настоящий случай Вашего исключительно сердечного отношения и участия ко мне лично привязал меня к Вам навсегда, и я вечно буду хранить в сердце не только самую глубокую к Вам благодарность и уважение, но и ничем неизгладимую любовь»[1240].

В одном из писем 1959 г. Алексий I прямо приписывал Карпову роль защитника от произвола местных уполномоченных: «Дорогой Георгий Григорьевич! Посылаю вам рапорт а[рхиепископа] Ростовского Иннокентия. Он просит меня дать ему указания… Но какие я ему могу дать указания, когда по ряду пунктов я могу только сказать, что требования уполномоченного по меньшей мере незаконны? <…> Приятно, дорогой Георгий Григорьевич, слышать о Вашем

[1237] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 370.
[1238] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 453. Л. 345–346.
[1239] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 130.
[1240] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 91–91 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 204–205.

здоровье. Только берегите себя – без Вас нам невозможно отражать неприятности от неверных действий власти на местах»[1241].

Тонкая ткань «теплых» личных взаимоотношений ткалась из множества, на первый взгляд, ничем не примечательных деталей. Например, таких. Учитывая регулярно возникавшие проблемы со здоровьем у председателя Совета по делам РПЦ, в письмах патриарха регулярно звучали нотки заботы, внимания к его физическому состоянию. В других письмах он передает привет жене Карпова (Марии Григорьевне) и «нисходящему потомству во главе с Томочкой – первоклассницей»[1242].

Сближению и налаживанию доверительных контактов первых лиц способствовали совместные поездки. 18 мая 1945 г. «сердечно преданный» Карпову Алексий I напишет: «Если я испытал большое удовлетворение от нашего прекрасного путешествия в Киев и от тех удобств, какие мы имели в пути и на месте, то этим я всецело обязан Вашему исключительному вниманию и отношению»[1243]. В сентябре 1948 г. Алексий, находясь в Сочи на отдыхе и лечении, предлагал главе Совета план совместной поездки «с неделю и несколько больше» на Рицу, в Новый Афон, Пицунду и Сухуми[1244].

Регулярной, перешедшей из «карповского» этапа в «куроедовский», стала неформальная практика совместных трапез. Они, как правило, были привязаны к дню рождения и именинам патриарха, крупным церковным праздникам, визитам важных зарубежных делегаций. В феврале 1945 г. Карпов побывал на именинах Алексия I[1245]. 7 апреля 1946 г. состоялся праздничный обед с делегацией греко-католиков Западной Украины по поводу «воссоединения»[1246]. В июле 1948 г. в

[1241] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 48–48 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 279–280.
[1242] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 400, 405 и др.
[1243] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 16–16 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 55.
[1244] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 66. Л. 30–32 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 398–399.
[1245] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 8. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 41.
[1246] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С.143.

резиденции патриарха состоялся совместный завтрак главы РПЦ и сотрудников Совета[1247].

Со сменой руководства Совета совместные обеды сохранили свое символическое и практическое значение, и обозначались патриархом как устойчивая традиция, привычная практика. Так, 5 октября 1963 г. он приглашает Куроедова и его заместителей на праздник в Троице-Сергиеву лавру со словами: «…Мы усердно просим Вас пожаловать согласно установленной традиции... Будем рады иметь Вас гостями на нашем празднике»[1248]. Сохранились многочисленные свидетельства подобных практик и в более поздние периоды[1249].

Подобная взаимная симпатия и невидимые связи выстраивались усилиями обеих сторон, росли и укреплялись после действий навстречу друг другу, в том числе в решении сугубо личных, не профессиональных, вопросов. Это касалось не только отношений элиты, но и рядовых исполнителей, с которыми отдельным церковных лидерам удавалось наладить почти дружеские контакты.

Механизм выстраивания тесных личных связей прекрасно описан в воспоминаниях митрополита Питирима (Нечаева). Он «не раз рассказывал, как вначале совет то и дело заворачивал материалы журнала, не разрешая их публикацию. Когда же ему удалось установить доверительные отношения с цензорами, то прежде «зарубленные» статьи прошли на ура. Разумеется, доверие со стороны совета потребовало от редакторов более жесткой самоцензуры... Владыка делился с нами, его ближайшим окружением, своей тактикой общения с чиновниками.

Он всегда настаивал на своем патриотизме, а не просто на лояльности к власти. Но все же действовало не то, что он говорил, а как. С кем бы он ни заговаривал, он всегда видел перед собой человека, личность, а не функционера… Их личная симпатия оказалась сильнее партийной непримиримости к религии.

[1247] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 386–387.
[1248] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 488. Л. 45а – 45б. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 418–419.
[1249] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 7. Л. 3 Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 544 ; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 7. Л. 8, 11, 11а об. Там же. С. 284–285.

Они с готовностью откликались, если их просил лично он… Запаса доверия у властей, которым владыка пользовался, хватало даже на то, чтобы покровительствовать священникам, попавшим в немилость к властям... Да и в своем успехе у властей владыка никогда не был уверен. Ведь чиновники, помогавшие ему, делали это «в порядке исключения». Владыка не сторонился тех, кто за ним приглядывал, даже, наоборот, смело сближался с этими людьми, искал с ними человеческого контакта»[1250].

«Живя в эпоху, когда «запрещено было все, кроме того, что было разрешено особым решением ЦК», владыка Никодим вынужден был включаться в закулисные игры, вести неофициальные переговоры, устраивать «хитрые обеды» с «нужниками» (нужными людьми), чтобы решить какое-либо дело в пользу Церкви. Он любил рассказывать историю про снабженца, который творил чудеса и мог доставать на базах любой «дефицит». Секрет снабженца заключался в том, что у него был нервный тик. Приходит он на базу и спрашивает: «Кирпич есть?» И вроде бы подмигивает заведующему складом. Тот подмигивает в ответ: «Найдем!» – «Древесина есть?» – «Конечно, есть!» и т.д.»[1251]

Обмен подарками

Еще одной важной составляющей практики доверительных отношений являлся ***ритуал обмена подарками***. Он сложился на самых ранних этапах ревитализации структуры церковного управления и изначально носил двусторонний характер.

Самое первое из найденных нами упоминаний этой практики относится к январю 1944 г., когда Карпов согласовывал с заместителем Председателя СНК СССР В.М. Молотовым подарок патриарху Сергию на 77 лет (23 января 1944 г). Он предлагал сделать подарок на 10 тыс. рублей, но итоговая сумма была увеличена до 30–35 тыс. руб. В докладной записке Молотову по итогам праздника от 27 января 1944 г. Карпов напишет, что на обеде было 23 человека, а согласно

[1250] *Дронов М., прот.* Митрополит Питирим – главный редактор // ЖМП. 2011. № 9 (сентябрь). С. 89.
[1251] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 149.

его указаниям, «Сергию был передан подарок общей стоимостью в 28 174 рубля», состоявший из предметов: золотых карманных часов с золотой цепочкой (23 098 руб.); 28 метров плюша зеленого на две рясы; 25 метров шелкового бархата зеленого цвета для патриаршей мантии; 15 метров черного шелкового репса на рясу и материала на 6 пар нательного белья, коньяка, шампанского, зернистой икры, фруктов. Карпов лично передал часы, патриарх был обрадован, «находился под впечатлением от полученного подарка» и предложил гравировку на часах, что это подарок от Совета[1252].

Опыт был признан удачным: «В соответствии с Вашими указаниями» Карпов предлагал к апрельской пасхе 1944 г. сделать подарки митрополитам Алексию и Николаю на 10 тысяч каждому и «восьми епископам, показавшим себя наиболее активным в патриотической деятельности по 5 тысяч каждому»[1253].

26 февраля 1945 г. патриарх в самых теплых выражениях благодарил председателя Совета за полученную на свои именины «любезную поздравительную телеграмму», в которой он видел дорогое для себя выражение внимания, а также за личное участие Карпова в праздничной трапезе и врученный ценный подарок[1254]. 6 мая того же года патриарх получил еще один «скромный подарок – картину Ап. Васнецова 1894 г. “Кремль”»[1255]. Еще одна картина была

[1252] Докладная записка Совета по делам Русской православной церкви в Совет народных комиссаров СССР о праздновании 77-летия патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 27 января 1944 // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 21–21об. Цит. по: Одинцов М. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2022. С. 679.

[1253] Докладная записка Совета по делам Русской православной церкви в Совет народных комиссаров СССР о праздновании 77-летия патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 27 января 1944 // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 498. Л. 21–21 об. Цит. по: Одинцов М. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2022. С. 679.

[1254] Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов был награжден орденом Ленина за выслугу лет в органах НКВД НКГБ указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1945 г. (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 344. Л. 1–18).

[1255] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 14. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 55.

направлена в патриархию в 1948 г., в день памяти «святейшего Алексия»[1256]. Патриарху была преподнесена «чудесная ваза»[1257].

В 1946 г. Карпов поздравляет патриарха с именинами и посылает ему «замечательный, изящный подарок», подобранный С.К. Белышевым[1258], видимо, по просьбе патриарха[1259]. 25 февраля 1947 г. Алексий I поблагодарил Карпова и Белышева за «прекрасный подарок» – «великолепную парчу», из которого будет сшито «роскошное облачение»[1260]. В 1948 г. Совет отправил ему зеленую парчу и «большое количество красной материи»[1261].

Впоследствии, вероятно, формат подарков стал более символическим, но сама практика сохранялась до конца 1980-х годов. И Карпов, и Куроедов в день рождения патриарха посылали ему поздравительную телеграмму и цветы[1262].

Алексий I, в свою очередь, не оставался в долгу и регулярно направлял в Совет, на имя Карпова и его заместителей, различные подарки. В одном из писем глава церкви упоминает о подарке от его сестры, которая направила заболевшему Карпову коробку конфет[1263].

1 мая 1945 г., «в честь окончательной победы над фашизмом и славы нашего оружия» Алексий преподнес Карпову для его кабинета патриотическую картину, изображающую Пожарского и Минина, которых благословляют Авраамий Палицын и Дионисий на ратные подвиги: «Она удобно уместится на стене над столиком, где у Вас стоит поднос с графином. А если Вы ее возьмете в свой домашний кабинет, мне будет еще приятнее»[1264].

[1256] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 339.
[1257] Там же. С. 164.
[1258] Белышев Сергей Константинович (1900–1962) – полковник госбезопасности, заместитель председателя Совета по делам Русской православной церкви с марта 1945 до 7 января 1957 гг.
[1259] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 49. Л. 17. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 129.
[1260] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 246.
[1261] Там же. С. 414.
[1262] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 194. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 284–285.
[1263] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 246–247.
[1264] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп, 2. Д. 33. Л. 15-15 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 52, 53.

Следом, в июне, Алексий I направляет «ковер – во всяком случае, совершенно персидский» для кабинета и из Каира «подушку, с пожеланием, чтобы она... служила верой и правдой»[1265]. Отправлял Карпову книги – «замечательное произведение Разумовского»[1266].

Однако, уже в 1947 г., мы замечаем, что патриарх был вынужден ограничивать свои порывы. В поздравлении Карпова и его супруги с 30-летней годовщиной Великого Октября, он с сожалением напишет: «Я был бы более удовлетворен, если бы, поздравляя Вас с этим знаменательным днем, я мог дать моему чувству искренней любви и глубокого уважения к Вам свободный ход, поднеся Вам на память об этом юбилейном дне «вещественный дар» также, как и от Вас я имею многие памятные дары. Но я имею сигнал, что для Вас нежелательны эти внешние знаки благодарного внимания…»[1267]

В контексте неформальных правил формула «я имею сигнал» (передававшийся кураторами через «телефонное право» или иными путями) весьма символична и отражает особенности механизма взаимодействия между субъектами, механизма, часто имевшего неформализованную природу.

Даже по материалам официальной переписки становится понятно, насколько отличался характер личных отношений между Алексием I и двумя руководителями советов – Карповым и Куроедовым. Напомним, что постановлением Совета Министров СССР от 6 февраля 1960 г. Г.Г. Карпов был освобожден от обязанностей председателя Совета по делам РПЦ. Этим же постановлением на должность председателя Совета был назначен В.А. Куроедов.

Вскоре Алексий признается в письме к ушедшему в отставку Карпову, что он и его окружение «с большой любовью» вспоминают большой опыт, отношение к церкви бывшего главы Совета, а также имевшую место в их взаимодействии

[1265] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 24. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 60.
[1266] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 136.
[1267] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 54–54 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 314.

«слаженность»[1268]. Характерно, что доверительные личные отношения между ними по-прежнему сохранялись.

Набор номенклатурных привилегий

Другой важнейший институт неформального контроля и управления, характерный для всего изучаемого периода, – номенклатурные привилегии. Осторожно предположим, что, притягивая церковную управленческую верхушку к себе подобными незримыми нитями, государство превращало ее в новую когорту советской номенклатуры по аналогии с цехами и организациями советских композиторов, ученых, писателей, художников и пр.[1269]

Как выглядели практики сложившейся в первые послевоенные годы системы спецобслуживания, которые закрепляли специфическое положение высших иерархов церкви как представителей советского нобилитета? Излишне говорить, что описанные далее практики не могли быть зафиксированы в нормативно-правовых актах формально атеистического государства.

Первая группа привилегий касалась отдыха на государственных дачах для высшего советского руководства и медицинского обслуживания (нередко отдых совмещался с прохождением медицинских процедур). Эта практика впервые фиксируется в 1947 г., когда Карпов доложил в Совет Министров СССР об обращении Алексия I «в Совет по делам РПЦ с просьбой предоставить ему рекомендованное врачами курортное лечение в Сочи с 1 сентября и выделить отдельное помещение (дачу), т.к. находиться в санатории общего типа по своему духовному сану и положению он считает неудобным»[1270]. Уже 2 сентября патриарх «со своей свитой» выехал в Сочи на месяц и остановился на даче,

[1268] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 176. Л. 57–58 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 302–303.
[1269] Tolz V. ‘Cultural Bosses’ as Patrons and Clients: the Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period // Contemporary European History. 2002, Feb. Vol. 11, issue 1. P. 87–105. DOI: https://doi.org/10.1017/S0960777302001054
[1270] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 150. Л. 70. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 304.

предоставленной хозяйственным управлением Совета Министров СССР[1271]. Ему также было обеспечено необходимое лечение.

Чрезвычайно любопытно, в каких восторженных тонах и подробностях живописует свой отдых Святейший: «Третий день нахожусь в изумительной природе Сочи, в прекрасной, удобной во всех отношениях даче и, можно сказать, наслаждаюсь отдыхом, полной тишиной и дивным воздухом… На даче, которая мне предоставлена, три большие комнаты: столовая, спальня-кабинет и спальня на две кровати, балкон, ванная комната и кухня». Заболевшему ангиной в Москве патриарху был обеспечен исключительный врачебный уход: «Доктора здесь удивительные, внимательные и обстоятельные. Меня «обозревали» терапевт и горловой более двух часов»[1272]. В письме он также упоминает, что в Сочи лечится армянский католикос Георг[1273].

В письме 23 сентября 1947 г. патриарх сообщил Карпову о своих поездках на озеро Рица и в Гагры, отмечая «исключительное внимание» к нему местных администраций: «Даже как-то неловко принимать столько знаков внимания и заботы»[1274].

Имевший не самое крепкое здоровье патриарх Алексий I регулярно пользовался услугами «кремлевских врачей». После одной из подобных консультаций по поводу болей в ноге, он запросит у Карпова разрешения сделать снимки тазобедренных суставов в «Кремлевской больнице». Сообщит, что врач рекомендовал ему ехать в Цхалтубо на принятие ванн для излечения[1275]. От себя добавим, что это было излишним – врачи такого ранга нестрого соблюдали врачебную тайну. Это понимал и сам патриарх. Когда в 1957 году группа врачей

[1271] Карпов отправлял ему письма на адрес: «Сочи, санаторий Совета Министров СССР, дача №12, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 44. Л. 26 ; Д. 150. Л. 92. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 304).

[1272] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 44–45 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 303.

[1273] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 43–43 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 305.

[1274] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 48–49 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 309.

[1275] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–2 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 684.

прилетала к нему в Одессу, пациент сообщил Карпову: «Доктор С.Н. Соколов, конечно, уже доложил Вам о своих надо мною наблюдениях»[1276].

Очевидно, что часть привилегий затрагивала не только первое лицо, но и ключевых иерархов. Так, в официальном некрологе 1955 г. митрополиту Ленинградскому Григорию (Чукову) говорилось о «немедленно приглашенных к нему» после неожиданного ухудшения самочувствия «врачах из Кремлевской поликлиники»[1277].

В лучших традициях советской номенклатуры патриарх стал обладателем собственной дачной резиденции. В 1952 г., по случаю 75-летнего юбилея Алексия I Правительство предоставило Московской патриархии под резиденцию территорию бывшей усадьбы Колычевых и примыкающие к нему постройки в Переделкино, тогда оно было за границами города. Патриарх очень любил Переделкино и почти 20 лет он постоянно жил и работал в этой загородной резиденции. Здесь он часто проводил встречи с Карповым и другими членами Совета, в особенности когда не позволяло состояние здоровья[1278]. Именно здесь он в 1970 г. в возрасте 93 лет скончался[1279].

Обладание служебной машиной в СССР являлось одним из важнейших критериев принадлежности к высшей советской номенклатуре. В периоды пребывания на отдыхе за патриархом была закреплена машина (в 1948 г. это был советский легковой автомобиль высшего и представительского класса ЗИС-110); выделялись также «две машины для спутников епископа Краснодарского, так что переезды совершенно безопасны и надежны»[1280]. ЗИС-110 был закреплен за Московской патриархией, что вызывало самую живую реакцию благодарности

[1276] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–2 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 684.

[1277] Кончина митрополита Ленинградского и Новгородского Григория // Журнал Московской патриархии. 1955. № 11. С. 5.

[1278] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 240.

[1279] Резиденция московских патриархов в Переделкино. URL: https://podvorie-peredelkino.ru/residence (дата обращения: 01.02.2026).

[1280] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 66. Л. 30–32 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 398–399.

(на грани с восторгом) со стороны главы церкви[1281]. В 1962 г. по распоряжению Совета Министров СССР патриархии был предоставлен легковой автомобиль «Чайка»[1282].

Архим. Августин (Никитин), описывая будни митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) в 1970-е гг., фиксировал: «Энергия владыки была неисчерпаемой. Даже одержимый сердечными недугами, он разрывался между обеими столицами. Лежа на одре болезни в Серебряном Бору, он постоянно работал с бумагами. Иногда что-то срочное нужно было отправить в Питер. И тогда начинал работать «воздушный мост». Иеромонах Лев выезжал на архиерейской «Чайке» в Шереметьево (Шереметьево-2 тогда еще не было) и вылетал в Ленинград. Секретарь епархии протоиерей Борис Глебов встречал его в Пулково, и епархиальная «Волга» следовала к адресату…»[1283]

Наличие подобных привилегий, которые были недосягаемы для большинства клира и мирян, приводило к возникновению прослойки людей, которые в буквальном смысле обслуживали интересы религиозной элиты. В документах Совета 1948 г. неоднократно появлялись упоминания об охране патриарха, которую ему предоставляло государство (отсюда – корни сохранившейся до сего дня практики государственной охраны патриарха). Например, как важная функция МГБ описывалось обеспечение безопасности Патриарха Алексия (Симанского) во время его путешествия в 1948 г. на пароходе в г. Горький[1284]. На отдыхе в Сочи его «всегда сопровождает в особой машине охрана»[1285].

Никого не смущало в бесклассовом обществе победившего равноправия и наличие прислуги в домах и дачах церковных иерархов. Алексий I сообщал в

[1281] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 46–46. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 307.
[1282] Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 354.
[1283] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 71–72.
[1284] *Бартенев Г.В*. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской православной церкви. 2022. Вып. 104. С. 118.
[1285] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 66. Л. 30–32 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 398–399.

Совет, что его сочинская дача «обслуживается двумя прислугами, стол превосходный; все – первоклассное»[1286]. В июле 1950 г. патриарх советуется с Карповым, как лучше перемещаться на встречу в Тбилиси: самолетом или поездом. В поездке поездом Патриарха Алексия I «смущало» то, что ехать почти неделю, духота и пыль в вагоне в самое жаркое время, возня с «отцепкой, прицепкой, с продуктами и прислугой»[1287].

Еще одна категория привилегий – перелеты первым классом и специальными государственными бортами, пользование особыми, депутатскими, залами в аэропортах.

В 1964 г. патриарх писал в Совет: «Прошу принять нашу благодарность за содействие в оформлении спецсамолета Ил-18 на нашу поездку в Афины, Женеву, Лондон с 16 по 29 сентября. Прошу также передать благодарность Министерству гражданского воздушного флота за выделение самолета Ил-18 с прекрасной командой авиаотряда 235»[1288]. Полеты митрополита Никодима за рубеж происходили в салонах 1-го класса[1289].

Митрополиты, не имевшие «зеленых корочек», а обладавшие обычными красными загранпаспортами, пользовались депутатским залом. Использование такого зала при вылете за границу и при возвращении освобождало от обязательного таможенного досмотра. Эту лазейку активно использовали для перевоза различных грузов сотрудники ОВЦС, что роднило их с МИДовскими работниками, «белой костью» советской номенклатуры. Очевидно, что подобные привилегии стали одним из важных факторов превращения ОВЦС в «первого среди равных» среди иных структур Московской патриархии.

Обратим внимание, что использование данной привилегии имело неожиданные и важные последствия. К примеру, владыка Никодим (и явно не только он) «пользовался этой привилегией и ввозил в страну центнеры

[1286] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 44–45 об. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 303.
[1287] Письма патриарха Алексия I в Совет. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 540.
[1288] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 529. Л. 63. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 460.
[1289] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 72.

религиозной литературы, пополняя книгами библиотеку Ленинградской духовной академии, раздавая семинаристам Библии брюссельского издания на русском языке. Книги он привозил из-за границы в чемоданах, которых у него было обычно не менее десяти. Объясняли такое количество тем, что владыка везет с собой архиерейские облачения, необходимые ему для совершения богослужения в поездках. Святитель «баловался контрабандой» в особо крупных размерах»[1290].

На международных рейсах у отдела внешних церковных сношений Московской патриархии не было «брони ЦК» на билеты, но митрополиты находили слабое место в системе. Как и в случае с цензурой, это был человеческий фактор: «В международной кассе «Аэрофлота» у ОВЦС все было «схвачено». Бывали тупиковые ситуации, когда действительно мест не было – вся уже «выбрана». И тогда аэрофлотовский кассир «брала грех на душу» – продавала второй билет на то же место. За это ей грозил выговор, и она просила сотрудника ОВЦС: «Вы уж там за меня помолитесь!» Владыка [митрополит Никодим] занимал «свое» место в салоне первого класса одним из первых, – при всех регалиях: в белом клобуке, с панагиями, с посохом. И появлявшийся затем «двойник» с простым кейсом не решался вступать в спор с маститым «князем Церкви». «Недоразумение» приходилось улаживать бортпроводницам, и «номенклатурщика из ЦК» пристраивали во втором салоне, но обслуживали по разряду первого класса»[1291].

Полеты через депутатский зал, являясь одним из элементов высокого социального статуса иерархов РПЦ, по-своему оригинально определяла их мотивацию в отношении Совета. «...Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) – летал за границу чаще других, – по «миротворческой линии». Тяжко дыша, опираясь на посох, осыпанный алмазами, он вальяжно шествовал через депутатский зал на посадку в самолет. Депутатский зал был у него уже «в крови», и, когда в конце «перестройки» члены Священного синода стали вести «антисоветские разговоры» о ликвидации Совета с его полицейскими функциями,

---

[1290] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 86.
[1291] Там же. С. 92–93.

киевский архиерей выражал свое несогласие с такой аргументацией: “Позвольте! Вот я, например, иду через депутатский зал под «гарантийное письмо» из Совета. А если Совет ликвидируют, то кто мне депутатский зал будет обеспечивать?”»[1292]

Появление у иерархов высшего звена права доступа к номенклатурным привилегиям в глазах советской бюрократии превращало их в неотъемлемую часть бюрократического аппарата. В результате еще больше размывало субъектность РПЦ как политического, идеологического института и делало его податливым и управляемым. С другой стороны, и здесь находились возможности для преференций и выгод как для религиозной элиты, так и для церкви как института в целом.

Компромат

Компромат – это дискредитирующая информация, которую можно собирать, хранить, продавать или использовать в стратегических целях.

Излишне говорить, что в советской системе управления органы государственной безопасности обладали наибольшими возможностями для накопления подобной информации. Сотрудники НКВД/МГБ/КГБ имели серьезное преимущество по сравнению с уполномоченными, так как накапливали компромат на совпартработников. Это был фактор превосходства чекистов над работниками аппарата.

В описанных нами практиках номенклатурных привилегий также были заложены широкие возможности для сбора разнообразной информации о первых лицах церковной иерархии. Прислуга, охрана, «кремлевские врачи» находились под плотной опекой органов государственной безопасности.

Существует значительное количество свидетельств того, как церковные структуры были инфильтрованы сотрудниками органов госбезопасности[1293], что

[1292] Там же. С. 90.

[1293] *Andrew C. and Mitrokhin V.* The Sword and the Shield : The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. New York : Basic Books, 2000. P. 486. Достоверно известно, что в окружении крымского архиепископа Луки в конце 1940-х годов находилось, минимум, 2 агента МГБ под именами «Вологодский», «Зайцев», которые регулярно пересказывали своим кураторам содержание личных разговоров с епископом. В 1949 году Лука пытался вычислить «крота» и

способствовало сбору подобного материала, создавало благоприятные условия для его использования.

Часть священников имела опыт преследований со стороны государства, что облегчало возможности воздействия, запугивания. Неоднозначные последствия оказывал и уже имевшийся ранее опыт сотрудничества с органами госбезопасности. В числе подобных примеров можно привести биографию архиепископа Мануил (Лемешевский), который в 1948 г был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, вышел в 1955 г. и через год реабилитирован. Член Синодальной комиссии по канонизации святых прот. Георгий Митрофанов писал об архиепископе так: «Этот, безусловно, выдающийся иерарх сыграл

вел с одним из агентов разговор следующего содержания (зафиксирован в докладной записке начальника Управления МГБ СССР по Крымской области): «2 марта сего года Лука вызвал к себе вечером нашего источника «Зайцева», сразу же при его входе задал ему вопрос: «Скажи мне, ты работаешь тайным сотрудником МГБ или нет?» На вопрос Луки источник ответил: «Дорогой владыко, я служитель Христов и не понимаю, о каком сотрудничестве Вы меня спрашиваете». Выслушав «Зайцева», Лука заявил: «Так слушай, я тебе разъясню: чекисты, переодетые в гражданское платье, а иной раз и не переодеваются, вызывают людей, которые слабы духом и силой воли, и их очень ласково начинают упрашивать, а иной раз предлагают со всякими угрозами – заставляют работать у них тайными сотрудниками, говоря им: ведь вы должны быть преданными патриотами своей Родины и должны выдавать нам изменников. Вот таким образом и ведется работа среди массы народа. И вот они, эти люди, должны составлять конспекты и подписывать кличкой, которую им дают, и вечером в определенное время должны являться, где ожидает их чекист.

Вот я приведу тебе пример: в городе Ташкенте, где я служил, у меня в соборе был протодьякон, правда, это было во время обновленчества, который работал тайным агентом, и у него была кличка «Дохлая крыса», и он так работал, а когда меня арестовали, то в камере, встретившись со мной, этот протодьякон, оправдываясь, говорил: «Что ж, владыко, они меня заставляли работать». Да, много было и сейчас есть архиереев и священников, которые так работают». На вопрос источника, как же они служили Богу, Лука, засмеявшись, ответил: «А так и служили, и у нас в соборе немало таких, даже среди духовенства. Таким образом эти мерзавцы вызывают и отбирают подписку о сотрудничестве, а как дал подписку, так и пропал».

Выслушав Луку, источник заявил: «Меня пока Бог миловал, еще не вызывали, да и вообще я не способен на это, ведь для этого, вероятно, есть особые люди. Вы, владыко, меня прямо напугали». Засмеявшись, Лука предупредил: «Мой дорогой! Если эти сволочи тебя вызовут, смотри, не давай подписки, а пошли их ко всем чертям. Смело скажи им: я работать вам не буду, как это было однажды со мной, а ты еще молод и неопытен, и в жизни они могут что угодно сделать. Эти антихристы подкупают не таких, а от меня, как горох от стенки, отскочили. Теперь нужно бояться своей тени, не только окружающих тебя. Собор наш полон шпионов».

«Зайцев» перекрестился и ответил Луке: «Спасибо, владыко, что предупредили, теперь я буду осторожен». После этого разговора Лука снова предупредил «Зайцева»: «В случае чего – никаких подписок, а посылай их ко всем дьяволам» (Из докладной записки начальника Управления МГБ СССР по Крымской области в МГБ СССР. 2 апреля 1949 г. // Архив ГУ СБУ в АРК. Ф. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 334–336. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 185–186).

огромную роль в ликвидации обновленческого раскола в Петрограде. В 1923 году за несколько месяцев он вернул большую часть приходов Петрограда в Патриаршую церковь. После этого он был арестован, освобожден, потом вновь арестован. В общей сложности он провел 25 лет в лагерях и последний раз был арестован в 1948 г. С конца 20-х годов он являлся секретным сотрудником ГПУ, затем НКВД. Это сотрудничество не спасало его даже от арестов, и всякий раз, выходя на свободу, он панически боялся снова оказаться в лагере. Этот страх побуждал его предавать людей, и он ужасно страдал от этого, будучи глубоко верующим священнослужителем и аскетичным монахом…»[1294]

Очевидно, что компромат играл значительную роль в реализации кадровой политики и текущем управлении процессами взаимодействия. Известно, что КГБ выдавал разрешения иерархам на заграничные поездки[1295]. Каждая поездка согласовывалась с Советом. Покинуть пределы страны мог только «проверенный» священнослужитель. В этой ситуации любое неблагонадежное, с точки зрения внешних наблюдателей, действие или заявление могло поставить крест на карьере любого священника.

Ранее мы писали, что все кандидатуры руководителей духовных образовательных организаций, преподавательский состав и студенты проходили проверку контрразведчиков.

К примеру, Совет обладал компроматом на протоиерея Боголюбова, которого патриарх Сергий предлагал на должность первого руководителя православно-богословского института в Москве. Карпов, в свою очередь, предлагал на это место митрополита Александра Введенского[1296].

[1294] *Митрофанов Г., прот*. Ответы на вопросы. Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь (г. Екатеринбург, 17 августа 2006 г.) // Официальный сайт Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря. URL: http://www.sestry.ru/church/content/life/events/40 (дата обращения: 10.01.2026).

[1295] ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 133. Л. 73–74. Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 274.

[1296] *Одинцов М.* Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944. М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2022. С. 642–645.

Помимо этого, используя компрометирующую информацию, органы госбезопасности могли весьма своеобразным образом вмешиваться в кадровую политику, игнорируя принятые внутрицерковные правила или прямо нарушая их. В интервью архиепископа Виленского и Литовского Хризостома 1992 г. говорилось: «Но вместе с тем среди нас, архиереев, а уж тем более среди священников, есть масса людей недостойных, аморальных. Вот эту их аморальность, пользуясь отсутствием у нас церковного суда, и использовал КГБ. Их защищали от нас, правящих епископов, чтобы мы не могли их наказывать…»[1297]

Оставляя за рамками исследования механизмы сбора компрометирующей информации сотрудниками НКВД/МГБ/КГБ, отметим, что свою роль в этом процессе играл институт общественных комиссий. «Лица, шпионившие за духовенством и верующими, при уполномоченном [Оренбургской области] П.А. Вдовине входили в состав созданных им «комиссий». Эта полуобщественная структура обычно имела своим начальником секретаря рай- или горисполкома и состояла по большей части из активных пенсионеров. Поскольку иметь штатных сотрудников такие комиссии не могли в силу отсутствия финансирования, а шпионаж должен был вестись достаточно грамотно (нужно было вникать в суть проповедей и вести записи, разбираться в финансовых и др. вопросах с целью их контролирования), то и активные пенсионеры-доносчики подбирались как профессионалы. У таких комиссий не было административных полномочий, кроме как установления и взыскания штрафа, и главной целью их существования было ознакомление уполномоченного с так называемыми «нарушениями» в церковной жизни»[1298].

[1297] Российская газета. 1992. № 52. С. 7. Цит. по: *Маслова И.И*. Русская православная церковь и КГБ (1960–1980-е годы) // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 86–96.

[1298] *Подмарицын, А., протодиакон.* Повседневная деятельность оренбургского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР П. Вдовина в начале 60-х годов XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (8). С. 133.

Кураторство

В СССР куратор – неофициальный представитель официальной власти, который «посылает сигналы», «подсказывает», неформальным образом воздействуя на объект своего кураторства.

Эту неформальную практику весьма сложно зафиксировать. Тем не менее современные исследования, посвященные изучению практик взаимодействия представителей органов государственной безопасности с иерархами и верующими, которых они курировали, показывают, что между ними складывались отношения взаимозависимости, часто далекие от тотального контроля однонаправленного давления[1299]. Один из бывших высокопоставленных офицеров центрального аппарата КГБ СССР утверждает: «...в конце 50-х – начале 60-х гг. органы безопасности не вмешивались в религиозную деятельность церкви, не принуждали священнослужителей нарушать церковные заповеди и выполнять какую-либо антицерковную работу. Мне за свою работу не стыдно...»[1300]

Существует множество свидетельств контроля КГБ над деятельностью церкви за рубежом и его успеха в обеспечении того, чтобы Всемирный совет церквей последовательно занимал позиции, выгодные советскому руководству[1301]. «В той мере, в какой советский КГБ вовлечен во всемирное движение за мир, разоруженческие организации и организации, выступающие за запрещение атомной бомбы на Западе, его влияние в первую очередь осуществляется через РПЦ, через аппарат базирующегося в Женеве Всемирного совета церквей»[1302].

[1299] *Беглов А.Л., Белякова Н.А.* Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве.

[1300] Контрразведка России. Очерки истории. От начала Великой Отечественной войны до наших дней. М. : Вече, 2023. С. 133.

[1301] *Armes K.* Chekists in Cassocks : The Orthodox Church and the KGB // Demokratizatsiya 1. 2004. No. 4. P. 72–73.

[1302] *Dreyfuss R.* Russian Orthodoxy and the Soviet KGB // Executive Intelligence Review. 1981. Vol. 8, No. 46, December 1. URL: https://larouchepub.com/eiw/public/1981/eirv08n46-19811201/index.html (accessed: 14.08.2025).

Связи Совета по делам РПЦ и органов государственной безопасности исследует Григорий Бартенев[1303]. Он указывает, что сотрудники НКГБ, например, препятствовали уполномоченным самостоятельно принимать решения об открытии храмов, требовали от них согласовывать все перемещения священнослужителей и т.д. Часть вопросов (например, связанных с церковным подпольем) уполномоченные автоматически должны были передавать в органы госбезопасности. Исследователь приводит свидетельства того, что последние использовали уполномоченных по делам религиозных культов в качестве осведомителей[1304]. А. Беглов подтверждает, что «Уполномоченные должны были предоставлять в областные организации «специальную информацию» о наличии нелегальных молитвенных домов и незарегистрированных священников»[1305].

Телефонное («позвоночное») право

Формой неформального, административного, влияния или давления, использования государственных ресурсов и полномочий в личных или партийных интересах являлось ***телефонное или «позвоночное»*** (от выражения «по звонку») ***право***. Оно подразумевает, что верховенство закона перекрывается исполнительной властью, которая сама действует как «закон» или «справедливость».

Специалисты обращают внимание, что правоприменительная практика в различных сферах существенно корректировалась «за счет фактической неподсудности касты партийно-государственных руководителей, распространенного телефонного или «позвоночного» права. Из разных источников, включая архивные документы и мемуары, становится известным, что многие важнейшие для страны решения, которые должны были соответствующим

[1303] *Бартенев Г.В*. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской православной церкви. 2022. Вып. 104. С. 108–121.

[1304] *Бартенев Г.В*. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности… С. 116.

[1305] *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 118–119.

образом обсуждаться и облекаться в юридическую форму, принимались келейно, а указания отдавались по телефону, иногда – чтобы скрыть преступные приказы»[1306].

Документы и воспоминания подтверждают, что телефонное право активно применялось и в интересующей нас сфере, работало на всех уровнях управления: от высших должностных лиц до рядовых исполнителей. Так, 29 апреля 1946 г. Г.Г. Карпов направил в Совмин СССР на имя И.В Сталина и Л.П. Берии докладную записку, в которой содержалось ходатайство о разрешении патриарху выехать в Болгарию на торжества в связи с 1000-летием основания Рильского монастыря, а также для проведения интронизации патриархом РПЦ митрополита Болгарского Стефана. Руководящие инструкции из вышестоящей инстанции были переданы по телефону. Берия санкционировал выезд делегации РПЦ в Болгарию и интронизацию. Кроме того, устно передавалось, что патриарх мог сообщить «митрополиту Стефану, что заем в 30 мил[лионов] левов может быть представлен, и [патриарх может] сказать, что, если он [Стефан] хочет больше получить, может рассчитывать и на большую сумму»[1307].

«За формальными причинами нередко стояло «телефонное право». На замечание уполномоченного о незаконности закрытия Колывановской церкви Новосибирской области заместитель председателя райисполкома Сорокин ему конфиденциально сообщил, что открывать церковь ему запретил секретарь РК КПСС»[1308].

По телефону часто проходило предварительное согласование с местным уполномоченным кандидатуры священника в конкретный приход. Вот как подобную коммуникацию с обобщенной фигурой чиновника описывает свящ. П. Адельгейм: «Прежде чем дать священнику указ, вопрос о его назначении на

[1306] *Пожаров А.И.* Обеспечение государственной безопасности в СССР : политические и правовые аспекты // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 77–78.

[1307] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 120–122 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 134.

[1308] Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 96. Л. 26. Цит. по: *Горбатов А.В.* Закрытие православных обществ в Сибири : основания, формы, методы. 1958–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 110.

приход архиерей «согласовывает» со Спиридонычем. И конфликтов не бывает. Замечательны телефонные разговоры между ними... Положит трубку и тяжело вздохнет. Вот и «согласовали»… Иногда архиерей вынужден «пробивать». Вот приезжает он к уполномоченному и делится с ним интимно, как со старшим товарищем: «Знаете, Петр Спиридоныч, священник Никифоров просится из Бутырска. Жена, говорит, больная. Климат, знаете… А Семеновка давно пустует… Священника уж очень просят…»[1309].

Часто распоряжения от чиновников Совета также передавались устно, без письменной фиксации. Указания требовали неукоснительного исполнения, в противном случае это «неизбежно влекло к самому нежелательному последствию для представителя духовенства – снятию его с регистрации. Эта постоянно присутствующая угроза становится орудием шантажа против активных священнослужителей, средством административного давления на духовенство»[1310]. В итоге процедура регистрации становилась актом санкционирующим, а не фиксирующим, как это следовало из буквы советского закона[1311].

Взятки[1312]

Взятки являлись распространенным инструментом обхода формальных запретов. Поскольку в вопросах об открытии или возобновлении деятельности храмов мнение уполномоченного было решающим, попытки «купить» уполномоченных на местах были нередким явлением. При затягивании

[1309] *Адельгейм П., иер*. Своими глазами. С. 198–199.

[1310] *Горбатов А.В*. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 43.

[1311] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 149. Л. 30.

[1312] Понятие «взятка» в данном случае используется не в его уголовно-правовом значении, но для описания распространенной в различных обществах неформальной практики. См. об этом: *Heinzen J*. The Art of the Bribe : Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66, No. 3. P. 389–412 ; *Макарова М.Н., Вахрушев Р.В.* Коррупционные практики как результат взаимодействия формальных и неформальных норм // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. № 1. С. 11–16.

рассмотрения ходатайств верующих складывалось впечатление, что уполномоченный делает это сознательно, ожидая благодарности за «хлопоты».

Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Новосибирской области докладывал: «Во время посещения меня 28 ноября 1945 г. гр-ном Симоновым (временный церковный староста молитвенного дома г. Болотное) последним мне была предложена взятка 1700 гр. сливочного масла и 1000 гр. свиного сала, якобы «подарок», присланный настоятелем молитвенного дома священником Крыловым... В своем письме Крылов пишет, что верующие снова хотят возбуждать вопрос о передаче им церковного здания в г. Болотное и просит его информировать по этому вопросу. По всей вероятности, взятка предложена в расчете на мою поддержку этого желания верующих и, конечно, самого Крылова»[1313].

Далее уполномоченный писал, что 28 мая 1946 г. к нему явился «представитель группы верующих г. Тогучин, Тогучинского района по вопросу об открытии молитвенного дома» и передал заявление в конверте, в котором также оказалось 500 рублей. Пришедший объяснил, что деньги передаются за то, чтобы чиновник помог и ускорил открытие молитвенного дома. В связи с этим инцидентом уполномоченный составил акт и направил его прокурору области для привлечения гражданина к ответственности[1314]. Он также сообщал: «Позднее, 24 июня, уполномоченная верующих г. Татарска Щербина явившись ко мне с заявлением верующих об открытии церкви, предложила мне, под видом подарка, масло, чтобы я ускорил решение об открытии церкви (как она объяснила). Мною

[1313] «Факт предложения взятки мною при свидетелях оформлен актом и весь материал с вещественным доказательством передан Облпрокурору», – заключил чиновник (О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 октября 1945 г. по 1 января 1946 г. : Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР по Новосибирской области // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–56 об. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 321).

[1314] О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 апреля по 1 июля 1946 г. : Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 19. Л. 14–18 об. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 333–334.

Щербиной сделано предупреждение и разъяснение о недопустимости предложения подарков»[1315].

Епископ Кировоградский и Николаевский Феодосий (Ковернинский) в 1948 г. пытался дать взятку уполномоченному Совета по Кировоградской области[1316]. В 1952 г. священник Н.Г. Пронский, настоятель церкви с. Некрасовка Ермишинского района Рязанской области, пытался дать взятку в 200 рублей рязанскому уполномоченному С.И. Ножкину. Уполномоченный заявил в прокуратуру, однако следствие было приостановлено, а дача денег была квалифицирована как неуместная попытка благотворительного взноса «на общегуманитарные цели».

Случаи покупки лояльности уполномоченного повторялись и позднее. В 1955 г. верующие пос. Елатьма, добиваясь открытия храма, приобщили к ходатайству 7 тетрадей с 1032 подписями и собрали для уполномоченного 2 тыс. рублей[1317]. В 1954 г. в Тамбовской епархии были зафиксированы две попытки дать взятку уполномоченному со стороны верующих с. Вторая Иноковка Кирсановского района и с. Пахотный Угол Бондарского района. Занимательно, что помимо советских денег, ходоки-просильцы приложили золотые червонцы царской чеканки. После угроз уполномоченного вызвать милицию деньги пытались просто подбросить в кабинет[1318]. Священник кладбищенской церкви

[1315] О состоянии и деятельности русской православной церкви по Новосибирской области и г. Новосибирску за время с 1 апреля по 1 июля 1946 г. : Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Новосибирской области // ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 19. Л. 14–18 об. Цит. по: Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). С. 333–334.

[1316] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 47–47 об. Цит. по: Письма партиарха Алексия I в Совет. Т. 2. С. 197–210.

[1317] Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 42. Л. 45–47, 13. Цит. по: *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 52–55.

[1318] Дело о неудачной попытке взяточничества дошло до суда. Как правило, в этом и ему подобных случаях суды, принимая во внимание преклонный возраст подсудимых, ограничивались условным наказанием (Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 16. Л. 10, 125. Цит. по: *Гераськин Ю.В*. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. С. 54).

г. Феодосии Серафим Пекло в 1960 г. давал взятку крымскому уполномоченному, о чем признался на допросе в милиции[1319].

Далеко не все уполномоченные, как рязанские и тамбовские, отличались принципиальностью. Имелись случаи и арестов уполномоченных на местах за тесное финансовое «сотрудничество» с церковниками. Так, в 1956 г. оренбургский уполномоченный А.Н. Березин, нашедший «компромисс» с церковью, был осужден на 3 года лишения свободы с конфискацией имущества за то, что «брал денежные взятки от духовенства; находясь в зависимости от них, Березин выдавал необоснованные разрешения духовенству на постройку домов, приобретение автомашин, терпимо относился к нарушениям духовенством законов, относящихся к Церкви»[1320].

* * *

В случае СССР можно уверенно говорить о «втором правосудии» – наборе неформальных практик, широко распространенных в правовой сфере. Эти практики возникли из-за отсутствия реального разделения властей, из-за зависимости судебной системы от исполнительной. «Второе правосудие» служило политическим целям правящего класса и частным интересам отдельных лиц[1321]. Мы видим, что среди его бенефициаров были и советские чиновники разных ведомств, курировавшие православие, и сами православные иерархи.

Нами зафиксирован ряд «неписаных» правил и практик разного характера. Первая их группа – практикуемые государством, которое имело значительный набор ресурсов и находилось в доминирующей позиции, – цензура, компромат, кураторство, телефонное право, система номенклатурных привилегий. Вторая группа – неформальные правила и подходы, которые использовала для обхода формальных и неформальных ограничений находившаяся в «слабой» позиции

[1319] Из справки уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой. 12 марта 1960 г. // ГААРК. Ф. Р-2647. Оп. 5. Д. 151. Л. 39–47. Цит. по: Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого). С. 381–382.

[1320] Центральный государственный архив Саратовской области. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 48. Л. 86–87. Цит. по: *Панов П., иер*. Церковно-государственные отношения в Оренбургской (Чкаловской) епархии в 1943–1991 года : дис. … канд. богосл. Сергиев Посад, 2020. С. 57–58.

[1321] Control : instruments of informal governance // *The Global Encyclopedia of Informality*. 2018. Vol. 2. P. 458.

церковь, – личные доверительные отношения, взятки, отдельные элементы номенклатурных бенефитов, стратегия «самодеятельности» в вопросах кадровой политики и самозахватов церковного имущества.

В результате «церковь была включена в систему традиционных для советских организаций отношений, где обменивались поздравлениями и дарили подарки»[1322]. Со временем она становилась одним из многих советских институтов с набором заимствованных у общества и государства неписаных правил игры, а ее высшее звено невидимыми, неформальными «нитями» личных связей, номенклатурных привилегий и других неписаных норм и практик плотнее и плотнее связывалось с элементами советской бюрократической машины. Она, в свою очередь, стремилась к установлению тотального контроля, обеспечению управляемости и полной лояльности с опорой на неписаные правила.

Однако будет ошибкой сказать, что это тесное переплетение давало явное преимущество только одному из игроков. В условиях демонтажа правовой рамки взаимодействий в рамках атеистического государства и слабой информированности о правилах игры, подвижности официальных правовых рамок, создавались благоприятные условия для идеологического маневра, использования церковью неформальных норм и правил для решения задач в частных интересах и интересах института. Обращает на себя внимание практика предварительного «согласования ожиданий», когда церковная сторона инициировала действия (например, вложения в ремонт или подготовку зданий) в расчете на последующее юридическое оформление уже сложившейся ситуации. Такого рода действия свидетельствуют о существовании специфического режима «опережающей легитимации», при котором фактическое поведение или сложившиеся практики становились аргументами в пользу принятия формального, законодательного решения.

В результате сложившаяся правовая модель фактически способствовала выстраиванию системы взаимодействия между государственными и религиозными организациями по формуле «ты – мне, я – тебе». Это привело к

[1322] *Лавинская О.В*. Советская Пасха... С. 544.

тому, что к середине 1980-х годов внутри церкви сформировалась «правовая серая зона» возможностей, которая придавала представителям церковного нобилитета уверенности, создавала ощущение возможности исторического реванша в исторической перспективе[1323].

§ 3.4. Институциональная модель правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

В настоящем параграфе обобщаются результаты проведенного исследования и обозначаются институциональные характеристики системы правового регулирования государственно-религиозных отношений, которая сложилась в СССР в 1940-х – 1980-х гг. В центре анализа – не отдельные нормативные акты или отдельные эпизоды правоприменения, а совокупность устойчивых институтов и практик, через которые может быть описана эта система.

Проведенное исследование подтверждает выдвинутую нами гипотезу о необходимости рассматривать правовое регулирование отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. как особую институциональную систему, действовавшую в логике общих закономерностей развития советской правовой политики, изучение которой невозможно сводить лишь к анализу нормативных правовых актов и правоприменительной практики в позитивистском смысле.

Эта система включала в себя формальную часть (правовые нормы), квазинормативные партийные установки, сложившиеся процедуры административного усмотрения, нормы церковного (канонического) права, а

[1323] Как предсказывал один из западных экспертов в 1981 году, терпя и взращивая под своим началом РПЦ, «советское руководство в один прекрасный день окажется поглощенным тем, что оно когда-то считало циничным инструментом государственной власти» (*Dreyfuss R.* Russian Orthodoxy and the Soviet KGB // Executive Intelligence Review. 1981. Vol. 8, No. 46, December 1. URL: https://larouchepub.com/eiw/public/1981/eirv08n46-19811201/index.html (accessed: 14.08.2025)).

также неформальные правила и практики, характерные как для государственных, так и церковных акторов, которые в совокупности задавали пределы правового допущения церковной активности, границы государственного вмешательства и внутрицерковного регулирования различных областей религиозной жизни.

В формально-нормативном измерении ключевой характеристикой выступал дуализм конституционных гарантий и фактически действовавшего специального законодательства о культах. Конституционные положения о свободе совести и отделении церкви от государства сохранялись в качестве декларативного «фасада», тогда как реально применяемые акты: декрет 1918 г., постановление 1929 г., послевоенные постановления Совета народных комиссаров (Совета Министров) СССР, инструкции и сопутствующие им секретные решения партийных и советских органов – формировали ограничительный и антирелигиозный режим регулирования. Этот дуализм являлся структурным элементом советского правопорядка, а не случайным противоречием, и обеспечивал возможность гибкого применения ограничительных мер в отношении религиозных организаций.

Его институциональными проявлениями можно назвать рамочный характер значительной части законодательства, создававший беспрецедентно широкие пределы административного усмотрения в вопросах регулирования деятельности религиозных объединений; избыточную секретность значимого массива правовых актов, порождавшую существенный дефицит правовой информации для церковных структур и верующих; а также доминирование «прерогативного» начала, выражавшееся в фактическом приоритете идеологических директив партийного аппарата и закрытых указаний над официально закрепленными нормами права. С точки зрения формальной иерархии нормативных актов именно конституционные положения задавали внешнюю рамку провозглашаемой религиозной свободы, однако реально действовавший массив законодательства о культах и связанных с ним подзаконных актов последовательно наполнял эту рамку ограничительным содержанием.

В осуществлении правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР участвовали различные институты с не совпадающими, а нередко и противоречивыми полномочиями и интересами: партийные органы (ЦК КПСС и партийные организации на местах), Совет по делам Русской православной церкви (религий) при Совете Министров СССР, исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов, органы государственной безопасности и внутренних дел. Партийные структуры определяли общую идеологическую линию и фактически корректировали применение норм права, задавая приоритеты правоприменения и создавая условия для произвольного толкования норм, что, в свою очередь, приводило к региональным и ведомственным расхождениям в применении законодательства о религиозных культах.

Советское государство и Русская православная церковь в исследуемый период подлежат рассмотрению как сложные институциональные образования, включающие совокупность подсистем, органов и организаций. Каждая из этих подсистем обладала собственной внутренней структурой, иерархией, логикой функционирования и целеполаганием, тогда как составляющие ее элементы (министерства и ведомства, партийные комитеты, центральные и епархиальные органы церковного управления, приходские общины) имели свои задачи, объем полномочий, ресурсные возможности и сферу ответственности. Различие их статуса и интересов предопределяло неоднородность практики реализации единой нормативной модели правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Особым государственным субъектом регулирования выступал Совет по делам Русской православной церкви (затем – Совет по делам религий) при Совете Министров СССР. В условиях советской политико-правовой системы он функционировал не как обычный орган исполнительной власти, а как институциональный посредник между партийно-государственным руководством и религиозной средой. Будучи формальным проводником антирелигиозной политики партии, Совет в своей практической деятельности ориентировался не

только на идеологические установки, но и на задачу поддержания управляемости религиозной сферы и сохранения некоторой предсказуемости взаимодействия с церковными структурами.

Эта двоякая функция предопределяла внутреннюю неоднородность в деятельности Совета: следование партийным директивам сочеталось с фактическим смягчением отдельных репрессивных мер, попытками предотвратить дестабилизацию на местах и вывести конфликты в управляемую, формализованную плоскость. В ряде случаев такая линия не полностью совпадала с текущими идеологическими установками ЦК КПСС и становилась предметом критики со стороны партийных органов, что дополнительно подчеркивало специфическое положение Совета как связующего звена в системе государственно-религиозных отношений.

Ключевым элементом институциональной структуры Совета выступали его уполномоченные в союзных и автономных республиках, краях и областях. На этом уровне осуществлялась непосредственная реализация регистрационной и надзорной политики, подготовка заключений по ходатайствам общин, наблюдение за положением дел в религиозной среде, включая мониторинг настроений духовенства и верующих, а также взаимодействие с местными партийными и советскими органами. Через систему уполномоченных общие установки центра адаптировались к региональным условиям, а возникавшие на местах конфликты и инициативы верующих включались в систему административных процедур и согласований, что обеспечивало поддержание заданных государством правовых границ религиозной деятельности в конкретных территориальных контекстах.

В условиях советской правовой реальности институциональная модель Русской православной церкви претерпела существенную трансформацию. Исторически православное церковное право формировалось в тесной связи с государственным правом и предполагало модель «симфонии» светской и духовной властей; государю приписывалась функция защитника истинной веры и своего рода «внешнего епископа» церкви. В имперский период церковь была

встроена в систему государственной власти, адаптируясь к ситуации, когда государственные законы во многом определяли её внутреннюю жизнь, а церковное право, в свою очередь, влияло на значимые сферы общественных отношений. После революций 1917 г. РПЦ оказалась в принципиально новой для себя ситуации: государство перестало быть православным и не признавало за церковью права оказывать институциональное влияние на общество, тогда как в канонической традиции отсутствовала разработанная альтернативная модель взаимоотношений с секулярной властью. В этих условиях церковно-правовой дискурс редуцировался преимущественно до вопросов внутреннего устройства, а теоретическое осмысление богословских принципов отношения к государству оказалось существенно ограниченным.

В процессе адаптации к новой правовой и политической реальности произошла деформация административных элементов церковного права при сохранении неизменным его догматического и канонического ядра, радикальное сокращение церковной инфраструктуры, а также фактическое огосударствление значительной части церковной кадровой политики. Изменение вектора государственной политики в 1940-е гг. и переход от открытого преследования религии к попытке институционализировать высшую церковную иерархию в качестве контролируемого субъекта, выполнявшего представительские и внешнеполитические функции, поставили РПЦ перед необходимостью адаптации к новой роли. В отсутствие иных богословско-канонических моделей церковь как институт выбрала стратегию лояльности советской власти и принятия установленных государством правил, стремясь при этом максимально использовать возникавшие возможности для сохранения инфраструктуры и расширения сфер дозволенного.

При этом РПЦ не являлась лишь пассивным объектом правового регулирования, а выступала институциональным актором, вырабатывавшим собственные стратегии взаимодействия с государственными органами. Церковные структуры разного уровня – от Московской патриархии в лице высших иерархов до епархий и приходов – использовали пробелы в законодательстве о

религиозных культах и несогласованность действий различных ведомств для смягчения ограничительных мер и расширения пределов фактически допустимой религиозной активности. Это превращало правоприменение в процесс институционального взаимодействия, основанный на постоянном поиске компромисса между государственным контролем и стремлением церкви к сохранению минимальной степени организационной автономии. Усвоение советских нормативных и административных практик приводило к внутренней перестройке церковного управления и способов взаимодействия с государственными органами. В результате сложились предпосылки для формирования феномена «советской церкви» – института, в рамках которого религиозная идентичность значительной части духовенства и мирян оказывалась совместимой с лояльностью к государству и принятием основных установок советского правопорядка.

Стремление Советского государства контролировать Русскую православную церковь выражалось прежде всего в использовании административно-правовых инструментов, направленных на вмешательство в вопросы кадровой политики и духовного образования. Устанавливая обязательное согласование назначений епископата и приходского духовенства, контролируя работу немногочисленных духовных школ, государство стремилось превратить РПЦ в управляемую квазигосударственную структуру, встроенную в систему советского административного контроля. В этих условиях вопросы «действенности» и «действительности» тех или иных актов, касавшихся церковной сферы, на практике решались в зависимости от текущей линии ЦК КПСС и баланса интересов между различными государственными ведомствами и церковными акторами, что придавало регулированию ситуативный и во многом прерогативный характер.

С точки зрения внутреннего устройства РПЦ, с одной стороны, сохраняла канонически значимую организационную структуру – иерархию, систему дисциплинарного подчинения, нормы канонического права. С другой стороны, под воздействием внешнего давления происходило фактическое огосударствление

значительной части церковной кадровой политики и воспроизводство в церковном управлении элементов советских бюрократических практик. Выбор стратегии институционального компромисса и лояльности, интеграция высшей иерархии в номенклатурную систему, готовность идти на уступки по административным вопросам становились для руководства РПЦ важнейшими условиями сохранения минимально необходимой церковной инфраструктуры и статуса религиозных общин.

Упомянутое выше специфическое правосознание значительной части духовенства и верующих, ставшее результатом длительного воздействия советской политико-правовой и идеологической системы на церковную среду, имело следующие характеристики. С одной стороны, оно опиралось на признание себя гражданами СССР и принятие декларируемых конституционных норм о свободе совести и других «социалистических завоеваний»; с другой стороны, сохранялось стремление отстаивать собственные представления об идеальной модели государственно-религиозных отношений и о пределах допустимого вмешательства государства во внутреннюю жизнь церкви.

Архим. Августин (Никитин) пишет о вынужденности двоемыслия советских иерархов, «чтобы не навредить церкви в СССР»[1324]. Он вспоминает Фэри фон Лилиенфельд, которая, указывая на публичное оправдание митрополитом Никодимом ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г., отмечала, что и «епископат Восточной Германии в те годы также был готов идти на значительные компромиссы с властями». Может быть, продолжает она, «среди церковных людей, внешне проявивших себя как коллаборанты, были и такие архиереи и священники, которых смело можно назвать исповедниками и даже мучениками»[1325].

[1324] *Августин (Никитин), архим*. Указ. соч. С. 214–215.
[1325] *Лилиенфельд Ф. фон*. Жизнь. Церковь. Наука и вера. М., 2004. С. 102–103.

Прот. Константин Костромин, на основе публикаций ЖМП размышляющий об адаптации церкви и «советском» мировоззрении верующих[1326], пишет, что социализм и коммунизм довольно редко упоминались в журнале, а «статьи без повода на чисто советскую идеологическую проблематику практически не писались»[1327]. С этим можно согласиться, впрочем, лишь с большими оговорками[1328].

Такая двойственность находила выражение, в частности, в официальной риторике Московской патриархии и советской церковной прессы, где демонстрация патриотизма, лояльности к политическому режиму, апелляции к конституционным нормам и внешнеполитическим тезисам сочетались с попытками закрепить за церковью пространство легитимного присутствия в общественной жизни.

Официальная риторика Московской патриархии уже в достаточной степени описана[1329]. Так, например, патриарх Алексий (Симанский) согласовывал с

[1326] *Костромин К., прот*. Отношение Русской православной церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 394–406.

[1327] Там же. С. 396.

[1328] Конечно, странно было бы ожидать от ЖМП статей в стиле «Коммунизм как идеал христианина». Но советская политическая и идеологическая повестка (разоблачения Ватикана, Запада, восхваление социалистического строя и т.д.) была обязательной частью официальных публикаций. Сам прот. Константин признает и описывает, что в ЖМП регулярно появлялись материалы к юбилеям Октябрьской революции, и даже подборки материалов о ее «завоеваниях». И хотя церковь действительно «не использовала для этого юбилейные дни рождения или смерти вождей», поздравления вождей «действующих» имели место в большом количестве. Тем не менее представляется возможным согласиться с выводом о том, что «динамика выражения лояльности» власти и ее вождям была «неровной и сильно зависела как от состояния церковно-государственных отношений, так и от сиюминутной политической конъюнктуры» (Там же. С. 104).

[1329] *Кимерлинг А.С*. Выполнять и лукавить : политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017 ; *Лапицкий К.В*. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства : институциональный анализ // Общество : политика, экономика, право : научный журнал. 2017. Вып. 11. С. 24–27 ; Советская идентичность и проблемы религиозности : православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг. / *А.В. Апанасенок, А.Ю. Бубнов, С.А. Кравченко [и др.]* Курск, 2022. 321 с. ; *Костромин К.*, прот. Отношение Русской православной церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 394–406 ; *Дегоев В.В., Эйриян В.А*. «Мы будем оправдывать доверие Правительства» : участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. // Россия XXI. 2024. № 2. С. 32–53 ; *Зудов Ю.В.* Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования

председателем Совета по делам РПЦ Г.Г. Карповым («на Вашу цензуру») проект телеграммы И.В. Сталину: «...если Вы найдете удобным, чтобы я послал ему приветствие к 7 ноября»[1330]. В телеграмме патриарх называл Сталина «великим вождем народов наших, приведшим страну нашу к победе и вдохновляющим ее в мирном труде»[1331].

С точки зрения институционального анализа широкое использование патриотических и правовых нарративов может рассматриваться как форма адаптации церкви к ситуации правовой неопределенности и административного контроля. Новый язык, вырабатывавшийся церковным руководством в диалоге с органами государственной власти, становился частью церковной традиции позднесоветского периода и транслировался на уровень рядового духовенства и верующих, формируя представление о том, что «советская» гражданская лояльность и православная религиозная идентичность в принципе совместимы. Руководство Совета по делам религий, в свою очередь, осознавало и позитивно оценивало этот процесс как «приспособление» церкви к социалистическим условиям и важный результат собственной деятельности, подлежащий дальнейшему поощрению и закреплению[1332].

Внутри института церкви обозначенный нами процесс в итоге способствовал еще б*о*льшему растворению формальных, канонических правил в системе неформальных договоренностей и специфических практик. Правосознание клира и мира все плотнее опиралось на представление о том, что религиозная идентичность «советского православия» неразрывно связана с послушанием и почитанием властей предержащих, а церковные каноны и нормы могут быть сочетаемы с предлагаемыми государством правилами игры в «серой

государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.) // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2025. № 4 (60). С. 29–43 и др.

[1330] Письмо патриарха Алексия Г.Г. Карпову. 4 ноября 1945 г. (Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 45–45 об). Цит. по: Письма патриарха Алексия I в Совет. Т. 1. С. 85–86.

[1331] Журнал Московской патриархии. 1945. № 11. С. 3.

[1332] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись. Цит. по: *Белякова Н.А.* «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…». С. 140–141.

зоне» и номенклатурными привилегиями во имя интересов православия и церковной корпорации (так, как они их понимали).

На уровне правоприменительной практики процедуры регистрации религиозных общин, передачи культового имущества и открытия/закрытия храмов носили неоднородный и ситуативный характер. В силу рамочности формулировок и оценочного характера многих норм эти процедуры могли использоваться местными органами власти и как формальный инструмент реализации провозглашенной в Конституции свободы совести, и как гибкий административный фильтр, и как инструмент целенаправленного воздействия на церковную инфраструктуру. Направленность правоприменения нередко определялась не столько положениями имевшихся правовых актов, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета по делам РПЦ (религий), партийного руководства и органов государственной безопасности, а также степенью активности самих верующих в конкретный период.

Региональный фактор и исторический контекст – географическое положение, особенности вхождения территории в состав СССР, уровень религиозности населения и готовность верующих добиваться регистрации общин и сохранения храмов – играли в этом существенную роль.

В отдельных вопросах, прежде всего кадровых, интересы государственных исполнителей и церковной иерархии могли пересекаться, формируя пространство взаимной зависимости. Наличие не всегда согласованных ведомственных приоритетов, а также определенная разбалансировка властной вертикали становились важными факторами неоднородности правоприменения в сфере государственно-религиозных отношений на местном уровне.

Государство использовало бюрократический механизм как средство давления на религиозные институты: инструменты административного затягивания процедур, перераспределения компетенций, ссылок на неясные или чрезвычайно жесткие процедурные требования позволяли ограничивать возможности общин и духовенства без формального отказа в праве на осуществление религиозной деятельности. С другой стороны, обращение

верующих к конституционным нормам в письмах в высшие государственные инстанции становилось для них важным ресурсом защиты, пусть и в условиях заведомо ограниченных возможностей. Систематические нарушения и злоупотребления на местном уровне – самовольное изъятие зданий, запугивание, игнорирование инструкций и правовых норм – углубляли разрыв между декларируемыми гарантиями и реальным положением верующих.

Парадоксальной чертой системы было то, что центральные органы, прежде всего Совет по делам РПЦ (религий), в ряде случаев вынуждены были сдерживать чрезмерную активность местных властей для сохранения видимости законности и управляемости, хотя это и не меняло общей установки на сужение пространства разрешенной религиозной деятельности. При этом Совет зачастую действовал реактивно, устраняя последствия уже предпринятых на местах действий, а не выстраивая единообразную регуляторную линию.

Системный разрыв между провозглашенными в Конституции СССР свободами и реальной правоприменительной практикой становился важным источником локальных конфликтов между верующими и местными органами власти. Не имея доступа к секретному массиву подзаконных актов, фактически регламентировавших деятельность религиозных общин, верующие выработали специфическую правовую стратегию сопротивления административному произволу.

В правосознании мирян и духовенства одновременно сосуществовали три установки:

1) советское законодательство формально гарантирует церкви и верующим определенные права;

2) повседневная практика администрирования на местном уровне систематически нарушает эти права;

3) высшая государственная власть при обращении к ней способна восстановить законность.

Именно сочетание этих трех представлений объясняет логику поведения как духовенства, так и мирян. В своих петициях и жалобах в высшие органы

государственной власти они последовательно апеллировали к конституционным нормам о свободе совести и религии, стремясь противопоставить их практике местных органов управления. В результате формально провозглашаемые конституционные гарантии превращались для верующих в главный доступный им легитимный инструмент защиты институциональной автономии церкви и собственных прав от административного произвола.

Кроме того, необходимость смягчения административного давления, поиска компромиссов между интересами различных государственных и церковных акторов приводила к распространению неформальных правил функционирования системы государственно-религиозных отношений и к широкому использованию практик неофициального урегулирования спорных ситуаций.

Слабая информированность о содержании нормативно-правовой базы в отношении деятельности религиозных объединений, о возможностях эффективного использования правовых механизмов для защиты прав верующих привели к тому, что функционально значимым элементом системы регулирования стала институционализация неформальных практик в сфере государственно-религиозных отношений. Церковная иерархия и представители государственной власти систематически прибегали к неформальным механизмам взаимодействия и согласования интересов: кураторству со стороны уполномоченных и органов государственной безопасности, выстраиванию доверительных личных отношений, предоставлению номенклатурных привилегий лояльному духовенству, кулуарным договоренностям и пр. Эти практики формировали обширную «серую зону» правоотношений – юридически не формализованные, но de facto нормативные, регулярные формы взаимодействия. Они использовались субъектами для ситуативного расширения границ дозволенного, снижения издержек в условиях правовой неопределенности и заложили институциональные основы для моделей взаимодействия церкви и государства в постсоветский период.

В совокупности все это формировало пространство неформальных переговоров, в котором юридическая норма выступала лишь одним из элементов

более сложной конфигурации регулирования государственно-религиозных отношений, ориентированной не столько на реализацию свободы совести, сколько на сохранение многообразия инструментов администрирования и контроля за религиозными институтами. Важным следствием этих процессов для правосознания церкви и верующих становились постоянная апелляция к авторитету центральной власти и опора на государственный бюрократический аппарат как на основной ресурс разрешения конфликтов, в том числе затрагивающих внутрицерковные вопросы.

Советское правовое регулирование сферы религии отличалось рамочным характером законодательства: наличием значительного массива норм с неопределенно широкими пределами толкования, размытостью компетенции органов государственной власти в конфессиональной сфере и отсутствием четких критериев правомерного поведения религиозных объединений, что создавало пространство для произвольного применения права.

Избыточная секретность правотворчества проявлялась в издании большого количества актов закрытого характера, зачастую противоречивших формальным декларируемым нормам, но при этом имевших приоритет для правоприменителя. Режим доступа к правовой информации полностью контролировался государством, и содержание таких актов не было известно верующим: оно лишь фрагментарно и в устной форме доводилось до духовенства. Система регулирования опиралась на «прерогативное» право, когда квазиправовые установки высших партийных органов, основанные на идеологических приоритетах, выраженных в секретных постановлениях ЦК КПСС, выступали прямым руководством к действию для государственных институтов и имели преимущество перед опубликованными нормами.

В таких условиях РПЦ стремилась преодолеть правовую неопределенность, сочетая использование доступных правовых процедур с обращением к различным неправовым механизмам, а советское право и правоприменительная практика оказывали заметное влияние на административные и дисциплинарные элементы церковного права при сохранении практически неизменным его догматического

ядра и базовых литургических форм. У верующих формировалось специфическое, двойственное правосознание: с одной стороны, принимались и внутренне усваивались декларируемые конституционные нормы, с другой – сохранялось стремление отстаивать собственное представление об идеальной модели взаимоотношений государства и церкви, о допустимых пределах вмешательства светской власти. В результате в РПЦ появился слой духовенства, сочетавший предельную лояльность по отношению к государству с попытками расширить пространство возможного для церковной жизни и смягчить действие существовавших ограничений, опираясь на правовые и неформальные ресурсы.

Архитектуру государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. целесообразно описывать в категориях правового плюрализма как асимметричное сосуществование конкурирующих нормативных порядков (термин Брайана Таманахи) – советского позитивного права и канонического права РПЦ – при безусловном институциональном и ресурсном доминировании государства. Стратегия государства в отношении церковного правопорядка была подвижной и зависела от политической конъюнктуры: от попыток инкорпорировать церковь в советскую систему в 1940-х гг., через фазу жесткого наступления конца 1950-х – начала 1960-х гг., к режиму политического контроля 1970-х – первой половины 1980-х гг. при формальном признании внутренней автономии религиозных объединений. Советское регулирование не уничтожило автономный канонический правопорядок, а локализовало его преимущественно во внутрицерковной сфере, где он продолжал определять корпоративную жизнь церкви и служил опорой религиозной идентичности верующих.

В такой конфигурации сосуществовали, с одной стороны, «нормативное государство», опиравшееся на официальные, писаные, институционализированные процедуры и правовые формы, и, с другой стороны, «прерогативное государство» – совокупность неформальных правил, подходов и ценностно-идеологических установок, легитимность которых выводилась из надправовой власти партийного и государственного руководства. При внешнем разрыве с имперской правовой традицией советская политико-правовая система

во многом воспроизводила черты «режима имперских прав» в том виде, в каком он сложился в пореформенную эпоху: отсутствие единой последовательной линии и дифференцированный подход к управлению неоднородными группами населения, теперь соотнесенными преимущественно с этнополитическими и конфессиональными конструктами позднесоветского времени.

Сформировавшееся в этот период институциональное поле – совокупность писаных и неписаных норм, в рамках которых действовали религиозные организации и государственные акторы, – обусловило специфическую модель советской секулярности, при которой религия все в большей степени становилась маркером национальной принадлежности и элементом символической политики. Это, в свою очередь, оказало заметное влияние на постсоветскую, постсекулярную рамку государственно-религиозных взаимодействий: предопределило особую конфигурацию отношений между государством и РПЦ, способствовало неоконсервативному повороту внутри самой церкви и усилению религиозного компонента в национальном дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1940-х – 1980-х гг. в результате взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви складывался специфический социально-правовой порядок (особая модель правового регулирования), который характеризовался:

– рамочностью советского законодательства о культах;

– доминированием прерогативного права;

– культурой секретности нормотворчества;

– наличием неправовых установлений и различного рода неформальных практик, влиявших на правоприменительную практику;

– стремлением РПЦ преодолеть правовую неопределенность путем использования доступных ей правовых и неправовых механизмов;

– существенным влиянием советского права и правоприменительной практики на такие элементы церковного права, как управление, внутренняя дисциплина и т.д., при сохранении практически в неизменном виде его догматического ядра и базовых элементов литургической традиции.

Разрыв между декларируемыми формальными правилами (прежде всего конституционно-правовыми нормами) и реальным правоприменением приводил к многочисленным конфликтам. Для того чтобы примирить это противоречие или обойти, преодолеть неопределенность, снизить риски, включались неформальные механизмы согласования интересов и достижения разными институтами своих целей. Духовенство было вынуждено использовать неформальные правила и практики для выстраивания отношений с советской бюрократией. Равным образом и представители государства, не всегда имея в распоряжении достаточные правовые средства для реализации меняющейся политики в отношении религии, практиковали различные неформальные инструменты воздействия. В итоге формировалась практически невидимая в позитивистской оптике «серая зона» правоотношений, тесно переплетенных государственных и религиозных институтов.

В этих условиях происходило сосуществование и взаимное влияние государственного и церковного правопорядков при доминировании первого, что способствовало формированию у церковных иерархов и верующих специфического правосознания, обусловило использование РПЦ как правовых, так и неправовых способов достижения своих институциональных целей.

С учетом полученных результатов мы можем считать поставленные цели и задачи достигнутыми. В процессе работы удалось подтвердить ряд гипотез, характеризующих основные тенденции государственно-религиозных взаимодействий в СССР в рамках историко-правового неоинституционализма:

– неформальные правила и практики играли важную роль в регулировании государственно-религиозных отношений (среди которых – «телефонное право», «клиентелизм», неформальные договоренности, селективное применение законодательства, деформализация правил и ряд других);

– религиозные институты не следует считать исключительно объектом контроля, они являлись субъектами институциональных взаимодействий;

– когнитивные рамки религиозных акторов формировали параллельные правовые реальности, которые находились в сложных, переплетенных отношениях с нормами светского права.

Полагаем, что институциональная колея имперской и советской эпох продолжает определять современные практики государственно-религиозных отношений. Советская политико-правовая система при декларируемом внешнем разрыве с системой имперского периода и сегодня продолжает придерживаться сложившегося в пореформенную эпоху конца XIX – начала XX в. «режима имперских прав» (по Дж. Бурбанк). Этот режим подразумевал отсутствие единообразной, последовательной политики, дифференцированный подход к управлению неоднородными группами подданных, объединенных по признаку сословной или конфессиональной принадлежности. Только теперь это разнообразие привязано к этническим конструктам – плодам коллективного воображаемого советской эпохи. Установившиеся в период 1940-х – 1980-х гг. неформальные правила и практики, будучи частью этого наследия, перешли и в

постсоветскую модель государственно-религиозных отношений, продолжая оказывать влияние на всех субъектов этих правоотношений сегодня. Институциональная преемственность проявляется и в существующей сегодня практике инструментализации правового дискурса, используемой как государством, так и религиозными организациями.

Новый методологический подход на основе синтеза идей наиболее авторитетных представителей институционализма, названный нами историко-правовым неоинституционализмом, задает новую перспективу, объект, предмет и направления для исследований в данной области. Появляется возможность изучить, как макроструктуры (государство, религия, право) влияют на социальную повседневность верующих и всего общества и как, в свою очередь, она влияет, поддерживает, переопределяет эти институты.

Предложенная аналитическая оптика позволила по-новому теоретически осмыслить устойчивые политико-правовые механизмы взаимодействия светского и церковного права, которые были основаны не только на нормативных установках и социальной реальности, но и на коллективных представлениях верующих о сверхъестественном, советских управленцев (лиц, принимавших решения), бюрократии, шире – советских граждан о своей стране, векторе ее развития. Мы убедились, что историко-правовой неоинституционализм позволяет изучать РПЦ как общественный институт, представляя его в качестве субъекта правоотношений с собственным набором формальных правил и когнитивных установок, которые взаимодействуют с нормами советского права.

Говоря о перспективе исследований, нужно отметить ограничения методологического подхода. Он, как и любой другой, является научно обоснованной интерпретацией, а его прогностический потенциал во многом зависит от социального и политического контекста. «Узкими местами» методологии, которые потребуют повышенного внимания и дальнейшей проработки, являются: сложность выявления и описания неформальных правил и практик; трудность реконструкции когнитивных рамок религиозных акторов на основе анализа дискурсивных практик, языка, ритуалов.

Междисциплинарность подхода предполагает совмещение юридического, исторического, политологического и антропологического языков описания, что чревато риском терминологической эклектики и требует постоянной методологической рефлексии со стороны исследователя. Применение этого историко-правового неоинституционализма к иным географическим, сакральным ареалам также потребует дополнительной верификации.

Тем не менее представляется, что предложенный подход продемонстрировал значительный эвристический потенциал для развития историко-правовых исследований, открывая новые возможности для изучения сложных взаимодействий правовых, религиозных и социальных институтов в их исторической динамике.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд Р-5446. Совет Министров СССР

Оп. 44. Управление Делами СНК СССР. 1943 г.

Д. 779. По общим и организационным вопросам, вопросам кадров и штатов Совета по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР (14 сентября 1943 – 16 декабря 1943). – Л. 1–65.

Фонд Р-6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР. г. Москва. 1943–1991

Оп. 5. Первый отдел.

Д. 976. Материалы Всесоюзного совещания уполномоченных Совета (25–27 апреля 1972 г., г. Москва). – Т. 1. – Л. 1–86.

Оп. 6. Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966–1991 гг.

Д. 56. Материалы заседаний Священного Синода Русской православной церкви (27 января 1966 – 28 ноября 1966). – Л. 1–46.

Д. 72. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР, относящиеся к деятельности Совета по делам религий Копии (2 февраля 1967 – 18 декабря 1967). – Л. 1–132.

Д. 73. Справки, письма в высшие партийные и правительственные органы по вопросам деятельности Совета (24 января 1967 – 18 декабря 1967). – Л. 1–205.

Д. 74. Протоколы № 1-11 заседаний Совета и материалы к ним (14 января 1967 – 29 декабря 1967). – Л. 1–108.

Д. 79. Записи бесед с патриархом Алексием по вопросам Русской православной церкви (21 февраля 1967 – 20 сентября 1967). – Л. 1–12.

Д. 94. Информация уполномоченных Совета по краям и областям РСФСР с письмами, жалобами, заявлениями верующих за 1967 г. – Л. 1–110.

Д. 131. Журналы заседаний Священного синода Русской православной церкви и Освященного собора Старообрядческой церкви (7 февраля 1967 – 10 октября 1967). – Л. 1–65.

Д. 3579. Указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления, распоряжения ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам, относящимся к деятельности Совета. Копии (17 декабря 1987 – 8 декабря 1988). – Л. 1–71.

Д. 3580. Письма, информации Совета, направленные в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о деятельности религиозных организаций. Т. 1 (6 января 1988 – 28 декабря 1988). – Л. 1–218.

Д. 3581. Письма, информации Совета, направленные в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о деятельности религиозных организаций. Т. 2 (6 января 1988 – 28 декабря 1988). – Л. 1–131.

Фонд Р-9514. Юридическая комиссия при Совете Министров СССР

Оп. 1. Опись документальных материалов постоянного хранения за 1956–1965 гг.

Д. 170. Заключение по проекту инструкции по применению законодательства о культах (27 июля 1960 – 1 апреля 1961). – Л. 1–273.

Д. 407. Проекты Положений : о вневедомственной охране при органах милиции ; о Совете по делам религий при СМ СССР (23 сентября 1965). – Л. 1–187.

Опубликованные архивные источники и сборники документов

1. 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко ; сост. О.В. Эдельман. – М. : Международный фонд «Демократия», 1999. – 944 с. – Текст : непосредственный.

2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. – М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994. – 1063 с. – Текст : непосредственный.

3. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. / подготовка изд. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. – М. : РОССПЭН ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997–1998. – 2 кн. – Текст : непосредственный.

4. Батченко, В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законотворчестве на рубеже 1920–1930-х гг. / В.С. Батченко. – Текст : непосредственный // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3/4 (47/48). – С. 305–331.

5. Белякова, Н.А. «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием…» Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарцева. 2 февраля 1977 г. / Н.А. Белякова. – Текст : непосредственный // Россия и современный мир. – 2019. – № 3 (104). – С. 130–156.

6. «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем вечной истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской духовной академии в первые годы ее существования / публ. Д.А. Карпука. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2016. – № 4. – С. 110–155.

7. В штабах Победы. 1941–1945 : документы в 5 кн. Кн. 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». – М. : Науч.-полит. кн., 2020. – С. 424. – Текст : непосредственный.

8. Гидулянов, П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик : УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Турк. / П.В. Гидулянов ; под ред. П.А. Красикова. – Изд. 3-е перераб. и доп. – М., 1926. – 271 с. – Текст : непосредственный.

9. Гидулянов, П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР : сборник узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ / П.В. Гидулянов ; под ред. П.А. Красикова. – М. : Тип. ГПУ, 1923. – 100 с. – Текст : непосредственный.

10. Государство и церковь в годы войны. Докладные записки председателей Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1945 г. – Текст : непосредственный // Исторический архив. 1995. – № 4. – С. 118–135.

11. Девятнадцатый съезд КПСС. 5–14 октября 1952 г. Бюллетени заседаний. – URL: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 03.12.2025). – Текст : электронный.

12. Декреты Советской власти. Т. 1–18 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат ; РОССПЭН, 1957–2009. – Текст : непосредственный.

13. Докладная записка Народного комиссара государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову. 3 июля 1943 г. (совершенно секретно). – Текст : непосредственный // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 188. – Л. 18. Подлинник.

14. Законодавство про релігійні культи (збірник документів і матеріалів). – К. : Політвидав України, 1971. – 262 с. – Текст : непосредственный.

15. Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – 210 с. – Текст : непосредственный.

16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8. 1946–1955. – М. : Политиздат, 1985. – 542 с. – Текст : непосредственный.

17. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 : документы и материалы : в 6 т. Т. 1. Кн. 1–4. / Архив Президента Российской Федерации (АП РФ) ; редколлегия : А.К. Сорокин (председатель) и др. – М. : РОССПЭН, 2017–2018. – 4 кн. – Текст : непосредственный.

18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1–15. – М. : Политиздат, 1983–1989. – 15 т. – Текст : непосредственный.

19. Крестный путь патриарха Сергия : документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 44–80.

20. Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого) : сб. док. – [Симферополь] : Новая Орианда, 2010. – 414 с. – Текст : непосредственный.

21. Лавинская, О.В. Советская Пасха 1944–1955 гг. По материалам фонда «Совет по делам религий при Совете министров СССР» (ГА РФ. Ф. Р-6991) / О.В. Лавинская. – Текст : непосредственный // Ежегодник Государственного архива РФ : публикации, исследования, рецензии / гл. ред. С.В. Мироненко. – М., 2023. – С. 539–551.

22. Москва Победная. 1941–1945 : Арх. док. и материалы. – М. : ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. – 712 с. – Текст : непосредственный.

23. О религии и церкви : сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и советского государства. – М. : Политиздат, 1977. – 143 с. – Текст : непосредственный.

24. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : документы и материалы в 6 т. Челябинская область. Т. 1. 1917–1945. – Челябинск : Книга, 2005. – 638 с. – Текст : непосредственный.

25. Одинцов, М.И. Как будто листаешь жизни мгновенья. По страницам личного дела патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова). 1953–1988 / М.И. Одинцов. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 2010. – № 1. – С. 62–101.

26. Орлеанский, Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР / Н. Орлеанский. – М. : Безбожник, 1930. – 223 с. – Текст : непосредственный.

27. Пивоваров, Н.Ю. Словом и делом : религиозный вопрос в сообщениях органов государственной безопасности в ЦК ВКП(б)/КПСС (1950-е – первая половина 1960-х гг.) / Н.Ю. Пивоваров, А.Д. Попов. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13, вып. 6 (116). – URL: https://history.jes.su/s207987840021693-1-1/ DOI: 10.18254/S207987840021693-1 (дата обращения: 24.06.2025).

28. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (десять лет из жизни патриарха Алексия) / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 25–83.

29. Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров СССР, 1945–1970 гг. : в 2 т. / М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации ; под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. : О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. – М. : РОССПЭН, 2009–2010. – 2 т. –Текст : непосредственный.

30. Политбюро и органы государственной безопасности : сб. док. / сост., вступ. ст., коммент. О.Б. Мозохина. – М. : Кучково поле, 2017. – 800 с. – Текст : непосредственный.

31. Политика оккупационных властей в Латвии. 1939–1991 : сборник документов / отв. ред. Э. Пелкаус. – Рига : Nordik, 1999. – 644 с. – Текст : непосредственный.

32. Послание Патриарха Тихона всем верным чадам Православной Российской церкви. 19 января 1918 г. – Текст : непосредственный // Центральный государственный архив Московской области. – Ф. 4613. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 318.

33. «Прошу Ваших указаний». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 2000. – № 2. – С. 153–186.

34. «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства» : доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 1999. – № 2. – С. 64–91.

35. Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха». 1917–1934 гг. : сборник документов и материалов. – М., 2012. – 319 с. – Текст : непосредственный.

36. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М. : Изд-во Крутиц. подворья ; О-во любителей церков. истории, 2009. – 765 с. – Текст : непосредственный.

37. Русская православная церковь в советское время. 1917–1991. Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. – М. : Пропилеи, 1995. – 400 с. – Текст : непосредственный.

38. Русская православная церковь и Великая Отечественная война : сборник церковных документов. – М. : Изд-во Московской патриархии, 1943. – 99 с. – Текст : непосредственный.

39. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941 гг. Документы и фотоматериалы / отв. ред. Я.Н. Щапов, отв. сост. О.Ю.

Васильева. – М. : Изд-во Библейско-Богословского Ин-та св. апостола Андрея, 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.

40. Русская православная церковь стала на правильный путь. Докладные записки председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 139–148.

41. Русская православная церковь стала на правильный путь. Докладные записки председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. (окончание) / публ. М.И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 1994. – № 4. – С. 90–112.

42. Савин, А.И. Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления Комитета государственной безопасности (1971 год) / А.И. Савин. – Текст : непосредственный // Исторический курьер. – 2022. – № 2 (22). – С. 188–205.

43. Советское государство и Русская православная церковь в Сибири (1920–1953). Документы и материалы / отв. ред. А.И. Савин, Д.Г. Симонов, прот. И. Затолокин. – Новосибирск, 2023. – 520 с. – Текст : непосредственный.

44. Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год. – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 1993. – № 1. – С. 137–144.

45. Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 год (окончание). – Текст : непосредственный // Исторический архив. – 1993. – № 2. – С. 90–126.

46. Татарстан в годы Великой Отечественной войны. Страницы социальной истории : сб. док. и материалов. – Казань, 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

47. Товарищ комсомол. 1918–1968 : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2. 1941–1968 / сост. В. Десятерик и др. – М. : Молодая гвардия, 1969. – 492 с. – Текст : непосредственный.

48. Униаты и советская власть (встреча в Москве. Декреты 1944 г.). – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 1994. – № 3. – С. 59–71.

49. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : алфавитно-предметный и хронологический указатели. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1959. – 256 с. – Текст : непосредственный.

50. Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона : Докладная записка Совета по делам религий при Совете Министров СССР в ЦК КПСС (1975(?) г.). – Текст : непосредственный // Вестник Русского христианского движения. – 1979. – № 130. – С. 275–344.

51. Церковь и государство. История правовых отношений / сост. свящ. Алексий Николин. – М., 1997. – 429 с. – Текст : непосредственный.

52. Шкаровский, М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (сборник документов) / М.В. Шкаровский. – М., 2003. – 364 с. – Текст : непосредственный.

Законодательство и партийные документы

53. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918). – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

54. Об утверждении текста Конституции (Основного закона) РСФСР : Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. (вместе с Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики). – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218 ; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – 26 мая. – № 118.

55. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII

Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). – Текст : непосредственный // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. 6 декабря. – № 283.

56. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1937 года. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1937. 31 марта. – № 2. – Ст. 11.

57. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года (принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР 7 октября 1977 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

58. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.). – М. : Известия Советов народных депутатов СССР, 1978. – 44 с.

59. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР : Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-I. – Текст : непосредственный // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 29. – Ст. 395.

60. Декларация прав народов России (утверждена СНК РСФСР 2 ноября 1917 г.). – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1917. – № 2. – Ст. 18.

61. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975). – Текст : непосредственный // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. – М., 1977. – С. 544–589.

62. Извлечение из обзора Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР от 15 марта 1965 г. о применении законодательства с целью отделения церкви от государства, школы от церкви, а также о применении законодательства в отношении религиозных культов. – Текст : непосредственный // Государственный архив Латвии. – Ф. 1448. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 24. Оригинал.

63. Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа (утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР 31 октября 1968 г.). – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 67.

64. Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 77–87.

65. Ислам и советское государство : сборник документов. Вып. 3 : (1944–1990) / сост. Д.Ю. Арапов. – М. : Марджани, 2011. – 522 с. – Текст : непосредственный.

66. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утвержден Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г.). – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 909.

67. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. – М. : Политиздат, 1988. – 159 с. – Текст : непосредственный.

68. Материалы пленума ЦК КПСС 19–21 сентября 1989 г. – М. : Политиздат, 1989. – 252 с. – Текст : непосредственный.

69. Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (приняты 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973). – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 28 апреля 1976 г. – № 17. – Ст. 291.

70. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

71. О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1975. – № 27. – Ст. 572.

72. О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : Декрет ВЦИК и СНК РСФСР (принят 18 декабря 1917 г.). – Текст : непосредственный // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

73. О задачах партийной пропаганды в современных условиях : Постановление ЦК КПСС. 9 января 1960 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9 (1956–1960). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 491–511.

74. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения : Постановление ЦК КПСС 7 июля 1954 г. – Текст : непосредственный // Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. – Ф. 17. – Оп. 59. – Д. 400. – Л. 143–150.

75. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения : Постановление ЦК КПСС. 7 июля 1954 г. – Текст : непосредственный // Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. – Ф. 17. – Оп. 59. – Д. 400. – Л. 143–150.

76. О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний : Постановление ЦК ВКП(б). 20 июня 1949 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 8 (1946–1955). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – С. 194.

77. О налоговом обложении доходов монастырей : Постановление Совета Министров РСФСР от 6 ноября 1958 г. № 1251. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 35.

78. О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей : Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. № 1160. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 35.

79. О недостатках научно-атеистической пропаганды : Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам. 12 сентября 1958 г. / публ. М. И. Одинцова. – Текст : непосредственный // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. – С. 359–366.

80. О перечне лиц, работающих в религиозных организациях, на которых распространяется законодательство о труде : Постановление Президиума ЦК профсоюза рабочих местной промышленности и коммунального хозяйства от 21 августа 1962 г. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 52–53.

81. О подоходном налоге с населения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. – Текст : непосредственный // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. – М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. – С. 327–335.

82. О порядке использования культового имущества при снятии с регистрации религиозных обществ и закрытии молитвенных зданий : Письмо Минфина СССР от 7 июля 1961 г. № 242. – Текст : непосредственный //

Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 48–49.

83. О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях : Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 29 августа 1945 г. № 2215. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 33.

84. О порядке обложения налогами граждан, получающих доходы от религиозных органов, а также предприятий этих органов : Письмо Минфина СССР от 26 февраля 1966 г. № 81. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 42.

85. О порядке обложения налогами служителей религиозных культов : Инструктивное письмо Минфина СССР от 13 декабря 1946 № 870. – Текст : непосредственный // Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. – 1947. – № 2.

86. О порядке обложения налогами служителей религиозных культов : Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 33–34.

87. О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов : Постановление СНК СССР от 19 ноября 1944 г. № 1603. – Текст : непосредственный // ЦГА Москвы. – Ф. Р-150. – Оп. 24. – Д. 22. – Л. 116–119.

88. О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов : Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР (приложение

к постановлению № 1603 СНК СССР от 19 ноября 1944 г.). – Текст : непосредственный // ЦГА Москвы. – Ф. Р-150. – Оп. 24. – Д. 22. – Л. 117–119.

89. О порядке открытия церквей : Постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325. – Текст : непосредственный // Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. Р-3610. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 74–75.

90. О православных церквях и молитвенных домах : Постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. – Текст : непосредственный // Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. Р-220. – Оп. 13. – Д. 17. – Л. 67. Ротаторный экз.

91. О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик : Закон от 15 марта 1946 г. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-7523. – Оп. 35. – Д. 13а. – Л. 5 ; Ведомости Верховного Совета СССР. – 1946. – № 10.

92. О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР : Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. № 1043. – Текст : непосредственный // Собрание постановлений Правительства СССР за 1965 г. № 1-25. Ст. 221. – М. : Юрид. лит., [б. г.].

93. О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР : Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. – Текст : непосредственный // Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 8. – С. 601.

94. О прокуратуре СССР : Закон Союза Советских Социалистических Республик от 30 ноября 1979 г. № 1162-X. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49. – Ст. 843.

95. О работе Добринского райкома партии Липецкой области : Постановление ЦК КПСС. 12 сентября 1968 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов,

конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11 (1966–1970). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 358.

96. О работе с кадрами в партийной организации Киргизии : Постановление ЦК КПСС. 21 октября 1958 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9 (1956–1960). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 267.

97. О работе ЦК Компартии Таджикистана по выполнению решений XXIII съезда КПСС : Постановление ЦК КПСС. 17 декабря 1968 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11 (1966–1970). – М. : Изд-во полит. лит, 1986. – 573 с.

98. О распространении законодательства о труде на лиц, работающих в качестве рабочих и служащих в религиозных организациях : Постановление Совета Министров СССР от 23 мая 1956 г. № 686. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 50.

99. О расторжении брака : Декрет ВЦИК и СНК (принят 29 декабря 1917 г.) . – Текст : непосредственный // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

100. О регистрации религиозных объединений : Постановление НКВД РСФСР от 1 октября 1929 г. № 329 (пункт 3). – Текст : непосредственный // Бюллетень НКВД. – 1929. – № 37. – С. 690–691.

101. О религиозных объединениях : Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР. 8 апреля 1929 г. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1929. – № 35. – Ст. 353.

102. О руководстве Куйбышевского обкома партии идеологической работой : Постановление ЦК КПСС. 6 июня 1962 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10 (1961–1965). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 257.

103. О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой : Постановление ЦК КПСС «». 6 июня 1962 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10 (1961–1965). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 248.

104. О самообложении сельского населения : Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. № 108/1576. – Текст : непосредственный // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 23 сентября 1937 г. – № 60. – Ст. 258.

105. О свободе вероисповеданий : Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1. – Текст : непосредственный // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 21. – Ст. 240.

106. О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1. – Текст : непосредственный // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.

107. О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области : Постановление ЦК КПСС. 11 марта 1959 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9 (1956–1960). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – С. 428.

108. Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 12. – Ст. 219.

109. Об идейно-воспитательной работе с руководящими кадрами в Ташкентской городской партийной организации : Постановление ЦК КПСС. 9 апреля 1963 г. – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10 (1961–1965). – М. : Изд-во полит. лит, 1986. – 493 с.

110. Об организации работы Верховного Совета СССР по реализации решений второго Съезда народных депутатов СССР : Постановление Верховного Совета СССР от 15.02.1990 № 1184-1. – Текст : непосредственный // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 8. – Ст. 96.

111. Об организации Совета по делам русской православной церкви : Постановление СНК СССР № 993. 14 сентября 1943 г. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 179. Подлинник.

112. Об организации Совета по делам русской православной церкви : Постановление СНК СССР № 993 14 сентября 1943 г. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 179.

113. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. – Текст : непосредственный // Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 1. – С. 861 ; СУ РСФСР. – 1918. – № 18. – Ст. 263 ; Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1918. – 23 янв. – № 15.

114. Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения : Постановление ЦК КПСС. 10 ноября 1954 г. – Текст : непосредственный // Правда. – 1954. – 11 ноября. – № 315.

115. Об улучшении научно-атеистической пропаганды среди молодежи : Постановление ЦК ВЛКСМ. Январь 1957 г. – Текст : непосредственный // Товарищ комсомол. 1918–1968 : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2. 1941–1968 / сост. В. Десятерик и др. – М. : Молодая гвардия, 1969. – С. 163–167.

116. Об усилении атеистического воспитания населения Постановление ЦК КПСС. 16 июля 1971 г. – Текст : непосредственный // Об идеологической работе КПСС : сборник документов. – М. : Политиздат, 1977. – С. 309–311.

117. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. 4 мая 1961 г. (утвержден Законом РСФСР от 16.12.1961). – Текст : непосредственный // Ведомости ВС РСФСР. – 1961. – № 18. – Ст. 273.

118. Об утверждении Перечня изменений действующего законодательства РСФСР, вытекающих из издания Положения о Рабоче-крестьянской милиции и Положения о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 января 1932 г. – Текст : непосредственный // СУ РСФСР. – 1932. – № 8. – Ст. 41.

119. Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР : Постановление СНК СССР от 7 октября 1943 г. № 1095. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 44. – Д. 779. – Л. 26–28.

120. Об утверждении Положения о Юридической комиссии при Совете Министров СССР : Постановление Совмина СССР от 13 июня 1958 г. № 635. – Текст : непосредственный // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1958. – № 10. – Ст. 89.

121. Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1962. – № 13. – Ст. 166.

122. Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в г. Саратове : Постановление СНК СССР от 10 мая 1944 г. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 304 б ; Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 37.

123. Об утверждении предложения Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия богословско-пастырских курсов в гг. Киеве, Ленинграде, Львове, Луцке, Минске, Одессе и Ставрополе : Постановление СНК СССР от 22 марта 1945 г. № 511-147с. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 106. – Д. 135. – Л. 182.

124. Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) : сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. – М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. – 465 (XXIV) с.

125. По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям : Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 106. – Д. 153. – Л. 249–250.

126. Положение о Министерстве внутренних дел СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 июня 1972 г. № 452. – Текст : непосредственный // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10. – С. 281.

127. Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (утверждено постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 6–8.

128. Положение об управлении Русской православной церкви : Постановление СНК СССР. Москва. Кремль, 28 января 1944 г. – Текст : непосредственный // ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 241. – Л. 23 об – 23 ок.

129. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. – Текст : непосредственный // Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов / под общ. ред. В.А. Куроедова, А.С. Панкратова ; сост. Г.Р. Гольст, Д.М. Ночвин. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 10–24.

130. Постановление Секретариата Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 5 октября 1956 г. Протокол № 20. – Текст : непосредственный // Бюллетень ВЦСПС. – 1956. – № 19. – С. 5.

131. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Изд-во агентства печати «Новости», 1986. – 98 с. – Текст : непосредственный.

132. Резолюции и постановления XXII съезда КПСС (Москва, 17–31 октября 1961 г.). – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 10 (1961–1965). – Изд. 9-е, доп. и испр. – М. : Изд-во полит. лит., 1986. – 493 с.

133. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. – М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1956. – 500 с.

134. Справка КГБ СССР о религиозной обстановке в стране в ЦК КПСС от 18 января 1971 г. – Текст : непосредственный // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 63. – Д. 89. – Л. 2-17.

135. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва). – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 06.12.1926. – № 80. – Ст. 600.

136. Устав Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Изд-во агентства печати «Новости», 1986. – 27 с. – Текст : непосредственный.

Периодические издания

137. Журнал Московской патриархии. 1943–2025. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты диссертаций

138. Абдулов, Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений : 1917–1991 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.Т. Абдулов. – Уфа, 2006. – 303 с. – Текст : непосредственный.

139. Алейников, В.Н. Религиозная политика советского государства и ее влияние на церковную жизнь Ставрополья в 1953–1964 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Н. Алейников. – Ставрополь, 2013. – 22 с. – Текст : непосредственный.

140. Бабинов, Ю.А. Государственно-церковные отношения в условиях России : историко-методологический анализ : дис. ... д. филос. наук : 09.00.10 / Ю.А. Бабинов. – М., 1993. – 291 с. – Текст : непосредственный.

141. Белкин, А.И. Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х – начале 60-х годов XX века (на примерах русского православия) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.И. Белкин. – Саранск, 1995. – 230 с. – Текст : непосредственный.

142. Борисова, В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг. : на материалах Зауралья : дис. … к. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Борисова. – Тюмень, 2012. – 223 с. – Текст : непосредственный.

143. Боровой, Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.Д. Боровой. – Ставрополь, 2004. – 28 с. – Текст : непосредственный.

144. Васькин, А.Н. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви : предпосылки создания, основание и развитие (1970-е гг. – начало XXI в.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Н. Васькин. – Кемерово, 2013. – 290 с. – Текст : непосредственный.

145. Володина, Н.В. Теоретические основы правового регулирования отношений государства и религиозных объединений : сравнительно-правовой

анализ : автореф. дис. … д. юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Володина. – СПб., 2010. – 56 с. – Текст : непосредственный.

146. Гаранова, Е.П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.П. Гаранова. – Нижний Новгород, 2004. – 27 с. – Текст : непосредственный.

147. Гарькин, И.Н. Православные религиозные объединения и государство в 1945–2000 гг. (по материалам Пензенской области) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / И.Н. Гарькин. – Чебоксары, 2013. – 223 с. – Текст : непосредственный.

148. Глушаев, А.Л. Протестантские общины в городах и рабочих посёлках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Л. Глушаев. – Пермь, 2013. – 176 с. – Текст : непосредственный.

149. Горбатов, А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. : дис. … докт. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Горбатов. – Томск, 2009. – 437 с. – Текст : непосредственный.

150. Грашевская, О.В. Политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. : центр и местные власти (на материалах Мурманской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / О.В. Грашевская. – Мурманск, 2005. – 19 с. – Текст : непосредственный.

151. Гребенников, Р.В. Е.М. Ярославский как воинствующий марксист-атеист : автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук / Р.В. Гребенников. – Минск, 1966. – 22 с. – Текст : непосредственный.

152. Демидова, Н.И. Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Н.И. Демидова. – М., 2007. – 21 с. – Текст : непосредственный.

153. Дорская, А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX века : дис. … д. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Дорская. – М., 2008. – 402 с. – Текст : непосредственный.

154. Елсуков, А.В. Приходские организации РПЦ в 1945–1964 гг. : религиозная и гражданская деятельность (на материалах г. Москвы и Московской области) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Елсуков. – Иваново, 2012. – 197 с. – Текст : непосредственный.

155. Ершов, А.Л. Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929–1941 гг. (на материалах Владимирского края) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Л. Ершов. – Иваново, 2012. – 241 с. – Текст : непосредственный.

156. Жеберятьева, Е.Е. Государственно-конфессиональные отношения в Алтайском крае в 1945–1990 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.Е. Жеберятьева. – Барнаул, 2012. – 242 с. – Текст : непосредственный.

157. Иванченко, С.В. Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской православной церкви в СССР : дис. ... к. юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Иванченко. – М., 2011. – 178 с. – Текст : непосредственный.

158. Иошкин, М.В. Влияние религии и атеизма на молодежь в 1958–1964 гг. (на материалах Тамбовской области) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / М.В. Иошкин. – Тамбов, 2015. – 201 с. – Текст : непосредственный.

159. Камалова, А.И. Основные принципы и направления государственного регулирования государственно религиозных отношений в светском государстве : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / А.И. Камалова. – М., 2019. – 30 с. – Текст : непосредственный.

160. Маковский, А.А. Государственно-конфессиональные отношения в региональном политическом процессе (на примере Саратовской области) : дис. … к. полит. наук : 23.00.05 / А.А. Маковский. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – 201 с. – Текст : непосредственный.

161. Марченко, А.Н. «Хрущевская церковная реформа» и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона (1958–1964 гг.) : автореф. дис. … д. ист. наук : 09.00.13 / А.Н. Марченко. – М., 2008. – 64 с. – Текст : непосредственный.

162. Маслова, И.А. Финансово-хозяйственная деятельность Русской православной церкви на Среднем Урале в 1944–1988 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / И.А. Маслова. – Екатеринбург, 2014. – 30 с. – Текст : непосредственный.

163. Михайловский, А.Ю. Взаимоотношения власти и Русской Православной Церкви в 1943–1965 гг. : на материалах Рязанской области : дис. … к. ист. наук : 07.00.02 / А.Ю. Михайловский. – Владимир, 2011. – 267 с. – Текст : непосредственный.

164. Одинцов, М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) : дис. в виде науч. доклада … д. ист. наук : 07.00.02 / М.И. Одинцов. – М., 1996. – 50 с. – Текст : непосредственный.

165. Одинцов, М.И. Критика концепции «христианского патриотизма» Русской православной церкви : дис. ... к. философ. наук : 09.00.06 / М.И. Одинцов. – М., 1987. – 157 с. – Текст : непосредственный.

166. Оль, П.А. Право как форма социально-исторической реальности : теоретико-гносеологическое исследование : дис. … д. юрид. наук : 12.00.01 / П.А. Оль. – СПб., 2006. – 402 с. – Текст : непосредственный.

167. Панов, П., иер. Церковно-государственные отношения в Оренбургской (Чкаловской) епархии в 1943–1991 годах : дис. … канд. богосл / П. Панов, иер. – Сергиев Посад, 2020. – 248 с. – Текст : непосредственный.

168. Пашков, В.П. Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв. : автореф. дис. … канд. богосл. / В.П. Пашков. – СПб. : Санкт-Петербургская духовная академия, 2023. – 36 с. – Текст : непосредственный.

169. Петров, И.В. Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940–1945 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / И.В. Петров. – СПб., 2014. – 328 с. – Текст : непосредственный.

170. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. … д. юрид. наук : 12.00.01 / О.Н. Петюкова. – М., 2011. – 494 с. – Текст : непосредственный.

171. Полат, С. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в условиях Второй мировой войны и послевоенный период : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / С. Полат. – М., 2001. – 197 с. – Текст : непосредственный.

172. Полозова, К.А. Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929–1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / К.А. Полозова. – Иваново, 2014. – 216 с. – Текст : непосредственный.

173. Пущанский, В.В. Правовое регулирование функционирования Русской православной церкви в России в XX веке : историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Пущанский ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2006. – 178 с. – Текст : непосредственный.

174. Савельев, А.А. Источники по истории христианских сект Западного Забайкалья (30-е гг. XIX в. – начало XXI в.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / А.А. Савельев. – Улан-Удэ, 2014. – 261 с. – Текст : непосредственный.

175. Сердюк, М.Б. Религиозные организации в советском обществе 1941–1954 гг. (на примере Дальнего Востока) : дис. … докт. ист. наук : 07.00.02 / М.Б. Сердюк. – Владивосток, 2012. – 309 с. – Текст : непосредственный.

176. Соколова, Н.В. Государственно-правовое регулирование церковных отношений в советской и современной России : историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Соколова. – Нижний Новгород, 2004. – 232 с. – Текст : непосредственный.

177. Сосновских, Е.Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985–1997 гг. (на материалах Челябинской области) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.Г. Сосновских. – Челябинск, 2014. – 330 с. – Текст : непосредственный.

178. Степанченко, А., прот. Проблемы кодификации законодательства, действующего в Русской православной церкви : дис. … канд. богословия / А. Степанченко, прот. – М. : Московская духовная академия, 2003. – 200 с. – Текст : непосредственный.

179. Сырых, В.М. Метод правовой науки : структура методов теоретического познания государства и права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.М. Сырых. – М., 1982. – 416 с. – Текст : непосредственный.

180. Трегубенко, В.В. Религиозный вопрос на Ставрополье и Кубани в 1941 г. – начале 1960-х гг. : сущность, место в обществе, отношение власти : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Трегубенко. – Ростов-на-Дону, 2013. – 223 с. – Текст : непосредственный.

181. Тягай, Д.Е. Совершенствование законодательства о стандартизации как условие обеспечения качества продукции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Д.Е. Тягай. – М., 1984. – 17 с. – Текст : непосредственный.

182. Фоминых, Е.В. Проекты церковных преобразований в России в нач. XX в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.В. Фоминых. – Ленинград, 1987. – 161 с. – Текст : непосредственный.

183. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР : 1943–1965 гг. : дис. … д. ист. наук : 07.00.02 / Т.А. Чумаченко. – М., 2011. – 535 с. – Текст : непосредственный.

184. Яковлев, А.В. Институциональный подход в юридической теории государства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Яковлев. – М., 2009. – 194 с. – Текст : непосредственный.

185. Яшина, М.А. Русская православная церковь в условиях авторитарного политического режима в советском государстве. 1917 – начало 1930-х годов (на материалах Южного Урала) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / М.А. Яшина. – Оренбург, 2013. – 34 с. – Текст : непосредственный.

186. Hacker, S. Die Reform der theologischen Ausbildung in der Russischen Orthodoxen Kirche nach den Vorgaben der Bischofskonzilien 1989–2011 : Dissertation (Doktor der Theologie) / S. Hacker. – Wien, 2011. – 330 s. – Text : direct.

187. Hoppe-Kondrikova, O. Struggling for Civility. The Idea and the Reality of Civil Society: An Interdisciplinary Study with a Focus on Russia : Doctoral dissertation / O. Hoppe-Kondrikova. – Radboud University Nijmegen, 2012. – 456 p. – Text : direct.

188. Voogt, R. J. Making Religion Acceptable in Communist Romania and the Soviet Union, 1943–1989 : Doctoral dissertation in History / R. J. Voogt. – Lexington : University of Kentucky, 2017. – DOI: 0.13023/ETD.2017.238. – Text : electronic.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

189. Авакьян, С.А. Конституция России : природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – Текст : электронный. – URL: http://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651 (дата обращения: 18.02.2026).

190. Августин (Никитин), архим. Церковь плененная : митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников) / Августин (Никитин), архим. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 674 с. – Текст : непосредственный.

191. Адельгейм П., прот. Реанимация церковного суда. О теоретической невозможности церковного суда / П. Адельгейм, иер. – Текст : электронный // Портал-Credo.Ru. 2008. 4 июня. – URL: https://web.archive.org/web/20080702024448/http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=780 (дата обращения: 12.10.2024).

192. Адельгейм, П., иер. Догмат о Церкви в канонах и практике / П. Адельгейм, иер. – Псков, 2002. – Текст : непосредственный.

193. Адельгейм, П., иер. Своими глазами : повесть в трех частях / П. Адельгейм, иер. – М. : Крестовоздвиженское малое православное братство, 2010. – 310 с. – Текст : непосредственный.

194. Александров, Ю.А. Декрет о свободе совести / Ю.А. Александров. – М. : Советская Россия, 1963. – 40 с. – Текст : непосредственный.

195. Александрова-Чукова, Л. Духовные школы в социалистическом государстве : дело жизни митрополита Григория (Чукова) / Л. Александрова-Чукова. – Текст : непосредственный // Тетради по консерватизму. – 2024. – № 4. – С. 198–220.

196. Александрова-Чукова, Л.К. Архиерейский собор 21–23 ноября 1944 года, его цели и задачи : свидетельства участника – архиепископа Григория (Чукова) / Л. Александрова-Чукова. – Текст : непосредственный // Церковь. Богословие. История. – 2021. – № 2. – С. 49–67.

197. Александрович, А.И. Сектантство в Воронежской области и работа по его преодолению / А.И. Александрович, Г.Я. Кандауров, А.М. Немировский. – Текст : непосредственный // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – 1961. – Вып. 5. – С. 58–75.

198. Алексеев, А.В. Теоретико-правовой взгляд на обязательность (юридическую силу) норм церковного права / А.В. Алексеев. – Текст : непосредственный // Теология. Философия. Право. – 2019. – № 2(10). – С. 68–78.

199. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М. : Политиздат, 1991. – 398 с.– Текст : непосредственный.

200. Алексеев, С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С.С. Алексеев. – М. : Госюриздат, 1961. – 187 с. – Текст : непосредственный.

201. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 221 с. – Текст : непосредственный.

202. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 311 с. – Текст : непосредственный.

203. Алексеева, Н.В. Социальное положение Русской православной церкви в СССР в первой половине 1950-х гг. (по материалам государственного архива Архангельской области) / Н.В. Алексеева. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 5. – С. 21–24.

204. Амелина, Т.В. Значение, структура и наполнение отчетов Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Москве и

Московской области А.А. Трушина / Т.В. Амелина, В.В. Никонов. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4-2 (103). – С. 6–12.

205. Апанасенок, А.В. Паломнические поездки советских граждан на Святую Землю в отражении «Журнала Московской Патриархии» : 1964–1967 гг. / А.В. Апанасенок. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История : информационно-аналитический журнал. – 2024. – № 2. – С. 7–27.

206. Атеизм в СССР : становление и развитие / ред. А.Ф. Окулов, В.И. Гараджа, Э.Г. Филимонов. – М. : Мысль, 1986. – 235 с. – Текст : непосредственный.

207. Байбаков, С.А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.) : по новым архивным материалам / С.А. Байбаков. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – № 5. – С. 128–149.

208. Балашов, Н., прот. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) как епархиальный архиерей / Н. Балашов, прот. – URL: http://vologda-seminaria.ru/protoierej-nikolaj-balashov-arhiepiskop-mihail-mudyugin-kak-eparhialnyj-arhierej (дата обращения: 17.05.2026). – Текст : электронный.

209. Барменков, А.И. Свобода совести в СССР / А.И. Барменков. – М. : Мысль, 1986. – 222 с. – Текст : непосредственный.

210. Бартенев, Г.В. Борьба за Саратовскую духовную семинарию в контексте церковно-государственных отношений в 1944–1951 гг. / Г.В. Бартенев. – Текст : непосредственный // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2024. – № 47. – С. 149–173.

211. Бартенев, Г.В. Взаимодействие сотрудников Совета по делам РПЦ и органов госбезопасности в период 1943–1953 гг. / Г.В. Бартенев. – Текст : непосредственный // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II : История. История Русской православной церкви. – 2022. – Вып. 104. – С. 108–121.

212. Беглов, А. «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику : формирование и бытование традиции / А. Беглов, Н. Белякова. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 4 (39). – С. 169–199.

213. Беглов, А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье / А. Беглов. – М. : РОССПЭН, 2018. – 350 с. – Текст : непосредственный.

214. Беглов, А.Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления / А. Беглов. – Текст : непосредственный // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 104–129.

215. Беглов, А.Л. Русская православная церковь. XX век / А.Л. Беглов, О.Ю. Васильева, А.В. Журавский. – М. : Сретенский монастырь, 2015. – 792 с. – Текст : непосредственный.

216. Беглов, А.Л. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве : механизмы коллаборации, стратегии выживания, источники / А.Л. Беглов, Н.А. Белякова. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. Т. 13, вып. 6 (116). – URL: https://history.jes.su/s207987840021686-3-1 (дата обращения: 03.10.2025). – DOI: 10.18254/S207987840021686-3.

217. Беккин, Р.И. «Люди в верности надежные…» : татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века) / Р.И. Беккин. – М. : НЛО, 2022. – 552 с. – Текст : непосредственный.

218. Беликова, Н.Ю. Государственная политика в отношении Русской православной церкви в 1958–1964 гг. (на материалах Краснодарского края) / Н.Ю. Беликова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 5. – С. 135–147.

219. Белов, В.И. Лад : очерки о народной эстетике / В.И. Белов. – М. : Мол. гвардия, 1982. – 293 с. – Текст : непосредственный.

220. Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е.В. Белякова. – М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. – 665 с. – Текст : непосредственный.

221. Белякова, Н. Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма / Н. Белякова. – Текст : непосредственный // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 207–214.

222. Белякова, Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР / Н.А. Белякова. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 640–658.

223. Белякова, Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия…» : обращения и жалобы верующих в брежневском СССР / Н.А. Белякова. – Текст : непосредственный // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 640–658.

224. Белякова, Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР : проблема регистрации / Н.А. Белякова. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 124–130.

225. Белякова, Н.А. Церковь в социалистическом государстве : особенности русской правовой традиции / Н.А. Белякова. – Текст : непосредственный // Религии мира : история и современность / под ред. Е.В. Беляковой, А.В. Назаренко. – М. ; СПб. : Нестор-история, 2012. – С. 428–468.

226. Бенда-Бекманн, К., фон. Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма / К. фон Бенда-Бекманн. – Текст : непосредственный // Обычное право и правовой плюрализм : материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г., Москва). – М., 1999. – С. 9–12.

227. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права / И.С. Бердников. – Казань : Тип.-лит. Имп. ун-та, 1913. – Текст : непосредственный.

228. Беседа с архиепископом Керченским Анатолием (Кузнецовым). – Текст : электронный // Интернет-портал Иркутской епархии. 03.09.2008. – URL: http://www.iemp.ru/interviju/detail.php?ID=1602 (дата обращения: 02.10.2025).

229. Бибик, О.Н. Культурологический подход к исследованию государства и права / О.Н. Бибик. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия : Право. – 2009. – № 2. – С. 14–22.

230. Бирюков, С.В. Санти Романо и концепция правового плюрализма / С.В. Бирюков. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 6 (199). – С. 138–147.

231. Боботов, С.В. Буржуазная социология права / С.В. Боботов. – М. : Юрид. лит., 1978. – 222 с.– Текст : непосредственный.

232. Боголюбов, С.А. Развитие российского права в 1940-е годы : монография / С.А. Боголюбов, Д.А. Пашенцев. – М. : ИНФРА-М, 2025. – 321 с. – Текст : непосредственный.

233. Ботанцов, И. В. Соотношение источников светского и церковного права в Российской империи 1832–1917 гг. / И. В. Ботанцов. – Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 9–19.

234. Буренин, В.Н. Внутреннее и внешнее церковное право : история и современность / В.Н. Буренин. – Текст : непосредственный // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 6 (41). – С. 248–250.

235. Вараменко, Т.А. Секретные операции советских спецслужб против свидетелей Иеговы в Украине (1949–1955 гг.) / Т.А. Вараменко. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12, вып. 8 (106). – URL: https://history.jes.su/s207987840016688-5-1 (дата обращения: 24.05.2025).

236. Ван Хук, М. Право как коммуникация / М. ван Хук. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та : ООО «Унив. изд. Консорциум», 2012. – 287 с. – Текст : непосредственный.

237. Варьяс, М.Ю. Краткий курс церковного права : учебное пособие / М.Ю. Варьяс. – М. : МЗ-Пресс, 2001. – 127 с. – Текст : непосредственный.

238. Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Митрополит Никодим (Ротов) / Василий (Кривошеин), архиеп. – Текст : электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Krivoshein/vospominanija-mitropolit-nikodim-rotov (дата обращения: 23.11.2025).

239. Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Митрополит Николай (Ярушевич) / Василий (Кривошеин), архиеп. – Текст : электронный. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Krivoshein/vospominanija-mitropolit-nikolaj-jarushevich (дата обращения: 23.11.2025).

240. Василий (Кривошеин), архиеп. Рассказ об архиепископе Вениамине (Новицком) (1900–1976 гг.) / Василий (Кривошеин), архиеп. – Текст : электронный. – URL: https://basilekrivocheine.org/memoirs/rasskaz-ob-arxiepiskope-veniamine-novickom (дата обращения: 23.11.2025).

241. Васильева, О.Ю. Поместный собор 1971 г. : вопросы и размышления / О.Ю. Васильева. – Текст : непосредственный // Альфа и Омега. – 2006. – № 1 (45). – С. 167–184.

242. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. / О.Ю. Васильева. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2001. – 214 с. – Текст : непосредственный.

243. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор / О.Ю. Васильева. – М. : Лепта, 2004. – 380 с. – Текст : непосредственный.

244. Веденеев, Д. Атеисты в мундирах : советские спецслужбы и религиозная сфера Украины / Д. Веденеев. – М. : Алгоритм, 2016. – Текст : непосредственный.

245. Веретенников, В.А. Николай Петрович Доктусов как инспектор Московской духовной академии / В.А. Веретенников. – Текст : непосредственный // Церковный историк. – 2024. – № 2(16). – С. 157–164.

246. Вишневский, А. Взаимодействие Совета по делам религий при Совете Министров СССР с Духовными школами Русской православной церкви в период патриаршества Святейшего Пимена (Извекова) по материалам ГАРФ (доклад на II Межвузовской студенческой конференции «Актуальные проблемы современной

богословской науки» 8 мая 2012 г.) / А. Вишневский. – URL: https://old.mpda.ru/tutor/site_pub/894029.html (дата обращения: 01.09.2025). – Текст : электронный.

247. Владимир (Сабодан), митр. Жизнь и деятельность Русской православной церкви (1971–1988) : доклад / Владимир (Сабодан), митр. – Текст : непосредственный // Поместный собор Русской православной церкви (6–9 июня 1988 г.) : материалы. – М. : Московская патриархия, 1990. – С. 230.

248. Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958 : дискуссионные аспекты. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. – 380 с. – Текст : непосредственный.

249. Вовк, Д.О. Право та політична релігія : теологія радянського права / Д.О. Вовк. – Текст : непосредственный // Проблеми законності : сбірник наукових праць. – 2024. – Спецвипуск. – С. 126.

250. Вольтер, О.В. Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России / О.В. Вольтер. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2015. – Т. 11. – С. 211–218.

251. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 661 с. – Текст : непосредственный.

252. «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем вечной истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской духовной академии в первые годы ее существования / публ. Д.А. Карпука. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2016. – № 4. – С. 110–155.

253. Гаврюшин, Н.К. Из воспоминаний о Московской духовной академии (продолжение) / Н.К. Гаврюшин. – Текст : непосредственный // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – 2013. – № 11. – С. 88–111.

254. Гаранова, Е.П. Место церковного права в развитии российской правовой системы : логико-исторический и аксиологический аспекты / Е.П. Гаранова. – Текст : непосредственный // Ипатьевский вестник. – 2014. – № 2(2). – С. 36–47.

255. Гераськин, Ю.В. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви : исторический портрет (на материалах областей Центральной России) / Ю.В. Гераськин. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 52–55.

256. Гомзикова, С. Конституция : от брежневского застоя к ельцинскому «прорыву» / С. Гомзикова. – Текст : электронный // Свободная пресса. – 2016. – 7 октября. – URL: https://svpressa.ru/society/article/158121 (дата обращения: 03.03.2026).

257. Горбатов, А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы / А.В. Горбатов. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 408 с. – Текст : непосредственный.

258. Горбатов, А.В. Закрытие православных обществ в Сибири : основания, формы, методы. 1958–1964 годы / А.В. Горбатов. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 4 (142). – С. 109–112.

259. Горбатов, А.В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) / А.В. Горбатов. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 35–47.

260. Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. – М. : Политиздат, 1987. – 270 с. – Текст : непосредственный.

261. Гордиенко, Н.С. Особенности модернизации современного русского православия / Н.С. Гордиенко. – М. : Знание, 1978. – 64 с. – Текст : непосредственный.

262. Гордиенко, Н.С. Современное русское православие / Н.С. Гордиенко. – Л. : Лениздат, 1988. – 302 с. – Текст : непосредственный.

263. Гордун, С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год / С. Гордун. – Текст : непосредственный // Журнал Московской Патриархии. – 1993. – № 2. – С. 11–24.

264. Гордун, С. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии / С. Гордун. – Текст : непосредственный // Вестник русского христианского движения. – Париж ; Нью-Йорк; М., 1990. – С. 82–142.

265. Горчаков, М.И. Церковное право / М.И. Горчаков. – СПб., 1891–1892. – Текст : непосредственный.

266. Горюнов, К.П. Из плена алтарей. Документальная повесть бывшего служителя культа / К.П. Горюнов. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1975. – 186 с. – Текст : непосредственный.

267. Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. – М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 540 с. – Текст : непосредственный.

268. Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 464 с. – Текст : непосредственный.

269. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 433 с. – Текст : непосредственный.

270. Графский, В.Г. О междисциплинарном изучении законодательной деятельности и действенности законов / В.Г. Графский. – Текст : непосредственный // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2012. – № 4 (24). – С. 106–108.

271. Гревцова, О.А. Конституционные принципы и правовое регулирование имущественных отношений государства и Русской православной церкви / О.А. Гревцова. – М. : Компания Спутник+, 2003. – 50 с. – Текст : непосредственный.

272. Грекулов, Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения / Е.Ф. Грекулов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 192 с.– Текст : непосредственный.

273. Грекулов, Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.Ф. Грекулов. – М. : Наука, 1969. – 184 с. – Текст : непосредственный.

274. Гречухина, М.А. Свобода мысли, совести и религии и ее ограничения в Европейской конвенции по правам человека / М.А. Гречухина. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2018. – № 5. – С. 64–67.

275. Грибовский, В.М. Государственное устройство и управление Российской империи / В.М. Грибовский. – Одесса : Тип. «Техник», 1912. – 258 с. – Текст : непосредственный.

276. Григорий, (Чуков), архиеп. Учреждение духовно-учебных заведений / Григорий (Чуков), архиеп. – Текст : непосредственный // ЖМП. 1943. – № 3. – С. 22–24.

277. Гусакова, О. Хранители веры. О жизни Церкви в советское время : автобиографические истории / О. Гусакова. – М. : Никея, 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.

278. Гусева, Ю.Н. Религия, ресурс и государство : размышления над книгой Рената Беккина «“Люди в верности надежные…” : татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)» / Ю.Н. Гусева. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2023. – № 41 (3-4). – С. 603–623.

279. Гуценко, К.Ф. Развитие законодательства : Основные направлений и средства дальнейшего совершенствования / К.Ф. Гуценко. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1985. – № 10.

280. Давыдов, И.П. Как мыслят церковные институты. Механизмы формирования этноконфессиональной идентичности / И.П. Давыдов, И.А. Фадеев. – Текст : непосредственный // Диалог со временем. – 2024. – Вып. 89. – С. 220–231.

281. Дарманский, П. Побег из тьмы : рассказ бывшего священника / П. Дарманский. – М. : Советская Россия, 1961. – 112 с. – Текст : непосредственный.

282. Дарманський, П.Ф. За іконостасами вівтарів / П.Ф. Дарманський. – К. : Політвидав України, 1989. – 262 с. – Текст : непосредственный.

283. Даугавет, А.Б. Неформальные практики российской элиты (Апробация когнитивного подхода) / А.Б. Даугавет. – Текст : непосредственный // Политические исследования (Полис). – 2003. – № 4. – С. 26–38.

284. Дашковский, П.К. Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. / П.К. Дашковский, А.В. Монгуш. – Текст : непосредственный // Oriental Studies. – 2024. – № 17 (3). – С. 525–539.

285. Дашковский, П.К. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири / П.К. Дашковский. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2022. – 153 с. – Текст : непосредственный.

286. Дегоев, В.В. «Мы будем оправдывать доверие Правительства» : участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. / В.В. Дегоев, В.А. Эйриян. – Текст : непосредственный // Россия XXI. – 2024. – № 2. – С. 32–53.

287. Дегтярев, А.А. О роли формальных принципов и неформальных правил в современном GR-менеджменте / А.А. Дегтярев. – Текст : непосредственный // Государство, бизнес, общество : современные теории и российские реалии / под ред. Л.Е. Ильичевой. – М. : Аналитик, 2012. – С. 63–78.

288. Дедков, И.А. Дневник. 1953–1994 / И.А. Дедков ; сост. Т.Ф. Дедкова. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с. – Текст : непосредственный.

289. Декларация «О религиозной свободе» (Dignitatis humanae). – Текст : непосредственный // Документы II Ватиканского собора. – М. : Паолине, 1998. – С. 284–297.

290. Декларация о правах и достоинстве человека (принята Всемирным русским народным собором 4–6 апреля 2026 г.). – Текст : электронный // Официальный сайт ВРНС. – URL: https://vrns.ru/documents/deklaratsiya-o-pravakh-i-dostoinstve-cheloveka (дата обращения: 08.10.2025).

291. Демидова, Н.И. Совет по делам Русской православной церкви и Московская патриархия. Штрихи к взаимоотношениям в 1940–1950-е гг. / Н.И. Демидова. – Текст : непосредственный // Государственная служба. – 2007. – № 2 (46). – С. 94–96.

292. Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. – М. : НЛО, 2023. – 444 с. – Текст : непосредственный.

293. Дестивель И., свящ. Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / И. Дестивель, свящ. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. – 308 с. – Текст : непосредственный.

294. Деяния Архиерейского собора Русской православной церкви 18 июля 1961 г. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1961. – № 8. – С. 5–29.

295. Дневник архимандрита Антония (Мельникова) за 1961 г. / вступ. статья, публ. и комм. иер. Н. Пашкова. – Текст : непосредственный // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. – 2020. – № 7-8. – С. 213–243.

296. Документы II Ватиканского собора. – М. : Паолине, 1998. – 589 с. – Текст : непосредственный.

297. Донцев, С.П. Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв. : проблемы взаимодействия / С.П. Донцев. – М. : РГГУ, 2014. – 230 с. – Текст : непосредственный.

298. Дорская, А.А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права : монография / А.А. Дорская. – СПб. : Астерион, 2007. – 251 с. – Текст : непосредственный.

299. Дорская, А.А. Государственно-конфессиональные отношения в контексте российской правовой традиции / А.А. Дорская. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 16–22.

300. Дорская, А.А. Тенденции изучения церковного права в современных российских историко-правовых исследованиях / А.А. Дорская. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2025. – № 9. – С. 25–30.

301. Дорская, А.А. Церковное право как предмет научной дискуссии : основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период / А.А. Дорская. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2018. – № 1. – С. 134–143.

302. Дронов М., прот. Митрополит Питирим – главный редактор / М. Дронов, прот. – Текст : непосредственный // ЖМП. – 2011. – № 9 (сентябрь). – С. 84–91.

303. Дуглас, М. Как мыслят институты / М. Дуглас ; пер. с англ. А.М. Корбута. – М. : Элементарные формы, 2020. – 148 с. – Текст : непосредственный.

304. Дулуман, Е.К. Бог. Религия. Священники. Верующие и атеисты / Е.К. Дулуман. – Киев : Феникс, 2012. – 480 с. – Текст : непосредственный.

305. Дулуман, Е.К. Почему я перестал верить в бога : рассказ бывшего кандидата богословия / Е.К. Дулуман. – М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. – 47 с. – Текст : непосредственный.

306. Духовный регламент Петра Первого. С прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 200 с. – Текст : непосредственный.

307. Дьяконов, Л.П. Советские законы о церкви / Л.П. Дьяконов. – Л. : Гос. изд-во, 1926. – 56 с. – Текст : непосредственный.

308. Дювернуа, Н. Источники права и суд в Древней Руси : опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. – М. : Унив. тип., 1869. – 413 с. – Текст : непосредственный.

309. Елисеев, А.Б. «Правда о религии в России» как источник по истории Русской православной церкви / А.Б. Елисеев. – Текст : непосредственный // Религия и общество – 13 : сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции, Могилев, 18–23 марта 2019 г. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев : Могилевск. гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2019. – С. 112–115.

310. Епископское служение в Русской православной церкви в контексте государственно-церковных отношений в СССР в 1941–1964 гг. Т. 1, 2. / А.Н. Марченко, Т.А. Чумаченко, П.А. Ефимушкин, Н.А. Марченко. – М. ; СПб., 2023. – Текст : непосредственный.

311. Еремин, А.В. Государственно-церковные отношения в современной России (проблемы и перспективы) / А.В. Еремин. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 9. – С. 46–50.

312. Ефимовских, В.Л. Священство и царство : к вопросу о модели государственно-церковных отношений в московский период / В.Л. Ефимовских. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 1 (19). – С. 38–46.

313. Желудков, С. Христианство и атеизм / С. Желудков, К. Любарский. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1982. – URL: https://krotov.info/library/07_zh/zhel/udkov_07.htm (дата обращения: 30.09.2025). – Текст : электронный.

314. Желудков, С., свящ. Литургические заметки. Переписка. Письма. Воспоминания / С. Желудков, свящ. ; сост. С.С. Бычков. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Sam & Sam, 2017. – 400 с. – Текст : непосредственный.

315. Живов, В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В.М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 758 с. – Текст : непосредственный.

316. Жиромская, В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) / В.Б. Жиромская. – Текст : непосредственный // Исторический вестник. – 2000. – № 5 (1). – С. 105–114.

317. Жминда, М.Н. Трансформация политической субъектности Русской православной церкви в условиях современного политического процесса / М.Н. Жминда. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 282–292.

318. Журавский, А.В. Проблемы религиозного образования в России / А.В. Журавский. – Текст : электронный // Континент. – 2002. – № 114. – URL: https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/problemy-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii.html (дата обращения: 28.07.2025).

319. Заозерский Н.А. Историческое обозрение источников права Православной церкви. М., 1891. – 237 с. – Текст : непосредственный.

320. Заозерский, Н.А. О сущности церковного права / Н.А. Заозерский. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1911. – Текст : непосредственный.

321. Заостровцев, А.П. О развитии и отсталости : как экономисты объясняют историю? / А.П. Заостровцев. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 248 с. – Текст : непосредственный.

322. Захаров, В.В. Неоинституционализм в историко-правовых исследованиях : к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права / В.В. Захаров. – Текст : электронный // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15), ч. 2. – URL: http://scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

323. Звонарев, С., прот. Высшая власть и управление в Русской православной церкви в XX – начале XXI века / С. Звонарев, прот. – М. : Московская духовная академия, 2023. – 636 с. – Текст : непосредственный.

324. Звонарев, С., свящ. Проект «Основных положений управления Русской православной патриаршей церкви» 1943 года – малоизвестный документ

истории высшего управления Русской православной церкви / С. Звонарев, прот. – Текст : непосредственный // Вестник церковной истории. – 2008. – № 2 (10). – С. 271–278.

325. Земцов, А.Л. Конституция СССР 1977 г. / А.Л. Земцов. – Текст : непосредственный // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 22 (104). – С. 38–44.

326. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество : духовные движения семнадцатого века / С.А. Зеньковский. – М. : Церковь, 1995. – 527 с. – Текст : непосредственный.

327. Зин, Н.В. К вопросу о правовом регулировании взаимоотношений государства и церкви в период с 1958 по 1964 г. / Н.В. Зин, Е.В. Шаров. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 1. – С. 149–160.

328. Зорькин, В.Д. Юридический позитивизм / В.Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // История правовых и политических учений / под ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Юрид. лит., 1983. – С. 334–345.

329. Зубкова, Е.Ю. Маленков и Хрущев : личный фактор в политике послесталинского руководства / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1995. – № 4. – С. 21–37.

330. Зубкова, Е.Ю. О «детской» литературе и других проблемах нашей исторической памяти / Е.Ю. Зубкова. – Текст : непосредственный // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М. : АИРО-XX, 1996. – С. 155–175.

331. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 / Е.Ю. Зубкова. – М. : Россия молодая, 1993. – 198 с. – Текст : непосредственный.

332. Зудов, Ю.В. Акты ЦК КПСС как элемент механизма правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви (1940–1980-е гг.) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2026. – Т. 19, № 4. – С. 25–31.

333. Зудов, Ю.В. «Верный курс на любовь к Родине» : публикации «Журнала Московской патриархии» как отражение неформальных правил и практик советского регулирования государственно-религиозных отношений (1943–1956 гг.) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2025. – № 9. – С. 43–50.

334. Зудов, Ю.В. Воспоминания священнослужителей и мирян Русской православной церкви в контексте историко-правового исследования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг. / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – № 5. – С. 14–21.

335. Зудов, Ю.В. Доктринальные подходы к понятию и содержанию государственно-религиозных отношений в российской и зарубежной юридической литературе / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – № 3 (17). – С. 217–222.

336. Зудов, Ю.В. «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-церковных отношений в СССР (1943–1956) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 158. – С. 192–201.

337. Зудов, Ю.В. Историко-правовой неоинституционализм как инструмент изучения государственно религиозных отношений (на материалах отечественной истории) / Ю.В. Зудов, Ю.Н. Гусева. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2025. – Т. 69, № 4. – С. 604–628.

338. Зудов, Ю.В. Кадровая политика Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. в современных исследованиях правового регулирования государственно-религиозных отношений / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025. – № 4. – С. 69–81.

339. Зудов, Ю.В. Модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в России в исторической ретроспективе / Ю.В. Зудов. –

Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 3 (20). – С. 14–19.

340. Зудов, Ю.В. Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 8. – С. 29–39.

341. Зудов, Ю.В. Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ «Юридические науки». – 2025. – № 4 (60). – С. 29–43.

342. Зудов, Ю.В. Подготовка священнослужителей Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. в современных исследованиях правового регулирования государственно-религиозных отношений / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 6. – С. 22–36.

343. Зудов, Ю.В. Правовое обеспечение образовательной деятельности Русской православной церкви : историко-правовой дискурс / Ю.В. Зудов, О.Н. Петюкова. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 6. – С. 262–268.

344. Зудов, Ю.В. Правовое регулирование государственно-религиозных отношений в России : историографический обзор / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 48–52.

345. Зудов, Ю.В. Представления советской партийно-государственной бюрократии о религии и их влияние на правоприменительную практику в сфере государственно-религиозных отношений (1940–1980-е гг.) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2026. – Т. 22, № 4. – С. 12–18.

346. Зудов, Ю.В. Религиозное образование в СССР в историко-правовой перспективе / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Современный юрист. – 2025. – № 1 (50), январь-март. – С. 8–17.

347. Зудов, Ю.В. Роль неформальных государственно-церковных коммуникаций в выстраивании советской религиозной политики и их влияние на правоприменение (1940–1950-е годы) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 1. – С. 40–45.

348. Зудов, Ю.В. Роль Русской православной церкви в формировании политических нарративов в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 12 (124). – С. 187–195.

349. Зудов, Ю.В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации / С.А. Горбачев, Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1 (30). – С. 30–38.

350. Зудов, Ю.В. Советское законодательство о религии и церкви в 1940–1980-е годы / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Современный юрист. – 2024. – № 2 (47). – С. 8–21.

351. Зудов, Ю.В. Советское патриотическое воспитание в духовных школах Русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950-е гг.) / Ю.В. Зудов. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : «Право». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 95–106.

352. Зудов, Ю.В., Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР : методология изучения / Ю.В. Зудов, Ю.Н. Гусева. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 19–27.

353. Зюбанов, Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации / Ю.А. Зюбанов. – М. : Статут, 2007. – 414 с. – Текст : непосредственный.

354. Ианнуарий (Ивлиев), архим. Дайте кесарю кесарево, а Богу Богово / Ианнуарий (Ивлиев), архим. – Текст : электронный // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iannuarij_Ivliev/dajte-kesaryu-kesarevo-a-bogu-bogovo (дата обращения: 25.10.2025).

355. Иванов, А.И. Политика советского государства по вопросам религии и церкви / А.И. Иванов, П.К. Лобазов. – М. : Знание, 1973. – 63 с. – Текст : непосредственный.

356. Иванова И.И. Воспоминания / И.И. Иванова. – Текст : электронный // Интернет-портал «Память Церкви». 20.09.2024. – URL: https://pamyat-tserkvi.ru/ivanova-irina-ivanovna (дата обращения: 23.11.2025).

357. Иванченко, С.В. Анализ основных источников правового регулирования отношений государства и Русской православной церкви в советский период / С.В. Иванченко. – Текст : непосредственный // Современная наука. – 2017. – Т. 8. (Юридические науки). – № 1-3. – С. 4–6.

358. Из лекций по церковному праву ординарного профессора Московского университета Н.К. Соколова. Вып. 1 : Введение в церковное право. – М. : Унив. тип., 1874. – С. 145–147. – Текст : непосредственный.

359. Иоанн (Соколов), еп. Правила Собора вселенского пято-шестого, Трулльского / Иоанн (Соколов), еп. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 1850. – Ч. 2. – С. 75–122.

360. Иоасаф (Вишняков), еп. Взаимоотношения архиепископа Михаила (Мудьюгина) с духовенством (Астраханская и Енотаевская епархия, 1968–1979 гг.) / Иоасаф (Вишняков), еп., О.А. Балабейкина, П.С. Слободчикова. – Текст : электронный // Ипатьевский вестник. 2026. – № 1. – С. 104–116. – URL: https://doi.org/10.24412/2309–5164–2026–1–104–116 (дата обращения: 18.05.2026).

361. Исаев, И.А. Живые институты Мориса Ориу : открытие социоправа / И.А. Исаев. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2022. Т. 75, № 5 (186). – С. 11.

362. Исаев, И.А. Народ и суверен : одноразовое соглашение / И.А. Исаев. – Текст : непосредственный // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4. – С. 122–130.

363. Исаев, И.А., Румянцева, В.Г. Институт и символ в политической теологии / И.А. Исаев, В.Г. Румянцева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 6 (139). –С. 11–20.

364. Исидор (Тупикин), митр. Противостояние епископа Калининского и Кашинского Феодосия (Погорского) и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР В.И. Хевронова (1958–1960 гг.) / Исидор (Тупикин), митр. – Текст : непосредственный // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2022. – № 40. – С. 234–245.

365. Исидор (Тупикин), митр. Религиозное воспитание и образование в СССР / Исидор (Тупикин), митр. – Текст : непосредственный // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2020. – № 4 (9). – С. 55–70.

366. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. – М. АИРО-XX, 1996. – 463 с. – Текст : непосредственный.

367. История правовых и политических учений / под ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Юрид. лит., 1983. – Текст : непосредственный.

368. История Советских органов государственной безопасности : учебник. – М. : Высшая Краснознаменная школа КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского (ВКШ КГБ), 1977. – 638 с. – Текст : непосредственный.

369. Источниковедение новейшей истории России : теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с. – Текст : непосредственный.

370. Кадсон, И.З. О положении Русской православной церкви в последние годы существования царизма (по материалам епархиальных отчетов) / И.З. Кадсон. – Текст : непосредственный // Атеизм. Религия. Современность. – Л. : [б. м.], 1973. – С. 66–88.

371. Казимирчук, В.П. Современная социология права : учебник для вузов / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев. – М. : Юристъ, 1995. – 303 с. – Текст : непосредственный.

372. Казьмин, И.Ф. Подготовка научной концепции законопроекта / И.Ф. Казьмин. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1985. – № 3. – С. 32.

373. Каиль, М.В. (Вос-)создание российской высшей духовной школы в контексте реализации дипломатической миссии Московской патриархии послевоенного периода / М.В. Каиль. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – № 4 (59). – С. 81–91. – DOI: 10.17072/2219-3111-2022-4-81-91.

374. Каиль, М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии : международные коммуникации Московского Патриархата середины 1940-х гг. / М.В. Каиль. – Текст : непосредственный // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. – 2017. – № 1 (35). – С. 19–40.

375. Каиль, М.В. Питирим (Нечаев) как преподаватель Московской Духовной Академии 1951–1992 гг. / М.В. Каиль. – Текст : электронный // Новый исторический вестник. – 2025. – № 1 (83). – С. 327–342. – DOI: 10.54770/20729286-2025-1-327.

376. Каиль, М.В. Православие в России 1914–1964 годов : опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов / М.В. Каиль. – Текст : непосредственный // Новый исторический вестник. – 2021. – № 3 (69). – С. 74–82.

377. Калашник, В.В. «Журнал Московской патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах / В.В. Калашник. – Текст : непосредственный // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 49–63.

378. Калинин, В.Н. Советское законодательство о свободе совести и религиозных организациях / В.Н. Калинин. – М. : Знание, 1989. – 62 с. – Текст : непосредственный.

379. Каллист (Уэр), еп. Ни иудея, ни эллина / Каллист (Уэр), еп. – Текст : непосредственный // Страницы. – 2013. – № 17 (2). – С. 229–238.

380. «Камо грядеши, Святая Церковь?» [Круглый стол «Огонька»]. – Текст : непосредственный // Огонек. – 1992. Май. – № 18-19. – С. 12–13.

381. Каплун, В. Миф Дюркгейма : что Витгенштейн и Райл могли бы сказать о пригодности основных понятий социальных наук / В. Каплун. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 29–49.

382. Каптерев, Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н.Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1912. – 548 с. – Текст : непосредственный.

383. Карлов, Ю.Е. Религия и международное право / Ю.Е. Карлов. – Текст : непосредственный // Международное право : учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М. : Международные отношения, 2007. – С. 572–594.

384. Карпов, Г.Г. О Русской православной церкви в Советском Союзе / Г.Г. Карпов. – М., 1946. – Текст : непосредственный.

385. Карпук, Д.А. «Конечная цель воспитания – дать Православной русской церкви подлинно-христианского пастыря, Родине – достойного сына-патриота и обществу – честного и культурного человека». Воспитательный процесс в Ленинградских духовных школах в 1940-х годах / Д.А. Карпук. – Текст : электронный // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2024. – Т. 16, вып. 1. – С. 107–131. – DOI: 0.25803/26587599_2024_49_107.

386. Карпук, Д.А. Ленинградские духовные школы в годы обучения протоиерея Александра Меня (1959–1963 гг.) / Д.А. Карпук. – Текст : электронный // V Меневские чтения, г. Сергиев Посад, 9–10 сентября 2010 г. – URL: https://spbda.ru/publications/dmitriy-karpuk-leningradskie-duhovnye-shkoly-v-gody-obucheniya-protoiereya-aleksandra-menya-1959-1963-gg (дата обращения: 02.09.2025).

387. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской церкви / А.В. Карташев. Т. 1, 2. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – Текст : непосредственный.

388. Кашеваров, А.Н. Государство и церковь : из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 / А.Н. Кашеваров. – СПб. : СПбГТУ, 1995. – 138 с. – Текст : непосредственный.

389. Кашеваров, А.Н. Изменение религиозной политики советского государства в период Великой Отечественной войны : реальность и мифы / А.Н. Кашеваров. – Текст : непосредственный // Россия в глобальном мире. 2016. – № 8 (31). – С. 405–419.

390. Кашеваров, А.Н. Митрополит Григорий (Чуков) и воссоздание духовных школ в Ленинграде в 1944–1946 гг. / А.Н. Кашеваров. – Текст : непосредственный // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 19–25.

391. Кашеваров, А.Н. Печать Русской православной церкви в XX веке : очерки истории / А.Н. Кашеваров. – СПб. : Роза мира, 2004. – 162 с. – Текст : непосредственный.

392. Каштанов, С.М. Церковная юрисдикция. В кон. XIV – нач. XVI в. / С.М. Каштанов. – Текст : непосредственный // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М., 19990. – С. 151–163.

393. Кечкин, И., свящ. Московская духовная академия в период ректорства архиепископа Филарета (Вахромеева) (1966–1973) : исторический очерк / И. Кечкин, свящ., И.С. Рязанов. – Текст : непосредственный // Церковный историк. – 2019. – № 1 (1). – С. 104–113.

394. Кимерлинг, А.С. Выполнять и лукавить : политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С. Кимерлинг. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 210 с. – Текст : непосредственный.

395. Кирилл (Покровский), митр. Воспоминания / Кирилл (Покровский), митр. – Текст : электронный // Интернет-портал «Память Церкви». 21.03.2024. – URL: https://pamyat-tserkvi.ru/mitropolit-stavropolskij-i-nevinnomysskij-kirill (дата обращения: 02.10.2025).

396. Кириченко, М.Г. Свобода совести в СССР / М.Г. Кириченко. – М. : Юрид. лит., 1985. – 197 с. – Текст : непосредственный.

397. Кирмзе, Ш.Б. Империя законности : юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / Ш.Б. Кирмзе ; пер. с англ. А. Ланге. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 432 с. – Текст : непосредственный.

398. Кислицын, И.М. Советское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях (1917–1975 гг.) / И.М. Кислицын. – Пермь : ПГУ, 1991. – 102 с. – Текст : непосредственный.

399. Клейнер, Г.Б. Институты : определение, признаки и направления исследования / Г.Б. Клейнер. – Текст : непосредственный // Управление. 2016. – № 3 (13). – С. 5–11.

400. Клибанов, А.И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки) / А.И. Клибанов. – М. : Наука, 1969. – 269 с. – Текст : непосредственный.

401. Клоков, А.Ю. Храмы и монастыри Липецкой епархии. Храмы Липецка / А.Ю. Клоков, А.А. Найденов. – Липецк, Липецкое областное краеведческое общество, 2007. – 383 с. – Текст : непосредственный.

402. Клочков, В.В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Клочков. – М. : Политиздат, 1982. – 160 с. – Текст : непосредственный.

403. Клочков, В.В. Религия, государство, право / В.В. Клочков. – М. : Мысль, 1978. – 287 с. – Текст : непосредственный.

404. Клочков, В.В. Социалистическое государство, право и религиозные организации / В.В. Клочков. – М. : Знание, 1984. – 64 с. – Текст : непосредственный.

405. Клюев, Н.В. Каноническое право. Канонические аспекты церковных служений : учебное пособие для студентов теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений / Н.В. Клюев. – М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. – 180 с. – Текст : непосредственный.

406. Книга правилъ святых апостол, святыхъ соборовъ вселенскихъ и поместныхъ и святыхъ отецъ. – М. : Синодальная типография, 1914. – Текст : непосредственный.

407. Козлихин, И.Ю. Право и политика / И.Ю. Козлихин. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 191 с. – Текст : непосредственный.

408. Козлов, В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. / В.А. Козлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 448 с. – Текст : непосредственный.

409. Козьякова, Н.С. Нормативно-правовая природа канонического (церковного) права / Н.С. Козьякова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. – 2012. – № 3. – С. 11–14.

410. Колесник, Н.В. Практики воспроизводства российской элиты : неформальный аспект / Н.В. Колесник. – Текст : непосредственный // Власть и элиты. – 2017. – Т. 4, № 4. – С. 10–30.

411. Кондуров, В.Е. Правовые институты и нормы : проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме / В.Е. Кондуров, А.А. Краевский. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 98–99.

412. Конкретные исследования современных религиозных верований. М. : Мысль, 1967. – 244 с. – Текст : непосредственный.

413. Коновалов, Б.Н. К массовому атеизму / Б.Н. Коновалов. – М. : Наука, 1974. – 165 с. – Текст : непосредственный.

414. Коновалов, Б.Н. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920–30-х гг. / Б.Н. Коновалов. – М. : [б. и.], 1968. – 20 с. – Текст : непосредственный.

415. Константин Харчев : на благо нашей Церкви я сделал все, что мог. Беседа с бывшим председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР. – Текст : электронный. – URL:

https://kremlinhill.com/2024/11/14/константин-харчев-я-сделал-для-церкви (дата обращения: 20.09.2025).

416. Константинов, Д.В. Гонимая церковь (Русская православная церковь в СССР) / Д.В. Константинов. – Нью-Йорк : Всеславян. изд-во, 1967. – 383 с. – Текст : непосредственный.

417. Контрразведка России. Очерки истории. От начала Великой Отечественной войны до наших дней. – М. : Вече, 2023. – 471 с. – Текст : непосредственный.

418. Кончина митрополита Ленинградского и Новгородского Григория. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1955. – № 11. – С. 5.

419. Корсаков, К.В. Первоначальные формы уголовного наказания в истории публичного права / К.В. Корсаков. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2019. – № 4. – С. 3–9.

420. Корсаков, К.В. Формы религиозно-миссионерской работы в местах лишения свободы / К.В. Корсаков. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. – 2021. – № 4. – С. 35–40.

421. Костромин, К., прот. Отношение Русской православной церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской патриархии») / К. Костромин, прот. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 394–406.

422. Кострюков, А.А. По вопросу о юрисдикции Московской Патриархии (неутвержденный проект указа 1950 года) / А.А. Кострюков. – Текст : непосредственный // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2022. – № 42. – С. 152–168.

423. Кравченко, Е.В. Становление государственно-конфессиональных отношений в древнерусском государстве / Е.В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2016. – № 1 (74). – С. 29–33.

424. Краснов, М.А. Права человека в понимании Русской православной церкви / М.А. Краснов. – Текст : непосредственный // Очерки идеологии постсоветского конституционализма / науч. ред. : М.А. Краснов, Ю.Г. Барабаш. – Харьков : Право, 2013. – С. 122–137.

425. Краснов-Левитин, А. Воспоминания. Часть 2. Рук Твоих жар (1941–1956) / А. Краснов-Левитин. – URL: https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin/?full_text=1#toc (дата обращения: 14.09.2025). – Текст : электронный.

426. Краснов-Левитин, А. Диалог с церковной Россией / А. Краснов-Левитин ; предисл. архиеп. Иоанна Сан-Францисского. – Париж : Iχθφc, 1967. – 112 с. – Текст : непосредственный.

427. Краснов-Левитин, А.Э. Воспоминания. Часть 3 : В поисках Нового Града / А.Э. Краснов-Левитин. – Тель-Авив : Круг, 1980. – 411 с. – Текст : непосредственный.

428. Крикун, В.Г. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1943–1965 гг. (по материалам Белгородской, Воронежской и Курской областей) : монография / В. Г. Крикун, В. И. Подгорный, Е. И. Шабалина. – Белгород, 2017. – 266 с. – Текст : непосредственный.

429. Куксенко, С. Історична наука про угодовство та нонконформізм Руської православної церкви в період утисків 1950–1960 рр. / С. Куксенко. – Текст : непосредственный // Наукові праці Кам’янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : історичні науки. – 2021. – № 33. – С. 52–64.

430. Куксенко, С.И. Историческая наука о переодизации так называемого «хрущевского наступления» на Русскую православную церковь / С.И. Куксенко. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУКИ. – 2013. – № 3 (16). – С. 158–164.

431. Кулапов, В.Л. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания / В.Л. Кулапов. – Текст : непосредственный // Российская юридическая доктрина в XXI веке : проблемы и пути их решения : научно-практическая конференция (Саратов, 3–4 октября 2001 г.) / под ред. А.И. Демидова. – Саратов, 2001. – С. 11.

432. Куроедов, В.А. Религия и церковь в советском государстве / В.А. Куроедов. – М. : Политиздат, 1982. – 263 с. – Текст : непосредственный.

433. Куроедов, В.А. Религия и церковь в советском обществе / В.А. Куроедов. – М. : Изд-во полит. литературы, 1984. – 256 с. – Текст : непосредственный.

434. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 280 с. – Текст : непосредственный.

435. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 335 с. – Текст : непосредственный.

436. Лапицкий, К.В. Характеристика форм взаимодействия Русской православной церкви и российского государства : институциональный анализ / К.В. Лапицкий. – Текст : непосредственный // Общество : политика, экономика, право : научный журнал. – 2017. – Вып. 11. – С. 24–27.

437. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи / В.Н Латкин. – СПб. : Тип. Монтвида, 1909. – 644 с. – Текст : непосредственный.

438. Латур, Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с. – Текст : непосредственный.

439. Лашкарев, П.А. Система церковного права / П.А. Лашкарев. – Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1886. – 224 с. – Текст : непосредственный.

440. Лебедев, А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом / А.П. Лебедев. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.

441. Лебедев, В.Ю. Восприятие духовной семинарии советской интеллигенцией периода позднего СССР / В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий. – Текст : непосредственный // Вестник славянских культур. – 2023. – № 67. – С. 8–20.

442. Левин, С.Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России : «картины власти» и подходы к

исследованию / С.Н. Левин, К.С. Саблин, В.Н. Руцкий. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 3. – С. 6–27.

443. Леденева, А. Телефонное право в России / А. Леденева, Н. Шушанян. – Текст : непосредственный // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 3 (95), май-июнь. – С. 42–48.

444. Лейбович, О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. / О.Л. Лейбович. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1993. – 184 с. – Текст : непосредственный.

445. Ленин, В.И. Об отношении рабочей партии к религии (13(26) мая 1909 г.) / В.И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 17. – М : Изд-во полит. лит., 1968. – С. 418.

446. Лепешкин, А.И. Основы советского государства и права / А.И. Лепешкин, В.С. Андреев, С.Н. Братусь. – М. : Просвещение, 1970. – 375 с. – Текст : непосредственный.

447. Лескин, Д., прот. Правовое положение религиозных объединений в советском государстве / Д. Лескин, прот. – Текст : непосредственный // Поволжский вестник науки. – 2021. – № 2 (20). – С. 7–13.

448. Лившиц, Г.М. Очерки по истории атеизма в СССР в 20–30-е гг. / Г.М. Лившиц. – М., 1957. – Текст : непосредственный.

449. Лизгунов, П. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940–1980-е гг. / П. Лизгунов. – Текст : непосредственный // Церковный историк. – 2021. – № 2 (6). – С. 147–156.

450. Лизгунов, П. Публикации свт. Луки (Войно-Ясенецкого) и проблема идентичности верующих советских граждан / П. Лизгунов. – Текст : непосредственный // Богословский вестник. – 2021. – № 4 (43). – С. 159–179.

451. Лилиенфельд, Ф., фон. Жизнь. Церковь. Наука и вера / Ф. фон Лилиенфельд. – М. ; Эрланген : Индрик, 2004. – 310 с. – Текст : непосредственный.

452. Лисавцев, Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Э.И. Лисавцев. – М. : Мысль, 1975. – 316 с. – Текст : непосредственный.

453. Лобанова, И.В. Московская духовная академия как ведущий научно-исследовательский центр синодального периода в области церковной истории и археологии / И.В. Лобанова. – Текст : непосредственный // История Московского края : проблемы, исследования, новые материалы : материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ, Москва, 16 февраля 2016 года. Выпуск VI. – М. : Московский государственный областной университет, 2016. – С. 326–332.

454. Лобанова, И.В. Проблемы развития церковно-исторической науки России в условиях атеистического советского государства / И.В. Лобанова. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 69–87.

455. Логинов, А.В. Власть и вера : государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2005. – 495 с. – Текст : непосредственный.

456. Логинов, А.В. Толерантность в государственно-конфессиональных отношениях (зарубежный опыт) / А.В. Логинов. – Текст : непосредственный // Толерантность / под ред. М.П. Мчедлова. – М. : Республика, 2004. – С. 110–141.

457. Лозовский, А.Г. Церковь и государство / А.Г. Лозовский. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. – 147 с. – Текст : непосредственный.

458. Лонская, С. Указ о единонаследии 1714 г. : попытка неоинституциональной интерпретации / С. Лонская. – Текст : непосредственный // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. – 2015. – № 13. – С. 65–71.

459. Лопаткин, Р.А. Вероисповедная политика Российского государства / Р.А. Лопаткин, Ф.Г. Овсиенко. – М. : РАГС, 2003. – 205 с. – Текст : непосредственный.

460. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи (к первой сессии Всемирного Совета мира) / Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. – Текст : непосредственный // ЖМП. – 1951. – № 5. – С. 8–11.

461. Лукьянов, А.П. Развитие законодательства о советских представительных органах власти / А.П. Лукьянов. – М. : Юрид. лит., 1978. – 351 с. – Текст : непосредственный.

462. Лукьянов, С.А. Советское государство и право в послевоенный период (1945–1953 гг.) / С.А. Лукьянов. – М., 2003. – Текст : непосредственный.

463. Лухтерхандт, О. Права человека, свобода вероисповедания и Русская православная церковь / О. Лухтерхандт. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 1. – С. 133–163.

464. Лысенко, Н.Н. Христианская церковно-правовая традиция и место церковного права в системе юридических наук / Н.Н. Лысенко. – Текст : непосредственный // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – № 9–2 (64). – С. 46–47.

465. Люрман, С. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) / С. Люрман. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3-4 (30). – С. 485–504.

466. Мазырин, А.В. К истории обновленческого раскола в Закавказье и неудачных проектов примирения Русской и Грузинской Православных церквей (1922–1923 гг.) / А.В. Мазырин. – Текст : непосредственный // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2024. – № 46. – С. 121–157.

467. Макарин, А.В. К вопросу о классификации неформальных политических практик / А.В. Макарин, Д.А. Будко. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. – 2013. – Сер. 6. – Вып. 4. – С. 103–109.

468. Макбрайен, Д. От секуляризма к исламу. Религия в современном Кыргызстане / Д. Макбрайен ; рер. с англ. М. Минеевой. – СПб. : Библиороссика, 2023. – 344 с. – Текст : непосредственный.

469. Маковский, А.А. Неоинституциональный подход к анализу государственно-конфессиональных отношений в современной России / А.А. Маковский. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (114). – С. 74–80.

470. Максимович, К.А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе : из опыта работы над проектом / К.А. Максимович. – Текст : непосредственный // Вестник ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. – 2007. – Вып. 17. – С. 27–44.

471. Маланкин, А.В. Историографические подходы в освещении деятельности Русской православной церкви в России в XX – начале XXI века / А.В. Маланкин. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2015. – № 3. – С. 18–23.

472. Малахов, В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность / В. Малахов. – М. : НЛО, 2023. – 288 с. – Текст : непосредственный.

473. Малахов, В.С. Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма / В.С. Малахов, Д.Э. Летняков. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 49–67.

474. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года : кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – Л. : Наука, 1980. – 273 с. – Текст : непосредственный.

475. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Прогресс, 1986. – 785 с. – Текст : непосредственный.

476. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. – СПб., 1883. – 563 с. – Текст : непосредственный.

477. Марченко, А.Н. «Хрущевская церковная реформа» : очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.) : по материалам архивов Уральского региона / А.Н. Марченко. – Пермь : Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2007. – 200 с. – Текст : непосредственный.

478. Марченко, А.Н. Благотворительная деятельность Русской православной церкви в советском государстве (1918–1964 годы) / А.Н. Марченко.

– Текст : электронный // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – № 15 (116). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-sovetskom-gosudarstve-1918-1964-e-gody-1 (дата обращения: 25.03.2026).

479. Марченко, А.Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX – начала XXI века / А.Н. Марченко. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 15. – С. 164–177.

480. Марченко, А.Н. Патриотическая деятельность православного духовенства Прикамья в годы Великой Отечественной войны по материалам телеграмм И.В. Сталину / А.Н. Марченко, Н.А. Марченко. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия : История. – 2016. – Вып. 2 (33). – С. 123–129.

481. Марченко, А.Н. Приходская реформа 1961 года и реакция на нее епископата Русской православной церкви / А.Н. Марченко, П.А. Ефимушкин. – Текст : непосредственный // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2022. – № 37. – С. 199–210.

482. Маслова, И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР : к вопросу о взаимоотношениях государства и Русской православной церкви (1965–1991 гг.) / И.И. Маслова. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 78–105.

483. Матвеев, А. Соотношение неформальных институтов и практик / А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Власть. – 2011. – № 8. – С. 18.

484. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – Текст : непосредственный.

485. Матушевская, Ю.Г. Особенности формирования римско-византийского права и его влияние на становление церковного права /

Ю.Г. Матушевская, М.Н. Махмутова. – Текст : непосредственный // Миссия конфессий. – 2016. – № 15. – С. 21–27.

486. Матюхин, А.А. Государство в сфере права : институциональный подход / А.А. Матюхин. – Алматы : ВШП «Әділет», 2000. – 589 с. – Текст : непосредственный.

487. Мациевич, И.В. Политические религии в современном мире / И.В. Мациевич, С.А. Семедов. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2012. – № 4. – С. 36–49.

488. Меженная, Э.Л. Митрополит Иоанн (Вендланд) : «Будем делать дела любви!» : Дневники. Письма. Воспоминания / Э.Л. Меженная. Ярославль : Изд. Александр Рутман, 2013. – 504 с. – Текст : непосредственный.

489. Мейендорф, И., протопресв. Живое предание : свидетельство Православия в современном мире / И. Мейендорф, протопресв. – М. : Паломник, 2004. – 348 с. – Текст : непосредственный.

490. Мельник, А. Не хочу обманывать людей. Почему я сложил с себя духовный сан? / А. Мельник. – Текст : непосредственный // Правда Востока. – 1961. – 16 февраля.

491. Мещерякова, А.Ф. Светское государство в современной России : проблемы и перспективы развития / А.Ф. Мещерякова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 198 с. – Текст : непосредственный.

492. Миллер, М.Л. Пол Б. Андерсон и поездка церковных лидеров США в Москву в 1956 г. / М.Л. Миллер. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2022. – № 1. – С. 10–25.

493. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – 3-е изд. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 547 с. – Текст : непосредственный.

494. Мирошникова, Е.М. Основные тренды отношения государств Европейского союза к религии / Е.М. Мирошникова, М.Ю. Смирнов. – Текст : непосредственный // Современная Европа. – 2020. – № 3. – С. 196–206.

495. Митрофан (Божко), архім. Особливості структурно-функційної організації духовних семінарій за радянських часів (на прикладі Київської духовної семінарії) / Митрофан (Божко), архім. – Текст : электронный // Київські історичні студії. – 2024. – № 2 (19). – С. 55–63. – DOI: 10.28925/2524-0757.2024.27.

496. Митрофанов, Г., прот. Ответы на вопросы. Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь (г. Екатеринбург, 17 августа 2006 г.) / Митрофанов, Г., прот. – Текст : электронный // Официальный сайт Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря. – URL: http://www.sestry.ru/church/content/life/events/40 (дата обращения: 10.01. 2026).

497. Митрофанова, А.В. Религия и политика : основные формы взаимодействия / А.В. Митрофанова. – Текст : непосредственный // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры : сборник докладов XXIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтений. – Минск : ООО «Позитив-центр», 2018. – С. 224–225.

498. Митрохин, Н.* Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР / Н. Митрохин.* – Текст : непосредственный // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3-4 (30). – С. 505–511.

499. Митрохин, Н.* Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. В 2 т. / Н.* Митрохин. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 2 т. – Текст : непосредственный.

500. Митрохин, Н.* Русская православная церковь : современное состояние и актуальные проблемы / Н. Митрохин.* – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с. – Текст : непосредственный.

501. Митрохин, Н.*[1333] Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период / Н.* Митрохин. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 3. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/sovetskaya-vlast-czerkov-i-veruyushhie-v-poslevoennyj-period.html (дата обращения: 20.12.2025).

502. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Русская православная церковность. Вторая половина XX в. / Михаил (Мудьюгин), архиеп. – М. : Библейский богословский институт, 1995. – 124 с. – Текст : непосредственный.

503. Михайлова, Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права / Н.В. Михайлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. – 864 с. – Текст : непосредственный.

504. Молодов, О.Б. Закрытие православных приходов на европейском севере СССР в 1950–1980-е годы / О.Б. Молодов. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 35–42.

505. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – 510 с. – Текст : непосредственный.

506. Николай (Кутепов), митр. О властях и Церкви Христовой : интервью / Николай (Кутепов), митр. – Текст : непосредственный // Независимая газета – Религии. – 2001. – 25 апр.

507. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнер. – М. : Начала, 1997. – 190 с. – Текст : непосредственный.

508. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст ; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М. : Изд-во Гайдара, 2011. – 241 с. – Текст : непосредственный.

[1333] * Внесен Минюстом России в список иностранных агентов.

509. О правовом положении Православной Российской церкви : Определение Поместного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. – Текст : непосредственный // Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. – М. : Издание Соборного совета, 1918. – С. 6–8.

510. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. – М. : Юрид. лит., 1966. – 491 с. – Текст : непосредственный.

511. Овсиенко, Ф.Г. Политизация конфессий и клерикализация политики : тенденции развития и риски в российском обществе / Ф.Г. Овсиенко. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 189–196.

512. Овчинников, В.А. О применении институционального подхода при исследовании истории монастырей Русской православной церкви / В.А. Овчинников. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 1. – С. 55–60.

513. Одинцов, М.И. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР. Религиозные организации и Советское государство накануне Великой Отечественной войны / М.И. Одинцов. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2009. – С. 407–415.

514. Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны : государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М.И. Одинцов. – М. : Российское объединение исследователей религии, 1995. – 540 с. – Текст : непосредственный.

515. Одинцов, М.И. Государство и религиозные объединения в эпоху «перестройки и гласности» в СССР 1985–1990 годы / М.И. Одинцов. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. – М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 27–44.

516. Одинцов, М.И. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М.И. Одинцов, А.С. Кочетова. – М. : РОССПЭН, 2014. – 316 с. – Текст : непосредственный.

517. Одинцов, М.И. Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Старогородского). 1867–1944 / М.И. Одинцов. – М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2022. – 727 с. – Текст : непосредственный.

518. Одинцов, М.И. Русская православная церковь в XX веке : история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И. Одинцов. – М. : Центральный дом духовного наследия общества «Знание» России, 2002. – 310 с. – Текст : непосредственный.

519. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М. : РОССПЭН, 2014. – 421 с. – Текст : непосредственный.

520. Одинцов, М.И. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия : эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. / М.И. Одинцов, Т.А. Чумаченко. – СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2013. – 372 с. – Текст : непосредственный.

521. Онищенко, А.Б. О роли и значении Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1953 годах / А.Б. Онищенко. – Текст : электронный // Церковь и время. – 2011. – № 2 (55). – URL: https://church-and-time.ru/717 (дата обращения: 28.07.2025).

522. Определения Священного синода от 22 марта 1960 г. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1960. – № 4. – С. 11.

523. Ориу, М. Основы публичного права / М. Ориу. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 572 с. – Текст : непосредственный.

524. Осавелюк, А.М. О некоторых проблемах канона в церковном праве / А.М. Осавелюк. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 28–34.

525. Осавелюк, А.М. Церковь и государство : монография / А.М. Осавелюк. – М. : Проспект, 2019. – 432 с. – Текст : непосредственный.

526. Осипов, А.А. Путь к духовной свободе : рассказ бывшего богослова / А.А. Осипов. – М. : Госполитиздат, 1960. – 80 с. – Текст : непосредственный.

527. Основы социальной концепции Русской православной церкви (утверждены юбилейным Архиерейским собором РПЦ 13–16 августа 2000 г.). – Текст : электронный // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (дата обращения: 08.10.2025).

528. Остроухова, Н.В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) / Н.В. Остроухова. – Текст : непосредственный // Via in tempore. История. Политология. – 2020. – № 47(1). – С. 160–169.

529. Павлов, А.С. Курс церковного права / А.С. Павлов ; под ред. И.М. Громогласова. – Сергиев Посад : Богосл. вестн., 1902. – 539 с. – Текст : непосредственный.

530. Павлов, А.С. Первоначальный славяно-русский Номоканон / А.С. Павлов. – Текст : непосредственный. – Казань : Унив. тип., 1869. – 100 с.

531. Павлюк, И.В. Православное церковное право в правовой системе России : историко-правовой аспект / И.В. Павлюк. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». – 2021. – № 4(20). – С. 358–364.

532. Панеях, Э.Л. Неформальные институты и формальные правила : закон действующий VS. Закон применяемый / Э.Л. Панеях. – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2003. – № 1. – С. 33–52.

533. Парамонов, В.Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. / В.Н. Парамонов. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. – 2012. – № 2/2 (93). – С. 125–133.

534. Парийский, Л. Годичный акт в Ленинградской духовной академии и семинарии / Л. Парийский. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1950. – № 11. – С. 55–56.

535. Пастырская конституция «О церкви в современном мире» (Gaudium et Spes) . – Текст : непосредственный // Документы II Ватиканского собора. – М. : Паолине, 1998. – С. 377–467.

536. Патриарх в конце 2-го тысячелетия. – Текст : непосредственный // НГ-Религии. – 1999. – № 4 (27). 24 февраля. – С. 6.

537. Пашенцев, Д.А. Историко-правовая наука : поиск новой методологии : монография / Д.А. Пашенцев. – М. : ИНФРА-М, 2026. – 189 с. – Текст : непосредственный.

538. Пашенцев, Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д.А. Пашенцев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6 (293). – С. 168–173.

539. Пенская, Т.М. К вопросу о характере рецепции византийского права в средневековой Руси / Т.М. Пенская, Е.Е. Тонков, В.Ю. Туранин. – Текст : непосредственный // NOMOTHETIKA : Философия. Социология. Право. – 2020. – Т 45, № 4. – С. 761–774.

540. Петров, И. Православное священство : пастырская деятельность в немецкой оккупации и дальнейшая судьба / И. Петров. – Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 777–791.

541. Петюкова, О.Н. Модели государственно-конфессиональных отношений : зарубежный опыт правового регулирования / О.Н. Петюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Финансовой академии. – 2010. – № 3 (57). – С. 57–61.

542. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : монография / О.Н. Петюкова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – 350 с. – Текст : непосредственный.

543. Петюкова, О.Н. Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права / О.Н. Петюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 146–147.

544. Пивоваров, Н.Ю. Словом и делом : религиозный вопрос в сообщениях органов государственной безопасности в ЦК ВКП(б)/КПСС (1950-е – первая

половина 1960-х гг.) / Н.Ю. Пивоваров, А.Д. Попов. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13, вып. 6 (116). – URL: https://history.jes.su/s207987840021693-1-1/ (дата обращения: 05.03.2026).

545. Пихоя, Р.Г. О внутрипартийной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 / Р.Г. Пихоя. – Текст : непосредственный // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 3–15.

546. Пихоя, Р.Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – М. : Изд-во РАГС, 1998. – 734 с. – Текст : непосредственный.

547. По этапам развития атеизма в СССР / отв. ред. Н.П. Красников. – Л. : Наука, 1967. – 331 с. – Текст : непосредственный.

548. Подмарицын, А., протодиакон. Повседневная деятельность оренбургского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР П. Вдовина в начале 60-х годов XX века / А. Подмарицын, протодиакон. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2017. – № 2 (8). – С. 132–138.

549. Подшибякин В.Г. Со старообрядческим духовенством я находил общий язык : интервью / В.Г. Подшибякин. – Текст : электронный // Портал «Русская вера». 01.12.2015. – URL: https://ruvera.ru/articles/podshibyakin_interviu_1 (дата обращения: 02.10.2025).

550. Подшибякин, В.Г. Со старообрядческим духовенством я находил общий язык : интервью / В.Г. Подшибякин. – Текст : электронный // Портал «Русская вера». 01.12.2015. URL: https://ruvera.ru/articles/podshibyakin_interviu_1 (дата обращения: 02.10.2025).

551. Пожаров, А.И. Обеспечение государственной безопасности в СССР : политические и правовые аспекты / А.И. Пожаров. – Текст : непосредственный // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 72–83.

552. Поленина, С.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С.В. Поленина, Н.В. Сильченко ; отв. ред. Р.О. Халфина. – М. : Наука, 1987. – 150 с. – Текст : непосредственный.

553. Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. статья и коммент. О.Б. Мозохина. – М. : Кучково поле, 2017. – 800 с. – Текст : непосредственный.

554. Положение об управлении Русской православной церкви. Принято Архиерейским собором Русской православной церкви 18 июля 1961 г. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1961. – № 8. – С. 15.

555. Поляков, А.В. Коммуникативное правопонимание : избранные труды / А.В. Поляков. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014. – 575 с. – Текст : непосредственный.

556. Поляков, А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. – 468 с. – Текст : непосредственный.

557. Поместный собор Русской православной церкви. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 года : материалы. – М. : Издание Московской патриархии, 1990. – 479 с. – Текст : непосредственный.

558. Понкин, И.В. Современное светское государство : конструктивная светскость : конституционно-правовое исследование / И.В. Понкин. – М. : Ин-т гос.-конфессиональных отношений и права, 2006. – 389 с. – Текст : непосредственный.

559. Понкин, И.В. Теоретико-правовые и международно-правовые аспекты регулирования отношений между государством и религиозными объединениями / И.В. Понкин. – М., 2000. – Текст : непосредственный.

560. Поспеловский, Д. Какой ценой? Приходская летопись храма, который никогда не закрывался / Д. Поспеловский. – М. : Общество любителей церковной истории, 2003. – 176 с. – Текст : непосредственный.

561. Поспеловский, Д. Русская православная церковь в XX веке : учебное пособие / Д. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с. – Текст : непосредственный.

562. Поспеловский, Д.В. Митрополит Никодим и его время / Д.В. Поспеловский. – Текст : непосредственный // Посев. – 1979. – № 2. – С. 21–25.

563. Поспеловский, Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание / Д.В. Поспеловский. – М., 2003. – Текст : непосредственный.

564. Потапова, П.В. Политика советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно-правовые основы регулирования) / П.В. Потапова. – Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 166–178.

565. Правда о религии в России / ред. Николай (Ярушевич), митр., Г.П. Георгиевский, А. Смирнов, прот. – М. : Моск. патриархия, 1942. – 456 с. – Текст : непосредственный.

566. Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов. – М. : Статут, 2014. – 568 с. – Текст : непосредственный.

567. Правовое регулирование взаимоотношений государства и русской православной церкви в СССР / Н.В. Михайлова и др. – М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. – 146 с. – Текст : непосредственный.

568. Православная энциклопедия : Русская православная церковь. – М., 2000. – 656 с. – Текст : непосредственный.

569. Правотворчество в СССР / А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин, С.А. Пяткина, А.А. Тилле [и др.] ; под ред. А.В. Мицкевича. – М. : Юрид. лит., 1974. – 318 с. – Текст : непосредственный.

570. Председатель Совета по делам религий Константин Харчев : «Я не помню ни одной просьбы от иерархов и священников открывать церкви. Они боялись». – Текст : электронный // Портал «Русская вера». 08.06.2015. –URL: https://ruvera.ru/articles/predsedatel_soveta_religiiy_konstantin_harchev (дата обращения: 02.10.2025).

571. Пришвин, М.М. Дневники. 1942–1943 / М.М. Пришвин ; подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой ; статья, коммент. Я.З. Гришиной. – М. : РОССПЭН, 2012. – 813 с. – Текст : непосредственный.

572. Пришвин, М.М. Дневники. 1944–1945 / М.М. Пришвин ; подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой ; статья, коммент. Я.З. Гришиной. – М. : Новый хронограф, 2013. – 944 с. – Текст : непосредственный.

573. Пронина, Т.С. Религиозность позднего советского периода и ревитализация религии в постсоветской России / Т.С. Пронина. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского государственного университета (Гуманитарные науки. Язык. Познание. Культура). – 2015. – Вып. 6 (146). – С. 178–189.

574. Пчелинцев, А.В. Свобода религии и права верующих в современной России / А.В. Пчелинцев. – М. : Юриспруденция, 2007. – 392 с. – Текст : непосредственный.

575. Регельсон, Л.Л. Трагедия Русской Церкви : 1917–1945 / Л.Л. Регельсон. – М. : Крутиц. патриаршее подворье, 1996. – Текст : непосредственный.

576. Резиденция Московских патриархов в Переделкино. – Текст : электронный. – URL: https://podvorie-peredelkino.ru/residence/ (дата обращения: 01.02.2026).

577. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена на приеме в Совете по делам религий при Совете Министров СССР 10 июня 1971 года. – Текст : непосредственный // Журнал Московской патриархии. – 1971. – № 8. – С. 16.

578. Розенбаум, Ю.А. Советское государство и церковь / Ю.А. Розенбаум. – М. : Наука, 1985. – 174 с. – Текст : непосредственный.

579. Роккуччи, А. Сталин и патриарх : Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / А. Роккуччи ; пер. с итал. О.Р. Щелоковой. – М. : РОССПЭН, 2016. – 581 с. – Текст : непосредственный.

580. Роль Православной церкви в истории России. Круглый стол. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 84–106.

581. Российское православие за рубежом : библиографический указатель литературы и источников 1918–2006 гг. / сост. : А.В. Попов. – М. : ИПВА, 2007. – 630 с. – Текст : непосредственный.

582. РПЦ и светское общество в РФ. – Текст : электронный // Блог священника Павла Адельгейма. 2013. 6 апреля. – URL: https://adelgeim.livejournal.com/123957.html (дата обращения: 05.01.2025).

583. Рубанов, В.А. От «культа секретности»- к информационной культуре / В.А. Рубанов. – Текст : непосредственный // Коммунист. – 1988. Сентябрь. – С. 24–37.

584. Русак, В.С. Свидетельство обвинения : церковь и государство в Советском Союзе / В.С. Русак. – Джорданвиль ; Нью-Йорк : Издание Свято-Троицкого монастыря, 1987. – 3 ч. – Текст : непосредственный.

585. Русская православная церковь : устройство, положение, деятельность (к сорокалетию восстановления патриаршества) / под ред. А.В. Ведерникова. – М. : Московская патриархия, 1958. – 247 с. – Текст : непосредственный.

586. Русская православная церковь и государство в 1970–1990-е гг. : эволюция взаимоотношений / Р.Н. Богданова, Ю.Ю. Клычников, И.Н. Колесников, К.В. Каспарян. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2023. – № 1-2. – С. 70–81.

587. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о церкви, о времени и о себе / сост. Т.Л. Александрова, Т.В. Суздальцева. – М. : ПСТГУ, 2019. – 672 с. – URL: https://azbyka.ru/fiction/rus-uxodyashhaya-rasskazy-mitropolita/?full_text=1 (дата обращения: 29.09.2025). – Текст : электронный.

588. Рыбаков, В.А. Советское право : преемственный аспект / В.А. Рыбаков. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2010. – № 9. – С. 13–17.

589. Саввин, А. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху / А. Саввин, В. Деннингхаус. – Текст : непосредственный // Россия XXI. – 2017. – № 6. – С. 118–141.

590. Савин, А.И. Религиозные организации в СССР глазами 5-го Управления Комитета государственной безопасности (1971 год) / А.И. Савин. – Текст : непосредственный // Исторический курьер. – 2022. – № 2 (22). – С. 188–205.

591. Савин, А.И. Религиозная политика в СССР периода «развитого социализма» и Запад / А. Саввин, В. Деннингхаус. – Текст : непосредственный // Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время : материалы Международной научной заочной конференции (г. Москва 27 марта 2020 г.). – М. : МПГУ, 2021. – С. 225–237.

592. Савин, А.И. Религиозный ландшафт «развитого социализма» как пространство политической лояльности / А. Саввин, В. Деннингхаус. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2017. – № 9 (63). – URL: https://history.jes.su/s207987840002031-3-1 (дата обращения: 04.05.2026).

593. Садченков, С.Ю. Реализация принципов свободы совести и вероисповедания в Волгоградской области в 1980-х гг. / С.Ю. Садченков. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А. И. Филимонов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 60–77.

594. Сазонов, Д.И. Развитие приходской общинной жизни в Русской православной церкви и ее особенности с 1918 по 1988 годы / Д.И. Сазонов. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 51–55.

595. Салтыкова, С.А. Особенности формирования правовой системы Древней Руси / С.А. Салтыкова. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2012. – № 15. – С. 45–48.

596. Сартори, П. Эксперименты империи : адат, шариат и производство знаний в Казахской степи / П. Сартори, П. Шаблей. – М. : НЛО, 2019. – 280 с. – Текст : непосредственный.

597. Сарычев, В. Задачи русской духовной школы (сокращенный текст доклада, прочитанного при встрече с делегацией греческих богословов 27 мая 1962 г. в Московской духовной академии / В. Сарычев. – Текст : непосредственный // ЖМП. – 1962. – № 9. – С. 70–78.

598. Сафонов, А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России : правовые аспекты взаимоотношений / А.А. Сафонов. – М. : Проспект, 2017. – 268 с. – Текст : непосредственный.

599. Свеча Богу : Московский старец – протоиерей Василий Серебренников. – М. : Астра семь, 1999. – 240 с. – Текст : непосредственный.

600. Свиридов, В.В. История социологического подхода к пониманию и исследованию права в российской гуманитарной науке рубежа XIX–XX вв. / В.В. Свиридов. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2015. – Т. 20, № 10 (150). – С. 144–150.

601. Свобода совести в России : исторический и современный аспекты : сборник статей. Выпуск 2. / М.И. Одинцов, Е. Н. Мельникова, О. Г. Моисеенко. – М. : РОИР, 2005. – 564 с. – Текст : непосредственный.

602. Селиванов, П.Д. Партийное руководство атеистическим воспитанием / П.Д. Селиванов. – М. : Политиздат, 1973. – 142 с. – Текст : непосредственный.

603. Сергий (Страгородский), митр. Декларация Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного синода от 29 июля 1927 г. / Сергий (Страгородский), митр. – Текст : непосредственный // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : сборник в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-та, 1994. – С. 509–513.

604. Силано, Ф. Каноническое право в зале большевистского суда : Русская революция как революция церковного права / Ф. Силано. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 153–181.

605. Симонов, В.В. (архимандрит Филипп). Деятельность священника Петра Нортамо по воссоединению Финляндской и Русской православных церквей / В.В. Симонов (архимандрит Филипп), С.С. Никитин (епископ Силуан). – Текст : непосредственный // Российский журнал истории Церкви. – 2023. – № 4 (3). – С. 15–24.

606. Симонова, М.А. Русская православная церковь и советское государство в 1950–1980-х гг. : вехи взаимодействия / М.А. Симонова. – Текст : электронный // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-sovetskoe-gosudarstvo-v-1950-1980-h-gg-vehi-vzaimodeystviya (дата обращения: 21.01.2024).

607. Скабалланович, М.Н. Толковый Типикон : объяснительное изложение Типикона с историческим введением / М.Н. Скабалланович. – М. : Паломник, 2003. – 942 с. – Текст : непосредственный.

608. Скакун, Р. Агентура НКВС – МДБ – КДБ у православному єпископаті України (1939–1964) : формування, функції, моделі поведінки / Р. Скакун. – Львів : Видавництво Українського католицького університету, 2025. – 360 с. – Текст : непосредственный.

609. Склярова, Т.В. Православное образование в современной России : структура и содержание / Т.В. Склярова. – Текст : непосредственный // Вестник ПСТГУ. IV : Педагогика. Психология. – 2016. – Вып. 1 (40). – С. 9–16.

610. Смирнов, А.П. Патриарх Сергий и его духовное наследство / А.П. Смирнов. – М. : Моск. патриархия, 1947. – 416 с. – Текст : непосредственный.

611. Смирнов, М.Ю. Научный атеизм в советском высшем образовании : периодизация и содержание / М.Ю. Смирнов. – Текст : непосредственный // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 3. – С. 144–171.

612. Смолкин, В. «Свято место пусто не бывает» : история советского атеизма / В. Смолкин ; пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. – М. : НЛО, 2021. – 552 с. – Текст : непосредственный.

613. Смыкалин, А.С. Церковное право – самостоятельная отрасль знаний в системе юридических наук / А.С. Смыкалин. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2005. – № 4. – С. 131–136.

614. Соборное уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 431 с. – Текст : непосредственный.

615. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 2. – М. : Издание Соборного совета, 1918. – 28 с. – Текст : непосредственный.

616. Советская идентичность и проблемы религиозности : православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг. / А.В. Апанасенок, А.Ю. Бубнов, С.А. Кравченко [и др.]. – Курск, 2022. 321 с. – Текст : непосредственный.

617. Современное сектантство и его преодоление (по материалам экспедиций в Тамбовскую область). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 314 с. – Текст : непосредственный.

618. Соколов, Н.К. О началах и формах духовного суда ввиду современных потребностей / Н.К. Соколов. – Текст : непосредственный // Православное обозрение. – 1870. – Май. – С. 835–836.

619. Солдатов, А. Священный «капитал» и его «олигархи» / А. Солдатов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 39–45.

620. Сосковец, Л.И. Советы по делам религий как проводники государственной политики в отношении церкви / Л.И. Сосковец. – Текст : непосредственный // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312, № 6. – С. 162–167.

621. Спиридонова, Т.А. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров БССР по закрытию Минской духовной семинарии (1959–1963 гг.) / Т.А. Спиридонова. – Текст :

непосредственный // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : асоба, грамадства, дзяржава : Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыіў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Янкі Купалы. У 2 частках. Том Частка 2. – Гродна : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2019. – С. 185–188.

622. Степанов, И.М. Конституция и политика / И.М. Степанов. – М. : Наука, 1984. – 173 с. – Текст : непосредственный.

623. Струве, Н. Борьба за веру в Советской России (по материалам советской печати) / Н. Струве. – Текст : непосредственный // Вестник РХСД. – 1964. – № 3 (74). – С. 18–28.

624. Струве, Н. Церковь в Советской России / Н. Струве. – Текст : непосредственный // Вестник РХСД. – 1962. – № 1 (64). – С. 23–29.

625. Суворов, Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву / Н.С. Суворов. – СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1876. – 338 с. – Текст : непосредственный.

626. Суворов, Н.С. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских соборов / Н.С. Суворов. – Ярославль : Типо-литография Г. Фальк, 1884. – 394 с. – Текст : непосредственный.

627. Суворов, Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 477 с. – Текст : непосредственный.

628. Суворов, Н.С. Центральная организация церкви как юридическое лицо / Н.С. Суворов. – Текст : непосредственный // Журнал юридического общества при императорском Санкт-Петербургском ун-те. – 1895. – Кн. 5. – С. 27–54.

629. Судакова, С.В. Теоретико-правовое осмысление кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений в контексте новейшей конституционной реформы / С.В. Судакова. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 35–40.

630. Сухова, Н.Ю. Высшая духовная школа : проблемы и реформы : вторая половина XIX века / Н.Ю. Сухова. – М. : Православный Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. – 658 с. – Текст : непосредственный.

631. Таинственный монах. Разведчик из группы Судоплатова / под ред. М. Смирнова. – М. : Родина, 2025. – 402 с. – Текст : непосредственный.

632. Таманаха, Б.З. Понимание правового плюрализма : от прошлого к настоящему, от локального к глобальному / Б.З. Таманаха ; пер. с англ. В.М. Куприянова. – Текст : непосредственный // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов. – М. : Статут, 2014. – С. 145–184.

633. Тарасова, В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М. : Новый хронограф, 2005. – 567 с. – Текст : непосредственный.

634. Телеграмма епископа Орловского Иоанна председателю ВЦИК М.И. Калинину. Июнь 1930 г. – Текст : непосредственный // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. / подготовка изд. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. Кн. 2. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 600–601.

635. Теория государства и права : учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М. : Норма, 2005. – URL: https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yurisprudenciya/23302-sergej-alekseev-teoriya-gosudarstva-i-prava.html (дата обращения: 08.10.2025). – Текст : электронный.

636. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович ; под ред. М.П. Карева. – М. : Гос. изд. юрид. лит., 1949. – 512 с. – Текст : непосредственный.

637. Тимиргазиева, А.И. Государственно-религиозные отношения в советский период / А.И. Тимиргазиева. – Текст : непосредственный // Дискуссия. – 2014. – № 2 (43). – С. 120–126.

638. Титков, Е.П. Патриарх Сергий (Страгородский) : подвиг служения Церкви и Родине / Е.П. Титков. – Арзамас : АГПИ им. А.П. Гайдара, 2007. – 664 с. – Текст : непосредственный.

639. Титов, Н.Ю. Проблемы противодействия буржуазно-клерикальной пропаганде : вопросы и ответы / Н.Ю. Титов, Н.А. Трофимчук. – М. : О-во «Знание» РСФСР, 1988. – 47 с. – Текст : непосредственный.

640. Титов, Н.Ю. Трудным путем : 70 лет декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви / Н.Ю. Титов. – Текст : непосредственный // Наука и религия. – 1988. – № 2. – С. 20–21.

641. Тихомиров, Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Л.А. Тихомиров. – М. : Изд-во журн. «Москва», 2003. – 616 с. – Текст : непосредственный.

642. Тихомиров, Ю.А. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня / Ю.А. Тихомиров, Т.Н. Рахманина, А.Г. Хабибулин. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 88–93.

643. Томсинов, В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» / В.А. Томсинов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия : Право. – 1998. – № 4. – С. 3–17.

644. Томсинов, В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В.А. Томсинов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. – 2009. – № 4. – С. 3–26.

645. Третьяков, И.С. Жизнь, научная деятельность и пастырское служение профессора-протоиерея Александра Ветелева / И.С. Третьяков. – Текст : непосредственный // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2023. – № 21. – С. 225–242.

646. Тулянов, В.А. Законодательство СССР и РСФСР о религиозных организациях : к вопросу о демократизации положения Русской православной церкви в годы перестройки / В.А. Тулянов. – Текст : электронный // Вестник МГПУ. «Исторические науки». – 2024. – № 2 (54). – С. 109–124. – DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.54.2.08.

647. Тулянов, В.А. Русская православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси : проблемы взаимоотношений / В.А. Тулянов. – Текст : непосредственный // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 113–125.

648. Туманов, В.А. О правовом нигилизме / В.А. Туманов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20–27.

649. Узланер, Д. Конец религии? История теории секуляризации / Д. Узланер. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с. – Текст : непосредственный.

650. Устав духовных консисторий / изд. Ф.В. Ливанова. – СПб. : Тип. М. Хана, 1871. – 192 с. – Текст : непосредственный.

651. Устав Коммунистической партии Советского Союза (утвержден XXII съездом, частичные изменения внесены XXIII съездом КПСС). – М. : Изд-во полит. литературы, 1966. – 32 с. – Текст : непосредственный.

652. Устав об управлении Русской православной церкви (1988 г.). Принят Поместным Собором Русской православной церкви 8 июня 1988 года. – URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1356 (дата обращения: 20.12.2024). – Текст : электронный.

653. Устав Русской православной церкви. – URL: https://www.patriarchia.ru/article/87256 (дата обращения: 25.04.2025) – Текст : электронный.

654. Фатхи, В.И. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии / В.И. Фатхи. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2007. – № 1. – С. 27–31.

655. Федоров, В.А. Русская православная церковь и государство : Синодальный период (1700–1917) / В.А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 479 с. – Текст : непосредственный.

656. Федотова, И.Ю. Государственная политика по закрытию и открытию церквей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) / И.Ю. Федотова. – Текст : электронный // Официальный сайт Пермского

государственного архива социально-политической истории. – URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/gosudarstvennaya-politika-po-zakrytiyu-i-otkrytiyu-tserkvej-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html (дата обращения: 05.07.2025).

657. Федчук, А.Н. Волынская духовная семинария в советское время : хрущевские гонения и прекращение работы / А.Н. Федчук. – Текст : непосредственный // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской православной церкви. – 2020. – № 94. – С. 74–94.

658. Феодосий (Процюк), митр. Трудности приходят и уходят, остаются добрые дела : интервью / Феодосий (Процюк), митр. – Текст : электронный // Пастырь. – 2007 (декабрь). – URL: https://web.archive.org/web/20090126034248/http://glinskie.ru/common/mpublic.php?num=203 (дата обращения: 02.10.2025).

659. Ференц-Сороцкий, А.А. Каноническое (церковное) право / А.А. Ференц-Сороцкий. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 6 (287). – С. 139–150.

660. Филатов, Д.Л. Русская церковь и государство в 80-е годы XX века / Д.Л. Филатов. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Вып. 14, № 3. – С. 148–153.

661. Фиолетов, Н.Н. Церковь и государство по советскому праву. Т. 1 : Декреты и разъяснения 1917–1923 г. / проф. Н.Н. Фиолетов. – М. ; Саратов : В.З. Яксанов, 1923–1924. – 87 с. – Текст : непосредственный.

662. Фирсов, С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Фирсов. – М. : Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с. – Текст : непосредственный.

663. Фирсов, С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую православную церковь / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатисъ : Межрегиональный фонд «Держава», 2004. – 288 с. – Текст : непосредственный.

664. Фирсов, С.Л. Время в судьбе : Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси (к вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века) / С.Л. Фирсов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Сатисъ : Держава, 2005. – Текст : непосредственный.

665. Фирсов, С.Л. Православная церковь и Российское государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С. Фирсов. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1996. – 660 с. – Текст : непосредственный.

666. Флеров, Н.А. Что говорит наука о «воскресении из мертвых» / Н.А. Флеров. – Текст : непосредственный // Безбожник. – 1925. – № 3. – С. 10–11.

667. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Типография т-ва «Общественная польза», 1912. – 567 с. – Текст : непосредственный.

668. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 1 : [Часть первая. Вопросы 1–64] / Фома Аквинский ; пер. А.В. Апполонова (с параллельным латинским текстом). – М. : Издатель Савин С.А., 2006. – 874 с. – Текст : непосредственный.

669. Халилова, З.Э. Богословские науки в советском медресе : содержание и контекст учебных дисциплин / З.Э. Халилова. – Текст : непосредственный // I Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : материалы научно-практических конференций форума, Болгар, 13–19 октября 2019 г. Т. I. – Казань : МеДДоК, 2020. – С. 231–235.

670. Хархордин, О.В. Основные понятия российской политики / О.В. Хархордин. – М. : НЛО, 2011. – 328 с. – Текст : непосредственный.

671. Харчев, К.М. Религия и международное право : учебное пособие / К.М. Харчев. – М. : РГУП, 2019. – 196 с. – Текст : непосредственный.

672. Хлевнюк, О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР / О.В. Хлевнюк. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 320 с. – Текст : непосредственный.

673. Церковная реформа : сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / сост. И.В. Преображенский. – СПб. : Тип. Э. Арнгольда, 1905. – 580 с. – Текст : непосредственный.

674. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М. : Наука, 1967. – 336 с. – Текст : непосредственный.

675. Цыпин, В., прот. История Русской православной церкви : Синодальный и Новейший периоды (1700–2024) / В. Цыпин, прот. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2025. – 832 с. – Текст : непосредственный.

676. Цыпин, В., прот. Каноническое право / В. Цыпин, прот. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с. – Текст : непосредственный.

677. Цыпин, В., прот. Курс церковного права : учебное пособие / В. Цыпин, прот. – Клин : Христиан. жизнь : Круглый стол по религиоз. образованию в Рус. правосл. церкви, 2004. – 700 с. – Текст : непосредственный.

678. Чапнин, С.В. Церковь формирует свое правовое поле / С.В. Чапнин. – Текст : электронный // Независимая газета. – 2000. – 14 декабря. – URL: https://www.ng.ru/politics/2000-12-14/3_tserkov.html (дата обращения: 13.05 2025).

679. Черногор, Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг : инструментальная ценность и векторы развития / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. – 2018. – № 3. – С. 8–21.

680. Четвернин, В.А. Институциональная теория права / В.А. Четвернин, А.В. Яковлев. – М. : ВШЭ, 2009. – 26 с. – Текст : непосредственный.

681. Чуков, Н., прот. Дневник. Тетрадь 15 / Н. Чуков, прот. – Текст : непосредственный // Тетради по консерватизму. – 2024. – № 4. – С. 198–220.

682. Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. / Т.А. Чумаченко. – М. : АИРО-XX, 1999. – 246 с. – Текст : непосредственный.

683. Чумаченко, Т.А. Информативные возможности документальной коллекции фонда Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР / Т.А. Чумаченко. –

Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 30 (211). – С. 132–136.

684. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) / Т.А. Чумаченко. – Текст : непосредственный // Государство и церковь в XX веке : эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 10–14.

685. Чумаченко, Т.А. Управляющие Челябинской епархии (1947-1959 гг.) / Т.А. Чумаченко. – Текст : непосредственный // Наш край : прошлое, настоящее, будущее : материалы XII региональной научной конференции, Челябинск, 9 ноября 2018 г. – Челябинск : Авто Граф, 2019. – С. 100–104.

686. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг. : особенности формирования и деятельности аппарата / Т.А. Чумаченко. – Текст : непосредственный // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958 : дискуссионные аспекты. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. – С. 69–98.

687. Шадрина, А.В. Основные направления и методы советской антирелигиозной политики 1958 – 1960-х гг. (на примере православных приходов Ростовской области) / А.В. Шадрина. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 4. – С. 62–69.

688. Шайо, А. К понятию конституционного секуляризма / А. Шайо. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. – № 2 (69). – С. 132–152.

689. Шакирова, Э.З. Работа партийных организаций КПСС с верующими в середине 1950-х – 1980-е годы (на материалах Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбышевской областей) / Э.З. Шакирова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – № 37 (175). – С. 142–150.

690. Шапошников, Е.Л. Государственно-церковные отношения в России в XX – начале XXI века / Е.Л. Шапошников. – Нижний Новгород, 2007. – 173 с. – Текст : непосредственный.

691. Шафир, М. А. Взаимоотношения высших органов власти и управления Союза ССР и союзных республик / М. А. Шафир. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 27–36.

692. Шахов, М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / М.О. Шахов. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2013. – 528 с. – Текст : непосредственный.

693. Шершнева-Цитульская, И.А. Государство и церковь в России в XVIII – начале XXI века. М. : Юрайт, 2020. 189 с. – Текст : непосредственный.

694. Шестопалов, М.А. К вопросу о моделях государственно-церковных отношений / М.А. Шестопалов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2015. – № 2 (18). – С. 101–105.

695. Шкаровский, М.В. История Русской православной церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. 1917–1970 / М.В. Шкаровский. – СПб. : Воскресенiе, 1997. – 1020 с. – Текст : непосредственный.

696. Шкаровский, М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов : сборник документов / М.В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутиц. патриаршего подворья : Об-во любителей церков. истории, 2003. – 366 с. – Текст : непосредственный.

697. Шкаровский, М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь / М.В. Шкаровский. – Текст : непосредственный // Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал : в 2 т. Т. 2 : Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Рос. гос. ун-т. 1997. – С. 328–400.

698. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах / М.В. Шкаровский. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 36–56.

699. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече : Лепта, 2010. – 480 с. – Текст : непосредственный.

700. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) / М.В. Шкаровский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье ; Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с. – Текст : непосредственный.

701. Шкаровский, М.В. Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. Т. 1 / М.В. Шкаровский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. Православ. духов. академии, 2015. – 560 с. – Текст : непосредственный.

702. Шкаровский, М.В. Сталинская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 годах / М.В. Шкаровский. – Текст : непосредственный // Acta Slavica Iaponica. – 2009. – Т. 27. – С. 1–27.

703. Шліхта, Н.В. Церква тих, хто вижив : Радянська Україна, середина 1940-х – початок 1970-х рр. / Н.В. Шліхта. – Харків : Акта, 2011. – 465 с. – Текст : непосредственный.

704. Шмеман, А., прот. Знаменательная буря. Несколько мыслей об автокефалии, церковном Предании и экклезиологии / А. Шмеман, прот. – Текст : непосредственный // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. – М. : Русский путь, 2009. – С. 550–573.

705. Шмитт, К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / К. Шмитт. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – Текст : непосредственный.

706. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. – Текст : непосредственный // Социология власти. – 2011. – № 8. – С. 12–54.

707. Штекль, К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России / К. Штекль. – Текст : непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 195–223.

708. Шумило, С. Нелегальные связи между РПЦЗ и катакомбными общинами в СССР в 1960–1980-е гг. / С. Шумило. – Текст : электронный // Textus et Studia. – 2024. – № 1 (37). – С. 142. – DOI: 10.15633/es.10106.

709. Щапов, Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я.Н. Щапов. – М. : Наука, 1976. – 240 с. – Текст : непосредственный.

710. Щапов, Я.Н. Церковная юрисдикция и отражение в ней феодальной собственности церкви в XI–XII вв. / Я.Н. Щапов. – Текст : непосредственный // Древнерусское государство и его международное значение. – М. : Наука, 1965. – С. 339–352.

711. Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности / В.В. Захаров, И.А. Исаев, О.Г. Ларина, С.А. Салтыкова. М. : Проспект, 2012. – 432 с. – Текст : непосредственный.

712. Ювеналий (Поярков), митр. Человек Церкви : к 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978) / митр. Ювеналий (Поярков). – М. : Изд. Московской епархии, 1998. – 407 с. – Текст : непосредственный.

713. Явич, Л.С. К вопросу о методологии юридической науки / Л.С. Явич. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1963. – № 5. – С. 71–79.

714. Яковлев, А.В. Об институциональном подходе в либертарно-юридической концепции государства / А.В. Яковлев. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права РАН. – 2008. – № 5. – С. 3–14.

715. Якунин, В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.Н. Якунин. – Самара : Сам. ун-т, 2001. – 399 с. – Текст : непосредственный.

716. Якунин, Г. В служении культу. Московская патриархия и культ личности Сталина / Г. Якунин. – Текст : непосредственный // На пути к свободе совести. – М. : Прогресс, 1989. – С. 172–206.

717. Якунин, Г.П. Подлинный лик Московской патриархии / Г.П. Якунин. – М., 1995. – 14 с. – Текст : непосредственный.

718. Ярославский, Е.М. Библия для верующих и неверующих / Е.М. Ярославский. – М. : ГАИЗ, 1933. – 420 с. – Текст : непосредственный.

719. Agadjanian, A. From Urban Landscape to National Culture : Russia's Conspicuous Religious Simulacra and Enduring, if Fragile, Secularity / A. Agadjanian. – Text : electronic // Social Compass. – 2021. – URL: https://doi.org/10.1177/0037768620985750 (accessed: 06.02.2026).

720. Ambrosino, A. Ideologies and beliefs in Douglass North's theory / A. Ambrosino, S. Fiori. – Text : direct // The European Journal of the History of Economic Thought .– 2018. – Vol. 25, No. 6. – P. 1342–1369.

721. Anderson, Ch. The Sword and the Shield : The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB / Ch. Anderson, V. Mitrokhin. – New York : Basic Books, 2000. – 700 p. – Text : direct.

722. Anderson, J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and the Successor State, 1953–1993 / J. Anderson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 236 p. – Text : direct.

723. Anderson, J. The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy / J. Anderson. – Text : direct // Soviet Studies. – 1991. – Vol. 43, No. 4. – P. 689–710.

724. Anderson, P.B. No East or West / P.B. Anderson ; ed by D. Davis. – Paris : YMCA Press, 1985. – 175 p. – Text : direct.

725. Anghel V. Rule of Law or Rule of Norms? Informal Institutions and their Role for Democratic Resilience / V. Anghel. – Text : electronic // Forum Transregionale Studien. Published 27 February, 2024. – URL: https://trafo.hypotheses.org/50569 (accessed: 25.01.2026).

726. Aren, H. Origins of Totalitarianism / H. Aren. – New York : Schocken Books, 2004. – P. 590. – Text : direct.

727. Armes, K. Chekists in Cassocks : The Orthodox Church and the KGB / K. Armes. – Text : direct // Demokratizatsiya 1. – 1994. – No. 4. – P. 76.

728. Barbalet, J. Conceptualising informal institutions : Drawing on the case of guanxi / J. Barbalet. – Text : direct // The British Journal of Sociology. – 2023. – Vol. 74, No. 1. – P. 70–82.

729. Barberis, M.G. Santi Romano e le metamorfosi dell'istituzionalismo / M.G. Barberis. – Text : direct // Lo Stato. – 2017. – No. 9. – P. 243–259.

730. Bengoetxea, J. Legal Institutions as Comparators of Legal Cultures / J. Bengoetxea. – Text : electronic // Oñati Socio-Legal Series. – 2022. – Vol. 12, No. 6. – P. 1647–1673. – DOI: 10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1361.

731. Bielefeldt, H. Freedom of Religion or Belief : An International Law Commentary / H. Bielefeldt, N. Ghanea, M. Wiener. – Oxford, 2016. – URL: https://doi.org/10.1093/law/9780198703983.003.0010 (accessed: 20.07.2025). – Text : electronic.

732. Blake, E.C. Church and State in the U.S.S.R. and in the U.S.A. / E.C. Blake. – Text : direct // Journal of the Presbyterian Historical Society. – 1956 (Sept.). – Vol. 34, No. 3. – P. 183–189.

733. Burbank, J. An Imperial Rights Regime : Law and Citizenship in the Russian Empire / J. Burbank. – Text : direct // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. – 2017. – Vol. 7, No. 3. – P. 397–431.

734. Christianity and Russian Culture in Soviet Society / ed. by Nikolai N. Petro. – San Francisco ; L. : Westview Press, 1990. – 237 p. – Text : direct.

735. Churches and Political Power During Communism in Central and Eastern Europe : Individual Biographies and Institutional Mechanisms / ed. Dragoș Ursu. – Text : direct // Annales Universitatis Apulensis. Series Historica. – Vol. 28. – LIT Verlag, 2024. – 314 s.

736. Coleman, J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology / J. Coleman. – Text : direct // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. Smelser and R. Swedberg. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1994. – P. 166–180.

737. Croce, M., Goldoni M. The Legacy of Pluralism : The Continental Jurisprudence of Santi Romano, Carl Schmitt, and Costantino Mortati / M. Croce, M. Goldoni. – 2020. – URL: http://eprints.gla.ac.uk/198882 (accessed: 01.07.2025). – Text : electronic.

738. Croce, M., Salvatore A. The Legal Theory of Carl Schmitt / M. Croce, A. Salvatore. – Abingdon, Oxon ; New York : Routledge, 2013. – 213 p. – Text : direct.

739. Curtiss, J.S. Religion as a Soviet Social Problem / J.S. Curtiss. – Text : direct // Social Problems. University of California Press. – 1960. – Vol. 7, No. – P. 328–339.

740. Curtiss, J.S. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950 / J.S. Curtiss. – Boston : Little, Brown and Co., 1953. – 387 p. – Text : direct.

741. Davis, N. Long Walk to the Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy / N. Davis. – Boulder : Westveiw Press, 1995. – 419 p. – Text : direct.

742. De Vanna, F. L'ordinamento giuridico di Santi Romano e il pluralismo oltre l'orizzonte dello Stato : alcuni percorsi interpretative / F. De Vanna. – Text : direct // Jura Gentium. – 2018. – No. 15 (2). – P. 37–56.

743. DeWeese, D. The Soviet Union in Islamic Studies : Some Reflections on Envisioning the USSR as a Religious Space / D. DeWeese. – Text : direct // Muslim Religious Authority in Central Eurasia / ed. by Ron Sela, Paolo Sartori and Devin DeWeese. – Leiden : Brill's Inner Asian Library, 2022.– Vol. 43. – P. 17–68.

744. Dreyfuss, R. Russian Orthodoxy and the Soviet KGB / R. Dreyfuss. – Executive Intelligence Review. – 1981. – Vol. 8, № 46, December 1. – Text : electronic. – URL: https://larouchepub.com/eiw/public/1981/eirv08n46-19811201/index.html (accessed: 14.08.2025).

745. Duncan, P.J.S. Orthodoxy and Russian Nationalism in the USSR, 1917–88 / P.J.S. Duncan. – Text : electronic // Church, Nation and State in Russia and Ukraine (Studies in Russia and East Europe) / ed. by Geoffrey A. Hosking. – L. : Palgrave Macmillan, 1991. – P. 312–332. – DOI: 10.1007/978-1-349-21566-9_18 1991.

746. Easter, G. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia / G. Easter. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 247 p. – Text : direct.

747. Ellis, J. The Russian Orthodox Church : a Contemporary History / J. Ellis. – London ; Sidney : Croom Helm, 1986. – 551 p. – Text : direct.

748. Ferrari, A. Religion and the Secular State : the Italian Case / A. Ferrari, S. Ferrari. – Text : direct // Religion and the Secular State : National Reports / ed. D.D. Thayer. – Madrid, 2015. – P. 445–465.

749. Fletcher, S. Temples, Coins and Persecution : Why the Pagans Persecuted the Early Christians / S. Fletcher. – Text : direct // Studia Antiqua. – 2008. – Vol. 6, No. 1. – P. 115–118.

750. Fletcher, W. Nikolai : portrait of a dilemma: (Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church) / W. Fletcher. – New York : Macmillan, 1968. – 230 p. – Text : direct.

751. Fletcher, W. Religion and Soviet Foreign Policy, 1945–1970 / W. Fletcher. – London : Oxford University Press for the Royal Institute of International Affairs, 1973. – 179 p. – Text : direct.

752. Fontanelli, F. Santi Romano and L'ordinamento giuridico : The Relevance of a Forgotten Masterpiece for Contemporary International, Transnational and Global Legal Relations / F. Fontanelli. – Text : direct // Transnational Legal Theory. – 2011. – No. 2 (1). – P. 70–71.

753. Fredriksen, P. Christians in the Roman Empire in the First Three Centuries CE / P. Fredriksen. – Text : direct // A companion to the Roman Empire / ed. by D. Potter. – Blackwell Publishing, 2006. – P. 587–606.

754. Freeze, G. "Entangled History" and the Religious Quotidian in the USSR / G. Freeze. – Text : electronic // ISTORIYA. – 2020. – Vol. 11, No. 7 (93). – DOI: 10.18254/S207987840010690-8.

755. Freeze, G. Confessions in the Soviet Era : Analytical Overview of Historiography / G. Freeze. – Text : direct // Russian History. – 2017. – No. 44. – P. 1–24.

756. Freeze, G. The Religious Front : Militant Atheists and Militant Believers / G. Freeze. – Text : direct // Life in Stalin's Soviet Union / ed. by K. Boterbloem. – London : Bloomsbury, 2019. – P. 209–227.

757. From Confrontation to a Dialogue : The Dynamics of Relationship between the Russian Orthodox Church and the State (1917–1980) / E. Belyaeva, L. Chumarova, B. Fakhrutdinov, A. Fakhrutdinova. – Text : direct // Humanities & Social Sciences Review. – 2019. – Vol. 7, No. 4. – P. 390–393.

758. Gauthier, F. Religious Change in Orthodox-Majority Eastern Europe : from Nation-State to Global-Market / F. Gauthier. – Text : electronic // Theory and Society. – 2022. – Vol. 51. – P. 177–210. – DOI: 10.1007/S11186-021-09451-3.

759. Gel’man, V. The Unrule of Law in the Making : The Politics of Informal Institution Building in Russia / V. Gel’man. – Text : direct // Europe-Asia Studies. – 2004. – Vol. 56, No. 7. – P. 1021–1040.

760. Gill, G. Institutionalisation and Revolution : Rules and the Soviet Political System / G. Gill. – Text : direct // Soviet Studies. – 1985. – Vol. 37, No. 2. – P. 212–226.

761. Goeckel, R.F. Autonomiespielraum der Kirchen in der DDR. Ein Essay aus amerikanischer Sicht / R.F. Goeckel. – Text : direct // Christen, Staat und Gesellschaft in der DDR / G. Kaiser, E. Frie (Hg.). – Frankfurt/Main ; New Jork, 1996. – S. 103–119.

762. Griffiths, J. What is Legal Pluralism? / J. Griffiths. – Text : direct // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – 1986. – Vol. 18, issue 24. – P. 1–55.

763. Hauriou, M. The Theory of the Institution and the Foundation : A Study in Social Vitalism / M. Hauriou. – Text : direct // The French Institutionalists : Maurice Hauriou, Georges Renard, Joseph T. Delos / Ed. by A. Broderick. – Cambridge : Harvard University Press, 1970. – P. 93–124.

764. Heinzen, J. The Art of the Bribe : Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR / J. Heinzen. – Text : direct // Slavic Review. – 2007. – Vol. 66, No. 3. – P. 389–412.

765. Helmke, G. Informal Institutions and Comparative Politics : A Research Agenda / G. Helmke, S. Levitsky. – Text : direct // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, No. 4. – P. 725–740.

766. Hendley, K. Are Russian Judges Still Soviet? / K. Hendley. – Text : electronic // Post Soviet Affairs. – 2007. – Vol. 23, No. 3. – P. 240–274 http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.23.3.240.

767. Huskey, E. A Framework for the Analysis of Soviet Law / E. Huskey. – Text : direct // The Russian Review. – 1991. – Vol. 50, No. 1. – P. 53–70.

768. Huskey, E. From Legal Nihilism to Pravovoe Gosudarstvo : Soviet Legal Development, 1917–1990 / E. Huskey. – Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991. – 21 p. – Text : direct.

769. Huskey, E. Government Rulemaking as a Brake on Perestroika / E. Huskey. – Text : direct // Law and Social Inquiry. – 1990. – Vol. 15, issue 3. – P. 419–432.

770. Keenan, E.L. Muscovite Political Folkways / E.L. Keenan. – Text : direct // Russian Review. – 1986. – Vol. 45, No. 2. – P. 115–181.

771. Kellner, J. As Above, So below : Astrology and the Fate of Soviet Scientism / J. Kellner. – Text : direct // Kritika : Exploration on Russian and Eurasian History. – 2019. – Vol. 20, No. 4. – P. 783–812.

772. Kolarz, W. Religion in the Soviet Union / W. Kolarz. – L. : Macmillan, 1961. – 518 p. – Text : direct.

773. Kotzer, S. Russian Orthodoxy, Nationalism and the Soviet State During the Gorbachev Years, 1985–1991. – L. : Routledge, 2020. – 188 p. – Text : direct.

774. Kowalewski, D. Protest for Religious Rights in the USSR : Characteristics and Consequences / D. Kowalewski. – Text : direct // The Russian Review. – 1980. – Vol. 39, No. 4. – P. 426–441.

775. La Torre, M. Institutionalism Old and New / M. La Torre. – Text : direct // Ratio Jurus. – 1993. – Vol. 6, issue 2. – P. 196–198.

776. La Torre, M. Law as Institution / M. La Torre. – Dordrecht ; Heidelberg ; London ; New York : Springer Science+Business Media, 2010. – 274 p. – Text : direct.

777. Lauth, H.J. Informal Institutions and Democracy / H.J. Lauth. – Text : direct // Democratization. – 2000. – Vol. 7, No. 4. – P. 21–50.

778. Ledeneva, A. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance / A. Ledeneva. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 327 p. – Text : direct.

779. Ledeneva, A. How Russia Really Works : The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business / A. Ledeneva. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2006. – 270 p.

780. Ledeneva, A. Sistema – Russia‘s Informal System of Power / A. Ledeneva. – Text : direct // Granville C. Three views on modernization and the rule of law in Russia / C. Granville, P. Hanson, A. Ledeneva ; ed. by Katinka Barysch. – L. : Center for European Reform, 2012. – P. 17–27.

781. Ledeneva, A. Telefonnoe pravo (Russia) / A. Ledeneva, R.Š. Banović, C. Curro. – Text : electronic. – URL: https://www.in-formality.com/wiki/index.php?title=Telefonnoe_pravo_(Russia) (accessed: 12.04.2025).

782. Loeber, D.A. Legal Rules “For Internal Use Only” A Comparative Analysis of the Practice of Withholding Government Decrees from Publication in Eastern Europe and in Western Countries / D.A. Loeber. – Text : direct // International and Comparative Law Quarterly. – 1970. – Vol. 19, issue 1. – P. 70–98.

783. Lowrie, D., Fletcher W. Khrushchev's Religious Policy. 1959–1964 / D. Lowrie, W. Fletcher. – Text : direct // Aspects of Religion in the Soviet Union. 1917–1967. – Chicago : The University oa Chicago Press, 1971. – P. 131–156.

784. Luchterhandt, O. Der Sowjetstaat und die Russisch-Orthodoxe Kirche. Eine rechtshistorische und rechtssystematische Untersuchung / O. Luchterhandt. – Koeln : Verlag Wissenschaft und Politik, 1976. – 254 s. – Text : direct.

785. Luehrmann, S. Secularism Soviet Style. Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic / S. Luehrmann. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2011. – 275 p.

786. MacCormick, N. An Institutional Theory of Law : New Approaches to Legal Positivism / N. MacCormick, O. Weinberger. – Dordrecht : Springer Science+Business Media, 1986. – 229 p.

787. MacCormick, N. Institutions of Law : An Essay in Legal Theory / N. MacCormick. – New York, 2007. – P. 35–36. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198267911.003.0003. – Text : electronic.

788. Makarkin, A.V. Orthodoxy and the Soviet Regime : From Conflict to Adaptation / A.V. Makarkin. – Text : electronic // Russian Studies in Philosophy. – 2022. – Vol. 60, No. 5. – P. 395–406. – DOI: 10.1080/10611967.2022.2144677.

789. Maley, W. A Comment on Rules and the Soviet Political System / W. Maley. – Text : direct // Soviet Studies. – 1986. – Vol. 38, No. 1. – P. 103–106.

790. McKinnon, A.M. Ideology and the Market Metaphor in Rational Choice Theory of Religion : A Rhetorical Critique of ‘Religious Economies’ / A.M. McKinnon. – Text : electronic // Critical Sociology. – 2013. – Vol. 39, no. 4. – P. 529–543. – DOI: 10.1177/0896920511415431.

791. Merry, S.E. Legal Pluralism / S.E. Merry. – Text : direct // Law & Society Review. – 1988. – Vol. 22, No. 5. – P. 869–896.

792. Meztl, L. Reflection on the Soviet Secret Police and Intelligence Services . – Text : direct // Orbis. – 1974. – Vol. 18, No. 3. – P. 917–930.

793. Moyal, D. Did Law Matter? Law, State and Individual in the USSR, 1953–1982 / D. Moyal. – Text : electronic // URL: https://dl.acm.org/doi/book/10.5555/AAI28169094 (accessed: 03.04.2025).

794. Moyal, D. Social Control under Stalin and Khrushchev : The Phantom of a Well-Ordered State / D. Moyal. – Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto Press, 2023. – 368 p. – Text : direct.

795. North, D. C. Cognitive Science and the Study of the “Rules of the Game” in the World of Uncertainty / D. C. North. – Text : direct // Norms and the Law / ed. by J. Drobak. – New York : Cambridge University Press, 2006. – P. 48–56.

796. Paton, G. Soviet Legal Theory / G. Paton. – Text : direct // Res Judicatae. – 1946. – Vol. 3, No. 2. – P. 49–64.

797. Pawełczyk-Dura, K. Powojenna metafora “bogostalina” w świetle “Żurnału Moskowskoj Patriarchii” / K. Pawełczyk-Dura. – Text : electronic // Studia Religiologica. – 2014. – T. 47, No. 1. – S. 67–75. – DOI: 10.4467/20844077SR.14.005.2378.

798. Petro, N. Informal Politics and the Rule of Law / N. Petro. – Bethlehem (PA) : Lehigh University, 1991. – Text : direct.

799. Pocock, J.G.A. On the Unglobality of Contexts : Cambridge Methods and the History of Political Thought / J.G.A. Pocock. – Text : electronic // Global

Intellectual History. – 2019. – Vol. 4, issue 1. – P. 1–14. – DOI: 10.1080/23801883.2018.1523997.

800. Pospielovsky, D. Russian Police Trade Unionism : Experiment or Provocation / D. Pospielovsky. – L. : Weidenfeld and Nicolson, 1971. – 189 p. – Text : direct.

801. Pospielovsky, D. The Resurgence of Russian Nationalism in Samizdat / D. Pospielovsky. – Text : direct // Survey. – 1973. – Vol. XIX, No. 1. – P. 51–74.

802. Pospielovsky, D. The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982. Vol. 1, 2 / D. Pospielovsky. – Crestwood ; New York, 1984. – 263 p. – Text : direct.

803. Reese, R. The Russian Orthodox Church and ‘Patriotic’ Support for the Stalinist Regime during the Great Patriotic War / R. Reese. – Text : electronic // War & Society. – 2014. – Vol. 33, issue 2. – P. 131–153. – DOI: 10.1179/0729247314Z.00000000035.

804. Religious Life in the Late Soviet Union : From Survival to Revival (1960s–1980s) / ed. by Barbara Martin and Nadezhda Beliakova. – L. : Routledge, 2023. – 256 p. – Text : direct.

805. Romano, S. L’ordinamento giuridico / S. Romano. – Firenze : Sansoni, 1967. – 246 p. – Text : direct.

806. Rousselet, K. The Russian Orthodox Church and Reconciliation with the Soviet Past / K. Rousselet. – Text : electronic // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe Memory Games / eds. G. Mink, L. Neumayer. – L. : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 39–53. – DOI: 10.1057/9781137302052.

807. Sablin, I. A Spiritual Perestroika : Religion in the Late Soviet Parliaments, 1989–1991 / I. Sablin. – Text : electronic // Entangled Religions. – 2022. – Vol. 13, No. 8. – DOI: https://doi.org/10.46586/er.13.2022.9915.

808. Sarigil, Z. How Informal Institutions Matter : Evidence from Turkish Social and Political Spheres / Z. Sarigil. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2023. – 216 p. – Text : direct.

809. Sartori, P. Why Soviet Islam Matters / P. Sartori. – Text : direct // Geistes-, sozial- und kulturwissenschaftlicher Anzeiger. – 2023. – No. 157/158. – S. 5–24.

810. Scott, W.R. Institutions and Organizations / W.R. Scott. – London : Sage, 2014. – 345 p. – Text : direct.

811. Searle, J.R. Making the Social World : The Structure of Human Civilization / J.R. Searle. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. – 208 p. – Text : direct.

812. Shaffer, G. Comparative Institutional Analysis and a New Legal Realism / G. Shaffer. – Text : direct // Wisconsin Law Review. – 2013. – No. 2. – P. 607–628.

813. Șincan, A. Go-Betweens and Intersections : The Communist Inspectors for Religious Denominations, a Case Study / A. Șincan. – Text : direct // Church Reckoning with Communism in Post-1989 Romania / eds. Lucian Turcescu and Lavinia Stan. – L. : Lexington Books, 2021. – P. 33–56.

814. Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner. – Text : direct // History and Theory. – 1969. – Vol. 8, No 1. – P. 3–53.

815. Solomon, P.H., Jr. Law in Public Administration : How Russia Differs / P.H. Solomon, Jr. – Text : direct // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2008. – Vol. 24, No. 1. – P. 115–135.

816. Solomon, P.H., Jr. Local Political Power and Soviet Criminal Justice, 1922-41 / P.H. Solomon, Jr. – Text : direct // Soviet Studies. – 1985. – Vol. 37, No. 3. – P. 305–329.

817. Spinca, M. The Church in Soviet Russia / M. Spinca. – New York : Oxford University Press, 1956. – 179 p. – Text : direct.

818. Stan, L. The Russian Orthodox Church and Its Communist Past / L. Stan. – Text : direct // Churches, Memory and Justice in Post-Communism. Memory Politics and Transitional Justice / ed. by L. Turcescu and L. Stan. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 225–240.

819. Stępień, M. Działania podejmowane przez władze diecezjalne w związku z dekretem Rady Państwa PRL z dnia 31 grudnia 1956 r. o organizowaniu i obsadzaniu stanowisk kościelnych, na przykładzie wybranych diecezji / M. Stępień. – Text : direct

// Prawo Kanoniczne. – 2016. – Vol. 59, No. 2. – S. 109–140. – DOI: 10.21697/pk.2016.59.2.07.

820. Stoeckl, K. Russian Orthodoxy and Secularism / K. Stoeckl. – Text : direct // Brill Research Perspectives on Politics and Religion. – 2020. – Vol. 1, No. 2. – P. 1–75.

821. Tamanaha, B.Z. The Folly of the “Social Scientific” Concept of Legal Pluralism / B.Z. Tamanaha. – Text : electronic // Journal of Law and Society. – 1993. – Vol. 20, No. 2. – P. 192–217. – DOI: 10.2307/1410167.

822. The French Institutionalists : Maurice Hauriou, Georges Renard, Joseph T. Delos / Ed. by A. Broderick. – Cambridge : Harvard University Press, 1970. – 370 p. – Text : direct.

823. The Global Encyclopedia of Informality. Vol. 1, 2 / Ed. by Alena Ledeneva, Anna Bailey, Sheelagh Barron, Costanza Curro, Elizabeth Teague. – L. : UCL Press, 2018. – Text : direct.

824. Transitional Justice and the Former Soviet Union : Reviewing the Past, Looking toward the Future / ed. by Cynthia M. Horne and Lavinia Stan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 438 p. – Text : direct

825. Veitch, S. Legal Institutionalism / S. Veitch, E. Christodoulidis, M. Goldoni. – Text : direct // Jurisprudence : Themes and Concepts. – London ; New York : Routledge, 2018. – P. 290–298.

826. Węgliński, C.H. Maurice Hauriou’s Theory of the Institution : Legal Institutionalism and the Science of the State / C.H. Węgliński. – Text : electronic // Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społecznej. – 2022. – No. 32(3). – P. 88–102. – DOI: 10.36280/afpifs.2022.3.88.

827. Weinberger, O. Law, Institution and Legal Politics : Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy / O. Weinberger. – Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 1991. – 276 p. – Text : direct

828. Werth, P.W. Conformity and Defiance in a Religious Key / P.W. Werth. – Text : electronic // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. – 2016. – Vol. 17, No. 4. – P. 869–896. – DOI: 0.1353/KRI.2016.0052.

829. Wilde de, M. The Dark Side of Institutionalism : Carl Schmitt Reading Santi Romano / M. de Wilde. – Text : direct // Ethics & Global Politics. – 2018. – Vol. 11, issue 2. – P. 12–24.

830. Xenofontov, I. The Situation of Monastic Houses in Soviet Moldova / I. Xenofontov. – Text : direct // Annales Universitatis Apulensis. Series Historica. Special Issue. – 2024. – Vol. 28. – P. 93–104.

831. Zanetti, G. Social Pluralism, Efficacy and Equality : Rethinking The Legal Order by Santi Romano / G. Zanetti. – Text : direct // Equality and Vulnerability in the Context of Italian Political Philosophy. Studies in the History of Law and Justice. Vol. 26. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – P. 89–96.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Фрагмент рапорта архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) патриарху Алексию I. 12 мая 1959 г.[1334]

Алексий I – Г.Г. Карпову.12 мая 1959 г. Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров Союза ССР Георгию Григорьевичу Карпову

Архиепископ Симферопольский Лука представил мне рапорт, в котором возбуждает следующие вопросы (…):

1. Имеет ли право уполномоченный уступать часть своих полномочий по церковным делам райсоветам и сельсоветам и этим создавать возможность их вмешательства во внутренние дела Церкви?

2. Закономерно ли со стороны сельсоветов и райсоветов требование представлять им список двадцатки и протоколы собраний двадцатки и Центрального совета? (с. Октябрьское, секретарь Твердохлебова).

3. Имеет ли сельсовет право требовать от священников, чтобы даже на неотложные напутствия и требы они выезжали не иначе как с предварительного разрешения Сельсовета? (с. Октябрьское.)

4. Правильно ли со стороны уполномоченного вызывать не подчинившегося этим требованиям священника и называть его действия «неподчинением Советской Власти»?

5. Закономерно ли со стороны рай, или сельсоветов вызывать членов двадцатки и настоятельно предлагать им выписаться из двадцатки? (с. Садовое, Октябрьское, Найденовка)

6. Законно ли запугивать пенсионеров – членов двадцатки лишением их пенсии в случае невыхода их из двадцатки? (с. Красногвардейское)

[1334] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 72. Л. 156–159. Цит. по : Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2009. С. 252–255.

7. Удобно ли уполномоченному, приезжая в село, вызывать членов двадцатки группами и предлагать им поскорее выписаться из двадцатки, чтобы

не пришлось платить, ибо они отвечают «головой своей» и имуществом своим за неисполнение ремонтов и недостачу имущества Церкви? (с. Садовое, Найденовка)

8. Закономерно ли было ставить вопрос о закрытии молитвенного дома с. Садового на обсуждение по бригадам двух совхозов, при котором даже часть молодежи возражала против закрытия церкви «для матерей»? (Так было в с. Садовом)

9. Когда после проведения подобных мероприятий несколько членов двадцатки, напуганных перспективой платежа и обеспокоенных самими вызовами в сельсовет, выписались из двадцатки, законно ли было со стороны уполномоченного считать двадцатку уже несуществующей, а церковь, подлежащей поэтому закрытию, и препятствовать пополнению двадцатки новыми людьми, подавшими письменное заявление о вступлении в двадцатку? (с. Садовое)

10. Когда по договоренности с уполномоченным проведено, наконец, собрание двадцатки, и влилось в прежнюю двадцатку свыше сорока новых членов, закономерно ли со стороны уполномоченного настаивать на закрытии церкви, не признавая этого собрания на том основании, что оно было начато без предварительной явки командированного для проведения собрания священника в сельсовет? (с. Садовое, где в самом начале собрание двадцатки было прервано посланными с[ельского] с[овета], явившимся звать священника и старосту в сельсовет, где священник и получил разрешение на продолжение собрания от секретаря сельсовета Батяева).

11. Предоставление уполномоченным права участия в решении церковных дел пришлось очень по вкусу председателю сельсовета в деревне Чистенькой – Титову, и он решил закрыть церковь в этой деревне и потребовал от псаломщика Капли (он же староста), оставления многолетней службы в этой церкви, угрожая ему, что за неподчинение этому требованию дочь Капли, двадцать лет

учительствующая в д. Чистенькой, будет уволена со службы, эта угроза подействовала на Каплю, и он оставил службу в церкви, но заместителя ему удалось найти.

12. Имел ли право врач Будаева М.П., явившись рано утром в церковь, запретить священнику совершение богослужений, ссылаясь на эпидемию гриппа? (с. Чистенькая, где св[ященник] Гречаный ответил, что подчиняется только приказам архиепископа и уполномоченного и дал врачу № моего телефона. Я запросил облздравотдел и получил ответ, что ни в одной из церквей Крыма богослужений запрещено не было. Когда врач Будаева запрещала священнику богослужение, в селе продолжали функционировать школа, клуб и кино.

13. Имел ли право уполномоченный, вызвав священника с. Чистенькой Гречаного, утверждать, что он обязан был подчиниться требованию врача, ибо «врачу и министры подчиняются»?

14. Прав ли Уполномоченный, называя неподчинение священника самочинным действиям врача «неподчинением советской власти»?

15. Нет ли у уполномоченного А.С. Гуськова смешения двух различных понятий: неподчинения советской власти и неподчинения требованиям отдельных советских работников?

16. Насколько удобно подобное смешение понятий в устах Уполномоченного?

17. Не умаляет ли престиж Уполномоченного в глазах верующих, если, давши устное и письменное согласие на расширение молитвенного дома в Алупке, он, когда уже готова смета, отказывается от своего согласия на увеличение здания?

18. Допускается ли положение уполномоченного по делам Православной Церкви в ответ на настойчивые убеждения настоятеля все-таки разрешить увеличение молитвенного дома, угрожать ему тюрьмой и ссылкой, если он не оставит этой мысли? (гор. Алупка, настоятель молитв[енного] дома прот[оиерей] Соболев.)

19. Как объяснить тот факт, когда молитвенный дом Алупки признан аварийным, и предстоит огромный ремонт для предохранения его от оползня, так что будут разбираться почти до основания некоторые стены его, уполномоченный не только категорически запрещает даже малейшее увеличение площади, крайне тесного и душного молитвенного дома, но запрещает даже поднятие потолка?

20. Разве не следовало бы уполномоченному проявить заботу о народе, посещающем церковь, и дать людям возможность хотя бы не страдать от духоты?

21. Имеет ли право уполномоченный брать на себя функции финансового инспектора, объезжать церкви епархии и требовать от настоятелей представления ему сведений о причтовых и церковных доходах, о числе крещений, браков, молебнов, панихид и проч.? (В этом году налог всем священникам увеличен, некоторым в два и даже три раза против прошлогоднего.)

22. Имеет ли право уполномоченный настаивать на предварительном согласовании с ним назначений псаломщиков и регентов из других епархий?

23. Законно ли требование уполномоченного не проводить собрание двадцатки без извещения его о дне и часе собрания? По опыту нам известно, что это ведет к запрещению собрания, пополняющего состав двадцатки (с. Чистенькая.)

24. Допустимо ли вето уполномоченного на поручение епископа свободному священнику своей епархии на короткое время заместить заболевшего тяжелым гриппом священника?

25. Нередко мы испытываем большие затруднения в церковных делах, в которых требуется участие уполномоченного, вследствие его частных отъездов на различные сроки, достигающие десяти дней.

Вашего святейшества смиренный послушник и всегдашний Богомолец (подпись) Архиепископ Лука».

Настоящий рапорт а[рхиепископа] Луки представляю на Ваше усмотрение.

П[атриарх] Алексий

Помета: В дело архиепископа Луки. Это копия снята с бумаг, приложенных к журналу Синода от 21.5.59 № 12.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Таблицы и диаграммы

Таблица 2.1 – Общее количество храмов, действовавших на территории СССР (1941–1988 гг.)

Год	Количество храмов	Источник / примечание
1941	3 732	Из них ~3 350 – на присоединенных территориях[1335]
1943	~9 829	~6 500 на оккупированных территориях; ~3 329 на остальной территории
1944	8 809	Совет по делам РПЦ
1945	10 243	Рост связан с освобождением территорий СССР
1946	10 547	
1948	14 329	С учетом перевода в православие униатских приходов западных территорий
1949	14 447	
1952	13 786	
1960	13 008	Старт хрущевской кампании
1967	7 480	
1970	7 338	
1988	6 893	Поместный собор РПЦ

Таблица 2.2 – Коллективные ходатайства об открытии церквей (1944–1947 гг.)

Год	Подано ходатайств (шт.)	Заявлено церквей (шт.)	Удовлетворено (открыто)	Процент удовлетворения
1944	6 629	2 704	207	≈ 3,1 %
1945	5 986	1 585	509	≈ 8,5 %
1946	5 002	1 150	369	≈ 7,4 %
1947	3 072	559	185	≈ 6,0 %
Итого:	**20 689**	**5 998**	**1 270**	**≈ 6,1 %**

[1335] Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия и др.

Таблица 2.3 – Динамика численности монастырей в СССР в 1940–1985 гг.

Год	**Количество монастырей**
1940	64
1946	104
1947	85
1952	62
1965	41
1967	28
1985	16

Таблица 2.4 – Общее количество священнослужителей в 1948–1988 гг.

Год	**Количество, чел.**
1948	13 104
1949	13 483
1980	9 212
1983	9 660
1988	7 397

Таблица 2.5 – Общее количество священников и диаконов в 1961–1974 гг.

Год	**Количество, чел.**
1961	9 061
1967	7 347
1971	6 852
1974	6 588

Таблица 2.6 – Основные показатели церковной инфраструктуры в 1917–1988 гг.

Кол-во	**1917**	**1947–1948**	**1988**
Приходы	Нет данных	Нет данных	6 893
Храмы	77 767	14 329	Нет данных
Епархии	67	Нет данных	67
Монастыри	1 025	85	22
Священнослужители	68–70 000	13 104	7 397
Духовные академии	4	2	2
Семинарии	57	8	3

Составлено по: Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Второй Ватиканский собор : факты, события, документы. М. : Лепта, 2004. С. 118; Владимир (Сабодан), митр. Жизнь и деятельность Русской православной церкви (1971–1988): доклад // Поместный собор Русской православной церкви (6–9 июня 1988 г.): материалы. М., 1990. С. 230; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2008. С. 166.

Рисунок 2.1 – Динамика численности действовавших православных храмов на территории СССР в 1941–1988 гг.